

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев,
Самуил Лурье, Владимир Мау, Андрей Медушевский,
Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух,
Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Екатерина Гениева (заместитель Главного редактора,
куратор раздела иностранной литературы)
Людмила Захарова (главный бухгалтер)
Андрей Колесников (раздел «социум»)
Алла Язкова (международная политика)
Владимир Кантор (философия, история)
Елена Мокеева (макет)
Юлия Баклакова (корректор)
Григорий Ярошенко (фотопроекты)
Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London)
Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Ирина Буйлова, Александр Gladkov, Николай Головнин,
Андрей Нечаев, Александр Петров, Сергей Приходько,
Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Яков Уринсон
Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Париж),
Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке и в сотрудничестве с Фондом Егора Гайдара; при участии Института экономической политики (Институт Гайдара), Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ № 38-39

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

- © «Вестник Европы» XXXVIII-XXXIX, 2014 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Заказ . Отпечатано в ППП «Типография "Наука"». 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXXVIII-XXXIX год 2014

ЛИТЕРАТУРА

русские & американцы

- 151 **Андрей Грицман** («Интерпоэзия», Нью-Йорк), в беседе с *Аленой Бондаревой*. «Поэзия — вербальное искусство»
- 160 **Кармен Фиран**. Сущность слов
- 165 **Григорий Марк**. Четыре Времени Ветра
- 174 **Владимир Гандельсман**. Девушка и смерть
- 178 **Бэррон Уормсер**. Поэзия и американский менталитет
- 181 **Владимир Друк**. Англетер
- 183 **Григорий Стариковский**. Кевин. 5 рассказов
- 194 **Александр Стесин**. Стихи
- 198 **Ольга Исаева**. Антошка Петрова, Советский Союз
- 206 **Наталья Резник**. Бруклинская больница
- 211 **Андрей Грицман**. Стихи

италия

- 214 **Мария Луиза Спацiani**. Вдова Гольдони. Пьеса в одном действии. Перевод с итальянского *Александра Сергиевского*
- 224 **Александр Сергиевский**. О Марии Луизе Спацiani

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, ЭТИКА, РЕЛИГИЯ

- 227 **Дмитрий Орешкин**. Зигзаги идеологии
- 241 **Василий Щукин** (Краков). Тесная колыбель европейской свободы
- 250 **Владимир Кантор**. Христианский либерализм в России, или: Почему либералы все-таки не победили?

КУЛЬТУРА

- 263 **Наталья Исаева**. Ярмарка закончилась — шарманщик устал... Авиньонский фестиваль
- 270 **Игорь Клех**. По Днепру. Movie river

музей

- 286 **Ольга Аверьянова**. Дом Джорджа Истмена. (Международный музей фотографии и фильма «Дом Джорджа Истмена»)
- 298 **Алексей Жеребин**. Утопия австрийского модерна
- 307 **Екатерина Чура**. «Посмотрите на их Мадонн!» Прерафаэлиты и прерафаэлитизм

библиотека «вестника европы»

- 317 **Архитектор свободы**. Книги, поступившие в редакцию

хроника

320

artes

- 326 **Фотопроект: Дмитрий Зверев**

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

политика и общество

- 4 **Виктор Мироненко**. Россия и Украина. Утраченные иллюзии и упущенные возможности
- 18 **Виктор Ярошенко**. Полет над страхом. Письма из редакции
- 24 **Алла Амелина**. Фракция и судьба. Воспоминания депутата. 20 лет Государственной Думе
- 40 **Александр Рубцов**. Сумма легитимности
- 53 **Андрей Колесников**. Приключения общественного сознания: фантомные боли СССР

экономика

- 58 5-й Гайдаровский форум 2014. Обзор
- 72 **Андрей Нечаев**. Размышления о бюджете
- 78 **Алексей Кудрин**. Берлинский доклад
- 82 **Яков Уринсон**. На океанских волнах. Россия в мировом кризисе

свободный университет Егора Гайдара

- 91 Пенсионные войны. Дискуссия *Е. Гурвича, В. Назарова, А. Табаха*
- 105 **Марк Харрисон**. Спотыкающийся медведь, парящий дракон: мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути?
- 114 **Пол Грегори**. Почему развалилась советская экономика
- 123 **Егор Гайдар** о крахе СССР. Авторская презентация книги «Гибель Империи»

международный раздел. обозрение

- 139 **Ксения Власова**. Новая политическая география Европейского Союза (европейские эксперты о кризисе в ЕС)
- 145 **Алла Язькова**. Восточное партнерство

© Фото: Д. Зверев

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И УКРАИНА

утраченные
иллюзии
и упущенные
возможности

Виктор МИРОНЕНКО¹

“We rarely miss an opportunity to miss an opportunity”².

В последние месяцы, недели и дни, особенно после «неожиданного» отказа президента Украины В. Януковича подписать долго готовившееся и активно рекламировавшееся соглашение об ассоциации с ЕС на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе, российское медийное пространство вновь, как в 2004 году, заполнилось Украиной.

Особым разнообразием, однако, оно ни тогда, ни сейчас не отличалось. За редкими, а бы даже сказал, одинокими исключениями российские эксперты и СМИ транслировали одну точку зрения, совпадающую или очень близкую к официальной.

При этом описания перипетий в неравновесном политическом треугольнике Украина — Россия — ЕС весьма напоминали репортаж с футбольного матча. Евгений Киселев даже назвал счет — 5:0 в пользу России³. Киселев, как и большинство его коллег-журналистов, демонстрирует симптомы их профессиональной болезни — политической близорукости. Они видят факт, но не видят контекста. Политики же, как дети, часто заигрываются. Хорошо, если есть зрелое гражданское общество, настоящее сильное народное представительство и действительно свободные, ответственные и независимые СМИ, чтобы возвращать их к реальности. У нас всего этого пока, увы, почти нет.

Это говорится к тому, что все происходящее в Украине, не только в последние несколько месяцев, а в последние несколько лет, как минимум с 2004 года, вероятно, следовало бы рассматривать не только с точки зрения сегодняшнего дня, текущего, так сказать, момента. Это ведь не футбольный матч. А что, если попробовать взглянуть на них с большего исторического расстояния и в более широком политическом плане?

Политическая конфигурация и наполнение восточноевропейского пространства вот уже несколько столетий определяются в основном отношениями двух близких, но различных этносов — великороссов и малороссов, русских и украинцев. За два лишним десятилетия, прошедших после разрушения Советского Союза, отношения России и Украины в самом общем виде могут быть описаны известным английским выражением, вынесенным нами в эпиграф этой статьи.

У нас, русских и украинцев, как и у всех других народов, наряду с достоинствами имеются и недостатки. Будучи украинцем по отцу и русским по матери, знаю по себе, что мы, к сожалению, часто ленивы и нерасторопны. А как историк мне известно множество примеров незавершенных реформ в России — от патриарха Никона до генсека Горбачева. Мы всегда сначала откладываем дела, которые нужно было бы сделать, уговаривая себя, что спешить некуда, что Россия большая, жизнь долгая, пространства и времени на всё и на всех хватит. Но в какой-то момент, когда медлить уже невозможно, находим оправдание своей бездеятельности: мол, не стоило и браться за это дело, ибо оно слишком сложное, а для его осуществления у нас уже не остается вре-

мени. Вот почему ни одна из известных российских реформ так и не была доведена до конца. Да что там до конца, даже до первых результатов. Вот почему наше прошлое непредсказуемо, а впереди — почти всегда неизвестность.

Возможно, именно поэтому из нас часто получают неблагоприятные потомки и промотавшиеся предки. О грядущих поколениях мы, как правило, не думаем. Пусть, мол, они сами о себе беспокоятся! Вероятнее всего, именно так они и поступят. Куда же им будет деваться! Но я убежден, что, оглядываясь на наше относительно благополучное прошлое, на те экологические и геополитические вызовы времени и возможности для эволюционного рывка, которыми и мы сами, и новая российская элита пренебрегли, пожелав расслабиться (что, впрочем, вполне естественно после такого напряжения), наши дети и внуки все-таки вряд ли помянут нас, как писал Тарас Шевченко, «незлым тихим словом».

Говоря о вызовах и возможностях, с которыми столкнулось нынешнее поколение русских и украинцев, необходимо сделать поправку на уже потерянное нами время и происходящие в мире процессы. Среди них в первую очередь следует упомянуть проблему фундаментального перераспределения ресурсов и перемещения производительных сил. В первую очередь главную из них — людей, невиданное со времени «великого переселения народов». Это также первый действительно глобальный — за несколько тысячелетий — сдвиг полюсов политической силы и влияния.

Скажем прямо, на этом фоне российско-украинские отношения в том виде, в котором они предстают перед нами сегодня, являются не просто политической безответственностью или преступлением перед нынешним и будущими поколениями двух самых больших народов Восточной Европы. Сколько таких преступлений уже было в нашей истории! Ее, как подметил украинский писатель первой половины прошлого века Владимир Винниченко, вообще невозможно читать без брома. Нет, здесь мы, пожалуй, можем воскликнуть: «Это больше, чем преступление, это ошибка!»⁴

Отношение к этой проблеме обеих новых постсоветских, хотя правильнее было бы сказать, «постреволюционных» элит — российской и украинской, — есть, на наш взгляд, их самая большая политическая ошибка. Вообще, безотносительно направленности

и конкретных обстоятельств внутренней и внешней политики государственных администраций в обоих новых независимых государствах.

Тщательное, настолько, насколько позволяет документальная база⁵, наблюдение за российско-украинскими отношениями дает основания для того, чтобы попытаться ответить на вопрос: почему же так получилось?

Этот вопрос беспокоит не только нас. В России растет интерес к украинской проблематике. Так, например, второй год реализуется программа президиума РАН «Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины». В ее рамках в октябре 2012 г. в Москве прошла большая научно-практическая конференция⁶. Чуть ранее, в сентябре того же года, российско-украинские отношения обсуждались на специальной секции очередного конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) в Московском институте международных отношений (МГИМО (У) МИД РФ)⁷. Полезным и интересным было совместное исследование сравнительных преимуществ разных направлений экономической интеграции Украины, проведенное Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН и Институтом экономики и прогнозирования НАН Украины⁸. Хотя с методологией расчетов преимуществ и потерь предлагаемого варианта экономической интеграции хотелось бы познакомиться поближе.

Названные и некоторые другие научные изыскания в проблематике новых двусторонних российско-украинских отношений, при несомненных сильных сторонах, имеют один общий недостаток. Те, кто их осуществляет, а за ними и участники всевозможных дискуссий, оставляют за скобками их новейшую историю и современное состояние. Чаще всего речь идет о том, какими они должны быть, и очень редко — о том, какими они были.

Внимание российских ученых сосредоточено в основном на имеющихся возможностях и предпочтительных путях развития российско-украинских отношений. Это правильно, но если мы основательно не разберемся с тем, почему за двадцать с лишним прошедших лет их не удалось вывести на надлежащий уровень, мы рискуем «наступить на те же грабли». Как этого избежать? Именно в этом смысл предлагаемого читателям небольшого исторического экскурса в возникновение и развитие новых межгосударственных российско-украинских отношений.

РОДОВАЯ ТРАВМА

Прежде всего нужно обратить внимание на обстоятельства появления⁹ таких российско-украинских отношений, которые вполне можно было бы назвать межгосударственными и потому собственно политическими, а не административными, какими они были с некоторыми отклонениями в ту (политическую) или иную (административную) стороны, начиная как минимум с середины XVII века.

Изучение того, как они складывались примерно с весны 1989-го до конца 1991 года, говорит о том, что новейшие российско-украинские отношения получили травму уже при рождении. Нет, «роды», на первый взгляд, не выглядели ни долгими, ни тяжелыми. Они были разве что если не преждевременными (такое утверждение вызвало бы решительное и обоснованное возражение украинских коллег-историков), то, во всяком случае, неожиданными. Трудно отрицать то, что в начале «перестройки» в 1985–1988 гг. никто ни в СССР, ни в РСФСР (за исключением преследовавшихся властями диссидентов) даже помыслить не мог об их скором государственном разделении.

На тот момент утратила актуальность и некогда оживленная дискуссия в среде интеллектуальной украинской эмиграции о том, не будут ли российская и украинская революции, даже в той форме, которую они в конечном счете приобрели (т.н. «реального социализма»), колыбелью современной украинской государственности? В том смысле, который вкладывал в это И. Лысяк-Рудницкий, писавший, что «Украинскую ССР можно лучше всего понять, рассматривая ее как воплощение компромисса между украинским национализмом и российским централизмом — разумеется, не в смысле формального соглашения, возникшего на основе переговоров, а скорее как проявление фактического равновесия антагонистических общественных сил, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы утвердиться полностью»¹⁰. Этот вопрос, несмотря на все усилия украинской эмиграции в США и Канаде, к интересующему нас времени был снят с повестки дня окончательно, как неактуальный в новых условиях.

НЕЖДАНАЯ СУВЕРЕННОСТЬ

В чем же была причина очевидных патологий? Дело в том, что у колыбели этих новых отношений стояли новые российская и украинская республиканские политические элиты, которые возникли после выбо-

ров органов представительной власти РСФСР и СССР в 1990 году. Как выяснилось впоследствии, этого «нежданного ребенка» — украинское национальное и новое (без Украины) Российское государство — они представляли себе совершенно по-разному. Их представления об этом не просто не совпадали, а, как очень скоро выяснилось, были диаметрально противоположными во всем: генеалогии, месте в мировом сообществе нации, перспективе развития и т.д.

Если отбросить сделанные *post factum* утверждения относительно авторства новейшей идеи украинского государственного суверенитета, представляющиеся нам сомнительными¹¹, **государственное отделение Украины от России стало неожиданным следствием общего социально-экономического кризиса и событий, происходивших в союзной и российской столице — Москве.**

Можно, конечно, «подверстать» какие-то события в прошлом и некоторые политически плохо очерченные реминисценции украиноязычной интеллигенции (постаревших «шестидесятников») под уже известную развязку, что, собственно, украинские авторы часто и делают. И все-таки это была *нежданная суверенизация*. А для Компартии Украины, которая вплоть до ее временного запрещения в 1991 г. все же удерживала основные рычаги государственного управления в Киеве и в большинстве регионов, — даже вынужденная. При внимательном изучении документов и событий того времени невозможно не увидеть, что новая российская республиканская политическая элита (часть старой партийной номенклатуры с Б. Ельциным во главе), Межрегиональная депутатская группа, «Демократическая Россия» и, с другой стороны, Компартия Российской Федерации во главе с И. Полосковым, добивавшаяся от КПСС права на самостоятельное существование с большей частью партийного имущества¹³, — буквально вытолкала СССР из какого-либо сущего на тот момент и вообще теоретически мыслимого межгосударственного объединения. Что и произошло после известных августовских событий 1991 года.

Так что нарекания на извечный украинский сепаратизм, «мазепинство» не совсем искренни. И стоит ли в этой связи удивляться тому, что вся украинская элита — и «проевропейская», и «про-российская» — не верит в искренность намерений и призывов российской? Она ожидает обмана и готова обманывать сама.

Думая о том, почему все так складывается, нужно иметь в виду последовательность тех событий, о

которой часто забывают. 12 июня 1990 г. первый Съезд народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР. После этого, 28 июня 1990 г., в Верховном Совете Украинской Советской Социалистической Республики началось обсуждение аналогичного документа, который был принят через месяц после российского — 16 июля 1990 года¹⁴. Но «после» отнюдь не означает вследствие. Это, действительно, так. Однако присутствовали и другие обстоятельства, которых не замечают или сознательно избегают упоминать российские исследователи. Если бы они были чуть более внимательными, они легко бы заметили, что Украина как сообщество вовсе не отделялась от СССР.

Вспомним результаты весеннего референдума 1991 года. Участие в нем приняли 83,5% человек, проживавших на тот момент в УССР. За сохранение Союза проголосовало тогда 70,2%, против — лишь 28%¹⁵. На альтернативный, а вернее, уточняющий вопрос, вынесенный украинским руководством и не отрицавший союзного государства в принципе, положительно ответили 80,2%, отрицательно — 18%¹⁶. Только в трех западных областях УССР 88,3%, отвечая на вопрос местного референдума, выступили фактически за роспуск Советского Союза, и легко понять — почему. Там еще были свежи воспоминания о том, как эти области «воссоединялись» с УССР в 1939 г. и как их освобождали в 1945–1953 годах.

«22,1 млн. жителей Украины (70,16% от общего числа явившихся на участки), — писал С. Рахманин, — высказались за сохранение “подретушированной” империи. Еще больше — 25,2 млн. (80,17%) — поддержали вступление своей республики в новый Союз. Эти результаты (кстати, неожиданные для самого Горбачева) дали повод сильно усомниться в стремлении УССР к реальному суверенитету»¹⁷. Оставляя на совести автора утверждение о коварных замыслах («подретушированная империя»), отметим: речь здесь идет о том, что результаты другого всеукраинского референдума — 1 декабря 1991 г., на которые так любят ссылаться и сторонники, и противники украинского государства, свидетельствуют о том, что Украина (как сообщество), а не отдельные социальные слои: диссиденты (скрытые или открытые), «номенклатура» или «элита» (как вам больше нравится) — сознательно отделялась вовсе не от СССР. Она отделялась от России,

которая к тому времени уже довольно ясно и явно показала, что не намерена считаться с интересами украинских «братьев».

Открытого непредвзятого взгляда на те события достаточно, чтобы понять, что пресловутый украинский «здравый смысл» («чуйка», как говорят в Украине) подсказал единственно правильное решение и указал на меньшее зло. А если это так, то стоит ли удивляться, что современные, в чем-то справедливые (и искренние, мы надеемся) нарекания на происшедшее разрушение Союзного государства, как на самую большую трагедию прошлого века, даже вполне обоснованные призывы к реинтеграции не вызывают доверия со стороны украинцев?!

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН

Еще один важный аспект событий, которые тогда происходили и которого не замечают исследователи, состоит в последовательности шагов политической реформы в СССР. Союзно-республиканское двоевластие было заложено в ней с самого начала. Как все помнят, в «двухэтажный» союзный «парламент» (Съезд народных депутатов/ Верховный Совет СССР) благодаря значительному увеличению мест в нем и порядку его избрания поместился почти весь «высший эшелон» власти — первые лица союзной политической элиты. Через год, в 1990 г., состоялись выборы в представительные органы власти РСФСР и УССР. Произошел, так сказать, второй, дополнительный призыв в «большую политику». В основном в нее были призваны лица, представлявшие второй эшелон тогдашнего советского истеблишмента.

Неизбежным следствием этого должен был стать — и стал — раскол ранее сплоченной партийно-советской элиты как минимум по двум принципам. Во-первых, на тех, кто фактически распорядился всем, и на тех, кто стремился к этому. А во-вторых, как это часто бывало в новой и новейшей истории, соперничество элит сразу же приобрело национальную окраску. Борьба за реальную власть в «государстве рабочих и крестьян», не прекращавшаяся ни на один день внутри партийных комитетов всех уровней, между ними и исполкомами Советов, между союзным Центром и республиканскими органами власти и т.п., таким образом получила легитимность и институциональное оформление.

Далее произошло то, что только и могло произойти: избранные на первых за несколько десятилетий относительно свободных выборах народные

депутаты РСФСР и УССР, не денонсируя Договор об образовании Советского Союза 1922 года, фактически взяли на себя рычаги государственного управления, а затем провозгласили государственный суверенитет.

Историки будущего, скорее всего, назовут распад СССР самым удивительным событием XX века. «Империя зла», вооруженная до зубов, распространявшая свое влияние на половину мира, имевшая запас прочности, позволивший впоследствии новым элитам новых независимых государств, образовавшихся на ее развалинах, благополучно процветать более двадцати лет, — эта империя сдалась практически без боя. Сравним хотя бы распад Советского Союза и бывшей Югославии.

Великая русская революция умерла естественной смертью от старости, исчерпав свои объективные цели.

Удержать ее завоевания, ее позитивное содержание ни в России, ни в Украине не удалось. Внимание общества было сосредоточено лишь на одной стороне процесса — демократизации. Вне поля зрения оставалась другая его сторона — национализация, которая, помимо целого ряда объективно позитивных моментов, позволила просто перенести пороки, которые-то и вынудили начать реформы, с союзного на республиканский уровень. Сильные стороны старой системы были утрачены, а ее недостатки сохранены, спрятавшись за национальными цветами.

В 1990 г. российско-украинские отношения прокочили историческую развилку. Началось государственное разделение — переход к принципиально иному их качеству. Иному, новому не только по отношению к тому, как они складывались в XX веке в СССР, но и по отношению к тому, какими они были в более отдаленные времена, начиная самое позднее с конца XVII — начала XVIII века. Между тем, внутри обеих республик — в России значительно быстрее, чем в Украине, — шел процесс выхода республиканских политических (партийных), государственных, хозяйственных, культурных элит из-под контроля политического (партийного) и административного центра.

Они лихорадочно ищут и находят себе новых лидеров. Ими становятся Б. Ельцин и Л. Кравчук, которые, будучи очень похожи (оба считали себя не-

дооцененными в рамках предыдущей политической системы и обиженными ею), в свою очередь, быстро находят общий язык и начинают активно взаимодействовать. Заключенный 19 ноября 1990 г. в Киеве договор между РСФСР и УССР¹⁸ свидетельствует о согласованных действиях в борьбе с государственными органами СССР за властные полномочия. В тот период только это — наряду со схожими психическими характеристиками лидеров (и ничто более!) — объединяет обе республиканские политические элиты, делает их союзниками. На наш взгляд, ни упоминавшиеся декларации о государственном суверенитете, ни двустороннее соглашение, о котором идет речь, не содержат в себе никаких даже самых общих представлений о качестве и механизмах двусторонних отношений после разрушения союзного Центра. Они содержали лишь декларации и хорошо иллюстрировали пресловутый русский «авось» и украинское «побачимо».

Первенство в «параде суверенитетов» принадлежало не России или Украине. Открывали его, как известно, по вполне понятным причинам, Прибалтийские республики. Но провозглашение Российской Федерацией государственного суверенитета создавало принципиально новую политическую ситуацию. Последствия такого решения для российско-украинских отношений, которые неявно, но определенно были стержнем всей экономической и политической конструкции СССР, обеими республиками в расчет не принимались. Действия диктовались текущими событиями и изменчивыми политическими обстоятельствами в двух новых сообществах, которые начали складываться в Восточной Европе.

КУДА ОНА ДЕНЕТСЯ...

Теперь, много лет спустя, можно с уверенностью утверждать, что и М. Горбачев, и его политические оппоненты, сконцентрировавшиеся вокруг Б. Ельцина, переоценили прочность экономических связей вообще, и российско-украинских экономических в частности, достигнутый на тот момент уровень культурно-политического единства двух сообществ.

Оба центра сосредоточения властных полномочий, тогда боровшиеся друг с другом в Москве, были убеждены, что Украина «никуда не денется» и при любом результате этой борьбы послушно пойдет за победителем. Московские политики не обременяли себя изучением украинской ситуации и совершенно не понимали украинской специфики. Происходящие

в Украине события виделись им исключительно как зеркальное отражение и продолжение процессов, происходивших в Центре. Отчасти, конечно, так оно и было, но «сторонники Ельцина в походе против Горбачева, — писал А. Уткин, — как будто забыли о более широком историческом измерении, о более общей картине»¹⁹.

2 ноября 1991 г. Б. Ельцин на встрече с М. Горбачевым, по свидетельству Г. Шахназарова, на вопрос, намерен ли он согласовывать свои действия с другими республиками, ответил: «Обязательно... Я только решил их *придавить*: мол, не будете идти за Россией в реформах — мы будем вынуждены все делать без вас, и тогда на нас не обижайтесь, мы будем преследовать свои интересы. Так что на днях всё согласуем, деваться им некуда»²⁰.

М. Горбачев тогда еще надеялся опереться на Украину, где компартия контролировала ситуацию в борьбе с поднимавшим голову украинским национализмом и рассчитывала на поддержку Центра. Как попытку сделать это в условиях, когда партийные организации РСФСР и некоторые их представители в центральных партийных органах противопоставили себя реформам, можно рассматривать то, что избранный президентом СССР М. Горбачев решил передать союзный партийный штаб лидеру украинских коммунистов В. Ивашко. Но было уже поздно. И в РСФСР, и в УССР процесс зашел слишком далеко.

Применительно к интересующему нас вопросу большой интерес представляет поведение российского лидера. На наш взгляд, определялось оно уверенностью в том, что Украина привязана к Российской Федерации настолько прочно, что, решая главную задачу — перехват власти у союзного Центра, — об этом можно было не беспокоиться. Не беспокоило Б. Ельцина тогда и сохранение политического влияния России в Украине. Во всяком случае, никаких признаков такой обеспокоенности обнаружить не удастся — ни в документах, ни в высказываниях. Судя по всему, в тот момент этот вопрос для российского руководства либо вообще не стоял, либо ему придавалось второстепенное значение. Так, например, на заседании Госсовета СССР в Ново-Огареве 14 ноября 1991 г. Б. Ельцин заявил: «Готовя экономическое соглашение (с Украиной. — *ВМ.*), мы подсчитали, что в перерасчете на мировые цены двусторонних обязательств Украины и России разница в нашу пользу должна составлять 80 млрд долларов. Если Украина согласится войти в Союз, мы

можем об этом должке (!) забыть, если нет — пускай платит»²¹.

Существует множество свидетельств того, что начиная с июня–июля 1990 года, когда в обеих республиках были приняты декларации о государственном суверенитете, депутаты и государственные чиновники уже сориентировались на разрушение Советского Союза. Цели у них были разными, за исключением, пожалуй, одной, но самой важной — «конвертации» своего временного положения в системе государственной власти в нечто более постоянное и надежное — в собственность и капитал. Но и отличающиеся цели были недостижимы без разрушений. «Если Россия начала распад СССР, — писал украинский историк Г. Касьянов, — то Украина его закончила»²². Это бесспорный исторический факт.

Таким образом, то, что мы называем «родовой травмой», состоит не в том, что произошло государственное разделение России и Украины — оно было исторически обусловлено, — а в том, *как это произошло*: спонтанно, стихийно, без какой-либо попытки просчитать последствия действий хотя бы на ближайшую перспективу, составить хоть какую-нибудь самую плохонькую, как любят в последнее время называть свои планы политики и дипломаты, «дорожную карту».

Если бы у тогдашнего «политического класса» России было время и способность обдумать свои действия, можно было бы увидеть, что разрушение «до основания» всей формально уже межгосударственной структуры не являлось условием ни обретения Россией и Украиной полной политической субъектности, ни категорическим императивом их модернизации. Наоборот, как теперь уже хорошо видно, их быстрая и успешная модернизация была возможна только при условии сохранения достигнутого уровня экономической интеграции.

Собственно, неоднократные попытки вернуться на этот путь, и те, которые мы сейчас наблюдаем (СНГ, ЕврАзЭС, ТС, Евразийский союз), подтверждают, что политический зигзаг длиной в двадцать лет нужен был только для самоутверждения новых национальных элит. Таким образом, то, что произошло в 1990–1991 гг., ни в малейшей мере не отвечало объективным потребностям развития обеих стран, доминировавшим тогда европейским региональным («маастрихтский процесс») и глобальным («глобализация») трендам. Российская и украинская элиты и тогда, и сегодня с завидным упорством заставляли

и заставляют свои народы грести против течения. К такому же выводу, независимо друг от друга, пришли и западные эксперты (Бжезинский, Коэн, Рар и др.).

В этом главная причина того, что не только Украина, но и Россия за эти годы утратила большую часть своего политического веса на международной арене, не только в сравнении со временем, когда они выступали на ней вместе, но даже и с тем потенциалом, который они вместе имеют еще и сегодня.

ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ

Помимо описанной нами выше «родовой травмы», их нормальному развитию мешают несколько болезней, которые — с учетом молодости обоих государств в сравнении с развитыми государствами Запада и Востока — можно было бы назвать «детскими». В глаза сразу же бросаются три таких болезни: упрощенное детское восприятие сложности ситуации и путей выхода из нее, детская безответственность и по-детски искренний «эгоизм» элит.

Первая из них — упрощенное представление о современном обществе и управлении им. На прошедшей недавно конференции в Институте Европы А. Громыко заметил, что ход исторического процесса идет в направлении усложнения, а отнюдь не упрощения человеческих сообществ и управления ими. С сегодняшней точки зрения, с учетом нашего уже более чем двадцатилетнего опыта, хорошо видно, что обе новые элиты — российская и украинская — не имели адекватного представления о сущности и сложности задач, вставших перед обществом, ответом на которые и была «перестройка». Сложилась удивительная ситуация, когда в обоих обществах новая элита составлялась из людей, имевших некоторый опыт государственного управления, но считавших «перестройку» привычным ремонтом фасада, и идеалистов, такого опыта вовсе не имевших. Не представляли они себе и тех трудностей и препятствий, которые непременно встанут на сообще выбранного ими пути.

Они считали, что союзный Центр сознательно тормозил реформы по соображениям самосохранения и что реформы легче будет осуществить в каждой из республик отдельно. Насколько искренними были в этих своих убеждениях Ельцин, Кравчук и их окружение, сказать трудно, но их действия не оставляют сомнения в том, что именно ими они и руководствовались.

Примерно на таком же уровне воспринимался переход к гражданскому обществу, правовому де-

мократическому государству, рыночной социальной экономике и первым поколением украинских «суверенных» политиков.

Предупреждение, сделанное президентом США Дж. Бушем (старшим) летом 1991 г. во время его краткого визита в Киев, — о трудностях этого пути и опасностях, поджидающих на нем неопитов и не подготовленных к конкуренции экономики, не говоря уже о многочисленных обращениях М. Горбачева к гражданам Украины о том же, не произвели на новых украинских руководителей никакого впечатления. Журналисты быстренько окрестили речь Буша «котлетой по-киевски». Сегодня любой непредубежденный человек, оглядываясь на то, чем были Украина и Россия в начале того пути и чем они стали сейчас, признает без оговорок, что Буш и Горбачев тогда были правы. Применительно к Украине, для того чтобы это понять, вовсе даже не обязательно обращаться к упомянутой нами речи американского президента. Достаточно просто лучше знать собственное интеллектуальное наследие. Для этого вполне хватило бы внимательного прочтения произведений, например, Михаила Драгоманова.

Позднее о том же самом, применительно к внешней политике США, написал Збигнев Бжезинский. В 1991 г., за неделю до всеукраинского референдума он писал в одном из украинских журналов (то есть обращаясь к украинцам), что «Маастрихт и Киев бросают нам (США. — *ВМ.*) вызов в определении соответствующих достойных целей американской политики в Европе. Необходимо прямо сказать в этой связи: федеративное Европейское сообщество и Лига суверенных государств — вместо бывшего Советского Союза»²³.

СЛОЖНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Не послушавшись, а вскоре сделав в Вискулях шаг в диаметрально противоположном направлении, руководители независимых с этого момента государств — России и Украины — очутились перед задачей высшей категории сложности. Необходимо было разделить единый общественный организм на две неравные части; дать каждой из них недостающие органы; поделить совместно нажитое имущество; научиться наконец жить соседними, но разными, обособленными домами! Для проведения такой сверхсложной операции ни в России, ни в Украине не было ни условий, ни времени, ни опыта, ни кадров.

И успешной она просто не могла быть. Трудно было выбрать и менее подходящие внутренние (экономический кризис, коренная реорганизация отношений собственности и управления) и внешние (см. выше замечание 3. Бжезинского) условия, и менее подходящее время для государственного разделения России и Украины. Понимая это, авторы и защитники такой политики подавали ее как «вынужденную». Судя по всему, российская и украинская историографии приняли эту версию событий без всякой проверки. Мы не встречали исчерпывающей и убедительной аргументации в пользу такого объяснения ни у российских, ни у украинских историков, ни в политической публицистике. По-видимому, потому, что доказать наущенную необходимость будет очень трудно, если вообще возможно. Альтернативы есть всегда, были они и тогда, в конце 1991 года.

При внимательном рассмотрении событий всё выглядит так, что процесс разделения происходил стихийно, без всякого обдумывания, без плана и без контроля. Внутренне он был очень противоречивым, потому что одновременно с ним, параллельно ему происходило перераспределение собственности, властных полномочий, что предполагало почти полную замену способов и средств управления, и в первую очередь субсидиарности — делегированию властных полномочий на соответствующие уровни — хозяйственные и административные. А с другой стороны, в связи с отсутствием соответствующих правовых процессов и процедур, всякий вопрос межгосударственных российско-украинских отношений, число которых стремительно возрастало, мог быть решен почти исключительно на самом высоком президентском уровне. Но по этой же причине они откладывались, не разрешались месяцами и даже годами. А возникающие в этой связи прорехи в тонкой ткани новых межгосударственных отношений заполнялись демагогией. Каждая из сторон оправдывала свое бездействие неуступчивостью другой стороны.

Так, по поводу (возможно, самой острой и самой сложной, после «газовой» проблемы в российско-украинских отношениях — разделе Черноморского флота) министр обороны Украины Павел Лебедев в феврале 2013 г. заявил: «Соглашение по Черноморскому флоту было подписано восемнадцать лет тому назад, было создано более 80 рабочих групп и разных подкомиссий, но огромное количество текущих вопросов до сего дня так и не решены. Мое мнение таково: проблема эта отодвигается в глухой угол, не было желаний ее решать»²⁴.

Присмотревшись внимательнее, начинаешь понимать и алгоритм суверенного хозяйствования обеих новых политических элит. Россия явочным порядком, ничтоже сумняшеся забирала себе все властные полномочия союзного Центра. У украинцев в такой ситуации выбора не было, они вынуждены были «подбирать» на своей территории полномочия, выпавшие из рук Центра. Украина на тот момент не имела ни соответствующих инструментов (валюта, банковская система, законодательство и т.д.), ни опыта, ни кадров. Таким образом, первая «детская болезнь» новых российско-украинских отношений состояла в непозволительном для зрелой государственности и ответственной «взрослой» национальной элиты упрощении сложности задач. Это происходило в условиях перехода от директивной системы управления к рыночной и правовой. Общество требовало решения неотложных задач (и ему это было обещано), но при стихийном формировании новых отношений, которые уже никто не мог регулировать извне и которые должны были основываться на совершенно иных принципах.

Государственная граница, которая должна была возникнуть вследствие признания государственного суверенитета, резала по живому невообразимое число существовавших на тот момент личных человеческих, хозяйственных, культурных связей.

Другая, не менее тяжелая и опасная, болезнь проявлялась в том, что обе новые национальные политические элиты совсем по-детски неспособны были отвечать за последствия своих действий. Их алгоритм как по отношению к наследству СССР, так и внутри каждой из новых стран был очень простым: вижу, хочу, беру. Дезориентированный и дезорганизованный народ беспомощно наблюдал за великим переделом всего, что принадлежало ему, но было объявлено ничьим. Примерно те же правила, а точнее, отсутствие каких бы то ни было правил, были распространены и на международные отношения на постсоветском пространстве. Кто первый успел, кто был сильнее, у того и право, и правда. Россия имела больший политический вес, большую сырьевую и экономическую массу, и ее новые руководители отнюдь не колебались в использовании этих своих преимуществ.

Ельцин довольно афористично выразил этот принцип в Уфе 14 августа 1990 г.: «Возьмите столько власти, сколько сможете проглотить». Что ж, всё выглядит так, что и российская, и украинская респу-

бликанские политические элиты взяли значительно больше власти, «чем могли проглотить». Как во внутренней политике в обеих странах, так и в их отношениях дала себя знать неспособность сопоставлять свои сиюминутные интересы и действия со среднесрочными и долгосрочными их последствиями, неумение вписывать их в более широкий национальный и международный контексты. Этому еще предстояло научиться.

На наш взгляд, сказанного достаточно, чтобы составить общее представление о том, как на самом деле и почему возникла и осуществилась совершенно не отвечавшая национальным интересам обеих республик — российской и украинской — и интересам большинства живших в ней людей, идущая вразрез с доминировавшими глобальными и региональными трендами политическая альтернатива одномоментной полной суверенизации и государственного разделения России и Украины.

Реализовавшись в силу стечения обстоятельств, политическая альтернатива одномоментной полной суверенизации и государственного разделения России и Украины задала обеим странам нигде не пересекающиеся траектории «неразвития», паразитирования общества и элит на накопленном ранее экономическом потенциале. Двигаясь по ним, **Россия и Украина, судя по всему, разошлись настолько далеко, что при сохранении существующих условий — внешних и внутренних — возможность их взаимодействия в процессе модернизации в ближайшем обозримом будущем становится все более и более призрачной.**

Эта возможность может быть осознана только после полного исчерпания упомянутого остаточного потенциала или острого политического кризиса, потребует смены элит и концептуального переосмысления истории, современного состояния и целей межгосударственных российско-украинских отношений.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

В силу не до конца проясненных и поныне причин европейский процесс после Беловежской Пуши (1991 г.) и Маастрихта (1992 г.) пошел разнонаправленно: интеграция на Западе и дезинтеграция на Востоке.

Понятно, что при сохранении такого положения вещей он вполне может стать движением без всякой

цели. Перенесение «берлинской стены» на пару тысяч километров на восток и расширение ее до «санитарного кордона», включающего ряд стран Центральной и Восточной Европы, в том числе Украину, не решает ни одной европейской проблемы, а лишь умножает их число и откладывает их решение на неопределенное время, перекладывает его на будущие поколения европейцев.

Однако весьма невелика вероятность того, что, как мы уже отмечали применительно к нашей стране, они, эти новые поколения европейцев, будут иметь для этого столь благоприятные возможности, как те, которые сложились в мире и Европе в 1991 году — к моменту подписания Парижской хартии для новой Европы.

В хрупких, еще не устоявшихся отношениях России и Европейского Союза Украина с одинаковой вероятностью может стать и «пальмовой ветвью», и «яблоком раздора», может быть самым широким мостом и самой высокой стеной в Европе.

«Любые попытки выстроить украинское государство как антироссийский проект, использовать его в качестве санитарного или экономического кордона по отношению к России, или между Россией и Европой всегда оканчивались трагически — катастрофой и политическим крахом», — говорил на международной конференции в Москве в июне 2013 г. украинский историк и политик Д. Табачник. Но верна также и обратная формула — враждебная Украине Россия сама обрекает себя на утрату статуса великой державы.

Нет никаких гарантий от превращения территории Украины в пространство политического соперничества или даже в театр военных действий, как это только в прошлом веке было дважды: в годы Первой и Второй мировых войн.

Украина (впрочем, как и Россия) была, есть и будет частью Европы — как в географическом, историческом, так и в этническом и культурном отношениях. Поэтому, **когда речь идет о «европейском выборе» Украины, имеется в виду выбор политической модели.** Но как эти модели «лягут» на относительно слабый экономический и социальный украинский фундамент? Укрепить его можно со временем — в случае значительного ускорения эконо-

номического развития, что будет сделать довольно трудно без понимания и поддержки и тем более при противодействии со стороны российской администрации, без доступа к российским природным ресурсам и рынкам.

Как показывает приведенное мною высказывание украинского министра, в Украине это сознают. Но между осознанием и реализацией категорического императива сотрудничества с Россией стоит труднопроходимое препятствие. Россия рассматривает Украину как формально независимое государство, которое должно всегда следовать в фарватере российской внешней политики. За формальным признанием украинского государства стоит представление о нем как о политическом «симулякре». Мы бы определили это как концепцию ограниченного суверенитета: «вы суверенны в рамках, не задевающих наши интересы».

Но даже в той мере, в которой сам феномен политического влияния был осознан и воспринят в российском обществе и политическом классе как приемлемый способ воздействия на независимого партнера, это — применительно к Украине — представлялось величиной постоянной, определяемой природными ресурсами, силой исторической инерции и большей геополитической массой Российской Федерации.

В июне 2013 г. на конференции в Москве депутат Верховного Совета Украины А. Пышный, обращаясь к российским участникам, говорил: «Наши отношения характеризуются асимметричностью. Наши отношения характеризуются конфликтностью и непрозрачностью».

Принято считать, что Украина нуждается в этом больше России. Отчасти так оно и есть. Территория, ресурсы, политический вес в мире, военная мощь и т.п. имеют значение. Но если это так, то в этом случае и ответственность России за состояние двусторонних отношений должна быть гораздо большей.

Итак, у большинства проблем, отравлявших и продолжающих отравлять российско-украинские отношения после упразднения Советского Союза, есть весомые объективные основания. Но большинство из них за два прошедших десятилетия можно было решить, если бы не два больших «но» — российское и украинское.

Российское «но», как уже отмечалось выше, состояло в том, что государственная администрация Российской Федерации все это время вела себя так,

как будто ничего или почти ничего не произошло, и Советский Союз продолжает существовать. Украинское «но» — в том, что украинские политики делали вид, что СССР никогда не существовал и между ними и УНР-ЗУНР пролегло историческое безвременье.

Были, разумеется, и другие причины, среди которых можно назвать недооценку стремления украинской элиты обрести полную политическую самостоятельность, переоценку экономической зависимости Украины от России, нежелание видеть в Украине равного партнера и, возможно, более всего и в первую очередь — подмену политики влияния принуждением.

Вся Украина (а не отдельные ее регионы) уже никогда не согласится на второстепенные роли, на роль «младшей сестры», роль ведомого в каком бы то ни было новом объединительном проекте. Какие-то отдельные регионы, конкретные политические силы еще могли бы, но вся страна — вряд ли. Украина просто не может себе этого позволить. Такой большой государственный «корабль», как Украина, ни в чьем фарватере долго не удержится.

Поскольку главной движущей силой новой интеграции является все-таки Россия, участие или неучастие в этом проекте Украины зависит в первую очередь от характера, силы и направленности российского политического влияния.

Даже если в ближайшие годы интеграция с участием Украины не состоится, все равно трансформация политических систем в обеих странах, их экономическое развитие будут происходить при сильных взаимных влияниях. В экономике, например, как еще совсем недавно заявлял В. Путин, «уровень кооперации между российскими и украинскими производителями очень часто такой, что друг без друга они просто встанут, не будут существовать».

Важно также понимать, особенно в России, что эти взаимные влияния могут быть разными по силе, но они всегда будут равными по значению.

Самое трудное и самое нужное изменение, которого настоятельно требуют новые российско-украинские отношения и которое еще не произошло, состоит в том, чтобы придать им действительно равноправный характер, понять, что они одинаково важны для обеих стран и что они уже никогда не будут и не должны быть отношениями старшинства, зависимости или подчиненности.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Отказ президента Украины подписывать в Вильнюсе долго готовившееся соглашение об ассоциации с ЕС и об углубленной и расширенной зоне свободной торговли, последовавшие за этим драматические события и поиск выхода из внутреннего социально-экономического и политического кризиса в Украине и дипломатического тупика в отношениях России и ЕС, им усугубленного, пока что не позволяют делать надежные долгосрочные прогнозы, но дают возможность составить сценарии развития российско-украинских отношений на ближайшую перспективу.

Наиболее вероятными нам представляются следующие три.

Первый. Все останется, как есть. Россия будет пытаться оказывать нажим с целью принудить Украину следовать в фарватере ее политики и создать режим, совместимый с российским, для включения ее в те или иные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Украина будет лавировать между Россией и ЕС. Обе страны, как это и было в предыдущие годы, будут объективно сдерживать друг друга в попытках экономической и политической модернизации.

Второй. Украина окончательно сходит с политической орбиты России, возникает новая раздельная черта в Европе (теперь в Восточной). «Восточная Европа минус» (минус Европейская часть Российской Федерации, Беларусь и, скорее всего, Армения). Тогда ЕС и Украину в лучшем случае ожидает «холодный мир» с Россией, в худшем — новое издание «холодной войны».

Третий. Осознание тупика приведет к расширению контекста в рамках партнерства ЕС/Россия, Совета Европы, ОБСЕ или, возможно, через посредство какого-то нового формата. Начнется осмысление и разработка совместно с США и Канадой если не конфигурации Большой Европы, то хотя бы правил поведения, обеспечивающих на ближайшую перспективу минимальный стандарт безопасности и сотрудничества в Европе.

Очень обнадеживает упоминание в преамбуле проекта Соглашения об ассоциации Украины с Евро-союзом и Евроатомом «Парижской декларации для новой Европы» 1991 года. А также то направление

выхода Украины из кризиса, которое обозначилось с возобновлением работы Верховной Рады Украины 28 января с.г. и результаты «короткого» саммита Россия — ЕС в Брюсселе в тот же день. Особенно прозвучавшее из уст президента России предложение не вмешиваться во внутренние дела Украины, готовность оказывать ей посильную помощь независимо от того, кто победит в нынешнем противостоянии — власть или оппозиция, и создать зону свободной торговли между ЕС и формирующимся ЕАС.

Учитывая разницу экономического и военного потенциалов, я все-таки склонен возлагать основные надежды на Европейский Союз и, может быть, при определенных условиях, на Украину — как пример для подражания. В том, что касается собственно Украины, то экономические и политические последствия нужно рассматривать отдельно, причем и те и другие в двух вариантах — тактическом и стратегическом.

При любом развитии событий уже сейчас совершенно ясно, что российско-украинские отношения изменились, и изменились необратимо, хотя, как известно, история всегда оставляет шанс для возвращения на магистральный путь развития с проселочных дорог, на которые они сошли.

После Вильнюса продолжать двигаться в рамках постсоветской парадигмы как во внутренней, так и во внешней политике, в том числе в российско-украинских отношениях, стало невозможно. Потому что после Вильнюса был «Майдан независимости». Откладывать модернизацию институтов означает для обеих стран медленно превращаться в задворки Европы. Поиски сопряженной модернизации становятся категорическим императивом. А он, как известно, умеет прокладывать себе путь — независимо от наших желаний: крот истории хорошо роет.

Для Украины единственно мыслимым в сложившейся ситуации способом выйти из кризиса и резко ускориться в социально-экономическом развитии является использование «человеческого фактора» — высвобождение интеллектуального и производственного потенциала страны, максимально возможная либерализация. Успех или неудача Украины на этом пути окажут большое влияние и на Российскую Федерацию. Если Украине удастся переломить негативные тенденции в экономике и социальной

сфере, Россия, убедившись в этом, может пойти тем же путем, и кто знает, возможно, это вернет большому восточноевропейскому российско-украинскому тандему исторически принадлежащую ему доминирующую роль. Но это станет возможным только в том случае, если этот тандем возникнет и сделается лидером и двигателем экономической и политической модернизации в Восточной Европе.

В свою очередь, это станет реальным путем к преодолению давнего «большого» раскола Европы (Рим — Византия, католицизм — православие, ЕС и Россия), гомогенизации всего большого европейского пространства: географического (собственно Европа) и культурно-исторического (Северное полушарие и Австралия). Во всяком случае, надежда на это сохраняется, ибо никаких иных «обходных» путей развития для двух стран и их отношений, на наш взгляд, ныне просто не существует.

Примечания

¹ Мироненко Виктор Иванович — к.ист. н., в.н.с. Института Европы РАН, руководитель Центра украинских исследований ИЕ РАН, главный редактор журнала «Современная Европа».

² «Мы редко упускаем возможность упустить возможность» (англ.).

³ См.: Putin's Ryrhic Victory in Ukraine by Yevgeny Kiselev // The Moscow Times, December 2, 2013.

⁴ Высказывание приписывают председателю Законодательной комиссии Франции времен Наполеона Буле де ла Мэтру — в связи с казнью герцога Энгиенского. — *ВМ*.

⁵ К сожалению, в отличие от большинства демократических стран, основной объем информации о двусторонних отношениях недоступен для независимых исследователей, за исключением тех документов и статистической информации, которую власть сочтет выгодной для себя опубликовать. — *ВМ*.

⁶ Подробнее см.: <http://ukros.ru/> Пока эта статья готовилась к печати в ноябре 2013 г., состоялась и вторая конференция.

⁷ Подробнее см.: <http://risa.ru/> В ее организации и проведении большая заслуга президента Российской национальной ассоциации украинистов Галины Мирославовны Лесной и ректора МГИМО (У) МИД РФ академика Анатолия Васильевича Торкунова.

⁸ Подробнее см.: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=research/ref1>

⁹ Или «восстановление», на чем скорее всего будут настаивать украинские коллеги-историки, и что в данном случае не имеет принципиального значения. — *ВМ*.

¹⁰ Г.Г. Єфіменко. Більшовицький центр і Радянська Україна: економічні аспекти національної політики Кремля у 1917–1925 рр. Український історичний журнал. 2 / 2009. С. 96–97 / Лисяк-Рудницький І. Природа української радянської державності // Його ж. Історичні есе: У 2 т. — Т. 2. — К., 1994. С. 458.

¹¹ На это имели право разве что Иван Дзюба, Левко Лукьяненко, Тарас Черновол и еще несколько украинских диссидентов, которые заслуживают уважения за преданность своим убеждениям, но в тех условиях, независимо от того, что они сами о себе думали, они объективно имели минимальное влияние на ход событий в Украине.

¹² Например, выступление Ивана Драча на съезде писателей СССР в 1986 г. после Чернобыльской аварии.

¹³ Правда, как теперь видно, вожаки движения за образование Компартии Российской Федерации не имели никакой реальной политической программы и боролись скорее не за власть, а за место при ней, которое они и получили на руинах социального эксперимента, проводившегося коммунистами.

¹⁴ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 2; Декларация про державний суверенітет України від 16 липня 1990 р. Відомості Верховної Ради УРСР. — 1990 р. — № 31.

¹⁵ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). — Ф. 1. — Оп. 28. — Спр. 120. — Арк. 4.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Сергей Рахманин. Введение в референдум: краткий курс. Зеркало недели. 2006. 28 января — 3 февраля.

¹⁸ Україна — Росія, 1990–2000 рр.: Документи та матеріали / Редкол.: О.О. Чалий (відп. ред.), Г.В. Берденніков (голова) та ін. — К.: Юрінком Інтер, 2001. — 776 с.

¹⁹ Анатолий Уткин. 200 или 800 стран? Московские новости. № 25 (29.06 — 05.07.2007).

²⁰ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныева, Вадима Медведева, Гергия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 714.

²¹ В Политбюро ЦК КПСС... С. 723.

²² Касьянов Г. Україна 1991–2007: нариси новітньої історії. — К.: Наш час, 2008.

²³ Правда Украины. 30 ноября 1991 г.

²⁴ URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/02/23/p_2768717.shtml Последнее обращение — 23.02.2013

ПОЛЕТ НАД СТРАХОМ

1. _____

Январь 2014

В Украине противостояние режиму Януковича набирает силу. Не ослабевает Майдан, в регионах протестующие захватывают здания местной администрации; некоторые области уже объявили о неподчинении Киеву.

Гражданской войны не будет — пишут из Киева, — потому что нет глубокого противостояния внутри общества; мало кто станет биться за эту власть.

Одни обвиняют россиян в равнодушии к украинской драме; другие пеняют американцам и Европе за отсутствие реальной поддержки.

В политике события идут стремительно; дела двухмесячной давности — уже глубокая история. Через два месяца после встречи ЕС с лидерами стран «Восточного партнерства» в Вильнюсе, на которой Янукович неожиданно дал по тормозам, в Брюсселе прошел отложенный из за взаимных неудовольствий 32-й саммит ЕС–Россия.

Усеченный саммит, однако, закончился безрезультатно. В дипломатии редко говорят прямо, слишком сложна и порой трудноопределима материя противоречивых интересов. Окольно, обиняками, косвенно, намеками и полунамеками иногда можно сказать гораздо больше.

Похоже, что Путин «по очкам» одержал дипломатическую победу. Правда, победа ли это, станет ясно только со временем. В прошлом остались, надо полагать, не самые умные заявления, что только суверенными странами — и никак не с третьими — «еврокомиссары» намерены обсуждать взаимные отношения. Теперь согласились: проблемы восточного партнерства следует обсуждать и с Россией.

Ж.-М. Баррозу: «Мы договорились, что нужно вести двусторонние консультации на уровне экспертов по соглашениям об ассоциации в рамках восточного партнёрства. На пресс-конференции президент ЕС Х. Ван Ромпей неожиданно для многих сказал еще конкретнее: «Что же касается соглашений об ассоциации, включая соглашения о свободной торговле между ЕС и партнерами — например, Молдовой или Грузией, или Украиной, то они **полностью совместимы** с существующими у России торговыми договорённостями с этими странами. Возможно **конструктивное взаимодействие таких договорённостей с Таможенным союзом, если будут соблюдаться правила ВТО и будет гарантирована свобода принятия решений**».

Похоже, что всерьез из-за Украины Евросоюз конфликтовать вовсе не хочет — разве только если Москва не принудит его к этому. Вспомнили даже Соглашение о Партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 года (базовый договор 1994 года, ратифицированный в 1997-м, срок действия которого уже семь лет как истёк). Нового же, всеобъемлющего соглашения обе стороны достичь пока не торопятся — из-за усилившихся сомнений в цивилизационном выборе России («Надо ли так уж сблизиться с этой упаднической Европой?» — у нас; и «Надо ли идти на поводу у этой авторитарной России?» — у них). На следующем саммите (который состоится летом в Сочи) может быть, о новом соглашении, пойдет речь, — сказал Баррозу (это было преподнесено как стимул: мол, если будете хорошо себя вести в украинском вопросе). Ж.-М. Баррозу терпеливо напомнил, что

«верховенство права — это тоже важный элемент наших взаимоотношений». Это, видимо, к тому, что в новой парадигме российской политики внутренние законы объявлены более важными, нежели международные соглашения.

По поводу главной путинской идеи о «создании единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока» Баррозу высказался довольно снисходительно: «Это может показаться мечтой, но мечты порой осуществляются». Поманил, но довольно неловко: «Для осуществления этих стратегических целей ключевым элементом является восточное партнёрство». Заверил: дескать, «партнёрство... преследует конкретные позитивные цели, с тем чтобы страны, наши соседи, стали более процветающими, чтобы их граждане жили лучше. А это может быть только на пользу другим нашим партнёрам и уж никак не может повредить России...» (Проблема в том, что Путин так не считает.)

Про Украину Баррозу под конец сказал: «Считаю, что в интересах России и ЕС содействовать стабилизации ситуации, опираясь на принципы правового государства, соблюдение прав человека, поскольку отсутствие закона, порядка и свободы никому не пойдет на пользу».

Путин, однако был на редкость миролюбив. Сказал, что **максимально откровенно** поговорили по ключевым вопросам двусторонней повестки дня. Сообщил, что здесь обсудить стратегические цели и задачи нашего взаимодействия, в том числе **перспективы создания единого экономического и гуманитарного пространства — от Лиссабона до Тихого океана**. Напомнил, что, «несмотря на неблагоприятную международную экономическую конъюнктуру, наш взаимный товарооборот продолжает расти. В позапрошлом году у нас была рекордная цифра товарооборота — 410 миллиардов долларов. Я думаю, что по результатам 2013 года мы этот рекорд превзойдём».

Путин оперировал фактами: «Россия, как известно, — ведущий поставщик углеводородов на рынок Евросоюза: доля нашего газа в топливном балансе составляет 24 процента, нефти — 27 процентов... Россия и ЕС тесно взаимодействуют в инвестиционной сфере. Более 60 процентов российских зарубежных инвестиций приходится именно на страны Евросоюза, наши компании вложили в ЕС порядка 80 миллиардов долларов. В свою очередь, европейские компании — ведущие инвесторы в российскую эконо-

мику: объём их инвестиций составил 288 миллиардов долларов». С этим было трудно спорить. Похоже, президент РФ воспринимает европейскую риторику — о приоритете права, общечеловеческих ценностях, права человека, свободного рынка, о демократии.

Баррозу даже чуть приоткрылся из-под дипломатических доспехов: «Мы не можем делать вид, что всё в порядке, когда это не совсем так. ...Мы привержены поиску этих решений, но в то же время у нас разное понимание, разные концепции в том, что касается торговли, энергетики и т.д. У вас своё понимание, но наше понимание не дискриминационное...»

Путин в роли глобального реформатора, предлагал «ставить более крупные, более амбициозные задачи. Одна из них — сопряжение европейского и евразийского интеграционных процессов. Убеждён, между этими процессами нет абсолютно никаких противоречий. Обе интеграционные модели построены на схожих принципах и опираются на нормы Всемирной торговой организации и могли бы эффективно дополнить друг друга, способствовать росту взаимного товарообмена... **В качестве конкретной идеи мы предложили руководству Евросоюза изучить возможность формирования зоны свободной торговли между ЕС и создаваемым Россией, Белоруссией и Казахстаном Евразийским экономическим союзом**».

Конечно, В.В. Путин понимает, что прагматичные и погруженные в скучную конкретику партнеры вряд ли всерьез откликнутся на его захватывающие дух предложения: «Хотя реакция нам была заранее известна: ещё много проблем, которые нужно обсудить на экспертном уровне, на техническом уровне ещё много вопросов обсудить...» Это всё так, всё правильно, мы это понимаем, но думать об этом, мне кажется, можно уже сейчас».

И тут мы не можем не согласиться. «Вестник Европы» долгие годы, в сущности, ведет этот диалог. И было бы дальновидно расширять его на всех уровнях. Для нас идея Единой Европы — от Лиссабона до Тихого океана (а дальше — кольцо свободных демократий Северного полушария, важнейшей частью которого стала бы и Россия) — эту идею лелеял еще Егор Гайдар, и которую мы считаем ее не политической конъюнктурной, а исторически генеральной идеей. Но «широк русский человек», для европейцев — слишком широк. Не хватает у них воображения, никак они не могут представить себе единого пространства ни с «последним диктатором Европы», ни с опричны-

ми установлениями москвитов, ни с ханствами новых чингисидов, считающих либеральные ценности пагубным наваждением.

Может быть, поэтому так остро воспринимается драматическая ситуация в Украине, проходящей переломную стадию своего развития.

По поводу Украины Путин высказался однозначно: «Мы с нашими партнёрами на Украине, кто бы ни возглавил украинское правительство, будем продолжать вести диалог» (*kremlin.ru*).

Будущее Украины сейчас решается в самой Украине, в Киеве, а вовсе не в чужих столицах. Никому нет особого дела до украинской смуты. И пока никто слишком уж активно не вмешивается, не жаждут вмешаться и другие, понимая, что ни Европа, ни Россия, ни Америка не решат проблем украинской экономики. Равно как и украинской государственности. И не дай Бог никому слишком уж здесь активничать... Это дает огромный шанс украинскому народу переустроить свою государственность, свою конституцию так, как он сможет и понимает: в пользу ли усиления Верховной Рады или президентской власти. Проводить ли новые выборы по новой формуле; дать ли большую самостоятельность регионам для широкого местного самоуправления, что, как показывают события здесь, в отличие от России, работает.

* * *

«Да кто там в Европе Украину ждёт!?» — вот главный тезис противников евроинтеграции.

И банальное открытие, что некоторые «и там ровнее других», не столь уж оригинально, как может показаться. Да везде и всюду так оно и есть. Есть «отличники», а есть «двоечники». При каждом деле есть случайный мальчик, но этот факт не исключает того, что при каждом деле есть и мастер.

В Англии можно услышать нелицеприятное мнение о немцах или французах; в Чехии — о немцах, в Польше — о литовцах и т.д. Но строительство Европы — это огромная историческая задача, в которой без России никак не обойтись. В Европу? Да это здесь, в России, мы должны захотеть жить по законам, а не по произволу начальства, власть выбирать, а не принимать как судьбу; в судах судиться по-настоящему, а не получать заранее проплаченный приговор.

Конечно, цивилизационный выбор Украины и нас очень касается, потому что он опять ставит перед нами вопрос о цивилизационном выборе России. Этот вопрос стоял перед нами в начале 1990-х: куда мы пойдём и к каким целям? Но потом он «замыллился»,

исчез в двух Чеченских войнах и спорах про несовершенство либерализма.

А европейцы? Право, смешно на них обижаться. В каждом русском видеть татарина — их давняя привычка. Но что же тут обидного?

* * *

События конца 2013 года, развернувшиеся в Киеве, не могут не вызвать в памяти массовый протест против фальсификации выборов и третьего срока Путина, мощные выступления на Болотной площади и на проспекте Сахарова, незабываемое «Белое Кольцо», чувство единства двухлетней давности.

Мы смотрим на Майдан, на это море объединенных протестом людей. Печально, что кроме нелюбви к своей власти их объединяет нелюбовь к москалям. За это отдельное спасибо и нашим «кудесникам» телепропаганды.

Нам, уже все знающим, так жаль их, наивных. И чего мерзнут на морозе? Онищенко на них нет, позвал бы по домам. Мы-то понимаем, что ничего из этого толковища не получится, что все будет только гаже и хуже, власть и деньги договорятся, как всегда, за счет общества. Что они постараются отомстить по полной — за свой страх, свое унижение, свою немочь.

Пишут: наив! Кому они нужны в этой Европе, где полно безработных, где у молодежи нет перспектив, где только евробюрократы сливаются в объятиях, и то на фотографии, а на самом деле каждый за себя, за свою страну, свою партию, свою провинцию, за свою экономику, за свой лопающийся бюджет... Вы будете там третьесортными, кричат им, наивным, замерзающим на Майдане, а они упрямо орут: «Геть!»

Да не дадут вам там ничего! И на рынок труда не допустят, для своих-то работы никакой нет. И вообще в Европу — это химера, призрак, фата моргана, где были, там и останетесь. В Украине. Они наивные, а мы мудрые, мы сидим по домам.

Как мы завидуем им, не понимающим, что режим — это навсегда; что ярые депутаты — образцы нового Государственного стандарта для всех лояльных граждан. Завидуем им, не верящим, что народное стояние только тогда имеет смысл, когда наверху всё уже решили. Может, они даже знают это, но продолжают стоять. Но за что? Или против чего? Вообще-то понятно — против чего. И я думаю: понятно — за что. Смешно сказать: за то, что только так они чувствуют себя гражданами, от которых на века зависит судьба этой страны, этой родины, этой батькивщины прямо и непосредственно. Может, это и не так, но они

так чувствуют, а когда такое множество людей объединены единым чувством, порою случаются чудеса.

Как 21 августа 1991 года в Москве, когда захватчики власти просто сбежали.

У людей можно отнять очень многое, в том числе и жизнь; двадцатый век вдолбил нам эту истину даже в хромосомы. В них уже заложен этот страх.

Мудрец Григорий Соломонович Померанц, ушедший год назад, в «Записках гадкого утенка» написал, как он, хрупкий очкарик, и другие такие же, выживал на той большой и страшной войне в 41-м: оказывается, потому, что приходит «чувство полета над страхом».

Потому что в какой-то момент человек становится способен подчинить свой природный страх своему собственному, личному, выросшему из души мужеству. И это потом становится самым дорогим, что у него есть.

А. Пионтковский как-то написал, что нужен миллион людей на улице, чтобы все изменить. Майдан показывает, что и этого мало, нужно еще стечение множества обстоятельств, не считая лидеров. Но без полета над страхом — никак.

* * *

2. =====

Беспокоит, однако, вот что. И даже не некая нервическая атмосфера ГД, похожая на осатанелость; в пору экзорциста вызывать. Нервичность политического органа, законодательного и представительского, в некотором, широком смысле института, не есть физиологическая характеристика составляющих ее персон; нервическое состояние, или даже (если хотите), остервенелость, есть категория политическая, лучше всего отражающая ту неустойчивую политическую атмосферу, которая, как и в природе означает смену даже не погоды, даже не сезонов, а — смену времен.

Пытаясь верно угадать (или выполняя предписанный маневр), думцы-инициативщики наперебой предлагают провести одно утеснение за другим.

Вообще эта ГД запомнится, как никакая другая, запретительным законотворчеством, над которым еще долго придется ломать голову следующим составам парламента. Самые возбужденные (или самые пронизательные?) порой проговаривают даже и лишнее: что именно в прессе, в либеральных СМИ окопались истинные противники России; и неважно, какие у них тиражи, важно, что они вместе со своими

сотрудниками, авторами и читателями представляют собой целые сообщества по преимуществу подрывного направления.

Нового тут не много; за благонамеренным духом печати зорко следили и во времена Александра Христофоровича Бенкендорфа, и при Дубельте попечением не ослабли, сам Победоносцев был немало озабочен этим вопросом, и даже Петр Аркадьевич Столыпин не без подозрения смотрел в сторону либеральствующих изданий.

Присмотр за прессой (а теперь прежде всего — за телеканалами, Интернетом, социальными сетями) — дело в России классическое и как сказал бы Ленин, архиважное — даже важнее, может быть, и предстоящей в Сочи Олимпиады.

Всяческих угнетений прессе ждать не приходится; редакторы особенно в провинции, давно к ним привычны. Кошмарят, проверяют, наезжают, первым делом лишают помещений, аккредитаций, давят на провайдеров, типографчиков, рекламодателей, распространителей. Нагло присваивают себе функции цензуры, прокуратуры и суда, отключают, наплевав на все договоры и интересы потребителей, как недавно было с телеканалом «Дождь». Журналистов избивают, сажают за решетку, а самых упрямых и несгибаемых — просто убивают.

В принципе, нормальный парламент всегда должен защищать права прессы, поскольку исторически они вместе пытаются ограничить права и поползновения исполнительной власти, которая всегда стремится выйти за пределы собственной прерогативы.

В нашем же случае это вовсе не так, поскольку Госдуме трудно рассматривать как самостоятельную ветвь власти; ее хорошо обслуживают, а она хорошо обслуживает Администрацию Президента, так уж было прописано в ранние ельцинские годы. Тогда строители новой государственности это очевидное ограничение прав представительной власти считали временным и неизбежным на период формирования устоев новой, демократической России. Имелось в виду (что и тогда осуждалось многими), что реформаторская исполнительная власть (всенародно избранный президент и его правительство) должна иметь некоторую управу на консервативных депутатов.

Такое было не только в России; в Англии сначала был «Король в совете», потом, с XIV века — «Король в парламенте» — как обобщенное понятие легитимной законодательной власти.

У. Черчилль писал о начале английского парламентаризма:

«Фактические полномочия парламента очень трудно очертить. В широком смысле его согласие необходимо, чтобы санкционировать любой существенный акт власти: значимое изменение в древний обычай может внести только парламент; новый налог может быть введен исключительно с одобрения палаты общин. Что еще будет ему под силу — покажет время».

Но наша Государственная Дума и в нынешнем виде — очень серьезный институт, заслуживающий отнюдь не насмешек, а опасливого и внимательного отношения и общества и исполнительной власти. Они же нам законы дают, мы ведь о чем мечтаем — что когда-нибудь проснемся в правовом обществе. В правовом обществе, спросят нас, превыше всего что? Правильно, закон. И если вы хотите жить в правовом обществе (Хотим! Хотим!), будьте любезны эти законы соблюдать.

В последнее (и предпоследнее тоже) время мы видим, что исполнительная власть даже вынуждена охлаждать перегретый думский законодательный реактор, возвращать особенно пылкие законотворческие предложения. Нынешняя Дума так разогналась, что держать ее рядом будет трудно даже железной руке нашей верховной администрации.

3. =====

Вот еще что тревожит. Где теперь общепризнанные ученые авторитеты, так сказать, властители дум? Нет их. Есть даже люди, против памяти Лихачева, Солженицына, Сахарова высказывающиеся с ведром дегтя.

Все чаще говорят о том, что настоящие эксперты, высокие профессионалы, яркие личности вовсе и не нужны.

Так же часто и вполне публично говорят о том, что страну надо бы почистить (какой бы ужас это не означало) и что сто или двести тысяч изгнанников только бы оздоровили нашу атмосферу. Всё чаще умным и неуживчивым говорят: скатертью дорога! Катитесь, куда еще открыты границы и нет выездных овировских виз. Так что валите отсюда!

Тридцати-сорокалетние люди, слыша это, всё же не валят (да и куда валить-то?), но со всё большей тревогой думают о будущем — своем и своих детей. Если это умопомрачение чиншу станет политикой, может начаться самовозбуждающийся процесс, как в семидесятые, когда из страны происходил массовый исход евреев — успешных и неуспешных, богатых и бедных, образованных и не очень. Эти люди — два миллиона — уехали из СССР за несколько лет. Это именно они создали из Израиля одну из самых инновационных стран мира. Нам скажут, что сейчас для массового исхода интеллигенции (назовем так условно группу образованных и не лишенных гражданского чувства людей) нет другого Израиля. Нет, а если, не приведи Бог, появится? Европа, например (во что верится с трудом) примет такой акт? Или какая-нибудь Австралия?

Тогда этот поток, раз возникнув, может стать неудержимым, и Россия может остаться, как некоторые наши среднеазиатские соседи, без высококвалифицированного сословия. Как же быть тогда с пространством — от Лиссабона до Владивостока?

Виктор Ярошенко

«ВЫБОР РОССИИ»

как судьба парламентаризма в России
и одного отдельно взятого депутата

Алла АМЕЛИНА

Депутат Государственной думы в 1993–1995 гг.

Как у всех нас, история девяностых годов прошлого века неразрывно связана с моей личной историей. В 1993-м мой старший сын Максим работал в Москве. Узнав про те драматичные октябрьские события, я в первую очередь кинулась к телефону: чувствовала, что наследственная журналистская «железа» у него сработает и он непременно окажется где-то в эпицентре. И точно: друг, с которым они жили вместе на съемной квартире, сказал, что Максим взял видеокамеру и ушел снимать. «Не волнуйтесь, — говорит, — Макс недавно звонил, он на Смоленской площади». Ни фиги себе: «не волнуйтесь!» Напомню, что мобильных в ту пору ни у кого не было. Периодически набираю московский номер, чтобы вновь услышать: «Нет, еще не вернулся». И так — до утра 4-го... До сих пор не могу до конца досмотреть отснятый им тогда видеоматериал — наваливается пережитый ужас.

...Всё началось тогда, 3 октября 93-го.

На самом деле, конечно, гораздо раньше — в прошлое можно погружаться почти бесконечно долго, — но именно события той двадцатилетней давности осени сплелись в горячий клубок конституционного кризиса. Избранный еще при советской власти Верховный Совет РСФСР, апеллирующий к конституции не существующего более государства, всячески препятствовал жизненно необходимым реформам. Знаменитый указ Бориса Ельцина №1400, которым, вопреки укоренившемуся мифу, представительная власть не упразднялась, а предлагалась поэтапная политическая реформа. Поиски компромиссов, переговоры

в Даниловом монастыре. Штурм мэрии и Останкино, кровавый мятеж... Гордиев узел, который можно было только разрубить.

В моем родном Ростове-на-Дону (как, полагаю, и в других регионах) ситуация была примерно такой же, что и на федеральном уровне, только в соответствующих масштабах. Противостояние исполнительной и представительной ветвей власти нарастало и приобретало все более жесткие формы. Ростовский горсовет, депутатом которого я тогда была, открыто конфликтовал с мэром города и его реформаторской командой. А поскольку тогда, напомню, власть принадлежала Советам, то именно они становились реальным препятствием на пути реформ. Чем дальше — тем больше. Было все очевиднее, что в рамках действующего тогда законодательства конфликты неизбежны. Советы фактически изжили себя.

Поэтому ельцинский указ №1400 показался мне необычайно своевременным, разумным, позволяющим провести назревшую и перезревшую конституционную реформу поэтапно, без всяких эксцессов. Тем более что на апрельском референдуме граждане высказались за досрочные перевыборы народных депутатов. К тому времени я уже написала заявление о сложении с себя полномочий народного депутата горсовета. Было четкое ощущение, что оставаться в этом статусе просто непристойно и нечестно по отношению к своим избирателям. Не говоря уже о сохранении чувства собственного достоинства.

Когда я услышала призыв Егора Гайдара к москвичам собраться у здания Моссовета на Тверской для защиты демократии, испытала невероятное чувство... Радости? Облегчения? Надежды? Затрудняюсь даже описать тот клубок эмоций. Но вектор — сугубо позитивный: есть люди, которые готовы взять на себя ответственность за судьбу страны и противостоять тому «красно-коричневому» кошмару, который на нее надвигался. Для меня это тоже было очень личным переживанием, потому что жизни для себя и своих детей в стране победившего (не дай Бог!) фашизма я не представляла.

Именно тогда лозунг «Вся власть Советам!» сменился на противоположный — «Долой Советскую власть!» Под этим лозунгом и проходили в Ростове митинги в поддержку Бориса Ельцина. Я ходила на эти митинги с тревогой и надеждой — было понятно, что решается судьба страны, в том числе и в регионах. С тревогой, но и с радостью тоже. Чувства, конечно, противоречивые. Но на этих антисоветских акциях я так ярко и так остро ощущала единение со своими земляками. Это был по-настоящему мой город, с которым мы отлично понимали друг друга. Да, Ростов и в 93-м поддержал президента России. По данным опроса, проведенного осенью 1993-го независимой социологической службой «Агора», действия Бориса Ельцина поддержали 75 процентов ростовчан, а Хасбулатова и Руцкого — всего 3 процента. Цифры, кстати, совпали с данными фонда «Общественное мнение».

На октябрьских митингах выступал лидер демократических сил Дона Борис Титенко. Тихим интеллигентным голосом завлаба научного института он провозглашал: «Долой Советскую власть!» И это впечатляло. Тогда я еще и не предполагала, что всего три месяца спустя мы оба окажемся депутатами Госдумы РФ первого созыва, членами одной фракции — «Выбор России».

Теперь о том времени говорят как о «лихих девяностых», винят Ельцина и Гайдара во всех мыслимых и немыслимых грехах, будто не было того широкого народного движения, которое и позволило стране перешагнуть через коммунистическое прошлое. Вот как оно было.

«Выбор Дона» — «Выбор России»

«Гордиев узел» конституционного кризиса был разрублен решительными действиями Ельцина и его сторонников. Драматическая страница новейшей российской истории... Страна в мучительной

конвульсии расставалась с «последом» коммунистического режима — Советской властью. Фактически то был второй этап революции, свершившейся в августе 1991 года. Удалось избежать масштабной гражданской войны — теперь надо было заново строить политическую систему новой России: принимать новую конституцию, избирать новый парламент.

1 октября Б.Ельцин подписал указ № 1557 «Об утверждении Положения о выборах депутатов Государственной думы», а 16 октября уже состоялся учредительный съезд избирательного блока «Выбор России», в котором я имела честь принимать участие. Это было какое-то феерическое событие: органичное сочетание деловитости и содержательности с ощущением праздника. Мы были полны оптимизма...

Собственно, о намерении создать всероссийское объединение избирателей, высказавшихся в поддержку реформаторского курса президента и правительства, было заявлено еще в июне 1993 года. С этой целью в Москве, в Центре либерально-консервативной политики, были проведены консультации с представителями организаций демократической ориентации. В них, как сообщалось в информации пресс-центра Парламентской коалиции реформ, участвовали А.Яковлев, С.Филатов, Е.Гайдар, С.Ковалев, Б.Федоров, С.Золотухин, А.Козырев, А.Чубайс, П.Филиппов, А.Макаров, Г.Каспаров и многие другие известные государственные, политические и общественные деятели. Тогда же было предложено и название объединения — «Выбор России».

К осени в регионах уже были в основном сформированы местные отделения блока. В Ростове это был «Выбор Дона», объединивший все основные демократические организации области. Возглавил его председатель регионального отделения Республиканской партии РФ Борис Титенко. Донская коалиция, естественно, вошла в состав «Выбора России».

В заявлении о создании «Донского регионального блока реформистских сил «Выбора Дона» говорилось: «...мы стремимся содействовать становлению цивилизованных форм рыночного хозяйства, создающих всем гражданам равные условия для проявления личной инициативы и предприимчивости, гарантирующих достойный уровень жизни тем, кто не в состоянии обеспечить себя собственным трудом. Мы убеждены, что только на этой основе Россия может стать единым, сильным, уважаемым в мире демократическим государством».

Кстати сказать, в информации о заседании исполкома блока «Выбор России» от 3 июля 1993 года,

за подписью его председателя Е.Т.Гайдара, прямо сказано, что «блок «Выбор России» — это в первую очередь объединение избирателей в регионах. Именно на местах, а не в центре, будет определяться экономическая и политическая платформа блока».

В сентябре Е.Т.Гайдар побывал в Ростове, участвовал в учредительной конференции Донского регионального отделения Ассоциации приватизируемых и частных предприятий. Ситуация была уникальная: вылетел он к нам как директор Института экономических проблем переходного периода и лидер «Выбора России», а приземлился уже первым вице-премьером. Именно в тот день Б.Н.Ельцин подписал указ о его назначении.

Пусть сегодня кому-то это покажется странным, но для «гайдаровцев» его статус не был главным и определяющим фактором. Главным было то, что мы — единомышленники. Что имеем общий взгляд на будущее России и на пути к этому будущему. Что готовы участвовать и помогать по мере сил и возможностей. И в этом смысле «Выбор России» не был «проправительственной» политической силой. Какое-то время ему было по пути с властью.

В те времена я была человеком довольно аполитичным. Игорь Яковенко (будущий депутат от «Яблока»), проводивший в Ростовской области социологические исследования и привлекавший меня в качестве эксперта, поставил забавный «диагноз»: полная аполитичность при ярко выраженном латентном либерализме. Мне, как и многим сторонникам Гайдара, его реформы представлялись абсолютно соответствующими здравому смыслу, которые были единственно способны вывести Россию на путь свободы и демократии, вытащить страну из экономического провала.

Учредительный съезд «Выбора России»

Когда в Доме кинематографистов наконец собрался Учредительный съезд движения «Выбор России», внимание к нему в обществе было огромное. Достаточно сказать, что на съезд аккредитовалось 267 журналистов, 145 средств массовой информации, в том числе 54 зарубежных. Ясно было, это событие — знаковое для будущего России.

Однако не все проходило гладко. Вот что писал по этому поводу «Московский комсомолец» 16 октября 1993 года: «Ожидается, что на грядущем съезде возможно некоторое размежевание “двух китов демократии” — “Выбора России” и “Демократической

России”. Причину расхождений не следует искать только в амбициях активистов обоих движений. Скорее, в этом можно усмотреть веление времени. “Демократическая Россия” создавалась в конце 80-х годов на митинговой волне как структура, находящаяся в оппозиции к тогдашней власти. “Выбору России” — всего несколько месяцев, его лидеры были и есть у власти, они привыкли не критиковать чужеродную организацию, какой была для “ДемРосси” КПСС, а действовать реформы, а не только агитировать за них. ...Отсюда и разница в подходах и методах (при общей стратегической цели)».

Тем не менее компромиссный вариант был найден: во избежание раскола «Выбор России» был учрежден в двух ипостасях: как движение и как одноименный предвыборный блок движений и партий. Учредителями блока стали движения «Выбор России» и «Демократическая Россия», партия «Демократическая инициатива» и Крестьянская партия России. Эта заложенная двойственность потом станет причиной и многих расхождений.

На съезде был избран исполком блока из сорока человек, его председателем стал Е.Т.Гайдар.

Председателем политического движения «Выбор России» съезд выбрал С.А.Ковалева, первым заместителем — С.Н.Юшенкова.

Программную речь, с которой Е.Т.Гайдар выступил на съезде, надо, конечно, читать полностью. <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/3646>. В этом документе есть всё: анализ ситуации в политике и экономике, пути выхода из кризиса, «подводные камни» на этом пути. Многие грядущие проблемы Егор Тимурович уже тогда предвидел и прогнозировал.

В докладе этом содержатся действительно фундаментальные принципы строительства новой России. Сегодня кому-то они могут показаться общеизвестными истинами. Но тогда, 20 лет назад, это было очень ново и очень смело. Егор Тимурович любил говорить своим соратникам, что наши идеи и инициативы проходят три стадии: «этого не может быть», «в этом что-то есть» и «кто же этого не знает»...

Приведу лишь один фрагмент доклада. Обратите внимание: экономист до мозга костей, Гайдар тогда говорил о приоритете реформы государственности над реформами экономическими: «Если мы говорим о принципиальных проблемах, которые должен решить новый парламент, то в первую очередь это даже не

экономическая реформа, а реформа всей системы российской государственности. Именно потому, что у нас огромное, дорогое и вместе с тем нищее государство, у нас нет сегодня эффективного механизма управления и исполнения законов, у нас нет четких гарантий прав собственности, у нас очень высокие налоги и вместе с тем предельно неэффективная система социальной защиты. Реформа российской государственности, разгрузка государства от всего того, что оно не может и не должно делать в условиях рынка, — вот стержень, на мой взгляд, тех программных документов, которые представлены вам, того, что может и должен отстаивать наш блок «Выбор России».

...И в этой связи сегодня тот блок, который мы формируем, — это и есть партия того нового порядка, который единственно может быть создан сегодня в России — демократического и рыночного порядка, нового законодательства, которое надежно гарантирует права частной собственности».

На учредительном съезде была принята программа избирательного блока «Выбор России», с которой мы и пошли на выборы. Основные ее принципы известны: «Свобода, собственность, законность». Исчерпывающая триада. По-прежнему актуальная.

Помню, на съезде меня поразило, как живо, активно, даже бурно обсуждался этот документ. Его проект был действительно проектом, в который вносились изменения, дополнения, замечания. Шла напряженная интеллектуальная работа. Никаких «одобряем-с». Многостраничный документ штудировали буквально построчно. Программа была очень конкретная, по всем направлениям будущей работы будущей фракции в парламенте. Но основные ее принципы сформулированы в преамбуле:

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЛОК «ВЫБОР РОССИИ»

Программные принципы

Граждане, региональные отделения, политические партии и общественные организации, образовавшие избирательный блок «ВЫБОР РОССИИ», основывают свою программу на главном выборе большинства россиян, сделанном в августе 1991 и подтвержденном на референдуме в апреле 1993 года. Наш выбор не смогли отнять у нас в трагические дни октября 1993 года. Этот выбор — СВОБОДА.

Обретенное нами право свободно определять свою судьбу мы можем и должны использовать в общем деле созидания новой демократической России.

Основой и залогом процветания нашей Родины является СВОБЕННОСТЬ ее граждан — материальные, интеллектуальные и духовные ценности, создаваемые творческой энергией людей свободного труда.

Гарантом нашей свободы и нашей собственности должна стать сила закона — ЗАКОННОСТЬ, исключающая произвол властей и оберегающая наше основное право — быть свободными гражданами свободной России.

СВОБОДА, СОБСТВЕННОСТЬ, ЗАКОННОСТЬ — вот три ценности, лежащие в основе нашей политической концепции, практическая реализация которой позволит России занять достойное место среди мировых держав, а ее гражданам — стать подлинными хозяевами своей судьбы.

Кандидаты от блока «ВЫБОР РОССИИ» объединены общей целью — содействовать превращению России в страну демократическую, мирную, процветающую, гарантирующую гражданам права, собственность, личную безопасность и социальную защищенность. И эта цель — наш общий выбор, выбор всех граждан России.

Полностью программу можно прочитать в архивном разделе сайта Фонда Гайдара <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3647>

Думская команда Гайдара: первые шаги

В первый же день работы съезда, вечером, оргкомитет выработал принцип формирования федерального списка кандидатов в Госдуму от «Выбора России», обсудил его количественный состав и конкретные кандидатуры. Говорю об этом, чтобы еще раз подчеркнуть: решения действительно принимались именно на съезде и именно его делегатами. Тогда это было еще в новинку. Еще так свежи были в памяти совсем иные времена, точно отраженные в популярном анекдоте советских времен: что, мол, самый страшный человек в обкоме КПСС — это слесарь с отверткой: заседание бюро еще идет, а он табличку с двери уже свинчивает... Здесь все процедуры были прозрачны и предельно демократичны.

Съезд избрал верхнюю (общеземельную) часть списка кандидатов в Госдуму из 19 человек. Первоначально его возглавили Е.Гайдар, В.Шумейко и Э.Памфилова. Позже В.Шумейко снял свою кандидатуру в связи с решением баллотироваться в верхнюю палату Федерального Собрания РФ — Совет

Федерации. Освободившуюся вторую позицию занял С.Ковалев. Список формировался рейтинговым голосованием, открыто и гласно, «счетчики» ходили вдоль рядов и просто фиксировали поднятые мандаты. Я сидела с розданным списком кандидатов и от руки вписывала данные.

Кроме того, съезд проголосовал за «квоту Гайдара», предоставив ему право внести в список еще пятерых кандидатов по своему усмотрению. Ими стали П.Авен, А.Головков, Ю.Гусман, А.Мурашев, С.Юшенков.

Это и были первые шаги к формированию нашей фракции в Госдуме РФ первого созыва (мы фрондерски именовали этот созыв пятым, как бы ведя отсчет от дореволюционных). Старт дан, и теперь нам предстояла напряженная избирательная кампания в регионе.

Честно говоря, в мои планы не входило баллотироваться в депутаты Госдумы РФ. Ведь для этого надо было расстаться с любимой журналистской работой в любимой городской газете, которую после августа 1991 года нам удалось сделать самой популярной, «тиражистой» и реально независимой. Перевести политику из сферы интересов политического обозревателя в сферу профессиональную? Нет, я этого не хотела.

Но... Своим тихим голосом научного сотрудника закрытого института Борис Титенко задал только один вопрос: «А как же Россия?» И это решило всё. Скажете, звучит пафосно? Но тогда мы действительно так думали, так чувствовали. Дополнительные аргументы (стартовая известность как журналиста, опыт депутатской работы в Ростовском горсовете и пр.) были уже вторичны.

На выборы я шла как «независимый» депутат и уже тогда поняла всю эфемерность и иллюзорность этого понятия. Да, можно быть вне партий. Но как можно быть независимым от собственных взглядов, убеждений, политических симпатий и предпочтений? Поддержка «Выбором России» моей кандидатуры была для меня честью, но в то же время явлением закономерным — я же на самом деле их единомышленница. Поддержка эта «облагалась» условиями: в агитационных материалах должны быть базовые положения программы и символика блока. Но это совершенно не воспринималось как «обременение»: ведь так естественно — рассказывать избирателям о программе, ради реализации которой ты, собственно, и идешь в Госдуму.

Кампания была азартная, творческая, пассионарная. И команда подобралась дружная, «креативная»,

как сказали бы сегодня. Труднее всех было, конечно, Борису Титенко: он возглавлял и блок «Выбор Дона», и региональный список кандидатов, и штаб всей избирательной кампании в регионе. (Напомню, что в 1993 году 450 депутатов Госдумы избирались по смешанной системе: 225 человек — по спискам, 225 — по одномандатным округам).

Я баллотировалась по округу № 144, полностью расположенному на территории Ростова. Всего кандидатов по нему — 11 человек. Но то чувство единения с родным (в четвертом поколении!) городом, которое я испытала на осенних «антисоветских» митингах, не обмануло — ростовчане меня поддержали. Ближайший конкурент, «яблочник», получил голосов в два с половиной раза меньше. К тому же из всех одиннадцати кандидатов только мой результат превышал число проголосовавших «против всех», что по тем правилам было обязательным условием победы.

Словом, по итогам той избирательной кампании Ростовская область, традиционно входившая в «красный пояс», оказалась одним из немногих регионов, делегировавших во фракцию «Выбор России» Государственной думы РФ первого созыва двух депутатов.

Кто выиграл выборы 1993 года?

Между тем общероссийские итоги парламентских выборов повергли демократическое сообщество в шок. Многие, наверное, помнят ту телевизионную программу — «Политический Новый год». Результаты голосования транслировались в прямом эфире, и по мере появления новых цифр настроение в студии просто осязаемо падало, это чувствовалось даже по другую сторону экрана. Стремительно набирали проценты ЛДПР и КПРФ. Ожидаемой безусловной победы «Выбора России» не случилось. Именно тогда Юрий Карякин произнес легендарную фразу: «Россия, опомнись, ты сошла с ума!» И покинул студию. Программа прекратилась.

Каковы же были итоговые результаты? ЛДПР — 22,92%, «Выбор России» — 15,51%, КПРФ — 12,40%. Это было воспринято как катастрофа. И практически сразу сложился, а потом и укоренился миф о сокрушительном проигрыше «Выбора России».

Под этим мифом оказался погребенным **реальный результат гайдаровского блока, который сформировал в первой Госдуме самую крупную фракцию.**

По данным на 13 января 1993 года — день регистрации фракции «Выбор России» — в ее составе

насчитывалось 78 депутатов. В якобы «победившей» ЛДПР — 68. Эти цифры потом будут колебаться, но до начала 1995 года, когда был предпринят целенаправленный ее раскол, фракция «Выбор России» оставалась крупнейшей в Госдуме.

Такой результат был получен за счет так называемых «одномандатников» — депутатов, выигравших выборы в округах, а не по партийному списку. Таковых у «Выбора России» оказалось больше всех — 38 (в ЛДПР по округам прошло 5 человек)! 24 официальных кандидата блока, 11 — из списка поддержки и 3 присоединившихся в «ВР» уже после выборов.

В подавляющем большинстве это были действительно убежденные единомышленники Гайдара, составившие позже костяк партии «Демократический выбор России».

Каковы же истоки мифа о «проигрыше» демократов?

Прежде всего, наверное, завышенные ожидания. Тот же «Московский комсомолец» писал в октябре 1993 года: «Ожидается, что на выборах это объединение выступит лучше прочих (данные опроса, проведенного на днях ВЦИОМ, свидетельствуют: предвыборному блоку Гайдара отдают предпочтение). Несомненно, социологи сыграли здесь свою роль. Они ошиблись в предсказании не только победителей, но и в очередности партий на финише. Так, 2 декабря ВЦИОМ предсказывал решительную победу партии Гайдара (30%), второе место отводилось «Яблоку» (20%), третье — коммунистам и аграриям (6-8%). ЛДПР не упоминалась вовсе. Подобные примеры можно было бы приводить еще и еще, но мы лишь констатируем факт: завышенные ожидания относительно результатов «Выбора России» не в последнюю очередь базировались на данных социологов.

Безусловно, свою роль в более низком, чем ожидалось, результате сыграли объективные факторы. Это и определенная «усталость» населения от экономических реформ, которые не дали быстрого результата, и силовое подавление вооруженного мятежа 3-4 октября 1993 года, по поводу которого даже в демократическом лагере не было единства, и раздробленность политических сил, так или иначе поддерживающих курс Б.Ельцина.

Вот как «по горячим следам» оценивал итоги выборов 12 декабря 1993 года известный социолог и аналитик, ныне покойный Александр Собянин:

«Вопреки распространенному мнению результаты [выборов. — Ред.] 12 декабря не свидетельствуют об однозначном успехе сил, оппозиционных курсу демократических политических и экономических реформ. Подведенные ЦИК РФ официальные общие итоги голосования по проекту конституции и по общефедеральному избирательному округу по выборам в Государственную Думу свидетельствуют, что против проекта конституции и за три оппозиционные реформы избирательных объединений (Аграрная, Коммунистическая партии и ЛДПР) 12 декабря проголосовали 43,0% от общего числа граждан, опустивших действительные бюллетени. Последнее лишь на 3% больше доли избирателей, выразивших недоверие президенту и политике реформ на апрельском референдуме, и отнюдь не составляет большинства.»

Кажущаяся крупная неудача демократических сил определяется, в первую очередь, неожиданно малым процентом голосов, полученных блоком «Выбор России» и занятым им поэтому по партийным спискам вторым, а не первым местом. Вместе с тем второе, а не первое, ожидавшееся и предсказывавшееся всеми экспертами и аналитиками место «Выбора России» обусловлено, как показывает анализ, не столько неудачной агитационной кампанией блока, сколько распылением голосов демократической части электората среди вдвое большего числа избирательных объединений, чем у консервативной части избирателей. При этом важно иметь в виду, что с блоком «Выбор России» вели борьбу все остальные 12 избирательных объединений, тогда как сам блок «Выбор России» оппонировал, по существу, лишь двум-трем избирательным объединениям (КПРФ, «аграрникам», «Гражданскому союзу»). Наконец, три вышеупомянутых избирательных объединения (КПРФ, АПР и ЛДПР) четко распределили между собой «свою» часть электората: АПР боролась в основном за голоса сельских избирателей, КПРФ — за голоса оппозиционной части городского электората, а ЛДПР — за голоса избирателей, недовольных действиями как «старой», так и «новой» власти, — в то время как остальные объединения делили между собой голоса одной и той же — демократической — части электората.

Последнее обстоятельство и предопределило относительно малое число голосов, полученных каждым из этих объединений (ВР — 15,4%, ЯБЛ — 7,8%, ЖР — 8,1%, ПРЕС — 6,8%, ДПР — 5,5%, РДДР — 4,1% и т. д.), при их преобладающей доле в целом».

Как бы то ни было, «Выбор России» создал самую крупную фракцию в Госдуме РФ первого созыва. Но в массовом сознании укоренился миф о сокрушительном поражении, который имел очень долговременные последствия. Во всяком случае, он позволил Ельцину предложить пост премьера В.С. Черномырдину, а не — как ожидалось, — Е.Т.Гайдару.

Между тем общий расклад сил в нижней палате парламента оказался все же менее «внятным», нежели предполагалось. Сторонники реформ, вопреки ожиданиям, не составляли решающего большинства. Именно в этих непростых условиях «Выбор России» приступил к своей главной задаче — формированию законодательства новой России.

«Мы пришли в новый российский парламент для ответственной и компетентной работы»

Один из первых документов, принятых прошедшими в первую Госдуму единомышленниками Е.Гайдара, была «Хартия фракции “Выбор России”». В этом документе, безусловно, нашли отражение несколько пессимистические настроения, связанные с неожиданно высокими результатами ЛДПР (оценивая итоги выборов, члены фракции констатировали очевидную неудачу демократических сил, выразившаяся, в первую очередь, неожиданно малым процентом голосов, полученных блоком «Выбор России»). Да, ожидаемого большинства, необходимого для законодательного обеспечения реформ, не получилось. Тем более мы были полны решимости отстаивать цели, ради которых пошли на выборы. Именно это и было зафиксировано в нашей хартии:

«Честно оценивая сложившуюся ситуацию, депутатская фракция «Выбор России» сознает свою ответственность за происшедшее и отдает себе отчет в том, насколько возросла ее роль перед сегодняшними избирателями и грядущими поколениями россиян за депутатскую деятельность в новом российском парламенте.»

Основную цель своей деятельности фракция видит в возрождении российского парламентаризма на основе свободы, собственности, законности, то есть на основе тех базовых ценностей, с которыми мы шли на выборы и от которых ни при каких условиях мы не намерены отказываться».

Полный текст хартии здесь <http://politics-80-90.livejournal.com/297770.html>

Итак, фракция была сформирована. Следующим важным шагом было распределение постов в комитетах Госдумы. Напряженные переговоры по поводу распределения постов в ключевых комитетах шли с первых дней работы парламента. В результате консультаций и неизбежных компромиссов «Выбор России» получил места председателей в комитетах по обороне (С.Юшенков), по информационной политике и связи (М.Полторанин), по здравоохранению (Б.Денисенко) и по организации работы Думы (В.Бауэр). Первым заместителем председателя Госдумы РФ, курирующим законодательную деятельность, был избран М.Митюков, Уполномоченным по правам человека — С.Ковалев.

Депутаты «Выбора России» заняли также должности заместителей председателей комитетов по законодательству; по труду и социальной политике; по экологии; образованию, культуре, науке; по бюджету, налогам, банкам и финансам; по собственности, приватизации и хозяйственной деятельности; промышленности; безопасности; геополитике.

Структурировалась и сама фракция. Ее председателем стал, естественно, Е.Гайдар, заместителями — Б.Золотухин и А.Чубайс, координатором — А.Мурашов, ответственным секретарем — С.Юшенков.

При безусловном лидерстве Е.Гайдара, выборы его на пост председателя фракции проводились на альтернативной основе: вторым кандидатом был выдвинут Г.Бурбулис, но он практически не получил поддержки.

Прежде чем перейти к собственно законодательной деятельности «Выбора России», приведу анализ расклада политических сил в том составе Госдумы. Этот реальный (весьма важный для понимания, в каких непростых условиях приходилось пробивать законы для демократической России) анализ дал Б.А.Золотухин в своем докладе совету партии ДВР (19 ноября 1994 года), посвященном деятельности фракции в первый год работы парламента:

«Фракция “Выбор России” состоит из 71 депутата и является самой большой в Государственной Думе. Следующей по числу членов является депутатская группа “Новая региональная политика”, состоящая из 62 депутатов, на третьем месте фракция Жириновского — 59 депутатов, на четвертом — фракция аграрной партии — 55, затем фракция Компартии — 45 депутатов. Итоги голосований показывают, что реформаторское крыло Думы, устойчиво голосующее за демократические инициативы, составляет

135 депутатов (вся фракция «Выбор России», 20 из 28 депутатов фракции «Яблоко», 17 из 33 депутатов фракции ПРЭС и 24 из 29 членов фракции «Союз 12 декабря»). На противоположном фланге 176 депутатов коммунистическо-националистического блока, состоящего из трех фракций — ЛДПР, АПР, КПРФ и двух групп — «Российского пути» Бабурина-Лукьянова и небольшой группы «Держава» из пяти депутатов, не выдержавших деспотизма г-на Жириновского, но не изменивших своих политических пристрастий. И только один депутат, состоящий в этом блоке, придерживается заметно более умеренной позиции — это председатель Думы И.Рыбкин. Имеется в Думе, как и во всяком парламенте, свое «болото»: депутатская группа «Новая региональная политика», «Женщины России», часть депутатов ПРЭСа, «Яблока», ДПР и некоторые депутаты вне фракций.

Если же представить расстановку сил в более обобщенном виде: левые, центр и правые, то можно сказать, что на левом фланге 200 голосов, в центре — 100 и на нашей стороне — 150. Из сказанного понятно, что при голосованиях по конкретным законопроектам победителем окажется тот, кто сумеет привлечь на свою сторону часть «болота». Если нам требуется завоевать 76 голосов, то нашим политическим противникам — всего 26 голосов».

Закон — оружие либералов

Вот в таких условиях та, первая Госдума строила законодательство новой России. Строила практически с нуля: советские законы уже не работали, российских еще не было. Этот правовой вакуум приходилось заполнять в срочном порядке, в очень напряженном режиме. При том, что условия работы были не самыми комфортными: нас разместили в полуобгоревшем здании мэрии; автотранспорта, нормальной связи и даже простейшей оргтехники не было. Наш комитет по информационной политике, например, занимал два кабинета на 14 человек и имел один телефон и один факс. Это уже позже Госдума на Охотный ряд переехала. Тем не менее законопроекты разрабатывались преимущественно самими депутатами. Сегодня даже трудно себе представить, что тогда, в 93-м, не было ни одного из законов, о которых говорит в своем докладе Золотухин. И которые, с поправками, работают по сей день.

Вот основные положения доклада Б.Золотухина совету партии ДВР (кстати, почитайте и убедитесь, что еще один миф о том, что «Выбор России» забыл

о стариках и неимущих и занялся исключительно защитой бизнеса, — не более чем злобный навет. Практически все основные социальные законы тоже были заложены нашей фракцией).

Законотворческая деятельность «Выбора России» тематически осуществлялась по пяти основным блокам: поддержка курса экономических реформ, который как среди наших единомышленников, так и в стане наших политических противников известен как «курс Гайдара»; борьба с преступностью и защита прав человека; социальная защита населения и здравоохранение; экология и защита окружающей среды; государственное строительство и избирательное законодательство. В границах этих основных направлений можно указать на наши законопроектные усилия в сфере обороны, сельского хозяйства, гарантий свободы печати и многое другое.

...Всего за первый период работы Думы депутатами нашей фракции внесено 23 законопроекта, для внесения на рассмотрение Думы подготовлено еще 27 законопроектов

Поддержка курса экономических реформ

Здесь прежде всего следует назвать три закона: «Об акционерных обществах» (внесен членами фракции Г.А.Томчиным, В.И.Головлевым и Б.А.Золотухиным). «Об инвестиционных ценных бумагах и фондовых биржах» (внесен А.Л.Головковым, П.Г.Буничем, Р.Ф.Исмагиловым, Г.А.Томчиным) и «О доверительной собственности (трастах)» (внесен П.Г.Буничем, Г.А.Томчиным и Головлевым В.И.).

Второй блок вопросов, над которыми работали члены фракции, связан с социальной политикой. Как сказано в проекте программы партии «Демократический выбор России», обеспечение социального прогресса в России является нашей приоритетной целью. Реализуя свои предвыборные обещания, депутаты «Выбора России» внесли в Государственную Думу четыре законопроекта: «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» и «О ветеранах». Авторы и инициаторы этих законопроектов — члены фракции А.А.Осовцов и В.П.Леднев.

Еще один тематический блок — это проблема борьбы с преступностью и защиты прав человека. «Выбор России» проводил последовательную политику, основанную на том, что активизация борьбы с

преступностью не может вестись в отрыве от гарантий прав человека.

Депутаты фракции внесли в Государственную Думу четыре законопроекта, направленные на создание правовых условий, обеспечивающих активизацию деятельности правоохранительных органов в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Это — изменения и дополнения в действующий Уголовный кодекс (внесены депутатами М.А.Митюковым, Б.А.Золотухиным и В.В.Похмелькиным), законы «Об основах государственной службы» (внесены В.Н.Южаковым, О.К.Застрожной, В.В.Похмелькиным, В.А.Рыжковым, Б.М.Титенко), «О правовых мерах по усилению борьбы с преступлениями, совершаемыми и готовящимися организованными группами» (внесены В.В.Похмелькиным и А.А.Александровым). Нельзя не остановиться на законотворческой деятельности фракции в области государственного строительства. Здесь наши усилия прежде всего были сосредоточены на работе над избирательным законодательством и законом о местном самоуправлении. Члены нашей фракции В.А.Рыжков и О.К.Застрожная внесли большой вклад в разработку законов «О гарантиях избирательных прав граждан», «О выборах депутатов Государственной Думы», «О референдуме».

Но парламентская работа — это не только внесение законопроектов. Это и борьба за их прохождение в Думе, и противостояние реакционным законодательным инициативам.

Среди законов, имеющих явно прогрессивный характер, надо назвать закон «О Конституционном суде», первую часть Гражданского кодекса и закон «Об Уполномоченном по правам человека». Жаркие дискуссии велись по важнейшему проекту Гражданского кодекса, который с большим трудом и с серьезными компромиссами удалось принять в Думе. Однако затем мы получили печальные вести из так называемой «верхней палаты». Аграрное лобби в Совете Федерации оказалось еще более агрессивным, нежели в Думе. И Гражданский кодекс, принятый с такими муками в Госдуме, Советом Федерации был отклонен. Камнем преткновения была частная собственность на землю.

Придавая исключительное значение земельным отношениям, в первую очередь, праву частной собственности на землю, члены нашей фракции Е.Т.Гайдар, О.К.Застрожная, Б.А.Золотухин внесли проект Закона о земле. На протяжении нескольких месяцев О.К.Застрожная вместе с разработчиками проекта вела изнурительную борьбу с аграриями за

принятие этого закона, отвечающего интересам наших избирателей. В итоге, как известно, и первая часть Гражданского кодекса РФ (впервые за 70 с лишним лет уравнивая в правах разные формы собственности!), и Земельный кодекс, устанавливающий право частной собственности на землю, все-таки были приняты. А «контекст» их прохождения остался достоянием истории... В том же докладе Б.А.Золотухин сформулировал два главных недостатка в работе фракции. Во-первых, это отсутствие цельной программы законотворческой деятельности (что объясняется прежде всего тем, что избирательное объединение «Выбор России» сложилось в условиях крайне ограниченного времени, ведь нужно было одновременно вести избирательную кампанию и создавать программные документы, а до окончательного утверждения политической программы невозможно создать целостную программу ее законодательного обеспечения). И во-вторых — слабая пропагандистская поддержка сделанного и недостаточная критика разрушительных действий наших оппонентов.

(С полным текстом доклада Б.А.Золотухина можно познакомиться на сайте сообщества «Политика на сломе эпох» <http://politics-80-90.livejournal.com/270669.html> и <http://politics-80-90.livejournal.com/271093.html>)

По поводу пропагандистской поддержки законодательной деятельности «Выбора России» было принято постановление совета партии, которым, в частности, фракции вменялось в обязанность регулярно информировать актив ДВР и избирателей о своих законотворческих инициативах и позициях по ключевым вопросам.

Во исполнение этого решения двум депутатам — ростовчанам Борису Титенко и Алле Амелиной — была поручена подготовка еженедельных парламентских обзоров, в которых позиция «Выбора России» по важнейшим законопроектам находила бы достойное отражение. Эти обзоры рассылались в региональные отделения ДВР, в СМИ. Перелистываю толстые папки с подшитыми в них еженедельными парламентскими обзорами... До чего же насыщенной была деятельность Госдумы «переходного периода»!

Вот, к примеру, обзор от 22.10.1994. Осенняя сессия, неделя третья:

о балагане при обсуждении повестки дня, регулярно крадущем многие часы у содержательной работы; о минуте молчания в связи с гибелью журналиста Д.Холодова и совместном заявлении демократических фракций, в котором они выразили тревогу в

связи с нарастающей волной экстремизма, фашистской и коммунистической пропаганды; о принятии закона о повышении пенсий и требовании «Выбора России» провести аудиторскую проверку Пенсионного фонда РФ; о драматическом прохождении первой части Гражданского кодекса; о поддержке фракцией законопроект «О благотворительной деятельности» и «Об информации»; о сложностях с принятием закона «Об Уполномоченном по правам человека»; об отклонении законопроекта «О политических партиях», на чем настаивал «Выбор России». Как видим, многие, очень многие вопросы — на стыке политики, экономики, права. Но была и «чистая» политика.

Три «чисто» политических сюжета в биографии «Выбора России»

Разумеется, таких сюжетов было гораздо больше. Но позволю себе выбрать именно эти три, поскольку, на взгляд автора, они имели наиболее существенное значение в судьбе «Выбора России». В том числе — и отдельно взятого депутата...

Итак, сюжет первый — политическая амнистия участникам путча 1991 года и вооруженного мятежа 1993 года.

Сразу надо сказать, что утверждение, будто бы «Выбор России» «разменял» это постановление об амнистии на отмену постановления о создании «антиельцинской комиссии» по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года, — очередной миф. Увы, устойчивый. На самом деле мы были категорически против этого акта, о чем свидетельствуют и выступления, и голосования членов фракции.

Небольшое отступление на эту тему. Иван Старилов был единственным, кто проголосовал «за». Он вспоминает об этом в автобиографической книге «Букварь моей жизни»: «Наконец наступил день голосования. Единственный из фракции “Демвыбор России”, я проголосовал за амнистию компани Руцкого и Хасбулатова. Как кричал на меня Сережа Юшенков!

— Что ты наделал, Иван?! Ты проголосовал за гражданскую войну!

Я был убежден, что, напротив, я голосовал за гражданский мир.

В тот раз встал вопрос об исключении из партии «паршивой овцы». Гайдар тяжело и долго молчал, после чего сказал:

— У нас не было решения о солидарном голосовании. Мы — демократическая партия. Иван имеет право на самостоятельное мнение».

Партии, впрочем, тогда еще не было — амнистию принимали в феврале 1994 года. Речь наверняка шла о фракции. Но пример этот очень ярко характеризует обстановку в «Выборе России». Что же касается самого акта, то «иезуитство» ситуации заключалось в том, что на голосование было вынесено два постановления об амнистии: экономическое — в связи с принятием новой Конституции РФ, и политическое — мятежникам. Думское большинство настояло на так называемом «пакетном» голосовании, практически исключавшем саму возможность отклонить один из входящих в пакет документов. В итоге большинством в 252 голоса амнистия была принята. «Выбор России» сразу же выступил с жестким заявлением, в котором выразил свое категорическое несогласие «с принятием Государственной Думой постановления о так называемой политической амнистии. В документе, в частности, говорилось:

«Под прикрытием лицемерных призывов к миру и согласию, гражданскому примирению освобождены от уголовной ответственности люди, причастные к организации и совершению убийств, массовых беспорядков, поджогов и погромов, те, кто на протяжении последних лет всячески препятствовали достижению мира и согласия в обществе, стремились к насильственному захвату власти. Выйдут на свободу организаторы незаконных вооруженных формирований, люди, открыто использующие фашистскую идеологию и символику. Парламентское большинство совершило акт глумления над памятью людей, погибших в ходе событий, развязанных экстремистами. Освобождаются из-под стражи и выходят на свободу люди, жаждущие политического реванша привычными для них методами насилия и террора. Принятие этого безответственного решения создает реальную угрозу гражданскому миру и подлинному политическому согласию в России, которого невозможно достичь путем попрания права, справедливости и законности».

Всё точно. Ни убавить, ни прибавить. Я и сегодня подписала бы под каждым словом. Убедена, что публичный судебный процесс расставил бы многое по своим местам, и ныне недобросовестные политики не использовали бы этот действительно драматический эпизод российской истории для дискредитации Ельцина, Гайдара, демократических процессов в целом. Более того, ученые-правоведы расценивают данную

амнистию как в целом неудачный юридический акт, воспрепятствовавший установлению действительно хода событий и виновности затронутых лиц. Как бы то ни было, мятежники вышли на свободу, а «Выбор России» стал жертвой очередного мифа о своей заинтересованности в таком развитии событий.

Прогноз же, увы, оказался верным: гражданское противостояние, отсутствие политического согласия — вот реальность нынешней России.

Сюжет второй — создание партии «Демократический выбор России»

Необходимость создания более жесткой политической структуры, чем блок или движение, к 1994 году была очевидна. Так что депутатам довелось заниматься и партстроительством. Первичное решение принималось на заседании фракции «Выбор России», которая и стала во многом ядром ДВР. Удалось найти текст нашего обращения к демократическим организациям страны, принятого в связи с решением о создании партии. В нем, в частности, говорилось:

«Общество устало ждать обещанных результатов реформ. Непоследовательность проводимого политического и экономического курса приводит к разочарованию в реформах и демократии, толкает людей в объятия авантюристов.

Выборы 12 декабря, формирование нереформистского правительства обозначили водораздел в современной российской истории: период реформ сверху окончился.

...Наша ответственность перед будущими поколениями россиян требует единства, мобилизации сил, решительности и продуманных действий.

Мы не можем допустить, чтобы хорошо организованным и дисциплинированным силам реванша противостояло раздробленное, раздираемое противоречиями демократическое движение...

В этих условиях мы, депутаты крупнейшей фракции «Выбор России», пришли к убеждению о необходимости формирования политической партии парламентского типа.

...Мы обращаемся к демократическим организациям России с призывом, сохраняя свои политические цели и организационные структуры, помочь формированию новой политической партии с индивидуальным фиксированным членством как политического ядра блока “Выбор России”».

Это обращение фракция приняла зимой 1994 года. А уже в начале марта было опубликовано политическое заявление о создании партии. Помимо

депутатов, его подписали известные и глубоко уважаемые люди. В числе тех, кого называют «властителями дум», — Б.Стругацкий, Б.Окуджава, В.Оскоцкий, А.Козлов, А.Приставкин...

В своем докладе на учредительном съезде партии ДВР Егор Тимурович выразился очень образно: *«Я глубоко убежден: дезорганизованная, построенная как мягкая межрегиональная коалиция структура имела бы столько же шансов победить в предстоящей нам борьбе, как удельная княжеская конница в бою против бронетанковой дивизии».*

И в заключение: *«Мы создаем партию, потому что верим в свою страну, верим в ее потенциал, верим в то, что она может и должна стать страной свободных и обеспеченных людей; мы создаем партию, чтобы отстоять достойное будущее России».*

Полный текст доклада Е.Т.Гайдара здесь <http://politics-80-90.livejournal.com/253884.html>

Естественно, у себя в Ростовской области мы активно занялись формированием регионального отделения ДВР на базе избирательного блока «Выбор России».

«Организационные формы прошлых лет исчерпали себя. Поэтому для продолжения курса реформ необходима партия либеральных принципов, социально-политической стабильности и правопорядка — организованная, сплоченная, дисциплинированная. Исходя из этого, мы поддерживаем декларацию о создании партии «Демократический выбор России», — говорилось в заявлении, принятом участниками учредительной конференции Ростовского регионального отделения ДВР, одного из самых сильных и активных.

История «жизни и смерти» партии «Демократический выбор России» — отдельная большая тема для историков и политологов. Но могу сказать одно: тогда мы строили не просто партию, а необходимый инструмент для продолжения реформ в условиях политической и экономической нестабильности. И это было важным направлением работы членов фракции «Выбор России».

Сюжет третий — 1-я чеченская война

11 декабря 1994 года Б.Ельцин подписал указ «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». В тот же день, вошедший в историю как начало «первой чеченской войны», на территорию «независимой республики Ичкерия» были введены войска.

А 12 декабря мы уже стояли на заметенной снегом Пушкинской площади, где проходил на несанкционированный митинг, на котором Егор Гайдар заявил о жесткой антивоенной позиции ДВР. Его выступление легло в основу принятого тогда обращения участников встречи с депутатами демократических фракций Государственной Думы на Пушкинской площади 12 декабря:

«Мы, граждане России, собравшиеся по призыву демократических организаций, считаем попытку силового решения чеченского конфликта трагедией для нашей страны.

Кровь граждан России — чеченцев или русских — одного цвета. Мы не хотим насилия. Мы требуем переговоров и согласия. Мы не поддадимся на провокацию тех, кто хочет использовать сегодняшнюю ситуацию для дестабилизации государства, для свержения законной власти. Мы требуем от президента Ельцина отмежеваться от “партии войны”, выполнить свой конституционный долг по защите мира в России. Нет войне! Нет “партии войны”!»

Антивоенная позиция ДВР, публично, со всей определенностью заявленная на Пушкинской площади в Москве, абсолютно соответствовала нашим убеждениям. Более того — это заявление было далеко не первым в череде нелегких решений по Чечне, которые обозначили водораздел между «Выбором России» и тогдашними властями.

Вот коротко, телеграфно о том, как в том декабре мы пытались докричаться до президента и правительства, чтобы предотвратить, а потом и остановить кровавую бойню.

5.12.1994. Фракция ВР и партия ДВР «расценивают действия российских властных и силовых структур в Чечне как акцию, направленную на дестабилизацию положения в России, отказ от демократических завоеваний последних лет». Требование решить вопрос о мере ответственности «силовики» Грачева, Степашина, Лобова.

10.12.1994. Политсовет ДВР заявляет, что указ президента РФ «О мерах по прекращению деятельности вооруженных формирований на территории Чеченской Республики» открывает путь к военному решению чеченской проблемы. Результатом военной акции будут не мир и гарантии соблюдения прав человека и не восстановление там конституционного порядка. Результатом будут многочисленные жертвы среди наших солдат и офицеров, а также среди жителей Чечни... Результатом будет партизанская

война... Результатом будет постоянно кровоточащий конфликт на всем Северном Кавказе.

11.12.1994. Позиция ДВР состоит в следующем: мы исходили и исходим из необходимости политического решения чеченского конфликта. Мы категорически против любых попыток использовать ситуацию в Чечне для дестабилизации российской государственности.

17.12.1994. Гайдар — Ельцину: *«...призываю Вас как Президента и Верховного Главнокомандующего не допустить эскалации военных действий в Чечне. Штурм и бомбардировки Грозного приведут к огромным жертвам, к затягиванию конфликта, к обострению внутривнутриполитической ситуации в самой России».*

18.12.1994. Обращение фракции ВР к чеченскому народу:

«В эти трагические дни, когда многие из вас оплакивают своих близких, когда тысячи людей лишились крова и имущества, мы обращаемся к вам со словами искреннего соболезнования... Мы хотим заверить вас, что сделаем все от нас зависящее, чтобы война была остановлена, чтобы вернулся мир, чтобы русские и чеченцы никогда больше не смотрели друг на друга через прицел винтовки».

20.12.1994. ДВР «считает курс федеральных властей в Чечне непродуманным и трагическим по своим последствиям. Возможности политического решения проблемы не были исчерпаны. Война в Чечне разделила общество на тех, кто готов платить кровью наших сыновей за достижение реальных или мнимых политических целей, и тех, кто превыше всего ставит права и жизнь людей... Мы призываем к единым и согласованным действиям, направленным на прекращение войны в Чечне».

За каждой датой, каждой строчкой тех документов — драматические события в Чечне и России, эскалация военных действий на Северном Кавказе, гибель российских граждан и разрушение российских городов и сел... Все это было так географически близко от Ростова и так близко касалось нас, депутатов от Юга России. И воспринимались те события именно как очень личные. С друзьями мы писали антивоенные плакаты, с сыном-подростком стояли с этими плакатами в пикетах, с солдатскими матерями проводили митинги и собирали помощь для населения Чечни...

Члены фракции «Выбор России» совершали поездки в Чечню, в том числе — с миссиями по спасению военнопленных. И вот однажды на пленарном

заседании подходит ко мне Саша Осовцов и тихо так говорит: «Ты только не волнуйся, но по “Эху Москвы” только что передали, что наших депутатов вооруженные люди посадили в БТР и следы их в Чечне теряются». А в составе той группы — Борис Титенко, с которым мы недавно обвенчались... В полуобморочном состоянии куда-то иду, с кем-то говорю, получаю от кого-то номер невиданного спутникового телефона вице-президента Ингушетии, через него пытаюсь выяснить судьбу делегации «Выбора России»... Тогда все закончилось благополучно. Но та война навсегда стала частью нашей жизни, в том числе — семейной...

И во фракции, и в партии обстановка в тот период была очень напряженная. Мы искали пути решения кавказского конфликта, думали, как остановить кровопролитие, как помочь пострадавшим. Проекты законов и постановлений, встречи, поездки, пресс-конференции, работа с Комитетом солдатских матерей и Фондом милосердия... Это — с одной стороны. С другой — фактический раскол по линии отношения к чеченской войне. И во фракции, и в партии.

Именно тогда В.Рыжков публично высказал свое «крredo», многих повергшее в шок: «Вовремя предать — это не предать, а предвидеть». И перешел в группу «Россия». Как сказал тогда Егор Тимурович Гайдар, Рыжков проявил «избыточную гибкость позвоночника». Для него это — приговор. Но надеюсь, что за двадцать лет его позвоночник затвердел.

Разумеется, не следует отказывать нашим бывшим коллегам в праве иметь свою точку зрения, отличную от «официальной». Если, конечно, это основано на убеждениях, а не на боязни оказаться в оппозиции к власти. А мы противостояли ей довольно жестко. Об этом достаточно подробно рассказано в книге Е.Гайдара «Дни поражений и побед». Естественно, что регионы тут же «построились» под федеральный центр. У нас в Ростовской области ситуация для ДВР сложилась чрезвычайно болезненная, поскольку губернатор В.Чуб был в числе тех, кто подписал письмо президенту РФ с просьбой ввести войска в Чечню. К тому же Ростов — столица Северо-Кавказского военного округа со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями... Но, возможно, именно эти обстоятельства способствовали тому, что в Ростовской организации ДВР разногласий не было, все поддерживали антивоенную позицию центра.

Между тем противостояние ДВР и властей было нешуточным. Об этом в частности, свидетельствует резолюция пленума совета партии «О политической ситуации в стране», принятая 11 марта 1995 года:

«Война, развязанная в Чечне авантюристическими кругами президентской администрации, Совета безопасности, силовых министерств и правительства, торпедировавшими любые попытки мирного, переговорного способа решения сложной проблемы, резко изменила внутривнутриполитическую ситуацию в стране, еще более поляризовала политические силы.

Заявления Политсовета партии от 11 декабря, 13 декабря, 20 декабря, 9 января, заявления фракции “Выбор России”, обращение фракции “Выбор России” к чеченскому народу от 18 декабря, резолюции митингов, организованных партией, деятельность Уполномоченного по правам человека при президенте РФ С.А.Ковалева, поездки в Грозный и работа там депутатов Думы, наших коллег Зеленкина, Михайлова, Молостова, Осовцова, Рыбакова, Титенко, Шабада, Юшенкова, поездка в Ингушетию председателя партии Гайдара и переговоры с религиозными лидерами, старейшинами позволяет нам говорить о том, что Политсовет партии с самого начала занял принципиальную, нравственную позицию осуждения насилия, требовал мирного решения проблемы.

Война в Чечне показала неэффективность власти, ее опасную склонность к авантюрам, неспособность прогнозировать последствия своих действий.

С другой стороны, война показала хрупкость демократии, слабость парламентского и иного общественного контроля за исполнительной властью, опасную бесконтрольность силовых структур, поставила под угрозу планы финансовой и экономической стабилизации, сделала проблематичным исполнение бюджета, усилила вероятность установления диктатуры.

ДВР выражает благодарность всем журналистам и редакциям, которые рассказали России и миру правду о том, что происходит в Чечне и вокруг нее.

Мы обращаем внимание партии и общества, что в лагере демократической общественности чеченская война тоже вызвала болезненные процессы и размежевание сил. ...заявления и действия ряда лидеров таких объединений, фракций и партий, как “ПРЕС”, “12 декабря”, некоторых членов фракции “Выбор России” и движения “Выбор России” показывают растущие расхождения по принципиальным вопросам и затрудняют возможное сотрудничество.

Совет партии призывает все демократические силы сделать все от них зависящее, чтобы подойти к парламентским выборам консолидированным единым фронтом демократических преобразований,

фронтом всех здравомыслящих и трезвых людей против догматиков, экстремистов и авантюристов».

Напомню, что Госдума «переходного периода» избиралась только на два года, а поэтому уже весной 1995 года мы готовились в предстоящим вскоре выборам.

У финишной черты

С каким же «багажом» вышел «Выбор России» на финишную прямую?

В первую очередь скажем о том главном, ради чего мы шли в Госдуму — о создании законодательной базы государственного устройства новой России и экономических реформ.

В докладе Б.А.Золотухина второму съезду ДВР приводятся следующие данные: «Фракция “Выбор России” в Государственной Думе вела активную законодательную работу, направленную на реализацию предвыборных обещаний. О законодательской активности свидетельствуют следующие цифры: всего Думой принято 214 законов, при этом депутаты фракции “Выбор России” представили на рассмотрение парламента 114 законопроектов. Можно с уверенностью говорить о том, что наша фракция в Думе занимала наступательную позицию и была лидером законодательного процесса, последовательно отстаивая интересы народа.

...Законопроектная деятельность фракции сосредоточивалась на следующих девяти основных направлениях:

Экономическая политика партии, сформулированная Е.Т.Гайдаром, — 23 законопроекта.

- Социальная политика партии — 7 законопроектов.
- Борьба с преступностью и защита прав человека — 14 законопроектов.
- Государственное строительство — 22 законопроекта.
- Военное строительство, военная реформа, прекращение братоубийственной войны в Чечне — 5 законопроектов.
- Экология, охрана окружающей среды — 4 законопроекта.
- Здоровье человека — 10 законопроектов.
- Образование и культура — 7 законопроектов.
- Защита свободы слова — 10 законопроектов.

...До завершения работы Государственной Думы остается более четырех рабочих месяцев. В это

время фракция не будет снижать своей законодательской активности. В портфеле фракции находится более 30 законопроектов, которые в ближайшее время будут представлены на рассмотрение Думы».

Завершив срок своих полномочий, «Выбор России» в соответствии со своими обязательствами представил избирателям доклад, свидетельствующий о последовательном выполнении предвыборных обещаний. Кроме того, к съезду кандидатов в депутаты Госдумы от избирательного блока «ДВР–Объединенные демократы» (ноябрь 1995 года) был разработан документ, состоящий из трех разделов, каждый из которых характеризовал разные направления деятельности фракции: «“Выбор России”»: вот что мы делали; “Выбор России”»: нам удалось остановить...»; “Выбор России”»: нам не хватило голоса, чтобы предотвратить принятие...»

С этим документом можно ознакомиться в архиве Фонда Гайдара <http://gaidar-arc.ru/database/documents/theme/details/3716>

По завершении депутатских полномочий депутаты получили благодарственное письмо от Б.Ельцина. Там, помимо приличествующих случаю слов, есть один абзац, актуальный и по сей день:

«Сейчас еще трудно осознать, что значили для развития российской демократии эти два года совместной работы людей с разными политическими убеждениями и взглядами. Теперь этот интереснейший период принадлежит истории России, и только нашим потомкам дано оценить его по достоинству и в полном объеме».

Вторая важная итоговая позиция — изменения в составе фракции «Выбор России». К концу работы Госдумы первого (пятого) созыва ее численность сократилась с 78 до 47 человек.

И причин тому несколько.

Первая — именно та изначальная раздробленность политических сил, об опасности которой говорил Егор Гайдар в своем докладе на учредительном съезде «Выбора России»:

«Конечно, мы прекрасно понимаем, что сейчас, используя объективные экономические трудности, а также объективное ослабление позиций ультраправых с правого и левого флангов, будут предприняты попытки сформировать парламент, состоящий из многочисленных и разрозненных групп. Логика будет примерно такая. Сегодня власть в руках правительства и президента. “Выбор России” — база поддержки курса реформ. Но надо заботиться о том,

чтобы там были и другие силы, чтобы там была демократическая оппозиция. И я уверен, что на выборы выйдет много блоков, потенциально близких нам по многим позициям, которые они проповедуют. И каждый из них будет аргументировать необходимость такого разрозненного выхода на выборы тем, что нужно привлечь разные группы избирателей, тем, что нужно привлечь и тех, кто недоволен конкретными вариантами проводимой правительством политики, тем, что нужна демократическая оппозиция, тем, что оппозиция не может быть только коммуно-фашистской, и т.д. Беда в том, что мы в результате можем снова получить предельно разрозненный, разобщенный парламент, ...вновь устроенный по принципу маленьких групп давления, отстаивающих частные интересы и по существу безответственности за судьбу страны, за происходящее в ней».

Как известно, в первой Госдуме действительно образовалось несколько фракций, так или иначе поддерживавших реформы (ДПР, ПРЕС, ЯБЛ), но не представлявших собой единую демократическую силу. Эта ситуация провоцировала «перетекание» депутатов из одной фракции в другую. По разным причинам. И не последняя в их числе — амбиции.

Вот только один сюжет из личных воспоминаний, которыми я публично еще никогда не делилась. Грустный такой сюжет... В одном из первых организационных заседаний фракции «Выбор России» участвовала Ирина Хакамада. Предполагалось, что она станет членом фракции, поскольку была официально включена в «список поддержки» блока ВР. Однако этого не произошло. Причина была банальна. Я стала невольным свидетелем ее разговора с одним из депутатов. «Посмотри на состав этой фракции, — сказала тогда Хакамада. — Здесь я обречена на вторые-третьи роли». Больше она во фракции не появилась...

Считаю возможным обнародовать этот разговор, поскольку буквально на следующий день со мной вышли на переговоры, предлагали вступить в «группу Хакамады», мотивировки — те же. Шла целенаправленная обработка беспартийных депутатов-одномандатников. Я восприняла это как совершенно недопустимое предложение предать команду, с которой шла на выборы.

Как бы то ни было, но уже в первую неделю работы Госдумы три человека (А.Макаров, А.Селиванов и Б.Федоров) перешли из фракции «Выбор России» в группу «Союз 12 декабря». Позже — еще несколько. Группу возглавил выходец из «Выбора России» Б.Федоров, его замом стала И.Хакамада. А наша фракция приняла заявление, что «с пониманием отнесется» к выходу из ее состава депутатов, намеренных вступить в группу «Союз 12 декабря». Мы же либералы...

Однако самый существенный раскол произошел во фракции по линии отношения к чеченской войне. Антивоенная позиция «Выбора России», связанное с этим противостояние с властями вызвали к жизни «политические технологии», прямо нацеленные на раскол фракции и партии. Знаю об этом не понаслышке. Не без участия администрации президента в Госдуме появилось еще две фракции — «Стабильность» и «Россия», в которые в основном и перетекали сторонники «партии войны». Повторю — я совершенно не исключаю, что были среди них и такие, кто искренне считал свою позицию истинно государственной. Но знаю, что были и другие — испугавшиеся конфликта с властью, обеспокоенные своей дальнейшей политической судьбой, использовавшие момент для сомнительной карьеры.

...Осенью 1993 года, когда создавался блок «Выбор России», многие эксперты полагали, что это означает окончание периода разобщенности демократических организаций и что такое объединение способно стать решающим фактором развития политического процесса и гарантией против стремлений посткоммунистических и антиреформаторских сил к реваншу.

Не случилось... Впереди были выборы 1995 года, коммунистическое большинство в Госдуме второго созыва, мучительное решение о поддержке Б.Ельцина на президентских выборах 1996 года, самороспуск партии «Демократический выбор России» и создание «Союза правых сил»... Но это уже совсем другая история.

В статье использованы материалы Фонда Гайдара <http://gaidarfund.ru/>, сообщества «Политика на сломе эпох» <http://politics-80-90.livejournal.com/>, семейного архива Б.Туменко и А.Амелиной, интернет-издания «Политика» <http://www.politika.su/>

■□■

© Текст: Алла Амелина

Идеология как машина

Сегодня уже очевидно, что нет общества без идеологии, и она не определяется только как «взгляд доминирующего класса». Это очень сложное и многослойное явление, вызывающее к философскому осмыслению, а не только к эмпирическому описанию отдельных случаев. Как говорится, либо общество имеет идеологию и есть живой идеологический процесс и открытый рынок идей — либо идеология имеет общество как пассивную, манипулируемую массу, незаметно, а потом и открыто приватизируя машину производства и трансляции идеологического.

Идеология — не только система идей, но и система институтов, и не менее важно наличие инстанции, из которой могло бы исходить идеологическое. Когда начинали «сочинять» национальную идею, то отсутствие такой инстанции с самого начала было очевидным. Была задача отчасти реабилитировать идеологическое, снять не только избыточные ожидания политиков, но и интеллигентскую иллюзию возможности бескрайней деидеологизации, не поддающейся рефлексии. Постепенно к идеологии стали относиться как к проблеме, а не как к пугалу.

Одним из труднейших вопросов в идеологическом и практическом плане является вопрос легитимизации власти. В России были испробованы разные акценты легитимации, последовательно дискредитировавшие себя и перестававшие работать. Сейчас появились слабые, но отчаянные симптомы попытки легитимации через сакральное. В итоге в обоснованиях власти не осталось ни традиции, ни идеологии или харизмы, ни «полицейского государства всеобщего блага»... Но и последнее прибежище в сакральной легитимации в окладе РПЦ также не обретается. И если раньше обществу предлагался рационально оформленный курс на модернизацию — классический мегапроект, то теперь любые стратегические идеи, независимо от их смысла и качества, как правило, всерьез не воспринимаются: девальвирован сам жанр.

Модернизационный порыв поддерживал условную лояльность продвинутой части общества, имевшей основания рассчитывать на изменения к лучшему. Рокировка в тандеме оттолкнула уважающих себя людей откровенностью, но в тот момент кончилась и риторика модернизации, а из дискурса власти стратегическое вовсе выпало даже как стилистика. Стиль политических заявлений стал эклектичен, наполнен намеками, правильными, но ни к чему не обязывающими предложениями, содержащими зияющую дыру там, где ранее привычно располагались фразы о модернизации. Пробоина оказалась незаделываемой. Авторы стратегий не могли решить задачу «снятия с иглы» — преодоления зависимости от экспорта сырья.

В итоге мы получили власть без проекта и даже без видимости адекватного владения ситуацией. Все более заметно, как приемная управляет кабинетом, контролируя поступающую туда информацию, особенно свидетельствующую об ошибках. Все более из тайных коридоров власти проступает знакомый по Макиавелли образ коварного государя, но только на этот раз не способного хотя бы достоверно имитировать исключительное знание о происходящем, понимание интересов государства-*сма* и правильных путей движения в истории. Проектное сознание — основа цивилизации и в политической философии — культивируется с XV века, от Большого Модерна. Макиавелли был не просто циничным певцом интриги и силы, но обосновывал это право государя *знанием* обо всех делах и о подлинных интересах государства: *ragion di Stato, raison d'État, Sttatsträson* и пр. В модели «нация — государство» интерес *сма*, по определению, есть интерес всех.

В начале нового века Россия опять обречена на мегапроект — либо на сползание в третий мир с плохо предсказуемыми последствиями. Это плохо, но таково наше положение плюс нарастающий дефицит времени. Покушаться на очередной исторический подвиг приходится в ситуации постмодерна, давно отнесшего

СУММА ЛЕГИТИМНОСТИ

Александр РУБЦОВ

мегапроекты к разряду опасных анахронизмов. И тем не менее... мы все еще очень советские!

За последнее время все изменилось, но никуда не двинулось. Общество шагнуло вперед — и попятилось. Закручиванию гаек мешают срывы резьбы; протест ходит кругами — ищет новые форматы. В энергичных пробуксовках и топтании на месте вкопец стирается тонкий слой несущей поверхности, пока еще удерживающий ситуацию в относительном и весьма неустойчивом равновесии. Уже ясно, что выход из нее сложнее, чем казалось, и точно не в горизонте обыденного понимания.

В моменты нестабильности, на сквозном транзите, особенно важен адекватный язык описания. Тем более в стране, в политической фактуре которой всё сплошь имитации и обманки, а слова и вещи друг с другом как не родные. Однако перерождение затронуло такие глубины социального порядка, что вызывает к темам, которые пока вообще вне языка, к предметам сразу не видимым и почти не обсуждаемым, а значит «непромысливаемым». В политическом своя архитектура: помимо конструкции власти есть природа полей и сил, которые эту конструкцию держат. Это как разница между основами конструирования и теорией гравитации. Или первотолчка.

Ничто не вечно. И власть тоже

Главный вопрос уже сейчас вовсе из другого измерения и вызывающе резок: а собственно, по какому праву здесь вообще правят? Не именно эти, но и все, кто был до них и придет после. Только кажется, будто здесь всё известно и понятно, что менять. Если «государство» так регулярно и легко делают средством перехвата личной власти, общих ресурсов, чужих судеб и жизней, значит, мало этот инструмент по-разному затачивать и передавать из рук в руки, даже если эти руки с каждым разом все чище, головы горячее, а сердца как лед.

Более того, здесь мало и затертых сентенций про то, что надо менять «не фигурантов, а систему». Речь уже не о качестве легальности, но о самой природе легитимного. Это уже проблема не организационная, а сущностная. Обнаружив, что вождь не вечен и что у него тоже есть спина, не защищенная от травм и друзей, народ озадачился будущим: как из этого загона не просто выйти, но так, чтобы более не возвращаться туда же, откуда только что с дикими мучениями выби- рались. Люди открыли сундук власти, увидели в нем

привычные политические вещи и собрались их перетряхнуть: что-то выбросить или заменить. Но стоит лишь задуматься о том, почему все прошлые ревизии и освежающие процедуры до сих пор не дали надежных, устойчивых результатов, как тут же открывается еще один слой, а там второе дно, под ним еще одно, такое же ложное... Когда же рядом шкаф с книгами по философии политики и государства, этот сундук и вовсе превращается в бездонный колодец, только сверху прикрытый *realpolitik*, но в глубине скрывающий микрофизику власти и ее метафизику. Там сплошь нерешенные и даже не поставленные вопросы — а значит, и место не найденных и потерянных ответов, необходимых для выхода из тупика, но у поверхности не встречающихся.

За последнее время Россия успела в разных долях и акцентах испытать почти все известные обоснования отношений господства и подчинения — трансцендентальные и сакральные, идеологические и социально-психологические, рационально-прагматические, операционально-технологические и даже банально силовые. Мы будто в съемке рапидом упаковали в эту четверть века едва ли не всю мировую историю оправдания политики и почти полный комплект теорий власти с соответствующими им моделями отношений и конструкциями правления. Гегелевское «совпадение исторического и логического» в нашей хронике чуть хромает, но это лишь подтверждает правило, снимая иллюзию, будто все это время тип властвования у нас был хотя бы примерно один.

Падение рейтингов и накал протеста рассеяли иллюзию относительно «полицейского государства общего блага». Тотальной замены политики полицией не произошло, а с «общим благом» все еще хуже, хотя мотив «лояльность за порядок и хлеб» все еще сохраняет инерцию.

Признание за властью «права» на цинизм, коварство, обман и насилие через мифологию сегодня уже невозможно, равно как и оправдание через Особое Знание про государственный интерес (то самое макиавеллиевское *ragion di Stato*). Перед сдачей президентского кресла на временное хранение случился взрыв активности в сфере стратегического планирования. Сейчас и эта модель не работает: эпическое полотно «Он знает все» и вовсе рассыпалось — больше этого формата не будет. В высшую политику Путина втолкнули через личную популярность, нагнетавшуюся прежде всего фоном, который создал Ельцин: от противного (Путин как не-Ельцин). Сам кандидат на тот момент был типичный «*who is?*», но уже была

атмосфера ожидания чего-то дееспособного. И хотя все держалось на антихаризме позднего Ельцина, в начале славных дел сыграла именно харизматическая доминация. Две остальные схемы Макса Вебера не работали: рациональная вера в законность порядка была слишком условной, а опоры на традицию не было вовсе. Теперь и остатки харизмы тают на глазах.

Миф о «лихих 90-х» питает еще одну идеологему: якобы Путин обуздал Гоббса в России, прекратив «войну всех против всех» в стране, ухитрившейся в новейшей истории власть в «естественное» (догосударственное) состояние. Но Путин победил не войну, а своих врагов в ней. И сейчас нагнетает новый всплеск политического милитаризма: война (еще холодная, но уже гражданская) развязана именно властью, легитимация которой как миротворца все более абсурдна.

Решающее событие страна пережила в самом начале 1990-х: она прошла точку небытия и момент учреждения новой государственности. Это могло бы стать основой новой легитимности, если бы с конституцией не обращались, как сейчас. Кроме того, известно, что такие учредительные акты не проходят без идеологии как светской религии — если не питать иллюзий по поводу деидеологизации и понимать, что антикоммунизм и критика засилья идеологии сами идеологичны. Но и эта «опора» рассыпалась, а новую национальную идею Старая площадь так и не изобрела. Не осталось теорий, которые можно было бы подвести под эту шатающуюся, падающую конструкцию. Но и саму власть уже нельзя рассматривать в привычной логике. Она диффузна, проникает во все поры отношений и повседневности. В играх легитимизации общество активно и порой само же подталкивает начальство к тому или иному способу действия.

Похоже, богоданное самодержавие у нас до сих пор вспоминают с вожделием. Помазанник и династия (хотя бы и не родовая, а через «политическую фамилию») в России в натуральном виде уже неральны, но братание с Патриархом создает узнаваемый фон. Плюс праздничные стояния, дележ добычей от аннексий и контрибуций в стране-вотчине, обмен дарами, символическими и не очень. Земли, памятники архитектуры и произведения искусства — в обмен на безоговорочную поддержку.

Показателен эпизод в храме Христа Спасителя. Если бы не столь адресная, персонифицированная просьба к Богородице, такого скандала не было бы даже близко. В итоге — интереснейшее сращивание светского закона, церковных норм и политики во всем ее неподражаемом цинизме. В светском процес-

се на равных участвуют ссылки на 62-е и 75-е правила Трулльского собора, а за кадром стоит Некто Невидимый, но земного происхождения. «Попраие святых» — ровно про него. Более того, это было кощунство не просто сакральное или политическое, а задевшее именно «симфонию» власти и церкви.

Все это слабый отблеск того, что происходило в Средние века, когда священная власть пыталась опираться на светское право, которому тоже приписывалось сакральное происхождение, но уже через суверена. Тогда это было связано с борьбой за инвестиру (право назначений) — здесь также утверждается власть над вертикалью. Поскольку и сейчас подлинное происхождение главных законодательных инициатив ясно, то наш президент тоже является, по сути, *lex animata* — «воплощением юстиции». Это почти пародийный вариант модели «двойного тела короля», которую детально исследовал Эрнст Канторович. Согласно абсолютистской версии, у короля есть обычное тело, брренное и подверженное всем человеческим слабостям и недугам, и тело мистическое, вечное, как земное инобытие Христа. Средневековые юристы прямо называли эти два тела «естественным» и «политическим» — «подставка под корону» (Фуко). В нашем случае видна неосмысленная попытка воспроизвести этот образ вечной сущности навязчивой демонстрацией тела Путина — неуязвимого, защищенного от любых недугов, свободно перемещающегося в любых средах. Оттон II (классика художественной сакрализации единовластия) тоже парил между небом и землей, но не в телевизоре, а в живописи. Образ «пожизненной вечности» (на прямое бессмертие пока у нас не покушались) вербально выражен в излюбленном девизе Путина: «Не дождетесь!», имеющем как биологический, так и политический смысл. Если бы это понимали сразу, иллюзий было бы меньше, а рокировку предсказали бы задолго до.

К мифу физической, биологической и политической неуязвимости добавляется мотив безгрешия. Когда церковь заявляет о своей полной (и якобы традиционной) лояльности власти, она тем самым освящает все, что эта власть делает. Власть грешит безоглядно, но неизменно получает индульгенцию. Однако суммарный эффект здесь скорее обратный: из иконы «отца нации» получается недружеский шарж, карикатура в духе картунизма — последнего штриха постмодерна. А сам иерархат своим неумеренным подбострастием и небескорытием (конечно же, в интересах церкви!) все более опускается в глазах даже воцерковленных и клира.

То же и в навязывании обществу проекта воцерковления школы. Превращение религиозного образования из факультативного в обязательное способствует формированию поколений, обученных верить и не выступать. Здесь ищут сознания не праведного, а воспитанного в послушании — внушаемого и некритичного. Забывают при этом, что люди именно с таким особо внушаемым сознанием сначала «слушают и повинуются», а потом так же неожиданно восстают, слепо свергают и рвут на части. С темным населением протянуть можно дольше, но конец будет ужасней.

Между легальностью и легитимностью

В стране произошла смена плана легитимации, а это принципиально. Между легальностью (соответствие закону) и легитимностью (признание прав на власть) нет прямой корреляции. В отличие от понимания легитимности как признания данной власти *наилучшей*, у нас, как правило, работает согласие на вариант *хотя бы не наихудший*. Пассивный консенсус мешаает поставить режим под снос, двадцать лет и два года обеспечивая нужный минимум стабильности.

В замкнутом контуре с положительной обратной связью реакция на события усиливает факторы, ее вызывающие, — система идет вразнос. Первое падение рейтингов вызвало шок и острое желание тут же все вернуть, добавив оборотов машине пиара. Решающим проколом стала рокировка. До этого фронду смиряла надежда, что режим сможет хоть как-то эволюционировать. Эту иллюзию особо цинично растоптали с остатками репутации местоблюстителя (из равновесия вывел серийный обвал близких по духу автократий, казавшихся железобетонными). Новую стратегию выбрали самую недалёковидную: не возглавить неизбежное, а переломить тенденцию. Ужас перемен породил желание победы «как раньше» — любой ценой, но именно сокрушительной, с огромным запасом прочности по количеству, но не по качеству результатов. Более того, показное небрежение формой понималось как демонстрация силы, уверенности в какой-то иной легитимности, не иначе — харизматической (отсюда столько театра). Однако реальный мотив был от обратного: не допустить того, чтобы выборы громко подтвердили плохой тренд.

В политике победитель не может отвечать за все действия своих невменяемых сторонников, но тогда он обязан публично расследовать факты, отречься от виновных, наказывать их по статье и объявлять ам-

нистией всем, кто готов каяться сам и сообщать о деяниях других. Власть демонстративно не сделала ничего — и тем подорвала остатки легитимности, которую в классификации Макса Вебера можно было бы хоть как-то считать формально-рациональной. В какой-то момент казалось, что протест, возбужденный поведением на выборах, постепенно схлопнется из-за отсутствия эффекта и перспективы. Однако возникла другая проблема: теперь лидеру надо доказывать еще и свою легитимность в узком кругу, в своей объективно правящей группировке. Для этого он должен являть хронический активизм, перехват инициативы, невероятную непрогибаемость и неистребимую волю к власти, если надо, то и разрушительную, в том числе в отношении своих. Отсюда *long list* экзотических актов как высочайшего происхождения, так и низовой инициативы, улавливающей новый дух и подражающей лидеру.

Но Россия уже не та страна, в которой разрыв между легальным и легитимным может быть вечным.

Отношения между властью и людьми, еще ценящими достоинство и независимость, зашли так далеко, что уперлись в вопрос о природе режима, о его сущностных и даже трансцендентальных обоснованиях. На тот же вопрос наводит и суэта, с какой начальство теперь доказывает себе и миру, что оно не самозванно, а, наоборот, «право имеет». Оказались сломанными все «машины легитимации», ранее примирявшие с режимом не только подкормленную массовку, но и сытую фронду. В итоге в обоснованиях власти не осталось ни традиции, ни идеологии или харизмы, ни даже сомнительных прелестей «стационарного бандита» или «полицейского государства всеобщего блага»... А уж надежда на придание власти некоей сакральности через поддержку РПЦ и подавно выглядит довольно странно. Общество уже явно томится ожиданием инстанции, способной предъявить стране знание о том, что на самом деле с ней происходит и что же, наконец, делать.

Полицейское государство присвоения всеобщего блага

Поползновения осчастливить страну новой версией полицейского государства — это для нас проблема: именно здесь глубинный конфликт между правом и произволом накладывается на остаточную популярность полицейской модели в инертной массе. Однако это понятие не всегда было одиозным. Изначально оно имело гораздо более широкий смысл, за-

трагивало едва ли не все сферы ответственности государства и для своего времени и места было вполне легитимным.

Идея полиции тогда была практически тождественна идее порядка, но особого рода — достигаемого всей мощью государства, в котором счастье подданных, их материальное и даже духовное благодействие полностью определяются заботой и качеством власти. В компетенцию полицейского порядка помимо умиротворения и безопасности входили также вопросы хозяйственные и бытовые, отчасти «духовные»: уборки и освещения улиц, брака и воспитания, образования и науки, снабжения провиантом и здорового питания, правильного поведения, вплоть до одежды и... выражения лиц.

Регулятивная практика предполагает достойную науку. Впервые термин «полиция» употребил Мельхиор фон Оссе в 1450 году, но классическим считается «Трактат о полиции» Николая Де Ламара (1750). Параллельно с полицеистикой в Германии возникает камералистика, которая начинается с вопросов управления государственным владением, помимо финансов включая торговлю, разработку недр, лесоводство и проч., но также выходит в более широкую сферу компетенции. В едином деле благоустройства, как отмечают исследователи, *Gute Ordnung und Polizei* немцы часто заменяли простым *Gute Polizei*. Это важно для понимания, что такой тип государства и в постсоветской России сложился задолго до того, как здесь стали шуметь о полицейском режиме Путина, а власть начала без оглядки вводить сугубо полицейские меры подавления протеста. Если проанализировать нашу систему регулирования всякого рода деятельности, прежде всего предпринимательской, мы обнаружим здесь именно эту идеологию: общее благо и счастье подданных исходят от государства как высшей организующей инстанции. Как говаривал Фридрих Великий: «Народу, как больному ребенку, следует указывать, что ему есть и пить».

Прямая противоположность этому — идеология правового государства: *Rechtsstaat* против *Polizeistaat* (в философии — Кант против Вольфа). В развитых странах мы имеем не чистые модели, а разные градации сочетания либерального государства — с элементами полицеи и полицейского государства — с элементами права. Но на полюсах эти градации настолько различны, что переходят в качество.

В полицейской модели есть решающий нюанс: власть здесь, хотя и отчасти вписана в закон, тем не менее уполномочена на допроцедурные решения

и действия, на легитимное принуждение и насилие «оперативного» характера. Так в чрезвычайной ситуации может поступать полицейский, но таким же правом обладает и представитель регулятора или контрольно-надзорного органа, который может закрыть любое предприятие (даже если для этого нужно судебное решение). Группой таких же чрезвычайно уполномоченных полицейских становится руководство страны. При этом, по официальной идеологии и по конституции, мы живем в другой системе отношений, а именно *в правовом государстве*, в котором все построено на неприкосновенности неотъемлемых прав человека, гражданина, частного лица. Однако если углубиться в систему подзаконных актов, в нормативную базу, в дебри ведомственного нормотворчества и произвольного правоприменения, в суть господствующих здесь отношений, то мы обнаружим дух и реалии полицейского государства если не в классическом виде, то в модернизации, очень близкой к прототипу. Для постсоветской России это тем более естественно, что она является прямой наследницей экстремальной версии полицейского государства, представленной нашим сталинизмом. Например, адаптация технического регулирования к рынку оказалась у нас весьма своеобразной: с таким же успехом можно было в 1930-е годы перевести НКВД на хозрасчет и превратить в бизнес, доходность которого зависела бы от числа посаженных и расстрелянных. Раньше система шла на запах крови — теперь идет на запах денег.

В этом плане население России условно можно разделить на две большие категории: люди, которым государство дает, и люди, которых это же государство обирает. Понятно, что и те и другие свой доход так или иначе «зарабатывают», но очень по-разному. Это деление не совпадает с границей между сырьевой рентой и производством, хотя и связано с такого рода различием. Скорее здесь срабатывает самоощущение: насколько доход человека зависит от его инициативы и креативных способностей, не слишком связанных с прямым распилом государственного бюджета. В этом смысле страна находится на развилке, условно говоря, XVIII века, когда объективное развитие общества и производства потребовало перехода от полицейского государства к правовому. Наше социальное пространство разделено этим рубежом времени: в одной и той же стране одни люди живут «до», другие «после» — с соответствующими политическими предпочтениями. Одним важнее «порядок» и минимальные гарантии — другим защита достоин-

ства и собственности, свобода и маневр, возможность если не определять политику государства, то хотя бы блокировать одиозные тенденции. Между — неопределенные, которым хочется и прелестей «порядка», и поводов для самоуважения.

Совсем недавно произошел перелом. Раньше наше государство можно было с оговорками характеризовать как умеренно полицейское — и в плане регулирования быта и деятельности, и в плане политики. Точнее, в плане политики оно уже было неумеренно полицейским, но все же не экстремальным. Затем режим стал терять популярность, куда и как далеко пойдет этот тренд, было неясно. Судя по ураганному рецидиву хватательного рефлекса, во власти есть предощущение агонии, хотя непонятно, куда все это собираются прятать и как потом легализовывать. Важнее, что происходит в массе, по инерции все еще воспринимающей этот порядок как легитимный.

Здесь тоже постепенно складывается все более отчетливое понимание того, что этот тип власти, при всех его полицейских аксессуарах, никак нельзя назвать «хорошо упорядоченным» (*well-ordered*) ни внутри еле управляемой вертикали, ни в плане обеспечения повседневной жизни подданных. Зарабатывающие люди тем более понимают, что этот самодевулирующий полицейский аппарат не столько защищает, сколько сам является угрозой — мегамашинной по присвоению всеобщего блага во всех его видах и в неограниченных масштабах. Однако все это было и раньше. Сейчас же осыпается защищавший репутацию «тефлон»: люди перестают отделять высшее руководство от всей этой неприглядной действительности. Легкой истерики наверху оказалось достаточно, чтобы удушающий произвол полицейской машины внизу в сознании людей начал связываться со стратегией верха.

Следующих выборов это «полицейское государство нового типа» не переживет, а другие машины по производству легитимности также не подлежат восстановлению. Но и надолго застыть в явном тупике не получится: есть ряд системных ограничителей, мешающих превращению России в *polizeistaat* типа Беларуси или КНДР.

Государство как миротворец и новый Левиафан

В этом ряду вариантов легитимности функция государства как верховного миротворца занимает видное место. Образ «лихих 90-х» в путинской идео-

логии отрабатывает одновременно и тактическое, и стратегическое задание. Вроде ясно: был беспредел с огнестрелом — пришел человек и навел порядок. Но это и целая философия, хотя и не всегда осмысленная. У Гоббса государство возникает как инстанция, впервые укрощающая «войну всех против всех». У нас то же и даже более того: власть не просто напоминает, зачем она вообще нужна и почему в стране не обойтись без железной руки, осаживающей горячие головы. Возникает образ первоурожения государства именно «национальным лидером» и именно в этот момент — в нулевые, с выходом из первобытной дикости усмирением либерального хаоса. Получается, тут не просто «приняли меры», а почти что на ровном месте создали государство, как Петр — столицу на болоте. Это скользкий в этическом отношении момент. Лояльность по отношению к Ельцину формально соблюдена. Но замалчивается, что «беспредел 90-х» уже при нем начал входить в берега. Просто спецпропаганда о работе над образом тогда вообще не думала.

Диффузная война в стиле «убийство драке не помеха» была, но ее сдерживало в тех же рамках и ельцинское государство. Но при Ельцине большие деньги вмешивались в большую политику — преемник с этим не покончил, а лишь оставил это право за собой, и только за собой обеспечивать «мир», но оригинальным способом: он загнал, как писали, «дерущихся бульдогов» под ковер и там одних придушил, других запугал. В итоге славной победы образовалась единовременная добыча и регулярная дань. Это позволило купить избранные силовые структуры, политический класс, творческую интеллигенцию, а в итоге и народ, впервые за долгое время вспомнивший вкус минимальных гарантий, «растущих потребностей» и подарков от власти на средстве из народного же кармана.

Однако возможен и другой взгляд. Можно считать, что ресурс сырьевого экспорта до этого времени, а именно на момент захвата, вовсе не принадлежал никому. После распада СССР страна на какой-то момент сжалась не до границ РФ, а до условной точки небытия — и тут же начала форсированный бросок внутренней колонизации, о которой проникновенно писали такие мыслители, как Сергей Соловьев, Василий Ключевский и вот сейчас — Александр Эткинд. В этой логике люди, захватившие ресурсы сырьевых продаж, искренне считают, что они не отбирали чужое и общее, а просто подобрали то, что валялось, почти как болтавшуюся под ногами власть. Большие

деньги всегда хотели большой власти. Новый режим взялся доказать, что это неправильно: лучше, когда большая власть хочет больших денег. Но поскольку от электората здесь все еще что-то, и даже многое, зависит, это красочное полотно легко выворачивается наизнанку. Эта власть захватила страну, как Чечню: победитель платит дань побежденному. Так же и с оккупированной страной: если не платить побежденному народу дань, «победителя» быстро изгонят. Такое умиротворение бывает стабильным только на кладбище. В живом обществе оно рано или поздно вызывает протест, которому государство-Левиафан объявляет войну на поражение с неизбежным возвратом к нестабильности и росту конфликтов.

Если же анализировать переход экономики в политику, то миротворческая миссия такого государства предстает еще более спорной, если не провальной. В политике есть две стратегии: процедурно договариваться — или уничтожать врагов в соответствии с заветами Карла Шмитта (оппозицию «друг/враг» Шмитт завещал как основу политического), которому идейное окормление нацизма не помешало остаться одним из политических мыслителей века. Но тогда надо говорить не «скрепы», а «фаши», провозглашать принцип «там, где есть полиция, не остается политики» и идти до конца, помня, как много в этой философии значит слово «смерть».

Однако тут не получается идти не то что до конца, но даже за известные пределы. Хочется власть употребить по-настоящему, но именно тут тебя нетерпеливо поджидает кровожадная оппозиция, которой для полноты счастья не хватает сакральной жертвы. Риторика войны продолжилась и на президентских выборах. Главные слова на Манежной со слезами на глазах: «Мы победили!» Было не очень понятно, кто это «мы» и кто эти побежденные: конкурентов выбили задолго до. Однако это был вздох человека, который только что избежал Ватерлоо и обеспечил себе что-то вроде Бородина (спасибо, что живой). Осталось превратить протест в род иноземного нашествия, у которого в мыслях только и есть, что раскачать лодку и поджечь страну. Развязав гражданскую войну (пока холодную), теперь ее пытаются представить как национально-освободительную. Но главное в этом милитаризме, пожалуй, другое: власть не только воюет на выживание в большой политике, но и разжигает множество мелких фронтов, стравливая группы и страты, поджигая и поощряя наиболее конфликтных и агрессивных. Состояние войны пытаются сделать всеобщим, пропитать ею все поры

социального организма, все моменты его нормальной жизнедеятельности. Сейчас модно видеть в этом отвлекающий маневр: в пыли общей свалки не видны куда более серьезные дела. Однако эта конспирология не должна отвлекать от «рисков настроения»: сначала раскаляются умы — потом начинают раскалывать головы.

Метафизика власти: на закате теневой идеологии

Выше мы протестировали формы легитимности в нашей истории; остался момент, важный для XX и начала XXI века — легитимация через идеологическое. Постсоветский период начинался с формально-рациональной (процедурной) легитимации, а также с легитимации идеологической и через харизму. С процедурой ясно: за Ельцина и новый порядок (как он на тот момент виделся) тогда проголосовали. То были, по сути, наши первые выборы от души: голосовали за харизматика, а не маразматика.

С идеологией сложнее. С одной стороны, сработал антикоммунизм — от антисталинизма и антибольшевизма до простой усталости от застоя и унылой геронтократии. Но была и усталость от всего идеократического, от засилья идеологии как таковой — идеологическая идиосинкразия. В хрониках века это был еще один перевертыш «изживания через гипотрофию»: перехлесты идеологизма, агрессивной социализации, этатизма и имперскости породили отдачу — неприязнь к «кормлению периферии» (страны и лагеря), к навязчивой «заботе» государства с его поборами и символическими подарками, ко всякого рода коллективности (социалистическая атомизация), а также к любым формам «идеологической работы». Однако все это довольно быстро исчерпало себя, хотя и с сильными остаточными эффектами: постсоветские будни начали возвращать тягу к коммунальному теплу, к сильному государству и к «железной руке», к имперской державности и геостратегии в высоком стиле «он уважать себя заставил». Лучшего выдумать не могли: уже начинало тянуть к тому, от чего все еще тошило. Но менее всего здесь было ностальгии по идеологии (за исключением идейно озобоченных). У части старшего поколения такая тоска была скорее в «алгебраическом» виде: старики примирились бы с молодежью, будь у нее пусть другие, но убеждения, — их возмущала безыдейность как таковая.

Но в коллективном рацио доминировал миф о деидеологизации. Люди не видели идеологии там, где

привыкли ее видеть: в символике власти и в практиках прямого промывания мозгов. При этом с прежней, если не с большей силой продолжали (и продолжают) работать скрытые, латентные формы идеологии — своего рода идеологическое бессознательное: когда люди ничего идейного специально не артикулируют, однако в политической и социальной жизни ведут себя так, как если бы они были убежденными носителями тех или иных представлений, принципов и ценностей. Это как с учеными, полагающими, что «наука — сама себе философия», но при этом являющимися носителями бытовой метафизики, непромысливаемых мировоззренческих стереотипов своего времени и места — «очевидностей», только кажущихся универсальными и вечными. Все великие ученые были и философами — или не были великими.

Примерно то же случилось и с обществом. Оно оказалось беззащитным перед латентным, скрытым, теневым воздействием (что сейчас мы и расхлебываем), но одновременно оказались пусты высшие уровни идеологического, которые не могут пустовать при любой деидеологизации. Вовсе элиминировать идеологическое нельзя, можно лишь перевести его на следующий этаж сознания, на метауровень. Конституционный запрет на огосударствление идеологии также необходимо толковать — иначе вы получите под эгидой нераскрытой, непроявленной конституции новую государственную монополию на идеологическое, к тому же политически приватизированную. Что мы и имеем. Правовые, законодательные акты, при всей их идейной нагруженности, остаются прежде всего документами юридическими, требующими комментариев, в том числе раскрытия идеологии текста. Иначе вы всегда будете учреждать одно государство (возможно, хорошее), а жить в другом (какое получится). Наши реформаторы вели себя как естествоиспытатели-позитивисты: они полагали, что экономика — тоже сама себе идеология. В жизни иначе: живой идеологический процесс и открытый рынок идей — или вами будут манипулировать те, кто смог приватизировать машину производства и трансляции идеологического.

Путин стартовал в духе привычного прагматизма. На идеологию не замахивались отчасти из осторожности, отчасти в силу все того же неизжитого экономического детерминизма. В проектах гребовского Центра стратегических разработок (ЦСР) уже были отдельные попытки идеологических заходов, но скорее как необязательные довески. Стратегию писали в рамках обычного, «само собой разумеющегося»

мировоззрения. Далее прагматизм рассасывался по мере того, как стратегический проект начинал давать сбои на практике. Населению так или иначе надо было что-то говорить, причем достойное власти. Сверхактивный политический пиар проблему не решал: необходимо было нечто логичное и ценностное — еще один нарратив. В отсутствие собственных достижений пришлось, как обычно, отталкиваться от очернения предыдущего периода. Так возникла идеологема «лихих 90-х» с героической мифологией спасения страны от развала, от победы бандитизма, от сплошного братоубийства.

Однако и этот ресурс со временем оказался исчерпан. К моменту сдачи трона на временное хранение уже требовалось нечто более конструктивное и эпохальное. Из «плана Путина» ничего не вышло, о мегапроекте инновационного маневра и «снятия с иглы» пришлось забыть из-за еще большей подсадки на сырьевой экспорт. С возвратом в Кремль стала подводить и прагматика в экономике и политике. Пришлось идти на действия, которые продвинутой частью населения воспринимаются как «некрасивые», а то и не вполне адекватные.

В этой ситуации обычной теневой идеологии недостаточно. Еще совсем недавно хватало того, что информационный фон и экспертная аналитика наматывали на подкорку населению то, что власть не могла артикулировать явно, не вступая в противоречие с конституцией, не ссорясь с местными интеллектуалами и не позорясь перед «мировым цивилизованным». Но сейчас формируется идеология оппозиции, которая в пафосе отрицания смазывает различия отдельных проектов. И эта идеология останется, даже если уличный протест поделится уже не на колонны, а на отдельные демонстрации. Возникла потребность во внятной контридеологии, которая хотя бы как-то вышала то, что в текущей политике выглядит мелочным и корыстным.

Эта статья начиналась с новейших попыток сакральной легитимации и дружбы с РПЦ. Круг замкнулся. Если идеология — это вера в упаковке знания (а это более не проходит), то начинает мерещиться возможность опереться на знание в упаковке веры, на «идеологию через проповедь». Вовсе не случайно верховный иерарх даже по языку так часто бывает похож на ангажированного политолога и пропагандиста партийной идеологии. Остается последний вопрос — о перспективах такого симбиоза, да и самого режима, при постепенном отпадении всех прочих протестированных властью форм ее легитимации

Легитимация снизу — безысходность, терпение, гордыня

При «закручивании гаек» можно стабильность еще какое-то время наращивать, но потом неизбежен срыв. Однако «ядерный электорат» режима хотя и убывает, но все еще сохраняется — возможно, уже не благодаря усилиям власти, а в силу встречных, низовых инерций сознания массы. Здесь особенно много скрытых, латентных мотивов и рационально неразрешимых парадоксов.

Самое простое — признание режима теми людьми, для которых относительное повышение благосостояния, случившееся за последнее время благодаря некоторому перераспределению сырьевой ренты, является достаточным поводом для моральной легитимации власти. Можно с каким угодно скепсисом относиться к этому типу сознания, однако нельзя не видеть его мотивированности всем ходом советско-российской истории. Как правило, это люди, сформировавшиеся в логике минимальных гарантий, господствовавших в СССР. Бедность на грани нищеты компенсируется здесь «скупой надеждой на будущее», не требующей от человека заботы и инициативы. Можно считать это одной из форм «бегства от свободы», но при этом не стоит забывать, что в этом было и своеобразное, превращенное инобытие свободного существования, чем-то родственное морали клошаров, коорые ютились под мостами Сены и встречали помощь и понимание у хиппующих туристов из самых разных стран и континентов.

У нас этот вынужденный эскейп (escape — побег, спасение), выразившийся либо в опустившемся бедности, либо в опущенном или одухотворенном пьянстве, был распространенным стереотипом поведения — одной из форм жизненных стратегий. Но с крушением советской системы и началом рыночных преобразований по этой стратегии был нанесен удар. Люди, плохо приспособленные к ответственности и минимальной инициативе самообеспечения, оказались попросту заброшенными. Тогда у власти хватило ума хотя бы держать повальную безработицу в скрытой форме: люди сидели без денег, но были причастны к «коммунальному телу» и к «государству» (или к тому, что они по инерции считали государством, — например, заводууправлению на частном предприятии). Система минимальных гарантий начала восстанавливаться еще при позднем Ельцине, но эту социальную «подушку безопасности» подложил народу именно Путин. И теперь президент сравни-

тельно легитимен для всех, кто в этом смысле почти вернулся «назад в СССР».

Но здесь в прогнозах на случай ухудшения социальной обстановки есть развилка. По одной версии, для социальных напряжений достаточно снижения привычных темпов роста благосостояния — тем более при искусственно перегретых ожиданиях. По другой же — кризис актуализирует логику «коней на переправе не меняют» и породит легитимацию мобилизационного типа. Такие попытки, несомненно, будут. Однако они столкнутся с рядом обстоятельств. Политический протест станет искать союза с протестом социальным, а полностью подавить протестное движение не получится: придется закрыть страну, а это лишь усугубит кризис, если не вызовет цепную реакцию распада.

Далее, эти прогнозы приходится просчитывать в логике неприемлемого ущерба — последствия провала мобилизационного сценария могут быть не менее трагичными, чем при развале СССР. Наконец, даже теоретически шансов на успех мобилизационного проекта гораздо меньше. Есть знаменитая «джей-кривая Бреннера»: в реформах стабильность сначала ослабевает, но затем устойчиво наращивается. Но есть и почти пародийная обратная «ню-кривая Рубцова»: при закручивании гаек стабильность можно какое-то время наращивать, но потом неизбежен срыв — и график стабильности падает вниз почти отвесно, как в той греческой букве. Это, впрочем, относится отнюдь не только к социально-политическим системам.

Под легитимацией обычно понимают признание права данной власти на власть — право править. И это признание толкуется позитивно. Право принуждать выводится из тех или иных преимуществ, особых достоинств людей во власти — благоприобретенных собственными усилиями или дарованных происхождением, свыше и т.п.

Но бывают случаи, когда люди власть как таковую не любят и не признают, но терпят. Порой скрепя сердце и из последних сил, но при этом они не только не участвуют в активном протесте, но даже и выполняют требуемые ритуалы — например, голосуют.

Сказывается здесь и политическая безальтернативность, отсутствие для многих реального выбора — при всем понимании искусственного характера этой безальтернативности. Но и здесь срабатывает фактор социального терпения, которое, естественно, тоже не бесконечно. При снижении рейтингов до понятного предела и при усугублении социально-экономической обстановки такого рода безальтер-

нативность становится, напротив, мощным раздражающим фактором, способным при голосовании производить самые неожиданные эффекты, вплоть до «кто угодно, но только не...». Плюс естественная усталость от персонажа. В таких случаях оппозиции даже не надо раскручивать своих активно задействованных лидеров, к тому же растаскивающих протестный электорат. Достаточно появления сравнительно нейтральной, именно нераскрученной, но морально безупречной альтернативной фигуры (или ряда фигур — с учетом технических методов снятия с дистанции). За таких немолодых, но «политически свежих» лидеров часто голосуют едва ли не все подряд как за гарантов прекращения игры без правил и восстановления правил игры, равных для всего легального политического спектра. Когда возникает ощущение, что такая ситуация назрела, действующее начальство начинает стремительно терять легитимацию через безальтернативность и становится «хромой уткой» даже при еще не совсем упавших рейтингах.

Правда, всегда сохраняется иллюзия, что неизбираемого кандидата от власти в последний момент можно «накачать», как Ельцина в 1996-м. Но тогда была реальная затяжная борьба: народ и в самом деле можно было напугать призраком коммунизма и угрозой реванша. Теперь власть блистает всеми своими достоинствами в выжженной политической пустыне, и пугать уже много раз пуганное население ей просто нечем.

В таких случаях, когда проигрыш для властвующей группировки равносильна гибели, бывают оптимальны переходные, «шарнирные» варианты, когда в логике почти универсального компромисса пропускают кандидата, более или менее приемлемого и для власти, и для оппозиции — вроде бывшего министра финансов Алексея Кудрина. Правда, потом вполне возможна реинкарнация прежних порядков (как это в итоге оказалось при переходе от СССР к РФ), и тогда радикалы начинают клеймить соглашателей за предательство принципов, идей и самой революции, однако часто реальной альтернативой компромиссу бывает либо продолжающаяся, хотя и обреченная, реакция, либо массовая бойня, за которую перед людьми и историей приходится отвечать не меньше, чем за временный тактический сговор с уходящим режимом.

И наконец — любители остатков имперского величия, крутой риторики. Это тоже мотив спонтанной, «естественной» легитимации, хотя и усиленно культивируемый. Здесь тоже сложный баланс. С одной стороны, некоторым все еще нравится, когда власть

рассказывает им, как она круто общается с геостратегическими оппонентами «вставшей с колен» великой России. Но все больше людей готовы повторять вслед за недавно прославившимся фермером Мельниченко: «Россия производит впечатление великой страны. И больше ничего не производит».

К тому же никакая гордость за внешнюю политику в наше время не может компенсировать удушающего стыда за манеры и методы в политике внутренней.

Это опасное слово «харизма»

Один из видов легитимации власти, по Макс Веберу, наряду с традицией и формально-рациональной процедурой — харизма. Процедуре у нас всегда следовали, мягко говоря, без фанатизма, а традиция имеет настолько «рваный» вид, что скорее убеждает в обратном: власти вообще свойственно то и дело рушиться и учреждаться заново на руинах. Отсюда — особые ставки на харизматику, тем более естественную в нашей культуре инстинктивной персонификации власти.

На орбиту, как мы уже отмечали, Путина вывела симпатия «от противного», Путин как не-Ельцин. Работала этимология слова: древнегреческое μ означает «милость, дар». Стартовое признание Путину именно подарили, но не свыше, а свои — и ради дела. Фигурант не давал поводов для преклонения, безоговорочного доверия и признания неограниченных или хотя бы сверхординарных возможностей. Но была нормальная энергия и, как тогда казалось, расчетливый выбор Ельцина.

Путин во многом развил то, что сначала пропагандистски присвоил. Ему в этом не мешали, чтобы не портить игру: в дарении был элемент жертвы. Затем эта харизма набирает силу, но раздваивается. Путин-1 — благодетель для бюджетопоглощающего «большинства», даритель остатков сырьевой ренты; эта его харизма импортная, как и наши «современность» и «стабильность». Путин-2 — покровитель институциональных реформ начала «нулевых», надежда реформаторского актива и части либерального крыла, полагавшего, что авторитаризм сможет обуздать среднюю и низовую бюрократию и либерализовать экономику прежде всего для малого, среднего и не сверхкрупного бизнеса.

Это миф, будто бы реализация такого курса была обречена по системным причинам. Изнутри было видно, сколь много значили субъективные факторы: недостаток политической воли у одних и банальная

продажность других. Но в итоге все же хвост так отрулил собакой, что за несколько лет буквально сменил ей масть и саму породу.

Тогда же зазвучало слово «сценичен». Хотя ничего особенного в этом актерстве не было, но, видно, очень хотелось аплодировать. Поэтому не обращали внимания на то, что каким-то волшебным образом никого такого же сценичного даже из своих рядом и близко не появляется. Та же «харизма от противного»: Ельцин создал для Путина фон — Путин фон вокруг себя просто выжег.

Важный атрибут харизмы — святая вера в непогрешимость. Как известно, вождь не может ошибаться, даже в мелочах! Однако рейтинг вовсе не обязательно подрывается компроматом. Есть простая усталость от образа (надое!), есть объективное снижение темпов при искусственно перегретых ожиданиях — всего лишь «ухудшение улучшения». В начале 2011 года социология напугала, и началась форсированная накачка харизмы. Помогло не слишком, поскольку подлинная харизма, как настоящая любовь, — дар одно-разовый: разбил — не склеишь.

В таких ситуациях лишние старания опаснее недоработок. Бросается в глаза наигрыш, и под подозрения попадает и сама святость: это зачем же он так старается? Зона недовольства начинает перегреваться и закипать, все более воздействуя на нейтральных и даже лояльных. Нарастают эффекты антиобаяния, антихаризмы, лишней раз подтверждая, что и в политике от любви до активного неприятия — один шаг.

Однако остается еще «внутренняя харизма»: для себя и для своих. Для себя, чтобы самому держать тонус; для своих, чтобы держать в тонусе окружение, рано или поздно задумывающееся о том, насколько рационально сохранять безоговорочную лояльность в меняющихся условиях. Отсюда кажущаяся абсурдной упертость в самых провальных начинаниях, явно вредящая и делу партии, и самой личной харизме. Это называется «лучше не связываться». Но и такая стимуляция работает лишь до поры — потом только хуже.

Как бы там ни было, уже видно, что ставка на харизматическую доминацию больше не пройдет. Даже если раскручивать популярного Сергея Шойгу. Голосование обеспечить можно, но жизнь — это не только выборы. В стране все меньше людей, желающих гоняться за очередным «спасителем», и все больше — ценящих системное и безличностное, но устойчивое. Это важно для будущего, но будет зависеть от того, какие страты будут выбраны опорными: внушаемая масса или рефлектирующий актив.

Более двадцати лет наша политическая система поочередно тестирует едва ли не все известные из истории и теории формы легитимации, ни на одной долго не останавливается, но каждую рано или поздно дискредитирует. В итоге эта политическая постройка приобретает черты безупречной конструкции: у нее почти не остается иных (тем более метафизических) обоснований, кроме промывания мозгов и голой силы. Теоретический предел такого состояния — режим оккупации.

Чем дальше, тем менее общество настроено прощать проколы в легальности (прежде всего злоупотребления на выборах), компенсируя их иной легитимностью, в обход опошленной формально-рациональной процедуры. Наметился один и тот же повторяющийся цикл: делается акцент на очередном более или менее экзотическом варианте легитимации, какое-то время схема срабатывает, но затем ломается и начинает работать против заказчика.

Так было с попыткой нащупать какое-то подобие сакральной легитимации, но в итоге Патриарха пришлось уводить с политической авансцены на задний план, если не за кулисы (все заметили?). Так было с мифом «постсоветского Левиафана» — с акцентом на идее государства как миротворца в войне всех против всех (те самые «лихие 90-е»). Теперь сама же власть и воспринимается как главный разжигатель розни и конфронтации, начиная с военизированной риторики и лексики политического милитаризма и заканчивая прямым стравливанием. Так было с «формулой Макиавелли»: после периода активной демонстрации обладания высшим знанием об истинных интересах государства и путях движения в истории сейчас буквально бьет по глазам вопиющий стратегический вакуум. Без «модернизации» и «смены вектора» наше будущее опустело, в нем не просматривается ничего, кроме возвращающегося прошлого, к тому же темного. Власть понимает происходящее хуже подданных, а грядущее видит в горизонте не далее чем на полгода.

Так было со всеми идеологическими экспериментами. «Суверенную демократию» в итоге отыгнули вместе с изобретателем концепта. Перестает работать модель «стационарного бандита»: вместо разумного дисконтирования поборов власть системно наращивает их, а публичные услуги превращает в механизм насильственного изъятия средств у населения. В итоге отношение власти к месту и людям все более

напоминает режим набега, беспощадной «гастроли». Похоже, уже не важно, что будет завтра с этой зоной кормления и обитающей на ней тягловой силой. Постепенно исчерпываются и факторы негативного «признания» — легитимность терпения, страха перед изменениями к худшему, неясность альтернативы.

Во всех этих более или менее судорожных попытках разыграть, в крайнем случае, хотя бы имитировать тот или иной формат легитимации есть изначальная ущербность. Нормальная легитимность в целом одновалентна и не предполагает суммирования чего бы то ни было в качестве решающего метода.

Если власть — «от Бога», то ей не нужно, даже грешно и во вред разыгрывать какие-то иные спектакли. Если главенствуют идеология и (или) харизма, народ можно вести на любые баррикады и самоубийственные подвиги, но нет нужды подкупать в режиме «заливать деньгами».

Если честно срabатывает формально-рациональная процедура, все остальное вторично, а если чего-либо не хватает, это компенсируют новой легитимацией через ту же электоральную процедуру.

У нас же срabатывает принцип «до кучи», а в итоге не остается хотя бы умозрительного варианта, какую бы еще легитимность приспособить в качестве опоры. Не остается времени от запуска проекта до его дискредитации. Теперь даже убогие попытки приписать лидеру окормление страны «новой моралью» (триада: Труд, Родина, Семья) тут же воспринимаются не как сборка ключевых ценностей, а, наоборот, как опасное расчесывание самых больных мест: именно труд и родина более всего девальвированы нашей моделью рентной экономики, а семья здесь — скорее объект шантажа нестабильностью и подкупа подачками.

Это чистый цугцванг, когда любой ход лишь ухудшает положение. Опросы и особенно фокус-группы показывают, что в борьбе с коррупцией люди увидели не столько борьбу, сколько саму коррупцию — ее масштабы и статус участвующих в ней, невзирая на лица, включая... Кампания по уничтожению НКО, конеч-

но же, ничуть не остановит людей принципиальных, но при этом в массовом масштабе политизирует ранее совершенно мирные и безобидные инициативы, помогающие больным людям или вымирающим птицам.

Власть не может не чувствовать кризис легитимности и нарастающую критичность ситуации. Отсюда спектакли легитимности, часто дающиеся в первую очередь для одного лица, для вливания в него энергии «поддержки». Отсюда же множество инициатив и проектов, подчеркивающих нормальность ситуации и создающих видимость устойчивости существующего порядка: саммиты, чемпионаты, единые стерильно-непротиворечивые учебники, циклопические музейные затеи (словно больше не на чем сосредоточиться и некуда больше тратить и без того дефицитные «ярды» рублей). Нечто вроде парада на Красной площади в осажденной Москве — но там и маршировали с другой мотивацией.

На этом фоне существует практическая, не виртуальная внутренняя политика, которая выглядит агрессивно-наступательной, но, по сути, реализует паническую стратегию превентивной обороны, выстраиваемой к моменту, когда провалы легитимности обнажатся окончательно, а защищать власть не выйдет никто. Как это бывает с купленной верностью.

Все, что сейчас делается особо значимого, направлено на поляризацию друзей и врагов режима, на обособление этих зон, на устранение смягчающих контактов между ними (таких, например, как в НКО, не тяготящихся с режимом, но своей гражданской активностью в чистом и притягательном виде реализующих повседневные практики либерализма). Это еще и устранение потенциального конкурента, моральная легитимность которого заведомо и на порядок выше, чем у слишком демонстративно не бедствующей власти.

Конструкция зависает. Она еще держится на восходящих потоках, иногда даже кажется, что уверенно, но это именно то парение, в котором в итоге чаще падают, чем мягко планируют на запасные аэродромы.

© Текст: Александр Рубцов

Рубцов Александр Вадимович — руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН. Член Научного совета фонда ИНДЕМ.

В прошлом — советник правительства РФ, координатор группы консультантов администрации президента РФ.

© Фото: А. Зверев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ФАНТОМНЫЕ БОЛИ СССР

Развал империи
вот уже почти три десятилетия
продолжается в головах

Андрей Колесников

Непротивление злу приводит к его
абсолютизации

Лукино Висконти о своем фильме «Гибель богов» (1969)

Согласно исследованию Левада-центра, проведенному в 2012 году, каждый третий россиянин считает Россию лидером в освоении космоса. Ностальгия по СССР отзывается фантомной болью и определяет представления о жизни.

Конечно, находящихся «у времени в плену» заложников вечного мифа о советском величии, становится с годами все меньше. Но 35% уверенных в космическом лидерстве — это немало. К тому же этих респондентов больше, нежели тех, кто уверен в американском лидерстве.

Какая страна сейчас является, на ваш взгляд, лидером в освоении космоса?

	2011 г.	2012 г.	2013 г.
1. Россия	51	36	35
2. США	26	29	31
3. Китай	3	11	9
4. Европейский Союз	3	4	6
Затруднились ответить	17	20	19

Источник: Левада-центр

Характерна «социальная стратификация», делящая опрошенных на «сторонников» того или иного странового лидерства.

Мнение о том, что Россия является «космическим лидером», в наибольшей степени характерно для безработных (46%), пенсионеров и домохозяек (по 39%), в целом для мужчин (37%), россияне в возрасте 40–55 лет (37%), с самым низким потребительским статусом — денег не хватает даже на продукты питания (53%), жителей городов с населением 100–500 тысяч человек (45%) и голосовавших на президентских выборах за Г.Зюганова (41%) или за В.Путина (38%).

Лидерство в освоении космоса отдают США чаще всего служащие (39%), предприниматели (37%) и в целом мужчины (33%), россияне 25–40 лет (35%), с образованием ниже среднего (34%), с невысоким потребительским статусом — денег хватает только на продукты и одежду (34%), москвичи (66%), сторонники М.Прохорова (45%) или В.Жириновского (39%).

Нельзя сказать, что это те самые «две России», одна из которых продвинутая, состоящая из публики Болотной, креативного класса (в российском прочтении, не всегда совпадающем с пониманием автора термина Ричарда Флориды), а другая — из замученных бюджетозависимых поклонников Поклонной. Тем не менее есть и возрастные различия, и водораздел, проходящий по степени урбанизированности, точнее, по численности населения городов, где живут респонденты, в также отличия в занятости.

Более трезвый, а значит, менее обремененный советской мифологией взгляд на вещи — у служащих или работающих в предпринимательской сфере молодых жителей больших городов. У того самого среднего класса, который определяется не столько уровнем доходов, сколько стилем мышления и образом жизни.

Ментальность, обращенная в прошлое

СССР продолжает медленно разваливаться, иногда с оглушительным треском, в головах постсоветских граждан — уже скоро три десятилетия как. И этот процесс многое определяет и объясняет и в устройстве экономики, и в конструкции политического режима, и в ментальности *homo postsovieticus*.

Это ретроспективное устройство постсоветской ментальности, обращенной не в будущее, а в прошлое, очень мешает модернизации России. Модернизации в широком смысле слова, а не в гаджетно-медведевском. Глядя назад, далеко вперед не уедешь. Ностальгия, да еще довольно примитивного, мифологического свойства — не лучшее топливо для продвижения в постиндустриальной среде. Единый учебник истории и единая школьная форма, советский гимн и нормы ГТО — все это ностальгия как последний патрон самосохранения власти. Самосохранения ради самосохранения. И, конечно, важный ресурс этого типа поведения — бедность населения. Во всяком случае, то, что на языке социологов называется — «хватает только на продукты и одежду» или «не хватает даже на продукты питания» — провоцирует возникновение ментальности, обращенной в прошлое.

Символ ностальгической конструкции, ее стержень — не вегетарианский (сравнительно, конечно) Леонид Ильич Брежнев, а жестокий Сталин. При том, что деятельность Брежнева, согласно опросу мая 2013 года, положительно оценивают — 56%, а Сталина — 50%.

«Хороший Сталин» — известная метафора, ставшая названием книги Виктора Ерофеева. Генералиссимус год от года становится не то чтобы добрее, но как-то теплее и незаменимее. Социология упорно демонстрирует приверженность существенной части россиян к мифу о Сталине. Легко осудить сограждан. Сложнее — понять этот феномен.

В недавнем интервью «Новой газете» пред-

приниматель Рубен Варданян объяснил феномен Сталина тем, что Иосиф Виссарионович играл «в долгую» и дал мечту. Какими бы жертвами эта мечта ни оплачивалась, она и в самом деле, по мнению многих наших современников, того стоила.

Значимый фактор: до сих пор существенная часть россиян считает, что Сталин обеспечил победу в Великой Отечественной. То есть не народ победил, а Сталин. Тем самым Георгиевская ленточка приравнивается к портрету вождя.

Возьмем в качестве своего рода кейса Северную Осетию, где Сталин — чрезвычайно популярный персонаж. Памятник Сталину в Куртатинском ущелье в поселке Верхний Фиагдон — величествен, находится в великолепном состоянии. Памятник Сталину в селе Даргавс рядом с туристической достопримечательностью — Городом мертвых — стоит напротив обелиска с именами погибших в войну. Рекламный плакат КПРФ на въезде в село Эльхотово сообщает о том, что Сталин тоже был коммунистом. Рисованный портрет Сталина на скале по ходу движения по серпантину в столь милом сердцу Юрия Визбора Цейском ущелье. Нетрезвый бывший борец-чемпион, прибывающий с бутылкой араки «от нашего стола к вашему столу», первым делом, покачиваясь и помогая силам поверхностного натяжения в рюмке всем своим мощным телом, без предисловий начинает рассуждать о том, что «зря ругают Сосо».

Консультации с местной интеллектуальной элитой показали, что отчасти популярность вождя связана с памятью о войне, которая бережно хранится чуть ли не в каждом местном селе. Но репрессии прокатились по Осетии с не меньшей, а то и с большей силой, чем в некоторых других регионах страны. Возможно, этническое происхождение вождя — «и широкая грудь осетина» — тоже играет свою роль. Ностальгия по СССР в республиках, которые когда-то были вписаны в народнохозяйственные цепочки, а затем утратили свое значение всесоюзных кузниц, житниц, здравниц, — тоже вполне распространенное явление.

Ося-50%

Ностальгия, бедность (и то не всегда), миф о порядке, память о войне как причины неосталинизма — это известно и банально. Не менее банально и стандартное мнение: Сталин считается жестоким тираном, но при этом за ним оставляется привилегия победителя в Великой Отечественной. Кстати, в этом

контексте Ленин оказывается в более выгодном положении. Отрицательно к его деятельности относятся 28% респондентов, положительно — 55%. У Сталина соотношение 38% к 50%.

Однако все равно в этой любви к Сталину больше мистического, нежели рационально объяснимого.

Многие просто не верят в «плохого Сталина». Вот, например, опрос Левада-центра (2010 год) о Катыни. 26% респондентов слышали о том, что вина НКВД в расстреле польских офицеров доказана документально, и не сомневаются в этом. Но 28% слышали — и сомневаются. Не верят документам с резолюциями вождя.

Слышали ли Вы, что документально установлено, что польские офицеры в Катыни были расстреляны силами НКВД?

Знаю и не сомневаюсь в этом	26
Слышал, но сомневаюсь в этом	28
Впервые слышу об этом	47

Знаете ли Вы о том, что еще в 1990 г. руководство СССР признало ответственность советских властей за трагедию Катыни?

Да	24
Нет, впервые слышу об этом	77

Знаете ли Вы о том, что в ходе последнего визита в Польшу В. Путин признал нашу ответственность за трагедию Катыни, назвав это преступлением, которое невозможно оправдать?

Да	35
Нет, впервые слышу об этом	65

Испытываете ли Вы чувство стыда за произошедшее в Катыни?

Определенно да	7
Скорее, да	21
Скорее, нет	30
Определенно нет	20
Затруднились ответить	23

2010 г., апрель

По данным Левада-центра, о распаде Советского Союза жалеют уже меньше половины россиян. (В ту же «копилку»: треть — за то, чтобы убрать тело Ленина из Мавзолея.) Граждане, которые сожалеют о распаде Советского Союза, по-прежнему составляют относительное большинство (49%). Однако по сравнению с данными 2000 года их стало на четверть меньше. Одновременно растет число тех, кто не жалеет о распаде СССР. В 2000 году таких было лишь 19%, а сейчас уже 35%. Причем за тот же период увеличилось число граждан, которые затрудняются сформировать свое отношение к исчезновению Советского Союза (с 6% до 16%). Больше всего россияне жалеют о развале СССР из-за того, что потеряли чувство принадлежности к великой державе (52%). (Путин поддерживают во многом за то, что он «вернул» России «статус великой державы» — все эти слова приходится заключать в кавычки, поскольку они не соответствуют реальной семантике и являются мифологическими фантомами.)

При этом более или менее реалистичном отношении к тому, что старое доброе время не вернуть, неуклонно растет число симпатизирующих советскому политическому строю — за год (к началу 2013) число таких респондентов выросло с 29% до 36% (данные Левада-центра). При этом соотношение сторонников плана и рынка составило 51% против 29%. Понятно, что среди опрошенных много молодых людей, не знавших жизни при Госплане и Госснабе. Но, значит, система образования тоже работает не против Сталина, а на него.

Что ж тогда ругать Путина за эксплуатацию сталинской эстетики? Он всего лишь следует моде. Как те люди, которые придумали в Осетии плакат «Он тоже был коммунистом».

Гуляющие цифры

Как соотносятся представления о России и Западе, об «особом пути» и пути общевилляционном с ностальгическим ресурсом?

Берем в качестве источника совместное исследование 2008 года Левада-центра и Фонда Наумана под названием «Старо-новые российские мифы».

За движение по пути европейской цивилизации — 20% опрошенных. За СССР — менее 20%, за «особый путь» — 60%.

Казалось бы, картина более чем внятная: общественное мнение России — за «особый путь», советское и западное остаются маргинальными

направлениями. Что, впрочем, не слишком четко соотносится с ответами на вопрос о том, какой тип государства предпочитают наши сограждане: 34% — за государство западного типа, но со своим укладом (особое — 19%, социалистическое — 10%, позиция «лишь бы было хорошо» — 29%). То есть тезис, который можно примерно описать словами «жить, как на Западе, но по своим правилам», остается самым популярным.

Стремление к «нормальности», к жизни в более или менее стандартном государстве, поставляющем качественные сервисы, подтверждается другим исследованием, подготовленным весной 2013 года для доклада Центра политических технологий «Власть — элиты — общество: контуры нового общественного договора». 38% считают, что Россия должна стать «демократией, как Европа»; 24,4% — должна идти своим путем, как при Путине, 17,6% «алкают» железной руки; 12,5% — вновь хотят социализма.

Получается, что 54,5% респондентов в принципе выступают за модели, не слишком сочетающиеся с демократией. Но 38% сторонников нормального пути (цифра, вполне бьющаяся с 34% в другом исследовании) — это немало. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы сформулировать и сформировать доминантную политику в государстве и обществе. Невзирая на все советские фантомные боли, ностальгию и мифологизированность сознания.

Странно, что при этом, согласно другому исследованию февраля 2013 года, процент сторонников демократии по образцу западных стран за год уменьшился на 7 пунктов — с 29 до 22%.

Цифры гуляют, что свидетельствует о несколько неустойчивом состоянии общественного сознания, которое в зависимости от политической конъюнктуры может двинуться в любую сторону. Хотя базовое ядро — желание нормальной спокойной жизни — остается.

И в этом контексте советские фантомные боли, не отпускающие массовое сознание, тем не менее уходят, оставаясь ностальгической утопией, обращенной в прошлое, но не слишком пригодной для будущего.

Банальность (ко)зла

Еще один важнейший вопрос: почему постсоветское общественное сознание столь подвижно, так чувствительно к флуктуациям политической конъюнктуры, в том числе к мнению

начальства и генеральной линии государственной идеологии? Почему так быстро меняется общественное мнение в соответствии с идеологическими установками сверху?

Самые дикие антизападные предрассудки, недоверие к частной инициативе, в том числе правозащитной и волонтерской (более 50% сограждан одобрили жесточайшие меры по отношению к НКО-«иностранным агентам»), готовность воспринимать как норму все возможные советизированные или репрессивные инициативы власти, клерикализация и «чековизация» сознания — все это возникло словно бы в одночасье и стало мейнстримом в массовом сознании. Получилось очень быстрое воспроизводство советской матрицы без понимания того, что она советская. Именно скорость — в один «клик» — перемен в головах поражает больше всего. Хотя этот феномен описан, и он не является квалифицирующим признаком исключительно российского народа.

Это — часть более общего и чрезвычайно сложного вопроса о банальности зла. Ханна Арендт в работе «Некоторые вопросы моральной философии»: «...еще более пугающим оказалось то, с какой легкостью все слои немецкого общества, включая прежние элиты, не тронутые нацистами и никогда не отождествлявшие себя с партией у власти, пошли на сотрудничество» (художественное осмысление этих сюжетов можно найти у Лукино Висконти в «Гибели богов» или у Джонатана Литтелла в «Благоволительницах»).

А потом, после войны, невероятно быстро массовое сознание немцев развернулось в другую сторону. Арендт: «Что случилось с его совестью? Почему она не сработала? И почему в послевоенной Германии не нашлось нацистов? Почему все смогло перевернуться во второй раз?»

В сущности, то, что произошло в годы «перестройки», когда почти весь народ вдруг стал антикоммунистом, — иллюстрация к мысли Ханны Арендт (сюда же приплюсуем деперсонализации ответственности за происходившее; «я выполнял приказ», «я ничего не знал», «я как все» — это арии из той же оперы). Человек, в конце концов, адаптируется к заданным обстоятельствам. Ей ли, Ханне Арендт, тайной любви Мартина Хайдеггера, ставшего ректором университета в нацистские времена, не знать, как это

бывает... Потому и обратное превращение «перестроечного» народа в народ-обыватель, в «путинское большинство», произошло не менее стремительно. А сейчас этот процесс вошел в следующую логическую стадию — архаизации сознания.

И вот парадокс: «совок» как исторический период уходит, даже ностальгия теряет энергию, но одновременно происходит советизация слов и действий, пестуются изоляционизм, патернализм, клерикальное сознание. Если остановить второй процесс, не подогревать его сверху, естественным образом пойдет обратное движение — нормализация ментальности, ее вестернизация (бытие определяет сознание, а потом сознание начинает определять бытие). При всех фантомных болях народ готов к демократии. И одно из доказательств возможности формирования иной ментальности, иного массового сознания — этический протест против вранья, фальсификаций и «фейковизации» всего: от выборов до дипломов и диссертаций.

Раньше то, по чему ностальгируют, называлось Верхней Вольтой с ракетами. Сейчас получился Усть-Урюпинск с айпадом. Оба варианта хуже. Имперские клозеты можно починить на европейский манер, а вот вывести империю, три десятилетия разваливающуюся в головах, из сознания людей — задача потяжелее будет. Сознание продвинутой элиты должно изменить бытие власти, а уже бытие власти должно будет определить сознание людей. Иначе, судя по всему, пока не очень получается.

P.S. В театре-студии «Наш дом», существовавшей с конца 1950-х до конца 1960-х годов, была такая реприза. Последовательно, один за другим, на сцену выходили люди со словами: «Что я могу сделать один?» Этот манифест против массового отказа от ответственности хорошо показывает психологию, способствующую адаптации к внешним обстоятельствам — даже если эти обстоятельства не нравятся. Ровно этот механизм воспроизводится сейчас. Студию, кстати, в 1969-м, после заморозков, прикрыли...

Статья основана на материалах лекции, прочитанной в рамках «Гайдаровских чтений» в апреле 2013 года в Российско-армянском славянском университете (г. Ереван) ■□■

МЫСЛЯЩИЕ ПОЛИТИКИ и практикующие эксперты

В середине января в Москве прошел 5-й Гайдаровский Форум. Теперь Форум – авторитетная мировая экономическая конференция, посвященная памяти Е.Т. Гайдара и организуемая его соратниками, Академией народного хозяйства и Государственной службой при Президенте РФ, Институтом Гайдара и Фондом Егора Гайдара.

Форум собрал блестящий состав участников и беспрецедентную прессу.

«Гайдаровский Форум за пять лет его существования сумел стать превосходной площадкой для дискуссий экспертного сообщества и правительства», – таково общее мнение почти всех экспертов.

Хотя – и не без того, конечно, чтобы (за пределами Форума) несколько неутомимых ненавистников Гайдара и «гайдаризма» не отработали свои номера с ритуальными проклятиями.

Гайдаровский Форум-2014 продемонстрировал, что политическое руководство страны признало внутренний характер проблемы замедления темпов экономического роста. Поэтому нынешний Форум воспринимался как некий «мозговой штурм» при обсуждении модели экономического роста, хотя бы на среднесрочную перспективу.

Похоже, что правительство и экспертное сообщество достигли консенсуса по вопросу улучшения делового климата в России, с тем чтобы именно малый и средний бизнес могут стать «драйвером экономического роста, а не надеяться на повышение спроса за счет нефтедолларов». Но кроме правительства и экспертов есть еще многое, что должно заработать в унисон.

Первый день 5-го Гайдаровского Форума был посвящен теме «Контурь посткризисного мира». Начался он дискуссией с парадоксальным названием «Устойчивое развитие в период нестабильности».

Обсуждались варианты государственной экономической политика в условиях нестабильности; структурные и стабилизационные меры экономической политики; будущее мировых резервных валют; обновление мировой финансовой архитектуры.

Модератор дискуссии — *Сергей Синельников-Мурылев*, ректор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, научный руководитель Института Гайдара.

Тональность дискуссии задал министр экономического развития *Алексей Улюкаев*, заявивший, что Россия сейчас находится «в противофазе с мировым экономическим ростом»: мировой рост составляет 3,5%, в России в 2013, 2014, 2015 гг. и, возможно, в последующие годы — в лучшем случае 2%. Однако, по мнению А. Улюкаева, наблюдаемые сейчас явления — это не кризис, а переход с одной модели экономического развития на другую, для которой будут характерны более низкие темпы роста и преодоление сложившихся дисбалансов.

Устойчивость и развитие, отметил министр, — «это две стороны одной медали». Средствами для их поддержания являются создание качественных институтов, комфортной среды для предпринимательства, снятие ограничений — не по спросу, а по предложению.

Министр финансов *Антон Силуанов* сообщил, что дефицит федерального бюджета по итогам 2013 г. составил 0,5% ВВП, при том, что планировали недополучить 0,8% ВВП. Основной задачей Министерства финансов он считает сокращение нефтегазового дефицита до уровня 5-6%, (по итогам 2012 г. этот показатель составил 10,2% против запланированных 9,7%). «Излишний оптимизм при планировании доходов привел к тому, что по мере исполнения бюджета пришлось направлять нефтегазовые доходы на восполнение выпадающих нефтегазовых доходов. Консерватизм при планировании — один из основных выводов по итогам 2013 года», — сказал Силуанов.

А. Силуанов (вслед за А. Кудриным, не устающим указывать на необходимость и неизбежность повышения пенсионного возраста) заявил, что без решения вопроса о повышении возраста выхода на пенсию балансировка пенсионной системы невозможна.

Первый заместитель председателя Банка России *Ксения Юдаева* считает, что российская экономика исчерпала возможности восстановительного роста и уже в прошлом году столкнулась с явлением стагфляции. «В целом в круге стран с развивающейся экономикой, в том числе и в России, можно говорить о такой проблеме, как стагфляция, то есть о замедлении экономического роста, который сопровождается всплеском инфляции. Мы видим такое в России, мы видим такое в ряде стран, например в Бразилии». По ее словам, эта проблема является одним из вызовов прошлого года. Необходимо сделать соответствующие выводы и «строить стратегию развития, исходя из этого вызова».

Президент — председатель правления Сбербанка России *Герман Греф* подверг критике работу правительства России. По его словам, неясно, какие задачи ставит правительство РФ на 2014 год. «Я зашел на сайт правительства, но не нашел там шагов на 2014 год, потом зашел на сайт открытого правительства, но и там ничего. Но вместе с тем есть цифры на 2018 год».

Впрочем, Греф заявил, что не стоит поддаваться унынию, а нужно просто работать. Он дал рекомендации гражданам и малому бизнесу по поводу валют,

в которых стоит хранить свои сбережения, и представил результаты исследования экспертов Сбербанка по 33-м странам мира. Исследовалось состояние экономики стран и их устойчивость. В первую тройку лидеров попали Швейцария, Норвегия и Швеция. «Сохранение сбережений в валютах этих стран, с точки зрения устойчивости, наиболее безопасно, поэтому мы не отнесли евро в рекомендуемый набор валют». Доллар США эксперты Сбербанка поставили на 9-е место. Учитывалась и ликвидность валют этих стран — максимум у швейцарского франка: Греф отметил, что ежедневно в мире обращается эквивалент около \$80 млрд в этой валюте. Этой ликвидности достаточно для большинства представителей МСБ.

Российский рубль в рейтинге оказался на 11-м месте. «Это очень неплохое место, — сказал Греф. — Зона евро весьма разнородна, поэтому мы не отнесли евро в рекомендуемый набор валют».

Глубокомысленные предложения Сбербанка оживили аудиторию.

«КОНТУРЫ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА» (По стенограмме пленарной дискуссии)

Владимир Мау, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации:

...Особенность нашего Форума состоит в том, что форум этот не инвестиционный и не политический, это **Форум экспертов, которые становятся политиками, и политиков, которые любят думать**. Я бы так сказал: **мыслящие политики и практикующие эксперты**. Собственно, это основной месседж, основная идея этого Форума.

Мы хотим обсудить контуры мира, который будет возникать после этого системного кризиса. Год назад, обсуждая ситуацию, мы говорили, что мир проходит через системный кризис, через структурный кризис, который по своей глубине в чем-то аналогичен кризисам 30-х и 70-х годов XX века.

Из этого кризиса мир выходит с другим видением глобальных тенденций, с новыми конфигурациями резервных валют, с новой экономической доктриной, с новыми инструментами, с новыми механизмами регулирования, новой индустриальной парадигмой.

Я бы использовал такое сравнение: **экватор кризиса пройден**.

В общем, и экономисты, и политики гораздо лучше понимают ситуацию, чем это было в 2008, 2009 и даже 2010 гг., но сейчас перед нами стоит несколько

загадочных проблем, на которые предстоит ответить. Отчасти мы сможем ответить на эти проблемы. Среди них — будущее социального государства, потому что понятно, что то социальное государство, которое возникло в начале XX века в других демографических ситуациях, теперь, в современном развитом мире, включая Россию, неэффективно.

Это вопрос о том, будет ли новая модель роста демонстрировать те же высокие темпы, которые были в предыдущие 20 лет — в 1990-е и 2000-е годы.

Это одна из интереснейших дискуссий — являются ли те темпы роста, которые были в предыдущие 20 лет, нормальными или мир выходит в другую парадигму, где темпы развитых стран, а также и темпы развивающихся стран (emerging markets) будут ниже, чем это было в предыдущие 20 лет.

Это и вопрос о том, как удастся выйти из этой ситуации с денежными политиками, когда балансы ведущих центробанков и двух основных резервных валют получили такой денежный прилив, которого не знает история.

Самое интересное в кризисах (и самое болезненное) — это те возникающие ситуации, которые не имеют исторических прецедентов. Такого увеличения балансов центробанков без инфляционного эффекта история не знала никогда.

Что это значит? Это выход в новую парадигму, или за это придется платить? Чем — инфляцией или ростом? Это тоже вопрос, на который еще только предстоит дать ответ, какая денежная политика будет в этой ситуации.

Это и вопрос новой модели регулирования. Но опять же: после кризиса 1930-х годов мир вышел с дирижистской моделью, с резко возросшим уровнем бюджетной нагрузки на экономику, а после 1970-х — с моделью дерегулирования.

Что будет сейчас? В какой мере на вызовы финансовой глобализации удастся ответить возможностями международного финансового регулирования? Стоит ли этот вопрос на повестке? В какой мере он будет стоять или отражаться в решениях стран?

В общем, мне кажется, что это тот круг вопросов, на которые пришла пора ответить, на которые очевидных ответов нет, но на которые уже можно отвечать.

В общем, у нас такая уникальная панель экспертов.

Я коротко представлю их.

Это **Марио Монти** — профессор экономики, еврокомиссар и председатель Совета министров Италии (2011–2013 гг.).

Это **Анхель Гурриа** — генеральный секретарь ОЭСР. Мы только что провели дискуссию по представлению доклада ОЭСР, и надо сказать, что выводы ОЭСР гораздо более оптимистичны, нежели выводы большинства российских экономистов как правого, так и левого направления.

Вацлав Клаус, который в течение 10 лет был президентом Чехии, известный экономист — еще один пример, когда видный экономист становится политиком.

Рэйчел Кэйт, вице-президент Всемирного банка, занимающегося устойчивым развитием.

Джеффри Сакс, имя которого в какой-то мере стало нарицательным в нашей стране, но который совершенно не соответствует (вы, я думаю, это увидите) тому облику и тому представлению... Есть мифический Джеффри Сакс, о котором можно почитать в газетах, особенно левого толка и есть реальный Джеффри Сакс, которого вы узнаете.

Яков Френкель — человек, который 10 лет руководил центральным банком Израиля, собственно, обеспечил в значительной мере стабильность израильской экономики благодаря тем стабилизационным мероприятиям, которые до него и при нем проводились. В настоящее время является президентом J. P. Morgan International. Такая панель.

Наверное, участникам панели я буду задавать определенные вопросы. Впрочем, хочу сразу сказать, что это их право — отвечать на эти вопросы или не отвечать. Я надеюсь, что у нас будет интересная, увлекательная дискуссия, которая в ближайшее время получит свое продолжение.

Да, еще. Характеризуя участников сессии, хочу сказать, что у нас собрались люди (мы не специально это придумали) с парадоксальными взглядами, и вы это тоже увидите.

Д.А. Медведев, Председатель Правительства Российской Федерации:

Мир переживает очередной этап «созидательного разрушения»

...За время своего существования Форум уже заслужил репутацию достаточно авторитетной площадки. У многих ведущих экономистов, представителей деловых кругов, международных организаций даже сложилась неплохая традиция — начинать год здесь, в Москве, на Гайдаровском Форуме.

...Большинство стран, которые пострадали от глобального кризиса, находятся в стадии разрешения своих экономических проблем. Усилия по оздоровлению финансовых систем, развитию мировой торгов-

ли, поддержанию инвестиционной активности все же приносят определенные результаты. Это, кстати, видно даже и по тому, как менялась повестка дня дискуссий на Гайдаровском Форуме в последние годы.

Если раньше (после 2008 г., конечно) в основном обсуждались меры по реанимации мировой экономики, то сегодня мы говорим о поиске точек устойчивого роста.

Однако эта позитивная динамика — и не только в повестке дня Форума, но и в развитии мировой экономики — не отменяет всей сложности стоящих перед нами задач по выходу на траекторию роста.

Готовых рецептов, конечно, нет ни у одного правительства, ни в одной стране. Нет той универсальной модели или универсального лекала, с помощью которого можно было бы нарисовать контуры посткризисного мира и динамичного развития. Но, как только что говорил господин Мау, именно в периоды кризисов формируются новые возможности для экономического роста, меняются традиционные направления мировой торговли, сложившиеся, в том числе не всегда справедливые, геополитические и геоэкономические балансы и появляются новые лидеры — лидеры роста, появляются новые технологии производства и целые отрасли.

В этом смысле можно согласиться с тем, что мир переживает очередной этап «созидательного разрушения», описанного еще Йозефом Шумпетером феномена, который создает предпосылки для последующего развития.

Не так давно (это было в прошлом году на нашем Сочинском форуме в сентябре) я сказал, что **время простых решений прошло**. Это действительно так. Перед всеми нами стоит очень серьезный интеллектуальный вызов, и от нашего ответа зависит то, каким будет посткризисное развитие, зависит и то, какую роль и какое место получит наша страна, Россия, в глобальном мире.

На фоне глобального кризиса ситуация в России — по формальным, подчеркиваю, признакам — выглядит достаточно стабильной, о чем, в общем всегда говорят. **Экономика** растет, конечно, невысокими темпами, но **все же как-то растет**. Бюджет сегодня сбалансирован, государственный долг и безработица — невелики, инфляция (имея в виду наши подходы к этому вопросу) находится под контролем.

Однако, и это тоже всем абсолютно понятно, динамика нашего развития не может не вызывать озабоченность. Напомню, что если в 2010–2012 гг. средние ежеквартальные темпы роста составляли почти

4,5%, то во II и III кварталах прошлого года только 1,2%, и это при том, что среднегодовые цены на нефть остаются вблизи своих исторических максимумов. Конечно, здесь есть и внешние причины, к примеру, рецессия у нашего основного торгового партнера — Европейского Союза, но не это главное.

Наблюдаемое сейчас торможение российской экономики обусловлено прежде всего внутренними проблемами нашего развития, теми структурными и институциональными ограничениями, которые не дают нам выйти на принципиально новый уровень развития.

С одной стороны, мы, конечно, уже достигли довольно высокого, по российским меркам, уровня благосостояния, а с другой — мы постепенно приближаемся к ограничениям по цене рабочей силы, она уже достаточно высока. В то же время ограничения существуют и по институтам, которые еще недостаточно хорошо развиты.

Это может привести нас к проблемам конкуренции как с развитыми экономиками, которые обладают высококвалифицированной рабочей силой и экспортируют технологические инновации, так и с экономикой с низкими доходами, низким уровнем заработной платы и дешевым производством промышленных товаров. Это то, что вслед за Барри Эйхенгрином называют «ловушкой среднего уровня доходов» — когда при достижении определенного уровня валового внутреннего продукта происходит определенное «зависание» темпов экономического роста.

Хотел бы также отметить, что **наши сегодняшние проблемы, на мой взгляд, не являются результатом ошибок прошлого.** Во всяком случае, их было не так много. Напротив, это скорее следствие довольно успешной реализации экономической политики в последние 10–12 лет, которая и позволила нашей стране совершить рывок вперед, подняться на качественную ступень, именно на которой мы и сталкиваемся с совершенно другими по своей природе и масштабу вызовами — кстати, по сравнению с теми, которые стояли перед нашей страной еще 10–15 лет назад и о которых в начале предыдущего десятилетия говорил Егор Гайдар.

А говорил он буквально следующее: *«То, что мы делали в начале 1990-х гг., было исключительно болезненно в социальном отношении и рискованно политически, но интеллектуально несложно. А то, что должно делать правительство в настоящее время, — реформы здравоохранения, пенсионной системы, качественное обновление системы право-*

вой охраны, защиты прав собственности — все это требует и тщательной проработки, поскольку здесь не может быть универсальных рецептов».

Для того чтобы справиться со всеми этими новыми вызовами, необходимо серьезное обновление большинства сложившихся институтов и процедур — и формальных, а зачастую и неформальных, — в рамках которых существуют и работают государство, бизнес, социальные структуры, граждане, все гражданское общество нашей страны. Это не просто теоретические размышления, это в современных условиях, по сути, веление времени.

Сегодня **наша самая важная задача может быть выражена одним словом — словом «качество».** Это и качество труда, и качество товаров, и качество продуктов и проектов, которые предлагаются для инвестирования, и, конечно, качество управленческих решений — в конечном счете все, что формирует качество нашей жизни.

Теперь несколько слов о тех направлениях, по которым правительство собирается эти задачи решать.

Первое, о чем мне хотелось бы сказать, — это **повышение качества труда и обеспечение профессионального роста.**

Это необходимое условие решения задачи по созданию до 2020 года 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Впервые об этом было сказано, напомним, Президентом России. **Из страны дорогого, но зачастую некачественного и неэффективного труда мы должны стать страной высокого коэффициента полезного действия.**

В этом смысле нам нужно обеспечить и гибкость рынка труда и трудового законодательства, повысить мобильность и качество трудовых ресурсов.

На Сочинском форуме, о котором я уже упоминал, я как-то сказал, что мы не должны искусственно поддерживать занятость, поддерживать занятость любой ценой. Это тогда вызвало определенную критику, даже волну критики.

Тем не менее я считаю, что это правильно. При этом хотел бы отметить еще раз то, о чем говорил тогда: конечно, надо минимизировать социальные и политические риски высвобождения работников, а они есть, но сегодня они значительно ниже, чем несколько лет назад. Почему?

Во-первых, масштаб возможных высвобождений не такой большой, как 20 или даже 10 лет назад.

Во-вторых, сейчас на пенсию выходит многочисленное поколение 1950-х гг., а свои первые записи в трудовых биографиях делают представители

поколения 1990-х, когда, собственно, в нашей стране и начал наблюдаться демографический спад. Таким образом, **доля экономически активного населения, к сожалению, постепенно сокращается, и эта тенденция, вероятно, сохранится и в ближайшие годы.** В этих условиях, **скорее, будет не хватать квалифицированных сотрудников, работников, чем рабочих мест.**

Государство должно стимулировать переход работников на те предприятия, которые нуждаются в рабочих руках и могут найти им наилучшее применение, помогать в открытии собственного дела, способствовать переобучению работников, получению ими новых и востребованных знаний. Иными словами, **мы должны будем помогать тем, кто готов меняться, готов идти по пути повышения и эффективности, и качества своего труда, идти по пути модернизации.** Это будет помощь и работникам, и работодателям, которые обеспечивают рост производства. Мы, кстати, готовы брать на себя и довольно существенную часть затрат, связанных с высвобождением работников: я имею в виду переобучение, оплату переезда к новым местам работы и необходимую адаптацию.

То есть в первую очередь мы здесь будем помогать самим людям, тем более что повышение такой мобильности — это важнейший ресурс экономического роста.

Еще несколько десятилетий назад промышленность развитых государств уходила в страны с дешевой рабочей силой. Сегодня все чаще она возвращается назад, но уже не в виде традиционных производств. **Современная реиндустриализация — это появление принципиально новых технологий,** которые к тому же непрерывно развиваются, совершенствуются, и работа с ними требует высокой квалификации, качественной образовательной подготовки.

Во всем мире инвестиции в знания растут существенно быстрее, чем вложения в основные фонды. Это, кстати, неудивительно, потому что 90% всех открытий и информации, которыми располагает человечество, было сделано за последние 30 лет, а те же самые 90%, но уже ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, — это наши современники.

Динамика прогресса такова, что **принцип «одна жизнь — один диплом» очень быстро устареет...** К сожалению, в нашей стране те, кто постоянно обновляет свои профессиональные знания, занимается дополнительным образованием, пока находятся

в меньшинстве, поэтому мы намерены поддерживать расширение сферы непрерывного образования, причем, учитывая возрастную структуру нашего общества, особое внимание будет уделено людям среднего и старшего возрастов. К 2015 г. доля работников, которые прошли повышение квалификации, должна вырасти на 10% против того, что мы имеем сейчас, — где-то до 37%... В современном обществе сектор знаний — это такая «умная машина» по принятию решений, по разрешению различных проблем, причем не только технологических или управленческих, но и тех, от которых зависит продолжительность экономически активной жизни каждого человека.

...Мы, конечно, рассчитываем на развитие институтов непрерывного обучения, бизнес-школ, executive education, и, естественно, других возможных средств, и, конечно, на приход качественных управленцев в государственный сектор.

Принципиальное изменение предпринимательской среды, ее качества — это второе, на чем следовало бы сфокусироваться правительству.

Основная задача — сделать условия ведения бизнеса в России, или, как сейчас модно говорить, **национальную российскую юрисдикцию комфортной и конкурентоспособной, снять инфраструктурные и институциональные ограничения для деловой активности, создать эффективную систему стимулов для инвестирования в реальный сектор, в инновационные проекты и в региональное развитие.** Мы этой работой занимаемся в расчете на то, что и российские инвесторы, и малый и средний бизнес к этому тоже будут подключаться.

...Приведу пример, который, на мой взгляд, является, может быть, наиболее красноречивым: срок подключения к электросетям для потребителей до 150 кВт сокращен до 180 дней, а его стоимость снижена более чем в 3 раза (совсем недавно эти цифры были совершенно тяжелые).

...Более простыми и прозрачными станут процедуры получения земельных участков под строительство и необходимых разрешений. В этом году будут снижены издержки бизнеса, связанные с предоставлением отчетности, до 40% увеличена доля закупок в электронной форме в общем объеме конкурентных закупок, срок государственной регистрации права собственности и кадастрового учета сократится до семи и пяти дней соответственно, а срок регистрации в государственных внебюджетных фондах для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей должен составить один день.<...>

Сейчас нам крайне нужны инвестиции, которые связаны с внедрением передовых технологий, современного менеджмента, созданием высокотехнологических рабочих мест, о которых я уже сказал, с качественно иным уровнем использования ресурсов и производительности труда. Как известно, инвестор понимает, что идти нужно туда, где выгодно, удобно и безопасно работать.

И, как очень часто довольно цинично говорят, патриотизм заканчивается там, где начинается налоговая декларация. В этом смысле мы тоже чувствуем это и на своем опыте.

Критически важный для нашей страны момент в плане сокращения издержек отдельных компаний — это **создание современной транспортной и социальной инфраструктуры**. Речь идет о привлечении частных инвестиций в крупные проекты Сибири, Дальнего Востока, в жилищно-коммунальный сектор, в строительство, в инновации.

О развитии социального предпринимательства и государственно-частного партнерства в этой сфере много говорится, но в любом случае требуются стимулирующие меры, и такие меры должны быть созданы, в том числе за счет возврата части будущих федеральных налогов.

Что касается формирования территорий опережающего развития, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, то для предпринимателей, которые будут вести здесь свой бизнес, будут созданы особые условия, я буду заниматься этим лично. В том числе установлены пятилетние налоговые каникулы по налогу на прибыль, по добыче полезных ископаемых, земельному и имущественному налогам, а также пониженные ставки страховых взносов.

Одна из ожидаемых многими инвесторами инноваций в этой сфере, которая, как мы рассчитываем, тоже будет приносить пользу, — это механизм отсроченных платежей, так называемый TIF, когда реализация проекта начинается без первоначальных вложений со стороны государства и затраты инвесторов возмещаются за счет налоговых поступлений от реализации инвестиционного проекта в целом.

Еще один наболевший для бизнеса и граждан вопрос (он напрямую влияет на качество бизнес-среды) — это обеспечение более эффективной работы инфраструктурных монополистов. Вы знаете, мы тарифы заморозили, в самых ближайших планах — внедрение системы общественного контроля за издержками инфраструктурных монополий, процедур ценового и технологического аудита, раскрытие ин-

формации о закупках и обсуждение их инвестиционных программ. Этим тоже стали заниматься гораздо более активно, чем это делалось в последние 15–20 лет.

Нас часто упрекают в коротком горизонте планирования, критикуют за постоянные изменения в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Это отчасти справедливо, но не до конца.

Я напомню, что за прошедшие полтора года утверждены Основные направления деятельности правительства до 2018 года, ряд долгосрочных стратегий, 39 государственных программ.

Конечно, эти инструменты нуждаются в доводке, но это все-таки довольно ясные ориентиры для инвесторов, позволяющие планировать долгосрочные капитальные вложения и привлечь длинные кредитные ресурсы, создавать дополнительные рабочие места, тем самым формировать реальные точки устойчивого экономического роста.

В последние годы российское законодательство было существенно модернизировано, в том числе в связи с тем, что мы приводим его в соответствие с требованиями ВТО, гармонизируем его правовую базу с нашими белорусскими и казахстанскими партнерами в ходе формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства.

На очереди вступление в ОЭСР, поэтому мы и дальше продолжим совершенствование законодательства в области регулирования капитальных вложений, финансовых рынков, экологии, борьбы с коррупцией... Важно, чтобы эти новации улучшали деловой климат и **не создавали дополнительной административной нагрузки на бизнес**. Чтобы эти риски свести к минимуму, вводится **оценка регулирующего воздействия**.

...По большому счету речь идет об определенном *самоограничении власти* в определенных отраслях экономики, в сфере ЖКХ и социального обслуживания — там, где частный инвестор, там, где собственник по определению более эффективен и поэтому должен быть заинтересован в развитии своего бизнеса.

Что касается малых и средних предприятий. Наша задача — набор критической массы. В странах Евросоюза на долю небольшого бизнеса приходится до половины валового внутреннего продукта. У нас, к сожалению, пока цифры другие, у нас это около 20%, ну а в общей численности занятых — приблизительно четверть. Показатель занятости в секторе малого и среднего бизнеса других стран, в Европе, действительно составляет около 50%.

Многое зависит от эффективности государственной политики. Даже в условиях оптимизации государственных расходов мы продолжаем финансирование федеральных программ поддержки небольших компаний, предпринимателям предоставляются субсидии. В текущем году на это было предусмотрено более 21 млрд рублей. Предстоит также **реализовать решение (оно было озвучено в Послании) о двухлетних налоговых каникулах для вновь созданных предприятий в производственной, социальной и научной сферах**. Необходимые полномочия должны быть предоставлены субъектам нашей страны уже в этом году.

Более открытой для малого и среднего бизнеса должна стать система государственных закупок. С этого года мы внедряем закон о контрактной системе. Он, как известно, предусматривает **серьезные преференции для малых и средних предприятий**, имея в виду, что не менее 15% годового объема заказов должно быть отдано небольшим фирмам и социально ориентированным некоммерческим организациям, а для малых и средних предпринимателей в закупках инфраструктурных монополий эта доля должна быть еще значительнее.

Еще одно важное направление — **повышение доступности кредитных ресурсов для малого и среднего бизнеса**... Все эти шаги имеют конкретную цель — максимально упростить для бизнеса создание современных рабочих мест, создание новых продуктов и услуг и облегчить выход на новые технологические уровни.

Но, скажем прямо, одних правительственных усилий недостаточно. Власть только может создать необходимые условия и постараться их качественно внедрить, а вот как использовать открывающиеся возможности, зависит от всех нас, от каждого из нас — от тех, кто ведет собственное дело, от тех, кто работает на малых и средних предприятиях, в крупных компаниях, общественных организациях, в конечном счете зависит от нашего желания добиваться успеха собственным трудом.

Марио Монти (президент Университета Боккони, пожизненный сенатор, председатель Совета министров Италии в 2011–2013 гг.)

ЕВРОПА ПРЕОДОЛЕЛА КРИЗИС

В. Мау: В начале 1990-х я открыл для себя своеобразный экономический или экономико-политический

закон: *если профессор экономики становится премьер-министром, дела в стране идут плохо. Потом я понял, что это работает и для Европы. Особенно это стало ясно, когда профессор Монти стал премьер-министром Италии. Марио, хотел спросить: как это было и как вы себя чувствуете? Многие ли еще профессоров должны занять места премьер-министров и президентов в Европейском Союзе?*

Кстати, в этой связи не могу не вспомнить цитату. Некоторое время назад я прочитал в «Экономисте» такую фразу: «Для того чтобы в Европе прошел кризис, необходимы немецкая экстравагантность, французские реформы и итальянская политическая зрелость». Как вы к этому относитесь?

Для меня большая честь участвовать в Гайдаровском Форуме, я прежде всего благодарен профессору Мау за то, что меня пригласили. Для меня особая честь вновь встретиться с премьер-министром господином Медведевым, с которым я прекрасно сотрудничал на двусторонней основе, я имею в виду Россия — Италия в рамках «восьмерки», в рамках «двадцатки». Также я сотрудничал и с президентом Путиным, когда я недолгое время находился в правительстве.

Немецкие, французские, итальянские плюсы или минусы, слабости или сильные стороны — это один из интересных аспектов, характеризующих Евросоюз.

Конечно, есть еще 25 стран, которые могли бы добавить кое-что к этой комбинации. Если вы спросите у итальянцев по поводу того, как они реагировали на итальянский финансовый кризис в конце 2011 г., то, наверное, они будут еще более откровенными, они, наверное, скажут: «В ноябре 2011 г. нам, похоже, дали немецкого премьер-министра» — скорее всего, так они скажут, и это совсем не обязательно будет означать комплимент.

Честно говоря, я считаю, что **в последние два года мы в Европе осознали необходимость добиться взаимопонимания в том, что касается нашей совместной деятельности и сотрудничества**.

По моему мнению, Еврозона сегодня в общем и целом преодолела кризис. Не все решено, но в большинстве проблемы разрешены. Также следует отметить, что никогда речь не шла о кризисе евро. Эта валюта все еще молодая, и за последние годы евро никогда не ставился под вопрос ни с точки зрения покупательной способности внутри Союза, ни в том, что касается обменного курса *vis-a-vis* основных валют мира. Хотя многие в Европе могут вам сказать, что евро — слишком сильная валюта, но речь шла о финансовом, банковском кризисе, который захлестнул

большое количество стран в рамках Еврозоны. Во всяком случае, в Италии этот кризис был очевиден. В ноябре 2011 г. Италия столкнулась с ситуацией, когда за предыдущие четыре месяца разница между процентной ставкой в Италии и в Германии увеличилась очень быстро: с двухсот базовых пунктов до шестисот базовых пунктов менее чем за четыре месяца. Это и привело к серьезным проблемам.

Неожиданно Италия превратилась в страну, на которую был обращен взор Европы, да и всего мира (и это чувствовалось, надо сказать), потому что после финансовых кризисов в Греции, Португалии, Ирландии и в какой-то степени в Испании все опасались, что и Италию ждет такая же участь, принимая во внимание системные проблемы в Европе.

Но этого не произошло. И благодаря коалиции, большой коалиции, благодаря политике фискальной дисциплины, благодаря структурным реформам, которые не так уж и отличаются от тех, которые столь подробно описал здесь премьер-министр России, — итак, благодаря всему этому мы смогли выйти из этой ситуации.

И, в общем-то, Италия на данный момент — единственная страна на юге Европы, которая вышла из финансового кризиса. При этом не было необходимости просить о финансовой помощи ни ЕС, ни МВФ. Италия также — единственная страна на юге Европы — плюс, единственная страна, которая вышла за рамки процедур ЕС, регулировавших финансовые процедуры. Почему я говорю «юг Европы плюс»? Это не только Испания, Греция, Португалия, которые все еще этим процедурам следуют, плюс еще Франция; еще одна страна — это Нидерланды, которая не находится на юге.

Нынешнее правительство Италии под руководством премьер-министра Летта активно проводит политику фискальной дисциплины и структурных реформ. Позвольте мне сказать, что Еврозона в своей системе управления в значительной степени отошла от предыдущей схемы; опять же реагируя на кризис и учитывая посткризисные контуры мира. Например, каждая страна сегодня должна представлять Евросоюзу проекты бюджетов на следующие годы еще до того, как этот проект поступает в национальный парламент.

Или, например, сейчас создается банковский союз, и речь идет об одном общем механизме банковского надзора. Он, конечно, несовершенен, но тем не менее. Добавим все те инновации, которые внедрил европейский ЦБ по мониторингу банковских

сделок. Конечно же, все мы заплатили цену за это — всем тем, что касается краткосрочного спада, рецессии, высокой безработицы, особенно среди молодежи, в Италии, например, да и в других странах. За этим надо следить внимательно: в результате кризиса растет разочарование, растет недопонимание, растет конфликт между севером и югом Европы, а это очень опасно. Это требует серьезных усилий, направленных на обеспечение роста в условиях стабильности...

Я думаю, что мы должны в значительной степени следовать в рамках ОЭСР, полагаю, что тогда мы добьемся большего роста стабильности как на юге, так и на севере Европы. И это будет наш вклад.

Что касается юга, то, конечно же, мы должны и дальше проводить политику бюджетной дисциплины и структурных реформ. Не все страны целенаправленно следуют этому импульсу, а это очень важно, по моему мнению. Это означает также, что мы должны внедрить культуру социальной экономики, как в Германии, и в остальных странах Западной Европы. Но ведь и север должен сделать свой шаг навстречу, их экономика должна быть более готовой внести свой вклад с точки зрения экспансии.

Нынешний анализ, который был сделан в ЕС — а именно: анализ макроэкономики и ситуации в Германии — в том, что касается тех реалий, который там существуют, это серьезный шаг вперед. Но в отношении позиции Германии, позиции других северных стран — это то, что касается принятия общеевропейских решений... Здесь тоже надо продвигаться вперед, особенно в том, что касается более открытой позиции не по бюджетному дефициту в целом, а по производственным инвестициям в госсектор. Необходимо объяснять определенные заимствования, особенно если ставка на кредиты ниже, нежели ожидаемая отдача от реализуемых проектов. Это не является дисциплинированной политикой в области госфинансов и не является экономически оправданным подходом.

Полагаю, что если мы добьемся стабилизации роста (а здесь должны внести свой вклад как юг, так и север Европы), то в результате мы выйдем из ситуации спада, о котором говорил премьер-министр России. Мы преодолеем спад, который переживает ЕС и который не помогает никому, и российской экономике среди прочих.

Эти политическую комбинацию можно и нужно менять, развивать, отходить от социальных стереотипов, которые укоренились в наших странах.

Нельзя забывать, что наша европейская структура сложная, сильная, но довольно молодая, она была создана в результате трагического кризиса после Второй мировой войны. В течение многих десятилетий благодаря Евросоюзу мы смогли избежать проблем между Германией и Францией. Конфликты — всегда последствием кризиса, и я думаю, что кризис Еврозоны не является исключением из этого правила. Спасибо.

В.Мау: *Спасибо. Я хочу попросить выступить Анхеля Гурриа, генерального секретаря ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), организации, в которую Россия хочет вступить и с которой мы ведем интенсивные дискуссии.*

Сегодня утром была сессия по докладу ОЭСР, где доклад ОЭСР звучал гораздо оптимистичнее по отношению к России, чем высказывания многих российских экономистов.

А. Гурриа, *генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)*

КОНТУРЫ ПОСТКРИЗИСНОГО МИРА

Когда Марио Монти говорит: «следуйте примеру ОЭСР», — день хорошо начинается. День начинается хорошо тогда, когда премьер-министр говорит обо всех изменениях политики, всех тех изменениях, которые реализуются здесь. И я должен сказать в качестве комментария... Я представил наш доклад здесь, на форуме; мой комментарий к этому документу объясняет, почему у России кризис проходит лучше, чем в других странах мира. Конечно, кризис не закончился, Россия развивается, но тем не менее задачи стоят серьезные, мы их описываем в нашем обзоре, и эти задачи должны быть решены.

Позвольте мне сказать следующее: мы все еще живем в посткризисном пространстве. Я не буду говорить о контурах посткризисного времени, как будто бы речь идет об истории. К сожалению, мы все еще чувствуем на себе результаты кризиса. Я бы сказал так: кризис оставил нам довольно серьезное наследие, которое беспокоит нас, и сегодня мы должны решать эти проблемы.

Какой сейчас рост в мире? 1,7% по сравнению с более чем 4%. По цифрам ОЭСР, прошлогодний рост — 2,5%.

В этом году ситуация в Еврозоне лучше, США набирают обороты — это в какой-то степени неплохие

новости. Япония впервые выходит из дефляции после 15 лет; побороли дефляцию, но рост все еще достаточно скромный, и огромным бременем лежит задолженность — больше 200% по сравнению с ВВП.

Одно из наследий кризиса — низкий рост. Безработица — вторая проблема, которую мы унаследовали: до 8% в среднем в ОЭСР, 47 млн человек, и 16% в качестве среднего показателя среди молодежи. Во Франции каждый четвертый, в Италии каждый третий, в Греции и Испании — каждый второй молодой человек без работы.

Безработица в Еврозоне — 12%. И рост безработицы продолжается. Поэтому это не история, это не прошлое. В США безработица снижается, и это странно. Цифры говорят о том, что новых рабочих мест в последние месяцы было создано очень мало, тем не менее безработица падает, хотя все больше и больше людей ищут работу. Здесь есть определенный парадокс в том, что касается статистики. Но это означает, что мы в ОЭСР говорим о 12–13 млн новых безработных, которых мы получили в результате кризиса. Это серьезное бремя. Далее. Что еще мы унаследовали? Неравенство, растущее неравенство. И раньше, до кризиса, мы все это видели. Но ничто лучше кризиса не влияет на рост неравенства... И уровень неравенства в ОЭСР достиг девяти раз (10% самых богатых людей в сравнении с 10-ю процентами самых бедных). Много это или мало? Одно поколение назад показатель был — в 6-7 раз. А это означает, что показатель неравенства увеличился в течение одного поколения, за 35 лет, на одну треть, и это уже очень нехорошие новости. Показатель этот растет очень быстро. За три кризисных года — 2008, 2009, 2010 гг. — этот показатель вырос быстрее, нежели за предыдущие 12 лет. Это третья проблема, которую мы унаследовали, — медленный рост экономики, безработица, быстрый рост неравенства.

Важнейшая черта времени — утрата доверия к государству. Все, что мы построили — политики, премьеры, банковская система, президенты, транснациональные корпорации, конгрессы, парламенты, — так вот, ко всему этому люди утратили доверие.

Люди не верят теперь, что все эти структуры могут решать их проблемы. Растет цинизм в обществе: люди не считают, что традиционные институты, государственные структуры в состоянии решать их индивидуальные проблемы, а это в значительной степени затрудняет решение этих проблем и реализацию государственной политики. Это то, что мы унаследовали, это то, с чем мы должны считаться.

ЧЕТЫРЕ «ЦИЛИНДРА» ЭКОНОМИКИ

Сравним нынешнюю экономическую ситуацию с автомобильным рынком. Скажем, речь идет о европейской машине. Если бы речь шла об американской машине, тогда было бы восемь цилиндров, и она бы просто сжирала весь бензин, а мы говорим о четырехцилиндровом двигателе — европейский автомобиль более эффективный, экономичный. Но все четыре цилиндра работают лишь в половину своей мощности. Они не работают в полную мощь.

Какие же это «четыре цилиндра»? Инвестиции — примерно 2%, самые медленные за прошлые годы, отстают от тенденции, а инвестиции сегодня — это завтрашний рост. Так вот, инвестиции очень медленные. Торговля — это мировой двигатель. Рост 2–3%, еле-еле, теперь понемногу набирает обороты.

Но президент Путин на встрече «двадцатки» едва ли не выкручивал всем руки, используя свое умение дзюдоиста, чтобы убедить в том, что «двадцатка» не должна повернуть вспять, не должна вернуться к протекционизму. Он сделал это дважды: в Лос-Кабосе в Мексике, а затем повторил это, конечно же, в Санкт-Петербурге. Он сам, единолично, добился того, что «двадцатка» обещала четыре года, — не возвращаться к протекционизму. Мы говорим о продвижении вперед, об открытии рынков. Но мы даже не можем убедить людей в том, чтобы они замерли на месте! Парадокс, серьезный парадокс, в котором кроются проблемы. Это серьезный протекционизм, и это проблема.

Кроме того, кредиты — это еще один «цилиндр». Средний процент увеличения выдачи кредитов — плоская линия, то есть минус 3% в Европе, возможно, небольшой прирост выдачи кредитов в США, небольшой — в Японии, но на самом деле рост выдачи новых кредитов практически отсутствует. Почему нас это удивляет? Почему банки не дают кредиты? Это всех нас очень волнует. «Как же они не обанкротились», — вот о чем думаем в первую очередь. Для общества очень дорого обходится банкротство банков, крах банковской системы, потому что должен же кто-то давать в долг. Банки дают в долг, им нужно давать в долг, а если они не будут давать в долг, тогда кто? В ОЭСР дела с этим обстоят не очень.

Четвертый «цилиндр» нашего двигателя... Торговля, инвестиции, выдача кредитов и следующее... Кто же у нас раньше быстро рос? Китай, Индия, Бразилия, Южная Африка, Индонезия. Сейчас экономики всех этих стран серьезно замедлились. Китаю удалось стабилизировать ситуацию более-менее, но у

остальных все не так хорошо. Даже в Мексике мы наблюдаем значительное замедление темпов роста. Это наследие кризиса, это наши сегодняшние условия, в которых мы живем.

ЧТО ПРОИСХОДИТ ВОКРУГ РОССИИ

Премьер-министр Медведев говорил о том, что для такой страны, как Россия, становится все сложнее расти, потому что Россия встроена в глобальный контекст. Давайте посмотрим, что происходит вокруг России.

В нашем обзоре говорится: из-за того, что есть большое количество неопределенностей, и из-за того, что в России велика зависимость от энергоносителей и от продажи энергоносителей, российской экономике сложно расти. Что касается контуров посткризисного мира, мы надеемся, что ситуация в ближайшие годы улучшится, но остается большое количество неопределенностей. Возможно, США будут постепенно выходить из серьезной поляризации, политических дебатов по проблемам долга и бюджета.

«Абэномика» в Японии не сможет, возможно, справиться, это будет плохо.

Но какие меры будут приниматься в Китае? А в Евросоюзе? Вот где будут главные вызовы, с которыми мы можем столкнуться, и нам нужно понять, что же станет нормой в будущем, когда мы, наконец, по-настоящему выйдем из кризиса.

Очень сложно будет принимать решения в области политики и стратегии. Чтобы поддержать темпы производства и роста экономики, нам нужно будет смотреть, когда будет усиливаться или ослабляться монетарная политика федеральной резервной системы и так далее. На все это станут оглядываться чаще и больше; те, у кого внешний долг высокий, будут страдать больше, будут более подвержены и уязвимы, а также более уязвимы те, у кого слабая банковская система.

В этом смысле у России дела обстоят неплохо, она, в общем-то, готова к новой стадии развития. Это будет очень конкурентная стадия развития мировой экономики. Будут потеряны многие рабочие места, сократится экспорт, благосостояние уменьшится — все придется отрезать, ампутировать, а потом надо будет наверстывать упущенное, поэтому каждой стране нужно лучше готовиться к этой новой гонке, которая последует за выходом из кризиса.

Позвольте в конце моего выступления сказать также о том, что господин премьер-министр Медве-

дев говорил о навыках, образовании. Это два разных аспекта. Мы посмотрели, как в России дела обстоят по методологии PISA. Россия улучшает свои показатели, но, что касается навыков, это уже относится к трудовому рынку, это отдельный элемент, он не связан с успеваемостью студентов. Этот компонент связан с тем, как работают взрослые выпускники, какая ситуация на рынке труда. Во многих странах ситуация на рынке труда обстоит не очень хорошо в связи с участием женщин на рынке труда, а также недостаточно принимаются во внимание соображения экологичности.

Мы идем по пути столкновения с природой, нам нужно изменить траекторию нашего развития, иначе мы столкнемся, и цена будет очень высокой. Не нужно идти против природы.

Таковы, на мой взгляд, контуры посткризисного мира. Нужно будет наверстывать упущенное, внедрять инновации, усердно работать и осторожно принимать решения.

В.Мау: Спасибо большое. Я попрошу выступить Вацлава Клауса. Он, я бы сказал, один из крупнейших евроскептиков вне Великобритании.

Вацлав Клаус (президент Чехии в 2003–2013 гг.)

«ЕВРОПА ЯВЛЯЕТСЯ ОЧЕНЬ НЕУДАЧНЫМ ПРИМЕРОМ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»

...Спасибо за ваше приглашение посетить очень важную площадку — Гайдаровский Форум. Гайдар был моим хорошим другом, прекрасным экономистом и серьезным, выдающимся политиком.

Прежде всего: как связаны я и профессор Мау? Мы говорили в первой переписке об устойчивом развитии и о периоде нестабильности. Здесь есть проблема. Я не понимаю, что такое «устойчивое развитие». Это не нейтральный термин. Как его трактовать? Я думаю, что он недостаточно хорошо разработан. Идеологическая концепция его плоха, он не может быть серьезной основой для вдумчивых обсуждений.

Я думаю, что те, кто использует этот термин, действительно не хотят обсуждать, как вновь запустить мотор экономического роста, особенно в Европе, как увеличить темпы роста в развивающихся странах или как преодолеть бедность. Вот что действительно важно, а разговоры об устойчивом росте или развитии должны сводиться к тому, что нам необходимо убрать

ненужные барьеры, нам нужно отказаться от некоторых операционных концепций. Те, кто использует термин «устойчивое развитие», являются заложниками устаревших экономических доктрин, которые не дают расти нам так быстро, как надо.

В 1970-е гг. многие «зеленые» взяли этот термин на вооружение. Я думаю, что нам очень нужно прояснить, что же он значит и какие еще идеологические заряженные и мотивированные термины используются у нас. Нужно об этом подумать и отказаться от многих.

Я жил в централизованной, в плановой экономике Чехословакии, как и в СССР, я кое-что знаю о необходимых предпосылках и условиях экономического роста и развития. Они включают развитую рыночную экономику, минимальное вмешательство государства. Частная собственность, ее очень высокая доля — чем меньше субсидий, тем лучше. И, конечно, нужны институциональные и правовые рамки, надлежащие рамки.

Многие считают, что это всем известно, и все это по всему миру признают, а 20 лет назад, когда у нас были серьезные перемены, которые в Центральной и Восточной Европе серьезно повлияли на наше развитие (кстати, Гайдар пытался здесь сделать что-то похожее), мы думали, что это все уже стало историей. Нет-нет, по-прежнему мы обсуждаем всё те же темы и вопросы.

Когда я говорю «здесь обсуждаем», я имею в виду прежде всего Европу, потому что **Европа является очень неудачным примером организации экономической и политической системы.**

Вот говорили о социально-ориентированной рыночной экономике (это немецкий термин), но она стала препятствием и барьером для экономического роста. Все это напоминает нам плановую экономику времен социализма в Чехословакии, и нам нужно отходить от тех практик управления экономикой. Европейская экономика зарегулирована, она перегружена социальными и другими обязательствами, она демонстрирует протекционизм, и все это не дает экономике Европы расти.

Кроме этой неэффективной экономической и социальной системы, Евросоюз становится всё более и более бюрократизированным и централизованным образованием. Все стремятся перейти к еще более тесному союзу. Это является доказательством, что плановая экономика и плановое общество бесперспективно. Оно ослабляет одну из самых сильных европейских особенностей — это традиционно вы-

сокий уровень демократии. Мы должны остановить де-демократизацию Европы.

Что касается второй части названия данной дискуссии, **я не думаю, что нестабильность является надлежащим описанием того, что сейчас происходит в мировой экономике.**

Я не думаю, что есть какая-то особая нестабильность в отличие от обычной, просто есть дисгармония тенденций развития, новое распределение динамики роста и богатства. Во многих частях света, например в странах БРИКС или схожих с ними, нет серьезной нестабильности, они растут довольно быстро, что неразрывно связано со всеми проблемами, дисбалансами, несоответствиями быстрого роста и состоянием мировой экономики.

В некоторых частях света мы можем сказать, что имеет место нестабильность, например в Европе. Там нет экономического роста, там высок уровень долга. Однако мне кажется, что европейцев устраивает текущее положение вещей, они не готовы к серьезным переменам. Я считаю, что будущие выборы в Евросоюзе не изменят ситуацию сколь-нибудь серьезным образом. Политическая бюрократия в Евросоюзе сильна, а простым людям внимания уделяется все меньше. Возможно, эта тенденция продолжится и в будущем. Я согласен с господином Монти: кризис в Европе — это не кризис евро, это кризис, который был создан евро, таким обменным курсом и процентными ставками и едиными ставками, единой монетарной политикой для очень разношерстного континента.

Мы не должны забывать о развивающихся странах. Многие из них демонстрируют чудесные, невероятные темпы роста и снижения уровня бедности в последние десятилетия. Особенно это характерно для Азии.

Сегодня бедность остается в основном проблемой Африки, потому что этот континент наименее интегрирован в мировую экономику. Изменения там возможны, если бы там была увеличена роль рыночной экономики и снижена роль правительства. Слишком сильное вмешательство правительства порождает коррупцию, снижает продуктивность всех процессов и приводит к разворовыванию помощи в целях развития.

Второй день Гайдаровского Форума-2014 был посвящен теме «Ресурсы и инфраструктура устойчивого развития». Он начался с пленарной дискуссии **«Будущая индустриальная структура».**

За последние десятилетия ускоренное развитие широкого круга технологий создало возможность формирования на их базе нового поколения производств. Эти технологии позволяют осуществлять быстрое проектирование сложных изделий, обеспечивают быструю и незатратную адаптацию изделий к требованиям заказчиков, позволяют гибко менять параметры устройств и производить индивидуализированные образцы.

С учетом развития подобных технологий, подкрепленным ростом производительности труда, повышением мобильности решений энергетического и ресурсного обеспечения, сокращается размер производств и растет мобильность современных производств. Это вызовет множество сопутствующих проблем, в том числе — социальных и политических.

Обсуждались вопросы: Какие перспективы открывают данные технологии для традиционных отраслей промышленности?

Какие возможности создают данные технологии для новых отраслей, для развития малых инновационных производственных компаний?

Насколько применение подобных технологий изменит структуру производства, возвращая его в развитые страны с высокой стоимостью рабочей силы?

Какие программы и формы поддержки нужны для развития перспективных производственных технологий, обеспечения доступа к ним инновационным производственным компаниям? Какие вызовы для рынка труда создает распространение этих технологий?

Модератором дискуссии выступил председатель правления ОАО «РОСНАНО» *Анатолий Чубайс.*

Денис Мантуров, министр промышленности и торговли РФ, считает, что на данный момент одним из перспективных направлений развития являются индустриальные парки. За счет такой организации высокотехнологичного бизнеса страны с сырьевой экономикой привлекают в свои производства существенные инвестиции. При этом он особо подчеркнул, что это направление технологического развития было создано «снизу», самим бизнесом. В работе индустриальных парков, согласно словам министра, занят преимущественно средний бизнес, являющийся «основным драйвером экономики». В связи с этим в текущем году будет принята специальная подпрограмма поддержки индустриальных парков, предусматривающая налоговые преференции для только что созданных компаний. Министр также отметил, что

на данный момент в России ведут свою деятельность 36 индустриальных парков. Планируется открытие еще 80 в ближайшее время и 300 технопарков в течение следующих пяти лет.

По словам *Алексея Пономарева*, вице-президента Сколковского института науки и технологий, на данный момент новые индустриальные технологии (НИТ) также активно обсуждаются, как и нанотехнологии (НИТ) около 10 лет назад. Он считает, что современные возможности проектирования и изготовления материальных объектов делают возможным изготовление уникальных персонализированных вещей не в массовом, а в единичном производстве. Такие технологии, по его мнению, могут быть использованы и в промышленности, и в быту, и в науке.

Эско Ахо, председатель совета директоров *East Office of Finnish Industries*, премьер-министр Финляндии (1991–1995 гг.), рассказал о международном опыте в области развития новых промышленных (цифровых) технологий, в том числе на примере компании *Nokia* Финляндии. При этом он особо отметил, что, по прогнозам, в результате внедрения новых технологий через 10–20 лет Финляндия потеряет до 50% рабочих мест.

Игорь Агамирзян, генеральный директор ОАО «РВК» говорил, что происходящая новая технологическая революция ликвидирует огромное количество массовых профессий, приведет к усугублению социально-экономической дифференциации общества, что в результате будет иметь глубокие социально-экономические последствия.

* * *

На четвертый день состоялась открытая дискуссия **«Контурь посткризисного мира».** С основным докладом выступил ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ *Владимир Мау.*

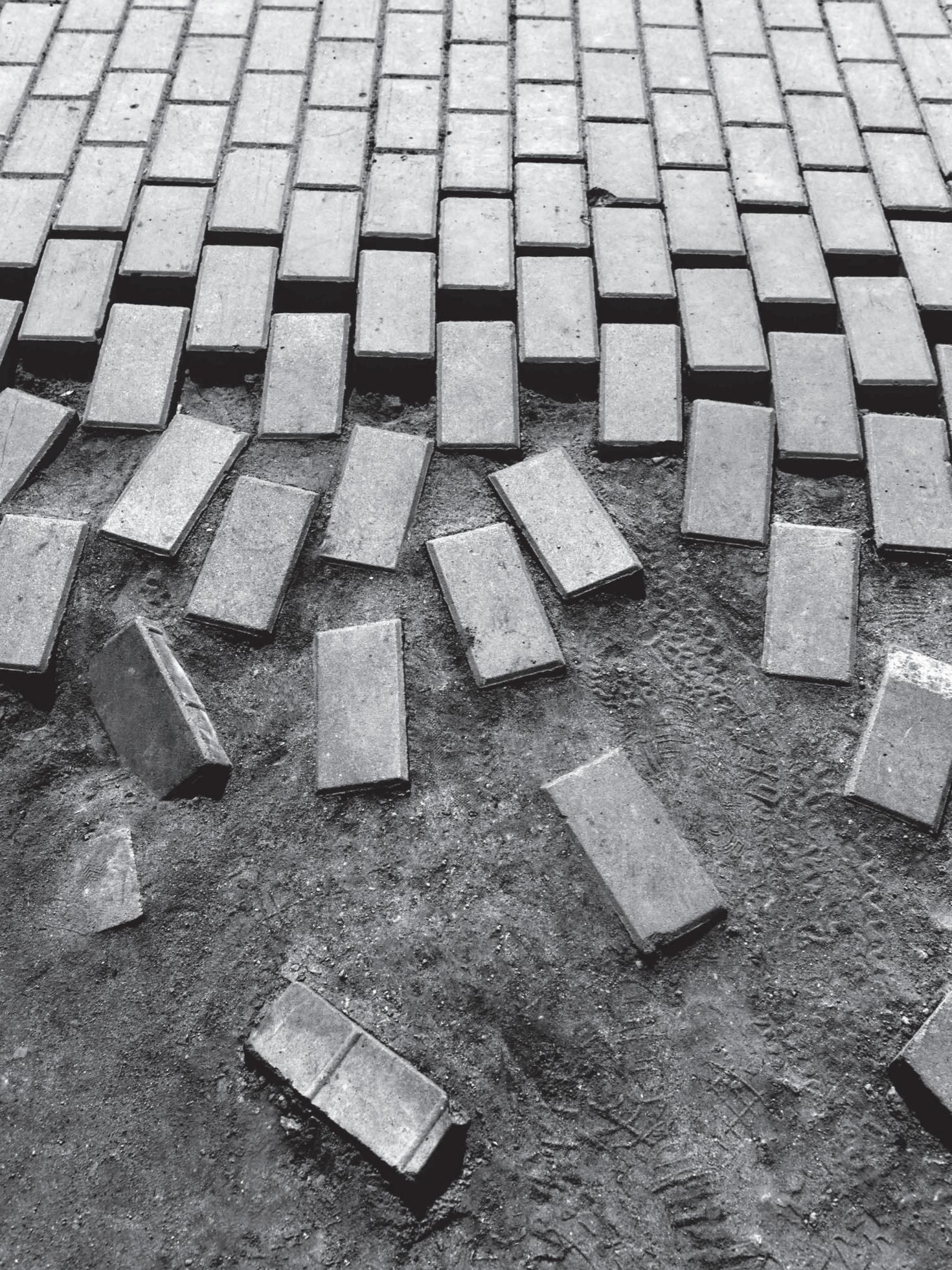
Назвав кризис 2007-2008 гг. системным, В. Мау сделал обзор «глобальных реформаций», которые этому предшествовали. «В 70-е гг. начался структурный кризис на Западе, темпы роста упали. Появился неизвестный раньше элемент экономической системы — стагфляция, — отметил он. — На протяжении 70-х западные страны трансформировали свои экономики к новым вызовам информатизации и технологического развития. В Советском Союзе в это время формировалась модель обмена продовольствия и оборудования для добычи нефти и газа на энергетические ресурсы». Российский кризис 90-х гг. происходит из последствий европейского кризиса: «Советская трансформация была структурным продолжением западной трансформации 80-х... Со второй половины 1999 г. начался экономический рост, у которого было три источника: макроэкономическая стабилизация, восстановительный рост, высокие цены на нефть с привязкой к бурному росту экономики на Западе... В моем понимании, ключевой институциональной задачей является переход от экономики спроса к экономике предложения. Экономика предложения — это экономика низкой инфляции, низких процентных ставок, устойчивых налогов».

В.А. Мау убежден, что «будущая промышленность становится все более интеллектуальной. Появляются технологии, в которых не обязательно конкурировать по труду — важна доступность потребителя и исследователей, разработчиков».

Академик *А.Г. Аганбегян* был озабочен: «Почему мы после умеренного роста 3-4% за год перешли к стагнации? Закономерное сокращение связано с тем, что силы, тянущие экономику вниз, превышают те, что тянут вверх».

Алексей Комиссаров заметил: «В нашей стране проблема состоит в том, что краткосрочные цели являются более приоритетными, чем долгосрочные». Увы, не только в нашей стране.

Обзор подготовлен по материалам сайтов Института Гайдара, АНХиГС, Фонда Гайдара. ■□■

Андрей НЕЧАЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЮДЖЕТЕ В ЗГЛЯДСКЕПТИКА

ЭКОНОМИКА

Госдума завершает рассмотрение главного финансового документа страны — государственного бюджета — на ближайшие три года. Строго говоря, новыми являются только бюджетные проектировки на 2016 г., поскольку цифры на 2014–2015 гг. были уже утверждены годом ранее. Однако предлагаемые ныне параметры бюджета столь разительно отличаются от принятых всего год назад, что возникает сомнение в способности финансовых властей проектировать нашу жизнь на три года вперед. Сомнений, что Дума ограничится лишь косметическими поправками, полагаю, ни у кого нет, поэтому уже можно делать выводы относительно финансовых перспектив нашего ближайшего будущего.

НЕОБОСНОВАННЫЙ ОПТИМИЗМ

Отрадно, что правительство не стало рассказывать нам сказку про «островок стабильности» и удвоение ВВП, а честно признало, что экономика страны вошла в полосу стагнации. Впрочем, при 1,2% роста ВВП, нулевом росте промышленного производства и снижении инвестиций по итогам десяти месяцев 2013 года настаивать на экономическом благополучии было бы затруднительно.

В итоге правительство заявляет, что бюджет сверстан с учетом резкого замедления экономического роста, с вытекающим отсюда сокращением ранее планировавшихся трат. Однако на этом реализм заканчивается, и прогноз роста экономики на 2014–2016 гг. вновь наполняется оптимизмом в сравнении с реалиями сегодняшнего дня. Увеличение ВВП в 2014 г. прогнозируется на 3%, а в 2016-м темпы должны вырасти до 3,3%. Инфляция же должна снизиться и остаться стабильной все три года на уровне 4–5,5% в год (напомним, что в 2012 году было 7%, а в 2013-м ожидается 6%). Оснований для подобного оптимизма не видно.

МВФ недавно заметно понизил прогнозные темпы развития мировой экономики, что негативно скажется и на спросе на российское сырье.

В инвестиционном климате России близких перемен к лучшему явно не намечается, поэтому активного роста инвестиционного спроса тоже не пред-

видится. Добавьте сюда и неизбежное сокращение инвестиционных программ естественных монополий в результате планируемого замораживания тарифов для промышленных потребителей.

Рост реальных доходов населения, а следовательно, и потребительского спроса, устойчиво замедляется. Намеченный отказ от индексации зарплат ряда категорий бюджетников и замедление индексации пенсий, а также попытки Центробанка сдерживать рост потребительского кредитования из-за его повышенного риска будут объективно способствовать дальнейшему замедлению роста потребительского спроса.

Постоянное сжатие сальдо платежного баланса в сочетании с устойчивым оттоком капитала на протяжении пяти последних лет (в 2013 г. ожидается до 70 млрд. \$ «чистого оттока капитала») создает предпосылки для девальвации рубля. Это положительно скажется на доходах бюджета (вот оно, «секретное оружие» Минфина!), но конечно, будет, иметь неизбежные инфляционные последствия. Ведомства через своих лоббистов, скорее всего, будут требовать компенсирующего роста бюджетных ассигнований.

Даже верный власти электорат будет не в восторге от роста цен, а ведь в 2016 г. предстоят выборы в Госдуму. Инфляция может усилить протестные настроения в обществе. Существующий консенсус между властью и большей частью общества состоит в сле-

© Фото: А. Зверев

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

дующем: граждане закрывают глаза на коррупцию, бюрократию и ограничение демократических свобод в обмен на устойчиво растущий уровень жизни. Его падение или зримое замедление роста — второй раз с 2008 года — может подвергнуть этот неписанный общественный договор серьезным испытаниям. В такой ситуации идея ряда политологов о возможности досрочных выборов в Госдуму, пока «брак по расчету» между властью и обществом окончательно не дал трещину, вовсе не кажется абсурдной.

Таким образом, риск неисполнения уже сниженных планов доходов бюджета весьма высок. Даже обычно осторожная Счетная палата в своем заключении на проект бюджета пишет, что «существуют риски недостижения планируемых темпов экономического роста», с соответствующими последствиями для исполнения бюджета. Не случайно Минфин заложил в новый бюджет увеличение его дефицита (0,5% ВВП в 2014-м, 1% в 2015-м и 0,6% в 2016 году). В ранее утвержденном бюджете дефицит был ниже, за три года намечалось свести его к нулю.

ЛОВКИЙ МАНЕВР А НЕ СТРАШНЫЙ «СЕКВЕСТР»

В этой экономической ситуации правительство пошло на решительный шаг, потребовав от министерств и ведомств снизить свои расходы в части госзакупок на 5%. На 2% сокращаются субсидии бюджетным и автономным учреждениям. Симптоматично, что инициатор идеи Минфин отказывается употреблять обычно применяемое в таких случаях слово «секвестр», а говорит о «бюджетном маневре». Чисто формально Минфин прав. Секвестр подразумевает прямое урезание *всех* расходов бюджета, а в нынешнем бюджете сэкономленные деньги предполагается частично отправить на выполнение «майских указов» президента.

Пока с этими амбициозными установками главы государства дело обстоит скверно. Уже не только для независимых экспертов, но и для той же Счетной палаты очевидно, что многие целевые показатели указов (по росту производительности труда, увеличению объемов инвестиций и нормы накопления, снижению процентов по ипотеке, созданию 25 млн. высококвалифицированных рабочих мест и др.) в установленные сроки достигнуты не будут.

При этом выполнение указов тяжелым бременем легло на бюджеты регионов. Большинству из них Минфин компенсировал лишь около половины до-

полнительных расходных обязательств. В результате для исполнения указов регионы вынуждены резать инвестиционные программы, поддержку инноваций и малого бизнеса, дорожное строительство и другие статьи расходов, все больше превращаясь просто в кассы по раздаче заработной платы бюджетникам.

Не удивительно, что региональные и местные бюджеты все глубже залегают в долги. По сравнению с 2008 годом их задолженность на 1 августа 2013 г. возросла в 2,3 раза. У более трети регионов долг превысил 50% собственных доходов регионального бюджета. В результате условия для экономического роста в регионах ухудшаются, а следовательно, еще более сжимается доходная база бюджетов, особенно в части налога на прибыль. Складывается порочный круг, разорвать который становится все труднее.

Похуже, что формально «временно замороженное» несколько лет назад положение предыдущего бюджетного кодекса о разделении расходов бюджета 50 на 50 между центром и регионами окончательно выброшено на помойку. Изъятие подавляющей части доходов консолидированного бюджета в центр и последующая «раздача» регионам стали важным инструментом пресловутой «вертикали власти» для обеспечения лояльности региональных руководителей, в том числе и при проведении выборов.

ПРАВИЛА СОЗДАЮТСЯ НЕ ДЛЯ ИХ ВЫПОЛНЕНИЯ, ИЛИ ПРИВЕТ ОТ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Правительство явно предчувствовало сложности с исполнением даже урезанного бюджета, поэтому верстало его в строгом соответствии с «бюджетным правилом». Доходы и расходы 2014 г. были рассчитаны исходя из цены на нефть в 93 \$ за баррель, хотя, по собственным прогнозам правительства, она составит 101 \$. Разница в доходах должна пойти в Резервный фонд. Но со времен как минимум Салтыкова-Щедрина, не было в России таких правил, которые бы не обходили бы, едва их введя.

В правительстве бурно обсуждают возможные направления использования средств Фонда национального благосостояния (ФНБ), который также сформирован на нефтяные деньги. Предлагается задействовать около 100 млрд. руб. для кредитования среднего бизнеса. До 450 млрд. руб. может быть направлено на три инфраструктурных проекта: развитие Транссиба и БАМа, строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-

Казань и Центральной кольцевой автодороги в Подмоскowie. Если полезность возведения еще одного кольца вокруг Москвы можно понять, то острая необходимость скоростной пассажирской магистрали от столицы до Казани вызывает некоторые сомнения. Ведь одну такую магистраль — между двумя столицами — мы уже строили. Кончилось котлованом в Петербурге и тотальным разворовыванием немалых бюджетных средств. БАМ мы развиваем еще со времен Брежнева, а Транссиб — и вовсе со времен царизма, но за все эти годы так и не преуспели (см. также статью Дм. Орешкина в этом номере журнала. — Ред.).

Более того, Минфин уже подстраховывается на случай превышения расходов над расчетными, зная аппетиты и лоббистские возможности коллег по правительству. В бюджете заранее записано, что ежели такое случится, то финансировать это превышение будут за счет дополнительных нефтегазовых доходов. Даже подсчитаны объемы урезания вложений в «кубышку». В 2014 г. на эти цели будет направлено 272,1 млрд. руб. (44,2 % прогнозируемого объема дополнительных нефтегазовых доходов), в 2015 г. — 384,9 млрд. руб. (100%) с соответствующим сокращением средств, планируемых к зачислению в Резервный фонд. Лишь в 2016 г. дополнительные нефтегазовые доходы в полном объеме будут направлены в Резервный фонд, как того требует бюджетное правило.

КРЕДИТОР И ЗАЕМЩИК В ОДНОМ ЛИЦЕ

Дефицит бюджета страны, как и дефицит бюджета семьи, нужно чем-то покрывать. Способы давно известны. Или продать что-то ненужное, или пройтись по друзьям и соседям с целью «перехватить» до лучших времен. Лишнего у нашей державы немало. Ключевую роль в большинстве отраслей играют государственные или подконтрольные государству компании. Однако расставаться с ними жалко. Не вписывается это в реализуемую в последние годы концепцию ручного управления в рамках строительства госкапитализма.

Вот и сокращаются в проекте бюджета доходы от приватизации (в 2014 г. — 196,8, в 2015-м — 158,5, а в 2016-м — лишь 99,9 млрд. руб.). Добавим, что программа приватизации в 2012-2013 гг. была провалена полностью.

Остается одалживать. В отличие от обычной семьи, где жена редко занимает деньги у мужа, го-

сударство имеет возможность внутренних заимствований и собирает активно воспользоваться ими. В 2014 году у собственных граждан через разные финансовые институты будет изъято — т.е. взято в долг, 809 млрд. руб., а в 2016-м — уже 1240 млрд. руб.

Понятно, что когда на рынок выходит такой, заемщик как государство, всем остальным приходится потесниться. Соответственно, ставки по кредитам для частного бизнеса и населения при прочих равных условиях возрастут (привет Указу президента о снижении ставок по ипотеке!). Вряд ли это поспособствует ускорению роста экономики.

Однако намного интереснее (и скандальнее) ситуация с заимствованиями у соседей. Прошу внимания: государство планирует все три года одалживать на внешнем рынке по 7 млрд. \$ в год. При этом проценты по размещаемым за рубежом российским госбумагам составят, по оценкам, 5,75–6% годовых.

Но ведь мы сами размещаем на внешних рынках средства наших суверенных фондов. Так вот, в 2014–2016 годах средневзвешенная ставка процента размещения средств Резервного фонда и ФНБ на счетах в иностранной валюте в Банке России (за рубежом деньги размещает Центробанк, и он в дальнейшем платит проценты от размещения правительству) прогнозируется в размере 0,58% годовых (в 2011 и 2012 годах — 1,8% и 0,74% годовых соответственно). В этом месте аналогии с семьей придется завершить. Давать в долг под 0,6%, а брать под 6% ни один глава семьи не будет (случай адюльтера не рассматриваем).

Некие странности российской долговой политики на этом не заканчиваются. Общий внешний долг России, по итогам прошедших месяцев 2013 г., превысил 720 млрд. \$ и составил 33,5% ВВП (на начало 2012 года — 28,3%). Это почти на 200 млрд. \$ выше золотовалютных резервов страны. 48% внешнего долга приходится на госсектор (само правительство плюс госбанки и госкомпании). Ставки привлечения средств госкомпаниями, естественно, выше, чем по гособлигациям правительства. Таким образом, левой рукой государство размещает свои деньги за рубежом, а правой их одалживает, но значительно дороже. Чудны дела твои, Господи!

Пока государственный долг России по международным меркам, вполне допустимый, но темпы его роста впечатляют: с 1.01.2012 по 01.08.2013 года он вырос с 5,3 трлн. руб. до 6,6 трлн. руб.

По проекту бюджета совокупный государственный долг России возрастет с 9,6% ВВП на начало

2012-го до 14,3% ВВП в 2016 году. Это еще не Греция, но не заиграться бы!

Ведь расходы на обслуживание госдолга уже увеличатся с 408 млрд. руб. в 2013-м до 569 млрд. руб. в 2016-м (в 1,4 раза) и существенно превысят общий объем бюджетных ассигнований, в 2016 г. направляемых на ЖКХ, охрану окружающей среды, культуру, спорт, СМИ, а также на здравоохранение.

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ, ИЛИ НЕДОРАБОТАННЫЕ НОВАЦИИ

Главная новация новой бюджетной трехлетки — тотальный программный подход. Теперь тратить деньги предполагается не просто по статьям расходов бюджета, а в рамках госпрограмм, ориентированных на результат. Идею можно только приветствовать. Ставим приоритетные цели: например, здравоохранение — как в Израиле, дороги — как в ФРГ, продолжительность жизни — как в Японии, а рождаемость — как в Узбекистане. Считаем, сколько денег потребуется на достижение этого по годам и заносим в бюджет.

Как всегда, подкачало исполнение. Цели программ часто весьма не амбициозны или количественно не просчитаны. Ограничься одним примером, хотя их сотни. Так, показатель «Охват профилактическими медицинскими осмотрами детей» по госпрограмме «Развитие здравоохранения» не увеличивается за весь период ее реализации (85%) — при росте объемов финансирования в 2014 — 2020 гг. в 2,6 раза! Поразительно, что исполнители программ часто не в состоянии даже потратить выделенные деньги. Например, в январе — августе 2013 г. кассовые расходы по ФЦП «Чистая вода» (запланирована на 2011–2017 гг.) составили 0,4 %, от годового плана, а по ФЦП «Обеспечение безопасности полетов воздушных судов государственной авиации Российской Федерации в 2011–2015 годах» — 1,6 %! А ведь с безопасностью полетов, как показала очередная авиакатастрофа в Казани, у нас далеко не все благополучно.

В целом все госпрограммы за этот же период профинансированы на 39,6%, хотя общие расходы бюджета составили 59,3% годового плана.

Остается лишь гадать: то ли разработанные программы не нужны, то ли они плохо составлены, то ли исполнители никуда не годятся. Вероятно, верны все три причины. Про взаимосвязку госпрограмм и координацию их реализации неловко и говорить. Каждое ведомство ковало и тянет свою. Пока же правитель-

ство поручило им доработать программы до конца года. Доработают, конечно, не отказываясь же от денег.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ

Расходы бюджета в номинальном выражении все же растут, да и «ужимаются» получатели бюджетных средств не совсем одинаково. Кто же проиграет и выиграет в рамках объявленного «бюджетного маневра»? Официально власти продолжают твердить про социальную направленность бюджета. Новая классификация бюджетных расходов не позволяет полноценно сравнить нынешний бюджет с предшествующими. Однако невооруженным глазом видно, что социальные обязательства растут лишь номинально, а их доля в расходах бюджетной системы за три года отчетливо снижается.

Не может не радовать, что чиновники решили сэкономить и на себе. Разумеется, о сокращении зарплат или «благ» — типа лечения, служебных автомобилей, дешевого отдыха и т.п. — речи не идет. Решено лишь в 2014 г. не индексировать зарплаты госслужащих. Накопленный ранее «жирок», полагаю, позволит пережить это самоограничение. Так, в прошлом году средняя зарплата служащих, например администрации президента РФ, увеличилась на 46,5%. Можно немного и притормозить. Чтобы не обидеть народных избранников — депутатов Госдумы, — им тоже загодя, еще в конце 2013 года, подняли зарплату аж до 420 тысяч в месяц. И лояльность к тому же бюджету обеспечена, и «замораживание» зарплат в 2014-м будет легче выполнить.

Зато у будущих пенсионеров лихо отобрали всю накопительную часть пенсий 2014 года, направив деньги в «общий котел» Пенсионного фонда, т.е. на текущие пенсии. А, это между прочим, 244 млрд. руб., которые не попадут в будущие пенсии (не считая еще и доходов от инвестирования средств). Про компенсацию изъятия — пока молчок.

Предложенная пенсионная реформа — это вообще тема отдельного серьезного разговора, ибо заложенные в ней концептуальные ошибки — мина замедленного действия под пенсионное обеспечение россиян через 15–20 лет, не говоря уж о фактическом уничтожении, через ликвидацию накопительной части пенсий, единственного источника «длинных» инвестиционных денег в стране.

Недобровольным самоограничениям подвергнутся и так называемые естественные монополии.

Впрочем, здесь борьба еще не закончена. Первоначально предполагалось заморозить все тарифы на газ, электроэнергию, услуги ЖКХ, железнодорожные перевозки и иные тарифы монополистов регулируемые государством. Однако лоббистские возможности «естественных монополий» велики (как-никак, Газпром — «национальное достояние»). Раздавшийся «плач Ярославны» уже через пару недель заставил правительство поменять исходные планы. Теперь тарифы заморозят только для промышленных потребителей, а для населения тарифы все-таки будут расти, но «с отставанием от инфляции» (пока предлагается ввести понижающий коэффициент роста 0,75 к общему прогнозируемому индексу потребительских цен).

По идее лоббировать интересы населения, т.е. избирателей, должны были бы Госдума и само правительство, но это — только в теории. Проще не заморачиваться с защитой прав собственных граждан, а снова фальсифицировать выборы, подобным способом лишив избирателей возможности возвысить голос в свою защиту и проголосовать за другую власть.

Заметно увеличен резерв правительства на антикризисные цели. В текущей непростой ситуации это вроде бы разумно. Только мы помним, как в ходе кризиса 2008–2009 гг. использовались деньги на помощь фактически обанкротившимся госбанкам и дышавшему на ладан Автопрому, на оплату внешних долгов государственных и приближенных к власти компаний и на прочие небесспорные нужды.

Не решилось правительство также всерьез посягнуть и на «священных коров» — оборону и правоохранительные органы, если не считать замораживание на 2014 год денежного содержания военнослужащих. В целом расходы на национальную оборону, безопасность и правоохранительную деятельность составят в 2014-м 34,6% бюджета, а в 2016-м — 32,9%. На расходы по статье «национальная экономика» в те же годы придется, соответственно, 16,3% и 12,3% бюджета. По абсолютной величине оборонные расходы вырастут за три года более чем на 40%. Как попутное следствие, если в 2013-м «засекреченным» был каждый седьмой рубль бюджетных расходов, то в 2016-м — уже каждый четвертый. Под предлогом защиты государственной тайны об обороноспособности державы главный финансовый инструмент страны становится все менее прозрачным и совсем не доступным обществу.

Более всего пострадает господдержка средств массовой информации: за три года она сократится на треть. Одно радует — выжившие СМИ станут более свободными от государственного (читай — чиновничьего) влияния, ибо, как говорят в Одессе: кто девушку ужинает, тот ее и танцует.

Октябрь 2013 г.

Сокращенный вариант статьи был опубликован на сайте журнала «Нью-Таймс». ■□■

Андрей Нечаев — Министр экономики России в гайдаровском «правительстве реформ». (1991–1992 гг.) Председатель партии «Гражданская инициатива». Профессор.

© Текст: Андрей Нечаев

БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

Алексей КУДРИН*

Берлинский доклад

Сегодняшняя тема — будущее либеральных реформ в России — на мой взгляд, очень важна для нашей страны. Уже в начале сегодняшних выступлений я почувствовал какой-то скептицизм, какое-то ощущение, что сейчас либерализм теряет свои позиции, что к нему многие относятся скептически. Это, действительно, правда и для России. Нам, тем, кто исповедует эти принципы, бывает иногда сложно, но мы настроены очень по-боевому. Это я могу сказать с учётом своего опыта работы в правительстве и даже в последнее время. Я разделяю оптимизм по поводу того, что эти принципы будут развиваться. Но в России это происходит несколько иначе, чем в Германии; у нас другой круг ключевых проблем, которыми мы занимаемся.

Первое, что я хочу сказать: в 90-е годы в России был сделан большой, фундаментальный задел для развития рынка. Очевидно, Гайдару пришлось очень сложно в момент, когда Советский Союз распался когда, по сути, главные системы управления страной были разрушены. Ему было сложно осуществлять реформы, которые не были подготовлены. Нужно было в самый короткий срок принимать вынужденные, сложные решения. В 1990 году я работал в мэрии Санкт-Петербурга, у нас в городе были талоны на продукты — каждый человек должен был идти в магазин с талоном. По сути, это была уже достаточно обнищавшая экономика, которая несла очень много расходов, производила много трат на военные нужды, но она не могла спасти свою страну от развала...

В этих условиях, я думаю, команда Гайдара сделала всё возможное, чтобы шаг за шагом перейти к цивилизованному рыночным отношениям. Те реформы, которые были проведены в очень сложное время и которые были призваны стабилизировать ситуацию, сегодня можно назвать уже необратимыми. Назову прежде всего приватизацию. Мы в Петербурге, где я тогда работал, первыми проводили приватизацию крупнейших предприятий в стране, и сегодня они в основном работают, они получили новых инвесторов. Конечно, многим пришлось перепрофилироваться, потому что военные заказы, которые зачастую были их главной специализацией, существенно сократились.

Я думаю, что за те «нулевые» годы, в которых и мне пришлось работать в правительстве, мы сделали следующий, после 90-х, фундаментальный шаг. В этот период был дан новый толчок к либеральным реформам. Я хочу напомнить всем присутствующим, что Россия получила от Евросоюза статус рыночной экономики в 2003 году, и США тоже в 2003-2004 гг. признали за Россией статус рыночной экономики. Это значит, что к тому моменту какие-то базовые институты были построены. Это было ещё только начало рыночной экономики, но тогда уже стали работать сигналы рынка, уже предприятия могли ориентироваться на рыночные показатели. По сути, рыночной экономике в России — всего десять лет, а мы зачастую требуем от неё таких свойств, к которым привыкли в развитых рыночных обществах, в развитых экономиках.

Если вы меня спросите, что является для меня наиболее важным в этом процессе фундаментальных реформ, я напомню, что Россия, кроме того, что она к началу 2000-х обновила свой Гражданский кодекс, приняла новый Налоговый кодекс, в котором мы в

значительной степени учитывали опыт Европы, переписала Земельный кодекс, разработала новый Трудовой кодекс. Все основные институты перестраивались, мы их пристраивали к рынку.

Но если вы меня спросите, что для меня представляется наиболее важным, — это была либерализация валютного обращения, снятие контроля за движением капитала. Это произошло в 2006 году. Теперь российские компании могут инвестировать в другие страны, не получая специального разрешения или не имея других экономических барьеров на это движение. Это тот момент, когда российский рубль стал конвертируемым, и теперь мы входим в два десятка стран, которые имеют конвертируемую валюту. Её не имеют ни Индия, ни Китай, ни Бразилия — здесь мы пошли чуть-чуть дальше.

В тот момент я считал, что рациональная последовательная политика по выстраиванию институтов и консервативной денежно-кредитной политики позволит извлечь из этого максимальную выгоду: и в 2007 году у нас был приток капитала в Россию 80 млрд долларов за один год. Хочу напомнить, что в 2013 году у нас примерно 55 млрд — оттока капитала. Свобода движения капитала при непоследовательной макроэкономической политике или непоследовательном проведении реформ создаёт вот такую неустойчивость.

Наша зависимость от нефти тоже является фактором повышенной неустойчивости в движении капитала. Мы это понимали; в «нулевые» годы нам нужно было выстраивать институты, снижающие эти внешние негативные воздействия, внешние шоки. Для этого мы сначала создали Стабилизационный фонд, который теперь разделен на Резервный фонд и Фонд будущих поколений. Это серьёзная подушка безопасности, которая спасла нас в кризис 2008-2009 годов.

Здесь мы прошли тест, поскольку и российские граждане, и инвесторы помнили, что в 1998 году у нас была девальвация рубля (примерно в шесть раз), у нас был дефолт, мы перестали платить по нашим обязательствам, крупнейшие частные банки обанкротились. Но в 2008 году мы уже имели хороший запас прочности, у нас уже был опыт, и мы максимально спасли бизнес. Мы предоставили необходимые условия, воспользовавшись своим Резервным фондом. Я понимал, что при той модели, которую мы избрали, это необходимо. Тем самым мы сохранили бизнес-отношения, сохранили финансовую систему.

Я думаю, это был первый в истории новой России тест на прочность молодой российской рыночной экономики. Кроме того, наш государственный долг в настоящее время составляет около 11% ВВП, и страны Европы могут нам немного завидовать. Это ещё один элемент прочности, который сегодня позволяет России и нашему частному бизнесу смело работать на международных рынках — суверенные риски в данном случае очень низкие. Это те факторы, которые мы обсуждали с моим другом Егором Гайдаром, с моими коллегами. В России сегодня есть довольно сильная команда современных экономистов, они работают в инвестиционных банках, в университетах, есть на кого опереться, в том числе правительство сегодня их слушает.

Наконец могу назвать завершившееся вступление России в ВТО, это произошло уже в последние два года. Тем самым в сфере внешнеторговых отношений мы начали новый этап структурных изменений. Даже у нас в России многим кажется: вступили в ВТО — всё хорошо, дело закончилось. Но сейчас работа только начинается, все наши отрасли перестраивают систему субсидий, подстраиваются под новые ограничения и правила, которые ВТО установила. У нас есть

семилетний переходный период, и если средняя взвешенная ставка на импортные пошлины была 11%, через семилетний переходный период она будет примерно 7%, я даже думаю, наверное, меньше, потому что Россия будет готова больше ориентироваться на мировые рынки и не только туда экспортировать, но и получать современные технологии для своей модернизации. Хочу напомнить, что сейчас в России общий объём инвестиций в год составляет около 20% ВВП, импорт — около 400 млрд долларов товаров и услуг, из них половина — товары инвестиционного спроса: это станки, оборудование, строительные материалы, то, что способствует инвестициям. Это говорит о том, что мы уже серьёзно взаимодействуем и сотрудничаем. Если говорить о Германии, то у нас торговый оборот примерно 80 млрд долларов, примерно 50% экспорт, 50% импорт, Германия — третий торговый партнёр России.

Но мы понимаем, что нам надо сделать для модернизации нашей экономики. Что являлось главной проблемой «нулевых» годов? Это так называемое «ресурсное проклятие». У нас очень быстро росли цены на нефть. Это позволяло (даже при том, что формировался Резервный фонд правительства и часть валюты мы сберегали) расти расходам бюджета в некоторые годы до 20-30%. Это был беспрецедентный рост, но его можно было себе позволить!

В 90-е годы все считали, что мы недофинансировали социальную сферу, развитие инфраструктуры, поэтому в стране был голод на новые ресурсы. Казалось, что если есть так много денег, то можно решить все проблемы. В тот период стало проводиться меньше реформ, формировалось мало институтов эффективности, конкурентоспособности, и только теперь, когда цена на нефть не растёт так, как раньше, это стало особенно ощутимо.

Сейчас мы стоим перед проблемой изменения модели экономики: если в «нулевые» годы это был прирост спроса, который расширял производство, то сейчас нам нужно повышать производительность и конкурентоспособность, снижать издержки, проводить технологическую модернизацию, в том числе и государственной системы управления — она все ещё настроена на старую модель экономики.

Я думаю, сейчас перед правительством стоит серьёзный вызов — учесть эти уроки. И наш Фонд, мои коллеги, все мы пытаемся вести эту дискуссию в России о тех проблемах, которые сейчас нужно решать, и как нужно переориентировать нашу экономику. Должен сказать, что недавно создан новый Эконо-

мический совет, где президент РФ заслушал и наши предложения, в том числе — Института Гайдара, в котором многие из присутствующих здесь работают или состоят в попечительском совете.

Я как раз хотел сказать, что являюсь скорее оптимистом в части перспектив развития либерализма, потому что даже сейчас, когда мы говорим о замедлении реформ, определённые реформы Россия проводит. Я уже сказал про ВТО, а это долгоиграющая тема. Но, например, за «нулевые» годы Россия присоединилась примерно к 370 международным многосторонним конвенциям и соглашениям. Половина из них относится к территории СНГ и Таможенному союзу, а половина — это стандарты ОЭСР, стандарты защиты интеллектуальной собственности, определённые правовые стандарты, отдельные механизмы и стандарты информации, защиты прав собственности. Шаг за шагом Россия втягивается в это. Например, была ратифицирована конвенция о борьбе с коррупцией — лишь с одной оговоркой (она была существенная, связанная с контролем за чиновниками), но в целом конвенция ратифицирована Россией и вступила в действие. Мы вступили в соглашение по борьбе с отмыванием денег и больше не находимся в чёрном списке ФАТФ, напротив, мы обмениваемся информацией со всеми финансовыми разведками мира по борьбе с отмыванием и выполняем все международные запросы в этом деле. Россия шаг за шагом движется в этом направлении, в том числе в ряде отраслевых направлений — в развитии энергетики, в развитии экологии, мы присоединяемся к международным нормам в области социальной защиты.

Мы должны думать о развитии глобального рынка и постепенно выходить из наших национальных границ по регулированию рынка, мы должны бороться с мировыми дисбалансами. Тот финансовый и экономический кризис, пик которого прошёл, но из которого мы, я считаю, ещё до конца не вышли, диктует нам создание международных институтов по регулированию финансовых рынков, по оценке деятельности банков, по созданию системы мониторинга транснациональных и крупных межнациональных корпораций. Это — продолжение либерализации. Мы не можем сейчас закрыться в крепости своих товарных рынков или своих рынков капитала, мы не можем допустить рост протекционизма — это будет снижать темпы мирового роста. Поэтому в «Большой двадцатке», где я работал, или в Международном валютном фонде, или на других саммитах мы говорим о создании новых стандартов, новых правил, прежде всего в финансовой сфере.

Я знаю, что в Евросоюзе активно обсуждаются проблемы Банковского союза, но очень трудно идет обсуждение вопросов Фискального союза — о некоторых новых нормах, которые будут предъявляться к экономикам, новых стандартах, которые будут помогать избегать накопления рисков и создания слабых звеньев внутри единого европейского рынка. Я знаю, как горячо идут эти дебаты, но это как раз дальнейшие шаги по созданию мирового глобального рынка и выходу из ограничений, которые были связаны с национальными правилами. Это веление времени.

В России есть ещё один момент, связан он с политической либерализацией: нужны новые институты, новая роль гражданского общества, новая роль политического и парламентского контроля. Сегодня стало очевидно, что эти институты развиты еще недостаточно. Последние два года — после выборов парламента и президента — показали, насколько эти вопросы волнуют всё наше общество.

Поэтому президент и правительство пошли на некоторую либерализацию и политической системы: сегодня в России довольно легко зарегистрировать любую политическую партию, даже слишком легко — для этого нужно всего 500 человек, и таких партий сейчас у нас почти 70, если я не ошибаюсь. Конечно, они очень слабые, они карликовые, не все из них станут влиятельными политическими структурами. Но даже на последних региональных выборах, которые проходили в сентябре, более чем два десятка партий хоть где-то, но проводили своих кандидатов — пусть по одному человеку в каких-то регионах, но общество услышало разные позиции, оно вступило в дискуссию, и ведущей партии («Единая Россия») пришлось в этой дискуссии защищаться. Я думаю, это только начало.

Мы как раз говорим о том, что многое необходимо делать сначала, опыт здесь ещё очень мал. После своей отставки я решил, что буду посвящать часть деятельности развитию гражданского общества. Я создал круг единомышленников, который называется «Комитет гражданских инициатив». Это известные политики, журналисты, учёные, которые высказываются по самым актуальным вопросам, в том числе по политическим, гражданским.

Сейчас это очень важно, актуально, иногда мы делаем совместные заявления, проводим целый ряд

акций. Недавно прошёл Общероссийский гражданский форум, на который съехались 900 делегатов от НКО со всех регионов России, все 83 субъекта федерации представили своих кандидатов. Там мы совершенно открыто обсуждали в разных секциях, чего мы бы хотели сегодня добиться в развитии гражданского общества и в решении самых насущных проблем. Этот форум будет постоянно действующим, он также будет действовать on-line, и в течение трёх месяцев по завершении прошедшего форума мы вырабатываем свою повестку, которая также будет широко обсуждаться.

Есть целый ряд новых проектов, которые открывает наш Комитет, в том числе это поддержание гражданских инициатив в субъектах Российской Федерации. Это означает, что по двенадцати номинациям мы во всех субъектах РФ, начиная от помощи детям и инвалидам и до проблем правозащиты и наблюдения на выборах, мы поддерживаем те НКО, которые чего-то добились в этих сферах, которые уже себя проявили. Со всей страны мы получили более пятисот заявок на номинацию на этом конкурсе — НКО рассказали нам о своих проблемах. Мы хотим поддержать эту инициативу, хотим, чтобы люди стали гораздо активнее в своей жизни — там, где решаются проблемы экологии или проблемы деятельности местного самоуправления, мы открыли несколько кратковременных школ по подготовке депутатов местного самоуправления. Эта работа сегодня нужна, она востребована, мы видим в России рост активности в этой сфере. Я думаю, это хороший признак. По моим оценкам, мы сейчас переживаем исторический период возрождения гражданского общества или его новой роли. Начинается новый этап, когда наконец общественный контроль и гражданское общество должны существенно больше контролировать власть, создавать свои институты контроля. Например, во всех отделениях полиции сейчас создаются общественные советы. Правда, пока они ещё подконтрольны местным властям... Наш Комитет разработал программу реформирования полицейских структур, мы внесли её на всеобщее обсуждение. Будем постепенно шаг за шагом этим заниматься.

Примечание

* Выступление Алексея Кудрина на Гайдар-Науманн Форуме, который прошёл в Берлине 29 ноября 2013 года.

© Текст: Алексей Кудрин

СНОВА ДУЕТ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Экономические реформы
в России — 20 лет спустя

Яков УРИНСОН

ГАЙДАРОВСКИЕ РЕФОРМЫ. ВЗГЛЯД НАЗАД

Российские экономические реформы, наиболее значимая часть которых свершилась под руководством Е.Т.Гайдара в 1992-1993 гг., проанализированы в ряде серьезных исследований [1,2,3,4,5,6,7,9]. Не повторяя сделанных в этих работах выводов, я, во-первых, остановлюсь на тех преобразованиях в экономике России, в которых мне довелось участвовать; во-вторых, скажу о своем понимании текущей экономической ситуации в современной российской экономике.

Когда в августе 1991 г. Е.Т.Гайдар, по существу, возглавил российское правительство (председателем Правительства был президент Ельцин, его первым заместителем — Гайдар), перед ним встала нелегкая задача воссоздания российских экономических ведомств. Дело в том, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) в составе Советского Союза не имела полноценных институтов управления. В частности, на фоне Госплана СССР и Госкомстата СССР республиканские Госплан и Госкомстат играли второстепенную роль. Важнейшие отрасли и предприятия России находились в ведении союзных министерств. Поэтому Госплан РСФСР и Госкомстат РСФСР занимались в основном вопросами развития областей и районов России. Из всего материального производства целиком они рассматривали только такие отрасли, как местная промышленность, коммунальное хозяйство, городской транспорт и т.п. Как правило, и наиболее сильные специалисты работали тогда не в республиканских, а в союзных ведомствах.

Поэтому в ноябре 1991 г. Е.Т.Гайдар вместе с В.В.Барчуком и А.А.Нечаевым занялся созданием и организацией работы Министерства экономики и финансов России. Моим коллегам и мне в правительственном Центре экономической конъюнктуры (ЦЭК) были поручены две главные задачи.

Первая задача — сформировать с участием лучших специалистов дееспособный российский Комитет по статистике и безотлагательно обеспечить представление в Правительство текущей статинформации.

При этом уже в начале 1992 г. требовалось подготовить данные о динамике ВВП в разрезе основных секторов и регионов; о производстве важнейших видов продукции в натуральном выражении (уголь, нефть, газ, сталь, зерно, мясо, молоко, хлеб и т.д., всего около 40 наименований); о динамике цен по регионам, в городах и сельской местности. Последняя задача была особенно трудной, поскольку в СССР напрочь отрицался сам феномен инфляции, а значит и не было сколько-нибудь содержательной статистики цен. Если говорить о макроэкономике, уже в 1992 г. требовалось перейти от господствовавшего в советской статистике Баланса народного хозяйства (БНХ) к Системе национального счетоводства (СНС).

Вторая задача — социально-экономическое прогнозирование и вариантыные расчеты последствий тех или иных решений, которые анализируются и готовятся Правительством. Здесь у нас был определенный задел и в методах моделирования, и в программно-математическом обеспечении. Однако наработан он был в исследованиях и расчетах по экономике СССР [11, 12]. Теперь же необходимо было очень быстро верифицировать применяемые нами методы и модели на российских данных и «настроить» их на российскую экономику.

Так или иначе, лучше или хуже, но обе эти задачи были решены.

В 1992 г. у нас появились первые, пусть очень грубые экспериментальные таблицы счета текущих операций, счета производства, счета распределения и использования доходов, счета накопления. Их практическое значение было минимальным. 23 октября 1992 г. Верховный Совет РФ утвердил Государственную программу перехода Российской Федерации на международную систему учета и статистики на период 1992–1996 гг. А в 1994 г. Госкомстат приступил к систематической разработке и внедрению СНС в регулярную статистику [10].

Что касается статистики цен, то уже 10 января 1992 г. на стол Е.Т.Гайдара легла докладная записка и стопка распечаток с ЭВМ. Они показывали динамику цен по необходимой номенклатуре товаров и услуг на основе сбора и оперативной обработки данных в трехстах с лишним городах и населенных пунктах Российской Федерации. С тех пор еженедельно Правительство получало экспресс-информацию о потребительских ценах.

Теперь о макроэкономическом моделировании и прогнозировании. В декабре 1991 г. Центр экономической конъюнктуры выполнил вариантыные расчеты (на основе межотраслевых моделей) для оценки влияния на экономику различных схем либерализации цен, внешней торговли, объема и структуры капитальных вложений и других решений, готовившихся Правительством.

ЦЭК выполнял также расчеты по обоснованию бюджетных проектировок, в том числе исходя из различных вариантов сокращения расходов на оборону и безопасность. Эти расчеты показывали, что сокращение текущих расходов на содержание Вооруженных Сил имеет одни последствия для экономики, а уменьшение гособоронзаказа — совсем другие. На завершающей стадии этих расчетов Гайдар, посмотрев очередной вариант, попросил все пересчитать. Он дал

новые вводные по объему и структуре гособоронзаказа и по внешнему долгу, вытекающие из необходимости решения проблем атомно-оружейного комплекса. Выполняя его поручение, я понял, насколько глубоко Егор Тимурович погружен в эту тему, как тщательно и всесторонне вникает не только в финансовые и организационные, но и в военно-политические аспекты. Сегодня ясно, что Б.Н.Ельцин, Е.Т.Гайдар, Г.Э.Бурбулис и все, кто тогда был причастен к принятию сверхответственных решений в этой области, опасались, что распад СССР приведет к вооруженным конфликтам в бывших союзных республиках. К счастью, как мы знаем, этого не произошло.

В декабре 1992 г. Е.Т.Гайдар был отправлен в отставку, но осенью 1993 г. он вернулся в российское Правительство в должности министра экономики и первого заместителя Председателя Правительства В.С.Черномырдина. Егор Тимурович взял на себя ключевые вопросы экономической политики. Мне же он поручил организовать работу Министерства экономики в качестве своего первого зама.

Наряду с макроэкономикой мне пришлось с головой погрузиться в сложнейшие и острейшие отраслевые проблемы. Поскольку главной в то время была задача финансовой стабилизации, то прежде всего пришлось углубиться в проблематику оборонно-промышленного комплекса и угольной промышленности. Именно они требовали мощной подпитки бюджетными средствами.

Хорошо известно, что очень серьезные проблемы в «оборонке» стали копиться еще в советское время: избыточная милитаризация экономики, неудачные попытки конверсии в 80-е годы и др. В 1992–1993 гг. они еще более усугубились из-за дефицита финансовых ресурсов. Достаточно сказать, что в 1992 г. гособоронзаказ пришлось сократить более чем в 5 раз. К тому же в стране просто еще не было какой-либо системы в военно-экономическом программировании.

Вероятно, принимавшиеся тогда решения не всегда были верными. Но, как показало время, удалось сохранить и даже укрепить потенциал ключевых предприятий оборонно-промышленного комплекса. В условиях жесточайшего бюджетного дефицита обеспечивалось не только минимально необходимое финансирование действующего производства, но и освоение, выражаясь сегодняшним языком, инновационных видов вооружений и военной техники. Благодаря этому в 2000-е годы Вооруженные Силы страны получили современный ракетный комплекс стратеги-

ческого назначения «Тополь-М». В 2010 году завершено начатое еще в 1994-м строительство первой российской многоцелевой атомной подводной лодки «Северодвинск». В 2007 году на воду была спущена новая стратегическая подводная лодка «Юрий Долгорукий», заложенная на «Севмаше» в 1997-м. Решения, которые позволили реализовать эти и некоторые другие жизненно важные для страны проекты, принимались российским Правительством в 1992–1994 годах.

Вместе с тем тогда же сложились новые, адекватные рыночной экономике: методика мобилизационного планирования (хотя в начале 90-х некоторые «горячие головы» в Правительстве предлагали вообще ликвидировать моб-план); система обоснования, согласования и утверждения гособоронзаказа; принципы реструктуризации и конверсии оборонно-промышленного комплекса; подходы к монополизации и дерегулированию военно-технического сотрудничества (правда, в этой сфере в последние годы наблюдаются обратные тенденции) [13].

Что же касается угольной промышленности, то ее реформирование имело особое значение. Особое — из-за особого места этой отрасли в российской экономике, а также высокой политической активности шахтеров. Тяжесть шахтерского труда усугублялась бессмысленностью экономических отношений, сложившихся в отрасли в советское время. Труд шахтера в течение многих десятилетий был не просто тяжелым, но и опасным для жизни. В СССР была такая трагическая статистика — на каждый миллион тонн добытого угля в среднем приходился один погибший под землей шахтер. Экономика же отрасли сводилась к тому, что значительная ее часть получала дотации из бюджета. В начале 1990-х годов сумма дотаций достигала 2,5 млрд. долларов в год, т.е. 10% расходов бюджета. Наряду с технически оснащенными и рентабельными шахтами продолжали существовать допотопные, с инженерной точки зрения, убыточные предприятия с ужасающими условиями труда.

В 1993 г. была создана Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов. Комиссия была наделена исключительными полномочиями, её решения были обязательны для всех министерств и ведомств. Е.Т.Гайдар как председатель этой комиссии четко сформулировал суть угольной реформы: ликвидировать технически отсталых и убыточные угледобывающие предприятия с адресной социальной поддержкой шахтеров, адаптировать угольную промышленность к рыночным отношениям. Были приняты важнейшие ре-

шения по реструктуризации отрасли и приватизации ее предприятий [14]. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что начатая Е.Т.Гайдаром реформа угольной промышленности дала положительный результат. Было ликвидировано более 180 нерентабельных шахт. Численность работников в отрасли сократилась, а производительность труда выросла вдвое. Смертельный травматизм в отрасли упал более чем в 2 раза. О бюджетных дотациях угольным предприятиям мы уже давно забыли. Более 90% угля в стране теперь добывается частными угольными компаниями, причем добыча ежегодно растет. Их акции стали «голубыми фишками» на отечественном фондовом рынке, что является лучшим показателем успеха реформы российской угольной промышленности.

Анализируя ход и содержание экономических реформ в России в 1992–1993 гг., следует учитывать, что они осуществлялись в экстремальных условиях. Время на подготовку к плавной экономической реформе было упущено. Конечно, было бы правильнее до либерализации цен в январе 1992 г. накопить ресурсы для интервенций на товарных рынках, чтобы смягчить неизбежный ценовой шок. Но о каком накоплении ресурсов могла идти речь, если крупным городам страны реально грозил голод? Золотовалютные резервы страны на конец 1991 г. составляли лишь 65 млн. долларов, а внешний государственный долг вырос до 81 млрд. долларов, внутренний — около 16,5. Новых займов нам не давала ни одна страна. Более того, в счет старых долгов в канадских и европейских портах арестовывались корабли с зерном, которое мы должны были получить по ранее заключенным соглашениям. Под угрозой срыва оказался импорт инсулина, других жизненно важных лекарств, продовольствия [7,8].

А в это время Правительство Ельцина — Гайдара должно было:

- вводить новую бюджетную и жизнеспособную налоговую систему, чтобы хоть как-то наполнить казну и сформировать реальный бюджет страны;
- наводить порядок в банковской системе и денежном обращении в условиях общего с бывшими союзными республиками рублевого пространства. Печатались наличные деньги, к счастью, только в России — в Москве, Питере и Перми, а вот кредитную эмиссию банков Украины или Грузии контролировать было практически невозможно;
- создавать, по существу, заново военную организацию страны;

- решать проблемы передислокации атомного оружия с территорий бывших союзных республик в Российскую Федерацию;
- обустроить государственную границу Российской Федерации и вводить таможенно-тарифное регулирование;
- договариваться с МВФ и Мировым банком о стабилизационном и продовольственном займах;
- обеспечивать поддержку и функционирование на минимально необходимом уровне систем жизнеобеспечения населения и предприятий.

Родившееся в муках на месте бывшей огромной советской республики демократическое государство в первые годы своего существования было недостаточно отстроенным. Его институты во многом формировались второпях и на ощупь. Милитаризованная, не ориентированная на конечный спрос и не способная реагировать на научно-технический прогресс экономика, которую страна унаследовала от социалистического прошлого, нуждалась в коренных преобразованиях. Именно они проводились в первые годы становления нового Российского государства.

ОШИБКИ РЕФОРМАТОРОВ

Конечно, были ошибки. На мой взгляд, главная из них — недостаточная системность в государственном строительстве. Многие из нас, в том числе и я, были уверены, что главное — перестроить экономику («базис», как учила нас марксистская политэкономия). А уж политическая структура и социальные отношения в обществе («надстройка») в новых экономических условиях неизбежно реформируются. Эта уверенность подпитывалась тем, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов окружавшие меня люди — дома, на работе и на улицах, во время митингов и тем более событий августа 1991 года — настолько активно и искренне участвовали в общественной жизни, что, казалось, страна быстро распрощается с тоталитарным прошлым и с радостью окупится в демократическое настоящее.

Но, как выяснилось, модернизировать страну только через экономику, сохраняя основу старой политической системы, невозможно. Недостаточно изменить материальное положение людей, надо, чтобы произошли изменения в их мировоззрении, в их головах.

Сегодня приходится констатировать, что в 1991–1993 годах основные силы реформаторы сконцентрировали на экономике. Столь же глубоко и настойчиво включиться в преобразование других сторон государственной системы, на мой взгляд, не удалось. С

первого дня не меньше, чем экономикой, следовало заниматься реформой судебной власти и правоохранительной системы. Надо было лучше отслеживать реальные интересы вновь нарождающихся социальных групп населения и поддерживать формирование различных партий и движений. Надо было создавать и укреплять местное самоуправление, механизмы федеративной парламентской республики и институты гражданского общества.

За свои просчеты мы заплатили трагическими событиями октября 1993 года, реальной угрозой реставрации коммунистического режима во второй половине 1990-х годов и отклонениями от магистральной линии демократического развития в 2000-е годы.

ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ЭКОНОМИКИ

Пока же российская экономика после резкого (более высокого, чем в других сегментах глобальной экономики) спада в 2008–2009 гг. вошла в режим роста. В России уже длительное время наблюдается весьма позитивная динамика многих важных фундаментальных макроэкономических характеристик. После периода высокой инфляции с двузначным темпом прироста в 2001–2008 гг. мы уже четвертый год имеем рост потребительских цен заметно ниже 10%. В то же время в 2010–2012 гг. экономика нашей страны растет с темпом около 4% в год. Внешний долг (около 41 млрд. долларов) и госдолг в целом (примерно 5,4 трлн. рублей, или 9,2% ВВП) сейчас у нас, по теперешним мировым меркам, весьма низкие. Золотовалютные резервы Центрального Банка России составляют около 520 млрд. долларов. Дефицит федерального бюджета в текущем году будет в худшем случае 800 млрд. рублей и не превысит 1,4% ВВП.

Однако за всем этим внешним благополучием кроются очень и очень серьезные проблемы.

Это, во-первых, структурные диспропорции. Наличие собственных природных богатств уже давно превратилось из нашего конкурентного преимущества на мировом рынке в тормоз экономического прогресса, сделав возможной сырьевую ориентацию отечественной экономики. В 2000-е годы доля обрабатывающих отраслей в промышленном производстве у нас не только не выросла, но сократилась. Сегодня топливно-энергетический комплекс определяет почти треть валового внутреннего продукта страны и около 40% всех налоговых и таможенных поступлений в бюджет. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП составляет лишь 15%. Экспорт из России почти на 75% обеспечивается нефтью, газом, углем, металлами

и минеральными удобрениями. В то же время страна критически зависит от импорта многих потребительских товаров и продовольствия, компьютеров и оргтехники, современных видов машин и оборудования.

Отечественные предприятия неконкурентоспособны на внешних рынках, ибо не владеют современными технологиями. Среди двухсот глобальных фирм, зарегистрированных в 2010 г. наибольшее число патентов, российских компаний нет. Доля новой (не только для нашей страны, но и для мирового рынка) продукции в общем объеме производства российских предприятий составляет 0,5% (в Финляндии — 27,2%, в Германии — 7,1%). Производительность труда у нас отстает от уровня США и других развитых стран, по разным оценкам, в 3–5 раз.

Что же касается макроэкономической устойчивости, то и она сегодня вызывает серьезные вопросы. Без учета доходов от нефти и газа дефицит федерального бюджета в ближайшие три года может составить 10%. Это означает, что все наше макроэкономическое благополучие критически зависит от цены углеводородов на мировом рынке.

Действующая модель российской экономики практически себя исчерпала. Как отмечает Министерство экономики РФ [26], в российской экономике коэффициент использования действующих производственных мощностей достиг значения докризисного 2007 года, а уровень занятости превысил исторический максимум. Безработица упала до рекордно низкой за последние 20 лет отметки. При этом рост производительности труда существенно отстает от роста заработной платы. Без значительных частных инвестиций и смены на этой основе всего технологического уклада экономики переход от её экстенсивного роста со снижающимися темпами к устойчивому развитию невозможен.

Но предпринимательская активность в стране и приток иностранных инвестиций тормозятся высокими институциональными барьерами. Главные из них — незащищенность прав частной собственности, недобросовестная конкуренция (зачастую инновации заменяются административным ресурсом), отклонения от верховенства закона и неудовлетворительное судопроизводство, высокие транзакционные издержки и, конечно же, коррупция.

В ВОСЬМОМ ДЕСЯТКЕ

Охарактеризованные выше процессы, факторы и явления объясняют тот факт, почему, обладая весомыми конкурентными преимуществами (природные ресур-

сы, 8-е место в мире по размеру внутреннего рынка, интеллектуальный потенциал) и даже добившись высоких темпов экономического роста (в 2001–2007 гг. около 7% в среднем за год), Россия находится в восьмой десятке по размеру ВВП на душу населения: 15100 долларов на человека (по ППС).

Уровень бедности (число россиян, получающих доходы ниже прожиточного минимума) уже в течение пяти лет — с 2006 г. — не меняется и составляет 13–15% от общей численности населения. Качество же таких социальных благ, как услуги здравоохранения (и платного, и особенно бесплатного), общее и профессиональное образование, за последние 10 лет только снижалось. По обобщающему индексу развития человеческого потенциала Россия занимает 71-е место в мире.

Результат такого положения дел весьма печален. По данным ВЦИОМ, который провел весьма репрезентативный опрос населения в 46 регионах страны, число россиян, желающих эмигрировать, достигло 21%. Больше всего желающих выехать из страны среди людей в возрасте 18–24 года (39%) и среди высокообразованных респондентов (29%). К сожалению, процесс уже «пошел»: по официальным данным, за последние 10 лет из России уехало более 1 млн. 250 тысяч человек, 40% из них — с высшим образованием.

Наряду с потерей трудовых ресурсов Россия теряет и частный капитал. Чистый отток (превышение вывоза над ввозом) капитала из частного сектора в 2011 г. составил 84,2 млрд. долларов США, в 2012 г. — 57 млрд. долларов.

Таким образом, и труд и капитал «голосуют ногами» против складывающихся в стране социально-экономических отношений.

По своей значимости в ближайшее время нам предстоит пройти развилки сопоставимые с теми, которые мы проходили в 1992–1993 гг. [16].

В 1980-е годы Горбачев отказался от советской империи и пошел по пути демократизации. В 1990-е годы Ельцин отказался от командно-административной системы и начал рыночные реформы. В 2000-е годы Путин отказался от олигархического капитализма и построил бюрократическую вертикаль с теми социально-экономическими отношениями, о которых сказано выше. Сегодня мы стоим перед выбором: либо постепенно двигаться по инерции, либо решительно модернизировать всю нашу социально-экономическую систему.

На мой взгляд, инерционный сценарий ведет только в тупик. В стране нет единства влиятельных

политических элит, а потому постепенные реформы вполне могут быть заблокированы правящей бюрократией.

Необходима решительная модернизация, которая предполагает согласованное продвижение по трем направлениям: политика, институты, экономика [16].

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Я — не политолог. Мне трудно конкретно и содержательно описать механизмы политической трансформации. Но в том, что она произойдет, я убежден. И события 2011 — 2012 гг. в Москве на Болотной, на проспекте Сахарова, в других городах по всей стране убедительно подкрепляют мою убежденность.

Рыночная экономика, несмотря на все препятствия, которые могут чинить и нередко чинят власти, так или иначе формирует достаточно влиятельные группы людей. Их объединяют общие социальные, а затем и политические интересы. Конкуренция между ними и политическими партиями, отражающими их интересы, должна привести к трансформации государства в нужном всем нам направлении.

В ходе политической модернизации предстоит перейти от государственного патернализма к социальному партнерству на основе Общественного договора типа испанского пакта Монклоа [22]. При этом, поскольку без политической конкуренции не может быть конкуренции экономической, необходим «пакет либеральной демократии» [16]: ликвидация патерналистского режима; многопартийность; верховенство права; общественный контроль за бюрократией и бизнесом; децентрализация и развитие местного самоуправления.

Второе направление — модернизация институтов [слайд 11]. Здесь минимально необходимый пакет включает защиту прав собственности, справедливую конкуренцию, верховенство закона [16].

И, наконец, третье направление — модернизация экономики.

ЕЩЕ РАЗ О ГЛОБАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ

Чтобы понять, что она означает для России модернизация экономики, стоит еще раз проанализировать причины мирового кризиса, начавшегося в 2008 г. Его часто называют «Великой рецессией» (в отличие от «Великой депрессии» 1929 года) и обычно объясняют провалом на ипотечном рынке и «сдуванием пузыря» на рынке недвижимости США. Распространение разного рода финансовых инноваций и ослабление контроля за движением финансовых инструмен-

тов на американском и глобальных рынках привели к трудностям в страновых и международной денежно-кредитных системах, а затем и к экономическому спаду. Чтобы стимулировать деловую активность, большинство развитых стран наращивали госрасходы, в том числе за счет бюджетного дефицита и государственного долга. Это способствовало фрагментарному восстановлению мировой экономики в 2010 г., но уже в 2011-м ее рост замедляется (с 5% — в 2010 г. до 3,9% в 2011-м и до 3,2% — в 2012 г.) [слайд 12]. Показательно, что снижение темпов роста в этот период сопровождается еще и высокой, причем ускоряющейся из года в год инфляцией (с 1,5–2,0% в 2010 г. до 3–4% в 2012 г.).

К НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА — «NEW NORMAL»

Многие эксперты у нас в стране и за рубежом, и я с ними полностью согласен, приходят к выводу, что ответом на кризис должно быть не усиление вмешательства в экономику на страновом и межгосударственном уровне, а глубокие структурные реформы и переход к новой модели роста — «new normal» [24].

Лично для меня главным основанием для такого вывода является объяснение кризиса 2008 г. не только и не столько событиями, имевшими место на финансовых рынках, а отставанием мирового технологического процесса от глобального спроса на ресурсы. В последней четверти прошлого и в начале этого века во всем мире экспоненциально росли цены на продовольствие (особенно на белки животного происхождения) и углеводороды (нефть, газ). Тем самым рынок сигнализировал мировому сообществу, что спрос на них резко превышает предложение.

Поначалу этот сигнал вроде бы был услышан — ведущие ученые мира в 1972 г. подписались под докладом т.н. Римского клуба «Пределы роста» [17]. Однако в реальной жизни дополнительные доходы, генерировавшиеся высокими ценами на продовольствие и углеводороды, направлялись не на разработку новых технологий производства и улучшение эффективности использования глобальных дефицитных ресурсов, а на расширение спектра и повышение уровня потребления. Этому в значительной мере, особенно в 2000-е годы, способствовало появление и распространение деривативов и других финансовых инструментов, которые позволяли обслуживать быстро растущий товарный оборот.

Но ведь еще в XVI веке польский астроном, экономист и математик Николай Коперник и английский финансист Томас Грешем сформулировали экономи-

ческий закон, который гласил: «Деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им». Или — еще проще: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие» [18]. Отсюда — все эти лопнувшие в 2008 году финансовые пузыри.

Постепенно мировое сообщество осознаёт всю опасность игнорирования отрыва спроса от ресурсно-технологических возможностей.

За последние годы, по данным Мирового банка, рост энергопотребления резко замедлился [19]. В марте 2011 года Еврокомиссия приняла весьма ответственные решения, направленные на экономию первичных энергоресурсов. В частности, к 2030 г. более половины всех перевозок пассажиров и грузов на расстояние более 300 км намечается осуществлять водным или железнодорожным транспортом, а к 2050 г. в городах ЕС не должно остаться автомобилей с бензиновым и дизельным двигателями.

Сегодня добыча сланцевого газа из мифа превратилась в одно из главных направлений энергетической стратегии [20]. В США и Европе производство и транспортировка сжиженного природного газа становятся обычным технологическим процессом. Несмотря на аварию на Фукусиме, Россия, США и Япония намерены активно использовать атомную энергию. Во всем мире вкладывается все больше средств в освоение возобновляемых источников энергии — воды, ветра, солнца, геотермальной энергии. В США, в европейских странах, в России разрабатываются новые технологии промышленного и жилищного строительства, ориентированные на экономию энергоресурсов.

Активный поиск новых решений идет и в сфере продовольственного обеспечения. Мировые цены на важнейшие продукты питания (зерновые, мясо, молоко, сахар, масло) в 2011–2012 гг. бьют все исторические рекорды (доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН — ФАО [21]). В другом докладе, совместном ФАО и ОЭСР [21], дается оценка численности населения Земли к 2050 г. — 9 млрд. человек. Чтобы их прокормить, придется увеличить производство продуктов питания на 70% по сравнению с 2005 годом. Именно поэтому вполне оправданы те гигантские инвестиции, которые в последнее время пошли в развитие технологий растениеводства, биотехнологий и генную инженерию.

Однако, прежде чем развитие фундаментальной и прикладной науки, инвестиции в энергетику и энергосбережение, в продовольственный комплекс дадут реальную отдачу, пройдет значительный период вре-

мени, в течение которого мир будет находиться в «зоне турбулентности»: от медленного, плавного роста до резкого торможения и рецессий.

Все это позволяет сделать вывод о том, что как для мировой, так и для российской экономики определяющим фактором устойчивого роста становится ресурсосбережение. В складывающихся условиях темпы экономического развития будут базироваться не на вовлечении в хозяйственный оборот дополнительных материальных и энергетических ресурсов, но на коммерциализации информационных и интеллектуальных ресурсов, на наиболее полном использовании человеческого капитала. Если раньше, в течение многих веков экономический рост генерировался реальным сектором и индустриализацией производства, а технологический прогресс материализовался в сельском хозяйстве, металлургии, машиностроении, энергетике, то теперь драйверами экономического развития становятся образование, наука, здравоохранение, IT-технологии, био- и нанотехнологии.

Переход к новой модели функционирования — нетривиальная задача для любой экономики. Для российской экономики он будет еще более сложным в силу ее ресурсной ориентированности и вследствие низкой способности реагирования на изменения той вертикали власти, которая сложилась у нас в стране в 2000-е годы. Поэтому модернизация — не только настоятельная необходимость, но и серьезный вызов для нашей страны.

ВЫЗОВ И ОТВЕТ. ПЯТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЦЕНАРИЕВ

Сможем ли мы на него ответить — вопрос тоже отнюдь не тривиальный. Об этом свидетельствуют весьма серьезные исследования, выполненные Фондом ИНДЕМ [25]. С использованием разработанной ими методики сценарного прогнозирования авторы в течение уже более семи лет анализируют потенциально возможные варианты развития общественно-политической ситуации в нашей стране. С учетом статистически значимого влияния на неё важнейших социальных, экономических, институциональных факторов и событий исследователи оценивают вероятность реализации наиболее характерных сценариев. К таковым относятся (в терминологии авторов) пять следующих сценариев:

«**Вялая Россия**» — инерционное развитие;

«**Диктатура развития**» — ужесточение режима ради модернизации экономики;

«Охранная диктатура» — ужесточение режима ради сохранения у власти действующей группировки;
«Революция» — нелегитимная смена режима с опорой на уличную активность населения;

«Smart Russia» — движение к модернизации через укрепление гражданского общества и усиление политической конкуренции в правовом поле.

Весьма показательны результаты рассматриваемых исследований, полученные в 2005-м и в 2011 году.

Наиболее вероятным в 2005 г. оказался сценарий «Вялая Россия» (31%). Совсем ненамного от него отстали сценарии «Диктатура развития» (25%) и «Охранная диктатура» (23%). Но и два «крайних» сценария — «Революция» и «Smart Russia» — получили значимые, причем почти равные оценки (11% и 10%).

В 2011 г. ситуация существенно изменилась. Сценарий «Smart Russia» получил, практически, нулевую оценку возможности его реализации, а сценарий «Революция» — оценку менее 0,1%. Прошедшие президентские, парламентские, региональные и муниципальные выборы, обеспечившие статус-кво действующей власти, свидетельствуют, что сценарий «Вялая Россия» в 2011 г. обоснованно получил свои 60%. Вместе с тем многие события текущего года говорят о правомерности получения двумя сценариями диктатуры вполне значимых оценок (20% и 21%). К таким событиям относятся, с одной стороны, меры по ужесточению законодательства, продление предельного возраста чиновников до 70 лет и резкий рост насилия («Охранная диктатура»), а с другой — создание «Открытого правительства», поддержка проекта «Сколково» и др. («Диктатура развития»).

Несмотря ни на что, лично я очень надеюсь, что среди вполне реалистических сценариев вновь появится сектор «Smart Russia» с достаточно высокой процентной оценкой. Убежден, что Россия наконец-то приступит к реальной модернизации не путем ужесточения режима, а через либерализацию экономики и всех общественных отношений.

Яков Моисеевич Уринсон — российский государственный деятель, доктор экономических наук (1980); заместитель председателя правительства России, министр экономики России (1997—1998). Первый заместитель генерального директора корпорации РОСНАНО. Ординарный профессор кафедры бизнес-аналитики Государственного университета /Высшей школы экономики. Член правления Фонда Егора Гайдара.

Литература

- Е.Т.Гайдар.* Гибель империи. Уроки современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006
- А.А.Нечаев.* Кризис в России. Кто виноват и что делать? М.: Астрель, 2009
- Е.Г.Ясин.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ ВШЭ, 2002
- Е.Гайдар, А.Чубайс.* Развилки новейшей истории. СПб.: Норма, 2011
- В.А.Мау.* Сочинения. Том 4: «Экономика и политика России. Год за годом (1991–2009)». М.: Дело, 2010
- Anders Aslund. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed. Peterson Institute of International Economics, Washington DC, 2007
- А.В.Улюкаев.* В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М.: Стрелец, 1999
- П.Авен.* Реформы 90-х. Как это было. Фонд Гайдара — gaidarfund.ru/public.php
- С.М.Гуриев.* Мифы экономики. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009
- А.Е.Суринов.* О развитии системы государственной статистики о России. Российская государственная статистика и вызовы XXI века. М.: МЭР-ФГС, 2011.
- Г.Мальцев, И.Матеров, Я.Уринсон, В.Щербинкин.* О вариантах перехода СССР к рыночной экономике // Экономика и математические методы, 1991, № 1.
- Г.Мальцев, И.Матеров, Я.Уринсон, В.Щербинкин.* Модель экономики СССР в условиях перехода к рынку // Экономика и математические методы, 1991, № 6
- Я.М.Уринсон.* О реструктуризации и конверсии оборонной промышленности // Российская газета, 30.12.1987
- И.С.Кожуховский.* Реструктуризация угольной промышленности // Вопросы экономики, 2000, №1
- Реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004
- Е.Г.Ясин.* Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: ГУ Высшая Школа Экономики, 2011
- Meadows D.L.* The Limits to growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books, 1972
- Фридрих А.Хайек.* Частные деньги. Глава IV. Путаница вокруг закона Грешема. М.: Институт национальной модели, 1996
- Statistical Review of World Energy 2011. <http://11neftianka.livejournal.com/143314.html>.
- Время сланцев // Коммерсант Business Guide, №2, 2013 г.
- Food and Agriculture Organization of The United Nations. Food Outlook, May, 2012
- OECD- FAO Agriculture Outlook. OECD 2009
- Е.Гонтмахер.* Сценарий: Пакт Монклоа — 2009 // Ведомости, 03.12.2008
- К.Сонин.* Уроки экономики. М.: Альпина Бизнес Букс, 2011
- Ю.Благовещенский, М.Кречетова, Г.Сатаров.* Сценарное прогнозирование политической ситуации в России-2012. М.: Либеральная миссия, Фонд ИНТЕМ, 2012
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2013 год и плановый период 2014–2015 годов. М., Министерство экономического развития РФ, сентябрь 2012.

ПЕНСИОННЫЕ ВОЙНЫ, ИЛИ КТО И КАК ПОТЕРЯЛ НАШИ ПЕНСИИ

Борис Грозовский: Меня зовут Борис Грозовский, я обозреватель «Форбс», сотрудничаю с Высшей школой экономики и так далее.

Сегодняшняя дискуссия Гайдар-клуба посвящена проблемам пенсионным. Хотелось бы построить наш разговор, условно говоря, в рамках трёх блоков.

Блок первый: обсуждение текущей ситуации

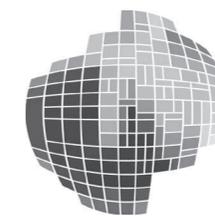
Всем известно, что принято решение о замораживании пенсионных накоплений на 2014 год — это порядка 240 миллиардов рублей, то есть эти деньги работающие будут отчислять в Пенсионный фонд, но они не будут перечислены негосударственным пенсионным фондам.

Есть некоторое количество версий, почему принято такое решение; я имею в виду не мотивировки, которые излагают официальные лица, а именно версии.

Первая версия: что *что-то не так с федеральным бюджетом*, раз ему так срочно потребовались эти не очень-то крупные, по меркам федерального бюджета, двести с лишним миллиардов рублей. Правда, ещё почти такая же сумма накоплений 2013 года, которых тоже в течение долгого периода будущие пенсионеры не получают; значит, сумма удваивается. Это первая версия — какие-то неполадки с федеральным бюджетом. Известный публицист и аналитик Кирилл Рогов даже где-то писал, что, дескать, у компаний,

Дискуссия с участием
Владимира Назарова
Антон Табаха
Евсей Гурвича

Модератор
Борис Грозовский

которые потратили большие средства на подготовку к Олимпиаде, есть некоторые финансовые проблемы, им может понадобиться господдержка, вот под это средства и резервируются. Такая немножко конспирологическая версия.

Вторая версия: *что-то не так с НПФ.* Сегодня была отозвана лицензия у «Мастер-банка». И хотя об отзыве этой лицензии говорилось в течение нескольких лет, Центробанк наконец-то набрался мужества и сделал это — можно только гадать, чего это ему стоило!

В таком же духе **третья версия:** *о том, что у кого-то из НПФ (или у ряда НПФ) есть некоторые проблемы*, и проблемы эти настолько серьёзные, что регулятор опасается за судьбу пенсионных средств, поэтому перечисления и были остановлены таким экзотическим способом.

Версия эта тоже имеет право на жизнь. Всем известно, что у нас НПФ, несмотря на то, что они существуют уже около двадцати лет, структуры крайне сложные: они до сих пор не акционированы, у них всё нет прозрачности с отчётностью, с тем, во что и как они должны инвестировать. И, дескать, не было иного способа заставить НПФ продолжать очень крупных игроков далее мы будем говорить об этом это «Газпром», РЖД, «Лукойл», «Норникель», крупнейшие российские корпорации и банки, которым очень неплохо живётся в нынешнем состоянии, чтобы они прошли неприятную процедуру — акционироваться, прошли аудит со стороны Центробанка и т.д.

Я изложил три версии для затравки. Хотелось бы, чтобы мы обсудили причины того, что правительство приняло именно такое решение, и влияние этого решения на пенсионную индустрию в узком смысле слова и в широком смысле — на всех, кто заинтересован в этом решении, то есть на работников.

Во второй же части мне хотелось бы, чтобы мы обсудили, как мы пришли к этому состоянию. Может быть, что-то было не так в самом проекте пенсионной реформы 2001-2002 годов, в самой архитектуре нынешней российской пенсионной системы, раз спустя десять лет это привело к столь разрушительным проблемам.

И третья часть — как выходить из этой ситуации, что делать дальше? То есть видятся ли участникам обсуждения какие-либо способы, как выйти из этой мрачной ситуации?

Назову участников «круглого стола»: это — **Евсей Гурвич**, руководитель Экономической экспертной группы; **Владимир Назаров** из Института экономической политики имени Гайдара и Финансового института при Минфине; **Антон Табах** — сам от себя, финансовый аналитик и колумнист. Кроме того, насколько я понимаю, у нас тут сегодня собралась нетривиально хорошая аудитория даже для таких собраний, поэтому как-то хотелось бы, чтобы мы оставили какое-то довольно внушительное время на обсуждение того, что скажут сидящие в президиуме, с участием всех тех, кто сегодня пришёл.

Такой регламент: три части, соответственно, по несколько минут по первому кругу — характеристика текущей ситуации и причин, которые привели к такому решению правительства, из-за которого мы здесь сегодня собрались.

Кто начнёт?

Владимир Назаров: Есть одна очень хорошая книжка — «Почему погибла Римская империя». Автор приводит 242 причины гибели Римской империи и делает общий вывод: скорее всего, организм уже устарел, поэтому болячек много, и какая именно привела к фатальному исходу — непонятно.

Так же и здесь: наверное, все причины справедливы. Я бы еще добавил, пожалуй, главную — что у нас нет какой-то чёткой идеологии и программы действий самого правительства, потому что правительство и администрация президента состоят из партий. Так как в парламенте у нас дискуссии затруднены, но

они, наоборот, обостряются в правительстве, и в администрации.

Соответственно, там есть много различных точек зрения на то, какой должна быть пенсионная система, как она должна развиваться, и эти точки зрения — полярны. Есть люди, которые считают, что накопительная система — наше будущее и что только она нас спасёт, а есть люди, которые говорят, что там только одни мошенники, что введение накопительной системы — это крупнейшая ошибка предыдущего десятилетия и что чем быстрее мы её закроем и передадим эти деньги куда-то ещё (в лучшем случае на увеличение пенсий нынешним пенсионерам), тем всем будет лучше.

Так что, на мой взгляд, первая причина — это именно отсутствие единой идеологии, в результате чего нет и единой стратегии действий. **У нас, по сути дела, нет долгосрочной концепции формирования пенсионной системы, есть лишь ответы на отдельные проблемы, на отдельные ситуационные вопросы.**

Обострилась ситуация с бюджетом — надо что-то делать; пенсии низкие — надо что-то делать; кто-то уходит в тень — надо что-то делать. И ответы на эти вопросы могут быть любые: мы видим, что правительство в течение нескольких лет может то повышать взносы, то снова сокращать, то вводить накопительную, то замораживать ее.

В последние же дни эти решения были совсем уж быстрые: до замораживания накопительной части было ещё решение, что на 2014 год всё идёт во Внешэкономбанк, но в течение дня это решение было пересмотрено, и, соответственно, появилось то решение о замораживании, которое мы сейчас имеем.

Правительство необычайно легко меняет свои решения, и дальше уже все объективные причины, о которых сказал Борис, накладываются на отсутствие идеологии — любой ветер может этот флюгер повернуть в любую сторону. Всё, что сказал Борис, это правда: тяжёлым будет следующий год для бюджета? Да, он будет очень тяжёлым, а потом ещё тяжелее. Бардак в НПФ? Да, бардак, хуже, чем в банках. Были допущены ошибки в 2002 году? Да, были допущены ошибки. Поэтому всё, что сказал Борис, это справедливо, это всё такие ветры, которые этот флюгер периодически туда-сюда болтает. Такое мое видение ситуации.

Антон Табах: Собственно говоря, трудно не согласиться с коллегой. Если перевести на более научнообразную стилистику: институты слабые, и не бы-

ли закреплены никакие механизмы, которые должны были защищать накопительную пенсионную систему.

Если исходить из международного опыта, становится понятно, что и он не спасает, но там предусмотрены хоть какие-то защитные механизмы: значительно сложнее провести конфискацию, реквизицию, замораживание, или как это называется в нынешнем сезоне...

Что же касается разногласий между ведомствами и следования текущим интересам, то если раньше сформировавшаяся сильнейшая коалиция скорее защищала существующую накопительную пенсионную систему, то сейчас ветер переменялся, интересы ведомств сошлись так, что было решено сначала перевести взносы в ВЭБ, а затем на 2014 год отменить (у нас же нет ничего более постоянного, чем временное, и никто не может гарантировать, что замораживание накопительных пенсий не превратится в ледниковый период).

При этом надо отметить, что подоспела и «помощь» из-за границы. Тут и Казахстан, который всегда выступал в роли адепта пенсионных накоплений, вдруг решил их централизовать и объединить под властью всесильного местного Национального банка; тут и Польша, где вдруг, с кондачка, после 14 лет вполне корректных и разумных реформ, внезапно было решено изъять вложения в госбумаги — действительно, зачем из одного кармана в другой перекладывать; тут и в других странах движение в этом направлении, поэтому теперь есть даже «идеологическая поддержка». И Всемирный банк, как я понимаю, сейчас тоже изменил свою позицию и перестал быть таким уж адептом пенсионных накоплений, — в общем, для накопительной пенсионной системы всё сложилось не слава Богу.

Я думаю, тут опять же, как правильно отметил коллега, нет какой-то одной конкретной причины. Просто все слабости и все изъяны сошлись в одной точке на фоне сложной бюджетной ситуации и достаточно сложных взаимоотношений между ведомствами.

Б.Грозовский: То есть какое бы антипенсионное лобби в отношении накопительной пенсионной системы ни сложилось, защищать ее особенно и некому.

В.Назаров: Либо слабо защищают, либо вообще некому.

Б.Грозовский: На этом фоне пару дней назад, конечно, всех очень порадовала новость о том, что

Пенсионный фонд России объявил тендер величиной в 170 миллионов рублей на разъяснение населению преимуществ нынешней социальной и пенсионной политики. Мол, наше мероприятие тут ни при чем!

Евсей Гурвич: Я предпочту говорить о том, почему накопительная система вообще почти сошла на нет, что к этому привело. Но, мне кажется, что неправильно сформулирован подзаголовок нашей дискуссии: «Кто и как потерял наши пенсии?».

Вообще-то их не потеряли, не надо панику сеять, тем более в условиях такого тяжёлого времени, как сейчас.

Во-вторых, второй вопрос формулируется так: «около десяти лет назад российская пенсионная реформа потерпела фиаско». Опять я с этим совершенно не согласен: фиаско — это когда ничего не вышло, мы возвращаемся в ту ситуацию, которая была до начала реформы, или даже ещё хуже.

На самом деле, наша реформа плурует кругами, но, по крайней мере, мы не возвращаемся к тому, что было до этой реформы. Поэтому я бы скорее сформулировал тему дискуссии так: «Кто и как потерял нашу пенсионную реформу?» Пенсии — на месте, а вот реформа — потеряна.

Теперь по поводу накопительной системы. Вот она постепенно реформировалась, реформировалась, от неё как от системы почти ничего не осталось (деньги, повторяю, на месте, можете не беспокоиться).

Напомню: в 2002 году была введена накопительная система, в 2005 году её первый раз реформировали: из участия в этой пенсионной системе исключили часть граждан, родившихся между 1952 и 1957 годами. Это было сделано для того, чтобы снизить ставки социальных налогов. Но вообще вся история пенсионной реформы весьма поучительна, это сплошная притча о наших реформах вообще.

Это пример того, как ради одной реформы отрезали кусочек от другой. При этом нужно очень верить в то, что снижение налогов неминуемо ведёт к расцвету экономики, то есть нужно иметь такое доктринёрское мышление.

Ситуация намного сложнее: это один из маленьких кирпичиков, который при каких-то условиях может дать положительный эффект, но ради этого точно не стоило резать накопительную систему, потому что если один раз что-то изменить, то это открывает дорогу для любых изменений. Что мы и видим: дальше это покатило по наклонной плоскости.

© Фото: А. Зверев

Следующее, что произошло: **этой реформой практически никто не занимался.** Первые выплаты в основном должны были происходить в 2022 году — какой смысл заниматься этим в 2003, 2004, 2005 и так далее?

В 2012 году оказалось, что те граждане, которые были исключены, должны были получить первые выплаты, и эта новость застала правительство врасплох, ничего не было готово, закон о выплатах готовили впопыхах, в панике. Второй **вывод общий — что реформами надо заниматься. Это как домашняя собака: если вы её завели, с ней надо гулять, кормить её.** Представьте себе — ведь если не кормить собаку, то она, в лучшем случае, зачахнет.

По опросам, которые проводила Татьяна Малева (простой вопрос задавался гражданам: участвуете ли вы в накопительной системе), оказалось, что об этом знали лишь меньше половины тех, кто на самом деле участвовал в опросе. То есть правительство даже не удосужилось довести до граждан новость, что они участвуют в этой системе.

Ну, и результатом этого стало то, что основная часть накоплений была во Внешэкономбанке, а тот вкладывал в основном в ценные государственные бумаги. Это ещё один элемент: то есть вкладывать в ценные государственные бумаги — это безопасно, значит ни правительство в целом, ни отдельные чиновники не берут на себя никакой ответственности за пенсионные накопления. Это полезно для правительства, меньше головной боли — размещать на рынке государственные облигации; но минус в том, что отрицательная реальная доходность, доходность Внешэкономбанка до недавнего времени была ниже инфляции.

Результат — в таких условиях пенсионная накопительная система действительно теряет смысл. **Накопительная система с отрицательной реальной доходностью бессмысленна.** Когда критики, с одной стороны, всю идею в целом критиковали (что неверно), у них был трудно оспариваемый аргумент, что доходность отрицательная. С этим уже трудно было спорить. Эта накопительная система стала уязвимой для критики, в результате сначала появилось предложение — вообще от неё отказаться или максимально срезать её.

Ну, а когда начинаются такие обсуждения и есть очень много минусов, то неизбежно побеждают краткосрочные соображения, тогда как основная сила пенсионной системы в том, что она помогает решать долгосрочные задачи. Как только возникают трудно-

сти, то, естественно, жертвуют как раз тем, что решает долгосрочные задачи, тогда как нам сейчас «день простоя да ночь продержаться». Поэтому всё, что сейчас произошло с накопительной системой, при таком подходе к реформам абсолютно естественно.

Б.Грозовский: Спасибо. Тем самым мы, с одной стороны, плавно перешли от первого пункта ко второму благодаря такому развёрнутому высказыванию *Евсей Гурвича*. Мне кажется, намечаются зачатки дискуссии, потому что, например, мне трудно согласиться с одним тезисом: что начать в 2002 году, а потом отменить в 2013-м, ну, не отменить, а откатиться, — это лучше, чем если бы в 2002-м не начинали вообще, и мы бы сейчас оказались в состоянии до начала. Я думаю, что скорее это негативный опыт.

Если посмотреть на ситуацию глазами рядового работника крупного или среднего предприятия, деньги собираются весьма серьёзные (отчисления в Пенсионный фонд в России выше, чем в массе других стран), они куда-то инвестируются, но инвестируются они с плохой доходностью, а потом вообще замораживаются.

В общем, вывод, который из всей этой истории может сделать рядовой Иван Иванович, по-моему, должен состоять в том, что в любом случае, каким бы ни был дизайн накопительной системы, проку от неё мало, а лучше рассчитывать только на себя — депозиты в банках, недвижимость на свободные средства и прочее. А отношение к обязательной накопительной системе вся эта история формирует сугубо негативное, в этом смысле хуже, чем если бы не начинали вообще.

В.Назаров: Очень короткий комментарий: если точно такой же вывод сделает большинство населения, значит реформа удалась, потому что мы должны понимать, что **классическая пенсионная система, будь она накопительная или распределительная, в долгосрочном периоде обречена.**

В общем-то, чем раньше люди будут рассчитывать прежде всего на собственные силы, а не на какие-то посулы государства и его самые амбициозные проекты, тем будет лучше для людей. Если это научило людей именно тому, что надо заботиться самим о себе, то это, я считаю, огромный успех реформы. Даже если все деньги потрачены зря, но люди уже поняли, что нужно рассчитывать только на себя, то, полагаю, в этом как раз это огромный успех реформы.

Е.Гурвич: Как сказал бы земляк главы того музея, в котором мы находимся: нет ли тут вредительства при

проведении реформы и её организации? Но, на самом деле, я согласен с коллегой, ибо, собственно говоря, то, что произошло, то, что в очередной раз доказано: спасение утопающих — дело рук самих утопающих, это, в общем-то хорошо.

Помню, в фильме «Айболит-66» Ролана Быкова пел Олег Ефремов-Айболит: «Это даже хорошо, что пока нам плохо». Я признаю, что обязательные пенсионные накопления — это зло. Стимулирование субсидий, программы софинансирования, всё, что угодно, но обязательные пенсионные накопления не работают хотя бы потому, что их некому защищать, уж коли они обязательные. Грубо говоря, посмотрите на реакцию людей, когда отбирают пенсионные накопления у нас, в Польше или в Казахстане, или когда не отбирают, а слегка изменяют правила в американском штате Миннесота. Масштабы ущерба, нанесенного бюджетникам, там гораздо ниже, но масштабы мордобоя существенно выше. Это говорит о том, что людям есть что защищать.

По поводу накоплений. Версия про вредительство при разработке самой пенсионной реформы заслуживает дальнейшего изучения, потому что, когда вычеты производятся из заработной платы, я считаю, что работниками предприятия это не воспринимается как проблема, это воспринимается его бухгалтером и владельцем, потому что вычеты производятся от работодателя, а не от работника.

То же самое — со взносами в пенсионную систему: многие работники этого не видят, поэтому не знают, «письма счастья» не читают, в зарплатную ведомость не смотрят. По поводу доходности в ВЭБе — то же самое: никто не заставлял молчать. Пропажа денег в НПФ была несущественной, но, опять же, сейчас как аргумент используют то, что в управляющих компаниях всё было достаточно хорошо, хотя даже в 2008-2009 годах там были свои проблемы, но они были разрулены. Что же касается доходности ниже инфляции, то если посмотреть, то ущерб реальной доходности был невелик. Но важен принцип: что бы ни делалось, перекладывать деньги из одного государственного кармана в другой — довольно бессмысленный процесс.

В.Назаров: Короткий комментарий: очень забавно, что накопительную компоненту заморозили ровно тогда, когда доходность стала положительной, когда мы увидели положительную реальную доходность везде, даже у Внешэкономбанка, ровно тогда наше правительство решило заморозить эту систему. В плане

доходности здесь можно отметить, что да, действительно, в 2002 году был допущен ряд ошибок. В частности, форма НПФ: лучше, чтобы они были акционерными обществами, а еще лучше — трастами, как это во всём мире происходит.

Б.Грозовский: Это ошибка 93–94 годов.

В.Назаров: Но в 2002-м можно было поправить, когда всё-таки вводили обязательную компоненту, никто не мешал сказать: теперь вот эти деньги пойдут только тем, кто акционируется. И тогда можно было перезапустить систему, сделать их акционерными обществами, что существенно бы усилило это лобби. Меня весьма забавляет, допустим, Оксана Дмитриева, которая с пеной у рта кричит об огромном лобби финансистов — но где эти люди? Я их не вижу в высоких кабинетах, я их не вижу защищающими накопительную систему. Это одно из самых слабых лобби в Российской Федерации — лобби НПФ, они не могут практически ничего.

Одна из причин, почему они не могут, в том, что у них форма дурацкая, им довольно сложно организоваться. Это первое. И второе — недостаточная интегрированность с владельцами. Если бы они принадлежали как акционерные общества чётко Газпрому, то Газпром за них бился бы более интенсивно.

Когда вводили в Сингапуре накопительные взносы, их сила была в том, что был единый пакет таких накопительных историй: был сберегательный счёт медицинского обеспечения, была пенсия накопительная и была принудительная ипотека. Ну, не ипотека, а сбережения на жильё в принудительной форме. Тогда это был очень солидный кусок от заработной платы, но каждый человек пользовался этим куском практически каждый день. Каждый день какой-то элемент из этой системы он мог вытащить и сказать: вот теперь я потратил это на лекарство, а вот теперь я купил жильё. **В очень многих странах разрешён частичный доступ к накоплениям до наступления пенсионного возраста, и тогда средний класс воспринимает это как свою заначку.** Вот сейчас лично мне глубоко наплевать на мои пенсионные накопления: по сравнению с другими моими накоплениями это ноль по-вдоль, доходность от них существенно меньше, чем от всего остального, поэтому я, в общем-то, готов всё это подарить государству. Если бы оно ещё не взимало с меня эти 6% взносов в ответ на этот широкий жест, я бы вообще был счастлив. Но, в общем-то, от них ни тепло, ни холодно. А вот если бы я в случае чего мог

использовать это на дорогостоящую операцию кому-то из своих близких, если вдруг я мог бы привлечь эти деньги как проценты по ипотеке, что, в общем-то, логично, ибо потом, когда выйду на пенсию, я мог бы эту квартиру сдать в обратную ипотеку, — тогда мы бы создали то лобби, которое боролось бы за эту накопительную систему. Сейчас эта накопительная система никому не нужна: НПФ слабые, люди ничего про них не понимают, не видят от них никакого выхлопа, и аж до 2022 года никто оттуда ни копейки не получит. Я, конечно, лукавлю, некоторые выплаты есть, но в масштабах всей страны это ничтожный эффект. Поэтому права коллеги, лобби создано не было, поэтому система не была эффективна. На это наложились крайне неэффективное регулирование: их действительно почти что принудительно загнали в облигации федерального займа, а тогда по этим облигациям были отрицательные процентные ставки.

Загнали двумя способами: первый — все «молчуны» принудительным образом направлялись во Внешэкономбанк, а тот принудительным образом инвестировал преимущественно в облигации федерального займа. А второй способ — это требование обязательной положительной или нулевой доходности в течение года накоплений, в общем-то, говорило НПФ примерно следующее: лучше уж купить эти облигации федерального займа (сейчас им даже депозиты разрешили) — да, ниже инфляции, но мы свои деньги за администрирование получим, а то, что пенсии обесцениваются, — ну и фиг с ними, зато мы выполним все требования российского законодательства.

Вот так примерно рассуждали. Не знаю, как других, а **меня такая доходность ниже инфляции не устраивает.**

Когда у нас в 2000-х годах был бум на рынке акций, фактически наши пенсионные накопления проспали этот бум, не говоря уже о том, что никто не мешал нам инвестировать за рубеж. Сейчас, когда наш рынок стагнирует, есть достаточно много успешных рынков, и мы так бы хеджировали очень многие риски, если бы мы разрешили инвестировать за рубежом. Действительно не было единого ответственного за эту систему, все отвечали по чуть-чуть, то есть — никак... В общем, эти десять НПФ куда-то исчезли, о них мало кто что знает, но большая часть вкладчиков действительно не пострадала, их накопления сохранены, вложены, как правило, во что-то очень консервативное, надёжное и низко доходное. Но, повторяю, доходность этого в последние годы стала выше инфляции, и тогда наше государство решило с этим покончить.

Вот, на мой взгляд, ещё **третья причина — это отсутствие какого-либо ответственного за всю эту реформу.**

И вообще я довольно скептически настроен к этой самой идее обязательной накопительной компоненты в очень долгосрочный период. Да, использовать все эти истории, чтобы вытащить страну за уши, чтобы создать средний класс, чтобы люди почувствовали себя собственниками, начали сберегать, — да, десять, двадцать, может быть, тридцать лет — это вполне адекватные для стран типа Сингапура решения. Но на длительных интервалах... С какого перепугу кто-то вдруг решил, что я должен откладывать 6% от своей заработной платы? Почему 6%, почему не 20%, почему сейчас, почему не завтра? Очевидно, **это всё уменьшает общественное благосостояние, потому что государство принимает за всех одно решение. Такое решение не может быть оптимальным — какой бы процент ни был выбран, для одних это будет слишком много, а для других — слишком мало.**

Кто сказал, что вам нужна именно пенсия? Может быть, вам нужна дорогостоящая операция. Или вам просто хочется ребёнку купить что-то хорошее именно сейчас, вы от этого будете испытывать гораздо больше счастья, чем от лишних 500 рублей к пенсии. Кто померил все наши функции полезности и сказал, что именно эти 6% оптимальны для всего общества? Этого никто не сделал.

Вот почему я испытываю большой скепсис по поводу накопительной части пенсий. Конечно, её жалко, ибо она лучше, нежели распределительная, она создаёт правильные стимулы для среднего класса, она вообще должна быть одной из мер для создания среднего класса. Но у нас это не заработало, и если она закроется, я не удивлюсь.

Е. Гурвич: В эту систему не допущены банки. Потому что единственное финансовое лобби, которое серьёзно, которое видит в своих снах госпожа Дмитриева, это именно банковское лобби: её преследует образ господина Тосуняна, и о том, что он совершенно не занимается пенсионной проблематикой, она, видимо, то ли не в курсе, то ли просто не проследила. По поводу доходности международных инвестиций — опять же, если посмотреть на зарубежный опыт, где это вводилось, всё равно процесс этот долгий и мутный.

А по поводу возможности варьировать вложения — тут мы уже переходим к необязательным, добровольным и стимулируемым системам типа амери-

канской, где, по сути дела, достаточно широкая вилка у работников и у работодателей по финансированию и по софинансированию, есть возможность выбрать: 3 процента ты сберегаешь, 6 или даже 18 процентов — в зависимости от раскладов.

Б.Грозовский: Пока мы находимся в этом втором блоке обсуждения, хотелось бы поставить несколько вопросов, кроме тех, которые затронули коллеги. Можно ли было в принципе начинать всю накопительную реформу 2002 года, при этом не разобравшись с базовыми проблемами распределительной части пенсии — с пенсионным возрастом, с тем, на какой коэффициент замещения мы хотим выйти, берёт ли на себя государство какие-либо обязательства в плане будущего обеспечения пенсионеров?

Отчасти нынешние лишения — это результат ускоренного повышения распределительных пенсий до кризиса в 2006-2007 годах.

А это ускоренное повышение пенсий было возможным потому, что до конца не были определены правила игры в распределительной части.

Кроме того, старт реформы в 2002 году никак не затронул проблему с льготниками, досрочниками, со всеми, кто имеет право на повышенные и пенсии благодаря своему месту работы, вредным условиям производства или на ранний выход на пенсию.

В конечном итоге то, что сейчас происходит с накопительной частью, это следствие того, что у государства не хватает денег в распределительной компоненте — заплатить пенсии такому количеству людей и такого размера, сколько бы государство может заплатить.

Соответственно, оно залезает в этот карман. Может быть, нужно было как-то разобраться с распределительной системой, запуская накопительную?

В.Назаров: Да, мне кажется, что в распределительной системе проблемы настолько огромны, что этих проблем решить невозможно, что бы мы ни делали с накопительной системой.

Её можно ликвидировать полностью, её можно увеличить в два раза — разный масштаб: распределительная система — это около 9% ВВП, а накопительная — меньше 1%. Поэтому, что бы мы с этим одним процентом ни делали, мы никак не решим проблемы тех девяти процентов.

Е.Гурвич: Я согласен с Владимиром в том, что, на самом деле, накопительная система — это такая ви-

трина. Это был новый элемент, прежде у нас не виданный и большинством не слыханный, поэтому она привлекала внимание, но вовсе не следует ставить вопрос о том, что нужно было ещё и разобраться с распределительной системой, чтобы она поддерживала накопительную. **Реформа же 2002 года не сводилась к введению накопительной. Основное содержание касалось именно распределительной, и там была вполне серьёзная реформа.**

Однако наша пенсионная реформа, как и многие другие, началась с того, что у себя мы внедрили самые передовые практики. Обычно потом оказывается, что мы не готовы к самым передовым. **Это такая типичная для нас ошибка — если уж брать, то самое передовое.**

На самом деле хорошо то, что работает здесь и сейчас. Здесь нужен такой здоровый прагматизм. Для того чтобы накопительная система (а это было самое передовое, — все считали, что теперь-то мы наконец решим проблему старения населения), работала, нужно несколько простых по перечислению, но не простых в реализации элементов.

Нужно иметь очень развитую, хорошо работающую финансовую систему (у нас её не было не только в 2002 году, думаю, она у нас не скоро появится). Нужно иметь доверие к частным финансовым институтам (это доверие, сами понимаете, не нужно комментировать). Поэтому моё личное мнение состоит в том, что мы не были готовы к введению накопительной системы. Это была реформа на вырост.

Но поскольку никто ею не занимался, постольку и проверить на практике, были мы к ней готовы или нет, не представляется возможным.

Далее. В 2000-е годы были два интересных тренда: с одной стороны, благодаря росту цен на нефть, росту экономики и повышению зарплат реальный уровень пенсии очень тоже быстро повышался; но, с другой — повышался он гораздо медленнее, чем повышалась зарплата.

То есть **разрыв между зарплатой и пенсией, и так достаточно большой в нашей стране, ещё увеличивался.** Это для нас урок: нужно было правильно выбирать индикаторы, на которые ориентироваться. Те, кто отвечал за пенсионную реформу, судя по всему, считали, что всё нормально, потому что пенсии растут. Но политики, те, кто был заинтересован в пенсионерах как в электорате, понимали, что нужно подтянуть уровень пенсий к уровню зарплаты.

И за этими двумя подходами опять-таки скрывается традиционная для нас дихотомия: **у нас всегда**

западники бьются со славянофилами или рыночники — с государственниками, всегда есть мощный антитезис, а вот синтеза нет никогда.

У нас в пенсионной сфере бьются те, кто выступает за финансовое оздоровление, за сбалансированность бюджета пенсионной реформы, и те, кто выступает на страже интересов пенсионеров. Поэтому мы лавируем. В какие-то моменты побеждает одна линия, и тогда обеспечивается сбалансированность бюджетной системы, но падает коэффициент замещения; потом побеждает другая партия, мы резко лавируем в другую сторону и доводим это движение до абсурда.

В 2010 году мы сделали резкий поворот: разом почти на 4% ВВП увеличили пенсионные выплаты. Для тех, кто не держит в голове бюджетные цифры: это больше, чем все наши расходы на здравоохранение или на образование. Это решение было принято почти без обсуждения по явно политическим мотивам.

Незадолго до этого, как сейчас помню (по-моему, это был 2008 год), на Петербургском форуме Егор Гайдар делал доклад. Он бил в набат, он говорил: если мы не проведём энергичные пенсионные реформы, в частности, не повысим пенсионный возраст, то нам придётся — о ужас! — в период до 2030 года увеличить на 2,5–3% пенсионные выплаты.

А тут это было сделано не до 2030 года, а мгновенно, и не на 2,5–3%, а на 4%. Я бы охарактеризовал эту «реформу» словами Талейрана: это ошибка хуже, чем преступление.

Это ошибка сразу по многим причинам. Во-первых, мы задрали обязательства — в этом случае будущий рост пенсионных выплат в связи со старением населения оказался ещё больше. То есть к тем 4%, на которые уже увеличили, по моим оценкам, к 2050 году нужно было бы ещё примерно 9% ВВП добавить, то есть всего 13% для поддержания статус-кво. Кроме того, была упущена уникальная возможность: когда мы почти в полтора раза повысили пенсии, это не сопровождалось никакими институциональными реформами.

На самом же деле это был уникальный момент, дающий возможность, например, повысить пенсионный возраст или перестать платить пенсии работающим пенсионерам.

То есть общий принцип реформ должен был состоять в том, чтобы непопулярные реформы лис компенсируют общим повышением пенсий, которое проводится, а тот, кто не проигрывает от непопулярных, оказывается в выигрыше. Никто не проигрывает, а

кто-то даже выигрывает — это замечательная ситуация, мы решаем свои долгосрочные проблемы. Здесь не было сделано ни одного движения для решения долгосрочных институциональных проблем, мы опять засунули голову в песок, в очередной раз сделали вид, что у нас этих проблем нет, хотя они у нас есть. Проблема старения есть у всех стран мира, сначала она коснулась развитых стран, сейчас добралась до развивающихся — никто не уйдёт от этой проблемы.

Особый случай — это та реформа, которая началась сразу после реформы 2010 года.

Новая пенсионная система начала действовать с 1 января 2010 года, а в июне в бюджетном послании президент заявил: **нам нужно разработать новую пенсионную систему.**

Эта борьба почти завершилась: вчера, вы знаете, в первом чтении рассматривался первый пакет. Это время, с июня 2010 года по ноябрь 2013-го, ушло на суровую героическую борьбу с возможными негативными последствиями первого плана реформы. Если бы первый план реформы был осуществлён (он был вывешен министерством социального развития в декабре 2010 года), это было бы очень большим шагом назад: там предлагалось перейти на систему, которая называется **фиксированные выплаты, то есть когда размер пенсии обещается заранее.** Например, тот, кто проработает 30 лет, будет получать не меньше 40% от своей зарплаты. Уже давно признано, что **в условиях старения населения это прямой путь к банкротству правительства, к банкротству бюджета.**

В результате этой героической борьбы удалось вернуться в начальную точку, то есть туда, где мы были в 2010 году, удалось не допустить реализации этих ужасных и очень опасных планов. Так что я остаюсь при своём оптимистическом мнении, что у нас ситуация всё-таки не хуже, чем до 2002 года.

А.Табак: Контраргументы. Международный опыт показывает, что лучше всего реформы делаются в странах с диктаторскими или полудиктаторскими режимами — тот же Сингапур или Казахстан, будем называть вещи своими именами, когда у реформы есть конкретный автор. Кто сделал пенсионную реформу в Чили? Мы знаем этого человека, знаем имя, знаем фамилию. Мы знаем, кто сделал пенсионную реформу в Казахстане, кто её породил и кто её сейчас убивает — это одно и то же лицо, мы его хорошо знаем, господин Марченко. В России была попытка ассоциировать то ли с Зурабовым, то ли с Дмитриевым, но это было незаслуженно ни для того, ни для другого. А потом, как

всегда, у поражения появилось много отцов. Поэтому мне кажется, что при более правильном дизайне вполне возможно, что пенсионная реформа могла способствовать введению накопительной системы и чему-то хорошему. Но что выросло, то выросло.

Если будет разрабатываться будущая пенсионная реформа, лучше было бы, чтобы её разрабатывали структуры и органы, не вовлечённые в выплату текущих пенсий и управление текущей пенсионной системой. Опыт зарубежных стран показывает, что это, наверное, лучший путь.

Б.Грозовский: Переходим к третьему блоку — и потом дискуссия, как раз у нас хватит на всё времени. Это ведь отчасти ещё история про патерналистское государство и вопрос о том, что государство всем вместе и каждому в отдельности должно и что оно может обещать. Может быть, если бы в 2010-м победил план Минздравсоцразвития с гарантированными каждому пенсиями вне зависимости от зарплаты (отчасти, кстати, это сейчас введено в пенсионную формулу через стаж), тогда граждане России быстрее бы разочаровались в патерналистском государстве, которое хочет всем всё обещать в большом количестве.

С другой стороны, понятно, что на все эти пенсионные сюжеты накладывалась ситуация 90-х годов: понятно, что пенсионеры и граждане среднего возраста больше прочих потеряли во время трансформационного экономического спада первой половины и середины 90-х годов, понятно, что хотелось как-то ускоренно это компенсировать. Может быть, лучшим вариантом была схема, которую предлагал Егор Гайдар, когда доходы от приватизации и Стабилизационный фонд становятся, по сути, фондом будущего поколения, то есть обеспечения пенсионеров. Этого сделано не было.

Третья, последняя часть дискуссии: как нам из этой ситуации выходить?

Б.Грозовский: Имеет ли смысл всё-таки поддерживать систему обязательных пенсионных накоплений? Если да, то что — пустить в неё банки, страховщиков и, насколько это возможно, либерализовать то, во что эти финансовые институты могут вкладываться, или нет? Есть большие сомнения, что лучше: централизовать все пенсионные отчисления в распределительной системе или вложить их в инфраструктурные облигации, которые выпускают Росавтодор или РЖД под Транссиб, Четвёртое кольцо, ЦКАД.

В.Назаров: Интересно будет через 50 лет поехать посмотреть, как выглядит ваша пенсия.

Б.Грозовский: Да-да-да. Потому что, если бы накопительную систему не отменили сейчас, большая масса этих денег была бы вложена как раз в облигации РЖД, Росавтодора и так далее, а так они финансируются за счёт федерального бюджета и ФНБ, будущие пенсионеры не пострадали. Я не знаю, что лучше. Претендентов на эти средства очень много, и в первую очередь — среди госкорпораций, у которых крупные откатные проекты. Что делать? Или отказываться от обязательных накоплений совсем, всячески стимулировать добровольную систему за счёт налоговых льгот? А как при этом могут быть снижены обязательные взносы? Вот такой спектр вопросов.

В.Назаров: У меня сложная позиция по этому вопросу, потому что в долгосрочной перспективе у меня взгляды абсолютно радикальные: я считаю, что и распределительная система обречена, что она приносит больше вреда, чем пользы, и что обязательная накопительная компонента тоже неэффективна.

Поэтому, я думаю, где-то в середине XXI века, может быть, даже в 70-х годах, классическая распределительная пенсионная система будет выглядеть так же нелепо, как в начале XX века выглядело крепостное право, это будет очевидный архаизм.

Но двигаться к этому необходимо постепенно, поэтому самое оптимальное — это иметь **разные пенсионные системы для разных поколений**.

Нынешним же пенсионерам необходимо сказать: успокойтесь, пенсионная реформа — это не про вас, пенсии будут индексироваться как минимум на инфляцию, с этим ничего происходить не будет до тех пор, пока государственные финансы не рухнут окончательно. До этого момента ни один политик в здравом уме и твёрдой памяти, какую бы пенсионную реформу он ни проводил, нынешних пенсионеров он трогать не будет. На этом желательно поставить большую жирную точку.

Людям предпенсионного возраста, которым до пенсии осталось 5–10 лет, целесообразно адресовать то, что сделано в рамках новой пенсионной формулы. Я не хочу огульно критиковать правительство, правительство что-то делает правильно: я считаю, что в новую пенсионную формулу вмонтирован абсолютно правильный элемент (мы не знаем, заработает он или нет, но он вмонтирован) — это **стимули-**

рование добровольного более позднего выхода на пенсию.

То есть тем **гражданам, которые вот-вот выйдут на пенсию, адресуется такой посыл: хотите — выходите на пенсию вовремя; если хотите работать — можете отказаться от получения пенсии сейчас, но потом вы получите существенную прибавку.** И коэффициенты, которые закладываются в нынешнюю пенсионную формулу, во всяком случае, для женщин очень выгодны. Для мужчин в среднем не очень выгодны, но **для здоровых мужчин, которые собираются прожить лет пятнадцать хотя бы после достижения пенсионного возраста, эти коэффициенты всё равно выгодны.**

Поэтому, на мой взгляд, в 2015 году этим пользоваться не будут, потому что люди не доверяют правительству, считают, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, но я считаю, что это правильный посыл. Постепенно, если государство будет выполнять свои обязательства, эта программа будет становиться всё более и более популярной, и я думаю, что постепенно мы выйдем на то, что **у нас будут работать около половины пенсионеров** и что при нынешнем дизайне реформы они все будут откладывать свой выход на пенсию — может быть, на год, на два, на пять, некоторые — на десять лет. Необходимо сказать, что Россия — такая же страна, как и все остальные, и у нас происходит тот же процесс старения населения. **Все страны отвечают на это одинаково — повышают пенсионный возраст.** От этого мы никуда не денемся, и даже если наша пенсионная формула со всеми её изысками сработает, нам **всё равно в начале 2020-х годов придётся повышать пенсионный возраст.**

Для средних возрастов, **для людей, которым сейчас 30–40 лет, посыл должен быть другим: ребята, для вас пенсионный возраст будет более высоким, но и коэффициент замещения тоже будет более высоким.** Одновременно для вас формируется вся эта вещь с обязательной накопительной системой, с её стимулированием, со всем этим добром. Для самых молодых возрастов, которые ещё пока даже не задумываются об этой системе, необходимо говорить о том, что этот институт архаичен и отживает своё, им **целесообразно рассчитывать исключительно на собственные силы, на свою семью, на то, чтобы учиться всю жизнь, работать всю жизнь, грамотно инвестировать в собственное здоровье, это и будет вашей будущей пенсией.**

И эти возможности растут с совершенствованием технологий образования, с сокращением доли физи-

ческого труда в экономике, потому что умственным трудом можно заниматься гораздо дольше, общество становится более богатым и т.д.

То есть тем, кто будет выходит на пенсию в 70-х годах XXI века, надо будет сказать: ребята, для вас пенсия — это очень-очень редкое явление в случае, если вы будете нетрудоспособны и у вас уж совсем ничего не будет — ни родственников, ни сбережений, ни большого объёма имущества. Для вас это что-то из ряда вон выходящее, а в остальном — рассчитывайте на собственные силы.

Но все эти 50 лет государство обязуется снижать для вас налоговую нагрузку, чтобы вы сами могли формировать свои накопления, все эти 50 лет государство обязуется не допускать дефолтов, финансовых крахов и так далее, то есть государство обеспечит вам условия для этого инвестирования, сбережения, обучения, лечения и т.д.

Вот такая **многоукладная пенсионная система**, когда каждому поколению адресуется свой месседж; мне кажется, в любом случае мы к этому придём. **Конечная точка — это закрытие обязательной пенсионной системы**, от этого мы никуда не уйдём, но в эту точку можно прийти по-разному: можно схлопнуть эту систему неожиданно, когда окажется, что экономика уже другая, цены на нефть другие, и, в общем-то, ничего другого, кроме пособия по бедности в случае нетрудоспособности, наша страна обеспечить гражданам не сможет. А можно двигаться в этом направлении постепенно, используя те ресурсы, которые у нас есть.

Это то, о чём говорил Егор Тимурович Гайдар: это прежде всего наши нефтегазовые доходы и доходы от приватизации. Я считаю, что эти средства должны принадлежать пенсионерам, нынешним и будущим. Есть разные варианты, как сделать людей собственниками природной ренты и всех тех ресурсов, которые можно приватизировать, и направлять эти деньги по подушевому принципу: нынешние пенсионеры могут сразу тратить, а все остальные, соответственно, накапливают и формируют свои накопления. За счёт этого мы будем снижать налоговую нагрузку на фонд оплаты труда, которая, я считаю, крайне вредна. Сейчас все страны стараются снижать налоги на капитал и труд, повышать на потребление, поэтому в данном случае наша налоговая реформа будет в мировом тренде и будет стимулировать экономический рост и возможности людей самим заботиться о себе.

Б.Грозовский: Может быть, звучит немножко утопически. Я не знаю, как это воспринимается на слух.

Есть большие доклады, в которых эти идеи обоснованы и у Владимира, и у Евсея Томовича. То есть, по сути, это такое превращение пенсий для молодых поколений в пособие по бедности в случае неважно чего — старости, нетрудоспособности, многодетности и т.д.

Е.Гурвич: Прежде всего я хочу сказать, что идея Владимира мне кажется нереалистичной. Вначале он рассказывал про 240 причин чего-то, но есть ещё другая история. Командира батареи спросили: почему его орудия не стреляли? Он ответил: было 240 причин, я могу все перечислить; но первая — не подвезли снаряды. То есть причин много, но первая — потому что наши люди к этому опять-таки не готовы.

Не так давно опросили граждан тридцати стран Европы. Им задавали вопросы по поводу многих социальных проблем: кто должен их решать — сами граждане или государство? По части пенсий мы опередили всю Европу в том смысле, что у нас самый большой процент тех, кто убеждён, что это дело государства (больше 90% считают: ни в коем случае к ним не следует обращаться с этим, это исключительно дело государства).

Хорошая новость в том, что у нас есть очень много способов решить наши пенсионные проблемы. А плохая новость в том, что все они непопулярны.

Во-первых, у нас очень много источников неэффективности. Я поделюсь своим личностным фактом: я достиг пенсионного возраста. На месте государства первое, что бы я сделал, — не платил бы мне пенсию, раз я продолжаю работать и способен себя содержать. Базовые пенсии мы анализировали по микроданным. Я повторю: базовые пенсии должны использоваться как способ решения проблем бедности. Насколько я помню, большая часть, минимум две трети пенсий даже в 2009 году платились тем пенсионерам, доходы которых выше черты бедности. С тех пор пенсии, как я уже говорил, радикально повысились, поэтому я думаю, что сейчас уже почти не осталось базовых пенсий, которые платятся бедным.

Нет никакого смысла платить тем, кто работает: пенсия — это по определению обеспечение средств существования нетрудоспособным. Таким образом, тот, кто работает, не может рассматриваться как нетрудоспособный, поэтому пенсия ему — это абсурд. Что значит «он получает копейки»? Это потом, когда он перестаёт работать, он действительно копейки получает.

Мы смотрели, как меняются пенсии, как меняются доходы граждан, которые работают. Они что-то получают, потом, после выхода на пенсию, их доходы под-

скакивают, а затем, когда они перестают работать, они падают очень глубоко. Задача пенсионной системы — сглаживание, поэтому лучше сделать так, чтобы их доходы не подскакивали в начале пенсионного возраста, а лучше поддерживать их потом, когда они действительно уже не в состоянии работать, потому что тогда уже у них по-настоящему серьёзные проблемы. То есть речь идёт не о том, чтобы у них отнять что-то, а о том, чтобы эффективно это использовать. Платить пенсию тогда, когда она людям по-настоящему нужна, и тогда мы уже сможем платить им больше.

Вы предлагаете вернуться к патриархальному способу решения проблем — до Бисмарка родителей, после того, как они достигали нетрудоспособного возраста, содержали их дети. Со времён Бисмарка были введены пенсии, и теперь мы уже обсуждаем: как сделать так, чтобы те, у кого нет детей или если дети не имеют возможности поддерживать родителей и т.д. — как им быть?

Далее: у нас одно из самых низких в мире соотношений числа работников и пенсионеров. Почему? Потому что у нас прежде всего низкий пенсионный возраст. Это касается не всех, а в первую очередь женщин. Если посмотреть на мужчин, то у них соотношение продолжительности работы и пребывания на пенсии невысокое, чуть ниже среднего по сравнению с другими сопоставимыми с нами странами. У женщин соотношение пребывания на пенсии к продолжительности работы очень высокое, одно из самых высоких в мире: оно выше не только по сравнению с сопоставимыми с нами странами, но и выше, чем во всех развитых странах. То есть, с этой точки зрения, **сейчас адекватным демографическим показателем возраст выхода на пенсию для женщин был бы 60 лет.** Кстати говоря, **в Украине в прошлом году началось повышение пенсионного возраста для женщин по полгода в год.** Об этом мало кто знает, потому что оно прошло без всяких демонстраций, без акций протеста, там это приняли как вполне нормальную меру.

Что сделать, чтобы и у нас в России спокойно прошли необходимые, но непопулярные меры? Для этого государство должно перестать делать вид, что оно платит пенсии. **Не государство платит пенсии, а те, кто ныне работает, платят пенсии тем, кто уже не работает, то есть пенсионерам.**

Все неправильно понимают ситуацию: государство само убеждено, что оно платит, и убеждает в этом работников, **а работники убеждены, что пенсионные взносы платят работодатели.**

На самом же деле, как утверждает и экономическая теория, и эмпирические исследования, **бремя социальных взносов, в том числе и пенсионных, лежит на тех, кто работает: кто бы их ни отчислял, это вычит из зарплаты работников.** То есть работники, пока они работают, за счёт своего заработка делают пенсионные отчисления, а потом получают пенсии за счёт этого. Значит, по мере ухудшения демографии, по мере увеличения продолжительности жизни это единственный способ. Либо у нас будет увеличиваться разрыв между пенсиями и зарплатами, но это долго не может продолжаться из-за политической длительности пенсионеров: они сейчас составляют почти 40% электората формально, а если брать эффективный электорат — то больше 40%, и **очень скоро у них будет контрольный пакет — 50% от эффективного электората.** Поэтому их интересы очень трудно ущемить. Либо другой вариант — повышать ставки пенсионных взносов. Но это означает, что работающие граждане будут просто меньше зарабатывать, не говоря уже о том, что такое повышение налогов вредно для экономики.

Это элемент патерналистского государства, когда **граждане воспринимают государство как какое-то чудовище, у которого неизвестно откуда берутся деньги, поэтому нужно как можно меньше ему дать и как можно больше от него получить.**

Нет у государства своих денег, в данном случае оно их перераспределяет: берёт взносы работников и отправляет их пенсионерам. Нужно объяснить это людям, а правительству нужно перестать повторять, что у нас нет необходимости в повышении пенсионного возраста, потому что это неправда. У нас как и во всех других странах есть в этом необходимость.

И если говорить о накопительной системе, то она полезна прежде всего для того, чтобы понять, откуда берутся деньги.

В накопительной системе каждый платит за себя, и если человек разберётся с этим, он начнёт думать по-другому, поймёт: для того чтобы повысить пенсию, нужно либо больше отчислять, либо дольше работать.

Если граждане России, как в Украине, поймут, что другого выхода нет, то пенсионная система вполне может существовать неограниченно долго, до тех пор пока мы не созреем до того, чтобы самим, как предлагает Владимир, со школьной скамьи думать, за счёт чего мы будем жить в старости, и копить каждую копейку.

Б.Грозовский: В любом случае ясно: требуется очень честный, очень серьёзный разговор государ-

ства со своими гражданами о базовой экономической проблеме, чего на нашей памяти очень давно не случилось.

Классовый подход?

А.Табак: Большинство вопросов здесь уже были затронуты, но, на самом деле, проблемы эти действительно галактического масштаба. Что же касается Украины, сразу небольшой комментарий: там всё пошло относительно легко, потому что страна уже третий год находится на грани дефолта и действует под пистолетом Международного валютного фонда и Всемирного банка. В таких условиях реформы проводить легко. Я не удивлюсь, что в 1999 или 2000 году это можно было сделать и у нас; это было бы нелегко, но с учётом специфики. Правительство 1999-2000 годов сделало такие вещи, которые ни до того, ни после сделать было невозможно именно потому, что после катастрофы очень легко — всё снесли.

В основном же, в рамках политических ограничений, с коллегами я согласен. Просто с трудом себе представляю того политического деятеля, который начнёт вести разговоры про отказ от пенсионной системы. Это должен быть, видимо, либо диктатор-тиран, притом назначенный даже непонятно какой хунтой, потому что та хунта, которая может это провести... Либо руководитель тоталитарной секты.

Если мы не говорим про ядерные взрывы и про события такого масштаба, нужно понимать, что **существует проблема не только возрастного, но и классового компонента.** Нынешняя пенсионная система ориентирована на всех, в то время как одной части граждан в старости требуется фактически пособие по бедности, другой же части необходима возможность создавать накопления. Как это сбалансировать — это всегда сложно.

Если посмотреть на американскую или германскую пенсионные системы, то там у верхних 20% работающих тоже львиная доля накоплений. Понятно, что накопительная пенсионная система формирует до какой-то степени средний класс, но нельзя этот фактор сбрасывать со счетов. Поэтому, если говорить о будущем, то это будет, на мой взгляд, аккуратное (если не говорить о катастрофических сценариях) сокращение масштабов пенсионной системы, которая имеет место быть, создание систем стимулирования накоплений в дополнение к распределительной компоненте для условного среднего класса, с которым у нас самые большие проблемы.

Потому что бедных уже ничто не спасёт, кроме повышения зарплаты, повышения уровня жизни; богатые же — о них можно не думать, они сами решат свои проблемы.

Если посмотреть, что сейчас делается за рубежом, то там пытаются стимулировать сбережения при помощи софинансирования, взносов работодателей, налоговых льгот. Какая комбинация будет принята, это уже другой вопрос, но тот же опыт программы софинансирования не столь уж плох, как это кажется: она оказалась достаточно популярной и не такой разорительной для бюджета, какой могла бы быть при других раскладах.

Вопрос о масштабе участников: если бы все принимали участие по полной программе, скорее всего, она была бы разорительной; поскольку принимали участие далеко не все и взносы не дотягивают до потолка, то, естественно, разорительной она не стала. В некотором смысле это оказался таргетированный продукт.

И самое главное — что нужно продумывать дизайн новой пенсионной реформы. Я сейчас никоим образом не связан с государством, поэтому могу предположить, что на достаточно коротком отрезке, изъяны предложенной пенсионной формулы будут достаточно прозрачны.

Возможно, к тому моменту появится политическая воля для изменений, соответственно, надо будет думать, как сделать демонтаж аккуратным, стимулы — адекватными и пенсионную систему — соответствующей как демографическим, так и экономическим реалиям. Пенсионная система должна **ориентироваться исключительно на решение социальных проблем, и только на это.**

Общая дискуссия

Б.Грозовский: Спасибо. Понятно, что мы не во всём тут друг с другом согласны, но просто нужно на этом остановиться. Прекрасная аудитория — *Алексей Девятов, Александр Баранов, Ольга Кувшинова*, присутствующий здесь инкогнито *Андрей Сусаров* и др. Реплики, согласия, несогласия, вопросы...

...

В.Назаров: Мне кажется, что есть две версии событий: позитивная и негативная. Позитивная заключается в том, что на этот рынок пойдут крупные банки и именно они поглотят эти НПФ и станут действительно крупными игроками, с ними придётся считаться, и система будет развиваться. Второй вариант: пробле-

мы в бюджете обострятся непрогнозируемым образом, соответственно, будет принято решение дальше морозить, морозить, морозить... Если финансы пойдут совсем вразнос, то мы видели, что самые разные правительства в самых разных странах, европейских и латиноамериканских, принимают довольно дурацкие решения: когда надо тушить пожар и затыкать дыры, они используют всё, что под руку попадёт. На мой взгляд, оптимистичная версия событий — если крупные банки заинтересуются, прибегают в ЦБ, скажут: всё, готовы за вас законы написать, всё горит, давайте. Прибегут к самому главному начальнику, и он скажет: да, вы молодцы, давайте возобновим эту тему. А минус — что вот они все проваливаются до того момента, как у нас обострится ситуация, и тогда уже придут другие люди и скажут: тут где-то валялись деньги — дайте нам, пожалуйста, потому что у нас загорелось, и им эти деньги дадут. Это вопрос того, что будет происходить в нашей стране и в какой последовательности.

Е.Гурвич: Основные наши проблемы, если говорить о пенсионной системе, связаны не с краткосрочными рисками, а с долгосрочными — я не могу это назвать рисками, — с долгосрочными неизбежностями, поскольку старение населения — это практически свершившийся факт. Это как ледник съезжает — медленно, но неуклонно.

И здесь уже, если ставить вопрос, какая цена на нефть могла бы компенсировать эти проблемы, надо говорить не об уровне цены, а о скорости её роста.

Б.Грозовский: Тогда бы мы могли решить проблемы старения во всех странах мира за счёт нефтегазовых доходов российского бюджета.

А.Баранов: Почему-то сейчас обсуждение свелось исключительно к накопительной компоненте... Переход к новой формуле уменьшает выплаты государства будущим пенсионерам. То есть новая формула, по сути, действительно является грабительской: в этих коэффициентах, которые там заложены, есть потолок, они могут быть скорректированы и секвестированы, если не будет доходов в бюджет. Новая формула только даёт потолочный коэффициент, на самом деле всё будет гораздо хуже: для среднего класса по новой формуле коэффициент замещения — 10%. Сейчас он 15–20%, в среднем — 24%, а будет — 19%.

Новая формула и есть настоящая «фенечка», а то, что люди говорят по поводу накопительной части, —

это туман, за которым не видно тех основных процессов, которые происходят в реформе.

Эдуард Беккер, юрист и финансист. <...>На мой взгляд, эту проблему можно было бы эффективно решить, если бы мы убрали дуализм нашей пенсионной системы. У нас сейчас существует закон о трудовых пенсиях, по которому считается пенсия 95% населения, и существует закон о государственном пенсионном обеспечении, по которому считается пенсия для госслужащих и ряда других категорий. Вот для госслужащих, при условии соблюдения определённых требований по стажу, получается коэффициент замещения от 40% до 75% от заработка. Вы сказали — 10% для обычных людей будет, сейчас 19%, а для государственных служащих, для большой довольно-таки части с хорошим стажем — коэффициент замещения от 45% до 75%. Естественно, у них нет никакого желания стараться для своих избирателей, когда для них существует отдельная, эксклюзивная пенсионная формула. Вот о чём важно говорить. Для нашего общества было бы очень полезно, если бы пенсионная формула была бы единой для всех — вне зависимости от профессии, вне зависимости от статуса.

Полная стенограмма дискуссии
на сайте Фонда Гайдара

<http://club.gaidarfund.ru/articles/1833> ■□■

МАРК ХАРРИСОН

Из цикла лекций Фонда
Гайдара об экономической
истории России XX века в
Политехническом музее

Профессор Харрисон — историк экономики, специализирующийся на советской экономике. Он стал одним из первых экономистов на Западе, работавший с российскими архивами практически сразу после распада Советского Союза. Его работы привнесли новое понимание российской и советской экономики в общепринятые взгляды экономистов и экономических историков. Текущая работа связана с политической экономикой советских секретных служб.

Марк Харрисон ранее возглавлял кафедру экономики в *University of Warwick*, в настоящее время участвует в исследованиях *Hoover Institution* при *Stanford University* и кафедры *East European Studies* в *University of Birmingham*.

В апреле 2012 **Марк Харрисон** (Mark Harrison), профессор кафедры экономики *University of Warwick* стал лауреатом **Российской Национальной премии по прикладной экономике** за свое исследование, которое заполнило пробел в ключевом периоде российской экономической истории: им была дана оценка показателей национальных счетов России в период 1913–1928 гг. Профессор Харрисон разделил успех премии с **Андреем Маркевичем**, профессором Российской экономической школы. Тема исследования — «Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. Национальный доход России в 1913–1928 гг.» (Andrei Markevich,

СПОТЫКА -ЮЩИЙСЯ МЕДВЕДЬ, ПАРЯЩИЙ ДРАКОН:

Мог ли Советский Союз
пойти по китайскому пути?

Mark Harrison. «Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928» // Journal of Economic History, Vol. 71, Issue 03, 2011). Премия присуждена за воссоздание целостного статистического представления экономического развития России в начале XX века. Реконструированные данные восполняют существовавшие ранее пробелы в статистике и открывают возможность для дальнейшего исследования экономической политики государства в рассматриваемый период с применением современных методов анализа. Российская Национальная премия по прикладной экономике учреждена ведущими российскими учебными, исследовательскими и экспертными организациями в области экономики и присуждается раз в два года.

Харрисон: Я начну с судьбоносной встречи Михаила Горбачева и Дэн Сяопина в 1989 году. Эта встреча оказалась судьбоносной потому, что через три недели после отъезда на главной пекинской площади Тяньаньмэнь прошли массовые выступления молодежи. Они были весьма жестоко подавлены. Спустя полгода пала «берлинская стена». В тот момент Горбачёв был героем. Но, вероятно, он не мог предвидеть будущее — ни своё, ни страны, которую он возглавлял как генсек.

Вот картина эволюции двух экономик на протяжении довольно долгого периода — почти до сего дня. Вы можете чётко видеть, как русский «медведь» стал спотыкаться, а китайский «дракон» воспарил. Интересно, что на этом графике к 2010 году линии пересекаются. Это показатели ВВП на душу населения для двух территорий. Но я хочу подчеркнуть: это не нынешняя Россия, а вся территория бывшего СССР — и Китай. Ни один советский лидер — от Ленина до Горбачёва — не мог представить себе, что настанет день, когда Китай будет богаче, чем СССР. Также нужно сказать: Китай развивается такими темпами, что момент пересечения двух линий наступит в следующем году или уже в этом, в любом случае — очень скоро. Конечно, это то, чего нельзя было предвидеть.

Теперь я сравню реформы, происходившие в Китае и в СССР. Часто говорят, что преимущество Китая было в том, что сначала можно было провести эконо-

мические реформы, а политические оставить на потом. Но это не совсем так, потому что СССР сначала пытался провести экономические реформы, практически те же реформы, что и в Китае, но безуспешно. Вот что интересно и важно. Преимущество Китая, в первую очередь, было в том, что это Китай. Я ещё буду говорить о том, что имеется в виду. Но дорога, по которой пошел Китай, тогда была близка к дороге, которой шёл СССР, и сейчас путь Китая тоже близок тому пути, по которому идёт Россия.

Итак, что же такое «китайская модель»? Начну с того, что предлагают её сторонники, а затем расскажу, что есть на самом деле. Сторонники и защитники китайского варианта говорят, что первым источником преимуществ для Китая является *меритократия*. Это означает, что китайские лидеры могут пробиться к вершине власти, и этот процесс не будет замедлен процедурой демократических выборов. Второе преимущество — это *автократия*. Часто говорят, что в Китае существует эффективная автократия, при которой один лидер принимает решения и проводит их в жизнь без конфликтов между различными группами населения, без возникновения неизбежных финансовых тупиков (*fiscal gridlock*), которые так характерны для демократических режимов. Наконец, власти в Китае делают долгосрочные инвестиции в инфраструктуру, транспорт, отвечают общественному запросу, а не личным интересам верхушки.

Эти аргументы сами по себе не объясняют, как Китай справляется с главным вызовом современности — необходимостью последовательной политики реформ (*continuous policy reform*). Есть предел развития мирового производства, который, по мере совершенствования технологий и прогресса, всё больше отдаляется. И странам приходится постоянно реформировать свои институты и стратегии, чтобы соответствовать уже достигнутому уровню развития. Это можно представить так: простая задача — осуществить переход миллионов рабочих рук из низкоэффективного сельского хозяйства в высокоэффективное промышленное производство или в сферу услуг. Но это только первая стадия в процессе экономического развития. Дальше нужно сделать более сложные шаги: инвестировать в человеческий капитал и развивать соответствующие инновации. Первый шаг можно сделать безо всякого инновационного развития, за счёт использования уже существующих и проверенных технологий. Но чтобы поддерживать достигнутый уровень, всегда нужно развиваться дальше. В частности, реформы всё время должны преодолевать сопротивление

частных интересов. Вопрос в том: как Китай смог достичь этого?

То, как экономисты характеризуют китайскую систему, можно суммировать в выражении, которое проще сказать на русском, чем на английском: **регионально-децентрализованный авторитаризм** (*regionally decentralized authoritarianism, RDA*). Это можно объяснить так: **Китай — это одна страна, у которой 31 экономика**. Все эти экономики — это провинции Китая, которые больше интегрированы с глобальной экономикой, чем со своими соседями. Идея РДА в том, что при помощи системы отбора кадров китайские власти устроили соревнование между провинциями. Это соревнование и стало той силой, которая подняла большую часть Китая из нищеты. Эта идея исходит из того, как экономисты понимают, как следует управлять предприятиями. Сейчас я начну издавать и объясню, как это связано с Китаем.

Традиционная модель крупного промышленного предприятия называется унитарной формой организации (*unitary form*). Её можно свести к трём функциям: закупки — производство — продажи. Предприятие имеет подразделение, которое поставляет продукт; подразделение, которое обрабатывает его, и подразделение, которое продаёт полученный новый продукт. Эти три функции дополняют друг друга, и предприятие не сможет работать, если исключить хоть одну из них. Менеджер по закупкам не соревнуется с менеджером по продажам, невозможно оценить, кто работает лучше, и следует вознаграждать всех по их способностям, ибо все делают одно общее дело.

Но в XX веке появились новые принципы организации производства. Вот пример. Идея многофилиальной компании (*multi-divisional form*) в том, чтобы создать конкурирующие друг с другом бренды в рамках одной компании. В качестве примера приведу *Proctor&Gamble* и три их бренда — «Тайд», «Жиллет» и «Дюрасел». Эти подразделения *Proctor&Gamble* не комплементарны, они соревнуются друг с другом. И преимущество в том, что можно увидеть, какое подразделение работает эффективнее, и наградить его менеджеров лучше, нежели менеджеров другого подразделения. И экономисты как раз и говорят о том, что китайская модель РДА делает экономику страны похожей на экономику многофилиального предприятия. Вместо подразделений — провинции. Возьмём для примера три: Женьшень, Шанхай и Шаньдун. Они соревнуются друг с другом, и элиты регионов несут ответственность за успехи и неудачи своей провинции. Центр может оценить эффективность каждого регионального руководителя и

вознаградить его соответственно. Структура китайского государства: 22 провинции, 5 автономных регионов, 4 муниципалитета в статусе провинций и т. д. Но важно обратить внимание на количество населения одной китайской провинции — это в среднем 45,7 млн в 2011 году, то есть масштаб отдельной крупной страны.

Внесу некоторые поправки в понятие РДА. Во-первых, децентрализация касается только экономики: центр жёстко контролирует кадры, и именно политическая централизация делает возможной экономическую децентрализацию. Руководители в провинциях не обладают полной свободой действий: центр либо поощряет, либо запрещает инициативы на местах. Далее: меритократия в Китае не является чистой. Не только показатели экономического роста, но и знакомства и связи руководителей являются показателем успеха региона. И в партийной карьере они имеют гораздо более важное значение. Связи и развитие комплементарны: если региональный лидер показывает хорошие результаты, но не имеет связей, то он высоко не продвинется; если он имеет связи, но не показывает результаты, ему также будет сложно; но если он имеет хорошие показатели и хорошие связи, то он поднимется. В-третьих, РДА не всегда производителен, он может быть и разрушительным. Это зависит от целей, которые центр определяет для провинций. Во время Большого скачка и Культурной революции целями были мобилизация и репрессии; РДА был «эффективен», но в очень плохом смысле: последствия оказались трагическими, погибли миллионы людей. По-настоящему производительным РДА стал тогда, когда Дэн Сяопин поставил провинциям цель обеспечить экономический рост.

Итак, **РДА — вот основа быстрого экономического роста Китая**. Коротко суммирую его суть: провинции реагируют на сравнительную оценку эффективности их действий центром; авторитаризм является столь же важным элементом РДА, как и децентрализация экономики; при этом сохраняется жёсткая централизация политической власти; эффективность оценивается и с экономической, и с политической точек зрения; эффективность РДА полностью зависит от того, какие задачи ставит перед регионами центр.

* * *

Теперь перейдём к Советскому Союзу. Многие говорят, что СССР — это пример того, как **не надо** проводить реформы. Но это не совсем так. Просто Горбачёв отдал предпочтение политическим, а отнюдь не экономическим реформам. Не случайно Дэн Жифань, сын Дэн Сяопина, сказал: «Мой отец считает, что Горбачёв

идиот». Дэн Сяопин отложил политическую реформу и поставил во главу угла экономику, тем самым он спас Китай. Еще в 1978 году Дэн провёл в жизнь политику «четырёх модернизаций» (в сельском хозяйстве, промышленности, науке и обороне). Когда наступил 1989 год, Дэн Сяопин сказал «нет» пятой модернизации — демократии, и в результате коммунистическая партия сохранила полноту власти и контроль над государством в целом. В этом и есть главное различие между китайским и советским вариантами.

Однако часто из виду упускают два важных момента. Во-первых, институты современного Китая очень сильно напоминают институты послесталинского СССР: «знакомства и связи» определяют возможность доступа к ресурсам, центр стоит выше закона, регионы удовлетворяют запросы центра, отправляя им только простейшие показатели экономического роста. Благополучие граждан в этой системе является просто случайным сопутствующим фактом, а не результатом целенаправленной политики. Во-вторых, часто забывают, что Горбачёв тоже пытался провести все те реформы, которые были сделаны в Китае. Причём делал он это в тот момент, когда в СССР и Восточной Европе воспринимали китайские реформы как пример для подражания. Иначе говоря, история советских реформ конца 1980-х гораздо больше похожа на китайский путь, чем принято считать.

Вот таблица, в которой сравниваются реформы институтов в двух странах. Обе страны прошли через коллективизацию, первую пятилетку, которая уничтожила частную собственность, через голод, спровоцированный продовольственной политикой государства. А затем в СССР было несколько попыток внедрить нечто очень похожее на китайскую систему семейной ответственности в сельском хозяйстве. В Советском Союзе это называлось «звено», и таких попыток было три. Был и период, когда Советский Союз пробовал вариант РДА — с 1957 по 1965 год, гораздо раньше, чем Китай. Похожие попытки были и в последние годы истории СССР. Почему же то, что сработало в Китае, так и не сработало в Советском Союзе?

Конечно, не может быть одного простого ответа на этот вопрос. Нельзя игнорировать большие различия в исходных условиях для Китая и СССР. Первое — это масштаб экономики, второе — изначальный уровень развития. Я буду говорить о том, как центр формулирует задания и цели для регионов, как центр оценивает эффективность регионов, самодостаточность регионов, и о том, имел ли РДА исторические корни в СССР и Китае.

Сравним показатели Китая, взятые за 1978 год (момент начала модернизации), а для СССР — за 1985 год (начало правления Горбачёва). В Китае народу было в три раза больше, но СССР был гораздо богаче Китая, и на этом я ещё сосредоточу своё внимание. Также видно, что Китай в тот момент всё ещё оставался аграрной страной, тогда как в СССР сельское население было уже не так велико. В экономике Китая государственные предприятия имели не столь большое значение, как в СССР. В Китае же на той стадии больше различных форм владения имуществом.

Теперь я поговорю о конструкции (*design*) политики государств. До 1957 и после 1965 года советская экономика управлялась как предприятие с унитарной формой организации. Существовало множество отраслевых министерств, но они дополняли друг друга, а не конкурировали, и невозможно было оценить, работает ли министр чёрной металлургии лучше, чем министр торговли или лёгкой промышленности.

В недавней работе Андрея Маркевича и Екатерины Журавской был сделан анализ хрущёвского периода, в который система единых промышленных производств была свёрнута, а полномочия были переданы 105 региональным совнархозам. Это фактически означало, что были введены РДА и оценка сравнительной эффективности разных регионов. Изменились ли показатели экономики? Некоторые регионы развивались, другие переживали стагнацию, в целом же экономический рост не ускорился. В 1964 году Хрущёв был смещён, а через год были упразднены совнархозы. Что же пошло не так, почему эта система не заработала? Соревнующиеся регионы должны были стать самодостаточными, они не должны были зависеть друг от друга. 105 совнархозов — это 105 маленьких регионов с населением около двух млн человек, а в Китае уже в 1964 году население провинции в среднем составляло 20 миллионов. Английский экономист Ноув приводит множество историй о том, как советские руководители в регионах улучшали свою сравнительную оценку за счёт соседних регионов, что вредило развитию каждого региона в отдельности. Эконометрический анализ Маркевича и Журавской показывает, что более независимые, многоотраслевые, самодостаточные регионы процветали за счёт узкоспециализированных соседей, совнархозов было слишком много, они были слишком мелкими, и всё это делало советский вариант РДА игрой, которая не стоила свеч.

Почему же всё было так плохо разработано и реализовано? Не было необходимости делить страну на 105 регионов, и уже в 1962 году совнархозы были

укрупнены, их стало 47 — шаг в верном направлении. Однако в среднем население в 4-5 млн на регион по-прежнему было недостаточным, и это только отсрочило неудачный конец реформы. Проблема заключалась в том, что у властей отсутствовала заинтересованность властей в проведении последовательных реформ. Я думаю, что причина этой нехватки желания и заинтересованности в том, как вообще советские лидеры понимали реформы. Они думали так: наша экономика почти совершенна, нужно только сделать ещё один шаг — и она станет идеальной. Эта идея была глубоко укоренена в политическом дискурсе. Исторически сложившиеся традиции также поддерживали эту убежденность советского руководства.

В XIX веке Российская империя практически не имела работающих государственных институтов. Роль губернаторов сводилась к тому, чтобы просто поддерживать и соблюдать установленный порядок. Советский режим несколько модернизировал эту систему: например, при Сталине регионы получали новые задачи от центра — региональные наряды на зерно или на аресты и депортации. Но такие задачи выполнить гораздо проще, чем организовать региональный экономический рост. И секретари обкомов даже не пытались ставить себе задачи по развитию экономики той или иной области.

Можно задаться вопросом: почему в Восточной Европе РДА также не дал результатов? Ведь если отдельная область в Советском Союзе была слишком мала, то страна Восточной Европы по размеру как раз была похожа на китайскую провинцию. При коммунистах каждая социалистическая европейская страна могла экспериментировать с экономическими моделями. Но мы не видим соревнования между восточноевропейскими странами. Не было и конкуренции кадров между разными странами, Москва не могла сказать: «У чешского лидера всё неплохо получается, давайте возьмём его в наше Политбюро». Для Москвы главной целью было не развитие и экономический успех союзников, а стабильность в регионе и военная взаимопомощь. Наконец, границы были закрыты, рабочая сила не могла перетекать из региона в регион, как это было в Китае, из одной страны в другую. Поэтому РДА не сработал не только в СССР, но и в соцстранах Восточной Европы.

Вернёмся к Китаю. Мы видим здесь традицию, сформировавшую предпосылки для создания РДА задолго до прихода коммунистов к власти. Еще в эпоху Цинь Китай управлялся меритократией при наличии централизованной политической власти и децентра-

лизованной экономики; управление осуществляли обученные и мотивированные кадры, а не закон. И на протяжении столетий границы китайских провинций не менялись. Кроме того, у Китая было большее желание проводить реформы. В XX веке произошли два кризиса легитимности, два момента, когда власти могли сказать: хватит, больше никаких реформ. Первый момент — после смерти Мао Цзэдуна, когда Китай был одной из беднейших стран мира, изолированной от других государств. Но реакцией были «четыре модернизации» Дэн Сяопина, развитие частного предпринимательства и деколлективизация сельского хозяйства. Это явно давало понять, что постоянные реформы продолжатся. А несколько лет спустя, в ответ на падение «берлинской стены», Дэн Сяопин в 1992 году совершает свою «Южную поездку», давая понять, что масштабные реформы будут продолжаться, и ответом на это становится бурное развитие частного сектора в Китае.

Итак, теперь мы поняли, как реально работает китайская модель. Остаётся ответить на два вопроса: можно ли скопировать эту модель и нужно ли это делать? Единственной страной в мире, которая по своим размерам может соперничать с Китаем, является Индия. Но в Индии существует многопартийная демократия, политическая власть не является централизованной, а также нет традиций и убеждений, на основе которых можно было бы строить РДА. Следующие по величине населения страны — это Индонезия и Бразилия. Численность их населения соответствует численности населения СССР в 1960-е, но обе страны также имеют развивающиеся демократические режимы. Для развивающихся стран, в том числе для небольших стран Азии и Африки, единственным результатом копирования китайской модели будет развитие авторитарного политического режима.

Следует ли вообще копировать такую модель? РДА является не единственным способом достижения быстрого экономического роста. Азия в XX веке продемонстрировала множество разных возможных путей. В азиатских странах с конфуцианскими традициями, как и в Китае, множество небольших экономик после Второй мировой войны политической стабильности в этих странах способствовали авторитарные режимы; затем последовал быстрый экономический рост, часто стимулируемый государством (можно вспомнить Южную Корею или Тайвань, где большую роль сыграл частный сектор); в итоге эти страны пришли к демократии мирным путём. Если мы говорим о Европе, то здесь распад СССР имел самые разные последствия. Некоторые страны обеднели, другие получили возможность встать

на путь рыночных реформ и демократии, и теперь в них уровень свобод выше, чем в Китае, а уровень жизни выше, чем в России.

Итак, был ли китайский путь открыт для Советского Союза? Благоприятных факторов было два: большое население и стремление к развитию. Но не было всего остального, что было в Китае: быстрого эффекта от первых реформ, исторической традиции поддержки РДА, понимания, что РДА для стимулирования экономики нужно длительно использовать, а также не было сильной политической воли для проведения последовательных реформ. К 1989 году командная система экономики в СССР исчерпала свой ресурс, власти испробовали всё, но ничто не помогло. Это был тупик, но мало кто это понимал. Я начал лекцию с рассказа о визите Горбачёва в Пекин в 1989 году. В 2013 президент Китая едет с первым официальным визитом в Россию. Вопрос в том, как относится президент В.В. Путин к китайскому варианту развития?

Вопрос: У меня вопрос, касающийся ситуации в экономике Китая сегодня. Вы говорили, что каждая китайская провинция больше интегрирована с мировой торговлей, чем с соседними регионами, но сейчас мы видим сокращение производства в Китае, и власти пытаются компенсировать это стимулированием внутреннего спроса. Будет ли РДА работать в таких условиях?

Харрисон: Очень интересный вопрос. Экономика Китая своим ростом обязана экспорту. Уровень потребления в Китае — один из самых низких в мире. Вы правы, сейчас проблема Китая в том, что идёт замедление глобального экономического роста. Я считаю, что китайская модель в целом сохраняет свою жизнеспособность, но есть целый ряд рисков. Надо понимать, что китайская экономика — это не совсем свободная рыночная экономика. Китайский предприниматель получает свободу развивать производство и продавать товары, только если он доказывает свою лояльность режиму, если власти и партия доверяют этому предпринимателю. В нынешних условиях замедление глобального экономического роста стимулирует ориентацию местных производителей на внутренний спрос. Степень монополизма, в том числе внутри провинций, во многом смягчается и ограничивается ориентацией на экспорт, который оказывает дисциплинирующее влияние на китайские компании. И ориентация на повышение спроса внутри провинций может иметь негативное воздействие, ослабить это смягчающее влияние со стороны экспорта. Результатом может быть усиление тенденций, которые характерны для монополистически организованной экономики: ориентация

на получение ренты и дополнительных прибылей за счёт регионального монополизма.

Вопрос: У меня такое мнение, что экономику без политики и политику без экономики рассматривать невозможно. Если по времени одно совместить с другим, то мы увидим, что элиты, которые управляют государством, одни — ничего не боятся (это китайцы), а другие очень опасаются внешних факторов. Например, Индира Ганди была застрелена, Улоф Пальме, который в Швеции три или четыре раза избирался премьер-министром, тоже был убит, было ещё немало примеров. В Советском Союзе даже была шутка, что единицей времени должен быть один генсек, примерно равный одному году. Мне кажется, что если посмотреть на те времена, то Горбачёв очень сильно чего-то боялся. Вопрос в том, чего мог опасаться Горбачёва?

Харрисон: Я не могу дать прямой и определённый ответ, но думаю, Горбачёв боялся войти в историю как ещё один диктатор, ещё один репрессивный правитель. Не думаю, что китайские лидеры ничего не боятся, полагаю, они даже очень боятся появления массового недовольства и предпринимают усилия, чтобы избежать этого. Но важнее не страх, а оптимизм или пессимизм режима. Пессимистически настроенный режим либо сдаётся, либо начинает войну. Пример такого режима, который выбрал войну, это Северная Корея, а у Горбачёва был единственный выбор — сдать. В этом плане китайские лидеры настроены оптимистично, они считают, что история на их стороне, и им не надо совершать неразумные поступки и действия.

Вопрос: Насколько я понял из вашей лекции, власть в Китае разделяется на экономическую и политическую, существуют две разные элиты. Меня интересует, как в Китае удалось сделать так, что эти элиты не конкурируют между собой. Ведь интересы крупного бизнеса всегда состоят в том, чтобы стоять у власти и подстраивать её под свои интересы.

Харрисон: Я хотел бы повторить то, что уже говорил: в Китае, чтобы вести бизнес, нужно продемонстрировать лояльность коммунистическому режиму. И экономическая элита выражает согласие с тем, что говорит и делает политическая элита. Но я не согласен с тем, что бизнес-элита всегда жаждет пробиться к власти, я считаю, что единственное, чего она хочет, — это чтобы ей дали спокойно вести бизнес. Множество различных примеров — Китай, США, Германия... Есть много разных способов, как бизнесу ужиться с политической элитой. В капиталистической экономике бизнес и политика разделяются, хотя между ними и есть связи. В Китае я вижу общество, в котором по-

литическая и экономическая элита чётко соблюдают правила игры.

Вопрос: Вы отметили, что в некоторых восточно-европейских странах сейчас уровень жизни выше, чем в странах бывшего СССР. В каких странах это так, а в каких — нет? И ещё один вопрос: что вы думаете о последних случаях назначения бывших оппозиционеров в России и Китае на посты региональных управленцев? Это тренд, и к чему это может привести?

Харрисон: На первый вопрос я отвечаю, не приводя цифры, которые я забыл, хотя 20 лет назад помнил наизусть все выкладки. Но вы можете написать мне, и я обязательно их приведу. Речь не только об экономике, но и о политических выборах. Идея присоединиться к Евросоюзу, которая десять лет назад казалась отличным выбором, теперь уже таковой не кажется. Но здесь нужны цифры и более детальный ответ, который я могу вам дать в переписке по e-mail.

Ваш второй вопрос, насколько я понял, касается политического протеста и отношения к нему в Китае и в России. Китай тратит огромные средства на предотвращение протеста при помощи контроля над СМИ и Интернетом. И эти меры очень успешны, достигается политическая и социальная стабильность. Но вот в чём риск. Когда возникают проблемы на местном уровне, китайские власти часто говорят: хорошо, мы проведём эксперимент по внедрению демократии на региональном уровне. Но есть уровень выше, на котором региональные правители очень чётко ориентированы на верхний эшелон власти. А демократия снизу приведёт к тому, что будут появляться и лидеры снизу. Этим процессом очень сложно управлять, но управлять всё же придётся. В китайской экономике сейчас множество проблем, связанных с экологией, и китайским лидерам придётся найти способ, как прислушаться к мнению населения. Я не знаю, каким образом они решат эту проблему, но им придётся её решать. В России происходят похожие вещи, здесь это тоже проблема. Их также можно решить путём демократизации или путём усугубления авторитаризма без разрушения существующего режима.

Вопрос: Во-первых, я всё-таки сомневаюсь, что соревнование провинций в Китае играет такую большую роль. Насколько мне известно, локомотивами развития были всё-таки специальные экономические зоны, которые были не в каждой провинции, и развитие провинций до сих пор весьма неравномерно, хотя, конечно, его нельзя сравнить с неравномерностью развития областей в Советском Союзе. И второе: вы прекрасно показали в своей лекции, что изначальные

условия в СССР и Китае были очень разными. Но можно привести аналогичный период в развитии Советского Союза — это период первой пятилетки. Такое же соотношение городского и сельского населения, уровня жизни, и тогда успехи были, возможно, даже больше, чем в Китае, хотя в Китае они помножены на инвестиции из-за рубежа и открытые рынки.

Харрисон: Вы правы насчёт специальных экономических зон, это ещё одна причина быстрого роста китайской экономики. Я думаю, очевидно, что корни этого ещё в периоде до революции в Китае, когда западные империи получали коммерческую выгоду в таких местах, как Гонконг, Шанхай, которые теперь являются флагманами развития Китая. Я думаю, было бы невозможно не использовать преимущества специальных экономических зон, и Дэн Сяопин одобрил этот эксперимент и решил скопировать эту модель в других провинциях Китая.

Что же касается СССР в 1930-е, я бы сразу сказал, что уже тогда советская экономика была богаче, чем китайская в 1970-е. Однако рост советской экономики в тот период был ниже, чем считается, вследствие разрушения большей части сельскохозяйственного рынка. Огромное количество людей переселилось из более бедной сельской местности в более богатые города. Среднее потребление увеличилось, потому что случилось это переселение. Рост в 1930-е был не очень хорошим, и в целом максимальный рост в довоенном СССР был зафиксирован в 1934–1936 годы.

Вопрос: ...Есть ощущение, что в последние десятилетия страны с либеральной экономикой развиваются преимущественно за счёт искусственного стимулирования потребления. Но сейчас сложилась ситуация, когда домохозяйства закредитованы, компании закредитованы и государства закредитованы по максимуму. Таким образом, драйвер для роста за счёт стимулирования потребления исчерпан. Как вы оцениваете возможность для США выйти из этой ситуации, применив китайскую модель РДА?

Харрисон: Не думаю, что американцы не способны поменять свою модель экономики. Сценарий, который вы предлагаете, кажется мне невозможным. Однако я бы поместил это в контекст всего XX века. Главные проблемы западные экономики пережили в 1930-е: Великая депрессия, безработица, медленный рост. Не думаю, что рост западных экономик до 2007 года был иллюзией. Нужно помнить, что рост потребления в США в 1990-е был не больше, чем до этого, это постоянный равномерный рост. Если посмотреть на рост на Западе с 1970 года до наших дней, это просто стабиль-

ный рост. Конечно, это показывает волатильность: ведь была Великая депрессия, Первая мировая война до неё и Вторая мировая война после, но в долгосрочной перспективе их последствий не видно. Мы должны помнить не об экономических последствиях этого периода, а о политических, которые были ужасающими. Первая мировая война дала миру коммунизм, 1930-е — фашизм, вместе они привели ко Второй мировой войне. Политические последствия были куда более значимыми, нежели экономические, и именно об этом я думаю, когда речь идёт о 1930-х годах.

Вопрос: Как вы считаете, можно ли поставить точку и чётко сказать, что никаких шансов у Советского Союза пойти по китайскому пути не было? Потому что у меня были друзья, они ещё в 1979 году большой делегацией под руководством академика Инноземцева съездили в Китай, реформы шли уже полтора-два года, материалы дали к XXVI съезду партии, но на этом съезде вообще не упоминалось о Китае и его развитии. Не знаю, было ли это случайностью или руководство уже тогда решило, что никакого китайского пути быть не может. У вас были таблицы, но тут главная тема — децентрализация. Во-первых, ВПК — 70% промышленности, которые реформировать было никак нельзя; «сырьевое проклятие» и неравномерность (регионы с нефтью, бедные регионы в центре), так что никакого соперничества организовать было нельзя, если только под сильным воздействием центральной власти. И, конечно третье — это союзные республики, руководители которых уже тогда говорили, что надо положить мораторий на расхождение республик на 10–15 лет, что нужен руководитель типа Берии, у которого якобы были планы либерального развития экономики именно по китайскому пути. Ну и Запад сильно влиял, ему было нужно, чтобы отошли прибалтийские республики, кавказские... Был ли шанс, имея в виду качество элиты, качество верховного руководства, которое, кажется, уже полностью деградировало, и качество населения, которое при демократии не жило никогда, в отличие от Восточной Европы, — можно ли считать, что в этих условиях тот путь, который мы прошли, был оптимальным и его скорее можно назвать чудом, нежели провалом?

Харрисон: Спасибо за эту информацию. Вы сделали акцент на том аспекте, которого я не учёл, — на этническом составе населения, который в Китае был более гомогенным. Если я правильно понял вопрос, он состоит в том, выбрал ли Советский Союз лучший из возможных путей? Я не думаю, что оптимизация — это вообще характерно для политики. Сложно представить, чтобы всё пошло как-то по-другому. Когда Горбачёв пришёл к мысли о том, что мешает политика и что нужно забрать власть из рук партии и убрать КПСС из политики, он уничтожил систему, которая вообще могла проводить какую-либо политику. Мартин Гилман писал, что у постсоветских правительств был довольно ограниченный выбор стратегии и политики, потому что у них не было инструментов для претворения их в жизнь. Я видел это сам в России, я чувствовал, что непонятно, как сделать лучше.

Вопрос: Спасибо большое за лекцию. Говорят, что любой политический режим не идеален. Не думаете ли вы, что сейчас нужно как-то реформировать РДА, чтобы вообще существовать дальше?

Харрисон: Думаю, ответ «да». Система РДА имеет важные риски. Во-первых, китайский режим может стать самодовольным и удовлетворённым низкими достижениями, экономика переживёт стагнацию и погрязнет в коррупции. Во-вторых, есть потенциальная ловушка конфликтов: если проблемы китайской экономики будут усугубляться и режим потеряет оптимизм, о котором я говорил, им придётся разыграть военную карту и начать конфликт с Японией, Южной Кореей или Вьетнамом по поводу спорных территорий.

Проблема реформ сверху в том, что любая власть, которая настолько сильна, что может их провести, всегда может заблокировать эти реформы.

Чтобы стать богатой страной, нужно сформировать открытое общество, а в Китае такого общества нет. Это очень сложная задача, которую предстоит решить китайскому правительству.

С благодарностью Фонду Гайдара, Андрею Марквичу, Илье Венвину и моему соавтору Дебин Ма.

■□■

ПОЧЕМУ РАЗВАЛИЛАСЬ

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА?

Пол ГРЕГОРИ

*Из цикла лекций Фонда Гайдара
об экономической истории
России XX века в Политехническом музее*

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ РАСПАДА СССР

Неспособность предвидеть распад Советского Союза была самым крупным провалом аналитиков в XX веке. В 1980-х специалисты по обе стороны «железного занавеса» предсказывали, что СССР, несмотря на низкие экономические показатели, еще «кое-как», но протянет неопределенно долго. После распада Советского Союза я был членом комитета Конгресса, получившего задание расследовать, почему наши аналитики так ужасно провалились. Наш Комитет почти не обнаружил предсказаний краха СССР как в секретных, так и в открытых исследованиях. Разведка США и эксперты хорошо видели недостатки советской модели, но приходили к выводу о том, что СССР по крайней мере просуществует еще пару десятилетий. Общественное недовольство тоже не воспринималось как знак, предвещающий быстрый развал. Все это говорит о том, что советская система распалась изнутри: она совершила **системное самоубийство**, а не погибла в результате давления общественного мнения или плохих экономических показателей.

Уже в 1920-е австрийские экономисты Людвиг фон Мизес и Фридрих Август фон Хайек указали на фундаментальные пороки советской плановой экономики. Еще в период становления советской промышленности ее руководители ясно отдавали себе отчет в тех дефектах, которые советские экономисты-реформаторы пытались исправить, начиная с 1960-х годов. Тем не менее, при всех своих пороках, система прожила еще 60 лет. Конечно, выявить структурные недостатки легче, чем предсказать крах всей системы. Ведь недостатки являются необходимым, но не достаточным условием разрушения всей системы.

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОЛЛАПСА

Если представить себе модель, определяющую время распада СССР, мы должны, помимо основных экономических показателей, ввести еще несколько переменных. В этой простой модели, время коллапса зависит от: основ экономики; экономической обстановки в стране и за рубежом; лидеров конкурирующих систем.

Я поясню свою мысль: если бы основы советской экономики были бы прочными, не было бы острой необходимости перемен. Кроме того, большое значение имеет соотношение экономического роста в стране и за рубежом. Если Запад переживает период спада, то советское неуверенное, но развитие выглядит совсем неплохо. Если цены на нефть высокие, советское руководство может сгладить недостатки в сельском хозяйстве или отсутствие современного оборудования путем закупок за рубежом. Аналогичным образом личность политических лидеров тоже влияет на то, в какой момент система рухнет. Если КПСС избирает Генерального секретаря из старой гвардии, руководство будет придерживаться существующей системы независимо от того, насколько серьезны ее недостатки. Важные перемены должны были бы дожидаться нового, более решительного лидера.

© Фото: А. Зверев

Личность иностранных лидеров тоже имеет значение. Если бы Джимми Картер в 1980 году был избран президентом вместо Рональда Рейгана, события могли бы развиваться совершенно по-другому.

Эта простая временная модель помогает лучше осмыслить крах Советского Союза. Мы не можем говорить о роли экономических основ, мировой экономике или личности лидеров по отдельности. Мы должны рассматривать совокупность событий, и отсутствие одного из этих факторов может быть достаточным, чтобы изменить сроки.

Для того чтобы советская система распалась, понадобился **«идеальный шторм»** — уникальное стечение различных обстоятельств:

— слабых [экономических] основ, негативных экономических условий в стране и за рубежом, а также наличие лидеров, готовых к изменениям в системе.

Не будь одного из этих факторов, распад СССР мог бы произойти позже или не произойти вовсе. Обратите внимание, что модель «идеального шторма» требует междисциплинарного подхода. Экономисты сосредоточиваются на недостатках административно-

командной системы или на ценах на нефть, а политики утверждают, что коллапс зависит от тех, кто находится у власти.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Мы теперь хорошо понимаем, что советская плановая экономика работала по установленному порядку, который постоянно нарушался бюрократическим вмешательством. В своей лекции я ограничусь примерами такой деятельности, которая нанесла самый большой вред административно-командной системе и поставила под сомнение ее долгосрочную жизнеспособность.

ПЛАНИРОВАНИЕ ОТ ДОСТИГНУТОГО

Благодаря российским эмигрантам-экономистам, которые своими глазами видели, как устроено советское планирование, мы узнали о том, что я теперь считаю наиболее разрушительной практикой, а именно: это так называемое «планирование от достигнутого уровня». Сначала мы не обратили внимания на Игоря Бирмана и его соратников, но это была наша ошибка. «Планирование от достигнутого уровня» означает, что административные «балансы» были настолько сложными и трудоемкими для достижения, что планировщики не могли отойти от существующего равновесия. Как только «материальный баланс» был достигнут, правительственные чиновники и Госплан уже не хотели ничего менять. Приведу пример: после того как в начале 1930-х годов были впервые распределены автомобили советского производства — по заказу или по политическим соображениям, их финансирование впоследствии исходило «от достигнутого уровня», а значит план на следующий год в основном повторял прошлогодний план с некоторыми незначительными коррективами. Уже в 1930-е годы снабженческие учреждения распределяли материалы «на основе накопленного опыта». В 1980-х, когда производитель прокатных материалов хотел сэкономить, используя более тонкие металлы, ответ официального лица гласил: «Меня не волнует новая технология. Просто делайте так, чтобы все оставалось по-прежнему». Экономика, в которой структуры распределения ресурсов нельзя изменить, — обречена. В советском случае для внедрения новых продуктов и технологий требовалось проведение «кампаний». Согласно теории творческого разрушения Йозефа Шумпетера, такие «кампании» являются плохими за-

менителями постоянных изменений, осуществляемых в странах с рыночной экономикой. И как мы можем быть уверены, что кампании, такие как программы по выращиванию кукурузы или производству химических удобрений, двигали плановую экономику в правильном направлении? Западные экономисты впервые столкнулись с планированием от достигнутого уровня, не отдавая себе в этом отчета. Команда Абрама Бергсона (Гарвардский университет) обратила внимание, что для советской экономики было невероятно легко рассчитывать индексы цен на машины.

В других странах это считается «грязной» работой, потому что каждый год машина претерпевает изменения и в конечном итоге заменяется другой, более совершенной машиной. К нашему удивлению, советская промышленность производила в точности одни и те же машины на протяжении десятилетий. Рассчитать индексы цен на автомобили было легко, так как их качество не изменялось. Такой подход **буквально «заморозил плановую экономику»**. А «замороженная экономика» не может не только процветать, но даже развиваться.

«МЯГКИЕ БЮДЖЕТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ», ЦЕНЫ И СТИМУЛЫ

Венгерский экономист Янош Корнаи рассказал о второй большой слабости плановой экономики. Предприятия работали на основе так называемых **«мягких бюджетных ограничений»**. Ни одно предприятие не могло оказаться банкротом. Вместо этого профильные министерства перераспределяли средства от прибыльных предприятий убыточным. Советское руководство хорошо понимало, что политика «мягких бюджетных ограничений» убивала производственную инициативу. У предприятий не было никакого стимула экономить, так как все их убытки автоматически компенсировались. От первого закона о банкротстве в 1932 году отказались, когда руководители предприятий («красные директора») обвинили банковские власти в «саботаже выпуска жизненно важной государственной продукции ради финансовой дисциплины». Ни один банковский чиновник не стал бы рисковать из-за обвинений в саботаже производства. В то время за такие обвинения людей попросту расстреливали.

Как показали мои интервью, взятые у советских функционеров в 1989 и 1990 гг., существует связь между «мягкими бюджетными ограничениями» и административным ценообразованием. Во время двух

наших бесед заместитель председателя Госкомцен отстаивал точку зрения, что уровень цен не оказывает никакого влияния на спрос предприятий, неважно, какой бы высокой была их цена. Оглядываясь назад, можно отметить, что он, возможно, лучше меня разобрался в административно-командной экономике. Концепция «мягких бюджетных ограничений» Корнаи базировалась на том, что более высокие цены не оказывают на них никакого влияния. Почему бы не платить больше, если в любом случае можно рассчитывать на дотации? Следует отметить, что сопротивление реформе ценообразования продолжалось до самого краха СССР. Официальные цены оставались под государственным контролем. Они лишь вытеснялись параллельным рыночным ценообразованием в кооперативах. Судя по всему, Горбачев хотел переходить к рынку без рыночного ценообразования.

ЛОББИРОВАНИЕ, «ОСОБЫЕ ИНТЕРЕСЫ», «ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫХОДА» И САМОУБИЙСТВО СИСТЕМЫ

В экономике, где правительство имеет мало возможностей для вмешательства, рынок сам определяет, кто и что получает. В плановой экономике этим ведают государственные органы, попадающие под влияние групп с особыми интересами, которые добиваются различных преимуществ, привилегий, лицензий и т. д.

Советская административно-командная экономика представляла собой чрезвычайный случай лоббирования без всяких рыночных ограничений.

В отсутствие рынка, задающего вектор развития, такое лоббирование создавало хаос, в котором тонули все надежды на «научное планирование». В результате ресурсы направлялись не туда, где они объективно требовались, а туда, где находились центры наибольшего личного или отраслевого влияния. Подобное лоббирование беспокоило Сталина уже в 1930 году. Сталин осуждал тех своих коллег, кто «не мог выдержать давления лоббистов», и напоминал, что «средства должны использоваться на общее благо государства». Министру тяжелой промышленности приходилось выступать против поставщиков, которые отказывались производить поставки внешним потребителям, утверждая: «У нас ничего нет. Мы ничего не можем дать». Вся система была основана на продвижении узковедомственных интересов в ущерб общему делу. При системе коллективного руководства после Сталина ни один политический лидер не мог сдержи-

вать все эти клановые интересы, поэтому Политбюро состояло из тех, кто выражал и общегосударственные, и узкопрофильные интересы. Один из экономистов в 1980 году охарактеризовал такое положение дел следующим образом: «Чем сильнее министерство, тем больше правительство пляшет под его дудку». Придя к власти, Горбачев быстро понял, что он — Генеральный секретарь правящей партии — не обладает достаточной властью, чтобы укротить военно-промышленный комплекс. Теоретическое преимущество «научного планирования» заключается в возможности распределять ресурсы ради общего блага. В реальности же такое распределение ресурсов происходило в результате лоббирования групповых интересов.

В последние годы существования советской экономики лоббисты начали приходить к пониманию того, что является для них так называемой «возможностью выхода». Вместо лоббирования интересов государства почему бы не бросить все усилия на создание такой «рыночной системы», которая фактически превратит их в собственников? Вместо работы ради интересов сырьевых министерств, ведающих нефтью или полезными ископаемыми, почему бы не подчинить их деятельность своим собственным интересам? Став новыми «олигархами» и «воротилами бизнеса», они смогут диктовать Москве свои условия в качестве новых «собственников» ресурсов страны. До тех пор пока строительство такой «рыночной экономики» не становилось реальной возможностью, главным интересом номенклатуры было торможение реформ. Однако именно радикальные реформы Горбачева помогли ей осознать, какие богатства можно получить, что и объясняет, каким образом административно-командная система пошла, как говорят некоторые, на самоубийство и была разрушена изнутри.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В результате индустриализации тридцатых годов советская экономика, по мнению многих, работала лучше, чем экономика потрясенного «Великой депрессией» Запада. Став победителем во Второй мировой войне, СССР также пожинал плоды общего послевоенного экономического бума. Но затем Советский Союз был обойден Японией и Западной Германией, его экономика примерно соответствовала французской, которая, в свою очередь, также переживала период быстрого роста. Начало дискуссии о реформах дало надежду, что незначительные изменения систе-

мы приведет к росту ее эффективности. Эти надежды рухнули после 1967 года, когда реформы Косыгина были остановлены, ведь иначе их реализация нарушила бы существующий статус-кво. В результате в конце шестидесятых начался печально известный период «застоя», или стагнации. Сначала это никого особенно не беспокоило, потому что Запад сам страдал от энергетического кризиса и стагфляции. Стагфляция заставила некоторых западных лидеров задуматься о том, работает ли рыночная система в принципе.

Я лично отдаю должное заслугам Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана в деле экономического возрождения начала восьмидесятых, за которым последовал длительный период процветания — вплоть до 2008 года. Этот период экономические историки называют «Великой модерацией». Еще одним внешним фактором, повлиявшим на советские решения, стали реформы Дэн Сяопина, начатые в конце семидесятых. В результате этих реформ к 1985 году Китай стал одной из самых быстро развивающихся экономик мира и вскоре сменил Японию в качестве локомотива роста. В марте 1985 года, когда Михаил Горбачев был избран Генеральным секретарем, ему пришлось иметь дело с Западом, переживающим «Великую модерацию», и Китаем, чья экономика, отринув административно-командную систему, демонстрировала быстрый рост.

Представьте себе мир, в котором Джимми Картер был переизбран и продолжал бы свою политику в рамках статус-кво, в Британии вместо Тэтчер было бы переизбрано лейбористское правительство, а «Банда четырех» в Китае после смерти Мао разгромила бы реформистов. В этих обстоятельствах Горбачев также продолжал бы линию на сохранение статус-кво. Темпы экономического роста в один или два процента не казались бы недостаточными при сравнении со стагфляцией Запада и хаосом в Китае. В таком контексте можно поговорить и о ценах на нефть.

ТУПИК ДЛИНОЮ В 60 ЛЕТ И ГОРБАЧЕВ

Загадка существования административно-командной системы в течение шестидесяти лет заключается в том, что никто не смог понять, как заставить ее работать лучше. С самых первых дней ее существования советские управленцы выступали за большую автономию от плановиков и политиков. В 1930 году Серго Орджоникидзе заявил: «На основании получаемых декретов я делаю вывод, что они думают, будто мы — идиоты. Каждый день они выпускают бессмысленные декреты, и каждый из них хуже преды-

дущего». А вот что сказал представитель крупного оборонного производства полвека спустя: «Они суют свой нос в любой, самый мелкий вопрос и говорят: сделайте так, как мы хотим! Мы отвечаем, что они неправы, но они настаивают на своем». Хуже всего было то, что бюрократы отдавали приказания, но не несли за них ответственности. Орджоникидзе отметил это в 1931 году: «Вы играете роль управленца-бюрократа, но, когда мои заводы останавливаются, отвечать за это буду я!» Через пятьдесят лет ему вторил вышеупомянутый директор военного завода: «Когда отраслевой отдел Центрального комитета спрашивает, почему не выполнен план, он действует как Совет министров. Но, в отличие от Совмина, у них есть власть, но нет ответственности». Производственники всегда настаивали на большей автономии. В 1931 году Орджоникидзе предложил перевести тяжелую промышленность на самофинансирование. Та же идея выдвигалась Либерманом в 1961 году и Косыгиным в 1965-м.

У плановиков же имелись свои причины противодействия таким реформам. Производители в таком случае не будут выполнять нормы производства и тратить при этом больше ресурсов. Они будут производить недостаточно продукции, необходимой другим предприятиям. На рынке продавцов они, таким образом, будут устанавливать высокие цены для покупателей. В логике плановиков была рациональная составляющая: автономия и плановая экономика сосуществовать не могут. Таким образом, ситуация продолжала оставаться тупиковой, пока в 1985 году к игре не подключился Горбачев.

«ПОКОЛЕНИЕ ГОРБАЧЕВА»

Некоторые исследователи проводят черту между поколением партийных отцов-основателей, начинавших как технократы, и более молодым поколением лидеров, которое делало свою карьеру в комсомоле. Технократы-инженеры Сталина знали, как функционирует советская экономика, и знали ее недостатки. Горбачевское поколение «комсомольцев» знало, как заниматься партийными делами и как подчиняться приказам свыше. Старые инженеры Сталина понимали, что настоящая рыночная реформа будет означать разрушение советской экономической системы. Комсомольское же поколение, к которому принадлежал и Горбачев, этого вовсе не осознавало. Хотя Горбачев называл себя экономическим реформатором, он не понимал экономику и не интересовался ею. Из моей недавней беседы с Джор-

джем Шульцем, касающейся его встреч с Горбачевым, стало ясно, что советский лидер имел весьма смутное представление о рыночной экономике. Он полагался на команду экономических реформаторов, собранную Александром Яковлевым, среди которой были академики Леонид Абалкин и Абел Аганбегян. Горбачева избрали Генеральным секретарем, чтобы он спас экономику от стагнации, и ему нужно было действовать. Он должен был пойти на решительные меры, и чтобы дистанцироваться от предыдущих неудачных попыток, настаивал на том, что все его предложения экономических реформ являются «радикальными». В поисках правильного решения Горбачев прислушивался к разным голосам. Его встречи с Рональдом Рейганом и Маргарет Тэтчер показали ему двух мировых лидеров, уверенных в системе свободного предпринимательства. Он слушал лекции Джорджа Шульца — госсекретаря США и видного экономиста — о преимуществах рыночной экономики; это было не похоже на страстную защиту плановой экономики Хрущевым во время знаменитых «кухонных дебатов» с Ричардом Никсоном в 1959 году.

К 1987 году Горбачев убедился в том, что провозглашенное им «ускорение» было лишь недостижимой мечтой и стране требовались более радикальные реформы. Вместе со своими экономическими советниками он обратился к уже устаревшим идеям автономии предприятий, относящимся еще к тридцатым годам. Ему объяснили, что если предприятия начнут сами принимать решения, то экономика начнет развиваться. Идея предприятий, самостоятельно принимающих решения о своей деятельности (за исключением обязательств по госзаказу), игнорировала целый массив литературы, говорящей о трудностях переноса специфических рыночных механизмов в плановую экономику. В конце 1960-х польские экономисты называли это явление «отторжением плановой экономики иностранных трансплантатов». Эта фраза говорит о чрезвычайных трудностях, возникающих, когда «немного рынка» переносится в плановую экономику. Решение о децентрализации принятия экономических решений предприятиями было принято под девизом: «Если не разрушить бюрократию, плановики и политики будут тормозить реформы». Чтобы блокировать бюрократический саботаж, Горбачев запустил антибюрократическую кампанию, которая быстро вышла за рамки промышленных министерств. Чтобы преодолеть сопротивление чиновников реформам, он также пытался привлечь на свою сторону население кампаниями за демократизацию и гласность. Патовая ситуа-

ция длиной в шестьдесят лет формально закончилась с принятием в 1987 году Горбачевым «Закона о предприятиях», а также разрушением в 1988 году системы отраслевых отделов Центрального комитета, — мерами, не вызвавшими особого протеста в Политбюро, ЦК или государственном аппарате. Горбачевский Союзный договор, наряду с перемещением центра власти из кресла Генерального секретаря к Президенту, переполнил чашу терпения консерваторов среди советского руководства.

Путч в августе 1991 года провалился, и пятью месяцами позже СССР прекратил свое существование, власть перешла от государственных и партийных органов СССР к Борису Ельцину... У Горбачева отсутствовало чутье его предшественников (от Сталина до Черненко): если ты разрушаешь плановую систему, то возникает вакуум, где нет места ни рынку, ни плану. Его предшественники понимали, что не надо слушать сладкоголосых экономических советников: они либо не понимают, что таким образом будет разрушена социалистическая система, либо сознательно желают этого. Если бы Горбачев понимал этот фундаментальный принцип, он бы не встал на путь своих «радикальных реформ». Несмотря на то что в свои первые годы у власти Горбачев показал себя решительным лидером, а также мастером политической интриги, в ситуации, когда надо было выбирать — программа «500 дней» или план Рыжкова, — Горбачев не смог принять решение. Вместо этого он назначил Аганбегяна, чтобы тот соединил несоединимое. Весной 1991 года Горбачев, выбирая между двумя конкурирующими экономическими программами, еще не осознавал, что было уже слишком поздно. Он создал вакуум, в котором экономика пыталась существовать без рынка и без плана. Вместо небольших положительных темпов роста периода стагнации наступил экономический спад. Даже в Москве пришлось вводить талоны на сахар! Полки московских магазинов были пусты. Экономика находилась на грани свободного падения.

Путч августа 1991 года положил конец Советскому Союзу. Его заменили пятнадцать республик. Все попытки их сохранить провалились. «Война законов» между СССР и Российской Федерацией закончилась переходом власти от Горбачева к Борису Ельцину.

В этой крайне сложной ситуации и возникла фигура Егора Гайдара, молодого экономиста-теоретика, который возглавил группу молодых реформаторов, поставивших цель построить рыночную экономику в России. Им приходилось действовать в очень стесненных обстоятельствах. Гайдар быстро принял решение

о либерализации цен, но его сдерживали политические ограничения. Признавая важность приватизации, его коллега Анатолий Чубайс начал приватизацию без инвестиционного капитала. Именно Гайдару пришлось иметь дело с отчаянной бюджетной ситуацией в виртуальной экономике, которая пыталась сохранить уже несуществующую административно-командную систему. С освобождением цен Гайдар окончательно похоронил плановую экономику. Но действовал он, повторяю, в крайне тяжелых обстоятельствах. Я сомневаюсь, что у кого-то получилось бы лучше, чем у него.

ВОПРОСЫ К ЛЕКТОРУ:

Профессор, если бы вы лично были на месте Горбачёва, что бы вы могли сделать?

Грегори: Это зависит от того, что бы я хотел: продолжения социалистической системы или нет. Я думаю, он сам хотел продолжения социалистической системы, и его большой ошибкой было то, что он не понял, что он сам уничтожит её. Думаю, он сделал это, не зная заранее результат.

Профессор, пожалуй, самая удивительная вещь, которую вы сказали сегодня, это то, что вы не располагаете никакими материалами о том, будто бы американские прогнозисты даже теоретически не рассматривали сценарий, что Советский Союз развалится. Тут есть небольшое противоречие. В известной работе Петера Швейцера собраны все материалы о том, как государственные структуры США предпринимали в том числе и экономические меры по развалу Советского Союза. Вы потом добавили, что участвовали в работе комиссии Конгресса, которая как раз и рассматривала, почему американские прогнозисты и аналитики не смогли предвидеть, что Советский Союз развалится. Не могли бы вы чуть-чуть подробнее рассказать об этом? Что это — системная ошибка или же отсутствие полной достоверной информации? Вы же как прогнозист прекрасно понимаете, что для того, чтобы разрабатывать какой-то сценарий, надо знать идею этого сценария.

Грегори: Это длинный вопрос. Есть правило в жизни, что маленькие изменения можно предвидеть, а большие — предугадать невозможно. Я думаю, вот пример этого. Была «холодная война», и, наверное, США хотели дестабилизировать Советский Союз, но может быть, и наоборот. Нашей же целью было про-

сто смотреть на то, почему аналитики США провалились. В бюрократической организации всегда бояться делать анализ, который идёт против других. Все научные статьи профессоров из США использовали термин *muddle on* (тащиться, развиваться кое-как). Помните, что эта система жила уже 60 лет. Почему теперь? Тех, кто действительно писал, что конец Советского Союза близок, было три-четыре человека. Их аргументация была немного сумасшедшей, а если есть сто сумасшедших, двое из них говорят правду. Вот мой ответ.

Профессор, после вопроса «Что бы вы сделали на месте Горбачёва?» сразу напрашивается ещё один: что для России всё же лучше — рыночная система или плановая?

Грегори: Мой ответ очевиден: плановая система — плохая система везде, и даже частично плановая система вредна, по моему мнению. Но это моя личная идеология. Я знаю, что русский народ, его немалая часть, думает, что было бы лучше при советской системе. Уже прошло 20 лет, и я нечасто бываю в Москве и России. Но я сам видел все изменения. Я летал сюда «Аэрофлотом», «Аэрофлот» стал нормальной авиакомпанией — это чудо, если вспомнить, как это было 30 лет назад. В самолёте 75% были русскими, обычные, небогатые, мы летели в эконом-классе. Когда мы приехали в новый терминал «Шереметьево», пограничники были очень вежливы. Я даже видел табличку: «Если с вами обошлись невежливо, позвоните по этим номерам». Я знаю, что трансформация была сложной и тяжёлой. Но я сомневаюсь, что русские действительно хотят вернуться к старой системе. Я спрошу у этой аудитории: кто из вас хочет обратно? Поднимите руки. Думаю, это 4%. Да, примерно 4%. Пожалуйста, ещё вопросы.

Был ли победитель в «холодной войне»?

Грегори: Это ясно: Запад выиграл «холодную войну». Джордж Буш решил, что будет более дипломатично, если он об этом не заявит. У меня в Гувере есть коллега, который писал речи для Рейгана, он придумал эту знаменитую фразу: «Mr. Gorbachev, tear down this wall». Он мне сказал, что, если бы президентом был Рейган, он бы отпраздновал это событие. Джордж Буш решил этого не делать, но вопрос о победителе решён.

Скажите, пожалуйста, в политическом плане Яковлев был значительно радикальнее Горбачёва. Вот Яковлев, Абалкин, Аганбегян, программа

«500 дней» — это была альтернатива или всё это укладывалось в ту схему, о которой вы говорили?

Грегори: Как я сказал, Горбачёв не понимал последствий своих реформ. Его советники, которых вы называли, обещали ему что-то невозможное, и они не понимали, что это невозможно. Они обещали, что если он сделает мелкие, косметические изменения, то всё будет в порядке. Мы уже давно знали, что это невозможно; мелкие изменения приводят к тому, что всё становится только хуже. Но Горбачёв их делал и думал, что всё будет в порядке и можно будет сохранять плановую систему. Горбачёв был решительный человек во многих областях, но здесь он не мог решить, «да» или «нет». Была программа «500 дней», потом была программа Рыжкова, и Горбачёв не мог решить: то или это. И Аганбегян тоже должен был найти какой-то компромисс, но тут компромисс был невозможен — это попытка решить квадратуру круга. Но «500 дней» была реальной возможностью.

Можно вопрос по поводу вашего ответа, что вы считаете прогноз крупных экономических изменений более трудным, чем прогноз мелких экономических трансформаций. Вопрос такой: в США не предугадали экономические события в СССР. На ваш взгляд, предтеча рецессии в мировой экономике — финансово-экономический кризис 2008 года, который начинался на Уолл-стрит, предсказывался качественно экспертным сообществом?

Грегори: Как я уже сказал, легко предсказать малые изменения и трудно — большие. Мы не смогли предсказать финансовый кризис просто потому, что мы никогда не сталкивались ни с чем подобным. Мы поймём причины, по которым случился этот кризис, но через десять лет, потому что это очень сложный вопрос. Многие считают, что кризис разразился по вине правительства, и я во многом согласен с этим мнением: в США частью политической программы стала задача обеспечить каждого американца жильём вне зависимости от уровня его доходов. Это делали и Клинтон, и Буш, и Обама, не задумываясь о том, какими средствами это достигается. Представьте, что будет, если президент Путин примет такую же программу по обеспечению каждого россиянина жильём. Это произошло в Соединённых Штатах, и получается, что при небольшом падении цен на недвижимость ипотека становится дороже, чем сам дом. А половина благосостояния американца — это стоимость его недвижимости. Поэтому я считаю, что в этом кризисе во многом виновато государство. Но есть и другой момент:

теория капитализма говорит о том, что кризисы будут происходить всё время. Каждый раз, когда наступает рецессия, мы говорим, что это неудача капитализма, но это естественная его часть.

Вы сказали, что Запад победил в «холодной войне». Но пять минут назад вы с восторгом рассказывали, что вы видели в «Шереметьево», какие люди с Вами летели. Это и есть наша победа в «холодной войне», вот то, что мы получили в результате. При этом получили не только люди в самолёте, с которыми вы летели, а каждый из нас. Когда приходит большая волна, она поднимает и большие корабли, и маленькие лодочки. Поэтому я не считаю себя побеждённой в «холодной войне». Что в ней выиграл Запад — ну, будем считать, что он тоже что-то выиграл, но я лично думаю, что это была игра win-win, как иногда говорят. Это маленькая ремарка, но у меня есть ещё вопрос.

Грегори: Я думаю, что это важно, в том числе и потому, что в этом есть большая заслуга Гайдара. Гайдар — не очень популярная фигура в России, но нужно помнить, что именно Гайдар в январе 1992 года начал ту программу радикальных реформ, на которую так и не решился Горбачёв. Но я уже рассказывал о своём разговоре с чиновником Госкомцен, который говорил мне, что правительство всегда будет устанавливать цены; Гайдар доказал, что этот чиновник был не прав. Проблема Гайдара была в том, что свободу его действий ограничивали другие политические силы. Важно помнить, что он не имел возможности либерализовать все цены, он мог отпустить только часть из них, и это дало возможность для коррупции. Дело в том, что если пока существует две цены — официальная и рыночная, если у вас есть связи с нужным чиновником, то сохраняется возможность для спекуляции: Вы покупаете по заниженной цене, а продаёте по рыночной. Я слышал в Париже лекцию нобелевского лауреата Василия Леонтьева об этом, и он подчеркнул, что если у вас есть две цены, то все силы уходят на спекуляцию, а не на развитие производства.

Другой проблемой была приватизация, и это, судя по всему, самый спорный этап российского переходного периода. Анатолий Чубайс, судя по всему, ещё менее популярен, чем Гайдар. Американские советники тоже разделяли мнение о том, что если не провести быструю приватизацию, то на следующих выборах к власти снова придут коммунисты. И один из самых сложных и интересных вопросов — что было бы, если бы приватизация происходила медленно и

коммунисты победили бы на выборах? В какой точке находилась бы сейчас Россия? У меня нет ответа на этот вопрос. Возможно, всё было бы не так плохо. В Восточной Европе многие коммунистические партии вернулись к власти, но они стали уже другими коммунистическими партиями.

Спасибо за напоминание о Гайдаре, мы все о нём хорошо помним, а я занимаюсь бизнесом, так что у меня личные счёты с Гайдаром, я не буду сейчас о них говорить. А вопрос у меня вот какой. Вы говорили об условиях идеального шторма, которые совпали и привели к коллапсу советской экономики. Сейчас мы видим возрождение командно-административной системы, по крайней мере, усиливается роль государства, и это продолжается уже многие годы. Мы видим сейчас формирование господствующего класса в лице нашей бюрократии. Если раньше господствующим классом была советская номенклатура, прикрывавшаяся советской идеологией, то теперь есть такая же номенклатура, но она уже ничем не прикрывается. Действует ли ваша схема экономического коллапса? Какие условия должны совпасть для того, чтобы мы от нынешней ситуации, пока ещё далеко не рыночной, перешли к нормальному рынку?

Грегори: Это хороший вопрос. Одна из важнейших вещей, о которой я говорил, заключается в том, что советская система развалилась, потому что она совершила самоубийство. Сейчас мы не очень хорошо представляем, как выстроена путинская система. Судя по всему, она очень хорошо организована, мы видим Путина на самом верху, но не понимаем, как строится иерархия. С советской номенклатурой случилось следующее: люди в этой номенклатуре поняли, что они смогут стать богаче, если система развалится. Мы не очень хорошо понимаем, как устроена нынешняя система, но мне кажется, что нынешняя номенклатура не заинтересована в том, чтобы система развалилась, потому что она от этого, скорее всего, проиграет.

Скажите, пожалуйста, почему в СССР все поля были засеяны, скотные дворы полны животных, а прилавки были пусты? И ещё: в США существует государственное регулирование на предметы первой необходимости?

Грегори: Да, к сожалению, в Америке существует контроль над сельским хозяйством. Это очень хороший вопрос. Как мы знаем, Советский Союз не мог себя прокормить. Российская империя была вторым экспортёром зерна; сейчас Россия вновь стала одним

из основных экспортёров. Я видел очень интересные цифры: Россия при этом не очень значительно увеличила выпуск зерна. Можно задать вопрос: как такое может быть — производство не очень выросло, а экспорт сильно увеличился? Ответ такой: сейчас Россия вышла на рынок, а в советский период зерно часто шло на корм скоту. Теперь же работает рыночное мышление, и стало понятно, что экспортировать зерно выгоднее. Вот пример того, как работает рынок, хотя мы и не отдаём себе в этом отчёта.

В развитие вопроса о путинской системе. В последние годы ресоветизация путинской России привела практически к замораживанию экономического роста, он сейчас даже ниже 2% годовых. Вопрос: если путинская система будет работать с такой же эффективностью в среднесрочной перспективе и темпы развития экономики России будут значительно ниже среднемировых, сможет ли Россия сохраниться вообще или возникнут условия для нового идеального шторма, которые приведут к утрате её территориальной целостности, так как геополитические соперники приберут часть территории России к своим рукам?

Грегори: Если бы я был русским, я бы всерьёз беспокоился об этом, потому что сейчас Россия продолжает быть в основном экспортёром сырья. Причина в том, что Россия не способна привлекать инвестиции — в отличие, например, от Китая. Если вы посмотрите на историю глобальных инвестиций в российскую экономику, которые делали, например, *Shell*, *Exxon Mobil* и *BP*, то вы увидите, что в итоге эти компании были обмануты. В тот момент, когда эти компании наконец были готовы получить свою прибыль, они сталкивались с препятствиями со стороны экологического контроля или налоговой полиции, и они не могли рассчитывать на поддержку правительства или господина Путина. Соответственно, российские компании стараются побыстрее вывести свою прибыль в офшоры за пределы страны, где она будет в безопасности. Россия не может рассчитывать на высокий и устойчивый экономический рост без иностранных инвестиций, она по-прежнему будет оставаться сырьевой державой, и это особенно опасно, учитывая, что сейчас в сфере сланцевого газа происходит революция.

Профессор, мой вопрос — о влиянии внешнего фактора на развал экономики. Я бы хотел сказать, что Соединённые Штаты всё-таки повлияли на сни-

жение цен на нефть, и это было существенным фактором. И не только этот момент, ведь известно, что план Даллеса, который был в своё время разработан, последовательно осуществлялся. Я ещё сказал бы о том, что Советский Союз почему-то приступил к разоружению и выводу своих войск из Европы, в то время как США продолжили вводить туда свои войска.

Грегори: Должен сказать, что вы не очень хорошо понимаете, как устроена политика США. Очевидно, что президент США хотел бы видеть цены на нефть низкими, но сейчас он не может этого сделать уже несколько лет. Так что вы преувеличиваете способность США повлиять на цены на нефть.

Вопрос о ценах. Знаете ли вы, что у нас до сих пор в России регулируются цены? Устанавливаются цены на бензин, на тепло, на электроэнергию, на доллар. Знаете ли вы об этом и каков ваш прогноз, к чему приведёт это государственное регулирование цен?

Грегори: Понятно, что это регулирование происходит по политическим соображениям. Если я иду в российский супермаркет, то цены там сопоставимы с американскими; если я заправляю машину, то цена на бензин в России значительно ниже. Для меня очевидно, что чем дольше государство будет регулировать цены, тем больше опасность для экономики.

Большое спасибо! Мне жаль, что я должен был прочитать лекцию, я хотел бы просто поговорить с вами.

Пол Грегори — профессор факультета экономики *Хьюстонского университета, США*. Специалист по экономической истории. На русском языке издан ряд его книг: *Пол Грегори. Экономический рост Российской империи*. М., Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2003. 251 страниц; *Грегори П. Политическая экономия сталинизма* / Пер. с англ. И. Кузнецовой, А. Макаревича. М., РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

© Текст: Пол Грегори

Егор Гайдар представляет свою книгу «ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ»

Уже пятый год нет с нами Егора Тимуровича Гайдара. Мир и страна изменяются, многие события переосмысливаются. Фонд Гайдара прикладывает немалые силы для того, чтобы с произведениями Е.Т. Гайдара знакомились как можно больше людей на разных языках. Прошлой осенью мы представляли в Любляне словенское издание его книги «Гибель империи»; на очереди издание в Германии; американское издание вышло уже давно и книга ждет переиздания для англоязычной аудитории. Недавно по телевидению прошел фильм А.Пивоварова «Гибель империи», созданный при участии Фонда Гайдара и придавший дискуссии новый импульс.

Но странное дело: в споре вокруг проблем распада Советского Союза и социалистического лагеря за последние годы не прибавилось никаких новых аргументов, глубоких исследований и нетривиальных выводов. Дискуссии по-прежнему носят поверхностный и ожесточенный характер, опираются на эмоции, мифологемы и даже на сложившиеся штампы.

Между тем книга Гайдара не всеобъемлюща, она не закрыла, а лишь приоткрыла научный дискурс обсуждения. Гайдар сам писал, что он рассматривал лишь один экономический аспект глубокого системного кризиса, результатом которого стала революционная трансформация государства и общества. Егор Тимурович часто цитировал строфы Булата Окуджавы:

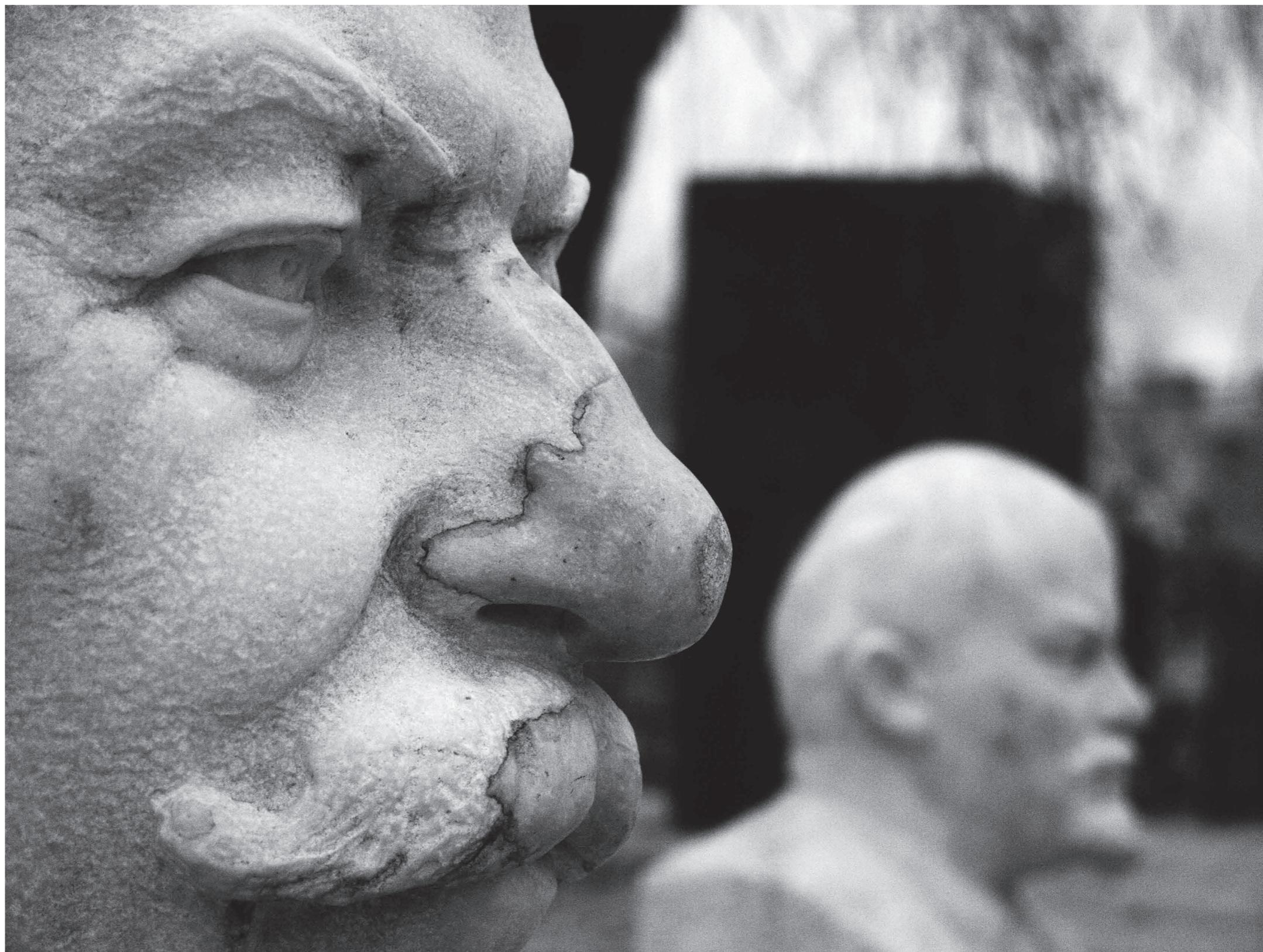
Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что труден быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого,
И тем больней, чем дольше,
Что люди царства своего
Не уважают больше.

Гайдар прекрасно понимал значение и политической составляющей, и нравственной, этнокультурной и психологической компоненты, и общей атмосферы в обществе, и влияние различных партий интересов и состояние важнейших институтов государства, и мировой контекст, и личностные качества лидеров...

Но его книга, имеющая подзаголовок — «Уроки для современной России», не вполне академическая: она, как разбор полетов, нацелена на практическое употребление практикующими политиками.

Потому книга его и сегодня является объектом нападений, далеких от научной беспристрастности. И сегодня она дает самые глубокие объяснения произошедших с нами катаклизмов. Учитывая все это, мы публикуем в журнале авторское представление этой важнейшей книги в Высшей школе экономики 14 июня 2006 года.

Редакция

Егор Гайдар:

Дорогие друзья, книга «Гибель империи», написанная в 2005-2006 годах, выполнена в другом формате, чем моя предшествующая работа, — «Долгое время». Однако логически они связаны. Последняя книга посвящена кризису и краху советской экономической и политической систем. То, что она стала бестселлером, меня удивило. Когда я садился работать над ней, этого не предполагал. Половина работы — таблицы, графики, официальные документы советских властей. То, что «Гибель империи» оказалась востребованной широким кругом читателей, — для меня приятный сюрприз. Это показывает, что российское общество хочет разобраться в том, что произошло с нашей страной на протяжении последних двадцати лет.

Два обстоятельства подвигли меня к работе над этой книгой. Первое — то, что цены на нефть в реальном исчислении приблизились к уровню, похожему на позднебрежневские времена. Они еще не достигли пика 1980–1984 годов, но близки к нему. Второе — то, что в российском обществе, как мне кажется, сложилось устойчивое представление о том, что произошло с нами на протяжении последних двадцати лет. Оно присутствует и в серьезных аналитических статьях, и в «мыльных операх», посвященных этому периоду.

Картина мира, которая возникает при знакомстве со столь разнообразными источниками знаний о нашем недавнем прошлом, проста и убедительна. Жила

великая держава — Советский Союз. Она динамично развивалась. Разумеется, в ней были свои проблемы. Назовите страну, в которой проблем нет?

Потом пришли странные люди. Дальше развилка: одна гипотеза — они были клиническими идиотами, другая — агентами иностранных спецслужб. Они начали какие-то реформы. Результаты реформ оказались катастрофическими. Только когда к власти вновь пришли люди, думающие о государственных интересах, жизнь стала налаживаться.

Это легенда, причем легенда опасная. Она, на мой взгляд, не менее опасна для мира, чем сформированная во время Веймарской республики легенда о Германии, — которая-де не несет никакой ответственности за начало Первой мировой войны, она никогда не была побеждена на поле боя, но ей нанесли удар ножом в спину. Это сделали инородцы и социалисты.

Тогда эта легенда (и это показывают многие исследования, посвященные Веймарскому периоду) во многом укоренилась из-за отказа новых демократических властей предать гласности документы, позволявшие понять происходившее в 1914–1918 годах. Из-за переговоров о репарациях публиковать их сочли неудобным. Они были введены в научный обиход лишь в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Веймарские власти помогли создать легенду, которую потом противники немецкой демократии прекрасно использовали против них.

В последнее время работа с архивными документами, посвященными советской истории, становится все более сложной. Но массив документов, который удалось ввести в научный оборот в начале — середине 1990-х, позволяет показать, что на самом деле происходило в Советском Союзе в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Нередко в международной литературе, посвященной переходному периоду, сравнивают путь, пройденный Советским Союзом — Россией, с развитием Китая. По моему убеждению, происходившее в России и в Китае заслуживает сопоставления. Но оно содержательно, если речь идет о сопоставимых уровнях развития. Важнейшие показатели, его характеризующие, в Китае 1979 года и в Советском Союзе времен экономической дискуссии 1928–1929 года, сопоставимы. На слайде приведены данные по двум из них. Ряд показателей можно расширить (см. рис. 1).

Известная подавляющему числу присутствующих экономическая дискуссия 1928–1929 гг., если переводить это на современный язык, была дискуссией о целесообразности выбора пути, который спустя десятилетия получил название «Китайского».

И Н. Рыков и Н.И. Бухарин, предлагали сохранить частное крестьянское хозяйство, добровольную коллективизацию, финансовую стабильность, развитие рыночных механизмов — при политическом контроле коммунистической партии. Это именно тот путь, на который много десятилетий спустя встало китайское руководство.

В СССР в конце 1920-х годов было принято другое решение. Причины этого многим из присутствующих хорошо известны. Думаю, многие знают о внутреннем подтексте этой дискуссии. Он был прост. Н. Бухарин говорил, что в крестьянской стране нельзя заставить крестьянскую армию силой отобрать хлеб у крестьян — это путь к гражданской войне. А И. Сталин отвечал: «Можно». И в краткосрочной исторической перспективе он оказался прав.

Но последствия для развития советской экономики оказались серьезными.

Советское руководство создало своеобразную ситуацию в сельском хозяйстве СССР. Обычно индустриализации предшествует так называемая аграрная революция: резкий рост продуктивности сельского хозяйства, еще базирующийся не на широком применении машин, а на лучшем севообороте, на применении минеральных удобрений. Именно это обеспечивает рост производства продовольственных ресурсов,

позволяющий кормить растущие города. В Советском Союзе хлеб у крестьян отобрали силой. Миллионы людей умерли от голода. Была создана ситуация, в которой крестьяне оказались людьми четвертого сорта — без права на пенсию, с зарплатой, которая в 10 раз меньше, чем в городе, без права смены места жительства и работы. В странах же, более развитых, чем наша, крестьянский труд, даже в условиях индустриализации, ценился высоко. Старший сын, наследник хозяйства, оставался в деревне. Младшие должны были, пусть даже неохотно, адаптироваться к жизни в городе. Массовая иммиграция из Европы в Северную Америку в значительной степени была мотивирована стремлением сохранить статус крестьянина, фермера. В рамках этого сценария развития не было разделения на людей первого сорта, ухаживших в город, и второго — оставшихся в деревне. Советское руководство создало именно такое деление.

Надо понять, какие стимулы в подобной ситуации определяли поведение молодых юношей и девушек из деревни, способных к социальному продвижению. Им дали мощный сигнал: главное, что необходимо сделать в жизни, — любой ценой перебраться в город. Каналы для этого были — комсомольские стройки, армия и т.д. Нетрудно понять, какую социальную структуру в результате мы получили на селе и какие долгосрочные последствия это имело. Такого падения факторной продуктивности сельского хозяйства, которое произошло в СССР на протяжении четверти века, последовавшей за 1928–1929 годами, мировая аграрная история применительно к крупным странам не знает (см. рис. 2).

Сделанный выбор породил долгосрочные экономические проблемы, с которыми СССР так и не справился. Их хорошо описывает Н. Хрущев в письме в Президиум ЦК КПСС. Их суть в следующем. В стране растет городское население, и соответственно растет потребность в зерне, необходимом, чтобы его кормить. А между тем хлебозаготовки уже 15 лет не растут. Что делать? В советском руководстве начинается оживленная дискуссия, суть которой в выборе — либо поднимать нечерноземную деревню, либо осваивать целину (см. рис. 3).

Попытка поднять нечерноземную деревню, при сохранении колхозного строя, — задача более чем рискованная. Когда советское руководство в конце 1960-х — начале 1970-х годов попыталось пойти по этому пути, результаты оказались далеко не обнадеживающими. По меньшей мере, для создания шанса на успех подобной стратегии в начале 1950-х годов

Рис. 1
*В международных долларах 1990 г. (Geary-Khamis dollars)
Источники: 1. Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003.
2. Bairoch P. Cities and Economic Development: from the Dawn of History to the Present. Chicago, 1988.

Рис. 2
Источник: FAOSTAT data, 2005.

нужно было распустить колхозы. Ни в одном документе, с которым мне довелось ознакомиться, это никогда всерьез не обсуждалось. Ну, а тогда естественный для социалистического хозяйства выбор — освоение целинных и залежных земель. Идея обсуждалась уже в конце 1920-х годов, была поддержана Сталиным. Она соответствовала логике социалистической системы. Крупные инвестиции, масштабные проекты, концентрация ресурсов, возможность использовать те преимущества, которые давались рабочим в городе, чтобы направить часть миграционного потока не из деревни в город, а из деревни в деревню, но в деревню на целинных и залежных землях. Оппоненты этого подхода уже в конце 1920-х годов высказывали свою озабоченность тем, что урожаи станут еще более волотильными, чем в традиционных районах земледелия. Это возражение Сталина не убедило. Хрущеву эти аргументы также показались недостаточно весомыми. С точки зрения социалистической системы хозяйствования, на протяжении первых десяти лет, программа была достаточно успешной. Заготовки зерна, которые не росли на протяжении предыдущих пятнадцати лет, за 10 лет удалось увеличить почти в два раза. Однако на фоне этих успехов проявляются новые проблемы. Урожай, как это и предсказывалось оппонентами освоения целины, становится все более непредсказуемым. К тому же ресурсы, мало-мальски пригодные к освоению целинных и залежных земель, ограничены. С течением времени они оказываются исчерпаны. А между тем проблема снабжения городов продолжает обостряться.

В 1963 году СССР — впервые в истории Российской империи и Советского Союза — в массовых масштабах закупает зерно на Западе. Страна импортирует 12 миллионов тонн зерна, платит за него одну треть золотого запаса. Н. Хрущев обсуждает на Президиуме ЦК КПСС вопрос, как проинформировать восточноевропейские страны о том, что СССР на протяжении нескольких лет не сможет поддерживать их продовольствием. На том же обсуждении он говорит: «Больше такого позора, который был, терпеть советская власть не может»¹. Жизнь покажет: терпеть придется.

К середине 1960-х годов СССР вышел на заготовки зерна в размере примерно 65 миллионов тонн в год, и с погодными колебаниями эта цифра на протяжении последующей четверти века не увеличивается.

А между тем, на этом фоне численность городского населения возрастает на десятки миллионов человек. И чем прикажете кормить это городское население?

Выход, если не менять всю хозяйственную систему, один — радикальное изменение структуры внешнеэкономических связей. Россия, которая перед Первой мировой войной, даже при серьезных проблемах с сельским хозяйством, была ведущим экспортером зерна, становится крупнейшим в мире его импортером, покупающим существенно больше, чем два следующих за нами государства — Япония и Китай вместе взятые. Резко растут и общие объемы сельскохозяйственного импорта. Казалось бы, в этой ситуации естественно поставить вопрос: «Мы разорили сельское хозяйство, вложили деньги в индустриализацию, а почему же теперь не можем сделать то, что делают развитые в индустриальном отношении страны, такие как Япония? Она тоже закупает сельскохозяйственную продукцию в крупных масштабах и расплачивается за нее продукцией обрабатывающих отраслей».

Однако в ходе социалистической индустриализации в СССР была создана такая система управления народным хозяйством, при которой производить конкурентоспособную на мировом рынке продукцию обрабатывающих отраслей, хотя бы, по меньшей мере, продукцию гражданского машиностроения, невозможно.

В основу системы советской внешней торговли отнюдь не был положен рикарданский принцип сравнительного преимущества. Ее хорошо описал М. Горбачев на одном из своих совещаний, последовавших после его назначения на должность Генерального секретаря ЦК КПСС. На совещании в ЦК КПСС 23 августа 1986 г. он говорил: «Мы покупаем потому, что жить без этого не можем»².

Советское руководство не хочет быть зависимым от западных закупок, однако закупает то, без чего страна не может жить. Но тогда надо отвечать на ключевой вопрос: чем же мы можем расплачиваться за то, без чего жить не можем?

Об этом говорит коллега М. Горбачева по Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета министров Н.И. Рыжков: «Потому мы и вывозим сырье, что больше никто ничего у нас не берет за конвертируемую валюту»³. Сколько лет просуществовал Советский Союз, после того как страна стала крупнейшим в мире импортером зерна, зависело от одного важнейшего фактора — открытия месторождений нефти в Западной Сибири. Это позволило покупать то, без чего СССР не мог жить и за что расплачивался сырьем. Месторождения, по международным сопоставлениям, были уникальными: неглубокое залегание, высокий дебит скважин. Уже в 1970 году Западная Сибирь — крупная, по мировым стандартам нефтегазовая провинция. На протяжении двенадцати лет добыча увеличивается в 12 раз. Это ресурс, позволявший СССР стать крупнейшим в мире импортером зерна.

В это время в советском руководстве идет оживленная дискуссия о стратегии освоения нефти Западной Сибири. Специалисты-нефтяники, в том числе министр нефтегазовой промышленности В. Шашин, руководители западносибирской нефтедобычи говорили: «То, чего вы от нас требуете, — авантюра. Вы требуете темпов роста добычи, которые несовместимы со стабильными условиями эксплуатации скважин. Такая политика приведет к быстрому падению добычи в последующих годах». Но их оппонент из Госплана отвечает: «Надо».

А. Косыгин, председатель Совета министров СССР, один из самых компетентных советских руководителей, имел обыкновение звонить начальнику Главтюменьнефтегаза В. Муравленко и говорить примерно следующие слова: «С хлебушком плохо — дай 3 млн тонн сверх плана»⁴. Последствия такой практики с течением времени неизбежно сказываются. Дебит скважин быстро падает (см. рис. 5).

Это резко увеличивает потребность в капитальных вложениях, себестоимость добычи нефти. Однако на фоне обостряющихся проблем в нефтедобыче, советское руководство вытаскивает счастливый билетик — резкое повышение цен на нефть в 1970-х — начале 1980-х годов (см. рис. 6).

Восходящая линия на графике — пик брежневской эпохи, нисходящая — начало краха СССР.

Проблемы, с которыми сталкиваются страны, зависящие от колебаний ресурсных доходов, описаны давно и хорошо. Применительно к нефти суть состоит в том, что эластичность спроса и предложения по цене в краткосрочной и долгосрочной перспективе различается радикально. Поэтому цены на сырьевые и топливные товары колеблются в диапазонах, нехарактерных для цен на продукты обрабатывающих отраслей. Самое резкое ухудшение условий торговли для крупнейшей в мире экономики (США) за последние 50 лет произошло в 1974 году и составило примерно 15%. Когда речь идет об экономиках, зависящих от ресурсного экспорта, говорить приходится не о процентах, а о размахе. С такими экономиками нельзя обращаться так, словно они устроены так же, как и все остальные.

Специфика экономики стран, зависящих от труднопрогнозируемых и нестабильных ресурсных доходов, была описана еще в XVII веке, на примере Испании, доходы которой, после открытия Америки, зависели от импорта золота и серебра из Америки.

На рисунке 7 приведены данные о доходах Испанской короны от импорта золота и серебра из Америки, а СССР — от добычи нефти. Нетрудно убедиться — в них есть очевидное сходство (см. рис. 7).

В конце гистограммы вы видите год, когда Испания, армия которой полвека не потерпела ни одного

Рис. 3

Источник: Статистические сборники «Народное хозяйство СССР» за разные годы. М.: Финансы и статистика.

Рис. 5

Источник: Топливо-энергетический комплекс СССР 1988 г. М.: ВНИИКТЭП, 1989. С. 127; Топливо-энергетический комплекс СССР 1990 г. М.: ВНИИКТЭП, 1991. С. 140–141.

серьезного поражения на суше, была вынуждена отказать от всех своих владений вне Пиренейского полуострова, от контроля над Португалией и с огромным трудом смогла удержать Арагон, Каталонию и Астурию. На фоне падения нефтяных доходов Советский Союз, армия которого тоже не потерпела ни одного серьезного поражения за предшествующие несколько десятилетий, вынужден был отдать контроль над Восточной Европой. Как и в случае с Испанией, это стало результатом неразрешимых экономических проблем и финансовой несостоятельности.

Разумеется, я не подозреваю советское руководство в том, что оно внимательно изучало труды профессоров университета Саламанки, посвященные анализу влияния импорта американского золота и серебра на испанскую экономику.

Интеллектуальный уровень советской политической элиты хорошо описывает цитата из материалов Президиума ЦК КПСС: «О Засядько: говорят, перестал пить. Тогда его министром на Украину»⁵. Предположить, что испанский опыт мог чему-нибудь научить руководство КПСС мало реалистично.

Однако советские руководители, которые сами занимались своеобразными операциями на рынке нефти, могли бы понимать, что это рынок необычный. Приведу характерную выдержку из записки председателя КГБ Ю. Андропова Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу. «Комитет госбезопасности с 1960 года поддерживает делово-конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины. Главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются: продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль... НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.) <...> В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций. <...> С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вадида Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах»⁶.

Но когда начинаешь так действовать на столь своеобразно устроенном, политизированном рын-

ке, надо понимать, что ты там не один. Полагать, что больше никто не догадается, что на рынок нефти можно воздействовать разными способами — опасно.

Между тем, советское руководство принимает на фоне аномально высоких нефтяных цен решения, имеющие далеко идущие последствия: направить войска в Афганистан. В 1973–1974 гг. руководство Саудовской Аравии ввело нефтяное эмбарго против США, обещало при необходимости сократить добычу на 80%, а в случае попытки применить силу и взорвать нефтепромыслы. Когда советские войска вошли в Афганистан, нефтедобывающие страны Ближнего Востока в целом и особенно Саудовская Аравия восприняли это как первый шаг к овладению контролем над нефтепромыслом Ближнего Востока. Произошедшее радикально изменило ситуацию в регионе. Саудитам срочно понадобилась помощь «большого брата», военная защита, и отношения с США стали быстро улучшаться. «Большому брату» нужны были прогнозируемые и более низкие цены на нефть. Отнюдь не случайно, что одним из первых визитов компетентного, только что назначенного шефа ЦРУ Уильяма Кейси оказался полет в Эр-Рияд. У Кейси был серьезный опыт работы на стыке экономики и безопасности. Во время Второй мировой войны он работал в отделе, который как раз занимался анализом способов, позволявших нанести максимально возможный ущерб немецкой и японской экономике. Для него идея, что экономика и политика взаимосвязаны, не была новой. Конечно, крушение цен на нефть в середине 1980-х годов было связано с фундаментальными рыночными факторами, которые делали невозможным сохранение цен на уровне, сложившемся в начале 1980-х годов. Но то, в какие сроки и в каких масштабах упали нефтяные цены, трудно понять вне политического контекста.

Дата краха Советского Союза для меня ясна. Это не август 1991 года и даже не декабрь 1991-го. Это 13 сентября 1985 года, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии, шейх Ямани объявил, что Саудовская Аравия радикально меняет свою нефтяную политику, перестает сдерживать добычу и будет стремиться восстановить свою долю на нефтяном рынке. За следующие 6 месяцев нефтедобыча в Саудовской Аравии выросла в 4 раза.

И цены на нефть в реальном исчислении упали примерно в 4 раза. Советский Союз потерял 20 миллиардов долларов доходов от экспорта энергоносителей. Продолжать и дальше импортировать в прежних масштабах то, без чего, по словам М. Горбачева, страна жить не может, оказалось невозможно. Последние

годы экономической история СССР просто была длинным постскриптумом.

Советское руководство, если брать экономическую сторону дела, после падения экспортных доходов на 20 миллиардов долларов имело три альтернативных варианта проведения ответственной экономической политики.

Первый из них — распустить восточноевропейскую империю, перестать поддерживать страны социалистического содружества бартерными поставками нефти и газа и нефтепродуктов, за которые СССР конвертируемой валюты не получал. Представить себе нечто подобное в 1985–1986 годах было невозможно. Советское руководство ничего не понимало в произошедшем. Генеральный секретарь ЦК КПСС пришедший на Пленум ЦК КПСС с предложением отказать от всех завоеваний Второй мировой войны, никогда не вышел бы с него в той же должности.

Второй вариант: руководство страны полностью отказывается от импорта продовольствия. Это позволило бы сэкономить те самые 20 миллиардов выпавших доходов. Практически же это означало, что крупные города надо было переводить на карточное снабжение по нормам Великой Отечественной войны. И это после того, как руководство правящей партии 70 лет говорило, как оно ведет народ к светлому будущему. Никаких шансов сохранить режим в этой ситуации не было, и эта тема всерьез даже не обсуждалась.

Третий вариант: необходимо резко сократить военное производство, экспорт высвободившихся сырьевых материалов позволит частично компенсировать потери от снижения доходов от нефти. Практически

полностью прекращаются инвестиции, свертывается производство в отраслях, зависящих от импортных комплектующих. Это полный конфликт с элитой ВПК. Возникнет тяжелейшая проблема в моногородах, зависящих от заводов, производство которых требует импортных комплектующих. Эта тема также всерьез не обсуждалась. Очень мягко подобный вопрос на Политбюро ставил секретарь по экономике Н. Слюньков.

В результате советское руководство принимает ответственное и мужественное решение — крепко закрыть глаза, сделать вид, будто ничего не происходит, и возложить надежды на то, что все как-нибудь само собой устроится. Именно это оно и делает в 1985–1986 гг.

Но невозможно уйти гот ответа на простой вопрос: где взять валюту, чтобы закупить 40 миллионов тонн зернового импорта? СССР в массовых масштабах начинает привлекать кредитные ресурсы мирового рынка. Так как кредитная репутация страны к этому времени была еще высока, выше, чем у Китая, в 1985–1986 гг. можно одолжить столько, сколько требуется. Именно так развивается ситуация в 1985–1987 годах. Приличные погодные условия и неплохие урожаи 1986–1987 годов помогают проводить такую политику. В 1988-м погодные условия оказались неблагоприятными. С этого времени процесс развала советской экономики становится очевидным.

В 1989 году выясняется, что никто больше денег в долг на коммерческих основаниях Советскому Союзу давать не готов. Советскому руководству приходится отвечать на простые вопросы: «Как вы собираетесь брать кредит? Половина задолженности СССР — крат-

Рис. 6

*Все цены приведены к постоянному уровню 2000 года.

Источник: расчеты по: International Financial Statistics 2004, IMF; Energy Efficiency and Renewable Energy Website, US Department of Energy (<http://www.eere.energy.gov>).

Восходящая линия на графике — пик брежневской эпохи, нисходящая — начало краха СССР.

косрочная. Ее надо гасить немедленно. Понимаете ли вы, что рефинансировать ее на коммерческих основаниях невозможно? Советское руководство отвечает: «Как гасить кредиты? Но нам же очень надо, мы без этого жить не можем». Западные бизнесмены парируют: «Хорошо, тогда идите к западным правительствам и с ними договаривайтесь».

В 1985 году идея, что советское руководство должно обратиться к правительствам стран, которые рассматривались как потенциальные противники, и будет просить политически мотивированные кредиты, идти за это на политические уступки, — такая идея не могла присниться и в страшном сне. А документы 1989 года показывают, что к этому времени кредиты и уступки уже стали главной заботой советского руководства. Экономическая ситуация в стране между тем продолжает осложняться по двум ключевым направлениям: это нефть и продовольствие. Нефтяная промышленность сильно зависит от импортных компонентов. Приведу две цитаты из стенограммы совещания в Совете Министров СССР, посвященного ситуации в нефтедобыче.

«Мы понимаем, что единственный источник валюты — это, конечно, нефтяной источник... Если мы сейчас не примем все необходимые решения, то следующий год мы можем провести так, как нам еще не снилось. <...> По соцстранам может закончиться самым критическим образом. Это все приведет нас к самому настоящему краху, и не только нас, но и всю нашу систему...»⁷

На деле уже через полгода выясняется, что дела обстоят еще хуже, чем в сентябре, недавно казавшиеся катастрофическим.

Из письма заместителя Председателя Кабинета министров СССР Л. Рябьева Председателю Кабинета министров СССР В. Павлову от 31 мая 1991 г.: «За прошедший период текущего года положение дел в нефтяной промышленности ухудшилось. Потребности отрасли в оборудовании и материалах удовлетворены на 50–60%. Почти наполовину сокращены поставки оборудования и труб по импорту ввиду нехватки валюты... В настоящее время на нефтепромыслах простаивает 22 тыс. нефтяных скважин... За январь-май текущего года среднесуточная добыча нефти ведется на уровне, обеспечивающем добычу 530 млн. тонн в год, поставку ее нефтеперерабатывающим заводам в объеме 452 млн. тонн и на экспорт — 61 млн. тонн...»⁸

МВЭС докладывает о катастрофическом положении, складывающемся в выполнении графиков, отпуском нефти, нефтепродуктов на экспорт в IV квартале⁹. Это еще только IV квартал 1990 года, почти за 9 месяцев до краха.

Хлебоснабжение Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Перми, Екатеринбурга в определенной степени зависит от импорта закупок.

Вот как видится сложившаяся ситуация тем, кто должен отвечать за снабжение страны зерном: «В связи со складывающейся острой обстановкой с зерном фуражных культур представляем предваритель-

ный расчет зерна этих культур из урожая 1989 года. Из указанного расчета видно, что из урожая текущего года не хватает 30,7 млн. тонн зерна фуражных культур. <...> Учитывая изложенное, возникает необходимость ускорить решение вопроса о закупке фуражного зерна за границей»¹⁰. Легко сказать — «ускорить решение о закупке 30,7 миллионов тонн зерна за границей!» Руководство правительства хотело бы знать, откуда взять необходимую для этого валюту? Но ответа на это никто дать не может.

На фоне нарастающего кризиса в нефтедобыче обострились проблемы с зерном. Невозможно было привлечь коммерческие кредиты, стали нужны срочные политические кредиты. Об этом советское руководство информирует те, кто отвечает за внешнюю торговлю и внешнеэкономические связи.

«В соответствии с Вашим поручением по телеграмме из Бонна с участием т.т. Катусева, Геращенко, Московского, Хоменко, Ситнина проанализировали возможные с нашей стороны шаги по вопросу о получении финансового кредита от правительств стран ЕС, и прежде всего ФРГ, Франции, Италии и, возможно, Англии. По информации из ФРГ, руководством «Дойче Банка» высказана рекомендация непосредственно обратиться к правительствам указанных стран с просьбой о предоставлении кредита...»¹¹.

Рассказы о том, как Э. Шеварднадзе предал интересы Советского Союза, особенно интересно слышать на фоне документов о том, как срочно были необходимы политически мотивированные кредиты.

Из записки, подготовленной для Э. Шеварднадзе: «В ходе состоявшейся 27 апреля с.г. встречи представителей Внешэкономбанка с «Дойче Банком» руководство последнего считает целесообразным проведение в кратчайшие сроки переговоров Советского правительства с правительствами стран ЕС, в первую очередь с ФРГ, Францией, Италией и, возможно, Англией о получении государственных гарантий, под которые банки соответствующих стран были бы готовы предоставлять финансовые кредиты на покрытие дефицита платежного баланса СССР и финансирование мероприятий по дальнейшей перестройке экономики СССР...»¹².

Советское руководство надеется, что высокие цены на нефть еще вернутся, что период низких цен скоро уйдет в прошлое, забудется, как ночной кошмар. Ждать возврата к аномально высоким ценам на нефть пришлось 17 лет. Но советское руководство этого тогда не знало. Оно надеялось, что проблему можно решить, перехватив на время денег.

Получить политически мотивированные кредиты непросто. Поэтому СССР начинает быстро наращивать задолженность по импортным поставкам (см. рис. 8).

Западные фирмы прекращают поставки. «На сегодняшний день ряд иностранных фирм («Луис Дрейфус», «Фризахер», «Бунге» и другие) уже прекратили отгрузки товара в СССР, и суда, зафрахтованные под перевозку зерна и хлебофуражных культур уже несколько дней стоят в портах в ожидании решения вопроса».

В это время население неплохо понимает происходящее, критичность ситуации.

ВЦИОМ: «На вопрос, что ожидает Советский Союз в ближайшие месяцы, 70% опрошенных ответили, что ждут ухудшения ситуации. Более половины населения (54%) сочли возможным наступление в 1991 г. экономической катастрофы, 49% — массовой безработицы, 42% — голода, 51% — перебоев с подачей воды и электроэнергии»¹³. Все это относится к маю 1990 года. До пика кризиса еще далеко.

Критичность ситуации осознает и руководство страны. Лидер ленинградских коммунистов говорит о своем видении происходящего: «Вот «трахнет» кто-нибудь по витрине, и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну».

Советские руководители, конечно, не были интеллектуалами, но то, что они пришли к власти в результате революционного процесса, начатого в 1917 году продовольственными беспорядками в Петрограде, помнили. Повторение подобного всегда было для них навязчивым кошмаром. Даже при наличии храброго и преданного царю А. Кутепова, в феврале 1917 года войск, которые были способны и готовы такие беспорядки подавить, уже не нашлось — где гарантия, что найдутся сейчас?

Новочеркасские события также никогда не уходили из исторической памяти советского руководства.

В это время СССР просит уже не только о политически мотивированных кредитах, но и о срочной гуманитарной помощи. Начинается оживленная переписка между советскими властями и Евросоюзом по поводу того, какую гуманитарную помощь нам могут предоставить. Речь идет именно о гуманитарной помощи, которую обычно предоставляют наиболее слабо развитым странам, столкнувшимся с продовольственной катастрофой.

Идет переписка о том, как эту помощь распределить.

«Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу вас передать Министерству обороны СССР 8 млн. комплектов

Рис. 7
Источник: Flynn D.O. Расчеты по: Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile). // The Journal of Economic History. 1982. Vol. 42. P. 142; Внешняя торговля СССР. Статистический сборник за годы: 1971, 1973, 1975, 1977, 1979, 1981, 1983, 1985, 1987, 1989. М.: Финансы и статистика; International Financial Statistics 2005, IMF

В конце гистограммы вы видите год, когда Испания, армия которой полвека не потерпела ни одного серьезного поражения на суше, была вынуждена отказаться от всех своих владений вне Пиренейского полуострова, от контроля над Португалией и с огромным трудом смогла удержать Арагон, Каталонию и Астурию.

суточных рационов военнослужащих Бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи в адрес Всесоюзного объединения «Продинторг» в порты Ленинграда, Таллина и Клайпеды, для выдачи военнослужащим и членам их семей».

Из письма Министерства обороны тому же адресату, направленного три дня спустя: «Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу вас рассмотреть возможность из поступающей гуманитарной помощи передать Министерству обороны СССР 7 тыс. тонн хлеба длительно хранения в жестобанках»¹⁴.

Министерство обороны мировой сверхдержавы обращается в правительство с просьбой направить часть гуманитарной помощи, которую предоставляют германские власти, в его распоряжение, чтобы как-то прокормить солдат и офицеров.

И. Полозкову, лидеру российских коммунистов и оппоненту М. Горбачева. Ситуация с продовольственным снабжением в Российской Федерации виделась так: «В 27 регионах положение катастрофическое, через неделю там могут быть остановлены мельницы и прекратиться выпечка хлеба, снабжение комбикормами птицефабрик и крупных животноводческих комплексов»¹⁵. Надо сказать, что официальные документы подтверждают описанное И. Полозковым.

А вот как видит развитие событий помощник президента А.С. Черняев: «Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее — хлеб. Не хватает 6 млн. тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод...»¹⁶.

Сходная оценка ситуации видна по переписке тех, кто отвечал за снабжение хлебопродуктами: «В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуются около 8 млн. тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с. г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн. тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта...»¹⁷.

Просмотрев такие документы, легче понять ситуацию, в которой в это время оказалось советское руководство и, в частности, М. Горбачев. Если не

смотреть на происходящее с точки зрения финансов, денег, валюты, зерна, то его метания: союз с Ельциным, его разрыв, события в Прибалтике, попытка вновь договориться с лидерами республик, Новоогаревский процесс — все это понять невозможно. Между тем поле для политического маневра оказывается несуществующим.

М. Горбачев не может распустить империю и сохранить власть. Вся советская элита категорически против этой идеи. Он не может сохранить империю, не применяя в массовых масштабах насилие. Он не может надеяться получить 100 миллиардов долларов, о которых все время говорит с западными лидерами, если встанет на путь применения силы против тех, кто противостоит режиму. Не может сохранить власть, если не получит 100 миллиардов долларов политически мотивированных кредитов. Из этого порочного круга нет выхода.

Когда речь идет о политически мотивированных кредитах, надо понимать, что это такое. Это средства западных налогоплательщиков. Их выделение зависит от западного общественного мнения, расстановки сил в парламентах. Даже если у тебя хорошие отношения с тем или другим западным лидером, то надеяться, что тебе удастся получить эти деньги, если, с точки зрения общественного мнения ведешь себя неправильно, не стоит.

Однако представления западного общественного мнения о нормах поведения, рамках возможного применения насилия радикально отличаются от тех, которые на протяжении предшествующих десятилетий разделяла советская элита. Устойчивость восточноевропейской империи базировалась на убеждении, что когда и если будет надо, советское руководство прольет столько крови, сколько необходимо, чтобы поддержать или восстановить власть вассальных режимов.

Это было продемонстрировано в ГДР, Венгрии, Чехословакии, тогда все знали, что дело обстоит именно так, каждый раз посылать танки не приходится. Все и так понимают, в каком мире живут.

В начале 1989 года польскому обществу становится ясно, что в создавшейся ситуации, когда СССР позарез нужны западные деньги, советское руководство не может послать танки в Польшу для спасения режима. Коммунистическому руководству Польши в начале весны 1989 года это так же ясно.

С этого момента речь идет о сроках и форме капитуляции. После того как к власти в Польше приходит недружественное СССР правительство, под-

держивать Группу советских войск в ГДР логически невозможно. Дальше приходится обсуждать сроки и условия ее вывода. Горбачеву даже не обязательно было говорить Дж. Бушу во время встречи на Мальте, что он не собирается применять силу в Восточной Европе для поддержки вассальных режимов. Это и так ясно. Произнесенные слова лишь ускорят неизбежный процесс. За 6 недель, прошедших после мальтийской встречи, восточноевропейская часть империи перестала существовать.

Представления Запада о нормах поведения не ограничиваются только Восточной Европой. В 1990 году в резиденцию посла США в СССР приходит председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис. Он задает два вопроса: «Если мы провозгласим независимость, признаете ли вы нас? И поддержите ли вы нас с точки зрения безопасности? Ответы в переводе с дипломатического языка: «Нет, не признаем. Это противоречит нашим принципам. Вы не будете контролировать свою территорию. Ни в коем случае, из-за вас мы не собираемся влезать в какие-либо военные авантюры».

Но когда после этого СССР пытается использовать военную силу для обеспечения контроля в Литве, советское руководство получает абсолютно однозначный сигнал. Его суть предельно проста: «Делайте, что хотите. Только просьба больше не беспокоить нас по вопросу о стомиллиардных политически мотивированных кредитах»¹⁸.

Да, конечно, есть люди, которые еще думают, что Горбачев был не готов использовать силу для сохранения империи, потому что он «слабак». Когда они

Рис. 8

возьмусь за дело, то всем быстро покажут, кто в доме хозяин. Это прелюдия ГКЧП. Не буду рассказывать его историю, она хорошо известна.

Напомню, что наиболее информированный об экономической ситуации, сложившейся в Советском Союзе, член ГКЧП, председатель кабинета министров В. Павлов, вечером 18 августа, перед введением чрезвычайного положения напился до полного бесчувствия. Думаю, он лучше других понимал обреченность начатой авантюры. Допустим, они найдут лояльные части, подавят сопротивление силой. Но разве после этого им дадут политические мотивированные кредиты? Откуда возьмется продовольствие в крупных городах? А если на этот вопрос нет ответа — неизбежны продовольственные беспорядки по образцу 1917 года. Раньше или позже — но у них не найдется сил, чтобы их подавить.

После краха ГКЧП история Советского Союза по большому счету была окончена. Республики провозглашают свою независимость, советские власти не контролируют финансовую систему, практически не получают налоговых доходов, не контролируют денежную политику. Центральные банки предоставляют кредиты без согласования с Госбанком СССР. СССР не контролирует свои границы. Между тем обустроенных границ России с провозгласившими свою независимость Прибалтикой и Украиной также нет. Никто не знает, чьи приказы выполнит мотострелковая дивизия, расквартированная на Украине. Украинские власти заявили, что она подчиняется им; советские же думают, что она еще часть вооруженных сил СССР. Реально она не выполнит ничьи приказы о применении силы. Такие страны существовать не могут. Ключевой вопрос в это время: удастся ли уйти от катастрофических последствий краха территориально интегрированной империи?

Все страны, которые в начале XX века называли себя империями, к концу XX века перестали существовать. У процесса их распада были фундаментальные, социально-экономические и политические причины. Наиболее серьезные проблемы возникали при дезинтеграции территориально интегрированных империй. Заокеанскую империю можно оставить, вывезти миллион переселенцев, постараться забыть про нее. Когда речь идет о тривиально интегрированной империи, все иначе. За границами новых государств остаются люди, которые жили здесь поколениями, нередко считали себя привилегированным меньшинством. Теперь им предлагают либо уезжать,

либо стать людьми второго сорта. История судетских немцев — один из самых трагических примеров такого развития событий. До сих пор территориально интегрированные империи либо распались в результате кровопролитных гражданских войн, как Оттоманская, либо были спасены от гражданских войн внешней оккупацией, как Австро-Венгерская.

Советский Союз и Россия — уникальный пример территориально интегрированной империи, которая сумела самораспуститься без полномасштабной гражданской войны и иностранной оккупации. На мой взгляд, это достижение. Но рассказ о том, как это получилось, — это уже другая история.

Евгений Ясин:

Спасибо, Егор Тимурович. Ждем следующую книгу, где будет рассказано продолжение. А пока вопросы, кто желает.

Виктор Полтерович:

...Книга такого крупного политического деятеля обречена на успех, потому что людям интересно же узнать, как он думает сам, может быть, независимо от ее содержания. Но автору должно быть интересно, насколько убедителен он в основных своих тезисах.

Мне кажется, что, говоря постоянно о катастрофе, автор не приводит сколько-нибудь точных цифр или данных о том, а что это означает? Скажем, последующее падение ВВП на 40% — это катастрофа или нет? И насколько, действительно, упал ВВП? Ничего при этом вроде бы с властью особо не произошло. Ну, был конфликт в 1993 году. Насколько это была реальная опасность или насколько она была воображаемая — это остается за кадром, это остается неясным. Но, без сомнения, советский экономический механизм доказал свою неэффективность — с этим, я думаю, поспорить невозможно. Но насколько катастрофа действительно была катастрофой?

Кое-какие цифры, которые здесь приведены, у меня, честно говоря, вызывают большие сомнения. Я приведу один пример. Вот здесь есть табличка, где сказано, что валовой национальный продукт упал в России в 1991 году на 13-14%. Я профессионально занимался этими вещами, но такой цифры, честно говоря, ни в одном современном справочнике нет. Я специально заглянул в справочник «Экономикшен форвиоул»: в 1990 году — минус 3%, в 1991 — минус 5%. И это цифры, которые ходят в разных источниках, примерно порядок никто в точности не знает, естественно, но порядок такой, но никак не 13 и

14. Это выглядит совершенно невероятным. Если в 1991 году при повышении цен, ожидании реформ, при всех этих обстоятельствах падение составило минус 5%, тогда, конечно, с одной стороны, это катастрофа для любой экономики.

Но, с другой стороны, все-таки, не 15%, как это было уже через год, в 1994-м, ну и не 40, как это оказалось к 1996 и к 1997 году, поэтому вот здесь требуются, как мне кажется, какие-то уточнения.

У меня не проходит ощущение, что все-таки книжка грешит некоторым экономизмом. Есть очень красивая история, история про Испанию, достаточно убедительная. Но в целом ведь социальные сдвиги, которые происходили в сознании и всего советского народа и особенно элиты, они, мне кажется, играли едва ли не большую роль, чем экономические факторы. Если грубо делить, где-то до 1960 года, не знаю как точно, целью СССР было все не выполнение первого закона социализма «повышение благосостояния», это была система, нацеленная на создание военной державы, прежде всего аргументированная на расширение, на захват других территорий, в конечном итоге на мировое господство. И в этом отношении она была фантастически успешной, просто фантастически.

Мне кажется, что с отказом от этого критерия и связан крах в значительной степени, в не меньшей степени, чем с экономическими катастрофами.

Егор Гайдар:

По поводу ВВП. В ситуациях, подобных тем, которая сложилась в СССР в 1991 году, расчеты ВВП более чем условны. С точки зрения экономической политики, по этому поводу важно то, какие данные получало руководство страны. В книге я цитирую официальные документы, которые лежали на стол советским лидерам.

Теперь о том, является ли падение ВВП на 40% катастрофой. В 1991–1992 годах мне было не слишком важно, какие показатели ВВП покажет статистика. Важнее было то, будет ли голод в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде. Знал, что когда хлебозаготовки в России катастрофически упали на рубеже 1917–1918 гг., в стране был голод, унесший многие жизни. Не повторить этот путь — было главным здесь. А разговор о том, что такое советский ВВП, с точки зрения самой концепции этого показателя по Пигу и Кузнецу это отдельный и непростой теоретический вопрос. Голод — это не теория. Это действительно катастрофа.

Вопрос:

Егор Тимурович, у меня один вопрос по поводу гибели империи. Очень ярко, глубоко и, в общем-то, вывод, что это было неизбежно, он и в ваших словах сегодняшних и в книге — это ярко. А уроки для современной России — это как бы такой образ или тут имеется все-таки какое-то совершенно конкретное содержание? Я имею в виду, что опасность развала империи — это очень плохо. Только в этом уроке или какие-то есть еще уроки, которые в подтексте?

Егор Гайдар:

Эта книга о прошлом. Но для меня она книга о будущем, о вызовах, с которыми может столкнуться наша страна. Речь в ней идет о необходимости понимания российским обществом и российской элитой рисков, связанных с непредсказуемостью нефтяных цен. Дискуссия о том, что у нас огромный стабилизационный фонд, для меня звучит довольно странно. Наши расчеты показывают, что средства фонда при снижении цен до уровня, превышающего средний многолетний — 25 долларов за баррель, хватит на 2-3 года. В Норвегии он позволяет пережить период низких цен на нефть, похожий по протяженности на середину 1980-х — 1990-х годов, не закрывая госпитали, университеты и т.д. Однако объяснить людям, и отнюдь не только в нашей стране, что ресурсозависимые экономики устроены своеобразно и если мы не хотим столкнуться с новым набором катастрофических проблем, это надо понимать; к этому приспособить экономическую политику непросто.

В какой-то момент я понял, что, только подробно рассказав историю гибели Советского Союза, того, как на развитие событий повлияло непонимание советским руководством рисков, связанных с ресурсной зависимостью, непредсказуемостью сырьевых доходов, убежденность в том, что высокие цены на нефть — навсегда, можно объяснить природу подобных проблем, с которыми мы можем столкнуться вновь. Считал важным, чтобы хотя бы часть российского общества это осознала. Два раза на одни и те же грабли наступать обидно.

Евгений Ясин:

Я бы сказал, что здесь в других главах есть и другие уроки, которые не менее важны. Это, по-моему, вторая глава. Она, мне кажется, не менее важная, чем глава о нефти.

Виталий Шлыков:

Я очень внимательно, с наслаждением прочитал книгу, но не заметил ни одного упоминания, например, слов «конверсия» и «милитаризм». Перечитав одну вашу статью в «Коммунисте» в 1990 году, я вспомнил, что вы писали, что конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новым поколением потребительских товаров, катализаторов структурной перестройки. Я это говорю к тому, что я полностью разделяю ту задачу, которую вы ставите. Это исключительно важно для будущего. Но, достаточно ли тех факторов и того временного отрезка, для того чтобы убедить общество в ошибочности его взглядов на имперское прошлое и на то величие, с которым сейчас население связывает будущее Советского Союза? Ведь оно не связано даже с брежневским периодом, не говоря уже о горбачевском. Все вспоминают победу в Великой Отечественной войне, космос, паритет ядерный и т.д.

Егор Гайдар:

...Чтобы адаптироваться к постимперскому синдрому, нужно время. Можно спорить о том, насколько хорошо то, как Великобритания распустила свою империю. Со своей точки зрения — удачно. Процесс прошел почти бескровно. С точки зрения того, что потом произошло в Индии и Пакистане, развитие событий представляется по-иному.

Но в 1950-х годах в Англии проблема эксплуатации постимперского синдрома была серьезной. Страна именно поэтому долго не могла адаптироваться к своему месту в Европе. Но время лечит. В Кембридже, в Оксфорде мне приходилось общаться с сегодняшними английскими студентами. Объяснять же им, почему Англия должна была управлять Индией и, более того, поднять их на борьбу, чтобы она снова стала империей — задача неразрешимая. И у нас я верю только в одно лечение — время. Было бы хорошо, если бы власти понимали эту угрозу, а система пропаганды была бы ориентирована на осознание обществом ее серьезности. Но пока рассчитываю только на время...

Виталий Тамбовцев:

Благодаря любезности автора мне удалось прочитать книгу давно и подробно. К сегодняшнему дню я еще раз перечитал ее, с тем чтобы, соответственно,

с позиции экономиста, а не политика, разумеется, обратить внимание на подзаголовок книги «Уроки для современной России»... Я, конечно, почерпнул массу интереснейшей фактической информации, которой не было. Но, я повторяю, гораздо интереснее то, что касается уроков. В книге специальным урокам посвящено послесловие, завершение. Это несколько страниц, это очень четкие страницы...

Егор Гайдар:

Не хотел затягивать изложение. Если надо было выделить два урока, я бы сказал о непредсказуемости нефтяных доходов и об опасности в нынешнем мире формально прочных, а на самом деле хрупких государственных институтов <...> Евгений Григорьевич, прошу прощения. В этой аудитории я собирался находиться сколь угодно долго, но если не оставлю вас сейчас — опоздаю на самолет. Поэтому, с вашего разрешения, вынужден вас покинуть.

Примечания

- ¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. 2-е изд. С. 769.
- ² РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 33. Л. 170.
- ³ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. С. 229.
- ⁴ Интервью с В.И. Грайфером. Цит. по: *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. С. 143.
- ⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. С. 151.
- ⁶ Записка Ю.В. Андропова Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. О конспиративной встрече резидента КГБ в Ливане с В. Хаддамом. 23.04.1974 г. No 1071-А/ОВ. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/terr-wd/plo75a.pdf>. В другом письме Л. Брежневу, посвященном вопросам снабжения Народного фронта освобождения Палестины оружием, Ю. Андропов называет В. Хаддада доверенным лицом разведки КГБ. См.: Записка Ю. Андропова. Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу.

О передаче В. Хаддаду партии иностранного оружия и боеприпасов к нему. 16.05.1975 г. No 1218-А/ОВ. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/terr-wd/plo75d.pdf>.

⁷ Стенограмма совещания у председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова «О поставке для государства нефти, газового конденсата и нефтепродуктов в 1991 году». 17 сентября 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 379. Л. 143.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 269. Л. 17, 18.

⁹ «МВЭС СССР докладывает о катастрофическом положении, складывающемся с выполнением графиков отгрузок нефти и нефтепродуктов на экспорт в IV квартале с.г.». См.: записку К.Ф. Катушева К.Ф., министра внешнеэкономических связей СССР, председателю Совета министров СССР Н.И. Рыжкову «Об экспорте нефтетоваров в IV квартале 1990 года». ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1524. Л. 1.

¹⁰ Записка министра хлебопродуктов СССР А.Д. Будыки Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР В.В. Никитину 11 августа 1989 г. No 120–272. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 19. Д. 4421. Л. 244.

¹¹ С.А. Ситарян — Н.И. Рыжкову. 3 мая 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 82.

¹² Памятная записка для беседы Э. Шеварднадзе с Г. Колем. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 83.

¹³ *Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилько С.П.* Общественное мнение о переходе к рыночной экономике. Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 8.

¹⁴ Письма В. Архипова, зам. министра обороны СССР, Председателю Центральной Комиссии по использованию гуманитарной помощи Л.А. Воронину «О распределении гуманитарной помощи». 16 января 1991 г. 19 января 1991 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1028. Л. 44, 45.

¹⁵ И. Полозков, первый секретарь ЦК Компартии РСФСР, Президенту СССР М.С. Горбачеву, премьер-министру В.С. Павлову 21 марта 1991 г. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 562. Л. 16.

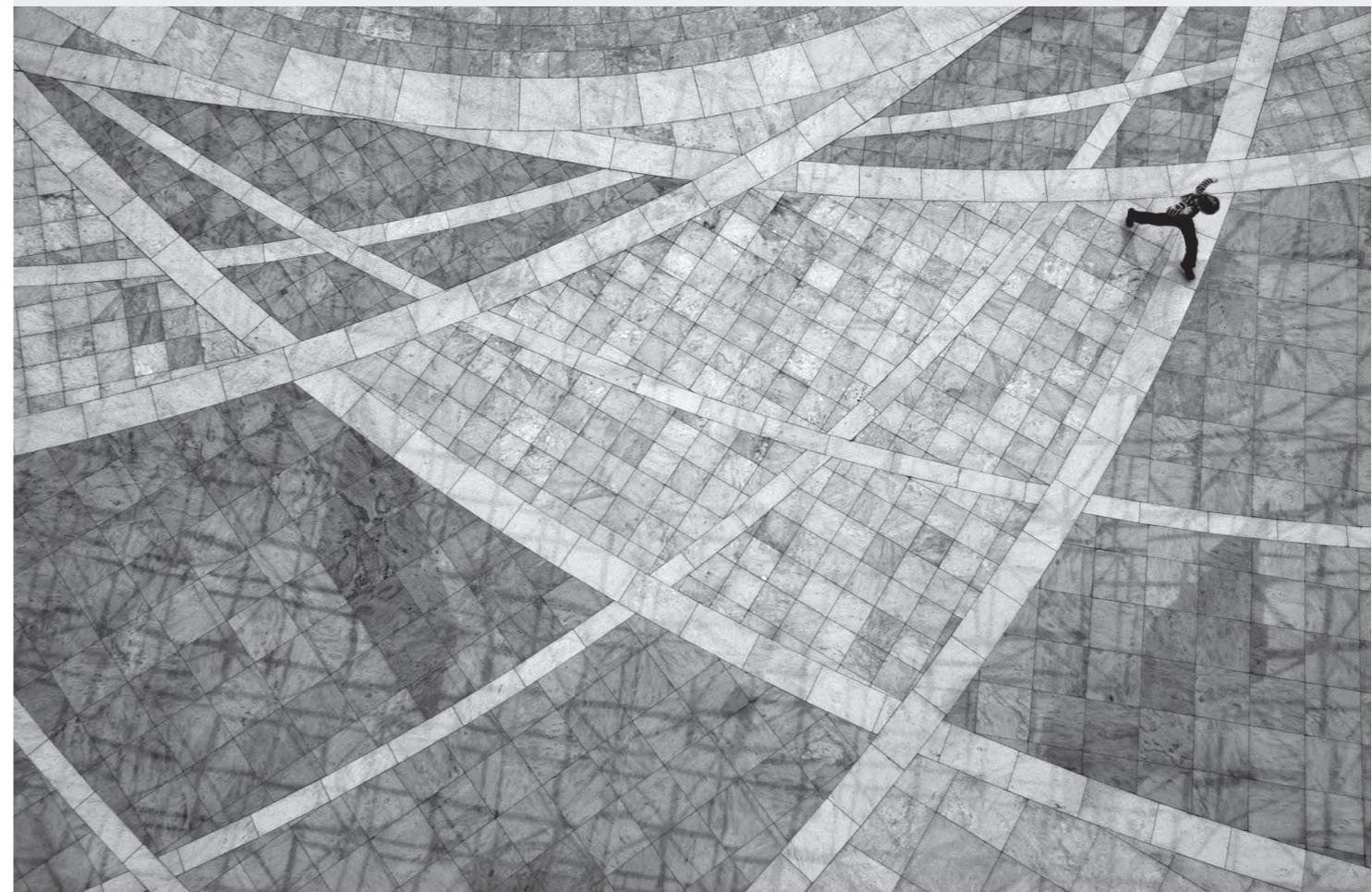
¹⁶ А.С. Черняев. Дневник помощника Президента СССР. М.: ТЕРРА, Республика, 1997. С. 124.

¹⁷ В. Акулинин (Отдел агропромышленных отраслей) тов. Павлову В.С. О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. 18 марта 1991 г. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 560. Л. 16.

¹⁸ *Matlock J.F.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Soviet Union. New York: Random House, 1995. P. 231, 339. ■ □ ■

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

...разразившийся три года назад кризис евро революционизировал общую политику Европы: основные политические партии стали бороться за свое существование; те же, которые считали себя частью европейского ядра, ощутили себя находящимися на его периферии; в самом сердце Европы возник огромный вакуум.

© Фото: А. Зверев

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЭКСПЕРТЫ
О КРИЗИСЕ В ЕС

Ксения ВЛАСОВА

Недавно Европейский совет по международным отношениям опубликовал на своем сайте обширный аналитический труд коллектива европейских авторов*, которые приглашают нас переосмыслить наши представления о текущем кризисе и его возможные последствия для интеграционного процесса в Европейском Союзе. Приглашенные ученые и эксперты попытались определить, каково сегодня соотношение сил сторонников и противников евроинтеграции в различных государствах Евросоюза, а также задуматься об имеющихся возможностях поиска приемлемых решений по выходу из кризиса и вероятных преградах на этом нелегком пути.

Большинство из них отмечает, что разразившийся три года назад кризис евро революционизировал общую политику Европы: основные политические партии стали бороться за свое существование; те же, которые считали себя частью европейского ядра, ощутили себя находящимися на его периферии; в самом сердце Европы возник огромный вакуум. В силу сложившихся обстоятельств становится очевидным, что идея мультискоростной Европы, основанной на идее, что все государства-члены идут к общей цели, уже невозможна. Поэтому внутри стран Европейского Союза среди еврооптимистов и евроскептиков возникли новые столкновения, которые, как правило, касаются четырех различных проектов европейской интеграции.

Первый проект касается создания единой зоны евро, которая предполагает возникновение интегрированного банковского союза, наличие налоговой консолидации и установление мер, предполагающих возможность принятия объединенных политических решений. *Второй проект* — это создание единого рынка для спасения еврозоны. Полный распад еврозоны может уничтожить евро, в то время как большой скачок в направлении политического союза может сжать единый рынок, а такие страны, как Великобритания или Швеция, могут выйти из ядра Европы. *Третий проект* — о воссоединении Европы через расширение и политику соседства, основанной на идее трансформации нестабильных соседей через открытые рынки и прозрачные границы, также является жертвой жесткой экономии и политики времени кризиса. *Четвертый проект* исходит из «идеи глобальной Европы», согласно которой европейские страны объединят свои коллективные экономические, дипломатические и военные средства, чтобы занять ведущее место в мире, а не просто реагировать на решения, принятые в Вашингтоне или Пекине. Очевидно,

реализовать это будет гораздо труднее, если глубокая интеграция в еврозоне идет рука об руку с близоручкой политикой самостоятельной маргинализации, что в настоящее время, например, проводит нынешнее британское правительство.

Небывалый за последние годы рост скептических настроений вокруг общего европейского будущего позволяет экспертам утверждать, что внутри Европейского Союза возникла новая политическая география, которая перекроила давно существующие границы и внутри каждого европейского государства, и между странами. Согласно проведенному исследованию, современная перетасовка политической географии Европы происходит, по крайней мере, в четырех направлениях.

Во-первых, на уровне элиты: прежние политические силы из-за разразившегося кризиса оказались под огромным давлением и в настоящее время заменяются новыми политическими лидерами вне существующих партий либо популистскими движениями, характеризующими себя как «кококризисные».

Во-вторых, деление происходит между периферией и ядром: те страны, которые считали себя находящимися в центре Европы, ощутили собственное бесправие. Параллельно с этим процессом разделение произошло и между странами-кредиторами, и между странами-должниками.

В-третьих, в основном ядре Евросоюза наметился огромный разрыв. Хотя новый центр силы сместился из Брюсселя в Берлин, это не всегда приводит к более последовательной, не говоря уже об иерархической, системе управления. Потенциально непреодолимая пропасть возникла также между Парижем и Берлином, и хотя Германия в настоящее время подтвердила свою идентичность как проевропейское государство, она по-прежнему выглядит как «власть без цели». В то же время многочисленные европейские акторы рады наложить вето на любые предложения по выходу Европы из кризиса, что не позволяет всем 27 государствам — членам Евросоюза прийти к консенсусу по какому-либо единичному вопросу, не говоря уже о решении общих глобальных проблем.

Всё это приводит исследователей к последнему, четвертому наблюдению: единое комплексное видение европейской интеграции у Европейского Союза как целостного объединения стран отсутствует напрочь. Термин «политический союз» вошел в европейский дискурс, но пока единого мнения о его значении и полезности не наблюдается. Так, некоторые опасаются «еженедельного» подтверждения из

Брюсселя или Франкфурта о том, что именно следует парламентариям других стран принять в течение предстоящей недели в своем собственном государстве. Другие, в свою очередь, жалуются на хрупкость европейского центра, который не в состоянии защитить их от более сильных государств и финансовых спекулянтов. Кроме того, в настоящее время в отдельных секторах были приняты краткосрочные решения, которые не могут составить единого целого и стимулировать энтузиазм граждан или рынков.

Перетасовка элит

С точки зрения ряда исследователей, рост скептических настроений в Евросоюзе и перетасовка политической географии на уровне национальных элит особенно заметны в таких традиционно проевропейских странах, как Германия, Греция и Финляндия.

По мнению греческого автора Г. Пагулатоса, к весне 2012 г. на 14 % больше греков считало Европейский Союз скорее «плохой», нежели «хорошей» идеей: разрыв между положительной точкой зрения на Евросоюз по сравнению с отрицательным отношением к нему, за последние два десятилетия достиг своего исторического максимума и составил более 60 %. Поэтому становится неудивительным тот факт, что традиционные проевропейские партии Греции (такие как ПАСОК) понесли тяжелые потери во время выборов в мае 2012 г., в то время как левые радикалы (СИРИЗА) и правые националисты («Хриси авги», или «Золотая заря») одновременно неплохо показали себя. СИРИЗА в четыре раза увеличила свою долю голосов на последних выборах и стала второй по численности партией в Греции после «Новой демократии».

Однако Греция не — единственная страна, где новые партии увеличили свой политический капитал во время предвыборной кампании, нацеленной против нынешней политики Европейского Союза. Большинство традиционных партий пытались выжить в политической травле от таких «новых малышей в блоке» («new kids on the block»), как нидерландская «Партия свободы», «Партия настоящих финнов», «Датская народная партия», английская «Партия независимости» или итальянское «Движение пяти звезд». Их реакция часто носила антиевропейский характер и была направлена на критику собственного правительства за его чрезмерно проевропейскую позицию. Например, в Финляндии в июне 2012 г. после саммита, посвященного еврозоне, основные партии в парламенте об-

винили собственное правительство в превышении его полномочий в связи с использованием средств Европейского механизма стабильности (исследование финского автора Т. Тиликайнен). В свою очередь, в Нидерландах некоторые ведущие партии в парламенте приняли декларацию, требующую, чтобы правительство не вручало Брюсселю какую-либо часть своего национального суверенитета и не продвигалось к какой-либо форме политического союза (мнение голландских экспертов А. Шоты и Я.М. Вирсмы).

Тем не менее, по мнению немецких и французских авторов, в Германии и Франции правящие партии пока не находятся под влиянием новых антиевропейских идей. Однако становится очевидным, что общественность этих стран не желает принимать некоторых ключевых европейских политиков и предлагаемые ими проекты. Данные опросов общественного мнения показывают, что 51 % немцев предпочли бы покинуть еврозону, а один из опросов показал, что 77 % голосов направлено против «более тесной интеграции». Фактически «Пиратская партия» в Германии вскоре может стать еще одним «новым малышом в блоке», отобрав голоса у традиционно проевропейских, давно устоявшихся немецких партий (исследование немецкого ученого У. Гиро).

Исследователи приходят к заключению, что существующие общественные настроения с возвращением стабильности и роста могут измениться, а критика некоторых европейских политиков не должна рассматриваться в качестве оппозиции идее европейской интеграции так таковой. Из чего следует вывод, что ведущие политические партии вполне могут заниматься антиевропейской риторикой, однако до тех пор, пока они придерживаются европейских рамок для решения текущих проблем. Успех новых партий не обязательно связан с критикой Европейского Союза, скорее, просто с общим недоумением ведущих партий и с соответствующей национальной политической атмосферой.

Сокращение европейского ядра и разрастание периферии

Евросоюз всегда отличался своим многообразием, однако европейский кризис создал новые разногласия между государствами-членами ЕС: теперь разделение Европы происходит между ее ядром и периферией. Европейские лидеры уже отказались от идеи, будто бы все государства — члены Евросоюза между собой равны, и фактически призна-

ли, что существует увеличивающийся раскол, который ведет большинство наций — даже большие страны и членов-учредителей — от европейского ядра к периферии в процессе принятия решений. Существование внутри или вне общей системы уже не кажется вопросом суверенного выбора, а проистекает из различного рода уязвимости и дискриминационной политики. Термин «периферия» применительно к полноценным государствам-членам Европейского Союза в настоящее время очень часто используется в политическом дискурсе, порождая страх и недоверие. И это, очевидно, делает чрезвычайно трудным поиск совместного комплексного решения для выхода из нынешнего кризиса и перемещения интеграционного проекта в нужное русло.

Бюджетный пакт Европейского Союза был разработан странами-кредиторами для дисциплинированности стран-должников — но фактически без участия последних. Государства-кредиторы с гордостью назвали себя «тройкой стран», апеллируя к наивысшему рейтингу основных кредитных рейтинговых агентств, и дали странам-должникам униженный акроним «государства-PIGS», который формально относится к экономике Португалии, Италии, Греции и Испании. Таким образом, де-факто Евросоюз стал играть роль палача для государств-кредиторов, тем самым подрывая позиции проевропейских политиков в государствах-должниках.

Анализ итальянских экспертов М. де Андрица и С. Франческо показывает, что даже такой член-учредитель одной из крупнейших экономик в Европе, как Италия, был помещен в «политическое управление доходами». Они показывают, как кризис евро в Италии, усугубленный внутренней жесткой экономией и реформами в конце десятилетнего болезненно низкого роста, ослабил любые возможные связи между Европой и развитием Италии, а у крупных итальянских компаний наметились отрицательные тенденции их дальнейшей экономической перспективы. Еще более ухудшило бы ситуацию возвращение на политическую арену Сильвио Берлускони с его антинемецкой и антиевропейской риторикой, которая рискует еще больше отдалить Италию от континентального мейн-стрима.

Статья испанских авторов Х.И. Торребланка и Х.М. де Арейлца демонстрирует, что и Испания — другая крупная и богатая страна ЕС — оказалась буквально стиснутой многочисленными проблемами. Европейский Союз продолжает оказывать давление на страну для обеспечения дополнительных мер жесткой

экономии и выполнения формальных показателей по сокращению дефицита. В то же время меры жесткой экономии мешают экономическому росту Испании, требуя такого сокращения ее национального долга, что страна может оказаться в дефляционной спирали. Наблюдая отеснение предлагаемых сокращений на здравоохранение, пенсии и образование, испанское общество параллельно с этим демонстрирует признаки волнения. И, что еще хуже, многие представители каталонской политической элиты, «обижаясь» на потерю популярности, связанную с жесткой экономией, присоединились к сепаратистскому лагерю.

Значительные тревоги наблюдаются и за пределами еврозоны. Чехия и Великобритания отказались подписать «Бюджетный пакт ЕС», наложив на него вето. Кроме того, чиновники обеих этих стран намерены добиваться пересмотра своих позиций в Евросоюзе и передачи некоторых полномочий обратно из Брюсселя в национальные столицы (как показывает статья чешского автора П. Друлака, Чехия уже попросила Европейский совет отказаться от «Хартии Европейского Союза по правам человека»).

Новички Евросоюза, такие как Польша и Болгария, не ограничиваются ростом евроскептицизма, однако опасаются, что развивающаяся тенденция Европы двух или более скоростей будет относить их к периферии. Польша и Болгария подписали «Бюджетный пакт ЕС», но в связи с неполным выполнением необходимых критериев приема по вступлению в еврозону они чувствуют себя более уязвимыми вне зоны единой валюты. Тот факт, что переговоры по поводу будущего еврозоны не особенно прозрачны, увеличивает их чувство подозрительности и неуверенности. И, как показывает исследование болгарского эксперта Д. Смилова, наступление кризиса в Европе обнажило в Болгарии «комплекс неполноценности», что вызвало тревогу от положения ее неполного членства, поскольку Болгарии не хватило времени почувствовать все преимущества от своего вступления в Евросоюз до начала кризиса.

Польша и Болгария считают, что планы создания отдельного бюджета еврозоны имеют целью лишить их доступа к ресурсам Европейского Союза и к ключевым решениям Европарламента. Вот почему у этих стран нет никаких сомнений, что положительных решений относительно будущего еврозоны не существует, и это, конечно, может сказаться на их собственном благополучии: ведь большая часть банков и инвесторов, действующих на болгарской и польской территории, происходит из еврозоны. И вот по-

чему Болгария и Польша видят дальнейшую интеграцию без единого валютного пространства как шаг на пути создания новых разделительных линий в Европе. Первоначально же они решительно поддерживали проект интеграции, поскольку речь шла о преодолении разногласий в Европе. Однако теперь и Болгария, и Польша обнаружили, что дальнейшая интеграция фактически может намеренно или неявно генерировать новые барьеры между государствами-членами Евросоюза.

Ядро, которое невозможно удержать

Еще более тревожны для будущего Европы те трещины, что возникли в его центре. Наиболее важные решения, одобренные в течение последних двух лет, были приняты фактически без участия Европейской комиссии или Европейского парламента. Европейский совет и президент больше присутствовали в коридорах власти, но главным образом в роли почтальонов, доставляя сообщения из одной европейской столицы в другую. По сути, Европейский центральный банк и даже Международный валютный фонд были более влиятельны, нежели любой из институтов в Брюсселе.

Германия была воспринята многими как ключевой игрок, но, как показывает исследование немецкого аналитика У. Гиро, она воспринимается скорее жертвой неправомерного поведения других государств, нежели лидером, навязывающим свою волю другим. Хотя правительство Ангелы Меркель неоднократно говорило о дальнейших шагах в направлении интеграции и политического союза, но важнейшие детали этих предложений до сих пор неизвестны. Что неудивительно, принимая во внимание текущие общественные настроения в Германии и предстоящие парламентские выборы. Недавний опрос общественного мнения в Германии показал, что 70 % немцев не хотят создания «Соединенных Штатов Европы», при этом большинство из них также предпочитают, чтобы Германия вообще покинула еврозону. Другие институты немецкого государства, такие как Центральный банк или Конституционный суд, вообще не в восторге от дальнейшей интеграции, в отличие от Меркель и ее министров в составе нынешнего коалиционного правительства. Вне всякого сомнения, немецкие мандаты являются проевропейскими, однако «Европа Германии» и «Европейский Союз» синонимами не являются. Чтобы справиться с кризисом, Берлин полагался на двустороннюю дипломатию, а не на об-

щие европейские институты. Роль Европейского совета главным образом была сведена к озвучиванию клише, которое предлагает немецкое руководство. Кроме того, наибольшее беспокойство в Германии вызывает то, что нет ощущения как-то управлять соответствующим воздействием на страны-должники. Меркель говорит о «политическом союзе», однако на самом деле она хочет изъять экономику из национальной политики и закрепить основные решения в определенной последовательности. В результате ее основные предложения сводятся к более жестким правилам, аскетизму и введению санкций, нежели к гибкости и стимулам (хотя в последнее время ведутся разговоры о финансовых средствах для поддержания конкретных реформ).

Позиция Германии подкрепляется мнением таких небольших, но богатых государств, как Нидерланды, Финляндия и Австрия. Однако до сих пор они действовали больше как игроки с правом вето, чем как конструктивно мыслящие партнеры, способные предложить общеевропейский путь выхода из кризиса. Они также считают, что Германия слишком мягко относится к странам «коррупцированного Юга». Это не могло не разочаровать тех европейских лидеров, которые настаивали на политике, направленной на стимулирование экономического роста и ратующей за более щедрые финансовые взносы из таких богатых европейских государств, как Германия.

Франция традиционно считает себя европейским лидером, но, как показывает анализ французского исследователя Т. Кло, президент Франции Франсуа Олланд еще выскажет свое мнение относительно дальнейшего развития Европы и собственное видение будущей политической формы континента. Кажется, Олланд убежден, что ни одна реформа европейского договора в настоящее время не может быть решена без проведения пробного референдума во Франции, поэтому он так сопротивляется оказываемому давлению со стороны немцев. Напротив, президент выступает за то, что он называет *intégration solidaire*, утверждая, что дальнейший путь в еврозону и Европейский Союз должен быть постепенным процессом глубокой политической, экономической и социальной интеграции, а новые формы наднациональной солидарности (такие как евробонды) должны быть первоначально согласованы, а затем институционально изменены. Это полная противоположность видению Меркель, которая настаивает на институциональных изменениях до введения новых наднациональных форм солидарности.

Еще не столь давно Италия и Испания были в состоянии повлиять на ход европейской политики. Однако сегодня оба эти государства в результате финансового кризиса ослабли и не в состоянии эффективно аргументировать свою позицию. Обе страны кажутся разочарованными немецкой настойчивой политикой жесткой экономии, но они не могут противостоять Германии через баланс силовой политики (или «коалиции проигравших»), ибо им необходимо сотрудничество с немцами, чтобы выйти из кризиса. Таким образом, политика в центре еврозоны зашла в тупик.

Поиск приемлемого проекта

Гельмут Шмидт однажды сказал: «если у вас есть видения, если вам кажется, — следует проконсультироваться с психиатром», и нынешние европейские лидеры в целом придерживаются его тезиса. Каждое европейское правительство в большей степени руководствуется прагматизмом, нежели идеологией. По мнению авторов, проблема заключается в том, что политика даже небольших, но последовательных шагов может работать только тогда, если она руководствуется определенным чувством направления. Картина, складывающаяся после исследования, проведенного экспертами Европейского совета по международным отношениям, показывает, что европейские лидеры все еще не потеряли направления, по которому они двигались в течение последних десятилетий. Эксперты предлагают несколько последовательных ответов для запутавшейся и нетерпеливой общественности. Представленное понятие «политический союз» зыбко и неопределенно. Индивидуальные решения по преодолению кризиса рассматриваются в качестве руководства для решения национальных проблем, а не для достижения какой-либо общеевропейской цели. Похоже, современным лидерам не хватает уверенности, смелости и воображения, чтобы направить Европейский Союз к каким-либо общим усилиям.

К сожалению, избежать более глубокого кризиса Европе не удастся. Рост в Европе требует не только жестких санкций, но и значительных стимулов.

Бремя урегулирования не могут взять на себя только государства-должники: страны-кредиторы тоже должны внести свою долю для корректировки. Разделительные линии в Европе могут быть преодолены, если новые программы сотрудничества будут открыты для всех государств, а не только для *некоторых* из них. Очевидно, требуется уважительное отношение к разнообразию и автономии отдельных государств — членов ЕС. Что также диктует подписание нового социального контракта между европейцами, а не просто еще одного межправительственного договора.

Эксперты попытались смотреть на Европу не с вершины европейской пирамиды, а с позиций всех европейских граждан, которые думают и голосуют, а выбранные ими представители пытаются оправдывать полученные мандаты. Это предполагает, что новому европейскому проекту необходимо будет сосредоточиться на проблемах, которые важны для обычных граждан, а не для элиты, работающей в «брюссельском пузыре». И это также допускает, что европейские лидеры должны попытаться создать структуру для всей Европы, а не только для еврозоны, показывая, как необходимый процесс интеграции в еврозону может быть совместим с другими европейскими видениями единого рынка размером с континент, с наличием умиротворенных соседей и сильным выводом может не привести к исполнению «великой исторической мечты», но может вдохновить на принятие последовательных действий на пути к лучшему европейскому будущему.

Примечание

* The New Political Geography of Europe // URL://http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR72_POLICY_REPORT_AW.pdf. Европейский совет по международным отношениям — организация, основанная в 2007 г. известными представителями европейских политических элит, стремящимися к усилению роли Европы в мировой политике. ЕСМО проводит анализ по актуальным темам внешней политики и безопасности и является первой панъевропейской фабрикой мысли, имеющей офисы в семи столицах Европы — Варшаве, Берлине, Лондоне, Мадриде, Париже, Риме и Софии.

Власова Ксения Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Европы РАН

© Текст: Ксения Власова

© Фото: А. Зверев

Алла ЯЗЬКОВА

ПОВИСШИЙ ВОПРОС: ЕВРО ИНТЕГРАЦИЯ ПРОЦЕСС ЭЛИТ ИЛИ НАРОДОВ?

В конце ноября 2013 года в Вильнюсе состоялся саммит Европейского Союза, который был призван активизировать программу «Восточное партнерство», объединившую шесть постсоветских государств — Азербайджан, Армению, Беларусь, Грузию, Молдову и Украину. Заявленная цель программы — содействие экономическому становлению и демократическому развитию этих стран, соблюдению в них прав человека и ликвидации негативных явлений — пренебрежение нормами закона, распространение коррупции и произвола чиновников. Предполагалось, что в ходе саммита Украина подпишет с Евросоюзом Договор об ассоциации, а Молдова и Грузия парафируют такие же договоры, т.е. окончательно согласуют их тексты. В вильнюсском саммите приняли участие также Армения, Азербайджан и Беларусь (последняя в качестве наблюдателя).

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

Многие международные наблюдатели считают вильнюсский саммит «саммитом несбывшихся надежд». Главной его неудачей стал отказ президента Украины Виктора Януковича подписать Договор об ассоциации, что было расценено европейскими лидерами как «результат давления Москвы». И хотя Россия действительно усматривала в действиях Евросоюза попытку не согласованного с нею геополитического продвижения в исторически и географически близкий ей регион, вильнюсский саммит оказался непродуктивным не только по этой причине.

Для того чтобы понять сложившуюся вокруг подготовки и проведения саммита обстановку, стоит хотя бы вкратце обрисовать характер программы «Восточное партнерство», пути и методы ее формирования.

Первоначально эта программа была задумана как составная часть выдвинутой в 2004 г. Европейской политики соседства (ЕПС), цель которой состояла в том, чтобы по периметру Евросоюза формировались дружественные ему государства, демократически развитые и не представляющие угрозы для Европы. ЕПС была достаточно аморфной, включала в себя ряд стран Южного Средиземноморья, а также — наряду с ними — Россию и Турцию.

Весной 2008 года Польша и Швеция, развивая эту инициативу, предложили специальную программу для шести государств постсоветского пространства, в которой детализировались бы задачи их постепенного приближения к нормам Евросоюза, т.е. были бы созданы хорошо управляемые, демократические, экономически свободных обществ, в которых соблюдаются права человека. Большая часть населения этих государств восприняла идею «вхождения в Европу» с энтузиазмом — правда, не совсем понимая, какие обязательства необходимо взять на себя, чтобы в своей повседневной жизни добиться установления европейских правовых и трудовых норм.

По поводу причин выдвижения этой программы высказывались различные суждения. Испанская «Паис» расценивала это как противовес инициированному Францией Средиземноморскому союзу, с тем чтобы равновесие в ЕС не нарушалось в ущерб интересам стран Центрально-Восточной Европы. Но были и другие мнения: главная задача, как она представлялась «одному западноевропейскому дипломату», состояла в том, чтобы посредством «мягкой силы» «заякорить шестерку, как к тому времени это уже удалось на Балканах»¹, и тем самым ослабить контакты этих шести стран с Россией.

Продвижению программы «Восточное партнерство» способствовали противоречия, возникавшие в отношениях России и ее партнерами по СНГ. Реальные формы программа обрела после вооруженного российско-грузинского конфликта 2008 г., когда Евросоюз выступил с резкой критикой военной акции России, «вышедшей за пределы необходимой самообороны». Зимой 2008 г. Евросоюз выступил также активным посредником в период «газовой войны» между Россией и Украиной. В мае 2009 г. на совместном саммите ЕС и шести приглашенных в программу «Восточное партнерство» государств было заявлено об учреждении этой программы.

Нельзя не заметить, что саммит был явно недооценен и проигнорирован лидерами крупнейших европейских государств (присутствовала только Ангела Меркель), не прибыли также президенты Беларуси и Молдовы — А.Лукашенко и В.Воронин. Приглашенные на саммит «восточные партнеры» были несколько разочарованы решением ЕС о выделении до 2013 г. всего 600 млн евро в качестве поддержки усилий всех стран «шестерки» по демократизации общественных отношений. Но решения по вопросу о постепенном смягчении и отмене в перспективе визового режима приняты не были. Не были объявлены и хотя бы приблизительные сроки интеграции наиболее успешных стран «шестерки» в ЕС, а в последующих документах неоднократно подчеркивалось, что программа «Восточное партнерство» вообще не предусматривает открытого пути к членству в ЕС.

По оценке посла Польши в РФ Войцеха Зайончковски, представленной в его интервью ИА Regnum (23.09.2011), программа «Восточное партнерство» построена по принципу ответных действий ЕС на конкретные достижения входящих в нее стран. При этом успех одной страны, как, например, Украины, которой уже тогда было предложено подписать Договор об ассоциации с ЕС и о всеобъемлющей и углубленной зоне свободной торговли, не должен ущемлять продвижения других стран.

Европейские аналитики замечали, что, в отличие от программы ЕПС и программы «Черноморская синергия», в «Восточное партнерство» не были приглашены ни Россия, ни Турция². И хотя очевидно, что обе эти страны имеют собственные программы сотрудничества с ЕС (Турция — ассоциированный член, Россия — стратегический партнер), в оценках их политиков сохранялась настороженность. Россия проявляла всё большую незаинтересованность в углублении сотрудничества постсоветских государств в

рамках программы «Восточное партнерство», а иногда даже оказывала на них и прямое давление, как это проявилось, например, во время визита в Молдову вице-преьера Дм.Рогозина. А советник президента РФ С.Глазьев не исключил ухудшения более чем объемных торгово-экономических отношений Украины с Россией — вплоть до отмены режима свободной торговли.

Отвечая на вопросы РИА Новости, постоянный представитель РФ при ЕС В.Чижов сказал: «Оснований для того, чтобы называть “Восточное партнерство” объединением, нет никаких. Это проект, инициатива ЕС, которая находится на простом этапе становления, сопряженном с немалыми трудностями». Он также заметил, что программа в шести странах-участницах воспринимается совершенно по-разному: «одни считают, что это политический инструмент, чтобы уйти от какого-либо ангажмента в отношении полного членства этих стран в ЕС, другие — что это попытка принудительно притянуть их к сотрудничеству с ЕС»³.

Ведущие же страны Евросоюза считали неприемлемыми те ограничительные меры, которые приняла Россия по отношению к Украине накануне вильнюсского саммита в связи с планами Киева подписать Договор об ассоциации с ЕС. В то же время лидеры Евросоюза, несомненно, понимали опасность обострения отношений с Россией, воспринимавшей «Восточное партнерство» как попытку «вторжения в сферу ее законных интересов». Так, министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле, заявив накануне вильнюсского саммита, что «Восточное партнерство» отнюдь не направлено против России, пригласил Россию к «совместному инвестированию в добрососедство и поддержанию стабильных демократических обществ, которые основываются на верховенстве права и работают в надежной бизнес-среде»⁴.

В пылу развернувшейся полемики не всегда учитывалось, что европейский вектор политики Украины, как и большинства других стран, включенных в «Восточное партнерство», стал очевидным уже в конце 1990-х гг., когда президент Леонид Кучма, выступая в 1998 г. на Парламентской ассамблее Совета Европы, заявил о стратегическом выборе в пользу Европейского Союза. Соответствующие шаги были предприняты также Виктором Ющенко и Юлией Тимошенко, и не случайно, что сегодня часть европейских политиков считают репрессивные меры против бывшего премьера Тимошенко препятствием на пути евроинтеграции Украины.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов не только позицию украинских политиков, но и фактор общественного мнения. Выступая в конце августа 2013 года в программе радио «Свобода», известный украинский журналист Виталий Портников рассказал об удивительной закономерности, которую продемонстрировали социологические опросы в Украине в преддверии вильнюсского саммита ЕС. Большая часть опрошенных не считает себя европейцами, но совершенно уверены в необходимости участия в европейской интеграции и с энтузиазмом воспримут Договор об ассоциации. В то же время значительная часть респондентов с таким же энтузиазмом восприняла бы подписание соглашения и с Таможенным союзом. А еще лучше было бы подписать соглашение и с Брюсселем, и с Москвой. Стало быть, считает, В. Портников, в украинском обществе пока еще идет дискуссия о *выгодах*, а не о *ценностях*, и это означает, что у населения ещё не сформировалась устойчивая идентичность⁵. Тем не менее опыт беспрецедентных массовых выступлений, развернувшихся в Киеве, Львове и ряде других городов Украины, после того как В.Янукович отказался подписать в Вильнюсе Договор об ассоциации с Евросоюзом, показывает, что большинство украинской общественности предпочитают европейский путь развития.

Помимо Украины, в центре внимания вильнюсского саммита оказались Грузия и Молдова.

Еще в конце июня 2013 г. Грузия успешно завершила переговоры с Евросоюзом о зоне свободной торговли и была готова начать переговоры по соглашению об ассоциации, однако нарастание внутриполитических противоречий накануне президентских выборов заставил Европейский Союз понизить уровень переговоров до обсуждения зоны свободной торговли и парафирования соглашения об ассоциации.

По оценке министра иностранных дел Майи Панджикидзе, парафированный в Вильнюсе Договор об ассоциации позволит Грузии стать частью общеевропейского экономического пространства, поскольку Грузия станет более привлекательной для иностранных инвесторов, которые затем смогут пользоваться рынком всего Евросоюза⁶.

Российские же эксперты оценивали значение этого события несколько иначе, указывая, что когда в соответствии с такого рода соглашением снимаются барьеры, выигрывает не каждый, а только те, кто готов поставлять товары лучшего качества и по более

низким ценам. Если же экономика неконкурентоспособна, как это было, например, в Болгарии, то такого рода соглашение может разорить местных производителей и повлечет за собой заполнение рынка европейскими товарами.

Так же как и в случае с Украиной, нельзя не учитывать фактор общественного мнения, которое в Грузии в своем большинстве склоняется к европейскому пути. Как уже отмечалось, мощным катализатором для развития программы «Восточное партнерство» стал (и не только для Грузии) вооруженный конфликт 2008 г., который, по оценке экспертов Института современной России, всерьез озадачил и постсоветские государства, и Евросоюз, показав, что в отстаивании своих интересов Россия может пойти достаточно далеко⁷.

Поэтому подписание (или парафирование) соглашения с Грузией, по понятным причинам, имеет не только экономический, но и весьма существенный политический подтекст, и об этом неоднократно заявлял экс-премьер-министр Грузии Бидзина Иванишвили. В то же время в начале октября 2013 г. на встрече с представителями комитета по политике и безопасности Совета Евросоюза он также подчеркнул, что для Грузии очень важно, чтобы Евросоюз вел с Россией интенсивный и принципиальный диалог. Сближение стран «Восточного партнерства» с Евросоюзом не должно восприниматься Москвой как политика, направленная против России.

На саммите в Вильнюсе текст Договора об ассоциации был парафирован также и Республикой Молдова. В этой связи вопрос ее внешнеполитической стратегии стал темой «номер один» текущего, 2013 года. В программах партий, входящих в правящую коалицию (ЛДПМ, ДПМ), пункт о евроинтеграции обозначен как принципиально важный, наряду с неоднократно повторенными утверждениями о том, что территория Молдовы должна стать не полем конфронтации, а местом сближения Запада и Востока.

По оценке молдавских аналитиков, Республика Молдова, географически являясь частью Центральной Европы и так называемым «европейским пограничьем», раньше других постсоветских государств восприняла перспективы «вхождения в Европу». И хотя экономика ее основных, правобережных районов преимущественно аграрная, в то же время страна сумела продемонстрировать некий образец европейской политической культуры, будучи единственной на постсоветском пространстве, где президент и парламент на протяжении последних двадцати лет сме-

нялись законным путем, на основе электорального предпочтения граждан.

Сказанное, по-видимому, и позволило европейским политикам провозгласить Молдову флагманом «Восточного партнерства». В то же время в беседе с еврокомиссаром Штефаном Фюле бывший премьер-министр Молдовы Владимир Филат заметил, что «евроинтеграция Молдовы — процесс элит, а не народа», и последние события показывают, что он был прав. «По мере приближения Вильнюса молдавское общество все более раскалывается», — отмечала газета «Панорама». На уровне обыденного сознания граждан все более тревожат возможные санкции со стороны России — запрет экспорта вин и сельхозпродукции, введение виз для трудовых мигрантов, которых в России насчитывается более ста тысяч, и возможная их депортация, и наконец потеря Приднестровья.

Накануне вильнюсского саммита в Молдове активизировалась деятельность социал-демократической и коммунистической партий (СДПМ, ПКРМ), организовавших массовые акции против отказа властей провести референдум о вступлении республики в Таможенный союз. Партия коммунистов (ПКРМ) выступает против участия Молдовы в программе «Восточное партнерство», хотя в 2002 г. именно ее лидер В.Воронин провозгласил курс на евроинтеграцию. Сегодня же ПКРМ объявляет «Восточное партнерство» «вильнюсским сговором» и попыткой провести «новые разделительные линии на Европейском континенте».

Молдова парафировала на саммите в Вильнюсе «Соглашение о свободной торговле», но при этом еврокомиссар Шт. Фюле заявил, что это не должно означать, что она отказывается от восточного рынка и трудовой миграции в Россию, добавив, что евроинтеграция не должна быть «процессом элит» и следует учитывать интересы всего общества. Он также упомянул, что еще в начале сентября 2013 г. Европарламент принял резолюцию, где было сказано, что Россия должна уважать право стран — членов «Восточного партнерства» самим выбирать, будут ли они подписывать договоры об ассоциации с Евросоюзом, и воздерживаться от давления на Украину и Молдавию в виде экономических санкций или на Армению — в виде прямых угроз⁸.

На состоявшемся 28–29 ноября в Вильнюсе саммите подтвердились ранее высказанные прогнозы и опасения по поводу целого ряда проблем, затрудняющих продвижение программы «Восточное партнерство».

В наиболее сложном положении оказалась Армения, испытывающая на себе постоянный прессинг конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Как известно, по итогам состоявшихся 3 сентября в Москве переговоров Сержа Саргсяна с Владимиром Путиным президент Армении заявил, что Армения не будет парафировать договоры с Евросоюзом, а, напротив, вступит в Таможенный союз (ТС) и впоследствии будет участвовать в формировании Евразийского экономического союза.

Вскоре после этого российская деловая газета «Взгляд» опубликовала подсчитанные Евразийским банком выгоды, которые получит Армения от вступления в ТС (снижение со 270 до 180 долларов цен на поставляемый Россией газ, положительная динамика по поддержке армянских трудовых мигрантов, отмена пошлин и другие льготы). По мнению же ряда экспертов, такое решение было продиктовано не столько экономическими соображениями, сколько тем, что вновь возможно обострение конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Выступая на вильнюсском саммите, президент Армении С.Саргсян, тем не менее отметил, что главной целью Армении является разработка таких действенных механизмов с ЕС, которые, с одной стороны отражали бы глубокий характер двусторонних социально-экономических и политических отношений, а с другой — совместимы с другими формами сотрудничества. Он также заметил, что пятилетняя история программы «Восточное партнерство» свидетельствует о необходимости и жизнеспособности данного формата⁹.

Что же касается Азербайджана, то, не отказавшись от участия в вильнюсском саммите, он занял особую позицию, исходя из характера своих взаимоотношений со странами Евросоюза в сфере поставок энергоресурсов, и тем не менее подписал предложенное ему соглашение об облегчении визового режима. Как отмечают российские аналитики, Азербайджан не против Европы, просто ему не нужна такая интеграция, которая хотя бы теоретически могла

поставить под сомнение экономическую и политическую монополию режима¹⁰.

Пока еще рано подводить итоги саммита в Вильнюсе, но уже сейчас очевидно, что его результатом стало начало перемен в регионе Восточной Европы, о чем свидетельствуют кардинальные сдвиги в массовом сознании наиболее крупного и значимого регионального государства — Украины.

Брюссель был бы готов подписать с ней Договор об ассоциации на любых условиях даже после окончания саммита, ссылаясь на массовую поддержку идей евроинтеграции населением. Но оказать Украине фундаментальную поддержку в условиях нарастающего экономического кризиса из-за потери российских рынков Евросоюз не готов.

Потери российских рынков не только Украиной, но и другими странами «Восточного партнерства» Евросоюз возместить не может хотя бы потому, что их доля во внешней торговле стран ЕС крайне незначительна (по данным Евростат, в 2012 г. она составляла 2,3% по экспорту и 2,0% по импорту). Из этого следует, что возникшие после Вильнюса проблемы носят преимущественно политический характер и что их решение может быть достигнуто путем политических переговоров с участием всех сторон, в том числе и России.

Примечания

¹ <http://www.alleuropa.ru/index.phpview=article&catid+62+2011-06>

² ISBSS, Policy Brief #12, February 2009, p.3

³ <http://www.yerkramas.org/3013/03.21>

⁴ <http://www.newsgeorgia.ru.world/2013.10.11/215945982.print.html>

⁵ <http://www.svoboda.org/articleprintview/25090957/html>

⁶ <http://www.georgiatimes.info/news954457.html>

⁷ <http://inrussia.org/30.09.2011>

⁸ <http://www/regnum.ru/news/170687.html>

⁹ <http://www.regnum.ru/news/1739043.html>

¹⁰ «Новая газета», 02.12.2013.

© Текст: Алла Язькова

© Фото: В. Яровичко мл.

Перед вами несколько подборок русских американских писателей, а прежде всего поэтов. Так как, все представленные в данной рубрике — поэты. Что, вероятно, и будет заметно при прочтении. Авторы разных поколений — Григорий Стариковский (Нью-Йорк), Александр Стесин (Нью-Йорк) и Наталья Резник (Колорадо) — молодые, тридцати-сорокалетние, известный московский поэт (Клуб «Поэзия») Владимир Друк (Нью-Йорк) — пятидесятилетний. Ленинградские поэты Владимир Гандельсман (Нью-Йорк), Григорий Марк (Бостон) и москвич Андрей Грицман (Нью-Йорк), «по градусу» — за шестьдесят. Материалы, представленные здесь, совсем не обязательно «об Америке», но объединяет этих очень разных русских авторов то, что все они давно живут и пишут в Америке. А также то, что для них жить и писать — примерно одно и то же. Более внимательный читатель, вероятно, сможет заметить какие-то черты письма, чувства, *sensibility*, «вектора», более характерные для писателей дальней Диаспоры, как теперь говорят. А если и нет, это просто хорошие стихи и проза. Включены также два эссе выдающихся американских писателей. О них подробнее сказано в моей врезке. Бэрн Уормсер, известный американский поэт, глубокий из Новой Англии, с интересной оценкой положения поэзии в Америке. Кармен Фиран, как и я, начала писать по-английски в США и является одним из ведущих авторов нашего племени — американских поэтов «с акцентом».

Андрей Грицман

ПОЭЗИЯ – вербальное ИСКУССТВО

БЕСЕДА:

Андрей Грицман
«Интерпоэзия», Нью-Йорк*

Алена Бондарева
«Читаем вместе. Навигатор в мире книг», Москва**

В литературном мире русско-американский поэт и эссеист Андрей Грицман (р. 1947) известен хорошо. Его поэзия — явление сложное и со стилистической точки зрения ни на что не похожее. Одним читателям интересна его работа с языком (вернее, языками: Грицман пишет и по-английски, и по-русски), другим — эксперименты с ритмом и рифмой как в пределах отдельной строфы, так и в границах целого поэтического текста. Третьи и вовсе следят за иной стороной его поэтической деятельности — 11 лет назад Грицман основал поэтический журнал «Интерпоэзия», став его бессменным главным редактором.

* <http://magazines.russ.ru/interpoezia/>

** <http://www.chitaem-vmeste.ru/>

ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ

АБ: Помимо прочего вы еще работаете врачом-патологом, занимаетесь диагностикой онкологических заболеваний. Ваша поэзия рождается из стресса? Или эти состояния не взаимодействуют?

АГ: Тут важны две вещи. Первая — тематика: пишу ли я о медицине и связываю ли поэзию с ней? Вторая — физиология творчества, которая меня очень интересует, неважно, идет речь о поэзии или прозе. Кажется, Бальзак, чтобы написать хотя бы страницу, должен был ставить ноги в таз с очень горячей водой. Другие писатели выпивали убийственное количество кофе.

АБ: Или абсента.

АГ: Или абсента. Так вот, тематически — медицина не влияет на мои стихи. Медицина и поэзия для меня совершенно разные вещи. Я надеваю белый халат, операционную одежду или галстук в зависимости от того, как проходит данный день — и это одна моя жизнь. Стихи — другая... Единственное сознательное пересечение: я иногда использую медицинские и не «поэтические» термины, напрямую связанные с моей специальностью. Особенно важны описания текстуры, фактуры материала (собственно, то, чем я занимаюсь ежедневно): шероховатые, глянцевиные, пузырчатые и так далее. Если вы заметили, физические описания очень важны для моей поэзии. Одна из моих любимых поэтических строк: «Лист смородины груб и матерчат».

Что же касается физиологии творчества, тут все зависит от периода. Стихи можно писать фрагментарно: на экране компьютера мерцают два-три русских или английских текста, а можно трудиться над ними весь рабочий день. На консультации, на совещания я беру с собой начатое стихотворение и занимаюсь им на ходу. Если речь идет о прозе или большом эссе, то принцип работы другой. Сначала я собираю материал, делаю наброски, и только потом пишу, как правило, в свободное время. И хотя я пишу разные тексты, считаю себя лирическим поэтом. И поэзия моя, извините за высокопарность, связана с жизнью души. Если удаляться в метафизику и философию, то в данной реинкарнации я занима-

юсь медициной, а моя душа живет обособленно, и по какой-то причине она не очень-то счастливая.

АБ: Но вы же сами говорили: внутренний конфликт с миром для поэта нормален, даже положителен, а внешний и не обязателен. «Поэзия возникает от трения»...

АГ: Совершенно верно. Свой жанр я называю эсхатологической лирикой. Как говорит замечательный поэт и мой друг Алексей Цветков: «Что бы и когда бы я ни писал, я всегда пишу о смерти». Конечно, искусство есть искусство, ты облакаешь произносимое в метафорическую форму. Но в основном я пишу потому, что не могу смириться с мыслью: однажды все исчезнет. Вот ты родился, встретил людей (я, например, привязчивый человек, для меня расставания болезненны), у тебя появились дети, любимые, близкие, а потом вдруг все кончается. Почему? За что?

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЭТА

АБ: Часто вы говорите и о том, что «работаете с голоса». Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

АГ: Если пишу эссе, то свои мысли диктую на диктофон (у меня простой микрокассетник). Для меня важно, чтобы проза на письме выглядела так, будто я рассказываю. Отчасти поэтому люблю жанр интервью: отвечая на вопросы, начинаешь генерировать новые идеи, придумывать метафоры. Со стихами я работаю только с голоса. Несколько раз прочитываю вслух, пытаюсь добиться свободного речевого потока. Поэзия — вербальное искусство, возникшее задолго до появления письменности. И я просто поддерживаю традицию. Стихотворение должно звучать так, будто это энергетическая выдача голосом.

АБ: А с чем связана неожиданная смена ритма в ваших стихах?

АГ: Ритм зависит от модуляции голоса. Например, мое стихотворение: «Я читал Чехова у постели матери в больнице для престарелых. / Короткие рассказы. Поздний свет несмелый / сочился сквозь окно — рама стояла на томике

Куприна» имеет и ритм, и рифму, однако построено так, что у читателя создается впечатление, будто ему рассказывают энергетически заряженную нерифмованную историю. Мне вообще неоднократно замечали: «У тебя здесь сбивка, ритмический слом, неправильное количество слогов». Но это не важно. Главное, чтобы строфа ложилась на голос. Пауза — тоже поэтический прием. И умолчания очень важны. Они являются органической частью ритмической структуры стиха. Поэтому недосказанность, перебивки ритма, возвращения — вполне оправданны. Так, в моей поэме «Хамсин» строфу тянет интонация. В принципе поэму можно завершить в любой момент, поставив рифму. Но строфа продолжается, потому что строчка за строчкой идет проговор, который и держит ритм то за счет образа, то за счет интонации. Однако не все поэты понимают важность умолчания.

В своей жизни я вел мастер-классы, участвовал во многих семинарах. Кроме того, я более десяти лет издаю журнал поэзии, и редакторский взгляд, и хватка дали мне определенные навыки. Могу очень быстро просмотреть поэтическую подборку и сделать вывод об авторе, достаточно одного неверного слова. Я не говорю об идиотской рифме «морозы — розы», чаще это более сложные случаи. Существует важное «но». Молодой поэт, обладающий потенциалом (и тем отличающийся от бездарности), часто объясняет уже сказанное. Допустим, он пишет: «я говорил об облаке, облако — это моя метафора, связанная с утраченной любовью» и так далее. Чем демонстрирует неверие в свои силы. Для поэзии важны темные места и чувство бездны, ощущаемые в тексте не из-за твоего неумения сказать, а из-за сознательной недоговоренности.

АБ: Лично мне нравится, когда в поэзии и прозе есть некая языковая тёмность, свидетельствующая о мастерстве автора. Но в то же время возникает вопрос: поэзия должна быть намеренно сложной и непонятной или же простой и доступной? Согласитесь, языковая тёмность сразу отсекает определенный круг читателей, далеко не каждый образованный человек «Улисса» осилит...

АГ: Это очень хороший вопрос, и на него нет однозначного ответа. Во-первых, поэт никому

ничего не должен — это главное условие. Автор отвечает только сам за себя. Во-вторых, сложность или простота стихотворения зависят от того, какие цели ставит пишущий и получается ли их достичь. С моей точки зрения, нельзя писать для читателя и стараться ему угодить. Конечно, есть юмористическая поэзия, поп-культура со своими стихами, такие жанры неизбежно ориентируются на зрителя. Но это разговор, скорее, о поэтической беллетристике. Если мы говорим все же о поэзии, то писать нужно так, как ложится. Например, когда я рассуждаю о сложных или страшных вещах, как художественный прием обязательно ввожу бытовые реалии — фактурные, понятные вещи. Я не люблю условных понятий — фиолетовые закаты или абстрактные ангелы. Символизм мне не близок. Думаю, язык нужно брать из той жизни, которую ты знаешь. Однако у поэзии есть несколько слоев. Первый и очевидный, все должно быть написано грамотно и хорошо. То есть человек должен уметь писать. Второй — автор внятно говорит о тревожащих его вещах. Женщина — о несчастной любви, смерти близких; мужчина — о конфликте с миром, или наоборот. Но важнее всего третий план, когда становится не совсем понятно, куда автор идет. И в таких стихах видно то, что я называю дыханием бездны. Как у Мандельштама в восьмистишиях: «И все растет вопрос: куда они, откуда, / И не ползет ли медленно по ним / Тот, о котором мы во сне кричим, / — Пространств несозданных Иуда» Также недопустимо пользоваться известным реквизитом. Опять же Осип Эмильевич сказал: «Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост: И до самой кости ранено / Все ущелье криком сокола — вот что мне надо». То есть странные, страшные, прорывные образы. А не узнаваемые и безопасные описания, которые нравятся читателям. Использовать подобное — верный признак графомании. К сожалению, на этом построены многие эмигрантские ностальгические стихи. Как будто нажимаешь кнопку: Россия, осина, береза, овраги, подернутые травкой, — все мило и предсказуемо.

АБ: В эссе «Ветер в долине» (<http://magazines.russ.ru/interpoezia/2012/4/g9.html>) вы пишете, что поэзия равна трансатлантическому рейсу, она же равна болезни, стихи равны городу. То

есть хоть вы и говорите, будто записываете свободный поток, в итоге все равно получается, что у каждого стихотворения есть своя жесткая структура. Только в хорошей поэзии она спрятана под внешней бессистемностью.

АГ: Совершенно верно. Вот, например, в стихах Бахыта Кенжеева порой нет четко выраженного ритма, его поэзия напоминает искусно выложенную мозаику. А Алексей Цветков хоть и не ставит знаков препинания, создает жесткие и структурно оформленные стихи. Но у Цветкова свой созданный язык — именно благодаря его странным словосочетаниям. В какой-то момент перестаешь думать о форме и переключаешься на содержание. Работая над верлибром, я убираю ненужные слова, длинноты, излишний нарратив.

ЯЗЫК — ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ

АБ: С чем для вас связан переход на другой язык? Что-то не может быть высказано в рамках русской поэзии?

АГ: Мой переход на английский произошел спонтанно. Раньше я никогда об этом не помышлял, хотя английский знал прилично. Просто в определенный момент я почувствовал, что это моя жизнь и моя судьба. Я — русский американец. Больше тридцати лет живу и работаю в Америке, там выросли мои дети. Много чего произошло, и все это — на английском языке. Кроме того, действительно, американский английский живет в Америке в пейзаже, в диалоге, в ритме. Поэтому мое «открытие Америки» произошло через стихи. Сейчас с американскими стихами у меня происходит то, что называется writer's block, период «неписания». По-видимому, это связано с тем, что восприятие и осознание фактуры американской жизни, — запахи, звуки, идиомы, то есть «физическая» сторона, — наработаны. Надеюсь, что в будущем откроется дверь в метафизику американской жизни и языка. Поэтому я теперь молчу, но читаю и слушаю (на аудиодисках) великих метафизиков американской поэзии — Роберта Фроста и Эмили Дикинсон.

АБ: Но американскими поэтами вы признаны?

АГ: У меня есть свое место в американской поэзии, — порядка сотни публикаций в журналах. Мои стихи вошли в несколько антологий американской поэзии. Я периодически выступаю, веду известную поэтическую серию чтений в одном из популярных артистических клубов Нью-Йорка.

АБ: Спросила, потому что вдруг подумала про Бродского. Вы же помните ту историю, когда выяснилось, что Бродский не смог сделать того же в американской поэзии, что сделал в русской...

АГ: Недавно я написал целое эссе об этом («Пятнадцать лет спустя», <http://magazines.russ.ru/vestnik/2013/36/g16.html>). Оно как раз рассказывает о том, кем Бродский стал для американской поэзии. Но в двух словах я могу сказать: Бродский — великий поэт и на русском, и на английском языке. У него встречаются прекрасные английские стихи. Например, «Transatlantic». Однако он не американский поэт. Его как последователя Одена и британской поэтической традиции американский английский, а вернее, реальность ежедневной американской культуры, по-моему, не очень интересовали. Бродский жил на поэтическом Олимпе, а оттуда не слышен разговор улицы. Но как у крупнейшего поэта у него, конечно, был свой стиль, нарратив в англоязычных стихах. И об этом говорили почти все крупные американские поэты, с которыми мне доводилось общаться. Себя же я с Бродским ни в коем случае не сравниваю. Однако я — американский поэт.

АБ: А в чем это выражается?

АГ: В американской поэзии, как и во всякой другой, есть свои направления. Существует академическая поэзия, ее пишут поэты, профессорствующие при университетах. Бродский сразу попал в этот круг. Но существует и другая поэзия: на Среднем Западе, в Новой Англии и Нью-Йорке. Последний — огромный культурный центр, там идет своя поэтическая жизнь. Около 18 лет я веду серию поэтических чтений в одном из главных богемных клубов *Cornelia Street Cafe*. Конечно, сам я пишу на американском английском с абберрацией, все-таки этот язык мне

не родной, я слышу его иначе. Принцип моих американских стихов такой же, что и русских: чем страннее, тем лучше. Именно он создал мое лицо. И так как я хотел быть профессионалом, в 1998-м окончил писательский факультете *Master of Fine Arts in Creative Writing*. И несколько лет в этой американской литературной среде дали мне очень много.

АБ: Однако ваши стихи, написанные по-русски, тоже с акцентом. Ментально это уже не совсем русская поэзия...

АГ: Рад, что вы это заметили. Это действительно особенность моих стихов, я сознательно раскачиваю прокрустово ложе русскоязычной просодии. Однако не ухожу в верлибр. Современная американская поэзия в основном — верлибр. Но дело ведь не в том, что лучше — силлаботоническая поэзия или верлибр. Дело — в таланте автора и в качестве. Поэтому в американской поэзии барахла ровно сколько, сколько в замечательной русской силлаботонике. Но верлибры — отдельная область. Их существует несколько: грамматический, интонационный и т.д., и у каждого свой ритм. Вообще, я считаю, хороший верлибр написать энергетически сложнее, чем силлаботоническое стихотворение. Свои я записываю сразу, потому что должна быть очень сильная эмоция, полубезумный, энергетически заряженный речевой поток. Тогда получается по-настоящему пульсирующий текст.

ПОЭЗИЯ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ МИРА

АБ: Можно, я попробую угадать, кто был вашим предтечей? Бродский и Пруст... А кого вы считаете своими учителями?

АГ: Рейн когда-то сказал, что в стихах Грицмана нет очевидной зависимости. Но на вопрос отвечаю. Я не хочу сравнивать себя с Бродским, по-моему, мы абсолютно разные авторы. У него совершенно иной речевой поток. Я люблю многие его стихи, глубоко уважаю его как поэта, но никогда не попадал в поэтическую зависимость от него. Мой любимый поэт — Мандельштам, хотя мои стихи тоже не имеют с его поэзией ничего общего. А вот про Марселя Пруста вы

верно заметили. Он — великий стилист. «Любовь Свана» — для меня одна из самых важных книг, хотя я и читал ее в переводе (блестящие переводы — и на русский, и на английский). Но автор, у которого я учусь всю жизнь, как работать с языком, образом и метафорой, — Франц Кафка. И в моем представлении он не прозаик, а поэт. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «Замок» или «Процесс». Еще я люблю Набокова — он великолепный беллетрист. Однако золотой запас моей библиотеки и фонотеки (в последнее время я много слушаю) занимают рассказы американского прозаика Paul Bowles, Кафки, Эдгара По. А еще в последние годы я больше читаю Библию: Тору, Пятикнижие. Для меня очень важны эти темы, я с ними живу. Недавно в «Иерусалимском журнале» вышла «Поэма субботы» — это не переводы, а мой поэтический опыт осмысления Священного Писания, написанный иным языком. (<http://magazines.russ.ru/ier/2012/42/g23.html>).

АБ: Вы довольно часто используете прием «остранения». То есть знакомый предмет в вашей поэзии вдруг представляется архаичным или странным. Это связано с тем, что мир для вас таинственен или наоборот, вы как поэт привносите в него тайну?

АГ: Мир таинственен. Зона, как в «Сталкере» Тарковского, находится в шаге от нас. Всё может произойти и происходит в любой момент. И когда идут разговоры о конце света, я говорю: неужели не понятно, что он уже давно произошел? Мы живем по ту сторону. И хотя я люблю жизнь во всех ее проявлениях, это видно по моим стихам, все страшное, грустное и темное для меня связано именно с этой тайной. Я осознаю — мир в каком-то смысле угрожающий. Кафка, которого я очень ценю, в своих дневниках об этом пишет. У него есть рассуждение о том, что существует граница, черта, которую нельзя перейти, и задача художника как можно ближе подойти к ней...

АБ: Но не переходить?

АГ: Вопрос остается открытым. Если ты перешел, то неизвестно, что будет дальше. Переход подобен смерти. Никто не знает, что это. Единственный способ познать смерть — прекратить свое существование. У меня была теория, связан-

ная сиудейско-библейской концепцией. В Библии, по-моему, в Исходе, повторяется несколько раз, что лицо Всевышнего нельзя узреть. Именно поэтому Он говорит Моисею: спрячься в расщелине скалы, и Я прикрою тебя Своей дланью, чтобы ты не мог видеть лица. И Моисей видит Его только со спины. Мне же кажется, что как раз в этом-то и заключается смысл смерти: только перейдя черту, можно увидеть лицо Бога.

АБ: В своих стихах вы странно работаете со временем. В чем-то по-прустовски, а в чем-то по-фолкнеровски чуть подрастываете. Оно в ваших поэтических текстах слегка замедленное. А как вы себе представляете время, как ощущаете его?

АГ: В американской поэзии есть такое понятие, как *felt time of poet* — то есть время стиха. Час, что мы сидим в кафе, можно изобразить в трех словах, а можно написать про него так, что в тексте отразится весь наш разговор, затрагивающий десятилетия и столетия. В стихотворении главное — создать пространственное ощущение. Пространственное в смысле времени.

АБ: Часто в ваших стихах появляется двойник (у вас даже книга с таким названием была и стихотворение), и почти всегда он пугающий. Почему?

АГ: Потому что иногда разворачиваю я этот свиток и читаю его с некоторым страхом. Мне свойственна рефлексия. У Давида Самойлова есть такое стихотворение: «И всех, кого любил, / Я разлюбил уже не в силах!» Но если говорить об осознанном приеме, то двойник для меня — такой же лирический герой.

ВНЕШНИЙ КОНФЛИКТ

АБ: Для вашей поэзии важны географические пункты. И если про Москву и Нью-Йорк более или менее понятно — две крайние точки вашей жизни, — то не совсем ясно, что такое Иерусалим в этой системе координат...

АГ: Израиль для меня очень важен не только в концептуальном, но и в психофизиологиче-

ском смысле. Первый раз, когда я туда попал в 1995 году, у меня проявился иерусалимский синдром, попросту крыша поехала. Я почувствовал очень сильную связь с этой землей и этим местом. В моем случае подобное было сопряжено с тем, что я наполовину еврей, в зрелом возрасте принявший иудаизм. Но на самом деле неважно, верующий вы человек или у вас просто есть глубинное чувство истории, католик вы или православный. В Иерусалиме очень чувствуется, что история происходит именно сейчас, и она абсолютно живая. «Камень стынет медленно. / Звезды хрупки. Пахнет / горящим вереском, мусором, / от Рамаллы, сухой кровью».

АБ: Еще у вас есть эссе «Поэт в диаспоре». (<http://magazines.russ.ru/nj/2007/248/gr55.html>). У меня создалось впечатление, что для вас понятие эмиграции в обыденном понимании не существует.

АГ: По-моему, сам факт дискуссии, равно как и постановка вопроса, весьма печальны. И это исключительно русская проблема. В Америке живет куча людей разного происхождения. Они приехали из Румынии, Италии, Китая, и никому даже в голову не приходит относиться к ним враждебно. Наоборот, на родине им симпатизируют, ведь их отъезд означает, что где-то в мире еще живут твои соотечественники. Мир открыт. И только в России спорят о том, эмигрант — изменник или нет. Но для меня он не эмигрант, а человек, свободно выбравший, где ему жить свою жизнь. А говорить о том, что таким образом он предал культуру, народ и т.п., — по-моему, просто идиотизм, замешенный на комплексах.

АБ: А как вы относитесь к скандалу, вызванному отказом Михаила Шишкина представлять Россию? Как я поняла, русскую общественность больше всего возмутило то, что высказался он об этом не где-нибудь, а в «The Guardian»...

АГ: Это важный вопрос. И очень характерная ситуация. Михаил Шишкин отказался представлять не Россию, а сегодняшнее правительство России (или, по-американски, «администрацию»)! Я с Шишкиным довольно хорошо знаком, и он никогда не отказывался от русского языка,

от России как страны или от русской культуры! И это очень большая разница. Подобные вещи постоянно происходят во всех странах, то есть писатели, художники осуждают свое действующее правительство. В отличие от России или, скажем Китая, это отнюдь не считается диссидентством или предательством и не влечет за собой лишения гражданства решением парламента (!) или еще того хуже. За свои более чем тридцать лет жизни в США я видел столько яростных протестов художников против разных администраций: Рейгана, Клинтона, Буша, Обамы. Выступления британских писателей против политики правительства Тони Блэра и т.д. и т.п. Правительство, в данный период находящееся у власти, вовсе не равнозначно стране, культуре и языку. По-моему, это настолько очевидные вещи. По поводу публикации письма в британской газете *Guardian*. Это частное дело Шишкина, где именно высказывать свое мнение. А пенять ему за — это уже совсем из советских времен.

АБ: Вы разделяете мнение о том, что русская литература сегодня замкнута сама на себе?

АГ: Да, разделяю. Мне кажется, что современная русская литература смотрит в себя и занимается внутренними разборками. Это как бы рефлексия на процессы в России, а рефлексировать вроде и не на что. Поэтому стала так «востребована» поп-поэзия, на злобу дня и т.д. Имена называть не стану, каждый может и сам домыслить. А «чистое искусство» — вот тут литература должна была бы становиться международной, «глобализованной». Однако это получается «боязно», «непатриотично», потому как мы «особые». Поэтому и разбираются раны переходного времени. Отсылаю читателя к своей недавней статье «Поэзия и духовный ОВИП» (<http://magazines.russ.ru/interpoezia/2013/1/g1.html>), где я об этом говорю подробнее.

ВЗГЛЯД РЕДАКТОРА

АБ: Максим Амелин как-то сказал, что в мире умерли почти все великие люди. И на литературе (на русской в том числе) это тоже сказало. Но все же какова расстановка сил

в современной поэзии — на ваш редакторский взгляд?

АГ: Это броское заявление Максима. Однако время покажет, кто великий, а кто «просто знаменитый». Мы говорим о поэзии. О других областях искусства я судить не берусь. Почему, к примеру, Гандельсман, Цветков или Еременко — не великие? А может, великие? Эпоха рассудит. Когда-то, в годы его наибольшей славы, «королем поэтов» был избран Северянин, и произошло это в эпоху Блока, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама («Камень, 1913 г.), Соллогуба... Пауля Целана в конце его жизни обвиняли в плагиате — горькая история с наследием Ивана Голля. Я уж не говорю о том, что при жизни Эмили Дикинсон совсем не слыла великой, вообще была неизвестна. Это крайний случай, но все же. Так что посмотрим. На мой взгляд, в современной поэзии, не только русской, кстати, но и американской, имеется довольно много отличных поэтов, создающих оригинальные стихотворения. При подобной постановке вопроса всегда ясно, на что намек. Взрывного явления, такого как Бродский, Маяковский, Ахматова или знаменитые «шестидесятники», сейчас нет. Кстати, кто-то из них забронзовел, а кто-то «не совсем». Ну и что? «Не сравнивай, живущий несравним...»

АБ: Какое место вы отводите таким поэтам, как Рейн и Кушнер, Емелин и Родионов?

АГ: Мне кажется, Рейн и Кушнер — совсем разные явления. Разница между большим поэтом и большим мастером. Дальше, наверное, не стоит. Емелин и Родионов — оба громкие и модные имена в современной поэзии. Очень одаренные люди, «народные» популярные поэты. Для них, кажется, неважно набирать «портфель» публикаций в толстых журналах. Работают они в разном ключе. Емелин — больше на публику, эстрадный, но мастер, безусловно. Родионова, по-моему, интересует преимущественно работа с языком, использование современного словаря в лирической поэзии.

АБ: Родионов занимается еще и молодежными слэмами. Что, с одной стороны, благородно, а с другой — приводит к весьма неоднозначным результатам. Во-первых, Родионов

сам не всегда читает со сцены хорошие стихи, но при этом среди молодых поэтов он непререкаемый авторитет. Во-вторых, часто главные призы получают не люди, пишущие внятные тексты, а те, кто умеет выгодно преподнести любое рифмованное сочинение. Так, поэт Алексей Кашеев однажды на мои возмущения по поводу качества подобных поэтических текстов спокойно сказал: для слэма нужно стихотворение, которое хорошо звучит, и к поэзии это имеет отношение опосредованное. То есть, получается, молодые люди изначально варятся в сомнительной среде, где главное — не улучшить свои тексты, а эффектно выступить. И с этим результатом и самонадеянием они идут к читателю, в издательства, толстые журналы, газеты. Возникает закономерный вопрос: оправдано ли такое внешнее вмешательство? Может, пробивайся они иным способом, проку было бы больше?

АГ: Слэмы — личное дело Андрея Родионова. Есть поэзия, а есть темперамент, личность. Мне, например, нужно не только писать стихи или рассказы, но и издавать журнал, выступать, представлять его. Что же до жанра слэма, он тоже известен и популярен в Америке. И тут вокруг полно ненужного шума. Однако не стоит забывать и о том, что Аллен Гинзберг и Чарльз Буковски когда-то были признанными мастерами слэма. Отчасти поэтому я не думаю, что слэмы сильно снижают вкус и уровень поэзии «поколения». Каждому своё. Существовать может многое: стихи и бардовская песня, опера и эстрада, поп-музыка и настоящий рок и блюз. Далее, публиковать сырые тексты, продвигать молодого автора или нет — дело отдельного журнала и его редактора. Безусловно, некоторых «королей слэма» не грех вовремя и «укоротить». Знаете, сколько в «Интерпоэзию» приходит материалов с заявлениями — «я победитель того и того, признан теми и теми»? Такая визитная карточка сразу вызывает подозрение и показывает непрофессионализм автора.

АБ: Но в то же время недавно в «Интерпоэзии» появилась подборка Веры Полозковой, вызвавшая много шума. Почему вы решили печатать такие неоднозначные тексты?

АГ: К стихам Веры Полозковой я отношусь двояко. Как автору мне ее поэзия не близка, я занимаюсь другим жанром и во многом согласен с вашей последней статьей о ней в журнале «Читаем вместе» (<http://www.chitaem-vmeste.ru/pages/review.php?bl=content&book=3331>). Но как редактор я считаю, что публиковать Полозкову интересно. По-моему, совершенно очевидно, что человек она талантливая и смелая. Популярность ее среди поэтов с удовольствием выступают рядом с ней. В «Интерпоэзии» мы стараемся представить литературный процесс в целом. Поэтому тексты печатаем разные, но с условием, чтобы было живо и талантливо. К тому же двери журнала всегда открыты для поэтических разборов и критики «по делу».

АБ: А вы вообще разделяете поэтов по поколениям или по «школам»?

АГ: Поэзия — крайне индивидуальная форма искусства. Как говорил А.П. Межиров: «Стихи — дело одиночное, волчье...» Поэт — один в поле воин. Конечно, можно продумывать и исследовать общие или характерные черты авторов одного поколения, знаки времени, моды и т.п. Это любопытно, но в конце, на краю, остается один поэт. Например, «военное поколение». Есть общая тематика, но у наиболее сильных — совсем иная поэзия. Сравните Слуцкого и Межирова, или, скажем, Левитанского (знаменитое — «Ну что с того, что я там был?..»). Или «шестидесятники» — разные полюса поэзии Вознесенского, Окуджавы и Ахмадулиной. Другое дело, что они, конечно, отличались по интонации, приему, словарю даже от хороших советских, «совписовских» поэтов.

По поводу школ. Конечно, восприимчивых одаренных людей можно научить не делать очевидных ошибок, отсеять поэтическую шелуху, не использовать привычного реквизита. Однако это и без того приходит со временем. И, в отличие от балета, театра, музыкального исполнения, даже от художников, у поэта нет инструмента, которым надо учиться искусно пользоваться. Нет ничего, кроме монолога души в воздушном пространстве, языка и эмоции. Так что и поэтическая «школа» — понятие весьма относительное.

АБ: А как, по-вашему, выглядит современный прозаический срез?

АГ: Об этом я не берусь всерьез судить. Многие имен, о которых вы говорите в ваших статьях в «Октябре», я просто не знаю. Я читаю «по службе» и по интересу много русской и англоязычной поэзии, много прозы, религиозной и исторической литературы по-английски и еще, конечно, по медицине, онкологии. Так что профессионально о русской прозе говорить не берусь. Хорошо пишущих авторов довольно много. Некоторые завоевали славу, и заслуженно (Михаил Шишкин), а некоторые — Алекс Тарн, например, работающий в Израиле, в силу географических и исторических обстоятельств, относительно малоизвестны. Сегодня появились культурные ареалы — Европа, США, Израиль, в которых работают хорошие писатели, часто не очень известные. Говоря о России: выбор разных советов, дающих большие премии за современную «большую прозу», мне зачастую вовсе непонятен.

АБ: И последний вопрос. Почему вы все же думаете, что нельзя сегодня замыкаться в рамках одной культуры?

АГ: Произошла глобализация. Русский язык стал лингва франка. По всему миру живут люди, которые говорят и пишут по-русски. И русская литература велика потому, что является частью мировой культуры. Лев Толстой, Чехов, Гоголь, я уж не говорю о Набокове, — «домашние» авторы

любого культурного человека, и неважно, где он живет. Их изучают во всех университетах. Они, как и Пруст, имеют мировое значение. И если мы вдруг заявим, что больше не позволим переводить наши великие романы на другие языки, это будет катастрофой. И я не понимаю, зачем бить себя в грудь и кричать, что хоть у нас и куча проблем, но все же мы великая нация и культура у нас самая великая. К тому же, чем быстрее русская словесность начнет осознавать себя частью мировой культуры, тем менее заикленной на своих проблемах она будет. То есть станет размышлять не только о «врожденных исторических бедах России», в которых далеко не всегда виноваты внешние силы, а — о душе человека, трагедии жизни и смерти, отношениях человека и Бога. Особо это касается поэзии. К сожалению, полное «списывание со счетов» американской поэзии, голословные заявления по этому поводу, снисходительное «позиционирование» прежде всего, связаны с неосведомленностью, незнанием языка, исторической ситуации и культурной идиомы.

*С Андреем Грицманом беседовала
Алена Бондарева*

Краткая версия интервью публиковалась в журнале «Читаем вместе. Навигатор в мире книг» <http://www.chitaem-vmeste.ru/pages/material.php?interview=241>

■□■

Алена Бондарева — писатель-прозаик, критик и журналист. Родилась в поселке Саянск Зиминского района Иркутской области, живет в Москве.
<http://magazines.russ.ru/authors/b/abondareva/>

СУЩНОСТЬ СЛОВ

Кармен ФИРАН

Кармен Фиран – известная румынская писательница, поэтесса, автор романов, пьес и сборников стихов. Приехав в США около 15 лет назад, она сразу влилась в культурную и литературную жизнь Нью-Йорка. Первые ее книги в Америке вышли в переводах, в последние же годы Фиран пишет и на английском, став одной из ведущих среди американских авторов «с акцентом». В последнее время, кроме стихотворных сборников, вышел ее популярный роман «Фарс» – о румынской «перестройке» и «революции». В настоящее время Кармен заявляет, что ее взгляды на американский менталитет и использование слов остались теми же, но она к ним привыкла и благополучно существует в жизни и в искусстве на их фоне.

Когда я приехала в Америку, я чувствовала себя Колумбом. Она завоевывала меня, и я, в свою очередь, тоже была завоевателем. Нью-Йорк – подходящее место для глубокого погружения. Поначалу мне нравилось всё – белые кресла в Брайант-парке, пожарные лестницы в Сохо, белки и танцующий Тот в Центральном парке, мэр, сталь и стекло, флаги вокруг катка в Рокфеллер-центре, шампанское в антракте в «Метрополитен-опера», вид поверх фонтанов у Линкольн центра, простирающийся аж до ресторана «Фиорелло» и кинотеатра напротив, входы в метро и решетки на тротуарах, из которых зимой струится теплый пар и запах лежалого картона, сирены полицейских и трагические вопли пожарных машин, желтые такси и вибрация асфальта под ногами спешащих к перекресткам прохожих с висящими на ушах мобильными телефонами, фиолетовый лак ногтей и побрякивающие золоченые браслеты кассирш в супермаркете, экстравагантные витрины магазинчиков в Гринич-виллидж и кирпичные фабричные здания в Сохо, превращенные в галереи живописи. Мне нравилось всё без исключения – от радостного ощущения начала новой жизни и своей собственной «избранности».

Почти два года я посвятила этим открытиям. Затем через какое-то время подостыла и начала смотреть более пристально. Я уже добровольно приковала себя к общему жернову, ритмично поворачиваясь вместе с окружающим меня миром, и моя карточка социального страхования была надежно спрятана в ящике стола. Я раскрыла глаза и наострила уши, словно проснувшись в незнакомом месте после вечеринки, когда свет уже погашен и последний гость закрыл за собой дверь. Будучи недавним иммигрантом, я тем не менее не чувствовала себя перемещенным лицом и не испытывала ностальгии. Все мои чувства активно бодрствовали и жили именно здесь.

Я натягивала новую жизнь через голову, как блузку, которая – я знала – будет впору, потому что я правильно ее скроила. В крайнем случае я могла себе позволить разочароваться в осуществившихся своих мечтах. На этот раз, изнутри, из чрева кита, где я удобно устроилась, я начала свои исследовательские выходы наружу.

Приземлившись выходцем из иной культуры, я могла на расстоянии бесконечно рассматривать мир, в который мне предстояло влиться. Сравнивая, взвешивая нюансы и различия, специфику и схожесть, можно оказаться в выгодной позиции судьи, который хочет предотвратить наказания и ненужные штрафы, прибегая к своему свистку только когда в игре наступает хаос.

Больше тридцати лет я прожила в тусклом мире Коммунизма, где время ничего не меняло. При отсутствии какого-либо диалога с социальными и политическими органами все, что нам оставалось, – это говорить друг с другом. Под балканским небом наши беседы были восхитительны: барокко, бесконечная болтовня, то значительная, то бесполезная, над переполненными пепельницами и под дешевой выпивку, споры ночь напролет и похмельные утра, когда все начиналось сначала. Мы никуда не спешили. Нам некуда было идти.

Диктаторский режим казался вечным. Для того чтобы сохранить рассудок, у нас были только слова, язык, иллюзии, сотворенные из воздуха, мрачный критицизм, выдумывание сказок. Яркие идеи и дерзкие банальности. Выживание. Слова были бессильны изменить нашу судьбу, но помогали не сойти с ума. Душа? Никто о ней не упоминал, но она присутствовала всегда – в узорах наших размышлений, в последней погашенной на рассвете сигарете, на фоне мрачной дымной фабрики на городской окраине.

В Америке время – это все. Его продают в каждом кафе и с тележек с хот-догами, на телевидении, в автоматах и с билетами на паром на Стайтен-Айленд, в приветствии «Приятного дня!», которое каждый автоматически произносит, чтобы поскорее отделаться от вас. Использование сжатых формул разговорного языка происходит не от пустоты, а от страха оставаться слишком долго на одном месте, которое вряд ли сулит что-то новое. Время – деньги. Душа? Она возлежит где-нибудь на кушетке у психоаналитика или запланирована для обсуждения на телевизионном ток-шоу.

Еще во чреве кита я быстро набросала план степеней одиночества: от добровольной изоляции, позволяющей познать свою внутреннюю красоту, к изоляции вынужденной, когда ты смотришь на верхи зданий и не видишь звезд, потому что их заслоняют крыши; от уединения, которое все-таки может согреть хорошая книга, к отчуждению, где язык становится бессильным существом, добычей первого же хищного цветка; и дальше – к полному отторжению, где слова теряют смысл и вес, и честная попытка контакта не срабатывает ни на экране компьютера, ни в сотовом телефоне, которым можно пользоваться, только если есть люди, готовые тебя слушать.

Суть общения становится нелепостью – не из-за пустоты, а от страха сделать что-то запрещенное, зависнуть на слоге, повторяя слово «любовь», пока не перехватит дыхание и не расширятся ноздри, страница из Генри Миллера засела в голове, и вы и вправду чувствуете

пронзающую вас любовь. Не проще ли смотреть «Секс в большом городе» или, если вы более разборчивы, «Доктор Фил», который знает решение любой проблемы?

О ЛЮБВИ

Когда в юности я влюбилась, я не смела даже произнести слово «люблю» — из опасения, что это развеет волшебство. Это был мой секрет, мое запрятанное сокровище. В те времена мы старались укрыть это от посторонних взглядов. Была ли эта осторожность частью нашей задавленности в рамках диктаторского режима, или просто мы вот так претворяли в жизнь одно из самых могучих слов?

В Америке слово «люблю» используется вовсю. Здесь каждый любит с утра до вечера, и никто не стесняется публично демонстрировать свою любовь. Заканчивая телефонный разговор с другом, автоматически говорят «люблю тебя», в сущности, означающее «скоро созвонимся» или «пока, до свидания». Любовь распространяется на предметы, еду, пейзажи и ситуации. Люди часто говорят «О Боже, я люблю это, люблю то...», игнорируя такие синонимы, как «мне нравится», «я ценю», «меня восхищает», «меня привлекает» и т.д., которые определяют нюансы интенсивности эмоций. Если произносить много раз в день слово «люблю», рот наполняется звуком «ю», слово исчезает, его вес и значение теряются.

«Люблю», повторенное постоянно и небрежно, ничего не стоит. Толстой, наверное, переворачивается в гробу и готов отречься от Анны Карениной, из-за любви бросившейся под поезд. Возможно, вместо этого он отправил бы ее к психоаналитику и заставил бы разглагольствовать о гармонии разума, тела и души в поисках «внутреннего бэби».

Я вспоминаю, как в юности нам было трудно произнести слова любви, какие сумасшедшие пируэты выдвигали наши фразы; как мы взвешивали их эмоциональность и интенсивность; как прибегали к иносказательному языку. Мы были убеждены, что просто неприлично рассеять таинственность и мощь такого сильного слова, употребляя его между прочим, или что, произнеся его, мы становимся беззащитными и бессильными, или покажемся слишком сентиментальными. А что, если, сказав «люблю», не встретишь взаимности? Из всех унижений насмешка — самое страшное. Кроме того, мы жили в закрытом обществе, где о сексе не говорили, контрацептивные средства были под запретом, а коммунистическая идеология отождествляла любовь с деторождением. Мне кажется, все это происходило сто лет назад...

Зато как просто в наши дни подменять любовь сексом, хотя в больших американских городах, где делать карьеру и не состоять в браке весьма похвально, полы разделены огромной пропастью. В конце дня эмансипированные женщины и успешные мужчины, оскопленные страхом «sexual harassment», измученные напряженной работой, охотятся друг на друга в барах, смеясь с коктейлями или пивом в руках. Их разговор часто слишком громкий. Кто что говорит, не имеет значения, только бы тебя слышали, только бы показаться уверенным в себе, значительным и самодостаточным в этом политкорректном обществе. И этот флирт, эта игра снова начнется на следующий день.

Если смотреть внимательно и прислушаться к словам, которые, как автоматные очереди, летят от одного к другому, чтобы не иссякла беседа, подавляет ощущение вселенского одиночества, прикрытого тонким блестящим слоем благих намерений.

В семье партнеры знают свои обязанности, связанные с детьми, но оба близки к отчаянию, потому что каждый считает, что не получает заслуженного внимания, его не слушают, им не восхищаются и его не жалеют. Чувства и привязанности фильтруются сквозь формальное общение, где вежливость и политкорректность занимают главное место, загоняя гнев внутрь.

При отсутствии искреннего взаимопонимания, когда оба партнера говорят только то, что разрешено, и не смеют касаться запретных и болезненных тем, они подавляют свои истинные чувства, и несказанные слова, невыраженные проблемы только умножаются, приводя к глубо-

кому кризису отношений. Они продолжают говорить «люблю» в конце телефонного разговора, но слово «любовь» становится стерильной фигурой речи, неспособной сохранить его изначальный смысл. «Любить» превращается в ординарный глагол, произносимый безо всякого чувства, лишенный аромата.

О СЧАСТЬЕ

«Счастье» — еще одно изношенное слово. Здесь все мечется в поисках его, и это имело бы смысл, если бы многие не притворялись, что находят его по нескольку раз в день, в самых неожиданных ситуациях. Похоже, люди просто не испытывают спокойной радости, удовлетворенности, нехитрого довольства. Вместо этого, когда что-нибудь «о'кей» или забавно, изображается полное счастье.

Мне представляется, что все здесь нацелено на фальшивую массовую эйфорию, лишённую всякого внутреннего чувства. «Счастье» — слово мощное, полное магии, — должно дать ощущение, что у тебя выросли крылья и ты можешь взлететь, очутиться в раю. Чтобы ответить на вопрос: «Что вы считаете самым счастливым моментом своей жизни?», — люди зачастую довольно долго думают, взвешивая, что же считать наиболее сильным своим переживанием. На это короткое время они полностью осознают силу слова «счастье». Однако в ежедневной торопливой жизни его заменяют бравадой и демонстрацией обязательного оптимизма.

ОБ ОПТИМИЗМЕ

В каждом языке есть общепринятые выражения, характеризующие ментальность данной нации в данное время. Например, в стране, из которой приехала я, часто используются уменьшительные или пренебрежительные суффиксы, обозначающие неформальность отношений, а также — огрубление языка с целью самоуничижения, или чтобы насмешить, или показаться ироничным.

В Америке, наоборот, ввиду всеобщего стремления к грандиозному правит преувеличение; здесь всё — с размахом, поощряется позитивный подход к жизни и позитивное мышление. В начале эта всеобщая позитивность заражала меня энергией. Привыкнув к румынскому «могло быть и хуже», я нашла здесь оптимистическое «не беспокойся, будь счастлив» или, другими словами, «всегда может стать еще лучше».

В первое время в Нью-Йорке меня очень трогало, когда каждый встречный (и знакомый, и незнакомый) спрашивал: «Как дела?» — скорее и не вопрос, а приветствие. Не говоря уже о теплом «Берегите себя!» на прощание. Я могла бы даже немного зазнаться оттого, что все так заботятся о моем благополучии и хотят узнать о моих делах. Однако прежде чем я могла ответить, тот, кто задал этот вопрос, уже исчезал («время — деньги!»), блеснув широкой улыбкой, типичной для всего Нью-Йорка, в котором, казалось, все ослепительно белозубы и оптимистичны.

В моей родной стране мне осточертело непрерывное нытье окружающих. Все постоянно жаловались. Быть благополучным считалось почти стыдным, люди чувствовали себя виноватыми, стеснялись в этом признаться. В ответ на похвалу вам обычно пространно объясняли, что это ложное впечатление, а на самом деле всё из рук вон плохо... Им хотелось быть несчастными, вызывать жалость.

А вот житель Нью-Йорка, даже если он одной ногой в могиле, на вопрос «как дела?» спокойно ответит «спасибо, все о'кей, просто замечательно», и этот ответ означает лишь, что он не хочет делиться с вами своими проблемами. Стороннему наблюдателю может показаться, что такой официальный ответ приводит к отчуждению и поверхностным отношениям. Одна-

ко американцу понятно, что это происходит от порядочности и нежелания «грузить» другого своими неприятностями.

Чрезмерное использование сильных слов («любовь», «счастье», «Бог» и т.д.), в сущности, избавляет от необходимости в полной мере переживать связанные с ними эмоции. Речь используется «наоборот»: не открываться и общаться, а прятаться и беречь себя, и следствием такой стандартизации является изоляция.

Когда я начала понимать дух Америки, мне захотелось поместить в карантин эти изношенные, измученные слова, клише, заменившие оттенки чувств, стандарты, удушившие их освежающую, загадочную, неоднозначную сущность.

О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Это — также темы болезненные: старость и смерть многими воспринимаются как поражение. Это и неудивительно в суетном обществе чемпионов, не позволяющих себе тратить время впустую, считающих себя завоевателями, для которых Марс — ближе, чем Европа, и чьи политические лидеры уверены, что могут напрямую связаться с Богом. Умереть — просто унижительно, когда ты должен быть среди сильнейших, наслаждаясь личными, национальными и межпланетными завоеваниями.

Действительно, достигнут значительный прогресс в уровне медицины и продолжительности жизни, — возможно, по причине страха, тщеславия или стремления перейти пределы. Кроме того, доведена до совершенства целая индустрия, основанная на отрицании старости и смерти и гарантирующая вечную молодость.

В американском обществе, помешанном на внешних проявлениях, забота о теле намного опережает заботу о душе. Она процветает, несмотря на обилие «духовной» литературы, смешивающей восточные религиозные идеи с диетами и практическими советами по продлению юности и вообще жизни. Отчаянная борьба со смертью многообразна — от специальных клиник по омолаживанию организма (где работают эксперты, делающие вид, что им известны секреты бессмертия) до использования генетических кодов для клонирования с целью обмануть природу.

Развитие цивилизации всегда было тесно связано с абстрактной, грандиозной идеей бессмертия. Рождались религии, расцветали искусства, философские течения наперебой занимались анализом этого вечного вопроса, но в результате тайна стала только глубже.

В наши дни мы стараемся выжить в материалистическом обществе, которое превратило этот миф в выгодный бизнес, преобразовало его магическую метафору в коммерческую рекламу, призванную манипулировать заблудшими душами. Торговля иллюзиями, может быть, и безвредна, но только если в результате не забывается стремление познать сущность и смысл жизни. Когда смерть считают просто препятствием, а не эпизодом преображения и приобщения, она вскидывает на плечо свою косу и неустанно преследует нас, невзирая на времена и культуры.

Перевод с английского Елены Ариан

Григорий Марк

Четыре Времени Ветра

Март — август, 2012

...и соберут избранных Его от четырёх ветров...

Зима

Маленький, обозлённый ветер — не ветер даже ещё, а поветрие, первое поветрие наступающей стужи — зернистой изморозью стягивал растрескавшиеся губы, тугой холодной спиралью пеленал, обматывал голову. Расплющивал слёзы в хрупкие пластинки, вдавливал их обратно в глаза.

Этот день был горящим ручьём в чёрно-белой зиме 56-го, ручьём из зажжённых свечей, сливавшихся в длинное пламя.

Выходили без шапок, растерянные, потные, из тёмной часовенки в расплывы тусклого солнечного света, размноженного миллионом снежинок. Идти было трудно, земля выгибалась, скользила у них под ногами. И прозрачный звон качался в расщелинах неба, заросшего льдом.

Из узкого прямоугольника двери под куполом с перебитым крестом било пламя. Стекало по ступенькам, усыпанным солью с опилками. Переливалось, змеилось по угреватому от фабричной копоти насту между иероглифами хрустальных сучьев, между стёршихся позолоченных слов на плоских камнях и упиралось в другой, страшный, прямоугольник, обведённый жирною рамою из жёлтых комьев. Четверо бородатых, со сверкающими, стеклянными лысынами, стояли по углам, расставив ноги и тяжело опираясь на воткнутые в землю заступы.

Красный гранёный ящик, словно кусок спрессованной крови, проплывал над горящим ручьём. У тех, что шли впереди, пылали отмороженные лица. Холод, спустившийся с неба, тонкими иглами входил в их тела, ломался в промёрзших венах. Тени цеплялись друг за друга, опускались на дно, белое дыхание идущих — видимая часть притаившихся душ — висело над ними.

И нахохлившиеся грачи, веками охранявшие здесь каменные плиты, смотрели на них в упор, вцепившись в чугунные ограды трёхпальными когтистыми лапами.

Они шагали, наполненные скорбным бесчувствием, — так и будут они теперь шагать через всю мою жизнь — с трудом отдирая от изъеденных ржавчиной решёток мгновенно примерзавшие к ним голые зрачки. Вытягивали перед собою разбухшие рукавицы, в которых бились рваные клочья огня, не дававшего света. И молчание их было как обледеневший наст, застилавший, выравнивающий землю вокруг.

Последним брёл, тяжело спотыкаясь о корявые тени, торчавшие из снега, шестнадцатилетний человек в беззащитно коротком драповом пальтишке. У него ещё не было ни знания, ни памяти. От камней с позолоченными словами — словами слишком большими для жизни — шёл тихий свет, и те, кто лежали под ними, опускались всё глубже в холодную почву. Завывал, раскачивая пламя в руках, голосил уныло и страстно сразу со всех сторон порывистый ветер. Острыми кристалликами снежного солнца царапал щёки, обжигал, застревал хрипеньем в простуженном горле.

Тело его продолжало идти по скользкому насту, но сам он сейчас опять стоял неподвижно в часоулке с забытыми окнами, стиснутый многоголовою распаренною толпою. Перед глазами качались согнутые спины, но видел он раздувшееся лицо с подвязанной челюстью на белом атласном изголовье. И лицо это было, как сургучная печать на ящичке, увитом металлической зеленью с чёрными лентами. Одинокая лампочка свисала на голом шнуре. И выше, по куполу написано было над нею: «Буду плакать я перед Господом». Дремучий священник, окружённый густою безблагодной тишиною, скороговоркой отпускает душу. Кладёт в ладонь уходящему дощечку с разрешительной молитвой. Тоненькая страдальческая жилка бьётся у него на шее. Серебристая тень промелькнула над только что заколоченным ящичком, и исчезла сквозь невидимую щель в куполе. Намертво зажав в кулаке свою подорожную, плывёт к выходу незнакомое тело, огранённое красными досками. Пльвёт туда, где должно истончиться, исчезнуть всё бывшее плотью.

Ручей, и внутри его сгорбившийся человек в драповом пальтишке, без шапки, с волосами, поседевшими от инея, стекали в широко распахнутую дверь, обозначенную жёлтыми, со слюдяными прожилками, комьями. Не в дверь даже, а в дверной проём, который охраняли четверо вооружённых огромными заступами стражников в замызганных ватниках с торчащими из карманов бутылками.

Над ровным, будто гашёною известью выжженным полем, над плитами облицованными инеем, плыл воздух, хранивший форму красного ящичка. Светился скол тусклого неба, наполненный оловянным солнцем. Голосил, надрывая связи, метался зигзагами ветер. И окаменелый дым из кирпичной трубы, правильной безнадежностью проткнувшей насквозь горизонт, стелился вдали над городом, над краем всего, что было.

Не могу понять, почему даже сейчас, через столько лет, мне становится так одиноко, когда вспоминаю об этом?

Весна

Шли, нагруженные бутылками, по прозрачному лесу, раздвигая густой частокот из солнечных лучей и смахивая с лица паутину. И женщина, в теле которой жил ребёнок, шла вместе с ними. Вокруг шелестели берёзы, гордо выпячивали перед ними свои зелёные животы на запелёнутых чёрно-белой берестою стволах. Серебристая весёлая речка плавно кружилась среди белобрывных лопухов, хвощей и крапивы, обнимала блестящими излучинами валуны. И журчание речки казалось прерывистой речью — захлёбывающейся речью недавно воскресшего леса.

Расположились на лужайке, окружённой кустами, у самого берега Медного Озера. Его белая кромка и заросшие камышами топи были уже оплавлены утренним солнцем. На маслянисто-тёмной воде уютно плескались цветные пластинки. Одинокая лодка без гребца и без вёсел качалась в покрытом патиной купоросовом зеркале между сбившимися в тучи клочьями тьмы. Над ней, как одноглавый герб в толще балтийского неба, парил, распластав свои хищные крылья, неподвижный ворон.

Расстелили клеенку, бутылки расставили, открыли консервы. Чьи-то голые руки бросали сверкающий хворост в костёр, с ворчливым кряхтеньем и оханьем ворочавшийся с боку на бок. Постреливали во все стороны красно-синие головешки. Мне они казались обугленными кусками фраз, которые я повторял про себя, пока они не сгорели, и не выбросил их в этот костёр. И слышно было, как подбираются к клеёнке ветвистые тени в дымных одеждах, как подминают они на своём пути белые взрывы одуванчиков, переплетённые тёмные запахи вереска и влажных корней.

Уселась, неторопливо раскуривая в пригоршнях предстоящее молчание. Словно чувствовали уже ту боль, которую я не успел ещё причинить. Женщина, в теле которой жил ребёнок, сидела рядом со мною. Жужжащий обруч мошкары проступил над её головой. И я не мог к ней прорваться сквозь сгущавшуюся тишину.

Чувство вины и моя неуклюжая благодарность смешивались с беззаботным нетерпением перед тем, что должно наступить всего через несколько дней. Так, наверное, верующие в последний момент перед смертью, забывая о прошлом, ожидают вступления в подлинную жизнь.

Тень державного ворона проплыла по мокрой лужайке. Кусты орешника и бузины, окропленные солнечными оспинками, похрустывали вывернутыми суставами. Расправляли лениво свои набухавшие соками ветви. Гладили ветер листья-ладони. Промёрзшая чернота, накопившаяся за зиму в капиллярах, трубчатых перепонках, волокнах, высветлялась, выступала наружу тугими фиолетовыми припухлостями почек. Сплошная, тяжёлая зелень с прочерченными внутри её бирюзовыми стеблями мелко тряслась. И только один ярко-красный листок на самом верху, словно орден победы над прошедшей зимой, висел неподвижно.

Метались в клевере мухи, шмели, свисали с ветвей на невидимых нитях бледно-зелёные гусеницы. В траве, разделившейся на миллионы ярких острых травинков, сворачивался крохотными радугами утренний свет, ещё не успевший отделиться от тьмы. Мерцали, переливались только что рождённые в росе головастики, личинки, инфузории. Великая безмолвная оргия взаимного оплодотворения творилась в зелени.

Но женщина, в теле которой билось два сердца, ничего этого не замечала. Она сидела с гранёным стаканом в руке и, не отрываясь, смотрела в костёр, словно что-то очень важное сейчас в нём догорало. Отблеск пролившегося вина стекал по губам. Я подумал, что глаза были слишком большими для её лица.

Вдруг она неслышно произнесла моё имя. Я оглянулся — и, будто тупым напильником, по душе полоснул воспалённою нежностью только что вскрывшихся почек. Вязкая густая тишина снова сомкнулась над моим именем, как болотная вода над камнем, идущим ко дну. И я то ли сказал, то ли подумал: «Обязательно напишу... сразу же...».

Молодой, неумный ветер — добрый дух оживших от зимней спячки кустов — носился по лужайке, перемешивал вокруг неё крошево бликов и дрожащих радуг в росистой траве. Клейкие листики, просвечивавшие пульсирующей белизною, легко касались друг друга, замирали и снова разбегались, точно играли в свои зелёные пятнашки. Наблюдали за игрой, чинно расевшись по веткам, усатые бабочки-однодневки, синие стрекозы, шёлковые мотыльки, ошалевшие от солнца. Всё это надо было запомнить. До мельчайшей детали. До прозрачных, с красными прожилками, крыльев-лепестков, аккуратно сложенных кверху. Не додумывая ни единого кружка на спине у божьей коровки, неторопливо ползущей по рукаву.

Не так-то просто будет привыкать к пустыне.

Я слышал опять дыхание женщины, сидевшей рядом, слышал её влажный голос, но не понимал, что она говорит. Моя пустая телесная оболочка находилась среди живых кустов и радуг, рассыпанных в солнценосной траве, на берегу мреющего в утреннем свете озера. А сам я, уже отрешившись от прожитого времени, отрешившись от тяжести тела, поднимался в прозрачные горы. Закон всемирного тяготения — так же как и все остальные законы страны, где я раньше жил, — здесь не соблюдался. Душа пела во весь голос от счастья, хотя и немного фальшивила. За все эти годы слух у неё так и не развился, да и мелодия была слишком трудной. А слов я не знал.

Вешний ветер, взметнувшийся следом за мною с лужайки, указывал путь. И нижний край неба расступался, как Красное море. Моя тяжело дышавшая тень наливалась темнотою, становилась всё короче и всё уродливее, забегала вперёд, пыталась о чём-то предупредить. Потом опять начинала суетиться, петляла под ногами, замирала и тёрлась плоским телом своим о ветер.

И вот я достиг перевала. Далеко на юге проступила в небе узкая полость, похожая на внимательно прищуренный глаз без лица, поджидавший, когда я его, наконец-то, замечу. Потом вздрогнули жгуты свалывшихся туч и разлепились огромные веки. Медленно выгнулась синяя линия зрачка, и в зенице небесного ока я увидел сквозь воздух, струящийся от жары, двухэтажные домики с плоскими крышами, ограждённые низкими красными кустарниками, пологие купола, холмы, просвечивающие друг сквозь друга, и за ними пустыню, сияющую миллионом зёрнышек света, — голое тело обетованной земли. И время пошло. Медленно, как нигде, но пошло. Моя жизнь начинала сбываться.

...достигнув перевала, продолжай восхождение... к себе, от земли своей, от друзей своих, от дома своего... в пустыне пути приготовьте...

Ещё одна размытая, длинная тень, незаметно выросшая за спиной, упрямо цеплялась за камни и тянула назад.

Небесный зрачок подмигнул неожиданно мне, как будто сообщнику, — потерпи ещё несколько дней — и снова стал мутным, подёрнулся красною пылью. Горячий рассыпчатый свет пустыни сталкивался с обманным блеском Медного Озера. Столб из двух перевитых свечений поднимал стремительно и бесшумно позолоченные тучи, сгрудившиеся над перевалом, расплющивал их по низкому небу. Светлый купол выгнутых туч, очерченный со всех сторон горизонтом, расширялся. И всё, что я видел внутри, теперь было связано ритмом, ритмом дыхания и слов, ускользящим и возникающим снова, прерывистым ритмом, стучавшим в моей голове.

Перед тем как уйти, вытер тыльной стороной ладони струившийся пот и заставил себя оглянуться. Весь окоём разделился на две половины. В одной колыхалось от края до края расплывшейся акварелью зелёное листвие, перерезанное сиянием берёз и внутри его плавно изогнутой речкой, а всю половину другую заполнило Медное озеро. И лодка, как прежде, плыла в рябом купоросовом зеркале.

И там, где сливалось изгибами листвие с кромкой воды, проступила знакомая мне лужайка. На ней путеводный ветер, успевший уже протянуться сквозь обе мои непрожитые жизни, кусочек огня оторвал от костра и чиркнул им по траве. Осветились кусты, грозно шевелившиеся сразу всеми своими ветвями. Теперь они были похожи на косматых зверей со вздыбленной шерстью, стоящих, опустив головы, на задних лапах за спинами моих друзей. Взметнулись мёртвые запахи сигаретного дыма, чьи-то приглушённые голоса, отблески изумрудных бутылок. Оживить их не удавалось. Я был далеко.

От ветра глаза стали слезиться, и я наконец разглядел — сквозь слёзы всегда виднее — среди расплывавшихся неопалимых кустов красно-белый квадратик клеенки, себя самого, своё одиночество, которое, точно побитая собака, крутилось рядом, заглядывая в глаза мне, и всех своих близких — даже тех, кого не было с нами тогда, — с поднятыми стаканами в руках.

Лиц их уже было не разобрать. Но я знал, что сейчас они справляют поминки. Поминки по мне. И свет понемногу из них уходил.

Женщина с искрящимся обручем мошкеры над головой сидела отдельно от всех, обхватив руками лицо. И я знал, что с каждой минутой большеголовый ребёнок, которого никогда не увижу, растёт в её теле.

Лето

Сизое пятно, проступившее прямо над луною, стремительно разрасталось, темнело, превращалось из безобидной тучи в распростёртые крылья черного архангела, голова которого была далеко за горизонтом. Крылья вздымались и опускались снова, разгоняли в асфальте расплющенные вееры горячих пальмовых теней, все плотней накрывали своим серебристым исподом город, застывший в изнеможении от духоты.

Ветер к земле прижимал налитую грозным шуршанием плоскую крышу. До блеска вылизывал сотней шершавых своих языков. Бормотал заклинанья, обсасывал, одну за другою, каждую из мерцавших антенн. Тщательно, чтоб ни единой частицы грязи, принятой из эфира, на них не осталось, вытирал обрывками мокрых газет. И осипшие птицы воздуха, раскрыв свои длинные клювы, носились между хлопающими газетными листами.

Светопреставление началось ветвящимся спазмом в груди архангела, во взлохмаченной завязи между сросшихся крыльев. Небосвод раскололся беззвучно на две неравные половины, и молниеносная трещина впиалась острым концом в далёкие болота.

Белая волна света хлынула в комнату и окатила меня с головой. Стена за спиной колыхалась, как занавеска от ветра.

Раскрыл окно и глубоко, до головокружения, затянулся ветром. Пузырьки озноба поднялись откуда-то из глубины. Плотный мрак, окружавший дом, распался на куски. Под огромною аркою из крыльев архангела тянулись, насколько хватало глаз, цепочки аккуратно лоснящихся кубиков, прорезанных мигающими огоньками, двойным свечением фосфора и антрацита.

Я стоял, высунувшись в окно, в самом центре вселенной, наполненной блестящею чёрной водою. Дышать было трудно, кровь гулко стучала в висках. Воздух был разреженным, будто трещина в небе втянула в себя его большую часть. Звенящая лёгкость медленно разливалась внутри, омывая, разглаживая засохшие пролежни на душе. Но в лёгкости этой таилась опасность. Последнюю неделю я провёл в спячке на берегу океана среди других тел, бессмысленно созревавших, как уродливые плоды, на солнце, и моя новая очищенная душа ничем ещё не была защищена.

Раздался оглушительный треск, и голова вдруг заполнилась грохотом. Он крутился из стороны в сторону, наталкивался на стенки, отражался от них, становился сильнее и сильнее. И, когда уже невозможно было выдержать, прорвал барабанные перепонки и вырвался наружу. Теперь он заполнял собою весь небосвод, накренившийся под тяжестью воды куда-то к югу. Казалось, исполинский каток расправлял, выравнивал над отвесным шуршанием ливня потрепавшуюся твердь с другой стороны. Грохот, наконец, обвалился за край горизонта. Сияющий цветной дождь повис на секунду, не достигая земли, и сразу же, расправив крылья, рухнуло на серебристый город, накрыло его собою влажное тело архангела.

...сильнее вод многих, сильнее волн морских...

Ожили по углам дома водосточные трубы. Залитая водою крыша — вознесённый высоко над землёю квадрат океана — стояла на четырёх урчащих водопадах. И антенны, усеянные зелёным электричеством, торчали из грязной бушующей пены мачтами кораблей, потерпевших крушение.

А за окном прорастали беззвучно сквозь мутную плёнку дождя острые листья взъерошенных палм, извилистые мазки кипарисов. Переливающаяся чёрными отблесками вода выгибала линии улиц, контуры крыш, узкие вскрики зияющих колоколен, их вывалившиеся наружу языки.

Опять загрохотал каток в растрескавшемся небосводе. И в окоём, огранённый окном, вползли появившиеся из темноты каменные чудовища одноэтажных зданий. Они надвигались со всех четырёх сторон медленно и неумолимо под дробный стук деревянных капель. Жёлтый свет разгорался в окнах всё ярче. Шли они боком, словно чёрные ледаколы, выставив смертоносные, отполированные ливнем углы и расплющивая чавкающее месиво травы, распаренных молочных плафонов, асфальта и лунных стеблей. Острые полосатые навесы над дверьми торчали по сторонам. Потоки воды, не касаясь, огибали сухие тёмные крыши, словно само пространство вокруг них было изогнуто. Закрученный в спирали пар струился из лихо заломленных труб. И птицы воздуха, прилетевшие по мою душу, с карканьем кружились над ними.

Чистый и пустой, ставший вдруг намного старше себя блестящей кольчуге из чешуйчатых отблесков, расставив ноги и перегнувшись пополам над подоконником. Миллионами маленьких сосущих ртов хрипел, задыхался вокруг студенистый ливень.

Мокрая, шевелящаяся темь перехлёстывала через окно, стекала за шиворот. Под стук деревянных капель — или это сердце моё так стучало? — невидимые водопады, готовясь к атаке, утробно урчали в железных трубах. Указательный палец сжимал, как взведённый курок, щеколду оконной рамы. Кусок сверкающей ливневой пелены удушливым целлофаном плотно прилип к лицу. Прорези для глаз и для рта были слишком узкими. Любое движение шорохом отдавалось в затылке.

Я был одним из стоявших у открытых окон. И не было конца светопреставлению в переполненной влагой вселенной. Ослепительные трещины вспыхивали теперь со всех сторон. Небо с грохотом раскалывалось на огромные куски и сразу срасталось снова в невидимый купол. Поднимались в воздух деревья, запрокидывали назад свои кроны и плавно опускались. Медленные волны шли под землёю, и поплавки машин покачивались на них. Вдвухались, лопались нарывы в асфальте. Бурлящая вода уносила грязь и гной великого города в преисподнюю сквозь щели в сверкающих люках. Распрямить указательный палец, о который с брызгами разбивалась сейчас холодная вода, никак не удавалось. И страшно гудел кондиционер за спиной.

Когда небесные вспышки ослепляли здания, медленно и неумолимо приближавшиеся ко мне на подземных волнах, те замирали и тарасились, не мигая, своими воспалёнными, остекленевшими глазами. Но как только тьма возвращалась, они оживали, и снова, словно пена, вскипали их белые тени. Наполненное сырою извёсткой дыханье смешивалось с дождём. Алой желчью, еле сдерживаемым бешенством полоскался в незрячих квадратных зрачках электрический свет. Внутри неподвижно стояли плоские люди, похожие на фанерные мишени, которые выставляют возле горящих факелов на ночных стрельбах. Когда учат убивать... И они ждали...

Терпеливо ждали, что переполненная мёртвой водой и сиянием крыша обрушится и раздавит нас всех, наконец.

Осень

Всего одна легко взбегающая по холмам тропинка, в которой осталась галька ещё и песок. Вот недавно ушедшей воды, ведёт в этот лес сквозь шуршанье багровых и жёлтых листьев, сквозь тонкий писк счастливых комаров, празднующих своё последнее солнце, сквозь терпкий

настой из хвои с костяникой, влажного валежника, пожухлых грибниц и коры, накопившийся в тёплых воздушных ямах.

После тропинки начинается тонкотканый ковёр из бледно-зелёного мха с прорехами ноздреватых валунов, непрерывно меняющих окраску. Ковёр — словно пол распаханного храма всех деревьев, созданных по образу и подобию вечнозелёного Древа Жизни.

Сияющий ветер лес готовит к последней осенней службе. Узоры из светотеней тщательно к валунам подбирает. Выстилает их лучшими листьями с иконной сквозной позолотой, перелепленными сосновыми иголками, чтобы ног не поранил входящий. Гудит вдохновенно в облепленных солнцем и плесенью длинных волокнах, в трубах-стволах уходящего в небо органа. Водит по выгнутому веткам тонкими прутьями — будто янтарной смолой натёртыми, струнами тёмного света. И в *вышних* пробует их звучание, многоголосое их согласие...

Тёплый воздух промывает очень слабым раствором из уксуса и марганцовки. Отовсюду торчат переломанные лучи, единственные прямые — да и те нездешнего, но солнечного происхождения — в этом мире плавных, струящихся линий. Ни одной мёртвой вещи, сделанной людьми. Мерцают в засохшей густой паутине одинокие капли дождя. С морщинистой кожи столетних деревьев отодраны краски, чтобы не дребезжала обшивка органических труб, чтобы каждый ствол, когда войдёт в него ветер, начальник хора деревьев, издавал в чистоте тела свой выверенный и только ему присущий звук. И внизу, у подножия их извиваются, корчатся между корявых коряг цветные струпы коры и пятна света, придавленные тенями.

Слышно, как время течёт, оставляя в лице у тебя промоины длинных морщин, намечая пути для будущих слёз. Ведь и ты когда-нибудь тоже научишься плакать. Неспешное, прозрачное время осеннего леса, в себя вобравшее все времена. Слышно, как в нём проступает знакомый прерывистый ритм, и не ритм даже, а многоголосая лесная *полиритмия*. Как низкое небо скользит по глазам, и беззвучная музыка кружащихся, умирающих листьев, вплетается в стройный хор сосен, в надсадное голошенье осин, в трепетанья и жалобы огненных клёнов и лип лепечущих всхлипы.

Высветляется лес. Выветриваются из него последние запахи летней гнили, пожухшей коры. Стволы сияют, будто в преображении. Тысячью протянутых во все стороны рук цепляются побеги и стебли за ветер, раскачиваются, прижимают к себе охапки пылающих листьев. Шелестящие перешёптывания шныряют в осиянных высоких кронах, перескакивают с одной на другую, и синюю кровью смерти взбухают твёрдые жилы веток. Холод уже отложил личинки в раны поломанных сучьев. Под ними волосатые, мощные корни растут, словно кусты, перевёрнутые ветвями вниз. Пожирая сгнившие в удобрения прошлогодние листья, вползают беззвучно в чёрную почву. Срастаются в белый фундамент, в упругое скóрние бревенчатого, выветренного храма.

Одиночеством, старческим одиночеством наполняются души деревьев. Ожиданьем минуты, когда зазвучат, наконец-то, органические трубы воздыханьем-мольбою мятущейся плоти — косязычным молением о сохранении жизни, о воскресении мёртвых животных, цветов и растений. Шемящая нищета и беззащитность оставшихся один на один с наступающим холодом. Ведь те, кто умерли, валяются здесь же с трухлявыми уже корнями, вывернутыми наружу. И нет у них возраста. Не только храм, но и кладбище.

...чтобы смертное поглотилось живым... ибо землю наследуют слабые... ведь ещё ненадолго есть с нами свет...

Входить туда надо вдвоём. Всем телом вслушиваясь в текущий по ярко-синему куполу распев несметных ветвей, побегов, стволов и лучей, соединённых ветром. Входить осторожно, чтоб не вспугнуть серебристого ужа, греющегося всегда на одном и том же камне, или молодого, безрогого ещё оленя, который, тычась мордою в запахи, ищет в лощине еду среди бурого мха и поглядывает на тебя с недоумением. Не раздавить ручеёк коричнево-красных тонконогих муравьёв под твоею ступнёю. Ведь народ в лесу нашем очень пугливый, и вместе мы прячемся

здесь от чужих. Но, если ты с ними, то ни одна, даже самая дикая, ветка не хлестнёт тебя по лицу, ни один, даже самый зловредный сучок, не расцарапает твоей щеки. Выше нас деревья возносятся к небу, глубже в землю они проросли. И зла не делают они никому.

Потом — когда разговор наших тел перейдет, наконец-то, на сбивчивый шепот, когда он опять распадётся на два благодарных и утолщённых молчания, когда печальной станет твоя душа, — лежать на спине во мху, пропитанном любовью, понемногу пробуждаясь от яви. Отгонять комаров, слушать ветер. Наблюдать, как он пригибает кусты, как он их склоняет к смирению. Засыпать, поглощая раскинутыми ладонями солнце, просыпаться снова. Улыбаться блаженно и осовело сообщницам-веткам, укрывавших от солнца и всё время подсматривавших за нами.

Лес, куда ты опять засыпаешь, неотличим от этого леса. По обе стороны сна насколько хватает глаз моховой ковёр испещрен очень сложными, нигде не повторяющимся украшениями, сплетёнными знаками леса — мерцающими киноварью бусинками костяники и волчьей ягоды, неровными стежками рыжих сосновых иголок, маленькими круглыми зеркальцами черной, с альми разводами воды, чуть подернутой девственной гнилью.

Твой взгляд поднимается вверх, блуждает в толпе голенастых деревьев. В самом центре неба нестерпимо пылает солнце. Из закрученных вокруг него облаков выходят шесть лучей — золотые рёбра, скрепляющие купол.

Гудит нетерпеливо перед началом живой литургии деревянный орган. Из земли, из белого скóрния леса по стволам поднимаются первые звуки, выходят наружу сквозь мощные раструбы крон. Налёт сна с них понемногу сходит — ты проснулся, но это ещё не ты. Янтарных прутьев косые линейки плывут — уже наяву — по натянутым веткам, плавно изогнутым на концах, будто грифы со сломанными колками. И льётся со всех сторон спелёнутый в молитву тихий распев раскачивающихся деревьев, теряющих листья, впадающих в забытьё. Молитву об ангеле леса, который к ним спустится с вестью благой.

И ты становишься лучше, когда слышишь его.

Стебли срывают с себя прилипшие листья, словно грязные бинты с кожи. Выгибаются костлявые руки веток, тянутся к небесному своду. Обступают тебя и начинают кружиться. И вся твоя жизнь, все дни, проведённые здесь в лесу, влетают в древокружение, в летящее столпотворение скользких стволов и лохмотьев жёлтого света, свисающего между ними. Кружатся вокруг солнца, как крылья огромной стеклянной мельницы, шесть главных его лучей, кружится весь храм вместе с многоярусными ярко вычерченными облаками, сползающими медленно на край купола, на хвойную гряду горизонта.

Отворачиваешься, закрываешь плотнее глаза, открываешь их снова. И, застыв себя врасплох, во внезапно ожившей яви, в самом центре её видишь новое небо и новую землю. Которых на самом деле, может, и нет. Но это неважно. Просто надо поверить и сразу увидишь. Завораживающий блеск исходит теперь от светлогоних деревьев, возвратившихся уже на свои места. Контуры веток, словно прочерченные синими чернилами, легко подрагивают. Длинные линии сломанных скрюченных сучьев похожи на зеленеющие от солнца ивритские буквы в прозрачном свитке, который натянут между стволами, чтобы следить могли все за молитвой во время службы.

Одна, как видно, совсем уж с ума сошедшая от безысходности, горбатая липа вдруг неслышно выходит из толпы и приближается почти вплотную. Всхлипывает, рвёт на себе скукоженные, выгоревшие от солнца висюльки, растрёпанные вороньи гнёзда. Потом, выпростав из косматой трясущейся кроны корявую ветку, отчаянно и бесстыдно задирает подол тёмно-шафранового поредевшего рубища. Через голову, с хрустом выворачивает его наизнанку, обнажая всё худосочное незагорелое тело, покрытое оспами и застывает, словно сведённая судорогой. Смотри, мне терять уже нечего.

И сыплются, сыплются стаи аспидно-чёрных ворон из-под задранного подола. Разинув застывшие клювы, носятся над твоей головой. Будто сотней раскрытых ножниц, беззвучно кро-

ят из тугой синевы для ветра новое платье. Иногда, точно подстреленная твоим взглядом, одна из небесных закройщиц стремительно падает, но в последний момент, уже почти коснувшись тебя крылом, вдруг снова взмывает и продолжает своё слепое кружение.

В слоистых запахах леса проступает чуть-чуть прогорклый, царапающий запах засохшей хвои, свечей и гнилых мандаринов. Откуда, из-под какой новогодней ёлки твоего военного детства принёс его сюда вездесущий ветер? Или у запахов, как у икон, тоже своя обратная перспектива, и чем ближе к детству — тем слышнее они? И память дольше у них?

Сон опять незаметно меняется с явью местами, но для тебя по-старому всё остаётся, ведь ты безнадежно застрял между ними. Тускнеет так умело подобранная пестрота мохового ковра. Смеркаются листья над твоей головою. Верхушки деревьев теперь протыкают насквозь огромное низкое солнце, уже освободившееся от облаков. Бесформенные груды горящего золота громоздятся над ними. Лучистый купол нерукотворного храма пригнулся к земле, ещё больше отделяя тех, кто внутри, от остального мира.

На самом краю окоёма видна год назад ещё удочерённая веточка с нашим сдвоенным именем. Сейчас и узнать её трудно. Исхудала, осунулась, совсем почернела. Серебристо-зелёное платье испачкано бурными пятнами, следами ночных заморозков. Задубела тонкая кожа, коростой покрылась. Разбухшие суставы торчат во все стороны. Но в длинном сердце, в тугих молодых волокнах ещё сохранился поющий остаток тепла. Только хватит ли на целую зиму? За близких особенно страшно. И, словно чтобы нас успокоить, она взлетает, легко и привычно водит танцующей тенью тебе по лицу.

Тёмный солнечный зайчик щечочет набухшие веки. Облетает листва. Облепляет лицо листопад. Ты слушаешь — почтительно и отрешённо, — как осеннее время твоей жизни сливается с голосом ветра, вставленным в раму из трепетных шорохов и воздыханий, как по секунде, по маленькой капле прозрачной зелени стекает оно сквозь мох в крошечную тьму. И бережно складываешь услышанные слова. Одно к одному. Чтоб помогали, поддерживали друг друга, когда с первой звездой придётся звучать им. Ни единою буквою не сфальшивить, ни одной запятой неверной не нарушить их прерывистый пульс, их уже истончившийся ритм. Свидетельство о заброшенном соборе деревьев, пронизанном заходящим солнцем, о кружащихся внутри его листьях, соединённых, как слово и слово, в огромную молитву леса, о дряхлеющей плоти, источенной короедами, и о наполненном бормотанием одиночестве. Может, кто-нибудь после нас...

Высокое беспокойство теперь наполняет тебя. Почти истекло уже время. Надо спешить. Не вставая с земли, начинаешь шарить вокруг. Среди ржавых сосновых иголок и разбухших струев коры нащупываешь, наконец-то, косые лучи, торчащие рядом в дремотой пропитанном мху. Осторожно на прочность их пробуешь. Потом выдёргиваешь, наматываешь на кулак. Минуту смотришь — уже не глазами, но через глаза — в нависшие ветки. Узнаёшь по движению извивающихся листьев, что ветер совсем уже рядом. И тогда рывком себя поднимаешь к небу. Ошеломлённая душа, как воздушный змей, привязанный к телу прочными нитями, подхватывает ветер — Божий ветер, веющий уже не только в пространстве, но и во времени — и носится, носится перед началом службы Судного Дня, не находя себе места под куполом леса. Леса, из которого мы никогда не выйдём.

Ты успеваешь ещё разглядеть сквозь приоткрытую щель между явью и сном нас обоих внизу. Последнее, что удаётся запомнить.

Конечно, сейчас всего этого не существует. Да, наверное, и раньше не существовало. Но я записал свои воспоминания о четырех временах ветра в надежде, что будет дано мне увидеть их когда-нибудь снова. И можно будет сравнить. ■□■

Девушка

и смерть

Владимир Гандельсман

ВВОДКА

Я не тебя
люблю, но этот миг,
когда, трубя,
ты мчишься напрямик

туда, где путь
уснувших мёртвым сном
уткнулся в суть,
не видимую днём.

ПАБЛО

мама с папой на работе пока что
Пабло лез через балкон балконьеро
с тенью дерева качливой как мачта
развевалась точно парус портьера
Пабло мальчик загорелый не промах
худ в штанах да и резвив кинописно
взмок на взмахе и пролился в укромах
Пабло Пабло по-девчоночьи вспискну
нежно-розовые сакуры стлались
за окном и на ковре где томились
и бессчётно как зверьки утолялись
пластовались опалялись дымились

ЖИРАЛЬДО

Чтобы телу не сойти с ума,
наспех скинув на ковёр тряпьё,
вскачь неслись с победным криком «А-а!»,
я — лассо накинув, он — воздев копьё.

© Фото: Д. Зверев

ЭБЕРАРДО

Он влѣк меня и пас меня с изгибом,
присушим рыбам,
ожесточаясь в осязанье гиблом,
с подъятым дыбом,
там, на песке, где удочку, улова
не сняв, отринул
и рыба билась в жизнь многоголово,
он уд свой вскинул,
и снова влѣк и пас меня с изгибом,
присушим рыбам,
ожесточаясь в осязанье гиблом,
с подъятым дыбом,
там, на песке, где удочку, улова
не сняв, отринул,
где рыба билась в жизнь многоголово,
где уд свой вскинул
и, как ножом, вспорол меня, огромный...
Ну, хватит, сыты.
О, Эберардо, боров неумный,
да отдохни ты!

ЖЮЛЬ

Жюль, делай, помнишь, я сказала,
со мной, что хочешь.
Ты был с вокзала.
А горлышко со мной промочишь?

В такси я жалась и дрожала,
я из постели
к тебе бежала,
где четверо вокруг пытели.

Но ты, мой Жюль неоперѣнный,
не знал, что люди —
есть многорѣвный
зверинец и родство во блюде.

В ирландском баре, где коньячный
стелился сумрак,
любимый, злачный,
в мерцанье склянок и мензурок, —

как наливался ты желаньем!
А уж в отеле
тот день закланьем
закончился, но мы успели.

ШАН

Чирикнет «инь»
чирикну «ян»
а колокольчик «динь»
в моём ущелье «дон»
медленный Шан

Фэн и Луань
Луань и Фэн
а колокольчик «динь»
смеясь зазывно «дон»
медленный Шан

дон-инь динь-ян
сквозное «есть»
когда в ущелье зван
нефритовый твой пест
медленный Шан

Фэн и Луань
птичьей любви
крик и блаженных стран
щебет «тай-и» «тай-и»
медленный Шан

СОЛОМОН

Опившись, я сказала так: лобзай
лобзаньем уст твоих, влеки меня
в чертог любви, как падаль растерзай,
я вся твоё жнивье, твоя стерня,
о, эта пятерня и пятерня!

Он ими рвал на части и давил
меня, ещё юницу, красным ртом
впиваясь в мой, и пил меня, и пил,
как если б я была сосуд с вином,
о, человек, родившийся скотом!

И верно: кобылицей впряжена
в его телегу, я, прогнув хребет,
стелилась под кнутом его без сна
и отдыха, покуда этот бред
не кончился и не пришёл рассвет.

Тогда я огляделась — Соломон,
мясник в том заскорюзлом городке,
где я жила тогда, был погружён

в глубокий сон, я вышла налегке
из скотобойни, с денежкой в руке.

С СОБАЧКОЙ И МУЖЕМ

Ты моя собачечка,
Кевин, гляди,
какая она ласточка,
да погоди,
смотри, какие ушечки
свисают, пушась,
иди на подушечку,
ложись на нас,
ты моя шёрстка хорошая,
вся лохматозаросшая,
ты моя кошечка,
ой-ой-ой,
Кевин, ты окошечко
хоть призакрой,
постой, иди, пёсечка,
иди в уголок,
иди к себе, моя носечка,
мой носорог.

ЛЮБЛЮ

Гостиницы люблю. Мужчин.
Коньяк. Помаду. Чёрный цвет.
Собак. Срывание личин
с отцов семейств. Мохнатый плед.

Ковры гостиниц. Складки штор.
Когда поют. Когда пьяна.
Когда курю. Мужской прибор
на ощупь. Чтобы ночь темна.

Французские духи. Зверей.
Скульптурки черепах и жаб.
Езду в такси. Когда еврей.
Песнь Песней. Шёлк. Когда араб.

Ритмичность. Пудру. Стервецов.
Ревнивый ропот в телефон
на том конце. В конце концов,
люблю конец. А вот и он.

P.S.**1. С подругой**

Ах, елозилося, мать, вкривь и вкось.
Муж за двери —
я к любовнику, там — ноги врозь.
Люди — звери.

Рвут друг друга на мясо, пасть в пасть,
чтобы слиться.
Да ведь лучше раскваситься в страсть,
чем озлиться.

Здесь ссыхайся, а там разминай,
как кобыла,
круп и лядвия и отстенай,
что копила.

Бросить мужа? Сама посуды,
что с ним будет?
Там скачи, мать, а здесь посиди, —
не убудет.

У того есть супруга и сын, —
тоже, к счастью,
не разбёгся. Глядишь — керосин
вытек страсти.

Мясо мясом, а смотришь — скелет.
Что с ним случилось?
Так и вышло за тридцать-то лет —
рассосалось.

Ну а главное нас пронесло,
зла семье-то
мы не сделали, — где оно, зло?
Славно это.

Как устроилась, как сопряглась,
приварилась
к жизни подлая жизнь, ты не сглазь,
всё забылось!

Улеглось, утряслось, улеглось,
оклемалось.
Ах, как славно, мать, всё солгалось,
как соткалось!

2. Предсмертная песня

Загребают справа-слева грабли скорые,
ветры воют, как взбесившиеся «скорые»...

А не то бывала ночь — вся предвкушение,
смерть как где-нибудь в танзании крушение:

вся нестрашная, забавная, забытая,
жизнь как блядство, жажды карта недобитая,

и никто не завывает, кроме любчего,
кроме нежно-изомлевшего подъяубчего,

да и с мужем хорошо пилося-затягивалось
сигареткой, да в постельке-то потягивалось...

Кто ты есть? Не узнаю, — на узнавание
сил не стало — что ещё за изваяние?..

Говорю во тьму залегшую, кромешную:
Господи, прости блядь-душу грешную!..

Всё! молчу, берёт паскуда на измор, вия
из меня, живой, верёвки. На хер! Морфия!..

■□■

ПОЭЗИЯ И АМЕРИКАНСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

Бэрн УОРМСЕР

Когда мне подалось понравившееся стихотворение (а стихи я читал почти ежедневно), я переписывал его в одну из тех толстых разлинованных тетрадей с полями, которыми пользовался еще в школе. Это простое действие, привычное поэтам испокон веков, давало мне уникальную возможность своей рукой как бы заново «создать» произведение, утолить любопытство, похвалить, испытать радость и сопереживание. Сидя за кухонным столом, собственноручно сработанным из ясеня (наш единственный стол), переписывая стихотворение, я ощущал, как рождается каждое слово и то, что следовало за ним. Я испытывал чувство предопределенности избранных слов и неопределенности самого пульса творения, трепетание духа. Записывая стихотворение, я словно оказывался в мертвом центре зыбучих песков поэтического ремесла, вторгался в хрупкую ткань слов. Я в буквальном смысле «выращивал» стих — от пустоты до его законченной формы. Время шло вспять, ибо я участвовал в процессе, однажды уже проделанном. Я не занимался ни критикой, ни теоретизированием, разглагольствованием или анализом. В тишине я погружался в безмолвный, чарующий мир слов. Это и было моим приобщением к поэзии.

Поэзия верует в ценность высказанного чувства; однако ученики постепенно осознают, что общество этой веры вовсе не разделяет. До них доходят слухи о существовании поэзии — из учебников. Им предлагаются для изучения случайные, разрозненные отрывки стихов, подобно короткой поездке в чуждую страну. Им недвусмысленно дается понять, что поэзия — не жизненная необходимость, и незачем включать ее в свою жизнь. Она не имеет никакого практического смысла, не поддается редукции, она нелогична. Она зиждется на эмоциях и человеческом субъективизме, обитает в дебрях таинственного и неуловимого. Словом, поэзия — дело хлопотное. В школах поэзия вызывает беспокойство, потому что она неизбежно порождает страшный вопрос: «Так в чем же смысл этого стихотворения?»

Это печально: ведь поэзия претендует лишь на то, чтобы ей дали шанс быть услышанной и признали достойной уважения. Именно уважение представляет проблему, потому что оно предполагает внимательное и неравнодушное отношение. Общество, помешанное на практичности, относится к словам только как к средству коммуникации. Слова, как послушные слуги, существуют для того, чтобы передавать суть ситуации. То, что у них есть собственная жизнь, не принимается во внимание; то, что каждое слово — это источник энергии, красоты, вдохновения, — вселяет беспокойство.

Бэрн Уормсер — выдающийся современный американский поэт, автор более десяти сборников стихов, руководства по преподаванию поэзии в школах и колледжах, а также мемуарного романа о жизни поэта и его семьи в глубинных лесах штата Мэн. Данные заметки — размышления о поэзии — представляют собой выдержки из этой книги. Уормсер стоит особняком, в стороне от мейнстрима академии и нью-йоркского истеблишмента. Он — директор и руководитель поэтического семинара и популярного в США фестиваля Роберта Фроста в его доме-музее в Нью-Хемпшире. Уормсер — один из ведущих поэтов Новой Англии.

Неспособность широкой публики в современной Америке наслаждаться поэзией — это не что иное, как наследие пуританского абсолютизма, с их неуверенностью в завтрашнем дне и страхом перед раскрепощенным словом. Как считала Эмили Дикинсон, пуританский менталитет стремится подавить слово, так же как он стремится заставить мир повиноваться Божественной власти, обещающей своим последователям вечное блаженство. Поэзия живет вне Священного Писания; она сродни язычеству, предлагает иную, запретную жизнь. Стихи не внушают доверия. Подобно воспоминаниям, их можно сберечь навсегда. От них исходит невыразимый аромат незатейливого чуда существования.

Как хорошо понимала Дикинсон, пуританская интуиция подсказывает, что эмоциональная насыщенность поэзии бросает вызов власти пуританского Бога; даже и слабое чувство — уже само по себе целый мир.

Когда я пытаюсь вообразить преобразенное общество, я представляю себе людей, отводящих время на то, чтобы записать стихи поэтов вроде Джона Китса. Когда в классе я диктую ученикам строки стихов, каждый раз это откровение — хотя и с маленькой буквы.

Неблагодарность этого дела — сочинения стихов, предназначенных тем, кого я никогда не встречу в надежде получить от них признание того, что эти стихи действительно были мною созданы, — я ощущаю как удар брошенного камня. Я, признанный поэт, старался выразить себя, выплескивая свой внутренний «духовный экстракт», буквально выставляя себя на всеобщее обозрение. То же самое проделывали и многие другие поэты. Вместе — хотя физически мы никогда вместе не были — мы создали нечто вроде мира поэтических эго. «Послушайте меня», — взывал каждый из нас в своих личных историях и лирических откровениях. Когда я однажды спросил знакомую, редактора поэтического журнала: каково ей читать эти тысячи стихов, она ответила с оттенком сарказма: «Это — бесконечный наплыв «Я»».

Судя по тому, что мне было известно о происхождении и развитии поэзии на этой планете, она начиналась скорее как общинное искусство, чем единоличное. Человек выучился словам и рассказал истории своего племени. Или ему явилось видение, и он описал его словами. Или человеку было предписано изучить традиции племени, и он должен был передать это знание другим. Как бы там ни было, поэзия, чтобы стать таковой, зависит от ритма, звучания и памяти. Личность попадает в широкие объятия чего-то в полном смысле слова, всеобъемлющего. Таким образом, поэзия принадлежит миру магов, предсказателей, шаманов, волшебников и ведьм. Мечта о разумном, насколько это касается поэзии, так и остается мечтой. Поэтическое существование как было, так и остается воображаемым. Такова зыбкая, вечно меняющаяся, созданная фантазией основа, на которой зиждется поэзия.

Что же общего у этих истоков с массой индивидуальностей, многие из которых для самопознания полагаются на помощь психологов, — не вполне ясно. В каком-то смысле современное общество — это то же племя, что и в поэзии Уитмена, только единства в нем нет. Уолт Уитмен провозглашал себя бардом Америки, тянущим воз американской бессмыслицы, но на самом деле он был настоящим провидцем. Он обладал видением — одновременно и всеобъемлющим, и микроскопическим. Он внедрялся в чужие души, и многие, очень многие души вливались в его душу. Он верил в силы демократии и поэзии, поскольку они признавали благородство всякой, самой будничной жизни — начиная с его собственной. Его органичное, безграничное «я» побуждало к сопереживанию.

В этом смысле Эмили Дикинсон представляется столь же важным американским поэтом, как и Уитмен, и как бы его поэтическим антиподом. Она писала для себя и для окружающего мира, который в то же время был ее внутренним миром. Создавая свои сжатые, полные жизни стихи, подвергающие сомнению и отвергающие бесцветную, лишенную любви религию, в которой она была воспитана, она становилась почти шаманом. Она делала то, что было необходимо для американского менталитета, хотя никто в то время этого не понимал; большинство представителей поэзии были безнадежно затеряны в бесплодной пустыне благовоспитанности. Лирическая героиня Дикинсон выступает против безразличия и потерянности;

ее стихи — и испытание, и приобщение. Ее потрясающие по красоте, вызывающие, своеобразные строки — самые ранние примеры погружения в себя. В своей жизни она, с одной стороны, видела скучную предопределенность и самодовольство, с другой — познала восторг творчества.

Уитмен хотел доставлять удовольствие читателю, но не преуспел в этом. Дикинсон никогда к этому не стремилась и посмеялась бы, наверное, даже над самой идеей. Она доставляла удовольствие себе самой (как и Уитмен), и это было главным. Без эмоционального подъема (пусть и нелегкого) при создании стихотворения нет поэзии. Это — восторг поэта, испытывающего на себе магию языка. И все-таки поэзия остается делом социальным. Она стремится каким-то образом выйти «в люди». Она хочет осветить другие души своими откровениями. Она хочет быть признанной как воплощение духа.

Современные решения этой дилеммы вполне понятны, но несколько двусмысленны. Эзра Паунд — замечательный поэт и не менее замечательный публицист, сформулировавший идею о центральном месте поэзии и никогда от нее не отказавшийся, хотя это и навредило его репутации. Он был бойцом, бунтарем, проложившим путь современному поэту, принимающему на себя ответственность за все. Грустная ирония заключается в том, что суетное, погруженное в свои заботы общество вовсе не просит поэтов об этом. В жизни поэтов, особенно в середине XX века, наблюдается кризис, когда пропасть между страстью поэта и равнодушием и узостью общества становится непреодолимой. И поэт взрывается — почти буквально.

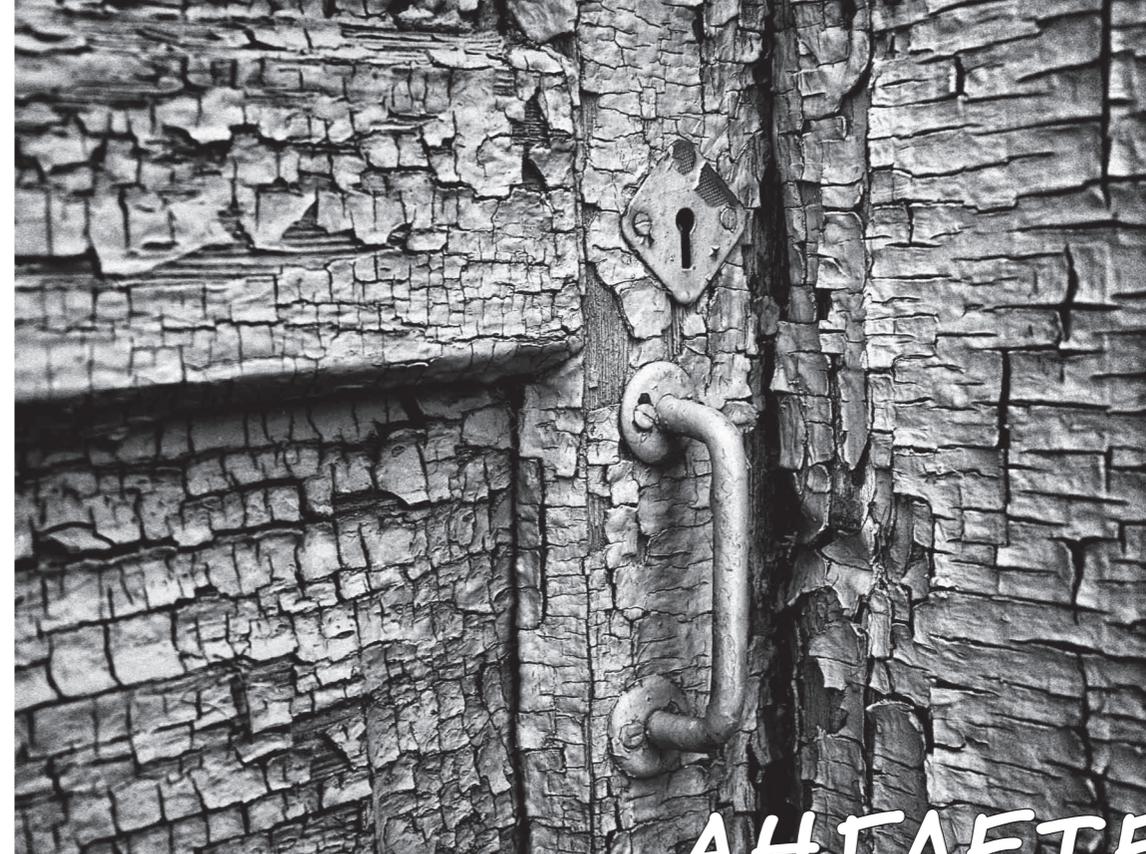
Поэты постарались приспособиться к этой невеселой ситуации — именно это произошло во второй половине XX столетия в Соединенных Штатах. Они начали вводить степени, премии, организовывать различные программы, курсы, публикации, конференции и прочие мероприятия масс-культуры, ориентированной на приобретение знаний. Соответственно, образовались многочисленные крошечные племена, каждое со своим бардом. Поскольку централизация отсутствовала, бурная энергия бушевала на периферии. Возможно, это была Великая Периферия, как на тех средневековых картах, где обозначались такие мифические области, как Земля или Престер Джон.

Положение барда непросто. Бард должен говорить обществу не только то, что оно *хочет* слышать, но и то, что ему *нужно* услышать. Разумеется, последнее часто совсем не то, чего общество желает. Поэтическое мастерство доставляет удовольствие слиянием ритма и звучания, но поэт вовсе не ставит своей целью развлекать публику, обеспечивая ей приятное времяпрепровождение. Ключ поэтического призвания — *видение*, а оно может завести в места не слишком приятные. Напротив, они могут оказаться определенно нежелательными, а зачастую — зловещими. Ни «Медузу», ни «Инферно» не назовешь приятным *видением*.

Все это делает желание доставлять удовольствие еще более соблазнительным для поэта. Поэту хочется аплодисментов, но чтобы быть популярным, приходится идти на компромисс и, принося в жертву искусство, говорить людям то, что они желают услышать, превращаясь в стихоплета, продуцирующего банальные сентиментальности, беспроигрышные заигрывания, восхваления, бесконечные шутки и применяющего прочие дешевые приемы. Низведение поэзии до такого уровня — зрелище очень грустное. Не лучше и другой прием — заставить аудиторию почувствовать себя глупой. Заумь — плохая замена душе.

Учитывая сложность ситуации, не лучше ли осознать все опасности и признать, что поэзия — это первобытный поиск ответа на наболевший вопрос: «Что это?» Потому что для поэзии этот вопрос никуда не девается; поэзия основана на любознательности и никогда не повзрослеет. Война, несчастная любовь, кусок торта, оставленный на тарелке, пролетевшая мимо птица — все это одинаково важно с точки зрения поэтического исследования, вопроса и чувства. Независимо от того, содержит ли конверт, вынутый из почтового ящика на проселочной дороге в лесах штата Мэн, положительный ответ из поэтического журнала или отказ, призывание к открытию сил, правящих существованием, остается. И всегда будут звучать строки Уолта: «Я понял, что достаточно быть с теми, кого люблю...»

Перевод с английского Елены Ариан

АНГЛЕТЕР

Владимир Друк

Ирине

граждане командировочные
развешенные в коридорах
на кого вам надеяться — карабкайтесь автономно!

я и сам — из глины и электродов —
подчиняюсь то дарвину, то платону

я и сам, запутавшись в пуповине,
соблюдаю каждый закон природы

здесь дают по субботам живую воду
с кратким курсом, надкусанным посредине

я и сам не вижу иного смысла
кроме красной кирпичной стены напротив
всё уплачено, но — я сижу напротив —
проверяя счета, подставляя числа

здесь и ветер гуляет туда-обратно
как по питеру ходит то грипп, то триппер
если сорок лет просвистел напрасно
значит надо обратно грести в египет

иностранцы и прочие оборванцы,
эмигранты, танцующие не в такт
отчего все не эдак вам, да не так,
да и кто — ва-а-ще? — пригласил вас на танцы?

этот город топорщится из кармана
этот город находится вне закона
геометрии —
город,
где
мама
помыла
раму —

отдыхай, милый, чувствуй себя как дома

в этом городе сходятся все прямые
всюду запад, хотя на восток — правее:
лучше черным и бедным, чем англосаксом
и конечно — женщиной, чем евреем

и еще — ты заметила? — всюду запах
это химия-сука, но я не против

и еще — если хочешь — за 20 баксов
если ты не против против аборт

посиди, милый, скоро заснут дети
погоди, возьмем из буфета праздник
ну и что, тараканы — они бессмертны, они — как
ленин
они — в ответе, а мы — в отказе

праздник, праздник — из горлышка, из картона —
разгулялся как будто в своей квартире

ты хоть помнишь адрес и номер дома?
он как сука кратен числу «4»

а они — по-нашему — ни бельмеса
и похоже, что из другого теста!
хорошо мы не в ливии, не в Китае
я уже понимаю и даже читаю
не сойти мне с этого места

научился подписываться на чеках
но уже /но еще не виден на фотоснимках
кто найдет меня в этих библиотеках
где шагал и будда стоят в обнимку?

кто найдет меня в этих головоломках
в этажах-этажерках, дешевых буднях
не найдет никто не возьмет на полку
потому что просто искать не будут

все оставлено в силе — как перед Судным днем —
все побрито и вымыто. но прячется от ответа
и никто не придет к тебе, братец,
ни доктор, ни управдом
и никто не накроет второй газетой

товарищи планетяне, ищущие контакт!
кончилась пятилетка слепых котят
плодитесь и размножайтесь
пока еще нас хотят

//электричество — вовсе не то, что прячется в
проводах
и не то, что до срока живет, затаясь в розетках —
электричество то, что темнеет в твоих глазах
привлекая то в горничных, то в таблетках//

...ты один. электричество. двадцать одно очко
что выходит на главную площадь цирка
тишина! ты прицелился, брызгает молочко
попадая в молочницу и пробирку

есть усилие, которого в сущности нет
и его не оценят ни дилеры, ни курсистки
попадаешь в я,
в яблочко,
в щель,
в типографскую гарь газет,

между последним принципом
и первым мотоциклистом

попадаешь в десятку, а толку нет
есть усилие, но каждый раз над собой
рассветает
в магазине напротив включили утренний свет
этажом выше спели за упокой

если сорок лет пролистал напрасно
между морем мертвым и морем красным
значит надо обратно пылить в египет
или — выпить, покуда никто не видел

...оживает молочница и булочник и букварь
пахнет сыростью детства — сбежавшей птицей
и ржавеет сетка и лопаются эмаль
и под матрацем спрятаны две страницы

и это все что останется на потом
и это причины что двигают весь картон

и ты лежишь мертвый и висишь до того живой
что просто хочется встать и пойти домой

■□■

5 рассказов

Григорий
Стариковский

КЕВИН

По вечерам он давил муравьев. Размазывал ступней по линолеуму — аккуратно так, чтобы сплюснутые тельца не прилипали к носкам. Или кропил их специальным раствором, пахнущим апельсиновой цедрой. Взбрызнет и смотрит, как муравей мечется из стороны в сторону, пока не умрет. Мать возвращалась с работы, включала пылесос. Мертвые муравьи исчезали в гофрированном хоботе.

Он подходил к монитору, проверял список. Список постепенно таял. Это напоминало ему «вышибалочку», игру из детства, когда все меньше остается игроков, а выбывшие сидят на скамейках и ждут... Школу он заканчивал через месяц. Подружки у него не было. Появиться на выпускном в одиночку было бы несолидно. Лучше, если с девушкой. Он разглядывал себя в зеркале. Расчесывал соломенные волосы.

Подождав неделю, решился. Выбрал оставшихся трех из списка. В кабинете завуча взял приглашенные билеты. Пошел в цветочный: купил розы, тюльпаны и подсолнухи. *Если не согласится одна, может, другая пойдет. Если не другая, то третья.*

Оставил два букета в машине. Нашел Одри на задворках школы. Она курила. Что-то азиатское мелькнуло в её взгляде. Змеиное что-то.

— Привет, Одри! Вот, хочу пригласить тебя... Буду рад, если...

Оробел. Замялся. Прибавил:

— Хотя, конечно, если ты с кем-нибудь другим собралась идти, скажи... Не буду мешать. Цветы принес.

Несколько секунд Одри разглядывала его, как будто смотрела на дерево или на птицу.

— Спасибо, Кевин. Я не против.

Поблагодарила за подсолнухи — её любимые цветы, напоминают о Франции.

Он снова сказал — на этот раз гораздо медленнее:

— Билеты у меня есть. Позвоню тебе перед...

Не договорил. Она кивнула. Кевин прибежал домой и попросил мать как следует вычистить синий костюм.

Настал день выпускного. Лимузины останавливались возле парадного. Пары — выпускники под руку с девицами — входили в отель. Девицы — в вечерних платьях. Волосы уложены. Некоторых Кевин не узнал. Одри тоже была в вечернем платье.

Они подошли к столику, на котором лежали карточки с именами выпускников. Кевин отыскал свою. Встали в очередь к фотографу.

Они снимались на фоне экрана с нарисованными пальмами. Полминуты улыбались в камеру, прижимаясь плечами. Фотограф сделал знак, и они уступили место следующей паре.

Их повели в большой круглый зал. По залу бегали официанты в малиновых пиджаках. Одни разносили бокалы с безалкогольным пуншем, другие — пирожки с говядиной на блестящих подносах с вензелем отеля. В центре зала находился стол с угощением: мексиканские чипсы и острый соус в блюде. Кевин поднес бокал к губам. Отпил немного. Взял пирожок. Откусил. Положил на тарелку. Салфеткой отер пот со лба. Пододвинул Одри тарелку с чипсами. Она отказалась. Она вообще ничего не ела.

Главным событием вечера были танцы — козлиный притоп впритирку. Диджей запускал несколько песен подряд. Выпускники отплясывали, сплотившись в толпу. Потом все рассаживались за столы и ели макароны. Снова танцевали. Парни хватили своих визави и терлись о них сзади и спереди. Получалось совсем грязно. Дежурные учителя отворачивались.

Кевин повел Одри на площадку. Пристроились сбоку, на черной линии, отделявшей квадрат паркета, отведенный для танцев, от остального зала. Кевин никогда до этого не танцевал. Его движения были беспорядочны и жалки. Он снял пиджак, освободил шею от галстука. Через минуту взмок.

Одри смотрела себе под ноги, как будто боялась оступиться. Кевину захотелось, чтобы она взглянула на него, сказала что-нибудь. Она вела себя так, как будто он где-то далеко, а не рядом с ней. *Пусть хоть посмотрит на меня*, — подумал он, — *презирает пусть — за козлиный запах, за то, что я — такое вот нелепое существо.*

Она не поднимала глаз, смотрела в пол. Полоса изоленты отделяла танцующих от жующих. Он взял её за руку:

— Скажи что-нибудь.

Она взглянула на него.

— Зачем?

Он смутился. Они прошли к столу.

— Одри, почему ты все время молчишь?

— Я не люблю говорить, — ответила она.

Кевин пододвинул к себе тарелку. Набросился на макароны, как будто сильно проголодался. Подхватывал макароны вилкой. Приоткрыв рот, на вдохе всасывал. Нервно разжевывал. Салфеткой отирал с губ следы томатного соуса.

Когда все закончилось, они вышли на улицу. Он провожал её до стоянки такси. Она молчала. Пройти оставалось метров двести. Из подворотни выскользнули трое — высокий негр лет тридцати и двое латиносов, помладше. Негр ослабил:

— Эй, парень, двадцатки не найдется?

Кевин нервно выудил купюру из брючного кармана. Протянул негру. Тот скомкал её в своей огромной пятерне. Уходить эти трое не собирались. Латиносы смотрели на вечернее платье Одри — шею, голые плечи, вырез на груди — и цокали языками. Негр хохотнул:

— Да не бойся ты, парень! Думаешь, мы тут все — насильники, убийцы? Расслабься, перерыв у нас сегодня. Живи, парень.

Латиносы рассмеялись тонким смехом.

— Слово честное, не обидим. Вот, руку даю.

Кевин протянул хлипкую ладонь навстречу.

— Теперь пусть твоя подружка пожмет.

Одри не шевелилась. Кевин толкнул её:

— Пожми руку и пойдём.

Одри посмотрела на негра. Её трясло. Она закричала:

— Как же вы мне все надоели, твари!

Повернулась и пошла назад, к отелю. Кевин подумал, что сейчас они побегут за ней, догонят. Начал оправдываться. Негр оскалил лошадиные зубы:

— С норовом у тебя девчонка... Что ж ты, парень, её не воспитываешь?

Кивнул своим друзьям, и они скрылись в подворотне.

Кевин побежал в отель. В баре сидели учителя и пили виски. Какие-то люди в комбинезонах смотрели по телевизору канал «Охотник»: на экране мужик в камуфляже убивал слона... Танцевальный зал закрыли. Уборщицы мыли полы в коридоре. Он вышел из отеля. Спросил забуддыгу-ирландца, не видел ли тот девицу в вечернем платье. Ирландец промычал несколько пьяненьких слов. Кевин побежал на соседнюю улицу, оттуда — в скверик. Одри нигде не было.

ДЯДЯ ГАРРИ

У Кевина был дядя. Дядя Гарри. Нечесаный, рыжий, созвездие родинок на правой щеке. Сколько ему было лет, не знал никто, даже отец Кевина, сводный брат Гарри.

Отец Кевина торговал фирменными перьевыми ручками. Много работал. От работы, командировок уставал. Заботу о дяде Гарри переложил на сына. Несколько месяцев назад Кевин получил водительские права.

Шефство над дядей Гарри сводилось к периодическим названиваниям, покупке продуктов, регулярным подвозам — на прием к врачу или ещё куда-нибудь. Своей машины у Гарри не было. Передвигался пешком или на местном автобусе. Велосипед, подаренный в день рождения, Гарри продал. Дяде вообще много чего дарили, но все подарки попадали в чужие руки. Когда гости уходили или когда Гарри возвращался домой из гостей, он выносил на улицу раскладной стол. Начинал торговлю. Покупатели, они же соседи по жилкомплексу, покупали дядин товар задешево.

Все его помыслы сводились к одному: как бы раздобыть побольше денег. Тянуть рабочую лямку он не хотел. Получал небольшое пособие по инвалидности. Дяде везде мерещились возможные источники дохода. Идеи обогащения плодились в его больном мозгу, как мыши. Такие замыслы, какие другому не приснятся даже в дерзком сне.

В прошлом году на Хэллоуин Гарри облачился в костюм Вини-Пуха. Ходил по домам. Собирал сладкое подавание. Стучал в дверь. Когда на пороге кто-нибудь появлялся, Гарри наспех проговаривал виннипуховы стишки. В ответ ему улыбались и наполняли дядину корзинку сладостями.

На следующий день, в воскресенье, Гарри позвонил Кевину. Когда Кевин подъехал к дядиному дому, Гарри стоял возле подъезда, прислонясь к кирпичному ограждению. В руках он держал сумку, набитую конфетно-шоколадной снедью.

— Во, видел? — похвастался дядя. Гарри спешил в торговый центр.

В шумном помещении, снаружи похожем на консервную банку, щелкали, гудели, верещали игровые автоматы. Дядя Гарри подошел к мальчику лет шести:

— Эй, парень, купи конфетки. Отдаю каждую за 25 центов. На вот, попробуй.

Гарри схватил ребенка за плечи. Тот извивался, пытаясь высвободиться. Одной рукой придерживая мальчика, Гарри развернул обертку. Разжав ребенку челюсти, втолкнул мятную подушечку в детский ротик. Мальчик завыл. Дядя потряс его за плечи. Крикнул в самое ухо:

— Отдам за жетоны. Четыре конфеты — жетон.

Гарри высыпал содержимое сумки на ковролин.

Приехали полицейские. Дядю забрали в участок. Молодой коп сказал Кевину, что эту ночь Гарри проведет за решеткой, а утром предстанет перед судьей.

На следующий день Кевин в школу не пошел. Проспал до десяти часов, позавтракал и поехал в суд. В зале суда окон не было. Электрический свет лениво стекал по деревянным панелям. Люди сидели вплотную, много людей. В основном нарушители правил дорожного движения: одни проехали на красный, другие не пристегнулись. Поодиночке они подходили к высокой кафедре-пюпитру. Признавали вину. Соглашались заплатить штраф. Просили об отсрочке.

Потом в зале появилась маленькая японка. Тонкие, почти прозрачные руки схвачены в запястьях блестящими наручниками. Судья обратился к ней и спросил, где она проживает.

— В бомбоубежище.

При этом назвала адрес обыкновенной квартиры в соседнем девелопменте. А вот машина заменяет ей дом — спальню, кухню, столовую.

— И вообще, моё отечество, — сказала она несколько высокопарно, — это кабина «Понтиака».

Многие засмеялись. Кевину было жалко эту сумасшедшую, но он тоже улыбнулся.

Молодой вихлястый прокурор пританцовывал. После каждой реплики оглядывался. Как будто ждал поддержки зала.

— *Обвиняемая угрожала соседям расправой. Не вызывает сомнений, что она представляет собой угрозу для общества. Да вы посмотрите на неё, она же сумасшедшая.*

Приплясывая, снова оглянулся. Кевину показалось, что прокурор ему подмигнул.

Потом ввели дядю Гарри, тоже в наручниках. Футболка выползла из брюк. Задралась, оголив часть спины. Кевин увидел наколку — меланхолический хряк смотрит на ломтик бекона. Над хряком поднимается облачко, в котором, как в комиксах, вписана фраза: «*Неужели это ты, Фил?*»

Прокурор зачитал обвинение. Гарри сначала не слушал. Склонив голову набок, разглядывал потолок. Когда обвинитель закончил чтение, Гарри нахмурился и впился в него глазами.

— Вы согласны с пунктами обвинения? — спросил судья.

— В чем, собственно, дело? — поинтересовался дядя.

— Дело, собственно, в том, — неторопливо объяснил судья, постукивая пальцем по столешнице, — дело в том, что вы обвиняетесь в нанесении телесных повреждений ребенку, а также — слушайте внимательно — в домогательствах сексуального характера.

— Кто, я? — ошалело крикнул Гарри.

— Ну не я же, — парировал судья.

Прокурор прыснул. За спиной у Кевина кто-то рассмеялся.

Дядя Гарри вопил, разбрызгивая слюни:

— Я — домогался? Да я вообще детей на дух не выношу! Сторговаться хотел. Конфеты отдать за жетоны.

— *Обвиняемый, успокойтесь!* — судья повысил голос. — *Снимите с него наручники. Будьте любезны, распишитесь под обвинительным актом.*

Запястья высвободили. Один из охранников подал дяде ручку и положил отпечатанный документ на пюпитр.

Дядя бросил ручку на пол, повернулся к охраннику и толкнул его. Тот потерял равновесие. На лету вмазался в своего напарника. Через весь зал Гарри рванулся к выходу. Вцепился в дверную ручку. Хотел выбежать из зала, но передумал. Понесся галопом по кругу, приподняв руки ладонями вверх, сотрясая воздух молчанием. Кевин видел, как один из охранников взялся за кобуру. Прокурор помертвел лицом. Охранник расстегнул кобуру. Снял пистолет с предохранителя. Крикнул:

— Стой! Буду стрелять!

Дядя Гарри подбежал к боковой, служебной двери и ударился головой о дверное стекло. Закачался, упал на малиновый коврик. Прокурор ожил. Охранники набросились на дядю. Сцепили запястья наручниками. Уволокли его через служебный вход. Судья сказал, что обвинение будет предъявлено Гарри через неделю.

— А пока, — он кивнул Кевину, — найдите ему хорошего адвоката.

Кевин вышел из зала. Посмотрел в окно. Во двор подогнали автозак. Гарри поднесли к машине, затолкали внутрь. Следом за дядей в кабину нырнул охранник, тот самый, который чуть было его не пристрелил. Кевин вынул из рюкзака мобильник, набрал номер отца.

— Ну и как там наш Гарри? Выпутался? — засуетился отец.

— Все нормально, не беспокойся. Скоро отпустят.

Автозак вырuling на улицу, покотил к городской тюрьме. Синюшные тучи заволокли небо. Начался дождь. Затяжной, осенний.

УРОК ФИЛОСОФИИ

Пиши, — сказал, — что есть истинная радость...

Говорю тебе, что если сохраню терпение и не разгневаюсь,

вот в этом и есть истинная радость, и истинная

добродетель, и спасение души.

Франциск Ассизский

Где хорошо, там родина. Многие опасаются за собственную репутацию, почти никто не боится своей совести. Можно поменять небо над собой, но себя не изменишь. Что есть мореход? Идущий по морю. Что такое смерть? Врагиня жизни. А солдат? Оплот империи. Вопрос — ответ. Поиграем? Поиграем! Вопрос: что такое небо? *Покрывало земли.* Копнём поглубже? Небо — голубая летучая мышь, распростершая крылья над нами. Нравится?

— Нет, не нравится. Высокопарно уж очень.

Тогда сами попробуйте.

— Небо — это зрачок океана. Небо — это голос космоса. Небо — это наша судьба.

Думайте, думайте!

— Мы не думаем, мы выдумываем.

Правильно делаете. Воображение — это путь к спасению.

Читаем законы Хаммурапи: **Если человек бросил на человека обвинение в колдовстве и не доказал этого, то тот, на которого было брошено обвинение в колдовстве, должен пойти к Божеству Реки и в Реку погрузиться; если Река схватит его, его обвинитель сможет забрать его дом. Если же Река очистит этого человека и он останется невредим, тогда тот, кто бросил на него обвинение в колдовстве, должен быть убит, а тот, кто погружался в Реку, может забрать дом обвинителя.**

Спрашивают:

— Это про ту реку, в которой нельзя утонуть дважды?

Шутите?

— Шутим.

Так чего же добивался Хаммурапи от своего народа?

— Чего, чего — ничего, чтобы все поголовно умели плавать.

А теперь подумайте серьезно. Что говорят нам эти законы о человеке, о том, на что человек способен?

— Не любил он людей. Думал, что все они — потенциальные стукачи-доносители.

Соображают. Молодцы ребята. Правду говорил бородастый междуреченец: стукачи-доносители, конформисты, погромщики, полицаи. Дедову невесту расстреляли в 41-м на Украине. Немцы в город войти не успели...

Они приходят ко мне на большой перемене. Жуют бутерброды, обсуждают очередное задание.

— Не убий. Не укради. Ну, это понятно. Не прелюбодействуй. С этим сложнее. Но хуже всего с «не возжелай». Это значит, что я не могу возжелать Дженни из одиннадцатого? Но я же её не это... Сижу себе тихо и желаю. Что в этом плохого? Сами говорите, что воображение — путь к спасению.

Дело вот в чем... «Не возжелай» значит «не желай для себя того, что тебе не принадлежит и твоим не будет». Была у меня начальница, мадьярка по имени Миша. Изъяснялась простейшими фразами. Проще не бывает. Жизнь — сука, — говорила она. Так вот, я повторю слова Миши: жизнь — сука. Будете пялиться на чужое, двух, трех жизней не хватит, чтобы понять, зачем живете.

— Значит, Дженни моей не будет? Спасибо, поддержали в трудную минуту.

Когда она станет твоей, ты поймешь, что она — твоя. А пока что она — ничья.

— Как это — ничья?! Она же с Патриком гуляет.

Ну, это не насовсем...

Аристотеля не любят. Отвечают вяло. Выясняется, что Аманда вообще не читала. Джон заснул, не дочитав второй страницы. Переводит вялотекущий разговор в другое русло.

— Я, — говорит Джон, — избрал новое снотворное. Называется «Аристотин». Продается в любом книжном без рецепта. В библиотеках вообще бесплатно. Дозировка — от одной до пяти страниц. От передозы наступает летальный исход...

Постойте, говорю я, а «золотая середина»? Ведь это — стрела, пущенная из древних Афин. Стрела, упавшая к нашим ногам.

— Аристотель похож на разобранный часовой механизм. Горсть винтиков и шестеренок...

А ты возьми и собери из этих винтиков и шестеренок свои часы. Они будут показывать время. Но это будет уже твоё время.

Полюбили Фому Аквинского. Читают вслух. Останавливаются. Переводят дыхание. **Из сказанного выше следует, что нет единого первичного начала зла в том смысле, в котором есть единое начало блага. Ибо, во-первых, единое первичное начало блага есть благо по своей сущности, как то было показано. Ничто, однако, не может быть по своей сущности злом.** Разматывают клубок хитрой мысли. Каждый отвоевывает у другого отрезок спасительной нити. Разговаривают с Аквином через стол. Сосредоточенная радость соучастия. Он как будто сидит с нами в коричневой сутане, поедает чизбургер с горячей жареной картошкой из школьного буфета. Раструбом рукава отирает янтарные капельки пота. Как черных рыбок, выуживает возражения оппонентов.

Практика. Ходим по коридорам, останавливаем учеников и учителей, спрашиваем: *Есть ли зло на свете и, если есть, то откуда оно такое взялось? Каковы причины зла?* Отвечают по-разному: *Жадность, зависть, деньги, республиканцы, демократы, Адам и Ева, змий-искуситель.*

Больше всего им нравится Платон, особенно аллегория пещеры в *Государстве*. Останавливаемся на лестничном пролете между вторым и третьим этажами. Опускаю жалюзи на единственном окне. Спрашиваю Джона, согласен ли он быть узником. Да, Джон не возражает. Привязываем его к перилам, так чтобы он не видел происходящего у себя за спиной. Включаю фонарик. Желтушный луч отплясывает на стене перед Джоном.

В луч фонарного света вношу одну за другой маленькие плюшевые игрушки.

— Кто это? — спрашиваю.

— Это — пес, а это — медведь, — отвечает Джон.

Потом проделываю то же самое, но уже с несколькими игрушками одновременно. Джон смотрит на кентаврские изображения, вписанные в световое пятно. Он не знает, какие игрушки я держу в руках. Пытается угадать, но ему трудно. Через некоторое время догадки иссякают. Джон молча смотрит на меняющиеся очертания. Ему уже не интересно отгадывать. Он смирился. Проходит несколько минут. Я поднимаю жалюзи, и впущенный солнечный свет очищает стену. Джона отвязывают. От полноты падающего света наступает ослепление: некоторое время Джон трет глаза. Наконец, привыкает к свету. Мы видим его лицо. Он смотрит на нас и улыбается.

ЛУИДЖИ

A: *He doesn't know my name.*

B: *Of course he knows your name.*

(из разговора, подслушанного в Бруклине)

В сентябре им раздавали имена. Ему досталось плоское имя — Луиджи. Похожее на высвист черной птицы или на росплеск воды, стекающей по гнущимся, стылым трубам куда-то вниз, под землю.

Он пришел домой. Открыл общую тетрадь, поставил дату. *Теперь меня зовут «птица-увязшая-в-песне» или «стянутый-трубами-плеск».* Я — звук, похороненный в жалости водопровода... На следующий день новое имя было пущено в оборот. На уроке инсеньянте обратился к нему шуточно, даже несколько развязно: *Добрый день, синьор Луиджи.* Голос инсеньянте напоминал морскую волну — то вверх (и слово удлинилось вслед за вытянутыми вперед губами), то отвесно вниз (звук почти прогла-

тывался и звенел где-то в утробе). Вечером он записал в тетради: *Эта речь жеманна, как женщина в сумерках.*

Луиджи сидел в самом конце класса, возле окна. Разрисованная парта: сердце, пробитое неоперенной стрелой, а рядом — то ли чья-то обрюзгшая физиономия, то ли колобок с глазами-соплями. Инсеньянте рассказал им про дремучий лес и про поэта, который не смог оттуда выбраться. Луиджи вспомнил сказку, которую мать читала ему в раннем детстве. Там тоже был лес и заплутавшие дети, брат и сестра. Птицы склевали хлебные крошки. Они остались в лесу, не отыскав дороги домой. Да и не было у них никакого дома...

На уроках Луиджи переписывал с доски. Подавляя отвращение, вместе с другими повторял за инсеньянте. Когда он отвечал на вопросы, Луиджи казалось, что его рот наполняется сладковатой кашей. В общей тетради появилась новая запись: *Меня тошнит, когда я говорю так, как другие. Как будто в тарелку с водянистой овсянкой добавили кленового сиропа. У инсеньянте во рту точно такая же кашка. Он как птичка, которая разжевывает пищу, а потом отдает птенцам.*

В октябре они должны были подготовить слайд-шоу на заданную тему. Из бейсболки каждый тянул вчетверо сложенную бумажку с именем певца или певицы. Луиджи досталась Джильола. Джильола Чинкветти. Он пришел домой и набрал её имя в поисковике. По линкам вышел на персональный веб-сайт. Открыл первые попавшиеся странички. Прослушал несколько песен, но мелодии не запомнил и не понял слов.

Луиджи следил за её взглядом. Вот она стоит на сцене, ждет, когда заиграет оркестр. *Неочевидно, что последует за первыми росплесками музыки, песня или молчание. Она ждет росчерка дирижерской палочки, как поджидают электричку, которую, в принципе, можно и пропустить, потому что за ней придет другая.*

Джильола смотрит с платформы концертного зала на затихшую публику, как будто перед ней расписание пригородных поездов. Начинает петь. В зале хлопают. Некто невидимый вопит «браво». Луиджи подумал, что того человека, который крикнул «браво», наверное, уже нет. Джильола стоит, качивается. Левая рука на бедре, похожая на опрокинутую арку. Свет выключили. Исчезли оркестр и подпевалы. Джильола то поднимает, то опускает правую руку, плавно так, как будто причесывает музыку. Откидывает назад густые, как море, волосы. Делает несколько легких шагов влево, потом вправо. Останавливается. Грациозно сгибает ногу, выпрастывая голень из-под длинного платья, как любовницы в старых кинолентах. Луиджи выключил компьютер, открыл тетрадь: *руки, как виноградные лозы, их всеядная гибкость и строгость. Пальцы — вытянутые виноградины, длинные, как цыганские серьги.*

Он полюбил отрывок из старого спектакля, в котором она пела и танцевала. Луиджи пересматривал эту запись по многу раз и не мог насмотреться. Она — в гимнастическом трико, обшитом разноцветными лентами. Ноги, как две нежные живые колонны. Шесть девушек ввозят её на сцену. Она встает, поводит плечами. Поет. Пролезает под повозкой и выпархивает у самой кромки сцены. Потом они пляшут. В руках у неё маленький бубен. Она — вороха разноцветных лент на обоих плечах — в центре. В глазах — разрывы острого электрического света. Жгучие волосы бьются по щекам, как змеи. Танцовщицы подпрыгивают и крутятся справа и слева, и позади неё. А в самом конце она останавливается, вскидывает правую руку с бубном и так замирает. Луиджи слышит, как там, за спиной оператора, рукоплещет зал. *Сегодня я понял, что не могу без неё жить.* Он вспомнил стихи, которые читал им инсеньянте: *пусть мои глаза превратятся в воду, сердце — в огонь, голова — в камень, туловище — в древесный ствол, только бы не приближаться к ней. А помыслы мои пусть станут птицами.*

Однажды она явилась ему во сне. Постучала в дверь, вошла в комнату, села на стул с облупленной спинкой. Затянула негромкую песню. Это была очень нежная песня. Луиджи не поверил, что Джильола обращалась именно к нему, а не к кому-то другому. Закончив песню, она исчезла. Он услышал, как хлопнула дверь, и это разбудило его. Он проснулся и лежал в темноте с открытыми глазами.

Вернувшись домой из школы, Луиджи сразу же принялся пересматривать ролик с танцем, в котором она была застрельщицей. Он просидел перед монитором до ночи. Джильола по-прежнему была прекрасна, но теперь Луиджи увидел то, чего не замечал раньше: в самом начале песни, когда её ввозят на сцену, она чересчур крепко держится за борт повозки, как будто боится упасть, а позже, во время

танца, на мгновение сбивается с такта. Как мало нужно, чтобы навсегда потерять воздушность, из облака превратиться в лужу. В полночь повторился вчерашний сон. Скрипнула дверь. Она присела на край стула и спела знакомую колыбельную. Потом подошла к нему. Взяла его за руки. Её ладони были холодны. Холодны, как вода в проруби. Луиджи рывком высвободил запястья и спрятал их под одеялом. Джильола исчезла, как в прежний раз, как будто её никогда не было. Хлопнула дверь. Утром Луиджи казалось, что руки его покрылись коркой льда. Даже после горячего душа он не смог согреться.

На следующий день инсеньянте показал им отрывок из прошлогодней телепередачи: ведущая в малиновой юбке призвала людей доброй воли помочь голодающим детям Африки. Рядом с ней в телестудии сидели три улыбающихся негрятенка. Луиджи узнал Джильолу. Зачем она носит эту дурацкую малиновую юбку? Что стало с её волосами? Наверное, их две — одна юная, сладкая, стоящая на повозке, которую везут девушки, наряженные арлекинами, и другая — старое, скрипучее дерево с выеденным нутром.

Ночью она снова пришла к нему. На этот раз петь не стала, сразу направилась к его кровати. Он увидел её лицо: две желтые горевшие точки там, где должны были быть глаза, и волосы её совсем не черные, а русые, с прозеленью. Она подошла вплотную, цепко схватила его за левое запястье и потянула за собой. Он попытался вырваться, но не смог. Он услышал, как она шепелявит, как подслащивает уговоры на своем наречии. Луиджи извивался, попытался ударить её ногой в живот. Как крыса, она уволокивала его за собой. Свободной рукой он хватался за простыню, одеяло, подушку, но бельё не держало и разлеталось по комнате. Она открыла окно, и оттуда дохнуло сыростью поздней осени, лиственной прелью. Он извернулся и впился зубами в её ледяную руку. Луиджи услышал крик, ухающий крик, похожий на свиный. Она бросилась в сторону двери. От дверного хлопка он проснулся.

Луиджи лежал на полу, возле настёж открытого окна. Левое запястье болело нестерпимо. Луиджи подумал, что сейчас она вернется за ним, вцепится в волосы, выкинет его из окна. Он будет лежать на тротуаре. Ветер растреплет ему волосы. Птицы выключат глаза. Бездомные псы слижут потеки крови. А вокруг — вороха неубранной, прелой листвы...

Луиджи поднялся с пола, лег в кровать. Попытался заснуть, но сон не шел, и он прободрствовал до утра. Он ждал её появления. Но женщина больше не приходила к нему.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Алисон, с истовой верой в чудо

Утром, на излете сна, голос узнаваем, как в раннем детстве, когда слово ничего не значило, кроме человека, который его произносит. Это мать кричит из кухни: *Вставай. Ну, вставай же, сонное царство.* Мгновение окончательного пробуждения, переход в бодрствование, в ледяную воду сознания. Она открывает глаза. В спальне тесно от нахлынувшего сентябрьского света. Тесно и зябко. По оконному стеклу ползет муха. Недоверчиво ощупывает гладкую поверхность: свет не может быть таким ярким и непроницаемым. Взлетает. Разгоняется. Бьется об стекло. Продолжает упорствовать.

В ванной умывается брат. Медленное падение воды в раковину. Он чистит зубы, ополаскивает лицо, причесывается. Почему он всегда проводит столько времени в ванной? Как Нарцисс, прикованный к своему отражению. Поток воды прерывается. Она слышит шелест ворошимых волос. Не такие уж они у него густые. Она проводит ладонью по своим волосам. Отгоняет грустные мысли, ныряет по глубже под одеяло. Расправляет складки и снова прислушивается.

Квартира наполняется знакомыми запахами. Из кухни пахнет гренками. Мать вымачивает хлебную мякоть в яичном желтке. На сковородке обжаренный хлеб обрастает желтой корочкой. Мать расставляет тарелки. Сыплет корицы на братнины гренки. Она не любит с корицей. К гренкам почти не прикасается, к мягкому, как губка, промасленному хлебу в яичных потеках. По утрам она варит себе геркулес, добавляет чайную ложечку кленового сиропа и немного толченых орешков. На серебряной ложечке почти стерлась гравировка: *Алисе, моей трехлетней крохе.*

Она лежит на спине, плотно укрывшись одеялом. Неподвижная. Воображает, что она — египетская мумия. Днем — под шерстяным одеялом, а ночью катается на лодке, с черными кошками. Кошки ластиятся к ногам и мячуют. На корме волк отталкивается шестом от речного дна. Мать кричит из кухни: *Ты едешь с нами?* Она выпрастывает руки, потягивается, устраивается поудобнее. *Нет, я остаюсь дома.* Мать сердится: *Нет, давай уж с нами. Он обижается, когда к нему не приходят...*

Она вспомнила прошлое посещение. Дед сидит в коляске возле окна. Просит: *отвези меня к заливу.* Она кивает, подталкивает коляску в сторону лифта. Вот сиделка выпорхнула. *Хэллоу, хэллоу, ты только посмотри, кто к нам пожаловал. Дочка, что ли, твоя? Не, внучка,* — улыбается он. Она вызывает лифт. Ввозит его в чешуйчатую, серебристую кабину. Двери закрываются. Лифт скользит, останавливается на первом этаже. Двери открываются, но не спереди, а сзади. Слишком мало места, чтобы развернуться. Она пятится, тянет коляску за собой. Потом она кормит его арбузной мякотью во двореке, под зеленым навесом. Охранники-гаитяне громко разговаривают друг с другом, через каждое слово повторяют *жууф-жууф*¹. Она прислушивается, но не может понять, говорят ли они о *жууфах* плохо или хорошо. Дед говорит: *Скоро мы все станем черными, как баклажаны.* Он снова погружается в себя, зависает, как испорченный компьютер. Она продолжает кормежку. Впихивает ему в руку алые арбузные кубики. Иногда кубики выпадают из горсти, прямо на тренировочные штаны. Она расторопно подхватывает упавшую мякоть и выкидывает в помойный бак. Те кубики, которые он все же доносит до рта, наскоро проглатываются. Он кашляет, отхаркивает какую-то желтоватую дрянь. Она вытирает ему губы и подбородок стопкой бумажных салфеток. Морщится от отвращения: выделения просачиваются сквозь толщу салфеток. Потом она отвозит его на набережную. Коляска выезжает на асфальтовую дорожку. За чугунным парапетом между огромных камней пенятся волны. На одном из камней стоит человек. Он щурится на солнце и закидывает блесну подальше в воду. Сентябрь, бархатный сентябрь. Она в шортах и безрукавке.

Ужасно хочется отвезти его поскорее обратно в палату, сесть на поезд, доехать до центра, выйти в городской шум и толкотню, взять в какой-нибудь забегаловке стаканчик кофе и бутерброд с ветчиной, а потом сидеть в сквере, жевать бутерброд и разглядывать прохожих. Самое интересное занятие в жизни, глазеть на проходящих мимо — детей, взрослых, стариков... Он везет деда по дорожке, старательно огибая выбоины. Дорожка упирается в решетку, отделяющую территорию реабилитационного центра от городского пляжа. Там за оградой лежат на полотенцах люди, подставив животы увядающему сентябрьскому солнцу. Они с дедом разворачиваются и направляются обратно к корпусу. Очередной разворот возле главного входа. Она снова толкает коляску в сторону пляжа.

Он говорит ей: *Отдохни.* Тогда она останавливается возле скамейки. Он встряхивает головой, кашляет, вытирает желтую слюну тыльной стороной ладони. Просит рассказать что-нибудь. Она рассказывает первое, что придет в голову. Например, о школьных подружках: две её одноклассницы поругались, и одна до такой степени рассердилась, что взяла ножницы и срезала клоч волос у другой, выудила из кармана зажигалку и сожгла срезанные волосы. А потом эту подружку затаскали по завучам, по психологам.

Дед дремлет. Она ждет, когда он очнется и запросится в корпус. Дед открывает глаза. Смотрит на неё. Он не хочет отпускать её, просит сделать ещё два-три круга по набережной. Несмотря на тепло, ей становится зябко. На камнях склизкое серебро сдохшей рыбы. Серебро сверкает на солнце, соскальзывает, исчезает. Она старается не смотреть на камни, на влажные отметины, оставшиеся от рыбы. На том берегу залива можно различить длинную полосу пляжа. В солнечные дни противоположный берег ближе, чем на самом деле. Обман зрения: кажется, что залив можно запросто переплыть. Отдохнуть на том берегу. Купить мороженого в павильоне, а потом снова пуститься вплавь. Парусники бороздят тихую влагу, перемещаются, как шахматные фигуры, переставляемые медленной рукой. Ей опять хочется уйти отсюда, доехать в метро до центра. А там...

Дед спрашивает: *Который час?* Она везет его в столовую, на обед. *Ты куда-нибудь торопишься?* Он просит её побыть с ним ещё немного. Она подвозит его к столу, садится рядом на пластмассовый стул.

¹ Juif (фр.) — еврей.

Они приехали чуть раньше. В столовой заканчивается концерт. Возле окна, выходящего на залив, поет женщина лет пятидесяти. Жирная коса. Губы покрашены так, что помада захватывает не только губы, но и несколько миллиметров над верхней губой. Женщина то и дело берет со стола бумажную салфетку и вытирает пот со лба. Поет для колясочников песню про влюбленных, которые танцуют в подворотне. О том, что им хорошо вместе, и что так будет всегда. Одни старики слушают песню, а другие дремлют. Песня заканчивается, женщина с жирной косой собирает аппаратуру и, не попрощавшись, уходит. Колясочники и ходячие занимают места у столов. К дедову столу подкатывает толстая старуха. Непонятно, как она вообще умещается в коляске. Старуха сразу же накидывается на неё с вопросом. Спрашивает, не знает ли она какого-то Алекса, который — то ли менеджер на Уолл-стрите, то ли владелец строительной конторы. Она отвечает, что не знает никакого Алекса. Но старуха говорит, что Алекс — это её младший сын, самый любимый, *сын старости моей*, говорит старуха. *А мой старший, старшенький служит в полиции*. Потом приносят суп, старуха берет ложку и замолкает. Не отрываясь, смотрит в тарелку. Заедает суп ломтем хлеба. Дед подхватывает суп ложкой, долго дует, проглатывает гущу. Морщится. Отодвигает тарелку. На том конце столовой другая старуха вскакивает со стула и кричит: *Бенджамин, Бенджамин!* Никто не обращает внимания. К ней подходят две санитарки и уводят её в палату.

Она смотрит на деда. Он плачет, размазывая слезы по щекам. Как ребенок. *Бенджамин, Бенджамин*, — шепчет он, — *сын старости моей*. Она говорит, что ей пора, надо делать уроки на завтра. Отвозит деда в палату. Включает ему телевизор. Целует его и уходит. Даже лифта не ждет, сбегает по лестнице и выпархивает из корпуса...

Мать на кухне свирепеет, переходит на крик. *Едешь ты с нами или нет?! — Нет*, — отвечает она, — *не поеду. Хватит с меня. Теперь вы с Джоном езжайте. Ваша очередь*. Она кутается в одеяло. Ждет, когда все уйдут. Хлопок входной двери. Тишина. Она выскальзывает из постели, быстро одевается, идет на кухню. Разогревает чайник. Делает себе какао, погуще, шоколадистой. Возвращается в комнату. Муха, пытавшаяся пронзить окно, смирилась с тем, что на улицу ей не выбраться. В комнате пахнет осенью. *Если бы у бритвенного лезвия был запах, это был бы запах осени*, думает она. Свет как будто рассекает тебя надвое, и ты уже не бабочка, не птица. Не знаешь, есть ли у тебя вообще крылья. Тополиные листья похожи на чешую дохлых рыб. Она раскрывает книгу и погружается в чтение. Главный герой сидит на камне и плачет. Соленый прибой накатывает на шелковистый, чужой песок. Вокруг шумит море, и нет ни малейшей надежды на спасение.

стихи

тюрьма в техасе

не балаклава горит на воре,
балахон залоснился от наледи.
поверка. — есть дженсон?
— ну, есть.
— не ну, а да, сэр.
— да, сэр.
— сегодня метешь тротуар.
— но ветер достал.
— разговоры...

— да, сэр...
напляшется дженсон с метлой,
мы и сами продрогли
стоять на ветру —
леденящий, разнузданный.
— поедем на юг? — ну, поедем...
шершавые, гнутые люди.
какие есть сукины дети.

как сочетание отчаянья
с движением, и зелень кружится
по краю озера, удавка волглая,
темно и заживо.

как расстояние от шороха
до — оползня и обнуления,
тебя зовут сейчас, но где же ты,
дорожка лунная?

и переключивает ясени
смещение ночи, отвердение
звезды над нами... боже фосфорный,
велосипедный шлем из терния.

просыпаешься — новый год,
хмарь окрестная, шаткий слог,
хмарь от хмари дурных погод,
был бы лёд, но растаял лёд.

так, ни то и ни сё — судьба,
два-три градуса выше нуля,
выше, ниже вороний лёт...
оказался он тесноват

этот хвойный, на вырост, вдох,
этот ствольный как будто мех,
тихий дым из кривой трубы,
весь достойный своей судьбы.

рождество

тютчевский грунт сиротеет,
черный во мне вечерет.

вытаял снег возле роши,
веток случайные мощи.

книгу откроешь — рожденье
мальчика, света стяжанье,

ясли, волю, звездочеты
ёлка обложена ватой.

ходит по комнате мерно
тихая женщина в черном.

знает ли, чьими устами
пить увядание в доме,

роза в надтреснутой кадке,
муза в поломанной лодке?

обмотали голову шерстяным шарфом,
и отправили в путь воробьем катулла,
чтоб летел без возврата за тихий дон
золотых церквей... по кому звонил он?

говорят, что возле большой воды,
в тростниках вольно дышится корабелам,
но со всех сторон оказался ты
окружен своим ледовитым телом.

возвращайся оттуда, с площади нежилой,
где развозят холод слепые баржи,
о, саднящий зазор между болотной мглой
и желанием выйти на берег прежний!

мозговым прозрением отомкни
гробовую дверь залетейской стали
и наружу выпорхни, как бы ни
остывало то, что тепло вначале.

говори мне что-нибудь, говори,
успокой как следует, успокой
колокольцем серебряным до зари,
язычком серебряным за щекой,

что земля теперь расползлась как зыбь,
что козлиная не дается песнь,
в этом, милая, не виноват никто —
слева-справа сплошная топь.

подари мне сумерки, тусклый шелк
тополиных всхлипов и длинную жизнь горы.
шелести мне что-нибудь, шелести,
чтобы я не совсем умолк.

квэбек

под оползнем ветра, под дождиком рваным
отрадно смотреть на взопревший брезент
павильона.
мостики разметало, и катер картавит, припаян
к вороньему мясу реки, ударяющей в бубен.

и то, что осталось от кровельных плясок
июльского ливня, хватает, конечно, на ужин
с вином из кленовой бутылки, осинового лаской
в церковной ограде, о Боже, как дождь этот
нежен

и сладостен ветер в слепой колокольне,
начинка его из волторн и кларнетов тягучих,
где раньше саднило, там больше ни капли
не больно,
где жгло по живому, там лучше становится,
лучше.

прямызна поступка — электричка:
сел, уехал, в прошлом не жилец.
я сейчас тщедушнее, чем спичка,
властелин распаянных колец.

электричка, пьяная сестричка,
увези в паленое лито,
где польнью пахнет переключка
мертвецов, убитых ни за что.

где-нибудь на станции кандалной
выпусти, железная змея,
в сломанную жизнь, на берег дальний,
там хвостом виляет сырдаря,

и, как пелось в песне заповедной,
где про кобылицу и ковыль,
по степи несется всадник медный
и глотает лагерную пыль.

■□■

© Текст: Григорий Стариковский

Александр Стесин

□□□

Памяти Роберта Крили

Дождь пройдет, не истопчет травы,
не испортит асфальтовой кожи.
Календарный листок оторви,
за ночь вырастет точно такой же.

Город Буффало. Некий мотель
малозвездочный, но с колоритом.
То не собственной смерти модель,
даже если нарочно умри там.

То для собственной жизни листки;
счет под дверью, прислужгой просунут;
чуткий сон той, с которой близки,
за бугром неразобранных сумок.

© Фото: А. Зверев

Пусть протянется связь, не видна;
быстрый дождь простучит, как наборщик.
Даже если он как из ведра,

а итог — вполстраницы, не больше.
Или если, как речь, и першит
тишина, катаральное нечто,
будто голос к гортани пришит.
А строка оттого бесконечна,

что каретку менять не с руки,
разговор продолжая заглазный.
Смерть, как имя в начале строки —
нарицательное, но с заглавной.

Средь невымытых вилок и тарелок
циферблат находишь наугад.
Шесть часов. Вечерний циркуль стрелок,
тикая, садится на шпагат.

Время сникнуть, время согнуть вовсе,
свой обед, не разогревши, съесть
время есть, и в гусеничном ворсе
пледа мерзнуть — тоже время есть.

Но не время у лихого беса
философской внятности просить,
потому что жизнь — не только бегство,
потому что стоит погасить
искру, как опять по коридорам
дед-уборщик примется мести
пепел сигарет твоих, в котором
вряд ли Феникс вздумает возрасти.

□□□

Целлофановый куль, как упавшее облако,
юго-западный ветер поднимет с земли.
Изучая приметы дрожащего облика,
неприглядным Нарциссом над лужей замри.

Вот летит грузовик, след печатая вафельный;
паутиной осенней сквозит естество.
И не прав метафизик, но нет основательных
у природы причин опровергнуть его.

Ибо жил пешеход, что-то слышал и видел он,
пенопластовый крейсер по лужам пускал

в кругосветный круиз. Тонкой ретушью выделен,
на визитках блестел его бодрый оскал.

И куда он пойдет, где толкнет свою исповедь,
бытовую полемику с пеной у рта?
Так уже самого себя хочется выставить
властным жестом за дверь. Только дверь заперта.

□ □ □

Я впишусь в эту осень, к стене прислонившись
спиной.
Это время — река, где непарных ботинок галеры
по течению плывут. И слышны из ближайшей
пивной
фортепьянные опусы в темпе домашней аллегры.

Я впишусь в этот рыжий кирпич и с изнанки моста
меловые графити, чумных басквиеатов творенья,
и в общагу, где будка консьержки уж год, как пуста,
но жильцы до сих пор предъявляют удостоверенья.

Здесь на койке больничной кончается некто, и свет
упрощается в нем, перевернутым кажется днищем.
И работают все службы быта. И в желтой листве
сокращенное солнце восходит над парковым ни-
щим.

Я в графе распишусь. С белой койки мертвец по-
глядит
в поднесенное зеркальце, и заведут хоровую
та консьержка пропавшая и этот нищий, к груди
прижимающий мокрого пса, точно грелку живую.

□ □ □

Когда причаливают лодку харонову
к крутому берегу Восточной реки,
и грузят ту или иную херовину,
бычки за уши заложив, моряки,
психоделичный дядя, спешившись с велика,
с другого берега им машет рукой
и смотрит, как выносят шлюпки из эллинга.
И густо фабрики дымят за рекой.

Сентябрьским утром взгляд, от ветра слезящийся,
он устремит туда, где пристань и шлюз,
и напевает не лишенный изящества,
еще с Вудстока им запомненный блюз

о том, как много нужно этого самого
для просветленья в мозгах, а для души
одна любовь нужна и музыка, заново
в ушах звенящая и горсть ананаси.

Так напевает он, и в образе Хендрикса
уже является Харон мужику.
В преддверье ада речка движется, пенится,
любовь и музыка стоят начеку.

□ □ □

Без песен, ибо музыка сильнее
поэзии и упраздняет слог,
я подпишусь под этой ахинеей,
без красных строчек сочиню пролог.

Задумал эпос нации отсталой,
но вместо «Калевалы» за окном
лишь талый снег прошелся, сумрак талый,
подчеркнутый дорожным полотном.
И физкультурник, что бежит под плеер
с такою верой в жизнь и правоту,
как будто лейкопластырем заклеил
навек ахиллесову пятау.

Забудь припев, смени наличье смысла
на распорядок слов, бег вдоль шоссе —
на тренажер, чтоб никуда не смылся
главный герой, холерик подшофе.
Ибо, куда ни двинь, одна дорога
бежит, покуда сам бежишь по ней
в обратном направленьи от порога,
от детских дней и от недетских дней.

□ □ □

Это так из яичницы желтый глаз
вытекает на сковороде.
Это просто конфорочный вспыхнул газ.
В умывальнике, в ржавой воде
две руки отразились и мыла запас.
Или велосипедный сверчок
умолкает в прихожей, и в тишь, как в паз,
попадает замочный щелчок.

Это кто-то выходит из темноты,
в коридорно-квартирном аду
жметесь к стенке с эстампом гогеновским: «Ты
хочешь, чтоб я ушла — я уйду».

Это чувств пятерней в промежутке одном
шарит время, в дому, где нас нет,
гаснет свет. И чернеет к весне за окном
хрусткой яблочной мякотью снег,
будто скоро займет этот номер пустой
кто-то новый, с двери сняв печать,
и начнется с постскриптума рифмы простой
все, что поздно сначала начать.

□ □ □

Дед прошел до Берлина войну
у мартеповской топки в Сибири,
без оркестра вернулся в страну,
где победные марши трубили.
В новый век производственных льгот
вышел улицей Кто-то-там-града
и катал на плечах каждый год
мою маму во время парада.

Все, что было по справкам потом,
как и то, что действительно было,
лишь тире, через время понтон.
Не спасло, но убить не убило.

Лишь игрушечный полк прочесал
кабинет с нежилым интерьером,
где гнездилась кукушка в часах
и, разбужен соседским терьером,
по инерции вздрагивал дед,
опустивший газетные складки
и уснувший, как был, не раздет,
своим старческим сном без оглядки.

□ □ □

О том, что, когда будет поздно, пойму,
о склонностях черт-те к чему,
прогнозы, едва постижимы уму,
тирады в еврейском дому
припомню однажды, когда отлучусь
туда, где не видно ни зги;
и нет больше тех, что несли эту чушь
и все-таки не донесли.

Побитые жизнью и смертью плоды
с семейного древа, одни
по ведомству страхов, предчувствий беды,
другие — с подачи родни,
попадали в землю, чтоб в ней прорасти
участком в две-три сотых га,
и я здесь росток; мне не видно пути
в трех соснах под знаком «тайга».

Нет смысла потрепанный атлас листать
с цветком-осьминогом в углу.
Летальный исход не научит летать.
Пред собственным страхом в долгу,
из дома уходишь. Тропа до реки
петляет в предместье глухом.
И сосны на синих холмах далеки
настолько, что кажутся мхом.

□ □ □

Она говорит: «Тяжело, а ему тяжелей»,
говоря о муже. Они — в ожиданье врача
в онкологической клинике. «Пожалей
нас», причитает. И медсестра, ворча,
приносит ему подушку, питье, журнал.
Он — восьмидесятирехлетний. Рак
почек. Худой, как жердь, но худей — жена.
Он и она — из выживших: тьма, барак
в Треблинке или Дахау.

С недоверьем глядят
на студента-медика, думают: свой не свой?
Да, говорю, еврей. И тогда галдят,
жалуясь на врача с медсестрой. Весной
будет ровно шестьдесят лет со дня
их женитьбы. Кивает на мужа: «Тогда он был
вроде тебя... — и оглядывает меня, —
...но постройней». Верный муж охраняет тыл.

Она говорит: «Мы постились на Йом Киппур
даже там... Берегли паёк... А в этом году
в первый раз в жизни не выдержали. Чересчур...»
Говорит: «Когда он уйдет, я тоже уйду».

Он — вечно мерзнувший; помнящий назубок:
«Образ Господа виден смертному со спины, —
засыпает, подушку подкладывая под бок, —
Next year in Jerusalem. Все будем спасены».

■ □ ■

АНТОШКА ПЕТРОВА, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

ОЛГА ИСАЕВА

В классе над доской висели портреты Ленина и Маркса, а на задней стенке Ломоносов и Менделеев. Под Лениным крупными буквами было написано «Учиться, учиться и еще раз учиться», а под Марксом — «Жизнь есть единство и борьба противоположностей». Когда

классная руководительница Нина Александровна объявляла субботник или сбор металлолома, Сомов с задней парты кричал, что Ленин завещал учиться, а не по помойкам за ржавыми кастрюлями бегать, и в знак протеста обещал объявить голодовку. Несерьезно, конечно, потому что он был отпетым хулиганом и двоечником и не то что на субботники, но и на уроки приходил, только если накануне к ним заглядывал участковый и грозил отправить его в колонию для малолетних преступников.

Ленина Антошка уважала, но что значит — учиться, учиться и еще раз учиться? Учиться и переучиваться еще туда-сюда, но три раза подряд учиться, это уж слишком. Ей больше нравилось про «единство и борьбу противоположностей». Она на эту тему сама много думала и пришла к выводу, что так оно и есть. Взять, к примеру, их с матерью — живут вместе, похожи так, что на детских фотографиях их друг от друга не отличить: обе светлоглазые, с едва заметными бровями и веснушками, с одинаковой задорной улыбкой и вздернутым носом. А притом нет, наверное, на свете двух таких непохожих людей, как они.

Например: Антошка хочет собаку, а мать вопит, что от собак только шерсть по углам да блохи. Антошка любит «Песняров», а мать — Муслима Магомаева, которого ласково называет Муслимкой, и когда он выступает по телевизору, так же как он, кривит рот, подпевая: «Ах эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала». И получается просто умора.

А еще мать любит порассуждать о том, что «в жизни всегда есть место подвигу», поэтому заставляет Антошку мыть пол, выносить мусор на помойку и стоять в очереди за мороженым хеком, хотя ясно, что халва вкуснее, а купить ее можно без всякой очереди. И характеры у них совершенно разные: мать считает, что если можно сидеть, то незачем стоять, а если можно лежать, то и сидеть необязательно, а Антошке две минуты на месте усидеть трудно. Учителя называют ее вертушкой и ставят четверку по поведению. Только физрук уважает за ловкость и находчивость.

А еще Антошка любит мечтать. В четвертом классе ее лучшая подруга Люська Данилова по прозвищу Люсинда дала ей на две недели «Денискины рассказы». Эта книжка так Антошке понравилась, что некоторые рассказы она даже читала матери вслух, и обе хохотали до слез. Но были в ней и грустные рассказы. Их Антошка матери не читала, чтобы не расстраивать. У нее и так жизнь трудная.

Один грустный рассказ назывался «Девочка на шаре». Там было про то, как Дениска пошел в цирк и влюбился в девчонку, которая работала там гимнасткой. От зависти у Антошки прям сердце закололо. Она сама мечтала выступить в цирке и даже номер себе придумала. На темной арене загорается светлый круг — в нем девочка на шаре. Все хлопают. Антошка, а это именно она, командует: «Алле!», и рядом с ней загорается еще один круг. В нем тоже на шаре, но только поменьше, в точно таком же серебряном костюмчике, на задних лапках стоит собачка. Антошка даже имя ей придумала — Юла. Зал смеется и аплодирует. Играет оркестр, вспыхивает свет. Балансируя на шаре, Антошка жонглирует кольцами, а Юла ловит их пастью.

Мечта о цирке прекрасно уживалась в Антошке с мечтой о космосе. Полетела же туда Валентина Терешкова! Антошке представлялось, как она долго и упорно тренируется в Звездном городке на тренажерах, а потом ее отправляют на Луну, не одну, конечно, а со взрослыми. Может, и Юлу туда разрешат взять. Антошка прыгает и кувыркается в безвоздушном пространстве, укрепляет в лунном грунте флаг СССР, любуется огромной голубой Землей, где сидит пе-

ред телевизором и волнуется мать, и Антошкино сердце щемит от любви и благодарности к народу, доверившему ей совершить этот подвиг.

Но все это было в мечтах, а пока Антошка тренировала дворовую собаку Жужку, пытаясь научить ее говорить или хотя бы считать до десяти, и, конечно, тренировалась сама. Она очень быстро научилась кувыряться, делать шпагат и колесо, быстро бегать, высоко прыгать, а еще она мечтала плавать в бассейне.

Когда в спорткомплексе «Знамя труда» начали строить бассейн, она просто дождаться не могла, когда в нем можно будет начать плавать круглый год, но, видимо, кто-то у них там проворовался, и стройка встала. Так что Антошке прямо плакать хотелось — жизнь-то проходит!

Однажды во время урока алгебры к ним в класс пришел суровый дядька в спортивном костюме, с лицом, как на плакате в музее истории «Ты записался добровольцем?» Оказалось, что он — тренер по спортивной гимнастике, и вместо контрошки их гуськом повели в спортзал, где он стал проверять всех на гибкость и выворотность.

Антошка была так довольна, что контрошки не будет, на радостях прошла колесом, а уж про шпагат и мостик из положения лежа и говорить нечего. В результате из целой параллели в секцию по спортивной гимнастике отобрали только ее и Ленку Завьялову из пятого «А». Другие девчонки, конечно, обиделись, но Антошка переживать не стала — пообидаются и забудут. Зато сама она, хоть и очень радовалась, но на душе кошки скребли от предчувствия, что мать не разрешит. Особенно до тех пор, пока Антошка не исправит тройку по математике.

Вечером за ужином мать спросила:

— Ты чего это такая?

Антошка насторожилась:

— Какая?

— А как свекла вареная?

Антошка еще не решила — говорить матери про секцию или вообще не упоминать о ней, но та так пристально посмотрела, что пришлось признаться. Как и ожидалось, мать гавкнула:

— Тебе учиться надо, а не ногами дрыгать.

Антошка как могла жалобнее проняла:

— Мам, ну пожа-а-луйста!

Но та отрезала:

— Сказано — нет, и всё тут.

В носу у Антошки защищало, на глазах выступили слезы, и чтобы не разреветься, она вскочила и выбежала из комнаты, случайно хлопнув дверью так, что фужеры в серванте испуганно звякнули. Она долго и безутешно рыдала на крыльце, представляя себе, как она простудится и заболеет. Доктора скажут матери, что дочь у нее не жилец, и тогда мать все поймет, но будет поздно. Удивительно, но мысль эта ее успокоила, так что когда мать выглянула на крыльцо и как ни в чем не бывало спросила: «Чай-то пить будешь? Иди, а то остынет», Антошка покорно вернулась домой.

Что ты с ней будешь делать? Сама как с работы придет да поест, сразу к телевизору кидается или к Нинке Жуковой в «дурака» резаться идет, причем мухлюет ужасно. А бедной дочери и посуду приходится мыть, и уроки делать, и никакого к ней сочувствия нету.

За чаем Антошка проворчала:

— Из всех пятых только меня и еще одну девчонку в секцию выбрали.

А мать тут как тут:

— Вот пусть она и ходит, а ты сначала математику подтяни, а там решим, что тебе со своей жизнью делать.

От досады Антошка опять не выдержала и, плюхнувшись ничком на кровать, зарыдала, а мать, очень довольная, от стола утешала:

— Да ты пойми, дуреха, я же тебе добра желаю. Без аттестата человек ноль без палочки. Хочешь, как я, всю жизнь химикатами дышать да колбы в лаборатории мыть?

В ответ Антошка только хлюпала носом, но на следующий день, когда мать ушла на работу, прихватила с собой в школу мешок со спортивной формой и после уроков вместе с Ленкой Завьяловой побежала в спорткомплекс.

Вообще-то раньше они не дружили, потому что Ленка была «ашницей», а Антошка — «бешницей», но не таскаться же на тренировки в одиночку. Пока шли, жаловались друг другу на родителей. Ленка вообще от греха подальше никому из своих про секцию не сказала. Зачем? Там и так все в ужасе оттого, что сестра неизвестно от кого залетела, а тут еще она со своей секцией вылезет. Выслушав Ленкины доводы, Антошка горько раскаивалась, что так по-дурацки засыпалась, но, с другой стороны, не было еще в жизни случая, чтобы мать не узнала правду. Недаром же она любила повторять: «Правда дырочку найдет».

Вспомнить хотя бы, как еще в первом классе Антошка надела ее обручальное кольцо во дворе, чтоб перед девчонками пофорсить, да и забыла про него. А когда хватилась, кольца на руке уже не было. Обычно оно лежало в нижнем ящичке подзеркальника, в оставшейся от отца пепельнице, рядом с его фотографией, и мать почти никогда туда не заглядывала, но в тот день как назло чуть пришла с работы, сунулась искать какие-то документы, и тут же хват Антошку за ухо: «Где кольцо?» Пришлось ей с красными, как у марсианина, глазами и ушами, бежать в темный двор и там с фонариком искать кольцо в лужах и траве. Но найти его, конечно, не удалось. Мать ей здорово тогда врзала, но довольно быстро успокоилась, тем более что кольцо было не золотое, а только позолоченное. Однако с тех пор нет-нет, да и вспомнит, особенно когда выпьет с Танькой Жуковой и давай на весь барак орать: «Ах, не кольцо нас разлучило, а разлучила нас судьба», и этот крик у них песней зовется.

От школы до спорткомплекса было недалеко. Надо было только перейти через железную дорогу и пройти мимо стадиона, а там уже было рукой подать до серого кирпичного здания, над входом в который висел красный лозунг: «Спорт — это мир». В предбаннике толпились какие-то девчонки с растерянными лицами, но внутрь их не пускала щекастая тетка-вахтерша. Наконец, по лестнице сбегал тот самый суровый дядька, которого, оказывается, звали Сергеем Ивановичем, и, кивнув щекастой, буркнул: «Значит, так, эти со мной».

Кроме Антошки и Ленки в группе было еще десять человек. Когда все переоделись в довольно вонючей раздевалке, тренер выстроил их в зале и сказал речь о том, как нужны Родине настоящие гимнасты, которые на международных соревнованиях смогут отстаивать честь советского спорта в битве с врагами из капиталистических стран.

Тут выяснилось, что чуть ли не каждую фразу он начинал со слов «значит, так», а заканчивал выражением «и полный компот». Обращаясь ко всем девчонкам, как к одной, он втолковывал:

— Значит, так, будешь думать головой, дело пойдет и будет полный компот, а будешь фигли-мигли строить, лучше сразу уйди и чужое место не занимай. Народ у нас способный, незаменимых людей — нет.

Все девчонки как одна обещали думать головой, но Антошка понимала, что без материнского разрешения в секции она не задержится, поэтому сразу же после занятия подошла к тренеру и сказала:

— Сергей Иванович, мне мать в секцию ходить не разрешает.

Тот недовольно вскинул брови:

— Мать, а отца что, нету?

Антошка покачала головой.

— Значит, так, нос не вешай, адрес давай, я сам с ней разберусь, и будет полный компот. А то ишь, цаца — не разрешает. А партия прикажет — и разрешит как миленькая.

Весь вечер Антошка волновалась, при каждом шорохе взглядывая на дверь, но Сергей Иванович так и не пришел. Зато на следующий день не успели они с матерью сесть ужинать, как в дверь постучали, и на пороге возник Сергей Иванович в пальто с оттопыренным карманом. Мать удивилась, а Антошка вся внутренне сжалась, но виду не подала.

Тренер представился:

— Значит, так, я из общества «Знамя труда», хочу обсудить тут одно дело, — а Антошке приказал:

— Пойди выйди, пока мы тут потолкуем. Да не подслушивай, а через полчаса возвращайся, и будет полный компот.

Мать возмутилась:

— С какой это стати? Я вас, кажется, к себе домой не приглашала. И нечего моему ребенку приказывать.

Но, залившись краской до ушей, Антошка вскочила и с бьющимся сердцем выбежала из комнаты.

Неизвестно, как Сергею Ивановичу удалось убедить мать, но только когда Антошка вернулась, он уже без пальто сидел за столом и своими железными зубами наворачивал картошку с котлетой, а мать, заботливо разливая по стопочкам принесенную тренером поллитру, улыbnулась:

— Ну входи, молодой подающий надежды талант. Так и быть уж, если обещаешь без отрыва от производства учиться на одни четверки, ходи в свою секцию, покоряй вершины спорта.

Сергей Иванович с набитым ртом поддакнул:

— Да я сам у нее каждый день дневник буду проверять.

А когда Антошка присела к столу, протянул ей налитую стопку

— Выпьешь?

Залившись краской, та шепнула:

— Я не пью.

Он одобрительно крикнул:

— Вот и молодец.

А вообще-то он никого не хвалил. В тренерском кабинете висел его молодой портрет в военной форме с медалями и еще один довоенный — в майке и шароварах на кольцах вниз головой. Глядя на них, без объяснений было ясно, что война помешала Сергею Ивановичу стать чемпионом, и всего себя он посвятил воспитанию подрастающего поколения.

Спортзал был огромный. Одновременно в нем занимались гимнасты, акробаты и прыгуны на батуте. Антошка, как увидела батут, сразу так в него влюбилась, что даже хотела перебраться из спортивной гимнастики в батутную секцию, но тренер, смерив ее тяжелым взглядом, сказал: «Я тебя породил, я тебя и убью», и пришлось остаться, тем более что гимнастикой заниматься ей тоже очень нравилось.

В зале пахло пыльными кожаными матами, деревянным полом, тальком, хлоркой и потом. Антошке нравилось, рассуждая о том о сем, не спеша идти с Ленкой в спорткомплекс, втайне гордясь, показывать пропуск на вахте, подрагивая от нетерпения, переодеваться в купальник и чешки, опускать руки в мягчайшее облако талька и подходить к брускам. Ей нравились и другие снаряды, но разновысокие брусья были самые любимые. На них у нее лучше всего получалось, да и вообще она сразу стала в группе ведущей.

Иногда посмотреть на их занятия приходили другие тренеры. Внимательно следя за Антошкиными «висом», «упором», фляками и группировками, они скептически спрашивали: «Иваныч, а мать-то ты ее видал? Не раскорвееет она у нас через два года?», а тот авторитетно заявлял: «Не должна. Мать у нее бабенка крепкая. А наша точь-в-точь в нее».

К концу тренировки в зал приходили старшие девочки, у которых был уже второй или даже первый взрослый разряд. Девчонки из Антошкиной группы спорили:

— Ира Холодова — моя будет.

— Нет, моя! Я ее первая выбрала.

— Тогда моя будет Аня Кузнецова.

— Нет, ее уже Светка Конькова себе забила.

Антошке все старшие девочки нравились — стройные, подтянутые, с четкими, выверенными движениями и замечательной техникой. Но однажды Сергей Иванович оставил младшую

группу посмотреть на показательную тренировку его лучшей ученицы Лиды Харламовой, которая, несмотря на то что ей всего четырнадцать лет, была уже мастером спорта и с нового учебного года должна была переехать в Москву во Всесоюзную спортшколу для особо одаренных гимнастов.

Антошка ожидала увидеть взрослую красивую девушку, но оказалось, что Лида щуплая, с хвостиками и всего на полголовы выше ее самой. Сергей Иванович Лиду тоже не больно похваливал, а в основном ругал, говоря: «Другие похвалят, а ты за мою строгость мне еще спасибо скажешь», но было заметно, что он смотрит на нее так же, как Мичурин в кино по ботанике смотрел на выведенные им яблоки, а сосед дядя Миша у них в бараке — на закупоренную поллитру, до тех пор пока его жена тетя Сима не скамандует: «Открывай, что смотришь на нее, как на неродную».

После того как Антошка увидела, что вытворяет Лида на брусках, она чуть с ума не сошла. Ночи не спала, прокручивая в голове все группировки, пируэты, махи и перемахи. Отпустив Лиду после показательной тренировки, Сергей Иванович сказал: «Все вы, конечно, как Харламова, через четыре года летать не будете, но кое-кто, если будет работать, как она, может ее и переплюнуть». Антошке показалось, что это он лично ей говорил, и твердо решила «работать».

С ладоней ее не сходили мозоли, с бедер — синячищи. К боли она скоро научилась относиться, как к необходимому элементу тренировок, и уже не ныла, как раньше, свалившись с бревна или сорвавшись с брусков, а вставала и вновь шла к снаряду. Через полгода, минуя третий, она получила второй юношеский разряд и заняла первое место по городу в упражнении на бревне. Вручая ей вымпел, Сергей Иванович подмигнул: «Шустри дальше».

Мать уже не заикалась о дрыганьи ног, с тех пор как увидела Антошкино выступление на первенстве города. Когда барак почти в полном составе пришел поздравлять их с победой, Антошка с удивлением заметила в глазах у матери блеск загоревшейся в ней гордости. Соседи наперебой чокались с матерью, говоря: «Твоя-то далеко пойдет», а мать скромно поправляла: «Не пойдет, а взлетит».

Из той группы, с которой Антошка начинала, несколько девчонок отсеклось, зато появилась новенькая, Света Старикова, приезжавшая на тренировки из другого города. Сергей Иванович часто оставлял их со Светой на индивидуальные занятия, и вместо двух раз в неделю они теперь ходили в спорткомплекс каждый день, включая субботы. Дела у Антошки в школе шли со скрипом, потому что делать уроки ей приходилось урывками, но Сергей Иванович, действительно каждую неделю проверявший ее дневник, сходил к директору и убедил сделать для нее льготный график обучения. С тех пор учителя стали относиться к ней как к человеку, а Сомов даже написал записку: «Антошка, ты классная девчонка, прости, что я тогда облил тебя чернилами. Давай дружить». Но дружить ни с кем, кроме Ленки Завьяловой, у Антошки времени не было. Даже с Люсиндой их дружба свелась к тому, что та давала ей списывать математику, а Антошка учила ее делать колесо.

Два года она прожила, почти не выходя из спортзала. Из этих лет ей запомнились только новые элементы и комбинации, соревнования, сборы, спортлагерь «Старт», в который она ездила на все лето, плюс зимние каникулы. А там было все то же: тренировки, тренировки и еще раз тренировки. Теперь-то Антошка понимала, что Ленин имел в виду.

Понимала она также, что поднялась пока по спортивной лестнице только на первую ступеньку, а впереди еще целая тысяча, но не сомневалась, что если не халтурить, не жалеть себя и не задаваться, то ей удастся подняться на самый верх. Два года, засыпая, она представляла себе зал, где проходят Олимпийские игры по спортивной гимнастике. В командном турнире побеждают румынки, уже выступили и Людмила Турищева, и Ольга Корбут, теперь все зависит от выступления самой молодой гимнастки, о которой еще никто в мире никогда не слышал. Тысячеглазый взгляд огромного притихшего зала прикован к маленькой фигурке на ковре. Голос диктора объявляет — Антонина Петрова, Советский Союз. Антошка снимает с себя куртку

с надписью СССР и идет на старт. Ее движения четки и изящны, все ее существо устремлено к победе, тело безукоризненно выполняет тысячи раз повторенные во время тренировок комбинации. Команда смотрит на нее с надеждой, а за барьером, скрывая волнение, как дрессированный тигр, мечется Сергей Иванович. Антошка делает финальное сальто и замирает с последними звуками музыки. Зал взрывается аплодисментами, девочки бегут к ней по ковру обниматься. Дома, глядя на нее по телевизору, мать плачет и смеется от счастья. А Сергей Иванович говорит: «Молодец, не подвела Родину».

Седьмой класс Антошка еле дотянула на тройки. Впереди были городские соревнования, на которых ей предстояло сдать экзамен на кандидата в мастера спорта. За два года она научилась справляться с волнением с помощью дыхания и счета, она не обращала внимания ни на лесть, ни на сплетни со стороны девочек, но на неподвижном и серьезном лице Сергея Ивановича научилась различать и одобрение, и недовольство.

За несколько дней до соревнований она делала упражнение на бревне. Как не раз бывало, после двойного пируэта ей не удалось сохранить равновесие, но на сей раз приземлилась она не на мат, а на чугунную станину, к которой были привинчены стойки бревна. Обычно это место было укрыто матами. Перед тем как идти к бревну, гимнастки проверяли, все ли маты на месте. Как случилось, что сейчас опасное место осталось незащищенным, было непонятно.

Упав, Антошка взвыла от боли, попыталась встать, но тут же вновь рухнула. Острейшая боль пронзила все тело. Первая мысль была: «Ой, а как же первенство?» Перед глазами все расплылось, тающим сознанием она расслышала голос Сергея Ивановича, приказавшего: «Значит, так, главное не двигайся и не паникуй. Щас пошлем за врачом, вызовем “скорую”, и будет полный компот». Подбежавшему тренеру секции акробатики Сергей Иванович крикнул: «Петрович, звони скорее. Я прямо слышал, как нога у нее хрустнула». Девочки столпились вокруг, сочувственно глядя на сразу осунувшееся и посеревшее от боли Антошкино лицо.

Пришла она в себя, только когда врач спорткомплекса сделал ей укол, но стоило боли отпустить, как за горло схватила жгучая досада. «Что же теперь будет? Как же мой разряд?» — преследовала мысль, пока санитары несли Антошку на носилках по лестнице, везли в больницу, сдавали с рук на руки врачу в отделении травматологии. В ней все еще теплилась надежда, что, осмотрев ногу, врач скажет: «Ничего страшного, через две недели будет бегать, но тот коротко и безапелляционно сказал: «Рентген».

Снимок показал, что Антошка сломала ногу в двух местах, и о тренировках на ближайшие два-три месяца не может быть и речи. Медсестры и санитарки поражались тому, как стойко она выдерживала боль, а врач, накладывавший гипс, философски протянул: «Да, физкультура лечит, а спорт калечит».

Травма оказалась серьезнее, чем думали даже врачи, потому что сначала кость срослась неудачно и пришлось снова ломать ногу. Полгода Антошка пролежала в больнице, а потом еще несколько месяцев ходила в гипсе. В самом начале ее пару раз в больнице навестили девочки из группы. Один раз зашел и Сергей Иванович с кулком яблок. Было видно, что ему неловко говорить с Антошкой не по делу, а просто о том о сем. Он не знал, куда себя деть, взгляд его блуждал по палате, где кроме Антошки лежало еще девять человек. Он пробормотал: «Как у нас в тыловом госпитале». Антошка чувствовала себя виноватой, что так подвела свою команду, но Сергей Иванович успокоил, рассказав, что Светка Старикова получила кандидата в мастера и, видимо, скоро ее, так же как Лиду, переведут в Москву. Почему-то эта новость Антошку не слишком обрадовала, хотя она изо всех сил это скрывала. О том, что самого Сергея Ивановича пригласили стать младшим тренером сборной РСФСР, он не упомянул. Антошка узнала об этом от Ленки Завьяловой, когда через несколько месяцев вновь стала ходить в школу. После ухода Сергея Ивановича Ленка секцию забросила, потому что сестре надо было помогать с маленьким, а новая тренерша ей «не показалась».

Тем не менее, как только врачи сняли с Антошки гипс, она прихрамала в спорткомплекс. Всё ей там показалось каким-то другим — меньше, обшарпанней, душнее. Группу, с которой она

прозанималась два года, с уходом Сергея Ивановича расформировали. Было ощущение, что за восемь месяцев, пока она лечилась, в мире что-то непоправимо изменилось. Новый тренер пристегнул ее к группе первоклашек, делавших те же комбинации, которые она научилась делать только в шестом классе. Среди этих клопов Антошка чувствовала себя неуклюжей тетей. Тело ее потеряло былую гибкость, во время упражнений на бревне она думала в основном о том, как бы не свалиться и вновь не покалечить ногу. Когда в ответ на какую-то очередную грубость нового тренера она сказала, что ноги ее больше в секции не будет, тот лишь презрительно процедил: «Скатертью дорожка».

Так Антошка рассталась с мечтой о большом спорте, но без мечты ведь человек долго жить не может, недаром же Сергей Иванович любил повторять, что «мечта — это двигатель прогресса». Пока Антошка лежала в больнице, от скуки и сочувствия к лежащим больным она стала помогать нянечкам и медсестрам, часто присутствовала на всяких процедурах. Когда ее выписывали, все до одной сокрушались: «Как же мы без тебя справимся-то, уж такая ты у нас была помощница». Антошка знала, что это они просто так говорят, чтобы сделать ей приятное. Зато когда вышла из больницы, кое-какие полученные навыки ейгодились.

Однажды соседский кот Котовский — здоровенный крутолобый бандит и ворюга, поцапавшись с собакой, взлетел на высоченный тополь, а спуститься не смог. Сидя на самом вершине, он душераздирающе мяукал, но вниз даже смотреть боялся. Как ни пытались его приманить, он только еще больше сердился: «Мол, помогите, сволочи, я же тут наверху один околею». Долгое время не знали, что с ним делать. Вызвали участкового, тот посоветовал позвонить в пожарную команду. К тому времени Котовский уже совершенно обезумел. Когда, взобравшись по приставной лестнице, пожарный попытался его снять, Котовский так запаниковал, что вырвался и шмякнулся с пятнадцатиметровой высоты.

Говорят, кошки умеют во время полета собираться, но тут высота была такая, что вообще было непонятно, как он не расшибся насмерть. Антошка принимала активное участие в его спасении, поэтому когда Котовский упал в траву без признаков жизни, она привела его в чувство и по всем правилам наложила шины на сломанные лапы. Через месяц Котовский совершенно оправился и даже забыл, кто его спас, но сама Антошка не забыла.

Сидя дома, она поневоле пристрастилась к телевизору. Передачи про спорт смотреть опасалась, чтобы не растревать еще незажившую душевную рану, но с нетерпением ждала начала «В мире животных» и «Клуба кинопутешествий». Мало-помалу горечь от постигшей ее неудачи стала смягчаться, и внутри вновь зазвучала тихая музыка мечты. Антошка училась в седьмом классе. Вместо ботаники они теперь изучали зоологию, которая ей еще больше нравилась. Динозавры, птеродактили, мамонты и саблезубые тигры, на смену которым пришли человекообразные, потрясали ее воображение. Слово «эволюция» казалось прекрасным и таинственным. Чуть ли не каждую неделю Антошка ходила в библиотеку, выискивая там книги про животных и путешествия, а засыпая, мечтала, что вместе с Юрием Сенкевичем и Николаем Дроздовым поедет в кругосветное путешествие, чтобы привезти в Московский зоопарк разных экзотических животных. При этом она хорошо понимала: для того, чтобы из всех желающих поехать в это путешествие выбрали именно ее, она должна учиться, учиться и еще раз учиться. Сейчас эта фраза уже не казалась ей такой безумной. Что же касается «жизни как единства и борьбы противоположностей», то здесь у нее появились кое-какие сомнения, потому что жизнь — теперь она уже это точно знала — была намного сложнее и интереснее. ■□■

© Текст: Ольга Исаева

Наталья Резник

БРУКЛИНСКАЯ БОЛЬНИЦА

Я ненадолго пришла в себя, когда сестра, ставившая мне капельницу, сказала:

— Вам повезло. Вы бы уже могли быть на том свете.

— И это вы называете везением! — привычно пошутила я с медсестрой и снова потеряла сознание.

Когда я пришла в себя во второй раз, медсестры уже не было, вместо нее рядом со мной стоял крупный медбрат, который с интересом меня разглядывал.

— Отсоедините меня от капельницы, — сказала я медбрата. — Я ухожу.

— Русская? — спросил медбрат.

— Русская.

— Ну, иди.

Далеко я не ушла. Выход мне перегородил медперсонал больницы во главе с врачом.

— Если вы попытаетесь выйти в эту дверь, — доброжелательно сказал врач, — я позвоню в полицию. У вас гипогликемия, и вы можете умереть в любую минуту.

Тут я разозлилась:

— Может, я хочу умереть от гипогликемии на свободе, а не в вашей паршивой больнице!

— Продолжайте, продолжайте, — улыбаясь, сказал врач, — мы вам сейчас еще и психиатра вызовем.

— У нее суицидальные наклонности, — вставила медсестра. — Она и мне говорила, что хочет на тот свет.

— Как вам не стыдно? — сказала я медсестре. — Я с вами шутила. У вас что, нет чувства юмора?

— Русская? — спросила медсестра.

— Какая разница!

— У русских странное чувство юмора. Как у Достоевского. Особенно, когда напьются.

— Возвращайтесь под капельницу, — велел врач. — Вам там, кстати, будет о чем подумать.

Например, где вы и как вы сюда попали.

На самом деле я смутно кое-что помнила и даже догадывалась, что нахожусь в бруклинской больнице, что тут же и подтвердилось; поскольку больница была бруклинская, когда я

Наталья Резник

Родилась в Ленинграде, с 1994 года — в Колорадо, США, публиковалась в журналах «Арион», «Нева», «Интерпоэзия», «Новая юность» и др., автор двух стихотворных сборников (Центр книги Рудомино, Москва), член редколлегии журнала «Интерпоэзия».

вернулась к своей койке, в ней уже кто-то лежал. Меня переложили в коридор. В коридоре было весело: между койками бегала совершенно пьяная, бомжеватого вида тетка в больничной распашонке и на чистом английском языке кричала: «А вот не поймаете!» Надо сказать, что ее никто и не пытался ловить.

— Интересно тут у вас, — сказала я вернувшемуся с капельницей медбрата.

— Не то слово! — ответил он. — В театр ходить не надо. Я свою работу ни на что не променяю!

— Классная тетка! — добавил он, показав глазами на куролесившую пьяницу. — Да ты не обижайся, ты у нас тоже сегодня интересный случай: доставлена без сознания, а оказалась скандалистка, да еще с алкоголизмом и суицидальными наклонностями. Мы даже поспорили, сколько тебе лет, пока в правах не посмотрели. Хорошо выглядишь для своего состояния!

Медбрат ушел. Сзади послышалось невнятное бормотание. Бормотала на непонятном языке бабка на койке позади меня. Обращалась она явно ко мне, поэтому я повернулась и начала кивать. Кивать было неудобно, мешала капельница, болела шея. Бабка все бормотала и бормотала. Не то на идиш, не то по-армянски, не то по-английски с сильным акцентом. В какой-то момент мне показалось, что я стала ее понимать. «Ты взрослый человек, — говорила она, — приехала сюда читать стихи, сейчас тебя выкликают на поэтическом вечере на букву “Р”, а ты лежишь в коридоре бруклинской больницы рядом с бомжами и безумными и даже не размышляешь о смысле жизни. Поэт ты, в конце концов, или нет?.. Русский ты поэт или нет!.. Если не можешь жить по-человечески, то по крайней мере конвертируй это в стихи!..»

Тут бабка сильно дернула за провод капельницы и спросила:

— Russian?

Я сказала:

— Russian.

Бабка сказала:

— Vodka. Moscow. You look like shit.

После чего ее увели в туалет, а я подумала, что жизнь творит с нами чудеса, и, наверное, хорошо, что меня спасли в бруклинской больнице, потому что мало ли что еще в жизни может быть, и не хотелось бы пропустить самое интересное. И черт с ними, со стихами, в конце концов, какой из меня поэт! И американцы правы: жизнь прекрасна, а кто этого не понимает, того к психиатру.

Последнее, что я видела, перед тем как меня отключило успокоительное, — это протрезвевшая тетка, одетая в рваные джинсы и футболку, которая на выходе сказала медбрата:

— Бросаю пить!

— До скорого, — ответил он. — Думаю, на следующей неделе тебя сюда доставят, как обычно, если раньше не сдохнешь.

И они оба захохотали. Собственно говоря, у американцев точно такое же чувство юмора.

МНЕ СНИЛОСЬ, ЧТО Я СЧАСТЛИВА...

Мне снилось, что я счастлива.

Еще мне снилось, что папа сидит на диване и читает книжку, а я ему говорю:

— Ты же умер.

А он говорит:

— Это тебе мама сказала? Слушай ее больше!

И мы с ним смеемся.

Мне снилось, что приехали в гости мои старшие братья. Алеша привез бутылку водки. Мы пьем водку, и Алеша говорит:

— Хорошо, что хоть после смерти встретились.

А я отвечаю:

— Тихо, папе не говори, ведь он только про Андрея знает, он же не знает, что ты тоже умер.

И Алеша говорит: «Не скажу» и подмигивает мне, и мы хохочем все втроем.

Мне снилось, что я иду в школу. На мне белый передник, белые гольфы, в косе белый бант. Мне страшно идти, потому что я не уверена, что сегодня нужно приходить в парадной форме, и я замедляю шаг. Но я вижу на другой стороне улицы Аньку, тоже в белом переднике с двумя белыми бантами, и я ей машу рукой, и она мне машет с той стороны улицы и бежит ко мне. И мне становится легко и хорошо, потому что мы ничего не перепутали и все остальные тоже придут в белых передниках. И Анька смеется и говорит мне:

— Дура ты, Полякова. Тебе уже за сорок, а ты все бант не научишься завязывать.

И мы с ней счастливы.

Мне снилось, что я в институте сдаю экзамен по технологии конструкционных материалов. Профессор одобрительно кивает головой, пока я говорю: «Абразивная поверхность измеряется поперечным давлением концевой фрезы под углом двести сорок пять градусов». И пока я говорю, я сама удивляюсь, когда я успела так хорошо подготовиться к этому предмету, которого не понимала никогда. Но я чувствую, что отвечаю на твердую «пятерку», и я счастлива от мысли, что передо мной открывается блестящее инженерное будущее.

Мне снилось, что у меня родился ребенок. Он не похож на моих детей, он темноглазый и кудрявый, как я в детстве. И тут я понимаю, что это я и есть, что я опять родилась.

И все хорошо, и все начинается сначала.

И мне снится, что я счастлива.

БОРЯ

Он позвонил мне, потому что мой телефон им дали знакомые знакомых других знакомых, когда его жена получила работу в Колорадо.

— Это Борис, — сказал он. Я вам звоню, потому что мы здесь, кроме вас, никого не знаем, то есть мы и вас не знаем, но ваш телефон знаем. То есть мы и другие телефоны знаем, но жена сказала позвонить вам, потому что нужно осваиваться как-то.

Я сказала:

— Вы знаете, я на работе, не могу говорить. Оставьте мне свой телефон, я перезвоню.

— Я вам, конечно, оставлю свой телефон. То есть я его, конечно, оставил бы, если бы я его знал.

— Вы что, не знаете своего номера телефона?

— Нет, мы знаем, конечно, то есть жена знает, а я пока не знаю. То есть я пока не выучил.

Я, конечно, мог бы жене позвонить и узнать, но жена сейчас тоже на работе, а я не знаю ее номера на работе, то есть я сегодня вечером узнаю и тогда смогу ей завтра позвонить и узнать наш номер телефона.

Через несколько дней они пришли к нам в гости.

— Барух, — нерешительно представился он с порога.

— Как, вы же мне сказали, что вас зовут Борис!

— Да, Борис, то есть Барух, то есть я был Борис, но взял себе еврейское имя Барух.

— Как же нам вас называть?

— Вы называйте меня, как хотите. Я же понимаю, что я уже представился Борисом, то есть вам удобно Борисом, поэтому называйте Борисом, но мое настоящее имя теперь Барух, то есть я считаю, что я все-таки Барух.

— Боря, хватит болтать, — сказала его жена.

Они стали у нас бывать. И мы стали у них бывать. Но нечасто. Договориться о чем-нибудь с Борисом было сложно, он всегда должен был сначала посоветоваться с женой, и он никогда ни в чем не был уверен.

— Вы понимаете, — говорил он, — я сижу дома с дочкой, но надо, конечно, работать, то есть не надо работать, а я бы хотел найти работу, но мне очень трудно найти работу, то есть я был недавно на собеседовании, а они попросили меня прийти еще раз, то есть, наверно, я им понравился, но это не совсем моя специализация, и я подумал, что если я опять туда пойду, они могут предложить мне работу, а я могу не справиться...

— А кто будет дочку из школы забирать? — спрашивала Борина жена.

— Ну да, — говорил Боря, — конечно, и дочка должна подрасти, то есть все-таки ей сейчас шестнадцать, но еще года два будет трудно, то есть не трудно, но сложно совместить работу и детей, то есть я работу все равно ищу, то есть буду искать, если будет такая возможность.

Потом мы придумали Боре работу: он стал заниматься шахматами с русскими детьми. К сожалению, через несколько месяцев оказалось, что прогресса никакого нет.

— Вы знаете, — объяснял Боря родителям, — это же дети. Они не хотят играть, то есть они хотят играть, но не в шахматы, а в шахматы играть — это серьезное дело, то есть надо сесть за стол и сидеть, и я им говорю сесть за стол, и они садятся, то есть один садится, а другой не садится, а дети у вас очень способные, то есть некоторые более способные, а некоторые менее способные, то есть все способные, но не у всех способности именно к игре в шахматы.

Шахматная секция развалилась.

Потом мы перестали общаться. Прошло еще года два.

Однажды мой мобильный зазвонил. Когда я ответила, на том конце провода стояла тишина.

— Борис? — спросила я.

— Да, — сказал он. — Вы понимаете, мы так давно не разговаривали, я не знал, как начать, то есть я думал, что сказать, а тут вы меня узнали, то есть не узнали, а догадались. А я звоню, потому что жена сказала вам позвонить, то есть я и сам думал, что надо позвонить, потому что мы уезжаем, то есть мы переезжаем, потому что жена нашла работу в другом штате, так что снова будем осваиваться на новом месте.

— А куда вы переезжаете?

— Вы знаете, я точно не знаю, то есть я не знаю названия города, то есть я забыл спросить, но я спрошу, то есть даже если не спрошу, все равно ведь узнаю.

— Ну, удачи вам!

— Да, спасибо, это, конечно, так удачно, то есть не очень удачно, потому что опять надо переезжать, но на новом месте все может сложиться по-другому, может быть, я найду работу, то есть я начну искать, то есть сначала надо, конечно, освоиться.

Мы попрощались, я передала привет его семье. И он мне сказал в ответ:

— И вашей семье тоже привет, и вы знаете, еще передайте большой привет вашему мужу, потому что я с ним так мало разговаривал, всё с вами да с вами, а с ним мало, то есть не мало, а совсем почти не разговаривал, так вы передайте уж ему от меня привет. Так сказать, мужской привет — от мужчины мужчине.

И они уехали. И я даже не знаю — куда.

ДЕТПРИЕМНИК

В колорадском детском приемнике нас было трое: семнадцатилетний новоиспеченный преступник из Киева, следователь и я в качестве приглашенного переводчика. Парень попался глупо. Ходил по ресторанам и просил срочно позвонить. Получив телефон, звонил своей подруге в Киев и часами выяснял с ней отношения по три доллара в минуту. Ошибка его заключалась в том, что ресторанов он не запоминал, зато его там запоминали. Попался, когда пошел по второму кругу. Сидя напротив меня, он плакал и размазывал слезы по лицу. Следователь явно чувствовал себя неловко.

— Вы ему скажите, — говорил он мне, — что у нас тут не Сибирь. У нас хорошо. У нас настольный теннис есть. Бильярд. Телевизор.

Я переводила, но мальчик продолжал плакать.

— Да ему и переночевать-то надо одну ночь всего тут, — говорил следователь. — Завтра его мама заберет.

Я переводила. Мальчик ревел.

Мне очень хотелось сказать следователю, что мальчику страшно в этом чужом месте, что телевизор его не интересует, потому что он не понимает по-английски, что он, возможно, плачет по киевской подруге, денег на разговоры с которой теперь не будет. Но я была всего лишь переводчиком, а переводить с русского на английский было нечего. Парень только плакал и ничего не говорил.

Следователь сказал:

— Вы уж извините, что вам пришлось приехать. Почему-то у нас в штате русского переводчика нет. Испанский есть, китайский есть, даже французский есть, а русского нет. Первый русский подросток на моей памяти.

С тех пор прошло больше десяти лет. Наверно, и парень тот вырос и стал добропорядочным американцем, и русского переводчика уже наняли. Русские продолжают приезжать. А я так и живу с чувством, что рядом следователь, которого я не понимаю, телевизор, который мне не нужен, и мама меня вряд ли утром отсюда заберет. ■□■

© Текст: Наталья Резник

СТИХИ

Андрей Грицман

* * *

Каждый отвечает за себя.
И оставьте Родину в покое.
До конечной — в поезде судьба:
Квинс или платформа Бологое.

Над полями темными летит
тень ее, в безвременном пространстве.
Заспанно мерцают на пути
города — фантомы постоянства.

В городе зайдет в безвестный бар.
Подружившись с барменом навечно,
выйдет приютиться до утра.
Как и всем ей хорошо прилечь бы.

Утром, не простившись, в путь идти
в поисках неведомого дома.
Жизнь души проходит на пути
от реки до озера и дыма.

Там, где нет ни родин, ни границ,
мертвенным луна зияет светом.
и душа с звездой говорит
никогда не ведая ответа.

* * *

Н.Р.

Не кручинься, живой твой голос -
Резким криком в их «мохнатые уши».
Средневековые банки в музее, младенцы
бездушные.
Вяло плещется глицерин неслышимо.

Да они по-другому и не умеют.
Пыль на гробсбухах, magister dixit.
Куда ж нам бухим мерканцам безродным
Летучая мышь и Мистер Икс
В транзитном баре в Денвере или в Литтл Роке,
Быть им угодным,
Стоять на пороге.

Продолжай шептать, кричать, божиться.
Может еще по одной?
Яда нашего чаша бездонная.
Но, помнишь Эмили — душа как птица!
И слова летят на волю бездомные.

* * *

Прохожу по странным городам
Словно тень по пустырям окраин
Иногда по тлеющим следам
В тех местах где часть души оставил

И когда тепло далеких встреч
Освещает угол, лавки в сквере
Я хотел бы тихо навзначь лечь
И поплыть к себе на остров веры.

Хорошо по чуждым городам
Находить себя, вести беседу
С близнецом своим, когда беда
Подступила, он разводит беды

Гипсовой рукой, и нет его.
Снова я один, готов к уходу.
Черное ночное молоко
Вдаль зовет искать живую воду

* * *

Ты пожалуй больше не уезжай.
А то не пишу, начинаю пить.
Плывет на город холодный рай,
Гул океана летит с реки.

Париж, Петербург или там, Москва.
Я там москвич, а не гость столицы.
Я ведь хочу, чтоб наверняка,
А только надежда мне не годится,

Но жизнь-то жестче, весь в синяках,
Каких-то укусах и старых шрамах.
Ночью ищет тебя моя рука
и не находит — такая драма.

Рядом со мной мерцает смартфон.
Я с ним дружу, он со мною дружит.
Случайно во сне нажму на экран,
Тревожный услышу я голос мужа.

* * *

там за пределом добра и зла тоже люди живут,
жвачку жуют, используют уют, плюют в
ручей и письма жгут. а поскольку электронку
нельзя delete я как новоявленный гиппократ
раздаю антдепрессанты всем подряд в качестве
маленьких таких наград за проигранные, да
нет не сражения, а игры — кто в лото, кто в
скрэбл а кто в бисер. а кто и всерьез выбежал
на мороз и след простыл. сколько я ни аукал
и ни звал потом сам в снег упал и думал пока
не заснул совсем. потом проснулся а где же
все? такой вот сад ледяных фигур, то — моей
жизни привычный сюр. только ты поймешь:
почем в горах закат, почему эти игры в моей
и твоей судьбе. только и остается забыть про
шабат и уехать в горы к тебе на запад...лучше бы
насовсем

* * *

Что же. Так мы и будем жить.
Дорога скатертью-самобранкой.
Тень в дверном проеме стоит.
То появится, то растает.
Эта музыка не расстроит.
Да и какая в аэропорте музыка?
Фон для бара. До полета выпить.
И потом лететь на закат.
Все получается невпопад.
Будто тянешь не ту веревку.
Но это не важно. Какая к черту
разница. Если сердце-птица вырваться хочет
я тебя все равно люблю.

Потому и пытаюсь на этом наречье
принести из Центрального парка веточку
подобно Ноеву голубю или соловью.

* * *

Вести доходят сквозь долгий висячий дождь.
А от себя вообще давно ничего не слышно.
Иногда звонит о детях родная дочь,
И еще кто-то порой прерывисто в трубку дышит.

Я давно размышлял: не послать ли себе самому
e-mail.
Так, мол, и так: давно от тебя ни крошки.
Иногда к моему окну прилетает случайный эльф,
Но его прогоняет прыжком моя черная кошка.

Ау, дорогие, пишите, мой адрес —
agritsman@msn.com.
Отвечу, когда снег завалит дороги и скаты
крыши.
Верую: строка взметнется смертельным витком,
Если услышу — издали ты в трубку
прерывисто дышишь.

* * *

Чтобы тебе меня понять —
Дойди до конца улицы
На край города
Мимо туберкулезного отделения,
Где мужики вечно сидят у открытых окон
И курят, глядя в никуда.
На окраине палисадники
Заросшие бурьяном, яблони одичали,
Белый скелет собаки.

Но дальше мои места: луговина, овраг,
Глинистый берег реки, буераки.
Я люблю туда ходить: там тихо и одиноко.
Время остановилось, прошли все сроки,
Остались позади серые бараки.
Издали — гул колоколов к вечерне.

Как меня туда занесло — не знаю.
Но когда к полуночи все покрывает
Черный бархат,
Душа моя проходит по краю
К городу на холме,
Им незаметному,
Где нет ни ада и ни рая,
Но слава Богу, влекут куда-то
Дальние слабые отзвуки света,
Неповторимые грозы летние
На сетчатке моей igraют.

* * *

даже твой Automatic reply —
нескончаемый наш разговор.
что ж, пожалуй это судьба
или судеб двух уговор

отсидеть неведомый срок
подождать когда след простыл
и у нас с тобой один грех —
никогда не сжигать мосты

и еще благодарен будь
что не в тьму тараканьских степей
не найдут навскид, не убьют
и вот даже дадут любить

потому я и счастлив так
знаком Рыбы осуществлен
я люблю automatic reply
я в него навсегда влюблен

где бы ты ни была, где нет
мировых сетей проводов,
я тогда по связи сердец
передам то, что было до слов

тот с собой у меня словарь
он мою немоту хранит
принесет тебе календарь
тихий голубь мой-сателлит.

■□■

ВДОВА ГОЛЬДОНИ

(пьеса в одном действии)

Мария Луиза Спаццани

Действующие лица:

Вдова Гольдони
Кунигунда

Париж. Гостиная буржуазной семьи среднего достатка, о котором, впрочем, свидетельствуют лишь немногочисленные статуэтки и кое-какие безделушки, да отдельные предметы, преподнесённые когда-то синьору Карло Гольдони с выгравированными на них дарственными надписями. На сцене — Вдова Гольдони. Она в чепце, из-под которого выбиваются пряди седых волос.

Стук в дверь).

Вдова Гольдони. Кто там? Кого надо? Отвечайте! Или уходите!

Голос из-за двери. Это я, гражданка, твоя соседка Кунигунда. Пришла занять парочку яиц.

Вдова. Нет здесь никакой гражданки. Тут живу я, синьора Мария Николетта Гольдони, итальянка. Ну хорошо, открываю.

Входит Кунигунда. На ней выдавший виды наряд с остатками когда-то яркой расцветки, голова покрыта чем-то вроде фригийского колпака.

Скажите тоже! Откуда им у меня быть...

Кунигунда. Неужели тебе до сих пор неизвестно, что ты теперь гражданка, а не кто-нибудь?! И хотя ты, понятное дело, иностранка, приехала издалека, из тебя так и прёт буржуазка, но пора уже вбить себе в голову раз и навсегда: *мадамы и мадемуазели* больше не существуют. Теперь все равны — что тебе пекарь, что принц, и женщины тоже наконец-то равны, хоть богатые, хоть бедные, замужние и безмужние!

Вдова. Их называют незамужними. А вы сами, кстати, к кому из них относитесь?

Кунигунда. А тебе какое до этого дело? При покойном муже ты нос задирала, мужчины тебе ручку целовали. А сейчас, смотри-ка, до чего дошла! Почти всё продала: и ковры, и украшения, и статуи, и медали...

Вдова. И тем не менее, это ведь вы пришли позаимствовать у меня два яйца. Кроме того, не зазорно обеднеть после стольких лет достойной жизни в достатке.

Кунигунда. Смотрите, как она заговорила! Спустила даже портреты предков в золотых рамах! А главное-то, куда делась чудесная квартира из пяти комнат, с библиотекой и огромными окнами, из которых был виден Нотр-Дам? Где липовый чайёк, который вы с муженьком распивали по утрам, глядя на фасад Нотр-Дам в лучах восходящего солнца... А с собора то и дело слетали голуби — и опять возвращались... Теперь вот — с нетерпением ждёшь, когда принесут пенсию, как подарок судьбы на закате жизни, и мансарда напротив загораживает тебе свет солнца.

Вдова. Между прочим, в последние годы это даже нравилось мужу. Хотя многие над ним и посмеивались, поскольку считали, что это просто блажь, чтобы, как говорится, сохранить мину при плохой игре. Но он и вправду так думал, когда говорил, что, закрыв глаза, можно лучше рассмотреть любую вещь. Потому что суть всех предметов скрыта за их внешним видом. Воссоздавая же её мысленно, в своём воображении, мы таким образом познаём их реальную природу, лучше понимаем, что они собою представляют на самом деле, как бы погружаемся в них — и присваиваем их себе. Он говорил, что если Гомер поведал нам самую яркую историю за все времена, то это лишь благодаря своей слепоте.

Кунигунда. А в молодости он что, тоже так рассуждал?

Вдова. Говоря по правде, нет. Об этих вещах он начал распространяться, когда стал хуже видеть. Кстати, и Бетховен кое-что приобрёл именно благодаря своей глухоте. Она обострила его слух и позволила слышать музыку, которую иначе и не услышишь. Короче, муж стал сочинять, закрыв глаза, и таким образом продиктовал мне все свои последние комедии.

Кунигунда. Ого! О том, как работать с закрытыми глазами, и мне кое-что известно.

Вдова. Кстати, уж если мы с вами живём по соседству, то давайте познакомимся. Расскажите о себе. Но прежде объясните, почему вы решили обращаться ко мне на «ты»?

Кунигунда. Да ведь я только что объяснила тебе, что мы теперь все равны!

Вдова. У нас в Италии — особенно у меня на родине, в Генуе, — люди определённого уровня переходят на «ты», только если их предки были знакомы между собой на протяжении двух-трёх поколений. Но делать нечего, будь по-вашему. Обращайтесь, как считаете нужным. А теперь расскажите мне хоть немного о вашей работе, которую тоже можно выполнять, закрыв глаза.

Кунигунда. Я... занимаюсь искусством.

Вдова. Надо же, весьма интересно! Ведь я никогда не была знакома с людьми искусства. Даже с актёрами, не говоря уж о художниках, скульпторах или архитекторах. Правда, мой муж был связан с театром...

К у н и г у н д а. Да ну?! Здесь это не секрет. Между прочим, другой итальянец, который бывал у меня, ну, ваш приятель, как его... ах да, Витторио, он тоже рассказывал много смешных историй про драки, особенно про одну — ссору рыбаков с торговцами рыбой... Помню, я хохотала до упаду!

В д о в а. Какой Витторио?

К у н и г у н д а. Ну, как его... Фиеро?!, нет, Альфиери..., да, так его звали. Он тоже придумывал разные истории для театра, но, мамой клянусь, в них не было ничего смешного. Драки, дуэли, месть, и так без конца. И всё это ещё и в стихах, как будто ему и так было мало. А твой муж, вот он знал, как позабавить народ.

В д о в а. А вы — каким видом искусства занимаетесь?

К у н и г у н д а. О, это особый жанр. Ещё до революции, лет пятнадцать назад, я начала позировать художникам и скульпторам. Так сказать, *вдохновлять* их своим телом. До чего ж я тогда была хороша! А потом, когда всё это случилось, когда улицы залило кровью, для искусства не осталось места. Но страждущие не забыли про моё тело и стали платить просто за то, чтобы я раздевалась перед ними догола... Ты понимаешь, о чём я, гражданка? Вот тебе и всё искусство.

В д о в а. Как — «догола»? Вы оголялись и позволяли смотреть на себя?

К у н и г у н д а. Ну да. Что ты находишь в этом странного? Это служило им утешением: политики и рабочие приходили отвлечься от борьбы, от всех этих демонстраций, баррикад и сражений, крестьяне — от гильотины, на которую они как раз и приезжали поглазеть в Париж. А вечерами их всех тянуло ко мне, немного поразвлечься. Один раз даже сам палач заскочил после работы.

В д о в а. И что же, они все стояли и смотрели?

К у н и г у н д а. Ну, бывало и так. Смотрели, дотрагивались, ласкали, — постарайся понять, — может, представляли себе, что гладят статую. В остальном же заповедь одиннадцатая должна была бы гласить: возрадуй ближнего своего.

В д о в а. Однако такое может далеко завести. А глядя на вас в таком виде, разве никто, как бы это сказать, не пытался отнестись к вам без должного уважения?

К у н и г у н д а. Да где тебе вбили в голову такую бредятину?! В какое время ты живёшь-то? Откуда ты такая взялась?

В д о в а. Я воспитывалась в монастыре Святой Урсулы. Почти до восемнадцати лет.

К у н и г у н д а. Напрасная трата времени — тем более в таком возрасте! Хотя, к счастью, там ты, как я погляжу, не совсем пропала.

В д о в а. О чём вы говорите? То были лучшие годы моей жизни! Я была чиста душой и телом, я мечтала... А часы, свободные от молитвы, проводила в саду. За прилежное поведение мне было даровано право срезать там лилии, которыми в церкви украшали алтарь Святого Луиджи.

К у н и г у н д а. Нет, вы только послушайте её! И чего же тогда ты там не осталась?

В д о в а. Полный отказ от собственной воли и подчинение слову святого отца, не так ли? Но когда

он сообщил мне, что я должна выйти замуж за некоего синьора Карло Гольдони, я ужасно расстроилась, возможно, даже разозлилась, да простит меня Господь, но делать было нечего. Ведь в противном случае я бы совершила смертный грех.

К у н и г у н д а. И вместо того чтобы скакать от радости, держу пари, что ты заливалась слезами, прощаясь с лилиями для Святого Луиджи.

В д о в а. О да. А самым тяжёлым оказалось расставание с сестрой Зефриной, вот уж кто был истинный ангел во плоти, святая, чистая душа, горевшая пламенной верой! Вот на кого я мечтала быть похожей! Частенько, холодными ночами, мы вместе молились в церкви, и слёзы умиления лились из наших очей пред образом Благовещения.

К у н и г у н д а. Прямо помираю со смеху. Ну а замужем-то тебе хоть понравилось? Как прошла первая брачная ночька?

В д о в а. Мы с Карло оба так простыли, что с вечера продезинфицировали спальню парами отвара из ромашки и потому крепко уснули.

К у н и г у н д а. Ну, а на следующую ночь?

В д о в а. Он рассказывал мне про своих дядюшек и тётюшек, кузенов и кузин, про свои занятия, делился идеями и планами, говорил о своей любви к театру...

К у н и г у н д а. Да не об этом я хочу услышать!

В д о в а. Но о чём именно хотели бы вы узнать?

К у н и г у н д а. Я же объясняла, что моё искусство — это искусство тела, и мне безумно интересны любые истории про тело, а ещё лучше — про тела, когда они соединяются. Ты понимаешь, о чём я? Неужели у тебя не осталось какого-нибудь остренького воспоминания, которым ты могла бы со мной поделиться?

В д о в а. А-а, понимаю: вы — распутница. Я никогда не видела своего мужа обнажённым, если вы это имеете в виду, и уж тем более он не видел меня в таком виде. Ему бы никогда и в голову не пришло отнестись ко мне как к статуе, которую можно ласкать. Мы оба сквозь землю от стыда провалились бы только от одной мысли об этом. Вы рассуждаете так, как будто греха вообще не существует.

К у н и г у н д а. Вот ещё придумала: грех. Чистой воды выдумка! Только-только освободили страну от господ со всеми ихними придумками про обручения, свадьбы, крещения, когда младенцев заваливают цветами... А ещё пышные похороны, на которых в дроги впрягают шестёрку строптивых кляч! Всего и не перечислишь... Снесли, считай, двенадцать тысяч голов, а ты мне толкуешь про грехи! Ты — старуха, не спорю, но уж больно хочется потолковать с тобой про то, что ты упустила в жизни. К примеру: ты понимаешь хоть, что значит «заниматься любовью»?

В д о в а. Это значит любить и понимать друг друга, помогать друг другу и проявлять взаимную заботу.

К у н и г у н д а. И сколько же деток у вас получилось при таких понятиях?

В д о в а. Ни одного.

К у н и г у н д а. Это уж точно. А за сорок лет, что ты провела замужем, тебе ни разу не пришло в голову попробовать: может, у другого мужчины что получится?

В д о в а. Да что вы такое говорите, мадемуазель?! Я начинаю думать, что вы и впрямь распутница, и это ещё мягко сказано. Так что мне лучше вообще перестать вас слушать, особенно в присутствии моего бедного Карло — вот его портрет на стене, прямо над нами. Возьмите яйцо, другого у меня нет, и соизвольте уйти.

К у н и г у н д а. Значит, не хочешь, чтобы я рассказала о том, чего тебе в жизни не досталось?

В д о в а. А чего недосчитались вы сами в своей жизни, разве вам это известно? И уж тем более о той восхитительной жизни, которую прожила я, вы и понятия не имеете. Прежде всего о том, с какой нежностью, вниманием и уважением относился ко мне Карло. Сколько было у нас праздников, веселья, театральных представлений, скольких людей я повидала, со сколькими познакомилась — богатые и бедные, знатные и незнатные. Сколько приключений я пережила благодаря моему Карло, как же он был неистощим на выдумки! А ещё — балы и званые обеды во дворцах и весёлые ужины в харчевнях и трактирах по всей Италии. А знаменитый карнавал в Риме, один он многого стоит! А бесчисленные путешествия и возможности, которые там открывались! Так, в Париже, где Карло давал уроки итальянского сестре несчастного Людовика, мы были среди почётных гостей, которым довелось подняться на воздушном шаре. А в театрах тысячи зрителей плакали и смеялись над тем, что написал мой муж — я видела это собственными глазами, и я же была единственным свидетелем его трудов. Золотые дожди нежданно-негаданно проливались над нами — и бесследно испарялись в мгновение ока, как исчезает туман при появлении солнца, и надо было начинать всё вновь с чистого листа... Сорок лет длилась эта вечная молодость!

К у н и г у н д а. И невинность в придачу. Наследство белых лилий Святого Луиджи.

В д о в а. Если я вас правильно поняла, мадемуазель Кунигунда, мир в вашем понимании ограничивается физиологическим актом совокупления, не правда ли?

К у н и г у н д а. Что значит «физиологический акт совокупления»?

В д о в а. Не вынуждайте меня уточнять. Вы всё превосходно поняли.

К у н и г у н д а (со смехом). А вот и нет.

В д о в а. Не принуждайте меня говорить на эту тему.

К у н и г у н д а (с наигранным простодушием). Так что же такое «физиологический акт совокупления»?

В д о в а. В двух словах, это тот момент ночью, когда супруги ложатся вместе, когда он соблазняет её, а потом совершает... одним словом, если хочет иметь детей... совершает этот акт.

К у н и г у н д а. Ага, но как это происходит на деле-то?

В д о в а. Мадемуазель, даже если вы и не замужем, это должно быть вам известно. Лично я не могла — в силу своих супружеских обязанностей, а также испытывая самые лучшие чувства по отношению к мужу — полностью избавить себя от такого рода объятий; к тому же я не могу отрицать,

что была совершенно к ним равнодушна. В наше время супружество было освящено традицией, и это оправдывало в нём всё. Я относилась к супружеству, как к театральному спектаклю, но муж возбуждался, говорил мне всякие ласковые слова, звал по имени — Николетта, Николетта... и мало-помалу начинал тяжело дышать, а потом, как с цепи сорвавшись, набрасывался на меня... и порой, да простит меня Господь, ревел подобно дикому зверю. Буквально как на сцене, хотя ничего подобного в его комедиях не найти. Я же всегда оставалась зрительницей, хоть и на супружеском ложе, искренне желая, чтобы спектакль быстрее подошёл к концу.

К у н и г у н д а. Ты уже стара, поэтому открою тебе глаза: всем вокруг прекрасно было известно, что твой муж проделывал этот самый «физиологический акт совокупления» со многими дамами и субретками, которые вели себя в постели совсем не как зрительницы, а получали удовольствие на всю катушку и вопили от наслаждения не меньше его.

В д о в а. А-а, я слышала про это. Не скажу, чтобы такого не могло быть. Взять, к примеру, Мирандолину, — ту, а вернее, одну из тех, что его вдохновляли, как всем хорошо известно. Так вот, если хотите знать: не раз по ночам, тиская подушку, Карло бормотал во сне: «Мирандолина, Мирандолина...». Но в эти моменты он имел в виду отнюдь не женщину во плоти, не её он звал по имени, как меня, но обращался к персонажу своей пьесы. Потому что всю жизнь Карло прожил в вымышленном мире, его реальность составляли фантазии, которые он переводил на бумагу, чтобы потом воплотить их на сцене. И это касалось не только женщин.

Взять, к примеру, его жизнь, когда он служил консулом Генуи в Венеции или вёл многочисленные дела в качестве адвоката, и очень известного, между прочим. Об этой жизни он даже не упоминал, а может, просто забыл. Единственное, о чём он с воодушевлением говорил, когда его спрашивали о прошлом, так это о всяких там вымогателях, мошенниках, о простых рыбаках, банкротах, фальшивомонетчиках и иже с ним. Которых он во множестве вывел на сцену. Когда ему случалось полюбоваться восходом или заходом солнца, если его внимание привлекла птичка необычной, яркой окраски или какой-нибудь экзотический горбун, то два-три дня спустя я узнавала про это, когда он читал мне очередную сцену из только-только начатой пьесы. Был большой любитель поесть. Заходя в любую таверну, требовал конкретное блюдо, причём объяснял, как именно его следует приготовить. Излишне упоминать, что...

К у н и г у н д а. ...что под этим названием оно и появлялось в очередном диалоге, который он тебе прочитывал на следующий день.

В д о в а. Именно так. Как можно ревновать мужчину, которого одолевает единственная страсть? А когда эта страсть накаляется до такого предела, что другие неизбежно улетучиваются? Кроме того, существует ещё и супружеская верность.

К у н и г у н д а. Очень удобно! Особенно для мужчин. А теперь я объясню тебе, что такое «супружеская верность». Так называемая «супружеская верность» — всего лишь вечное лицемерие, от него и все беды в браках, даже в самых удачных. Священники должны были бы требовать от новобрачной другую клятву верности, когда венчают их, такую, например: «Клянусь думать только о тебе, не допускать никого другого в свои мечты, убивать в себе любое новое чувство, любой интерес к кому-либо, кроме тебя, клянусь забыть самое себя во имя любви, ради которой готова отринуть собственную природу и все другие чувства; клянусь до конца жизни быть пригвождённой к твоим прекрасным глазам, как Прометей к скале. Отказываюсь красть огонь, буду подменять его усыпляющим кухонным очагом нашей супружеской верности, покуда смерть не разлучит нас».

В д о в а. Да вы не просто распутница, вы — сам дьявол во плоти!

К у н и г у н д а. Ну, а теперь — объясни-ка ты мне, что такое, по-твоему, «супружеская верность».

В д о в а. Это — совершенная верность. Если бы, застав Карло в объятиях другой женщины, я услышала от него, что это лишь обман зрения, то безоговорочно поверила бы именно ему, а не тому, что видела собственными глазами.

К у н и г у н д а. Тогда у меня к тебе, гражданка, только один вопрос. Сколько раз ты совершала со своим мужем физиологический акт совокупления?

В д о в а. Мадемуазель, давайте заключим соглашение. Сейчас я вам отвечу, после чего вы незамедлительно уйдёте.

К у н и г у н д а. Уйду, только удовлетвори напоследок мое любопытство. Ну — и сколько ж разочков?

В д о в а. О, разве упомнишь, столько лет прошло... Возможно, раз сто.

К у н и г у н д а. И это за сорок-то лет в браке?!

В д о в а. Нет-нет, постойте, вспомнила: сто семь.

К у н и г у н д а. Откуда такая точность?

В д о в а. Потому что по совету сестры Зефрины, наутро после каждого физиологического акта я должна была совершать обряд очищения.

К у н и г у н д а. Это как?

В д о в а. То есть принести покаяние нашему приходскому кюре в Венеции или любому другому — в том городе, где выступала труппа. Надо было пройти долгую исповедь, рассказать в подробностях обо всём, после чего читать разные молитвы и поститься по разумению того или иного из этих святых людей. Их требования всегда были не схожи между собой. И только на второй день я могла приступить к причастию, если, конечно, получала на то благословение. Все эти люди были прелатами и учёными богословами. Первый же из них посоветовал мне носить ладанку.

К у н и г у н д а. Что, что?

В д о в а. Такой полотняный мешочек, куда зашит кусочек кости кого-нибудь из святых. Этот мешочек носят на груди в течение месяца, а потом с благоговением хранят всю жизнь дома. И вот таких мешочков у меня ровно сто семь.

К у н и г у н д а. Мама родная, вот это да! Похоже, Средние века ещё не кончились. И как ты умудрилась уцелеть в Париже, среди урагана революции, когда головы летели одна за другой, а все прежние обычаи и традиции в нашем новом и лучшем мире оказались отменены во имя свободы?

В д о в а. Откровенно сказать, я так и не поняла, при чём тут свобода, если все по-прежнему остаются бедными и все командуют всеми? Истинная свобода вырастает из необходимости. А так же из греховности, которую многие считают неизбежной. Что же касается обычаев, то, позвольте вам заметить, что — насколько я замечаю — на улицах и в домах, в общественных и семейных отношениях совершенно одинаково распространилась ужасающая невоспитанность. О чём думал

наш добрый Господь, когда пустил произойти таким чудовищным разрушениям, я боюсь даже помыслить.

К у н и г у н д а. Дорогая гражданка, единственно из-за того, что ты мне симпатична, советую тебе прекратить чуть что ссылаться на Бога, а главное, брось ты искать церкви, в которых случайно оставшиеся в живых кюре ещё служат мессу. Почитай лучше любовный романчик, тогда и узнаешь, чего ты недобрала за эти годы.

В д о в а. Вы всё болтаете, а сами-то совершали «акты физиологического совокупления»?

К у н и г у н д а. Наконец-то я слышу вопрос по делу! Знаешь, за всеми твоими разговорами про лилии и ангелов, про всю эту дребедень я прямо засовестилась. И тем не менее вынуждена признаться: ох, совершала.

В д о в а. Неужели, мадемуазель! И сколько же раз?

К у н и г у н д а. Скажем так: за месяц столько раз, сколько тебе удалось за все сорок лет.

В д о в а. Какой ужас! Но по какой же причине? Не смею даже подумать, что ради денег, не правда ли, мадемуазель? Продавать душу дьяволу за деньги?! Да за такое грозит наказание, ужаснее которого трудно себе и вообразить! Наверное, вы очень любили некоего одного мужчину, что позволили себе столько актов физиологического совокупления?

К у н и г у н д а. Случалось и такое. Возьмёшь и сделаешь сама себе подарок, но всё же, думаю, для меня это — профессия, не хуже, чем у твоих кюре. Одним словом, я этим занимаюсь ради удовольствия и только, моя дорогая гражданка и подружка ангелов.

В д о в а. Уж не хотите ли вы сказать, что испытываете при этом такое же удовольствие, как и мужчины?

К у н и г у н д а. О да. Именно это я и хочу сказать.

В д о в а. Господи, помилуй! Но тогда объясните мне, как это возможно? Как оно происходит?

К у н и г у н д а. Трудно объяснить на словах, любезная моя мамзель-гражданка.

В д о в а. А вы всё же попробуйте.

К у н и г у н д а. Ну, хорошо. Бывает, заметишь в толпе лицо и глаз не можешь оторвать, затем обязательно обнаружится шея — юная, белоснежная (она-то — важнее всего, ведь именно там — самая нежная кожа)... Потом, особенно летом, представишь себе его плечи под рубашкой, сильные и гладкие на ощупь, руки, мускулистые, красивые... а потом — всё остальное, ещё что пониже... Но самое прекрасное — в эти мгновения ты понимаешь, что и он смотрит на тебя и испытывает то же самое. И тогда твои груди наливаются соком и поднимаются, как две пробуждённые нимфы, а кровь закипает в жилах и жар поднимается от пяток по икрам всё выше и выше, пока наконец не окутает тебя всю, как длинная шаль. Правда, это происходит не на улице, а уже где-нибудь за городом, в поле, где пахнет спелыми колосьями, или в номере гостиницы. Частенько не успеваешь даже узнать, как его звали, потому что до слов дело так и не доходит. Весь этот жар тогда сосредоточивается в одной точке твоего тела, которая заменяет сердце. Ты вся горячишь и уже не понимаешь, где кончается твоё тело и начинается его, и тебе кажется, что ты вся светишься и сверкаешь, что всё в тебе громко-громко поёт, хотя ты не произносишь ни звука. Кричишь молча.

Пауза

В д о в а. Но... но если так, значит и я испытывала то же самое.

К у н и г у н д а. Вот как? Я что-то не пойму. Ты же всё время твердила совсем про другое.

В д о в а. Да, такое со мной было три раза в жизни, и я часто об этом вспоминаю. К сожалению, мой бедный Карло был тут почти ни при чём, то есть в том прямом смысле, о котором вы говорите.

К у н и г у н д а. Короче, ты признаёшься, что наставляла ему рога, которых он безусловно, заслуживал?

В д о в а. Нет, это было всё же не совсем так, как у вас. Но я ещё никому об этом не рассказывала. О том ведаёт один лишь Господь.

К у н и г у н д а. Смелее! Давай, может, я тоже узнаю что-нибудь новенькое. Ну же, гражданка, мадамочка, я вас прошу. Хотя об этом ты, наверное, уже всё рассказала своему исповеднику.

В д о в а. Нет, никому из тех, кому я исповедалась, я не покаялась в этом грехе. Не знаю, что за сила каждый раз меня удерживала, но всякий раз меня одолевал стыд, — возможно, из-за того, что исповедуют всегда только мужчины — или я чего-то здесь недопонимаю. Как бы то ни было, но я должна кому-то всё это рассказать, ведь неизвестно, много ли ещё месяцев мне осталось на этом свете.

К у н и г у н д а. Исповедайтесь же, мадам, облегчитесь от этой ноши.

В д о в а. Итак, впервые это случилось ещё в монастыре, в мае, мне только что исполнилось пятнадцать лет. Как-то раз я спустилась в часовню. Было шесть утра, шёл месяц, посвящённый Деве Марии. Я преклонила колени перед статуей Архангела Гавриила, принесшего Ей Благую Весть, и в этот момент солнечный луч, проникший через окно, ударил ему прямо в глаза, они были ярко-голубые... Возник аромат лилий и тубероз... Ни звука вокруг... И в этот момент я ощутила то самое, о чём вы рассказывали: как будто горячий поток поднимался от пяток по икрам и окутывал всю меня, как шаль. И некое сердце — словно бы второе — так сильно билось внутри, и такое было ощущение, что вот-вот, ещё немного — и от тебя останется горящая головешка и посыплется искры во все стороны...

К у н и г у н д а. Молодец! Именно так. Воистину, неисповедимы пути Господни. Повезло, что сестра Зефрина в кои-то веки спала.

В д о в а. Нет. Она в это время удалилась в паломничество, чтобы испросить милость...

К у н и г у н д а. Вот как! А во второй раз?

В д о в а. Во второй раз это произошло много лет назад, в Риме, как раз заканчивался карнавал. Вы не представляете, что там творится в последний день, когда Корсо забита тысячами колясок и экипажей, съехавшимися туда со всего города, а везде ещё царит радостное возбуждение, ведь только что закончились гонки необъезженных лошадок — зрелище не хуже корриды. Когда закатные лучи солнца в последний раз блеснут над холмом Монтемарио, отзовутся тысячами бликов в окнах домов и осветят колокольни... все участники маскарада начинают возжигать свечи, рассыпать конфетти, дудеть в трубы, а потом звучат шутки и начинаются игры... На площади Народа устраивают фейерверк, крики, шум, танцы, все обнимаются, целуются, даже незнакомые... Приближается полночь, по толпе словно бы пробегает дрожь... А первый удар в колокол церкви Санта Мария дель Пополо — ровно

в двенадцать — как первый глас трубы Судного Дня: все эти тысячи людей на улицах, площадях и на балконах разом гасят свечи, и все двенадцать ударов звучат в сказочно благоговейной тишине. Все снимают маски и, преклонив колени, осеняют себя крестным знаменем. Начинается Великий пост. И вот однажды, как раз в этот момент, когда все безмолвно замерли в страхе, со мной *это* и произошло. Словно ниоткуда налетел бешеный ураган, и меня объял неизъяснимый ужас греховности, мою душу будто выворачивало наизнанку. Карло едва успел подхватить меня, иначе я бы не удержалась на ногах. Я была сама не своя.

К у н и г у н д а. Какая потрясающая история, мадам! Вот какие шуточки-то судьба откальвает! А Карло подхватил вас в свои объятия, решив, что это не более чем простой обморок. Вот смеху-то! Ну, а в третий раз?

В д о в а. В третий раз всё было ещё загадочнее, и тут уже я не могу утверждать, что Карло оказался ни при чём. Правда, он был рядом: спал, когда это произошло. Он уснул в гостинице в Фаэнце, где у нас были гастроли, а я вспомнила, что забыла наши паспорта в театре, и вынуждена была вернуться туда среди ночи.

Ах, эти сцены, сколько я их повидала! И всегда такие разные, искрящиеся светом, в ярком убранстве декораций, пёстрые костюмы актёров, их громкие голоса... И вот впервые я оказалась в безлюдном театре, на сцене, как в пустой раковине — в полной тишине и темноте. Вокруг — ни души. Понимаете, как будто я, при жизни, увидела изнутри суть самой смерти. Той смерти, которая пронизывает собой всё живое, известно нам лишь с внешней стороны. Свет от огрызка свечи у меня в руке выхватывал из тьмы лишь отдельные части занавеса, обшивки кресел... отдельные части какого-то леса, намалёванного на заднике сцены... Мне казалось, будто я лечу вниз с высокой башни, в полной пустоте, а внутри зреет неведомая сила... И вдруг она начала извергаться из меня, словно я попала во власть колдовских чар, от которых кружилась голова. Я казалась себе одним из безмолвных, слепых призраков — всех этих коломбин и мирандолин, рыбаков и влюблённых, которых во множестве породила фантазия Карло во снах и наяву, — это были персонажи всевозможных сказок и его собственных сновидений: они кружились вокруг меня плотным кольцом, которое сжималось всё теснее, теснее... И тут у меня внутри, как много лет назад, вновь всё вспыхнуло, и я ощутила то невыразимое наслаждение, тайная причина которого открылась мне только в эти мгновения. Я познала саму Душу Театра — Душу Любви. Моё глубинное естество испускало лучи мощного света, и они стали стеной против разрушительного огня. И если я познала истинную любовь, если испытала её с Карло, если нас соединяла та любовь, от которой начинают детей, то такую любовь я испытала именно там — на пустой сцене безлюдного театра.

К у н и г у н д а. Что ж, мадам, ты заставила меня пустить слезу. Очень может быть, что ты получила от любви больше моего. Такое — скажу тебе по правде — дорогого стоит. Да уж: это стоит многого.

КОНЕЦ

Рим, 10 марта 1993 г.

Перевод с итальянского Александра Сергеевского

© Текст: Мария Луиза Спацциани
© Перевод: Александр Сергеевский

Мария Луиза Спазиани

«Я никогда специально не гналась за вдохновением, всегда как-то получалось, что оно само посещало меня»

Мария Луиза Спазиани (Maria Luisa Spaziani) — фигура первой величины на поэтическом небосклоне Италии и Европы. Трижды (в 1990, 1992 и 1997 гг.) она была номинирована на получение Нобелевской премии по литературе. Автор поэтических книг, число которых приближается к трём десяткам, в том числе трёх томов «Избранного», последовательно выпускаемых на протяжении последних десятилетий. А первый поэтический сборник поэтессы увидел свет в уже далёком 1954-м — на пятом году её обращения к поэзии, когда ей исполнилось тридцать. К тому времени она успела окончить Туринский университет (по специальности зарубежная литература), преподавала и работала редактором в журнале «Иль Дадо», к созданию которого еще в юности успела «приложить руку» и привлечь к сотрудничеству целую плеяду отечественных авторов (Умберто Саба¹, Сандро Пенна², Васко Пратолини³, Леонардо Синисгалли⁴), а во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы Спазиани первой в Италии публиковала тексты таких столпов мировой литературы, как Вирджиния Вульф, Эзра Паунд, Жан-Поль Сартр, Томас Элиот...

Дело было в Турине, и там же, в 1949 году, она была представлена крупнейшему итальянскому поэту, будущему лауреату Нобелевской премии Эудженио Монтале. Сама она так вспоминала о том событии: «...Случайно я оказалась в числе молодых туринских поэтов, которых представили Монтале, хотя поэтом себя не считала, поскольку не писала стихов. И вот он подходит к каждому, пожимает руку и, глядя в пол, коротко бросает: “Очень рад. Очень рад...”. Я ужасно робела и уже готова была сбежать, как дошла очередь до меня. И вдруг он, услышав мою фамилию, взглянул на меня и говорит: “Ах, вот она какая”. Я чуть было не лишилась дара речи и ляпнула первое, что пришло в голову: “Придёте завтра со мной пообедать?”. А он в ответ: “Приду”. И вот он встречает меня, улыбочивый и пунктуальный, здоровается и рассказывает истории, кажущиеся мне, бедняге, просто неправдоподобными...»

Это стало событием в её личной и, главное, творческой судьбе: она начала писать стихи. Более тридцати лет затем поэтов связывала личная и творческая дружба, лучшими свидетелями чему служат письма к ней Монтале (315 из которых сохранились в его литературном архиве). Широкое филологическое образование позволило Марии Луизе преподавать немецкую и французскую (в первую очередь) литературу в высших учебных заведениях Италии, неоднократно выезжать с чтением лекций в университеты Франции и США (в том числе, в Гарвард), а также писать о европейской литературе и переводить её. Излюбленной её темой всегда была французская литература, недаром из восьми монографий большинство посвящено авторам Франции: Ронсару, Расину, французскому театру XVII-XVIII веков. Ещё длиннее список переведённых ею зарубежных авторов: от того же Расина, Шекспира, Гёте и Флобера до Марселя Пруста, Андре Жида, Мишеля Турнье и Сола Беллоу. Кроме того, она неоднократно

проявляла себя и в других жанрах художественного творчества: Спазиани — автор трёх книг прозы и трёх театральных пьес. В общей сложности, я насчитал чуть ли не шестьдесят опубликованных её книг. Впрочем, и творческая жизнь поэта, прозаика, эссеиста и драматурга впечатляет: от первого сборника стихов, опубликованного в 1954 году, до последнего «Избранного», выпущенного год назад!

«Я никогда специально не гналась за вдохновением, всегда как-то получалось, что оно само посещало меня», — однажды обмолвилась Спазиани. И в это верится, тем более что в самые последние годы (как я лично слышал от неё) она ежедневно по утрам пишет по два-три стихотворения. Вдохновение явно продолжает навещать поэта. Так что не говорите мне, что старость и творчество несовместимы. А как заинтересованно, живо и с каким неподдельным участием она ведёт беседы и даёт интервью! На протяжении последних двух лет я несколько раз беседовал с Марией Луизой — и о её жизни и творчестве, и о поэтах прошлого, и о состоянии сегодняшней итальянской поэзии. И каждый раз восхищался её энергией, уровнем, на котором она ведёт любой разговор. Ни следа равнодушия, усталости и всего прочего, что вполне объяснимо можно было бы заподозрить у человека её профессии в таком возрасте. Физическая немощь немедленно отступала на задворки, стоило заговорить о чем-либо её интересующем, а натолкнуть на таковое её не стоило особого труда, ибо кругозор Спазиани столь обширен, что постоянно приходилось ловить себя на мысли, как бы не провалиться самому, что, естественно, случалось неоднократно: куда нам до них, могикан прошлого века, к тому же живших и работавших в условиях свободы, доступа к любому образованию, в атмосфере творческих дискуссий, «в границах» открытого мира, одним словом... Естественно, Мария Луиза Спазиани, как говорится, объездила едва ли не весь мир. Дважды побывала она на российских просторах: первый раз, впрочем, ещё на советских, а во второй — присутствовала на презентации (в московской Государственной библиотеке иностранной литературы) своей первой книги стихов, опубликованной в 2004 году в переводах Евг. Солоновича. Лауреат разнообразных литературных премий (в том числе «Виареджо» — наиболее престижной из числа национальных премий в области поэзии). Спазиани после смерти Эудженио Монтале стала одним из основателей и председателем поэтической Премии Монтале, а в сезонах 2010 и 2011 годов возглавляла итальянское жюри российско-итальянской Премии им. Н. Гоголя в Риме.

Александр Сергеевский

Примечания

¹ *Умберто Саба* (Umberto Saba) — один из оригинальнейших итальянских поэтов первой половины XX века (1883–1957), творчество которого протекало вне современных ему традиций и течений, первый лауреат крупнейшей в Италии поэтической премии «Viareggio».

² *Сандро Пенна* (Sandro Penna) (1906–1977) — известный итальянский поэт, младший современник Сабы, своего рода «антипод Монтале».

³ *Васко Пратолини* (Vasco Pratolini) (1913–1991) — один из самых видных итальянских прозаиков «военного поколения», сценарист (в том числе фильма «Рокко и его братья» Л. Висконти).

⁴ *Леонардо Синисгалли* (Leonardo Sinigalli) — также принадлежал к «военному поколению» (1908–1981), известен как «поэт-инженер» в связи со второй профессией, в которой достиг больших высот (был генеральным директором компании ЭНИ); автор более пятидесяти книг.

© Фото: А. Зверев

ЗИГЗАГИ идеологии

Заметки о модернизации и мифологии

Дмитрий ОРЕШКИН

модернизация как коммунизм

Модернизация как коммунизм: пометать приятно, но не дай бог угодить под практическую реализацию. Если всерьез, то это риски кредитного обременения, стрессы в менеджменте, конфликты с персоналом. Повышение производительности означает уничтожение лишних звеньев — увольнения, скандалы. Кому такое понравится? Поэтому для перехода от инновационной демагогии к реальным шагам требуется жесткий стимул. В открытой экономике его обеспечивает конкуренция. Теоретики марксизма предпочитают иные коннотации — неумную жажду наживы.

Проблема в другом: откуда берется модернизация при коммунизме и социализме, где, как нас убеждали, человечество освобождено от эксплуатации, конкуренции, игры слепых рыночных сил и прочих напастей?

На этой развилке (одной из многих) жизнь с ее проблемами, ошибками и свершениями идет в одну сторону, а «вечно живое учение» — в другую. С течением времени разрыв становится все очевиднее; приходится принимать меры. Спасательные работы ведутся с двух берегов: с одной стороны, модернизируется само учение. С другой — предпринимаются попытки переделать реальность.

Одновременно, с третьей стороны, вводится инновационное стимулирование посредством нагана, колючей проволоки и приклада в зубы.

Здесь уместно вспомнить о любимом философом различии между понятиями «действительность» и «реальность». Реальность есть действительность, подвергнутая осознанию. То есть встроенная в оптику некоей ментальной «очевидности». Ну, а очевидность, понятно, зависит от устройства очей. Их-то и надо в первую очередь модернизировать, чтобы реальность поменялась! Ибо сказано: *perception is reality*.

Ясное дело, в СССР мы не только открыли этот закон раньше англичан, но и внедрили его в практику — да так глубоко, что до сих пор не вынуть. Хотя называлось это по-другому: воспитание нового советского человека.

Перестроить действительность (например, проложить автобан) трудно и дорого. Перестроить реальность проще: достаточно убедить людей, что старая дорога не хуже, чем у соседей. А с учетом климата, патриотизма и экономии общенародных средств, пожалуй, даже и лучше. Ведь *очевидно*, не правда ли?!

Корректировка идеологии под действительность естественна с точки зрения теории познания (постараемся избегать таких грозных терминов, как гносеология или эпистемология): если идея вступает в явное (*очевидное*) противоречие с объективным миром, менять следует идею, а не мир.

Корректировка действительности под идеологию (модернизация социальной реальности) интересней, но несравненно рискованней. Когда Маркс в самом

знаменитом из тезисов о Фейербахе ставит перед философами задачу не объяснить мир, но *изменить* его, трудно противостоять его напору: разве мир совершен и не нуждается в улучшении?!

Пожалуй, нуждается. Однако сразу возникает вопрос о наличии модернизационного бизнес-плана, и, что еще важнее, о формулировке целей. Факты свидетельствуют, что настоящим приоритетом пролетарских демиургов уже тогда была *власть* над массами, а не их благо.

Ленинская *реальность* жестче исходной марксистской, и, главное, закреплена практическими действиями, для которых в партию приходилось подбирать весьма специфический контингент борцов обладавших уголовными замашками. Таким образом, она тоже оставляет после себя пучок более или менее рациональных (соответственно, менее или более лютых) возможностей: можно было по-бухарински развивать НЭП, а можно, напротив, по-сталински — коллективизацию.

Сталин, как и перед ним Ленин, из всех возможных стратегий в рамках марксизма-ленинизма тоже выбирает ту, что пожестче. Которая в рамках его, сталинской — и следовательно, нашей, советской, — *реальности* интерпретируется как единственно возможная. Что, конечно, не так. Этому выбору предшествует десятилетнее истребление российской интеллектуальной элиты и многолетняя обработка населения оголтелой пропагандой, которой даже технически было невозможно дать ответ в условиях тотальной цензуры. Возможности же общественного сопротивления были заранее эффективно подавлены.

Эмпирика показывает, что всякий раз, когда большевики вынуждены выбирать между приоритетом удержания власти (подавления конкуренции и оппозиции) и сохранением возможных альтернатив для будущего *развития*, они всегда неуклонно выбирают *власть*, рассказывая себе и другим пропагандистскую байку о единственно верном пути развития. Как будто им одним ведомо будущее, и они обладают эксклюзивным знанием абсолютной истины.

Интересна траектория этой идеологии в социокультурном пространстве-времени. Учение рождается в рамках максимально свободного на тот период, либерального, пронизанного университетскими традициями европейского общества. Главным образом в Англии. Книжки открыто публикуются, идеи свободно обсуждаются, критикуются, уточняются — и, в общем, не получают достаточно широкой поддержки со стороны академического сообщества. Следующий

шаг, грубо говоря, с лагом в одно поколение — ниже по социальной лестнице и глубже на восток, в Европу. Усиливается социал-демократическая пропаганда (на этой фазе наукой ее назвать уже трудновато) в Германии, Австро-Венгрии, Центральной и Восточной Европе; академическое сообщество в качестве целевой аудитории забыто (филистеры, фарисеи, прислужники буржуазии и абсолютизма). Учение все больше концентрируется на обработке социальных низов, где образование пожиже, скепсиса поменьше, зато энтузиазма и веры побольше. Еще примерно через поколение процесс смещается восточнее, в Россию, где массы вчерашнего крестьянства настроены еще менее критично. Учение воспринимается (и подается агитаторами) в упрощенном донельзя виде и воспринимается почти целиком на веру — как реакция на красноречие и эмоциональный напор ораторов.

Позже — примерно еще через поколение — процесс доползает до Китая, Кореи, Монголии и Юго-Восточной Азии, где приобретает специфические очертания, с первоначальной научной оболочкой не имеющие ничего общего. К тому времени в местах первоначального зарождения марксизма к нему относятся уже как к маргинальной причуде части леволиберальных интеллектуалов, реального политического значения не имеющей.

× × ×

С момента обретения контроля над мозгами трудящихся принципиально упрощается проблема разрыва идеологии с действительностью. Достаточно их убедить, что модернизационный прорыв уже состоялся. Или вот-вот состоится. Осталось чуть-чуть! Не верите — почитайте в газете. Там и картинка есть. Величественные планы выполнены, индустрия застит небо клубами дыма, вожди зарекомендовали себя с лучшей стороны... Главное — не допустить, по емкому выражению И.В. Сталина, «разлагающего скептицизма» и держать население в надлежащем тонусе. Это и называется: контроль над *социальной реальностью*. Он и является настоящим приоритетом правящей партии.

этапы эволюции

Применительно к индустриализации и модернизации развитие советской мечты делится минимум на два этапа. Первый — проистекает из книжек позапрошлого века про преимущества планового хозяйства, самоорганизацию политически сознательно-

го пролетариата, более высокую производительность освобожденного труда и воспитание нового человека.

Этот слой демагогии под воздействием практического опыта за 150 лет сильно вытерся и полинял.

Но сегодня актуальнее другой, более брутальный дискурс, идущий из тех же времен. Двигателем прогресса в нем выступает не общенародный коллектив из светлого будущего, а сильная личность. Именно она своей стальной волей вдохновляет народ на труд и на подвиг. Где надо, добавляя массам энтузиазма; где надо, подбадривая нерадивых народным пинком. Интересно, что в этой ментальной схеме уже латентно присутствует конкуренция, хотя лишь на внешнем периметре: догнать и перегнать, иначе сомнут...

Сталинская версия так называемого мобилизационного модернизационного стимула заслуживает особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, это наше родное «ноу-хау». Во-вторых, самый продолжительный вариант из всех известных, применяемый до сих пор. В-третьих, его несколько поплывшую фигуру успели подпереть с разных сторон некоторыми чисто отечественными изобретениями, такими как евразийство, пассионарность и даже Православие — в оригинальной интерпретации о. Дмитрия Дудко и его последователей (<http://greatstalin.ru/belief.aspx>; <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/08/779/61.html>).

Что само по себе интересно для понимания технологий мифотворчества.

Наконец, в-четвертых, эта конструкция из идей, мифов, пропагандистских клише и псевдорелигиозных обоснований (всякая власть от Бога) все смелее эксплуатируется нынешней номенклатурой для оправдания затянувшегося пребывания во власти.

Чтобы лучше понять тайный смысл советской мифологии и закономерности ее модернизации, следует вкратце обрисовать ее внутреннюю структуру и роль в общественной жизни.

скачки на идолах

Идеология — ключевой сектор советского хозяйства. Страна строила не что-нибудь, а коммунизм, то есть идеологическую конструкцию.

Не сильно погрешив против истины, можно сказать, **что настоящим законом политэкономии социализма является закон неуклонного преобразования материальных ресурсов природы и общества в агитацию и пропаганду.** Советская экономика в первую очередь создала духоподъемную сказку про

растущее ВЕЛИЧИЕ, и лишь затем, в качестве необходимого (побочного?) продукта, потребного для обороны и воспроизводства трудовых ресурсов — материальную бль.

Люди, воспитанные в рамках советской *реальности*, охотно повторяют мантру о том, что СССР занимал второе место в мире по объему промышленного производства, и даже называют точную цифру: 20%. И мало кто из них утруждает себя простыми вопросами.

1. Что такое этот ОБЪЕМ промышленного производства по-советски (и какую долю в нем составляет ВПК)?

2. В каких единицах оно измеряется?

(Измеряется, понятно, в «деревянных» рублях: а как же иначе сложить нефть с чугуном и каучук с каустиком? Чем больше рублей напечатаешь, тем выше окажется исчисленный объем произведенной продукции.

Особенно если считать что рубль, в соответствии с официальным советским курсом, дороже доллара.)

3. Откуда вообще взялась эта «точная цифра» — не из тех ли источников, что рассказывали про более высокую производительность колхозного труда, про полную и окончательную победу социализма и про 99,9% общенародной поддержки нерушимого блока коммунистов и беспартийных?

Впрочем, советская экономическая *действительность* — опять же отдельная история.

идея, материя и вера

Идеология как основной продукт советского народнохозяйственного комплекса щедро распространялась внутри страны и по демпинговым ценам отправлялась на экспорт.

Полное собрание сочинений В.И. Ленина издано на всех языках мира. «Иновещание», охватившее всю планету. АПН — как идеологический миссионерский корпус. Увы, через одно-два поколения идеология тоже доказала свою неконкурентоспособность. Если и брали, то лишь в Африке, Азии и Латинской Америке, в придачу к пулеметам и гранатометам. Политическую литературу широко использовали в гигиенических целях. Развитая часть человечества на пропагандистскую дешевку уже не покупалась. Понятно, почему.

Во-первых, вся она, как некий набор шаблонов, противоречила жизни. Грубо говоря, не выдерживала внешней проверки практикой — собственным марксистским критерием истины. Например, СССР на практике развалился. Все четыре Интернационала тоже. Дружба народов и «новая историческая общность

людей, советский народ» — аналогично. И так далее... Что характерно — лишь после смерти Сталина. При нем все эти сущности содержались в образцовом порядке. Осталось выяснить: в *действительности* или в *реальности*?

Во-вторых, советская идеология принципиально противоречила сама себе. Идеинный дебет устойчиво не сходилась с кредитом.

Характерно, что и первый, и второй изъясничать мешают адептам советской идеи хранить веру в ее животворную силу. Что лишний раз демонстрирует приоритет духа над материей в архитектонике Советского Союза и «социалистического лагеря». С самого начала он был наполювину выдумкой, фантомом, миражом. Оттого-то и не слишком пострадал от крушения материальной части. *Советская реальность*, как выяснилось на практике, вполне может существовать помимо телесной оболочки; миллионы сограждан готовы защищать ее до последней капли чернил.

Особая пикантность ситуации в том, что самые несгибаемые из них продолжают считать себя *материалистами*. Правда, другие ударились в веру. Воистину, вера превозмогает всё. Хотя, кажется, очевидней некуда. Идеология как система ценностей задает приоритеты. Приоритетами определяются практические шаги. Практические шаги откликаются хозяйственными результатами. Марксистский тезис о том, что общественное сознание определяется общественным бытием, при встрече с действительностью выворачивается наизнанку. На самом деле материя позорно плетется в хвосте у торжествующего сознания, и советский опыт тому лучшее подтверждение.

В прежние времена при перелете в Европу материальная граница идеологий отчетливо читалась с высоты 10 тысяч м: к востоку полигоны пахотных полей были в десятки раз крупнее, нежели к западу.

Колхозно-совхозная форма земельной собственности грубо-вещественно контрастировала с частной.

Понятно, идейная разница отражалась и в других чисто материальных особенностях бытия, сверху не столь заметных: производительности труда, урожайности, качестве продукции, рентабельности и пр.

Одно из внутренних противоречий марксистско-ленинской «науки» заключалось в том, что она запрещала видеть очевидное. Критику воспринимала как крамолу и ересь, кои подлежат немедленному искоренению. То есть де-факто вела себя как религия, причем самая непримиримая. Сознание определяется бытием. Социалистическая система прогрессивней капиталистической. Плановое хозяйство эффективнее

(и гуманнее) рыночного, материалистическая философия — передовой идеалистической. И хоть ты тресни. Возражения изучались в КГБ.

То, что на практике адепты коммунистической веры демонстрируют самый вульгарный *идеализм*, никоим образом не тревожило.

Эта трепетная особенность вынуждала советскую мифологию парить подальше от грешной земли со взором, устремленным в прекрасное «далеко». Неуклонно поднимаясь во все более разреженные слои стратосферы, чтобы избежать простых вопросов, на которые у нее не было ответа. Пока наконец от нехватки кислорода она не вошла в пике и — ах! — не рухнула в грубую материальную действительность.

Иначе и быть не могло. Теперь остается изобретать объяснения в духе того, что твердь, прервавшую дивный полет, ей подставили вражеские агенты. То же вполне органично: в прежние времена *товарищи* убеждали, апеллируя к светлому будущему; сейчас они выстраивают свою эфемерную реальность, апеллируя к светлому прошлому.

Естественно, в *действительности* российские большевики по всем заявленным пунктам провалились. После революции жить лучше не стало, производительность труда упала, вместо обещанного мира страна погрузилась в череду внутренних и внешних конфликтов. Это ущербность первого рода — внешняя. Ну и черт с ней! Они выше жалкой действительности — признавать поражение им не с руки. Вполне в соответствии с авангардным искусством.

В рамках избранной системы ценностей все логично: еще с самого начала «отцы-основатели» согласились пожертвовать объективностью научного знания ради опьяняющей силы мифа. Таков уж их приоритет: миф ведет к власти, правда — от нее отдаляет. Тем хуже для правды.

Функциональное удобство модели в том, что право провозглашать: что есть истина и что ложь — эксклюзивно принадлежит власти. Удержать население от осознания того, что власть *провалилась*, можно лишь с помощью цензуры, «железного занавеса» и тотального господства в СМИ.

Поэтому после неудачной революционной «модернизации» общественных отношений система ориентируется не на развитие идеи с приближением ее к действительности, а, наоборот, на консервацию выдуманной *реальности* в надежде уберечь ее от идейной конкуренции.

В первый год после получения политического контроля большевики закрыли 460 периодических из-

даний разной направленности, существовавших в царской «тюрьме народов». Восторжествовало ленинское понимание свободы. Под шумные разговоры про победное шествие идей социализма по планете догматический аппарат переходит к изоляционизму и эшелонированной обороне в одной отдельно взятой стране.

Тот же функциональный вопрос: кому это выгодно? Сомнительно, чтобы духовному развитию, экономике и населению. Скорее, вертикальному менеджменту, которому необходимо удержать контроль. Он на опыте убедился, что с помощью силы и мифологии можно сформировать практически любую *реальность*. Вдохновить, обвинить, доказать. Объяснить, что во временных трудностях виноваты вредители и саботажники, внутренние и внешние враги, пережитки прошлого, природные катаклизмы. Внушить, что в ответ на происки необходимо еще теснее сплотиться вокруг любимой партии. Продемонстрировать невероятный рост по всем показателям в сравнении с 1913 годом...

Правда, чтобы свести концы с концами, до 1940 года пришлось расстрелять пятерых из восьми руководителей главного статистического ведомства при Госплане (оказались саботажниками: позволяли своим цифрам распространять *разлагающий скептицизм*).

Проблема в том, что со временем правда так или иначе просачивается в общественное сознание (скорость процесса зависит от высоты и толщины идейных барьеров) и вступает в противоречие с общепринятой версией *реальности*. Стенка из слов оказывается тонка. Факты бьют в глаза: под игом капиталистической эксплуатации трудящимся живется значительно лучше, чем под любимой народной властью. Менеджмент вынужден либо поднимать изоляционистские барьеры, либо предлагать вторую, улучшенную и исправленную версию мифа.

модернизация учения

Именно отсюда начинается второй этап. Несложно заметить, что с прежней версией ее объединяет структурное родство: определяющая роль *власти* и ее *номенклатурного ядра*. Остальные блоки легко меняются из ситуативных соображений. Вместо вечно живой теории Маркса-Ленина вполне сгодится православная симфония народа и власти. Вместо пролетарского общенародного государства подойдет евразийская державность. Вместо доброго дедушки Ленина, попивающего чаек с ходоками, — аскетичный и суровый, но дальновидный Сталин.

необходимое лицемерие

Сам Сталин, кстати, отлично понимал, что сознание куда важнее бытия, а действительность отличается от мифологической картинки. Но по понятным причинам не считал возможным делиться этим тайным знанием с широкими народными массами. Как говорят в Китае, «кто делает идолов, тот им не поклоняется».

В 1946 году на рабочей встрече с доверенным кругом составителей своей официальной «краткой биографии» вождь сформулировал простую мысль, которая так поразила партийное сознание одного из членов творческого коллектива — В. Мочалова, что тот поспешил записать ее для потомства: «*Марксизм — это религия класса... Мы — ленинцы. То, что мы пишем для себя, — это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!*»¹

Святая правда! Нужды нет, что это прямо противоречит официальной доктрине про исторический материализм (ложь второго рода, внутрисистемная). Зато отлично вписывается в матрицу управленческого функционала. Чтобы удержать политический контроль, необходимо поддерживать в народе веру.

Коммунизм? Пусть будет коммунизм. И товарищ Сталин — главный пророк этой глубоко научной религии. Или, точнее, верховный жрец.

×××

Евразийская антизападная империя тоже сгодится. Главное, даже не сохранить Сталина (или его наследников с Лубянки и Старой площади) в качестве символов единственно верного учения, внутренний его смысл: «*То, что мы пишем для себя, — это обязательно для народа*».

Номенклатуре без разницы, какую идеологическую морковку держать перед носом у населения. Важно, чтобы право держать морковку принадлежало ей, и никому другому. Вместе с хлыстом, само собой.

В этом смысле президент В.В.Путин совершенно прав, когда сравнивает тело Ленина в мавзолее с мощами христианских святых. С функционально-инструментальной точки зрения, совершенно допустимое сравнение.

Не должно нас шокировать и то, что профессиональный коммунист-атеист-интернационалист, а по должности — системный оппозиционер Г.А. Зюганов с глубокой убежденностью вещает про глубинное родство коммунистических и христианских ценностей и

представляет Сталина (который у большевиков числился специалистом по национальному вопросу и главным борцом с русификаторской политикой царизма) главным русским патриотом. Вполне в рамках нового тренда и фантазмагорические попытки превращения Сталина в тайного приверженца православных традиций, гонимого безбожными коммунистами (с сомнительными, как у Ленина, псевдонимами). Катакомбный криптохристианин, скрывающийся в Кремле от боготорской власти, оккупировавшей Россию.

В конце восьмидесятых годов прошлого века коммунистической номенклатуре, доведшей страну «до ручки», пришлось сказать, отползая: ладно, давай, модернизируй. Только не *реальность*, как мы, а *действительность*, пожалуйста. Не то жрать стало совсем нечего.

новая вертикаль в небо

В XXI веке, когда с мифом про НАУЧНЫЙ коммунизм практически покончено, жрецы вечного номенклатурного двигателя глубоко погрузились в поиски нового, более эффективного и неисчезающего энергоносителя.

В этом смысле Путин и Зюганов, старая и новая номенклатура функционально близки друг другу. Оба претендуют на персонификацию чаяний народа: один в качестве общенационального лидера, другой — в качестве вождя трудящихся масс. Уже и масс-то нет, а он все персонифицирует. Оба понимают, что кровь, пот и цветные картинки журнала «Огонек», которыми были оклеены «потемкинские деревни» сталинской *реальности*, не выдержали проверки временем.

Может, получится что-то, если щедро плеснуть церковного елея, лампадного масла, добавив в коктейль капелку Сталина для крепости? Опереться в зыбкой реальности на веру предков?

Вряд ли. Здесь опять внутрисистемная ложь второго рода. Православная вера, как и другие религии с тысячелетней историей, не противоречила сама себе. За свою долгую историю она избавилась от формально-логических трудностей, четко разделив идеальный небесный мир и грешный земной. Образ небесного Бога потому и несокрушим, что неизменен, не нуждается в рациональном объяснении и сравнении с реальностью.

Религия же, которую целеустремленно строил Сталин, напротив, подразумевала наличие земного бога (в его лице) и Царствия Божия на земле. Она исходно брэнна и тленна. Что и было доказано на практике.

В строгом соответствии с предсказаниями добросовестных мыслителей — со стороны как Православия, так и социальных наук.

искоренение

В теологическом отношении «как бы» научная мифология советского марксизма есть явная деградация до уровня языческой эклектики с выраженными признаками военно-кочевой системы ценностей. Культ мумифицированного предка, сакральная сила которого перетекает к ныне здравствующему вождю; идея Великого Похода (само слово «вождь» подразумевает, что он куда-то ведет свой народ); приоритет интересов племени над интересами личности, общеплеменной собственности над частной; упрощение социальной иерархии; деградация правовых норм и институтов; мобилизационный менеджмент; превращение каждого члена сообщества в боевую единицу; имманентная склонность к экстенсивной модели хозяйства и в связи с этим к экспансии; откат назад от принципа индивидуальной ответственности к солидарной — классовой, национальной или ведомственной; переселение «провинившихся» народов и пр.

Рассмотрим поближе процесс разграбления идейных пространств и водружения в них идолов нового варварства. То есть создания новой советской *реальности*.

наследники

Перед любым политическим наследником Сталина встает драматический выбор, заложенный самой мифологической конструкцией государства.

Оставить все, как прежде, означает наращивать разрыв с объективной действительностью и отставание от стран-конкурентов. Плохо, хотя и заманчиво с точки зрения консервации интересов элит, а значит стабильности. Но мир вокруг прогрессирует, затыкание дыр в информационном занавесе обходится все дороже. Настолько, что террор (прежде всего против наиболее продвинутых слоев населения, включая собственную номенклатуру) становится повседневной нормой. Не всем в номенклатуре это нравится.

С другой стороны, любая попытка что-то исправить откликается ослаблением мифологической брони и идеологического скелета государства. Лодка раскачивается, номенклатуру начинает подташнивать. Тоже плохо!

Брежневский менеджмент (как и путинский) был обречен вилять между апелляциями к великому мифологическому прошлому, освещающему безальтернативную власть, и попытками модернизировать страну. Методом проб и ошибок было нащупано оптимальное для такого межумочного состояния решение: слова одно, дела — другое. Двоумислие стало объяснением эпохи.

слова — одно, дела — другое

Полнее всего эту схему удалось реализовать в современном Китае, где при вполне коммунистической риторике реализуется самый жесткий либерально-частнособственнический сценарий в экономике.

«Вы будете удивлены, но в известной мере Китай сегодня более капиталистическая страна, чем Соединенные Штаты Америки», — говорит нобелевский лауреат по экономике Роберт Фогель (<http://newtimes.ru/articles/detail/37254>).

За время реформ доля госсектора в экономике снизилась с 40 до 20%. Эксплуатация трудящихся вполне капиталистическая, рабочий день до десяти часов, без медицинских страховок и пенсий. Благо за спиной у каждого дышит армия из 80 миллионов безработных — больше, чем во всей России работающих...

У нас иная, более продвинутая социокультурная среда; здесь такое откровенное жонглирование мифологемами уже не проходит. Хотя не так давно проходило. Правда, для этого пришлось несколько раз пройтись по стране катком репрессий. Интересно, сколь долго Китаю удастся поддерживать баланс в своей внутренне противоречивой государственной конструкции. Вряд ли более десяти лет.

Сталинская ложь, решительно исправляющая ошибочную реальность, с одной стороны, потрясает тавтологией, а с другой — нечеловеческой силой убеждения. На вредительские обвинения правых уклонистов в «эксплуатации крестьянства» в годы коллективизации Сталин в докладе «О правом уклоне в ВКП(б)» возражает веско и устрашающе бесмысленно:

«Природа Советской власти не допускает какой бы то ни было эксплуатации крестьянства со стороны государства. В речах наших товарищей на июльском пленуме прямо сказано, что в условиях советских порядков эксплуатация крестьянства *исключена* (выделено И.Сталиным) со стороны социалистического государ-

ства, ибо непрерывный рост благосостояния трудового крестьянства является законом развития советского общества, а это исключает всякую возможность эксплуатации крестьянства».

Вы поняли, или еще разок повторить? Какая могучая демагогия! Это, между прочим, апрель 1929 года, в стране уже разворачивается вызванный насильственным внедрением коллективизации «голодомор». Такова жалкая правда. Но мифология сильнее правды! Ибо за ней стоит сверхчеловек — сам товарищ Сталин. Он выше правды, он есть самое Истина. Настолько выше, что в жертву непринужденно приносится элементарная логика. И люди, которые этого не принимают. Или могут не принять.

В итоге в мифологическом пространстве советских СМИ благодаря индустриализации и коллективизации жить становится лучше, жить становится веселее. Трудовое крестьянство не только сеет-пашет, но и поет-пляшет, приветствуя новую колхозную *реальность*. Особенно в кино. А как тут не петь, если законом является непрерывный рост благосостояния? Главным образом для тех, кто допущен Сталиным к производству кино — важнейшего из искусств.

цена вопроса

Прошли годы. Выяснилось, что в годы коллективизации страна потеряла от шести до восьми миллионов человек, в основном детей, погибших голодной смертью или не родившихся в разоренных семьях. За это преступление, естественно, пошла под расстрел первая волна руководителей ЦУНХУ — статистического ведомства при Госплане СССР. Пришедшие им на смену чекисты задним числом подтянули данные переписи к более приемлемым для Сталина цифрам и пошли под расстрел уже во вторую очередь.

Тем не менее факты и свидетели сохранились где-то по углам и со временем все-таки выползли на свет. Уже после смерти вождя. Под их напором или просто от старости мифологическое вранье плана «А» про светлое будущее растеряло былую мощь.

Состоялся переход к плану «Б».

перегибы

— Таки да, были отдельные факты эксплуатации крестьянства! — с неподдельной болью признают постсоветские патриоты номенклатуры. — Были!! Некоторые несознательные сельяне

даже помирали с голоду целыми деревнями, чтобы дать антисоветчикам козыри для идеологических диверсий. Имелись также отдельные перегибы на местах и «головокружение от успехов». Но, во-первых, Сталин их мужественно признавал и устранял, а во-вторых, так было нужно, товарищи! Чтобы ударными темпами провести модернизацию, сплотить нацию и как следует подготовить Отчизну к гитлеровской агрессии. В-третьих, нигде в мире не бывало модернизации без перекачки ресурсов из одного сектора в другой, более прогрессивный...

Иначе бы мы в 1941 году не выстояли!

Это не в 1952-м, ЭТО СЕЙЧАС ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ГОВОРЯТ.

Спорить не будем. Просто зафиксируем подвижку мифологических приоритетов. Оказывается, все-таки не ради счастливой жизни с более высокой производительностью коллективного труда партия загоняла неразумных крестьян в колхозы. А ради укрепления родной Советской власти и повышения обороноспособности.

Надо признать, эта версия правдоподобнее. Теплее, теплее! Осталось сделать всего один шаг, и совсем будет правда: если колхозы не были более эффективны с точки зрения экономики, то в чем же было их преимущество?

Да командовать ими было проще — только и всего. Изымать прибавочный продукт. Чтоб не бегать с продовольственным отрядом (прямой аналог ордынских баскаков) за каждым отдельным собственником, а контролировать оседлую коллективную структуру, жестко привязанную к земле, во главе с конкретным человеком. Жить захочет — обеспечит сбор и сдачу урожая. А не обеспечит — ну, значит саботажник.

Осталось выяснить, в чьих интересах созидался этот замечательный проект и кто был главным бенефициаром. Нет, в теории мы не хуже вашего знаем: власть народная, бенефициары — трудящиеся. Общественная собственность, Выставка достижений народного хозяйства, Рабочий и Колхозница. Символы нашей социалистической веры.

властная вертикаль

Но если взглянуть рационально, распоряжается всем этим добром главным образом лично Сталин и подчиненная ему партийная номенклатура. Подчеркнуто не имеющая корней ни в какой из территорий. Сегодня товарищ руководит хлопком в Тур-

кмении, завтра — чугуном в Кривом Роге... Приехал, расстрелял кого надо, навел порядок, ресурсы потекли в Центр — ну и молодец. Езжай теперь на новое место службы. Чтоб не обрастал собственностью, не пускал корни, не завел себе, Боже борони, независимого источника доходов. Чтоб целиком и полностью зависел от благорасположения Вертикали и служил ей, сколько хватит сил.

Трудящимся, конечно, тоже порой от этой схемы что-то перепало — если вели себя хорошо. Но в основном уже в послесталинское время. Когда Хрущев стал закупать хлеб в Канаде и строить свои пятиэтажки для «народа-победителя».

вторая версия. вертикальная мифология 2.0

Вторая версия вертикальной мифологии рухнет от тех же причин, что и первая. От давления очевидных фактов действительности и усталости общества от столь же очевидного наглого вранья. У разных людей осознание произойдет по-разному. Кого-то «достанет» безудержная коррупция «неодворян». Кого-то огорчит погон, торчащий из-под богослужебных одежд. Кого-то — бессовестная фальсификация выборов, кого-то — лоснящиеся от патриотизма морды из телевизора, кого-то — беспредел судов и правоохранителей, кого-то — пробки на дорогах и мигалки. Хватит на всех. Но не сразу, конечно. Осознание требует времени.

Одной из причин неизбежного крушения второй мифологической волны для тех, кто умеет читать и помнить, является оскорбительный расчет на тупость аудитории. Грубо говоря, они даже соврать толково не умеют. Или не считают нужным. Привыкли, что и так сойдет. *Пипл схавает...*

В условиях новой информационной прозрачности и массового распространения Интернета — уже не схавает. Благостная картинка чисто технически уже не сможет заменить и подменить действительность. Советские технологии мифотворчества в новой социальной среде не работают.

Ничего особо хорошего в этом нет. Крушение мифологии означает крушение вертикали — потому что иных, не мифогенных, резонансов (кроме интересов лиц, ее составляющих) для ее сохранения нет. И силой ее не удержать; уже не собрать такой силы. Ее строили якобы для наведения порядка. Ну, и как у нас дела с порядком? Ее строили якобы для сплочения народов, подымания с колен и отпора темным силам. Ну, и как с подыманием с колен, с международным престижем?

Ее строили для борьбы с коррупцией и олигархией. А как у нас с коррупцией?

В своем первом послании Федеральному Собранию президент В.В. Путин когда-то сказал: «Основными препятствиями экономического роста являются высокие налоги, произвол чиновников, разгул криминала. Решение этих проблем зависит от государства... Во-первых, следует обеспечить защиту прав собственности... Второе направление — обеспечение равенства условий конкуренции... Третье направление — освобождение предпринимателей от административного гнета. Государство должно последовательно уходить от практики избыточного вмешательства в бизнес... Четвертое направление — снижение налогового бремени...»

С тех прошло более двенадцати лет. Налоги, штрафы и тарифы выросли, число чиновников удвоилось более чем, про разгул коррупции и сращивание коррумпированной бюрократии с криминалом не говорит только ленивый. Конкуренция и права собственников принесены в жертву новой номенклатуре. Миф об укреплении государства (вертикали) во имя величия державы — это одно, действительность — нечто совсем другое. Но крушение фальшивой вертикали означает крушение всего государства — потому что ростки любых альтернативных систем управления, которые в критический момент могли бы взять ответственность на себя, номенклатура тщательно выпалывала. Исходя не из мифологических, а из вполне прагматических интересов укрепления своей монополии. Желание возродить аппаратную монополию (даже внутри власти — полное подчинение правительства Кремлю) однозначно подразумевает возрождение номенклатурной мифологии. Так оно и есть: в последние годы власть только об этом и говорит. Сплочение, национальный код, уникальная цивилизационная идентичность, вражеские происки, Евразийский или Таможенный союз... Старый миф на новый лад свидетельствует, что новая номенклатура опять намерена монопольно рулить столь долго, сколько позволит ей тотальная промывка мозгов, обновленные в «лихие 90-е» хозяйственные механизмы и немалые, накопленные благодаря реформам ресурсы.

Процесс, вне зависимости от объективных результатов, будет тянуться, куда пропасть между сказкой и действительностью не достигнет таких размеров, что ее не сможет игнорировать любая, даже по самую маковку загруженная пропагандистскими отрубями голова. Тогда опять начнется перестройка. Естественно, слишком поздно.

третий приступ джугафилии²

Брежневско-андроповская попытка навести порядок а-ля Сталин была второй по счету и закончилась известно чем. При заведомо более благоприятных, чем ныне, условиях для номенклатуры. Сегодня номенклатура совершает третий подход к весу. Понятное дело, не от хорошей жизни. Но держится молодцом. Третья попытка реставрации неизбежна, естественна и бесперспективна. Если бы у системы были умные эксперты, она бы поняла это заранее. Но не любит она мозги, («кушать любит, а так нет»). Поскольку мозгов нет, а есть инстинкт самосохранения и хаотически пересекающиеся интересы номенклатурных групп влияния, ей придется пройти весь путь до конца, пока опять не упрется в стенку рогом. Для страны это плохая новость. Однако есть и хорошая: на сей раз стена будет нащупана быстрее. Но предсказать, что учудит система, когда обнаружит себя в тупике, — невозможно.

Единственное, чем можно помочь ей и нам — как можно понятнее заблаговременно объяснить, почему она движется в тупик и каковы конкретные признаки приближения к стене, к пропасти.

Первый очевидный признак — сама попытка вернуться к сталинской стилистике. Пока есть реальное развитие, сталинские методы, основанные на тотальном вранье, не нужны. Нужда в них обостряется по мере разрастания госаппарата, падения интегральной эффективности хозяйства и, следовательно, необходимости маскировать свою никчемность бессовестной пропагандой. Главный мифологический секрет сталинской индустриализации заключается в том, что достижений было значительно меньше, чем пропагандистского шума.

Достижения тоже имелись, но были они скромнее, чем на Западе и вполне в русле общемирового промышленного роста после Великой депрессии. Нет никаких (кроме мифологических, понятно), доказательств того, что капиталистическая Россия прошла бы этот путь хуже, чем сталинская.

Для человека, страдающего джугафилией, эта мысль невозможна. Проверку истинности сталинских достижений он, в силу пропагандистской сущности системы может осуществить лишь через джугафилические же источники. Прочие же его сознанию недоступны.

Симптомы этого явления в последнее время стали чаще встречаться в публичных выступлениях

В.В.Путина. «Нужно совершить такой же мощный комплексный прорыв в модернизации оборонных отраслей, как это было в 30-е годы прошлого века», — сказал он 31 августа 2012 года на расширенном заседании Совета безопасности по оборонно-промышленному комплексу в Ново-Огареве. И пояснил, что нужна не просто модернизация, а своего рода *общенациональная идея*, способная сплотить страну.

То есть основные признаки опять же налицо: оборонка, модернизационный прорыв и всенародное сплочение. Вокруг кого и ради чего, скромно умалчиваем.

легенда о железной дороге

Интернет помнит, что пять лет назад, на Съезде железнодорожников, Путин уже призывал к прорыву. Тогда, правда, на основе дореволюционного опыта. «Говоря прямо, — сказал он в 2007 году, — стране необходим новый импульс развития железнодорожной отрасли, сопоставимый со стремительным развитием российских железных дорог на рубеже XIX–XX веков...».

С тех пор прошла ЦЕЛАЯ пятилетка, полная разговоров про модернизацию. В ответ на новый импульс РЖД еще теснее сплотились вокруг опытного руководителя В.И. Якунина, решительно требуют дополнительных льгот, с удвоенной энергией добиваются сверхпланового финансирования, неуклонно поднимают тарифы. Но до царских показателей по-прежнему далеко.

Значит, совсем плохи наши дела. Пять лет назад он мог хотя бы адекватно поставить задачу — пусть без надежды на решение. При трех последних царях железные дороги действительно строились быстро и хорошо — благодаря привлечению частного капитала. Поскольку РЖД — госмонополия, сравнимых темпов они не могут добиться по определению. Хотя прошло более ста лет и строительные технологии (понятно, не у Путина/Якунина, а все у того же частного капитала) рванули вперед с небывалой силой.

Однако рельсы, так же как и в царскую эпоху, у нас производятся только длиной 25 метров³.

стальные километры правды и лжи

Последуем совету В.В.Путина и рассмотрим итог сталинского модернизационного прорыва на конкретном примере железнодорожного строительства. С простых естественно-научных позиций.

Рельсы чем хороши? С ними просто: либо они есть, либо их нет.

Кроме того, это комплексный показатель. Трудно оценить реальную пользу от гор чугуна, стали, угля и хлеба по советским учебникам. Сталинским тоннам и пудам специалисты верят не больше, чем электоральным цифрам В.Е.Чурова. А железнодорожная сеть сухо, без пафоса интегрирует реальность. Сталь-чугун, костыли-шпалы, уголь-энергетика. Машиностроение, электричество. Щебень для насыпей, бетон для мостов. Общая эффективность менеджмента, труда и технологий.

В базовых расчетах будем придерживаться официальных советских данных. В справочнике «СССР в цифрах» за 1957 год указано, что эксплуатационная длина железных дорог царской России в 1913 году составляла 58,5 тыс. км. А в СССР к 1956 году — уже 120,7 тыс. км (данных на год смерти Сталина в справочнике нет). Прирост более чем вдвое за — и это за 40 с небольшим лет. Прорыв или не прорыв?

Обратимся к труду В. Ильина (более известного как В. Ленин) «Развитие капитализма в России». В восьмой главе («Образование внутреннего рынка») автор указывает, что за 25 лет — с 1865 по 1890 год — железнодорожная сеть России выросла в 7 раз. Круче, чем в Англии (тут Ленин, похоже, путает: на самом деле речь не об Англии, а обо всей Британской империи), где аналогичный рывок занял 30 лет и обеспечил лишь шестикратный прирост. Правда, слабее, чем в Германии. В любом случае пореформенная Россия являлась второй по темпам роста транспортной инфраструктуры.

С 1865 по 1875 год русский капитализм, которому реформы Александра Второго развязали руки, строит железные дороги со средней скоростью 1,5 тыс. км в год. С начала 1890-х процесс пошел еще быстрее: 2,5 тыс. км в год. К концу XIX века годовой прирост достигает 3 тыс. км.

В.В. Путин верно указал период, на который следует равняться: вот бы ОАО «РЖД» смогло добиться показателей рубежа позапрошлого и прошлого веков! Тогда быстро развивалась урбанизация, рос объем грузо- и пассажироперевозок, торговли, промышленного производства. Марксист В.Ильин (Ленин) добросовестно отмечает «истинно американские» темпы роста тогдашней России и ее железнодорожной инфраструктуры. В начале XX века, уже после выхода его книги, наступает интересная пауза, одной из причин которой были колебания государя-императора и его правительства из-

за слишком быстрорастущей экономической мощи буржуазии.

Монархия инстинктивно склоняется не к модернизационному, а к охранительному выбору.

Рост притормозить; страну подморозить; развитие заменить упрочением устоев. Транспортный каркас ощутил разворот державного вектора быстро и больно. Вероятно, отчасти дело было связано с двумя подряд неудачными министрами путей сообщения — Н.Шауфусом и С.Рухловым, один из которых был отменен бесцветен, а второй, чужая веяния с олимпа, пытался вытеснить из железнодорожного строительства частный бизнес и перенести центр тяжести на казенное финансирование. Получилось, возможно, верно-подданной, но существенно скуднее. Что болезненно аукнулось в военный 1915 год, когда старика Рухлова вежливо попросили в отставку. Вскоре после революции большевики просто зарубили его как одного из заложников.

9 мая 1913 года, в правление министра Рухлова, Совет съездов представителей промышленности и торговли представил официальный доклад по вопросам коренного улучшения транспорта за подписью члена Государственного совета Н.Авдакова и управляющего делами барона Г. Майделя. Доклад констатировал, что дорожная сеть опасно отстала от роста населения и хозяйства, в связи с чем нагрузка на нее за последние 10 лет возросла на 84,6%. Дальнейший рост экономики к 1920 году требует увеличить протяженность сети до 110 тысяч верст. Это, в свою очередь, это означает необходимость вводить по 5 тысяч с лишним верст пути в течение восьми лет. Там же недвусмысленно сказано про «искусственный тормоз развития» — из-за стремления правительства взять процесс под монопольный контроль:

«Если дело пойдет так и дальше, то мы, очевидно, не справимся со всеми грузами, которые будут предъявляться к перевозке, и страна естественно будет охвачена кризисом, тем более тяжелым, что он будет вызван искусственно... Несмотря на то, что частная инициатива затрачивает огромные суммы на производство изысканий, самое удовлетворение ходатайств о сооружении дорог дается чрезвычайно скупно... Правительство в этом деле действует крайне вяло, а это угрожает насущнейшим интересам страны».

На языке цифр дело выглядело так. К 1910 году железнодорожная сеть России общей протяженностью в 62422 версты включала 42502 версты казенных дорог и 19920 верст частных. Легко пересчитать в километры: верста равна 1067 м. Итого на 1910 год — 66,6 тыс. км.

Расхождение с данными советского справочника (там на 1913 год указано 58,5 тыс. км) объясняется просто. Составители в предисловии скромно оговариваются, что «цифры за 1913 г. <...> приводятся по территории в границах СССР до 17 сентября 1939 г.». Милое мифологическое жульничество: выходит, что рельсы (да и прочие экономические достижения) в Западной Украине и Белоруссии, в Бессарабии и трех республиках Прибалтики при царе как бы отсутствовали. А при Сталине (в 1939 году) как бы сами собой появились вместе с присоединенными территориями. И незаметно приплюсовались к достижениям социализма. Пустячок, а несколько тысяч километров таким изящным маневром советская статистика у царя-батюшки стырила и приписала в актив индустриализации.

По данным Авдакова, который ссылается на материалы МПС, в 1913 году казна проектирует на ближайшие годы строительство всего 9 тысяч верст пути. Тогда как частные предприниматели за свой счет, по согласованию с правительством, уже вложились в изыскания и проектирование 50200 дополнительных верст, что с гарантией покрывало обозначенный в докладе дефицит сети к 1920 году. Однако правительство в лице министра Рухлова не хотело и не могло допустить, чтобы половина железнодорожной инфраструктуры оказалась в руках частников. Пусть рост будет в пять раз ниже, но зато свой, казенный...

Интересно, что Финансовая комиссия Государственного совета в докладе по росписи доходов и расходов на 1914 год толковала государю ровно о том же, но уже применительно ко всей промышленности в целом. Комиссия считала необходимым «... указать на устарелость законов о промышленности и на излишние стеснения, испытываемые предпринимателями в разных областях промышленной деятельности. Между тем успешное развитие этой деятельности возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности».

Такой вот непростой выбор для русских элит. Простите за небольшой правый уклон в несоветские данные: исключительно, чтобы обозначить тогдашние проблемы и понять, почему перед Первой мировой войной истинно американские темпы роста железнодорожной сети вдруг иссякли. Далее неуклонно держимся правоверного советского справочника: в 1913 году царская Россия имела 58,5 тыс. км пути. Подтасовки с присоединенными в 1939 году территориями пока оставляем в стороне.

Вскоре в России случилась пролетарская революция. А в Америке, с ее темпами, не случилась. Поэтому в США рельсы продолжали класть быстро и много. Но лишь до тех пор, пока не выяснилось, что большегрузный автомобильный транспорт эффективней. После чего там произошла «революция» автобанов.

А у нас, увы, так и не произошла...

С первых дней народная власть уделяет железным дорогам максимум внимания. С 1917 по 1923 год сменилось восемь наркомов путей сообщения. Из самых известных — Л.Б.Красин, Л.Д.Троцкий и Ф.Э.Дзержинский. Товарищ Ленин тоже помогал. Написал замечательную статью из жизни тружеников депо про пользу бесплатного труда «Великий почин». Последовательно истреблял квалифицированных железнодорожников из «Викжеля» — крупнейшего дореволюционного профсоюза, который по старой привычке пытался отстаивать интересы рабочих (а надо было — интересы рабочей власти; почувствуйте разницу). Чудаковатый «Викжель» тупо требовал для путейцев нормальной оплаты за нормальный труд вместо продвижения в пролетарские массы идей «Великого почина».

С производительностью труда — даром что освобожденного — у большевиков категорически не ладилось. Какие там 5 тысяч верст новых путей в год! Заставить бы функционировать то, что было построено до революции. «Транспорт висит на волоске»; «Не допустить паралича ж/д транспорта»; «Положение с транспортом отчаянное. Для спасения нужны меры по истине героические и революционные» — вот характерные ленинские резолюции тех победоносных лет.

Героические и революционные наркомы Лев Давидович с Феликсом Эдмундовичем без устали расстреливали саботажников и дезертиров железнодорожного фронта. И Владимир Ильич поддерживал их как мог: мол, мало стреляете, товарищи. Но все равно: тянут-потянут — вытянуть не могут. Пять лет, десять лет — а воз и ныне там.

Пришлось впрягаться лично товарищу Сталину. В том же режиме ручного управления. Но уже без излишней мягкотелости, присущей «кисейным барышням» Троцкому и Дзержинскому. 19 сентября 1931 года тов. Сталин пишет тов. Кагановичу с Кавказа, где поправляет здоровье: «Самым важным вопросом ближайших месяцев считаю транспорт, прежде всего — железнодорожный... Пока в транспорте сидит шайка самовлюбленных и самодовольных бюрократов типа Рухимовича, по-меньшевикски издевающихся над постановлениями ЦК и сеющих кругом разлагающий скептицизм, постановления ЦК будут класть под сукно.

Надо эту шайку разгромить, чтобы спасти железнодорожный транспорт».

Это интересно. Партия печется о железнодорожном транспорте вот уже 14 лет. Самое время защищать итоги от *разлагающего скептицизма*. В остальном ничего нового: в 1918 году требовалось разгромить шайку, и в 1931-м — тоже требуется. Хотя последнего из крупных царских транспортников, Ивана фон Мекка, имевшего неосторожность из патриотических соображений остаться в России, расстреляли еще в 1929-м. Теперь, стало быть, пришла пора разбираться уже со своими, партийными.

Самовлюбленные транспортные бюрократы, понятно, были в очередной раз поставлены к стенке и опять заменены верными людьми из ЧК. Точнее — из ТОГПУ, транспортного отдела ГПУ. То было самое начало индустриального «прорыва», который так понравился В.В. Путину. Но каков все-таки итог этой самоотверженной деятельности?

Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 год, по данным советского справочника, — 1,4 тыс. км. Благодаря революции, коллективизации, индустриализации и централизации железная дорога под личным контролем вождя, при невиданном энтузиазме трудящихся, съехала на темпы роста, немного уступавшие эпохе Александра II (1865–75 годы). По В.И. Ленину, тогда выходило 1,5 тыс. км в год.

Хотя тов. Сталин демонстрировал чудеса эффективного менеджмента. Умело маневрировал ресурсами, смело принимал оперативные решения. Вот письмо В.М. Молотову от 22 сентября 1930-го, за год до того, как выяснилось, что на транспорте засела шайка самовлюбленных меньшевиков:

«Плохо дело обстоит с Уралом. Миллионы руды лежат у рудников, а вывезти ее не на чем. Нет рельс для проведений подъездных и внутризаводских веток, — в этом вся беда. Почему нельзя было бы приостановить на год новое железнодорожное строительство где-либо на Украине или в другом месте (подчеркнуто Сталиным) и, освободив рельсы верст на 200-300, отдать их немедленно Уралу?»

Естественно, вас интересует чистый замер за лучшие годы индустриализации. Чтоб без революций, гражданских войн и прочих напастей. Извольте, сейчас дадим.

Что говорят советские цифры?

В лучшие годы индустриализации с 1928-го. (76,9 тыс. км) по 1940 год (106,1 тыс. км) средний темп прироста ж/д сети в СССР составляет 2,4 тыс. км в год. Слабее, чем за 30-40 лет до того, на рубеже веков. Чуть хуже, чем даже в начале 1890-х, когда Николай

Александрович Романов начинал свое скорбное царствование. Тогда, по В.И. Ленину, выходило в среднем 2,5 тыс. км. Хотя лучше, чем в последние десять лет романовской эпохи, когда правительство пыталось заменить частные инвестиции казенными для упрочения самодержавной вертикали.

Если же учесть фокус с тысячами километров дореволюционной сети, приписанных Сталину советской статистикой после 1939 года, то железнодорожный прорыв победных 30-х годов на фоне царизма выглядит откровенно жалко. Не говоря уж про Америку.

Вот данные периода «быстрого послевоенного восстановления народного хозяйства»: с 1945 (112,9 тыс. км) по 1956-й (120,7 тыс. км) сеть прирастала со скоростью 0,7 тыс. км в год. Вдвое медленнее, чем в благословенные времена после поражения России в Крымской войне и после отмены крепостного права. Кстати, несложно сообразить, что в самые трудные военные годы страна, сцепив зубы, выдавала вдвое больше: в 1940-м было 106,1 тыс. км, в 1945-м стало 112,9 тыс. км. Итого по — 1,4 тыс. км в год.

Можно сказать и по-другому. Благодаря чуткому руководству ВКП(б) во главе с эффективным менеджером, умелому использованию преимуществ планового социалистического хозяйства, массовому героизму и беззаветной преданности советских людей, **к 1945 году СССР наконец достиг размеров ж/д сети, которые в 1913-м были намечены Советом съездов представителей промышленности и торговли на 1920 год на основе частной инициативы.**

Итого, сухой остаток. При царе — до 3 тыс. км в год. Во время довоенной индустриализации — 2400 км. Если же учесть статистический фортель с припиской в пользу индустриализации старой сети на территориях, занятых в 1939 году, то выходит всего порядка 2100 км. Затем, во время войны, 1400 км. После войны, до 1956 года, 700 км сети в год. Стальная поступь социализма.

На всякий случай для справки. За 20 лет с 1970 по 1990 год в РСФСР прирост железнодорожной сети составил 24 тыс. км. В среднем по 1,2 тыс. в год. Включая эпопею БАМа. Темпов пореформенной России достичь так и не удалось. Оставляем за скобками очевидные соображения о технологическом прогрессе, который, вообще говоря, должен был бы за четыре поколения обеспечить некоторое ускорение ввода.

Если бы сталинский СССР смог удержать планку хотя бы на уровне Александра III (куда уж до

обозначенного В.В. Путиным «рубежа XIX–XX веков»!), мы к моменту смерти вождя имели бы бонус в 40-50 тыс. км «сверхплановой» инфраструктуры. При том, что Россия, самая обширная страна в мире, острее всех страдала и страдает от дефицита железнодорожной сети.

XXX

Зато в духоподъемной риторике недостатка не было никогда.

Именно этот мифологический гул представляет собой самое интересное и загадочное явление «комплексного мобилизационного прорыва» 1930-х годов. Ведь справочник «СССР в цифрах» в советские времена не был запрещен. Труды В.И. Ленина — тем более. Кажется, чего проще: взять цифры из одного издания и сравнить с другим. Почему же никто из выдающихся советских ученых, доцентов и профессоров, кандидатов и докторов не сделал этого раньше? По наивной детской причине: «Кто даст правильный ответ, тот получит десять лет». За клевету на достижения советского строя. Кому охота садиться за очевидное напоминание о том, что базовая цифра 1913 года, от которой как от печки пляшет вся советская пропаганда, сфальсифицирована.

Да черт с ним, пусть проценты будут какие им надо! Жизнь дороже. Как сформулировал акад. Струмилин (один из немногих выживших зубров Госплана и сталинской статистической службы), «лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие».

к проверенным механизмам?

И вот, судя по всему, Родина опять ощущает необходимость вернуться к этим проверенным механизмам. Рыночные стимулы к экономическому росту, заложенные реформами 1990-х, благополучно свернуты путинской номенклатурой. Вновь наступает время укрепления дисциплины, сплочения и борьбы с разлагающим скептицизмом.

И ведь как шустро товарищи на местах ловят и дешифрируют веяния, поступающие с властных высот! Национальный лидер только обмолвился про благотворный опыт 30-х годов, а член президиума общественного совета Военно-промышленной комиссии при правительстве РФ, издатель журнала «Экспорт вооружений» Руслан Пухов уже все понял, принял и отрапортовал. «Бодрящая морозная свежесть 1937 года — вот что сегодня нужно оборонке и всей стране», — заявил он газете «Московский комсомолец».

Прямо-таки заждался бедняга. С ходу выхватывает живую суть: именно символический 1937-й, и никакой другой из 30-х. У витязя руки чешутся промыть мозги кому надо.

Вынужден разочаровать. **1937-го не будет.** Будет очередной мелкотравчатый фальстарт, как у Андропова, — с его мерами по наведению порядка и дисциплины. Максимум кому-то еще голову пробьют, кого-то еще посадят. Ну, может, убьют десяток-другой сограждан. Но позорно так, ночью. На всякий случай прячась от видеокамер и ментов, которые и так знают, что надо отвернуться.

в ожидании коллапса

Начиная с ленинских времен истинными приоритетами строителей Советской России были захват и удержание власти. Самый короткий и простой путь к реализации истинного приоритета — уничтожение конкуренции, альтернативных возможностей развития и непрерывное укрепление властной монополии. Прямым хозяйственным следствием является экономический застой и отставание от более гибких и мобильных конкурентов. В таких условиях логика удержания власти (главный приоритет) вынуждает переходить к еще более постыдной и откровенной лжи — к строительству «потемкинских деревень». Процесс неизбежно должен сопровождаться усилением репрессий — ибо в противном случае откровенная ложь разоблачается уж слишком легко. Как только процесс экспансии репрессий приостанавливается — правда приподнимает голову и начинается распад государственной вертикали, построенной на фальшивом фундаменте. Появляются альтернативные варианты, конкурирующие лидеры, идеи и объяснения. Поскольку дать честный и равный ответ в условиях свободной дискуссии вертикаль не может по определению (ее истинный смысл в самодовлеющем существовании и изъятии ресурсов из народа и территорий, в то время как пропагандистский месседж — в заботе и защите народа), она вынуждена постоянно возвращаться к репрессивным практикам. В результате в первую очередь модернизируется

система политического сыска, пафосной лжи, запугивания и фальсификации.

Модернизация же экономики и производства, напротив, тормозится, поскольку подразумевает развитие конкуренции, укрепление прав граждан и ограничение самовласти номенклатуры. Конфликт вокруг проекта «Сколково» не случаен.

Прямой и очевидный итог этого системного противоречия: на фоне обильных разговоров про разного рода модернизации, инновации, институции и инвестиции на практике мы имеем завышенное, торможение и стагнацию. Что совершенно естественным образом компенсируется все более страстными разговорами о происках загнивающего Запада и его агентов, глубоко внедрившихся в здоровое тело России, чтобы высосать из нее соки и затем взорвать ее изнутри...

Все это понятно, предсказуемо — и бесперспективно. Если, конечно, не считать перспективой приближающийся коллапс этой выморочной системы с неопределенным количеством жертв.

Примечания

¹ И. Сталин, Соч., Т.17. «Северная Корона» Тверь: 2004. С. 636

² Джугафилия — социальное заболевание, передающееся через каналы коммуникации вместе с зараженными халтурой и фальсификацией текстами; распространено в областях с затрудненным интеллектуальным обменом, скудным фактологическим питанием и сниженным из-за этого иммунитетом к рептильной пропаганде. Инфицированию особенно подвержены младшие возрастные группы; в старших возрастах заболевание практически не передается, но и не излечивается, особенно в контингентах с замкнутым кругом общения. В таких случаях клиническая картина приобретает привычно-застойную форму. Уберечься от заражения несложно при соблюдении общепринятых санитарных норм: воздержание от чтения советских газет до обеда, проверка текстов на наличие грамматических ошибок и библиографических ссылок, сопоставление джугафилических апокрифов с независимыми источниками и пр. Весьма полезны также упражнения по развитию любопытства и навыков работы с документами.

³ Стометровые рельсы, сертифицированные по мировым стандартам, российский «Евраз» стал производить лишь в начале 2013 года.

Правда, существуют проблемы их транспортировки и криволинейных участков магистралей; американцы вообще предпочитают 25-метровые рельсы с хорошей технологией сварки (Ред.).

© Текст: Дмитрий Орешкин

Дмитрий Орешкин — политолог, географ, один из крупнейших специалистов по избирательной системе России, в прошлом глава группы «Меркатор».

ТЕСНАЯ КОЛЫБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ СВОБОДЫ

Человеку, всю жизнь прожившему в России, трудно себе представить, что такое закрытый, компактно застроенный западноевропейский город. Он вырастает посреди лугов и полей внезапно, составляя полный контраст с окружающей природой. Суровые стены на холме или на равнине, а внутри — каменный лес тесно прижатых друг к другу домов, узкие улицы, мощенные гранитом или базальтом, сплетенные в хитрый лабиринт и все как бы состоящие из укромных уголков, в которых так легко укрыться, спрятаться от посторонних взглядов — и быть только самим собою. Там господствует порядок: в самом центре возвышается собор, чуть поодаль — рыночная площадь с ратушей. Неподалеку, на одной из башен, помещают и огромные часы — гордость каждого города, с мелодичным звоном больших и малых колоколов, с движущимися фигурами апостолов, святых и даже самой смерти. И во всем видна миниатюрность защищенного пространства и скученность жизни как результат свободного выбора, во всем столь непривычная для русского человека теснота.

Но стоило только человеку выйти за городские ворота, как он сразу попадал совсем в другой, сельский мир. Простора для тела и эмоций в нем немало, но любое проявление индивидуальности казалось в этом мире подозрительным, а свобода выбора, эта основная потребность мыслящего духа, наталкивалась на непреодолимые трудности.

Контраст городского и сельского пространства разителен. В позднем Средневековье, да и в последующие века, вплоть до промышленной революции XVIII века, человек Запада словно должен был решиться на один из двух возможных вариантов жизни: или он будет до конца горожанином, не понимающим и не принимающим прелестей жизни на селе, или же до конца дней своих — крестьянином или феодалом, презирающим город за его тесноту, мелочность и меркантильность.

Василий ЦУЖИКИН

© Фото: А. Зверев

Классическим примером миниатюрного, идеально спланированного быта может послужить Нордлинген (Nördlingen) — небольшой город на севере Баварии¹. Фотоснимки из космоса, без труда находясь в Интернете, и просто фотоснимки с земли позволяют по достоинству оценить его красоту. Самое удивительное в нем — то, что на плане он овальный, почти круглый, плотно застроенный домами и церквями с красными черепичными крышами; сверху на фоне зеленых, четко разлинованных полей он выглядит как чужеродное тело, как большая родинка на идеально гладкой коже. За городом, на равнине — энтропия, расслабленность и монотонность извечно аграрного ритма. Внутри стен — напряженность, четкая организация рукотворного ландшафта, стерильность городской цивилизации, и никакой природы. В таком маленьком, тесном, скученном городе нет места для вольготности, столь милой сердцу жителям Восточной Европы, а погулять можно только по площади после воскресной литургии.

Кстати, о религии. На рубеже XII и XIII столетий жители Западной Европы, после долгих веков господства религиозного фундаментализма, дождались наконец облегченного, компромиссного варианта загробной жизни — чистилища. Эта кошмарная, с точки зрения христианской ортодоксии, концепция победила в Европе во многом благодаря заметному повышению уровня жизни и стала уступкой по отношению к сильным мира сего, в том числе богатым бюргерам, от пожертвований которых всё более зависела церковь. Последней пришлось санкционировать допустимость обогащения и прочих земных радостей, за что теперь грешникам вовсе не обязательно грозили ввержение в «пещь огненную», плач и скрежет зубной², при условии искреннего покаяния перед смертью или... оплаченной индульгенции. Тогда же, в XIII веке, Запад заново открыл такую важную вещь, как вексель³. Утихли протесты Ватикана, ранее отвергавшего возможность давать деньги в рост, то есть требовать от должника больше денег, нежели занятая им сумма, на том основании, что человек не вправе торговать временем, которое целиком и полностью принадлежит Богу. Новые структуры потустороннего мира, равно как и вновь появляющиеся структуры общественной жизни — братства, корпорации, всё более усиливали привязанность горожан к «торговому» стилю жизни⁴.

Монгольское нашествие в завоеванных Чингисхан городах Центральной Европы заставило произвестить так называемую локацию, то есть принять

немецкое городское право. С этого момента то, что находилось внутри городских стен, жило в соответствии с правами города, которые обеспечивали человеку любого сословия личную свободу и неприкосновенность частной собственности, с возможностью использования последней для собственного обогащения. При этом городское общество требовало от собственника организованности, порядочности, ответственности за свои поступки. Зато вне стен города по-прежнему царил право «сильного» феодала, который бесплатно использовал чужой труд только потому, что был «благородно рожденным».

Если житель города пришел из деревни, он должен был приспособиться к новому для него образу жизни. Это значило забыть о просторах, об открытом горизонте и свыкнуться с теснотой каменной крепости, в которой бурлил человеческий муравейник. Жить приходилось не в собственном доме, а в общей комнате с чужими людьми — мастером, его семьей, другими подмастерьями. Дом на долгие годы, а то и на всю жизнь превращался в угол, вокруг которого всё скапливалась бытовая грязь: помои, человеческие отходы, дым и копоть. Горожанин не мог в такой же степени, как крестьянин, рассчитывать на помощь родственников, ибо в городе патриархальная семья легко подвергалась эрозии, падая жертвой личных корыстных интересов.

Но было и много преимуществ. Жизнь в тесном городском пространстве оказывалось куда интереснее, чем на деревенском просторе. Различные образы жизни, возможность выбора той или иной профессии, ремесла, занятия, общение с разными людьми и неизбежное следствие подобной ситуации — толерантность. Если крестьяне состояли в кровном родстве друг с другом, то горожане в основном составляли сообщество соседей и приятелей, они принимали участие в жизни своей улицы, квартала, цеха, часто становились членом многочисленных «братств» и товариществ. В городе бок о бок жили чернь и знать, люди богатые, бедные и «средние», работяги и бездельники, гении рынка и представители богемы. Здесь говорили на разных наречиях и диалектах, свойственных той или иной местности; в городах побольше, особенно в морских портах можно было услышать иноземную речь. Тем, кто переезжал в город, нужно было привыкать к постоянным переменам: к колебаниям цен, сословным противоречиям, к иным общественным ситуациям. В городах гораздо чаще, нежели в сельской местности, можно было стать наблюдателем или участником различно-

го рода празднеств, процессий, «триумфов», карнавалов игр, непристойных забав, а также присутствовать при публичных пытках и казнях людей. В этом тесном, внутренне противоречивом мире жизнь порою становилась столь сложной и невыносимой, что необходимо было постоянно воспитывать в себе терпимость по отношению к чужому, умеренность и аккуратность. Именно это становилось жизненно важными чертами характера, второй натурой.

Русскому образованному человеку трудно не усмехнуться. Ну как же: умеренность и аккуратность, о которых еще в школе всем твердили, что это суть тяжелые пороки хитрых и духовно ограниченных людей — «господ Молчалиных». И почему-то никому не приходило на ум, что Молчалин — это дворянская, феодально-аристократическая идеология среднего человека, а средними людьми, или разночинцами, во всей Европе, в том числе и в России, были незнатные жители городов — низшее духовенство, чиновники, ремесленники, мещане (от польского *mieszczanie* — «горожане»). Это вовсе не значит, что Грибоедов был неправ в своей критике приспособленцев (таких как пройдоха Молчалин) — это означает лишь то, что поэт мыслил односторонне, как обеспеченный дворянин, в то время как необходимость приспособиться к многоликому городскому «плавильному котлу» являлась объективной необходимостью.

Самое время вспомнить о мещанских добродетелях. Первая и самая важная из них — *civilitas*, по-русски *воспитанность*, иными словами следование правилам хорошего тона. Средневековые авторы хвалили жителей Майнца за их необыкновенную вежливость и учтивость; миланских женщин — за королевскую осанку, а граждан итальянского города Павии — за то, что они так сердечны в личных контактах и даже встают, когда кто-нибудь входит. С другой стороны, считалось неприличным слишком откровенное публичное покаяние или излияние эмоций, а больные и иные страдальцы не могли себе позволить слишком громко кричать или плакать прилюдно. Спонтанная, не втиснутая в общепринятые формы откровенность или неистовая, «юродивая» религиозность в европейских городах считались неприличными и неуместными⁵.

Солидарность, соседская и корпоративная взаимопомощь составляли вторую группу добродетелей⁶. Они ничуть не противоречили еще одной важной городской добродетели — индивидуализму. Весьма распространенной ошибкой многих русских наблюдателей западноевропейской жизни было по-

строение следующего силлогизма: коль скоро горожанин стремится быть индивидуалистом, то исходя из личных корыстных интересов он никогда не поможет ближнему, оставит его в беде, ибо видит в нем конкурента. Подобные рассуждения — плод недоразумения, причины которого кроются в особенности сельского, дворянского-крестьянского мышления. Индивидуализм и эгоизм — далеко не синонимы. Первое — добродетель. Разумеется, добродетель городская, мещанская, но как долго мы будем придавать понятию мещанства лишь одно отрицательное значение? Второе — порок, который распространен всюду, в том числе и в деревне. Нет никакого парадокса в том, что именно индивидуалист больше уважает чужие личные интересы и чужие убеждения. В условиях городской скученности и социальной разнородности, чреватой конфликтами, всегда выгодно прислушаться к иначе мыслящему и живущему, даже к конкуренту, а в случае надобности и помочь ему, чтобы он также уважал твои взгляды и смог бы оказать тебе посильную помощь.

Разумеется, что сформулированная таким образом апология индивидуализма является идеальной схемой, однако в реальной жизни всё было гораздо сложнее и нередко бесчеловечнее. Переселение в город всё новых и новых крестьян из патриархальной деревни отнюдь не способствовало социальной гармонии. Но в принципе городское общество, как микрокосм, заключающий в себе по необходимости целую гамму малых микрокосмов, было не только цивилизованнее, но и солидарнее, то есть в конечном итоге гуманнее деревни, ибо солидарность как свободный индивидуальный выбор, а не навязанная самой природой необходимость означает отнюдь не триумф «мещанского» эгоизма, а наоборот, его посрамление и обуздание.

Другими немаловажными мещанскими добродетелями была *точность* и *пунктуальность*, в своем крайнем проявлении перерождавшиеся в педантизм, которому немало досталось от многочисленных авторов-«почвенников». Механические часы, появившиеся на башнях ратуши или собора или церковных башнях на рубеже XIII и XIV веков⁷, надолго определили ритм жизни западноевропейских городов в целом — и каждого их жителя в отдельности. В мире, в значительной степени существовавшем за счет торговли, не могло быть иначе, ибо сама жизнь учила горожан, что время — деньги⁸, а деньги — это относительная свобода и относительный, но всё же прогресс. Беспольное времяпрепровождение счи-

талось первым и тягчайшим грехом⁹. Другой причиной уважительного отношения ко времени была насущная потребность в сохранении раз и навсегда установленного порядка. Беспорядки в городе могли привести не только к большим убыткам, но также к бытовым и социальным катаклизмам — например, к большим пожарам, к эпидемиям и бесконечным бунтам. Вот почему детей с малых лет не просто пускали на весь день во двор погулять, но и следили за тем, чтобы они возвращались домой с прогулки или из школы точно по часам.

Пунктуальность горожанина была непосредственным образом связана с двумя причинами: со спецификой городского труда, сводившегося к ремеслу, торговле или к учебно-научно-медицинской деятельности, и с ярко выраженной ограниченностью городской территории. Стены защищали город от грозившей ему со всех сторон опасности, и большая продолжительность жизни горожан по сравнению с крестьянами уже в XIII веке подтверждает этот неоспоримый факт. Но те же самые стены, порождавшие невообразимую скученность (а строить вне стен городское право категорически запрещало), обрекали жителей города на такое тесное, в прямом смысле слова, взаимодействие, что четкий распорядок и соблюдение строгого режима жизни, основанного на «часовом» ритме, становились самой насущной необходимостью. Безалаберность, расхлябанность и разболтанность в этих условиях оказывались недопустимой роскошью лишь «принцев» или «нищих».

Специфически западной чертой городской культуры и городской добродетелью было уважение к только натуральному, но также к *формально выраженной праву* и неукоснительная подчиненность установленному правопорядку. Еще Макс Вебер отмечал, что западноевропейский город в зрелой форме представляет собою совокупность пяти необходимых элементов: 1) крепостных стен с военным гарнизоном, 2) центральной рыночной площади, 3) резиденции автономного суда, 4) корпораций с юридически определенным статусом и 5) взаимно координированных органов самоуправления¹⁰. Населенные пункты, обладающие первыми двумя элементами, существуют на всем земном шаре, но только в Западной Европе и в некоторых бывших колониях западноевропейских стран жизнь городов определяется тремя последующими элементами, которые относятся к сфере правопорядка и управления обществом¹¹.

Спешу заметить, что слово *управление* в данном случае следует понимать не с учетом привычных

всем нам русских коннотаций («управлять» означает для русского человека командовать сверху, с позиции полномочной власти, которая требует от подчиненных беспрекословного исполнения распоряжений начальства), а как эквивалент английского *management* или немецкого *Leitung*. Уже в доисторические времена в древнегерманских соседских общинах — марках — появились первые удачные попытки организовать свою жизнь самостоятельно, «снизу», и появились первые избираемые органы самоуправления — допустим, советы мудрецов (*witena gemot*) у англов и саксов¹². Эти попытки удались, и удались они *только* в германских землях, главным образом благодаря специфическому германскому праву, к которому относились очень серьезно, ибо у германцев не принято было обходить законы или решения суда стороной или ставить обычай над установленным и формально выраженным правом.

«Три кита» юридически закрепленного германского образа жизни — самоуправление, корпоративность и формальность общественных отношений — сыграли огромную роль в становлении судопроизводства, просвещения и, конечно, устройства жизни городов. Всем этим нужно было управлять, и по мере развития общества всё больше управленческих функций брали на себя не церковные, феодальные или политические иерархии, а само *гражданское общество*, используя для этого органы самоуправления. Западная Европа веками училась у германцев сложному искусству брать на себя ответственность за судьбы людей, не ожидая милости ни от неопределенной судьбы, ни от вполне определенного «начальства». Следует, однако, подчеркнуть, что ценою создания самоуправляемого общества был отказ от таких, казалось бы, «естественных» действий, как устройство дел «по-родственному» или «по знакомству», не прибегая к порою сложным судебным процедурам и обходя формальные запреты. В знаменитом трактате «Общность и общество» (1887) немецкий социолог Фердинанд Тённис впервые указал на кардинальное различие *Gemeinschaft* (общности низшего уровня, которая организована на основе неформальных, к примеру, кровно-родственных или дружеских отношений) и *Gesellschaft* (гражданского общества, организованного на формально-правовой основе)¹³. Нетрудно догадаться, что первый тип отношений более характерен для деревни, второй — для города, где друг с другом соседствуют не родственники, а люди с разными взглядами и интересами.

* * *

Ценою уничтожения девственных лесов, исчезновения болот и загрязнения кристально чистых вод человек Запада достиг того, к чему особенно стремился, — личной свободы. Свобода в специфически западном понимании этого слова — порождение западноевропейской городской цивилизации, городского образа жизни. Старая немецкая пословица «Городской воздух делает свободным» означала всего-навсего то, что если подневольному крестьянину удавалось убежать от своего сеньора и прожить в городе один год и один день, то он в полном соответствии с правом обретал личную свободу¹⁴. Однако в тесном пространстве города человеку дышалось свободнее также в более широком, переносном смысле. В городе человек работал и зарабатывал деньги не по велению господина, а на свой страх и риск или как наемный рабочий, который в любой момент мог уволиться. Неаграрный, в сравнительно небольшой степени зависящий от капризов природы характер городского труда явился залогом того, что «свободолюбие» любого, в том числе восточноевропейского города было универсальной чертой европейской культуры в целом. Макс Вебер в этой связи утверждал, что «и в древности, и в России, и на Западе с развитием денежного хозяйства город был тем местом, где совершался переход от несвободы в свободное состояние»¹⁵. При этом важно подчеркнуть, что главным субъектом городской свободы была отдельно взятая человеческая личность, что нисколько не противоречило принципам корпоративности и гражданственности: наоборот, только осознающий свои права, обязанности и известные ограничения *абсолютной* вседозволенности гражданин мог стать *относительно*, то есть реально свободным. Как верно указывал Д.С. Лихачев, в духовной сфере существовали три главные особенности общеевропейской культуры: личностное начало, восприимчивость к другим личностям и культурам и, наконец, свобода творческого самовыражения¹⁶. В Западной Европе к этому добавлялись еще две: свобода предпринимательства и свобода гражданской деятельности¹⁷.

В этом плане европейский город также противостоял деревне. По известному определению Роберта Редфилда, крестьянский мир представлял собою переходную стадию от примитивной общности к городскому гражданскому обществу Нового времени, основы которого были заложены уже в позднем Средневековье¹⁸. Своего рода «тирания» природы или, по меткому выражению Глеба Успенского,

«власть земли» приучили крестьянина мыслить реалистически и вполне конкретно, в духе элементарного, но не рационального здравого смысла. Ему трудно было мыслить абстрактно: он знал, что такое две мили, но не умел объяснить, что такое расстояние; он знал, кто такой король, но понятия не имел ни о власти, ни о государстве. Подходя к людям как к конкретным индивидам, без сословных, национальных или религиозных предрассудков, крестьянин был, как правило, добр и инстинктивно порядочен. Для индивидуальных, поистине свободных решений жизненных вопросов в деревне не было места, потому как личное честолобие и личное самосознание обычно растворялись в групповом сознании большой семьи или деревенской общины¹⁹. Спешу, однако, заметить, что во втором тысячелетии христианской эры во многих странах Западной Европы крестьяне пользовались определенными правами: например, могли непосредственно пожаловаться королю на своего сеньора, а самое главное — право стояло на страже их собственности на землю, что отличало их от совершенно бесправных русских крепостных крестьян XVII–XIX веков²⁰. Тем не менее крестьянские права были сильно ограничены по сравнению с правами горожанина, который, в отличие от крестьянина, уже в те далекие времена был *гражданином* своего города. Он обладал широкими, формально установленными правами и был в них заинтересован, а потому абстрактное мышление и правовое сознание были у него развиты несравненно выше, чем у крестьянина. Недаром в западноевропейских языках лексемы, обозначающие понятие «гражданин», происходят от слов «город» и «горожанин»: ср. французские слова *cité* и *citoyen*, английские (заимствованные из французского) *city* и *citizen*, немецкие *Burg* и *Bürger*. Послепетровская Россия пошла по тому же пути, образовав во времена братьев Паниных, Новикова и Радищева соответствующую кальку (*град — гражданин*).

Важнейшей гарантией городской свободы являлась *частная собственность*. Этот древнейший правовой институт обрел наиболее сложные, продвинутые формы именно в Западной Европе. В V–X веках вотчинное землевладение, преобладавшее в континентальной Европе, по сути дела, напоминало порядки, господствовавшие в восточных деспотиях, ибо тот, кто осуществлял политическую власть (суверенитет), в то же самое время являлся собственником подчиненных ему земель и живших на них людей. Теоретически вся земля в вотчине принад-

лежала властелину (суверену), а остальные жители этой территории пользовались ею условно (например, в форме ленна). Со временем, однако, условное землевладение всё чаще трансформировалось, становясь практически независимым от суверена, и переходило по наследству от поколения к поколению. В XI веке Запад заново открыл римское право, которое ясно и однозначно определяло институт частной земельной собственности, и процесс превращения вотчин в частные феодальные поместья и крестьянские наделы еще более ускорило²¹. В великолепной работе «Дух, лицо и стиль русской культуры» Федор Степун, говоря о том, что «ни как колонизатор, ни как крепостной, ни как общинный крестьянин не был русской сельской работник полным хозяином своей земли», вспоминает немецкое слово *Scholle*, обозначающее как раз такой, совершенно *свой* участок. «Звучащее почти сакрально в немецком языке, это слово почти непереводаемо на русский»²², — замечает философ, в равной мере принадлежавший и к русской, и к немецкой культуре.

И всё-таки ничто так не способствовало появлению и широкому распространению развитых форм частной собственности и прав, регулирующих взаимные отношения собственников, как появление городских общин. Если в деревне вотчину можно было превратить в частный земельный надел медленно, незаметно и неформально, то в городе подобные процессы сразу же приобрели легальные формы. Дело было в том, что товары можно было продавать, а деньги пускать в оборот или инвестировать только тогда, когда их обладатель становился их несомненным легальным владельцем.

Поскольку торговля предполагает, что продавец действительно обладает каким бы то ни было товаром, и поскольку торговля, основанная на отсроченной во времени доставке товара или позднейшей оплате, составляет главный предмет всевозможных сделок, становится практически неизбежным то обстоятельство, что собственность и связанные с ней договорные отношения в жизни города должны занимать столько же места, сколько они занимают в разного рода капиталистических институтах²³.

Таким образом, характер специфически городских занятий стал причиной того, что тон в городе задавали частные владельцы. Частными, то есть принадлежавшими обособленным, индивидуальным владельцам, были земельные участки, на которых могло вестись строительство, жилые дома, торговые и хозяйственные помещения, а также движимое иму-

щество — деньги, товары, одежда, предметы домашнего обихода и прочее.

К началу XIII века старые феодальные обычаи, сильно ограничивающие свободу предпринимательства и воспринимавшиеся третьим сословием как унижительные, были практически везде на Западе заменены либеральными системами, защищавшими интересы горожан. Предприниматели пользовались услугами независимых городских судов, могли свободно нанимать рабочих, осуществляли контроль над весами, складскими помещениями и рынками²⁴. Во всём этом еще не было ничего принципиально нового: точно так же обстояли дела и в городах античного мира. Неслыханное доселе новшество заключалось в том, что в феодальном мире, где каждый человек был подчинен другому человеку, а то и прикреплен к земле, появилось целое сословие иного рода собственников — живших за счет ремесла и торговли, богатых, а главное, *лично свободных*. И хотя социалисты XIX века не без основания указывали на темные стороны свободы, основанной на частной собственности, неоспоримо то, что и наемный работник, и даже обнищавший пролетарий, которому, по словам Маркса, нечего терять, кроме своих цепей, в отличие от крепостного крестьянина, всё равно обладает личной свободой. Никто не отнимет у него права свободного выбора жизненных путей, никто не в силах заставить лишь согласно обычаю, без собственного согласия совершать те или иные поступки, никто наконец не может заставить его даром работать на себя и на других. Если сегодня у него нет ни свободы, ни собственности, завтра то и другое *может* появиться — хотя это не значит, что обязательно появится. Мир частной собственности, он же мир общественно ограниченной, компромиссной или договорной свободы, — это мир, где человеку предоставлены определенные *шансы*. Только лишь шансы, но всё же шансы.

Ричард Пайпс открыл необычайно важную закономерность, которую можно охарактеризовать как прямо пропорциональную зависимость между развитостью двух общественных институтов — частной собственности и гражданской свободы. Там, где частная собственность признается неотъемлемым правом каждого человека и охраняется законом, более того — где она испокон веков сопутствует каждому человеку, как естественная и органическая часть его жизни, там человек на самом деле свободен²⁵.

Не *абсолютная* свобода, волновавшая умы «вольных казаков» и утопистов, а свобода *реальная*

и приемлемая для всех, основывается на взаимном компромиссе. Чтобы его достичь, нужны хорошо налаженные договорные отношения. Нужны механизмы, позволяющие не полюбовно, не по обычаю, а формальным образом регулировать конфликты и споры — в том числе с сильными мира сего, магнатами и монархами. Одним словом, нужно *право*. И кроме того, нужно правовое сознание, которое благоприятствует его нормальному функционированию. Демократические свободы получили наибольшее развитие именно в Западной, а не в Восточной Европе, потому что Западу — в силу разных обстоятельств — уже к XIII веку удалось в известной степени освоить или покорить природу, отделить от нее город — уникальную лабораторию относительно свободной жизни, свободного предпринимательства и общественного самоуправления, а затем там же, в городе, выработать хорошо продуманную и гибкую правовую систему, стоящую на страже как частной свободы, так и частной собственности. В этой связи обычно упоминают два великих документа — Великую хартию вольностей (Magna Carta Libertatum, 1215), которую король Иоанн Безземельный пожаловал городским общинам Лондона и других городов королевства, и немецкую Золотую буллу (Bulla aurea, 1222). Знаменательный факт: оба документа датируются XIII веком, причем первый из них формально является договором, подписанным папой Иннокентием III, королем и представителем лондонских баронов.

Если феодальный договор составил основу современного конституционализма, то привилегии, полученные горожанами от местных властелинов, можно считать фундаментом современных гражданских прав. Все мужчины, жившие в пределах городских стен, обладали, в соответствии с Магдебургским правом или с его аналогами, одинаковым правовым статусом и правом участвовать в общих коммунальных собраниях. Это было беспрецедентным новшеством, поскольку воплощало в жизнь невиданный доселе принцип территориального права, вместо прав, обусловленных позицией в социальной иерархии. Лично свободными были все без исключения жители таких городов²⁶.

Так посреди аграрного общества, как оазисы среди пустыни, появились островки свободы, правопорядка и гражданского самоуправления. С этого момента *urbanitas* может не только рифмоваться с *libertas*, но и в значительной степени становится синонимом свободы²⁷.

* * *

А что было на Руси?

Начну издалека, то есть... с современности. Даже сейчас, в эпоху всемирной глобализации и культурной униформизации, и житель России, и ее иностранный наблюдатель может легко убедиться в том, что русская культура глубоко дихотомична. Существует *интеллигентный* образ жизни, для которого характерным является высокий общий уровень образованности, цивилизованные (в западном понимании этого слова) формы внешнего поведения, высокие нравственные требования, умение держать свою волю и эмоции в известных границах и еще многое другое, многократно описанное русскими писателями. Но интеллигентов в России мало. Преобладает иной тип культурного поведения. В советские годы его можно было бы назвать *колхозно-совхозным*, причем это определение вполне подходило и ко многим жившим в городе рабочим, а также к людям умственного труда (по официальной номенклатуре — «служащим»), да и поведение многих офицеров Советской Армии, милиционеров, вахтеров или бухгалтеров в принципе не отличалось от поведения колхозников. В последние два десятилетия, в связи с естественной сменой поколений, вместо колхозно-совхозного малокультурного типа приходит человек «попсы», то есть потребитель масс-культуры, яркими примерами которой могут служить рестораны фирмы «Макдоналдс», различные телешоу и низкопробные сериалы.

Так или иначе, на протяжении всего XX века тонкому образованному слою в России противостояла могучая стихия полуобразованности. Но особенно примечательно в данном случае то, что третьей культурной силы, которая способствовала бы взаимопониманию или хотя бы сглаживанию существующего между простонародьем и интеллигенцией антагонизма, в нашей стране пока что не существует.

Причиной подобной ситуации обычно считается развращающее влияние советского образа жизни. В самом деле, трудно переоценить крайне отрицательную роль советского строя и не согласиться с тем, что такой «культурный тип», как булгаковский Шариков, не мог появиться ранее 1917 года. В результате целой серии исторических катаклизмов, потрясавших Россию, начиная с проигранной Первой мировой войны и кончая красным террором и введением эпохи «военного коммунизма» появились и Швондеры с маузерами, и Шариковы. Однако культурной триады (аграрно-крестьянский традиционализм — феодаль-

ная куртуазность — бюргерский демократизм) в качестве основополагающего принципа всего строя национальной культуры в России не существовало и до Первой мировой войны, несмотря на наличие трех соответствующих ей общественно-хозяйственных укладов. При самом поверхностном взгляде на Россию классического периода (вторая половина XVIII — начало XX века) вновь и вновь бросается в глаза очевидная социально-культурная дихотомия. С одной стороны, мы видим нищую *допетровскую* деревню, с другой же — богатую дворянскую усадьбу, колыбель и надежное прибежище высочайших достижений отечественной культуры, обитатели которой вели себя вполне *по-европейски*. И это несмотря на то, что жизненная практика неразрывно связывала высшее и низшее сельское сословие множеством неразрывных нитей. У дворян и крестьян, как в Западной Европе и во всем остальном мире, была общая забота — вовремя вспахать землю, вырастить и собрать урожай, обеспечить хороший приплод скота. Однако культурные навыки и культурные традиции русского крестьянина и русского дворянина классической поры восходили к совершенно разным источникам. Даже по-русски они как бы говорили на разных языках²⁸, потому что были воспитаны в духе разных представлений об основополагающих ценностях и пользовались разными культурными кодами, а следовательно, были обречены не только на сословный антагонизм, но и на полное взаимное непонимание.

Не книжные и заморские — христианские, а «тутошные», «нормальные», — то есть *языческие* представления преобладали в миросозерцании и во внутренне когерентной системе ценностей крестьянина. В то же время культурное поведение русского образованного дворянства было основано не на продолжении средневековой национальной традиции, а на подражании западным — *античным* и *христианским* образцам. Традиции древнерусских бояр и дружинников были не просто давно забыты — на протяжении ряда веков они запрещались и насильственно подавлялись верховной государственной властью, поскольку последняя не без причины видела в них культурную программу политической оппозиции. Последнюю точку в этом процессе поставила деятельность Петра I. Понимая глубочайший драматизм подобного рода преобразований, я не вижу в них, однако, признаков катастрофы и в целом оцениваю

их положительно, потому что дальнейшее развитие элитарной отечественной культуры (но не культуры социальных низов) обеспечило ее небывалый расцвет и принесло честь и славу нашему Отечеству. Как справедливо заметил Герцен, русский народ «в ответ на царский призыв образоваться — ответил через сто лет громадным явлением Пушкина»²⁹, — а после Пушкина явились Гоголь и Достоевский, Чайковский и Менделеев, Мейерхольд и Бахтин. Вряд ли всё это было бы возможно без насильственного петровского поворота. Позволю себе всё же обратить внимание на то обстоятельство, что просвещенное русское дворянство XVIII века, обращая взоры на современную ему Западную Европу, усваивало не куртуазную культурную модель в ее чистой, то есть феодально-антибюргерской форме, а именно *городскую* западную культуру, облагороженную на заре Нового времени благодаря многовековому ее диалогу с королевским дворцом, феодальным замком и усадьбой знатного землевладельца.

Именно дворянство, зачастую вопреки своим так называемым «классовым интересам», взяло на себя задачу демократизации и рационализации общественной жизни и культурных образцов, в определенном смысле выполняя в России ту же роль, которая на Западе стала уделом третьего сословия³⁰. Дворянские усадьбы явились очагами городской упорядоченности, городского демократизма, городской веротерпимости посреди чуждой всему этому стихии полуазиатского русского села³¹. В противоречивом, дихотомичном строе общенациональной культуры ее магистральная дворянская линия развития в конечном итоге оказалась ближе по духу исконно городской, разночинно-интеллигентной — их трудный диалог во второй половине XIX века всё же оказался возможным и плодотворным. Однако этому вселяющему надежду согласию, как безмолвный Сфинкс, противостояла культура крестьянского большинства, предвещающая одну из величайших трагедий жестокого XX века — трагедию русской городской интеллигенции в бушующем море «колхозности» и «совхозности». Одной из причин нашей национальной трагедии было то, что западноевропейская тринитарная система взаимодействия социально-культурных традиций так и не была воспринята в России, которая оставалась верна культурной бинарности, — в духе раннесредневекового *pro et contra*.

г. Краков

Примечания

¹ Ср.: Иконников А.В. Искусство, среда, время (Эстетическая организация городской среды). М.: Советский художник, 1985. С. 241.

² Мф. 13, 42.

³ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle. Les structures du quotidien, le possible et l'impossible. Paris, 1979. P. 392. Ср. русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. Вступ. статья и ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986.

⁴ Rossiaud J. Mieszczanin i życie w mieście // Człowiek średniowiecza / Pod redakcją J. Le Goffa. Tłumaczyła M. Radożycka-Paoletti. Warszawa–Gdańsk: Oficyna Wydawnicza VOLUMEN, Wydawnictwo MARABUT, 1996. S. 210–211.

⁵ Там же. S. 220–223.

⁶ Там же. S. 198–199.

⁷ Изобретателем механических часов в Европе принято считать французского математика и механика Жербера д'Орийяка, впоследствии папы Сильвестра II (Gerbert d'Aurillac, 935–1003). Историки, однако, предполагают, что в Китае подобные часы были известны уже в VIII веке. Первое упоминание о башенных механических часах содержится в тексте «Божественной комедии» Данте. Согласно сохранившимся документам, башенные часы в Милане появились в 1335, в Падуе в 1344, в Лондоне в 1348, в Страсбурге в 1354, во Вроцлаве (Брацлаве, Бреслау) в 1368, а в Париже в 1370 году. См.: Mrugański Z. Czas i urządzenie do jego pomiaru: Zegary dawne i współczesne. Warszawa: Cursor, 2008. S. 18.

⁸ Бенджамин Франклин, который в 1748 году в «Советах молодому купцу» торжественно провозглашал: «Помни, что время — деньги» и «Деньги порождают деньги» (Franklin B. Advice to a young tradesman // Franklin B. The Works of Benjamin Franklin: containing several political and historical tracts not included in any former edition and many letters official and private, not hitherto published: with notes and a life of the author / By Javed Sparks. Boston: Hilliard, Gray and Company, 1836–1840. Vol. II. P. 87) — по всей вероятности, не был первооткрывателем этих двух бесспорных истин, по сей день определяющих поведение капиталиста-хозяина и капиталистического труженика.

⁹ Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen, 1934. P. 148.

¹⁰ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft / 3. Ausgabe. Tübingen, 1947. S. 523.

¹¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. Изд. 2-е, испр. Кембридж, Массачусетс, Harvard University Press, 1980. С. 264.

¹² Pipes R. Property and Freedom. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1999. P. 190–194. P. 190–194.

¹³ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Фонд «Университет», 2003.

¹⁴ Перцик Е.Н. Города мира. География мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999. С. 92.

¹⁵ Вебер М. Город / Пер. Б.Н. Попова. Под ред. Н.И. Кареева. Пг.: 1923. С. 30.

¹⁶ Лихачев Д.С. Русская культура. М.: «Искусство», 2000. С. 45.

¹⁷ Последнюю не следует путать с деятельностью политической. Граждане западных стран получили политические права сравнительно недавно, в результате широкого распространения идей Просвещения к концу XVIII века.

¹⁸ Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 23.

¹⁹ Пайнс Р. Россия при старом режиме... С. 204–208.

²⁰ Там же. С. 201–202.

²¹ См.: Kowalewsky M. Die ökonomische Entwicklung Europas bis zum Beginn der kapitalistischen Wirtschaftsform. Bd. 1. Berlin, 1901; Bloch M. La société féodale; la formation des liens de dépendance. Paris: A. Michel, 1939. 3. 190–210.

²² Стенун Ф.А. Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография В.К. Кантора. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 585.

²³ Rosenberg N., Birdzell L.E., Jr. How the West Grew Rich. New York: 1986. P. 50; цит. по: Pipes R. Własność i wolność... S. 167. Перевод с польского мой. — В.Щ. Ср. также категорическое заявление Макса Вебера: «Не существует никакого связанного с деньгами объекта, который не имел бы отношения к индивидуальному владению» (Weber M. General Economic History. New Brunswick–New York: Transaction Books, 1981. P. 236; цит. по: Pipes R. Własność i wolność... S. 167, примеч.).

²⁴ Rossiaud J. Mieszczanin i życie w mieście... S. 182–183.

²⁵ Pipes R. Property and Freedom... P. 9–14.

²⁶ Там же. P. 169–170.

²⁷ Интересно, что однокоренными словами латинского *libertas* — 'свобода' являются городские, «цивилизованные» понятия — *liber* — 'книга' и *libra* — 'весы'. С другой же стороны, от пассивного глагола *liceri* — 'торговаться' образовано существительное *licentia* — 'вольность, свобода делать что угодно' (ср. *licet* — 'можно, позволено').

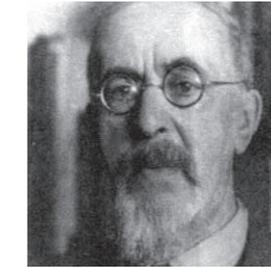
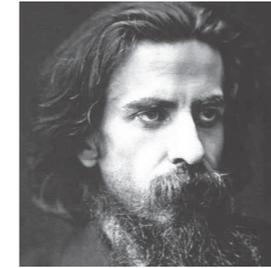
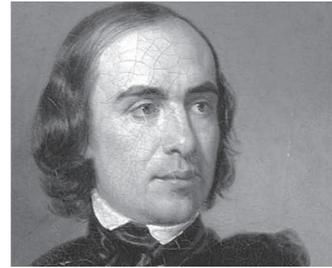
²⁸ Впрочем, в конце XVIII — начале XIX века, когда для многих представителей высшего дворянства родным языком и языком ежедневного общения был французский, далеко не все представители русской нации могли объясниться по-русски.

²⁹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Издательство АН СССР, Наука, 1954–1966. Т. VI. С. 18.

³⁰ Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 245–260.

³¹ Щукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 243–246. ■□■

Владимир КАНТОР

ХРИСТИАНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЫ ВСЕ-ТАКИ НЕ ПОБЕДИЛИ?

Были ли русские либералы верующими христианами?

Когда на означенную тему написано и произнесено немало слов, когда похожие мысли, которые ты хочешь высказать, уже звучали, стоит воспользоваться приемом Николая Кузанского и позволить себе порассуждать как **простец**, удивляясь тому, что вроде бы само собой разумеется. И начну с того, что ясно любому, кто хоть немного занимался историей русской мысли и русской культуры, а именно: христианский либерализм в России существовал, более того, был весьма влиятелен, но в общественно-социальной борьбе начала XX века он не победил. Это факт, и чтобы его принять, не надо никакой тонкости ума. Это просто.

Но, может, верующие либералы были в меньшинстве и не очень влиятельны? Речь, разумеется, идет о влиянии на *массы образованного общества*, то есть тех широких кругов интеллигенции, которые выступали трансляторами по отношению к народу.

Стоит перечислить имена русских мыслителей — христианских либералов. Первым на ум приходит имя Тимофея Николаевича Грановского, создавшего из своей жизни, как писал В.О. Ключевский, некий идеальный образ профессора, на который ориентировалась практически вся университетская профессура и которого обожали студенты (то есть *русская интеллигенция*). Не все, разумеется, из русских профессоров были христианами, но либералами были все — начиная с христианского мыслителя Сергея Михайловича Соловьева и завершая (если говорить об историках) позитивистом Павлом Николаевичем Милюковым. Если же говорить о философах, то тут счет сильно увеличится. Я бы начал с Петра Яковлевича Чаадаева, мыслителя очевидно христианского, но стоявшего

в оппозиции и к самодержавию, и к консервативно-славянофильской мысли. А поскольку утопистом он не был, реально видел происходящее, был очевидным европеистом, отстаивал ценность индивидуальности, то либералом я бы назвал его определенно, тем более что вышел Чаадаев из эпохи Александра Первого, откуда родом и многие русские либералы.

Но все же интеллектуальная история российского христианского либерализма начинается с творчества величайшего русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, автора великих религиозно-философских трактатов и бессменного автора либерального «Вестника Европы». Напомню, очевидно, довольно известное высказывание Соловьева, но от него стоит оттолкнуться, чтобы подойти к той реальной проблематике XX века, какую она встала перед русскими мыслителями. Соловьев писал: «Поскольку христианство не упразднило закона, оно не могло упразднить и государство. Но из этого разумного и необходимого факта — неупразднения государства как внешней силы, вовсе не следует, чтобы внутреннее отношение людей к этой силе, а чрез это и самый характер ее деятельности — в общем и в частности — остался безо всякой перемены. Химическое вещество не упразднено в телах растительных и животных, но получило в них новые особенности, и не напрасно существует целая наука «Органической химии». Подобное же основание есть и для *христианской политики*. Христианское государство, если только оно не остается пустым именем, должно иметь определенные отличия от государства языческого, хотя оба они, как *государства*, имеют одинаковую основу и общую задачу»¹.

Соловьев понимал государство как средство, предохраняющее землю от превращения ее в ад, как защиту человека, то есть как правовое либерально-

христианское сообщество людей. Мне уже приходилось писать, что история жестоко показала, что вне и помимо личности никакое общество не может отстоять свои права и независимость. Невероятным по силе фактором утверждения личности в европейской истории стало христианство, которое было гонимо при всех тоталитарных режимах.

Следом за Соловьевым, бывшим «детоводителем ко Христу» русской мысли, выросла целая плеяда русских религиозных мыслителей, отстаивавших либеральные ценности, это и Бердяев, и Булгаков, и братья Трубецкие, и Франк, и Струве, и Степун. Что ни имя, то гордость русской мысли и культуры.

Но были ли они влиятельны? Достаточно вспомнить восторженное отношение студентов к этим мыслителям, чтобы не задавать этого вопроса. Однако почему же интеллигенция не сумела транслировать эти идеи в народ? Мы часто называем имя Джона Локка как родоначальника европейского христианского либерализма. Идеям Локка, о чем сам писал не раз, следовал К.Д. Кавелин, знаменитый русский либерал и правовед. Чтобы правильно расставить акценты в утверждении в Англии либерально-христианских идей Локка, стоит напомнить, что Англия пережила народную христианскую революцию (пуритане), казнила короля, дождалась славной революции и установления конституционной монархии. Вот тогда идеи бывшего эмигранта Локка оказались востребованы. Почему не оказались столь же влиятельны идеи русских либералов? Конечно, разные условия бытования этих идей.

Посмотрим с этой точки зрения на Россию. Народная христианская революция (старообрядчество) была абортирована. Кстати крупнейшие деятели русской политики и культуры Серебряного века были из старообрядцев. Но их было слишком мало,

народ их не принимал. Отношение к христианству у большинства русского народа вообще было скептическим. Можно сегодня смеяться (так почему-то принято) над формулой В.Г. Белинского, что народ наш суверен, но не религиозен. Но вот свидетельство о двоеверии, а то и суеверии русского простонародья, о котором уже в XX в. писал священник и философ о. Павел Флоренский, отмечавший, что для мужика колдун и церковь — просто два разных департамента, и к тому, и к другому он относится с бытовой точки зрения, то есть суеверно. И возникает вопрос: было столько замечательных людей, и идей, а почему же собственно христианский либерализм в России не победил? Такой, в общем-то, возникает у меня простой вопрос, на который я прямого ответа не дам. Не смогу. Часто говорят, будто виновата православная церковь. Наверное, справедливо. Но беда в том, что народ и в самом деле относился к церкви как к департаменту, куда он время от времени обязан являться. Церковь была не только сервильна, но она и сама не желала идти к народу. Петр Великий был вынужден ее насильно хотя бы в государственные тяготы встроить. Сам он был человек глубоко верующий, но около двадцати лет все не решался превратить церковь в один из государственных департаментов. В Европе (не говоря уж о пуританах, о лютеранской революции, вываривших в христианском котле войны за веру народные массы) христианство исходно было религией низов. В России — княжеским делом (начиная с Владимира Крестителя). И других вариантов, строго говоря, не было.

Но стоит ввести еще одно важное обстоятельство, всегда игравшее немалую роль в жизни народа. Это так называемый *культурный герой*, преодолевавший хаос варварств, упорядочивавший жизни народа. Такими были Гильгамеш, Прометей, Геракл, Карл Ве-

ликий и многие другие. Таков был Петр Великий, такого героя судьба подарила России в начале XX века.

Петр Столыпин и борьба с хаосом

Масштаб Петра Столыпина, на мой взгляд, несмотря на все посмертные и сегодняшние славословия, до сей поры не оценен в полной мере. Разумеется, он стоит в ряду величайших государственных деятелей России — Петра Великого, Екатерины Великой и Александра Освободителя. Но, в отличие от этих государей, он, понимая не меньше их, будучи подлинным интеллектуалом, не обладал необходимой полнотой власти для проведения в жизнь этого своего понимания. Перед ним стояли три трагические проблемы, рожденные русской историей и неразрешенные до него (строго говоря, после — тоже не решенные). А проблемы ключевые — для развития и становления любой культуры, любого этнического образования, особенно соединившегося в большое государственное сообщество. 1. Это произвол власти и стихия бунта, уничтожавших любые попытки правового устройства страны; 2. Общинность и. отсутствие частной собственности как основы права и личности; 3. Неукорененность христианства в простом народе, склонного скорее к двоеверию, нежели к истинно церковной вере. Строго говоря, Столыпин противопоставил идею свободы (которая ограничена свободой *другого* человека) идее воли, не знающей, не видящей *Другого*. Существенно, что едва ли не единственный из всех государственных деятелей своего времени он смог их осмыслить и предложить некое решение. Надо сказать (и это важно напомнить), что происходил Столыпин из очень родовой семьи, среди его родни был и Михаил Лермонтов. Укоренившееся в их роду понятие чести и абсолютное мужество, которое проявил великий поэт в боях на Кавказе, вполне были свойственны и Петру Столыпину. Как написал Достоевский в «Подростке» (а за ним К. Леонтьев), именно российское дворянство структурировало Россию. К этому необходимо добавить, что Столыпин прошел полный курс классической гимназии, которая была задумана в эпоху реформ либералом-консервативом М.Н. Катковым для созидания «русских европейцев», ибо, как полагал ее основатель, только мощная античная база позволит сознать современность. Столыпин свободно владел тремя европейскими языками, в 1881 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, получил диплом с отличием. Известно, что от его ответов был

в восторге Д.И. Менделеев. К чему я об этом говорю? Чтобы еще раз подчеркнуть, что во власть пришел едва ли не впервые свободный и высокообразованный интеллигент, словно рожденный для думских баталей, где он уверенно и спокойно мог переспорить самых больших спорщиков из так называемой русской парламентской интеллигенции.

Начну с первой ключевой проблемы — проблемы русского бунта, или, как назвал ее Достоевский, проблемы бесовщины. У меня есть копия крестильной записи П.А. Столыпина в Дрезденском православном храме. Он родился в Дрездене в 1862 г., был там крещен, а для меня это, как для человека, который занимается историей культуры, все явления больших людей, которые находятся в большом контексте истории, символичны. Дрезден — в этом смысле не случайный город. Там, как мы помним, было первое «бесовское» выступление М.А. Бакунина — революция 1848–1849 гг., когда этот анархист и безбожник предложил закрыть баррикады Рафаэлевой «Сикстинской Мадонной». Замечу, что Бакунин не раз подчеркивал: сатана для него предпочтительнее Бога, ибо являет собой деятельное начало истории. Именно в Дрездене великим писателем был написан роман «Бесы» (1871–72). То есть первая борьба с бесами началась, в общем-то, в Дрездене.

Таким образом, Столыпин, трагический герой русской истории, был рожден в месте ключевого столкновения разных сил русской, да и европейской истории тоже. И гениального осмысления этого нового в мировой культуре явления — «бесовщины» — Достоевским.

Столыпин пришел во власть не случайно. Его пригласил князь Алексей Дмитриевич Оболенский — создатель первой русской конституции и обер-прокурор Святейшего Синода, прекрасно понимавший связь бесовской стихии, антиличностного начала и антихристианства. Летом 2011 года я беседовал в Берлине с внучкой князя Оболенского, Александрой Николаевной фон Герсдорфф. Вот что она рассказывала: «Бабушка вспоминала, как сидели дед и граф Витте. На улице стреляли. 1905 год. Я им все время меняла свечи — они всю ночь писали конституцию». Речь идет о Манифесте 1905 года. И именно А.Д. Оболенский рекомендовал Столыпина как человека, который сумеет противостоять «бесовщине». И Петр Аркадьевич принял эту ношу. Сначала как губернатор, потом как министр внутренних дел, потом как премьер-министр. Он прекрасно понимал тот контекст, в котором развернулся русский бунт 1905 г. — «бессмысленный и

беспощадный» (который советские историки почему-то назвали первой русской революцией). 3 ноября 1905 г. Столыпин писал жене: «Дела идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими... Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина! <...> Чувствую, что на мне все держится, и что если меня тронут возобновится удвоенный погром. <...> Убытки — десятки миллионов. <...> Шайки вполне организованны»². Так называемые «жестокости» Столыпина при подавлении этого бунта нисколько не превышали не только жестокостей восставших (тем более — если говорить о дальнейшем — большевиков), но и действий его предшественников в подавлении пугачевского бунта — Суворова, Державина, Михельсона и других. И они вешали восставших, мужиков, грабивших и убивавших дворян (напомню хотя бы записку Пушкина, как Державин повесил двух крестьян). Но никто тогда не посмел сказать о «державинских» или «суворовских» галстуках. Сам Столыпин не раз говорил о соотношении казненных и тех, кто реально заслуживал казни, как о слишком гуманном соотношении. Тем не менее русская думская *образованщина*, поддавшаяся на провокацию радикалов (в лице кадета Ф. Родичева), запустила в публику этот термин — «столыпинский галстук». Столыпин был не только решительный государственный деятель, но и человек лично мужественный: он вызвал Родичева на дуэль, и клеветник вынужден был отказаться от своих слов. А Столыпин «в ответ на требование Думы прекратить военно-полевые суды <...> спокойно произнес: “Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача”»³. Не говоря уж о левых партиях, в сущности сторонников русской «бесовщины», кадеты выступали против столыпинской жестокости, полагая, что это мешает созданию правового государства.

Не буду повторяться, напоминая о екатерининских генералах, ломавших хребет пугачевскому бунту, напомню о виджиянтах в Северо-Американских Соединенных Штатах, поборовших дикий бандитизм, напоминая русский террор. Виджиянты отказались от длительного судопроизводства. Казня захваченных на месте преступления бандитов по приговору виднейших граждан данного городка или местечка, они в течение нескольких лет подавили разгул бандитизма на американском «Диком Западе». Скажем, такой умный человек, как В.А. Маклаков, протестуя против отказа Столыпина от долгого судопроизводства и столыпинской «скорострельной

юстиции» при расправе с террористами, утверждал, что так революцию не победишь. Но, говоря о терроре 1906 г., уже годы спустя Маклаков, в сущности, противореча своему несогласию со Столыпиным, писал: «В августе — взрыв Столыпинской дачи. В октябре грандиозная по смелости и удаче экспроприация в Фонарном переулке, доставившая в революционные кассы несколько сот тысяч рублей и т. д. Индивидуальные же террористические акты были просто бесчисленны: были убиты Мин, Лауниц, Максимовский, Игнатъев, Павлов и др.; по официальным сведениям, опубликованным в “Красном Архиве”⁴ — в 1906 г. было убито 1588, в 1907 г. — 2453 человека. Можно было думать, что начинался революционный штурм; что, как бывает в решительный момент войны, в него бросался последний резерв. Но уже через несколько месяцев от него осталась только “последняя туча рассеянной бури”. Сами левые партии не могли отрицать: на данный момент “революция кончилась”. Нужна была Великая Война, чтобы снова ее подготовить»⁵. Сам-то Столыпин прекрасно понимал свою задачу, более того, его деятельность была как бы уроком и заветом тем интеллектуалам, которые впоследствии могли попасть во власть.

В конце апреля 1906 г. Столыпин объяснял западным корреспондентам причину появления военно-полевых судов: «Правительство — не цель, а средство. В чем состоит цель? Цель — порядок. Правительству, отказывающемуся защищать порядок, остается только уйти. Нормальный суд не имел в виду революционных периодов. Он установлен для карания обычных правонарушений, преступлений общего права. Для исключительных положений необходимы исключительные средства. При нынешнем строе вещей учреждение полевых судов не только объяснимо — оно необходимо. В любом государстве всякое правительство, которое не поставило себе целью общественный распад, поступило бы так же, как поступили мы. <...> Полевые суды считаются только с лицами, захваченными на месте преступления. Они судят лишь преступников, пойманных с оружием в руках»⁶. Поразительно, что деятели Временного правительства, вопреки заветам Столыпина, поступали предельно беспомощно: они не посмели арестовать и казнить большевиков, испугались Корниловского мятежа, роздали оружие членам левых партий, в сущности, передали власть в руки большевиков, которые уже в средствах не стеснялись. И их красный террор превзошел все мыслимые человечеством формы насилия. А дело в том, что Временное правительство

боялось народа, боялось «человека с ружьем». Столыпин же не боялся, пытаюсь защитить «личность против поглощения ее волей народа»⁷.

Легендарная формула Столыпина «Не запугаете!» говорила о его безусловном мужестве, готовности отдать жизнь за идею (не в меньшей степени, чем у революционеров, которые хвалились своей жертвенностью), — именно жизнь он и отдал за свою идею и деятельность. «Крупность Столыпина раздражала оппозицию», — писала А. Тыркова-Вильямс⁸. Однако не только оппозицию, но и власть, и прямых врагов, и людей, живших вне реальности, вроде Льва Толстого, прятавшегося за своей благодушествующей идеей «непротивления злу насильем». От взрыва на Аптекарском острове до пули убийцы в Киеве — он шел по краю гибели, каждую секунду, как и требовал Фауст, рискуя жизнью, ведя борьбу за свободу с нахлынувшим на Россию наводнением бунта, угаданном Пушкиным еще в «Медном всаднике», когда разбушавшая стихия едва не погубила город Петра, дело Петра:

*Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна.*

Как Фауст, Столыпин пытался обуздать стихию, отвоевывая у волн земельное пространство, на котором только и может свободно существовать человек.

Земельная собственность и свобода

Столыпин боролся за свободу *лица*, жертвуя за эту свободу жизнью. Одновременно с подавлением новой пугачевщины он начал бороться с второй страшной болезнью России — отсутствием в национальной ментальности представления о частной собственности. Собственно, именно она и была причиной первой проблемы — массового разбоя. Даже дворянство чувствовало некую неуверенность в своей правоте владения собственностью, поскольку было это введено волевым актом Екатерины Великой. Собственность купцов и промышленников была целиком в лапах государства. Иван Грозный обирал купцов, когда ему было угодно, не говоря уж о церковных и монастырских землях. Отношение к купеческой собственности было слишком ясно в «Ревизоре» Н.В. Гоголя. Именно отсутствие представления о праве на собственность и порождало крестьянские бунты, ибо не верили крестьяне в правоту дворянской собственности.

Но родилось это в результате длинной русской истории. Говоря об этом, я ставлю Столыпина не только в контекст современной ему действительности. Столыпин — фигура более крупная. Это фигура из тех, которые рождаются раз в столетия. Чтобы его понять, нужен более длительный исторический период, нужно осознать «долгое время». Я хочу напомнить, что и земельная реформа, и крепостное право — все это лишь деталь его замысла. Струве писал: «Аграрная политика Столыпина кажется консервативной, но в существе своем она есть попытка перестроить Россию в самых ее глубинах»⁹. Однако дело не просто в перестройке. Дело в создании новой реальности. Ведь до монгольского ига в России была частная собственность на землю.

Среди прочих проблем, характерных для любой юной культуры, Новгородско-Киевская Русь пережила татаро-монгольское нашествие и несколько столетий ига. Степь и нашествия кочевников отучили наших предков трудиться на себя самих, ибо в результате татаро-монгольского ига на Руси установилось так называемое «монгольское государственное право», по которому, как писал К.А. Неволин, «вся вообще земля, находившаяся в пределах владычества хана, была его собственностью»¹⁰. Княжества не принадлежали князьям, чтобы получить право «володеть» ими, князья ездили за ярлыками в Золотую Орду. Земля была ханской, а стало быть, в превращенном представлении крестьянина, — ничьей, Божьей, т. е. общей. И это совпадало с тем, что у самих крестьян собственности никогда не было. Но и собственность княжеских дружин не несла свободы даже еще до ига. Единственной реализацией свободы было так называемое право отъезда дружинника от одного князя к другому или уход крестьянина (вполне номадически) на другой участок земли. Далее, уже в Московской Руси, дабы укрепить боярство, служилых людей, государство было вынуждено ввести крепостное право. Без земледельца земля абсолютно не имела никакой цены, а крестьянин в любой момент готов был сняться с обжитого кусочка земли, тем паче что этот кусочек юридически так и не был закреплен за ним. Отсутствие частной собственности, ее психологическое неприятие, идущее от так называемого «монгольского права на землю», стало устойчивым в национальной ментальности. Более того, в Московской Руси возникает так называемая «Внутренняя Степь» (определение С.М. Соловьева), то есть воровские, разбойничьи шайки, терзавшие и опустошавшие страну почище монголов. Вот почему Столыпин хотел

сделать крестьянина собственником, тем самым как бы оправдав екатерининскую «Жалованную грамоту дворянства» и уравнивая в праве собственности на землю крестьян с дворянами.

Но был еще один важный момент в российской ментальности, который хотел изменить Столыпин. Если до монгольского нашествия во внутренних ссорах и конфликтах, а также при общении с иноземцами, прежде всего с европейцами — с немцами, в случае какого-либо *разлюбья* существовали на Руси юридически зафиксированные, закрепленные в договоре, в праве, *стоимости* «обид», «бесчестья», «побоев» и «человеческой жизни» (пусть за убийство холопа платили меньше, чем за убийство вольного человека, но все же платили), то за весь период татаро-монгольского ига никто и не помышлял о «чести», поскольку сама жизнь человеческая утратила всякую цену. Отсюда и выросло то свойство нашей народной психики, то равнодушие к смерти, та беззаветная отвага, что, по замечанию Чаадаева, так восхищает иностранцев, но при этом делая нас безразличными к случайностям жизни, вызывает равнодушное отношение к добру и злу, ко всякой истине. Однако, как в который раз показала история, именно на равнодушии к жизни индивидуума, на гордости этим равнодушием возникает, держится и крепнет любая деспотия.

П.Б. Струве считал земельную реформу Столыпина продолжением александровских Великих реформ: «С политическим “конституционализмом” Столыпина неразрывно связана была его земельная реформа, по своей идее и по своему значению явившаяся подлинным вторым освобождением, или раскрепощением русского крестьянства»¹¹. Выстрел Богрова как бы символически подтвердил эту преемственность, что заметил В.В. Розанов: «После кроваво-черного 1 марта [1881 г. — *Ред.*] Россия никогда еще не была так потрясена, как сейчас. Обстановка убийства перед глазами Монарха, в минуту величайшего воодушевления и ликования киевлян, при открытии памятника Александру II, убийства не моментального, а с трехдневной мукой страдальца, все это заставило вздрогнуть русские сердца и зануть старой болью, как после 1 марта»¹². Однако деятельность Столыпина, как я хочу показать, была чем-то более глубоким, глубинной перестройкой национальной ментальности. Он продолжил реформы, но перевел их в новый регистр, решив сделать народ *воистину*, а не только *формально* свободным. Равной этой идее в русской государственно-политической деятельности не было. Столыпин четко показал на связь стихийных бунтов и

отсутствия собственности: «Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым болезненным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту»¹³.

В той же своей знаменитой речи он произнес: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. *Разрешить* этого вопроса нельзя, его надо *разрешать*. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (*Аплодисменты справа*)»¹⁴. Он не хотел пугать слушателей. В западных государствах на это потребовались столетия. Интересно сопоставить высказывание бывшего профессора Д.И. Менделеева, близкого по взглядам Столыпину, с этими словами премьера: «Большинство жителей России находятся в таком же положении, в каком три или четыре столетия тому назад находилось большинство стран Западной Европы. Это положение вызвало там свои исторические события (религиозные войны, бунты, революции, Наполеона и т. п.) и такой напор к переселению, что Америка и берега Африки стали живо наполняться европейскими выходцами. Часть совершающихся у нас ныне событий, без сомнения, должно приписать такому же положению, в которое мы поставлены в настоящее время»¹⁵.

Отсюда и переселенческая политика Столыпина. Но Россию он пытался провести этим путем не за столетия, а за десятилетия. Только так полагал он, возможно сделать ее жизнеспособным государством.

Это было бы истинным введением России в европейское пространство и препятствием для революций. Ф.А. Степун писал: «Ни как колонизатор, ни как крепостной, ни как общинный крестьянин не был русский сельский работник полным хозяином своего клочка земли (Scholle). Звучащее почти сакрально в немецком языке, это слово труднопереводимо на русский. Желание привить крестьянину чувство собственности по отношению к своему клочку земли

было подлинным смыслом столыпинской реформы. Столыпин предпринял это после введения Николаем II конституционной монархии, с тем чтобы сделать крестьянина европейским земельным собственником и создать тем самым оплот против революции. То, что эта задача была поставлена только в XX столетии, указывает на нерешенность этой проблемы русской историей»¹⁶.

Столыпин пытается перевести всю Россию в свободное состояние. Эта попытка — невероятная! Нужно ощутить этот контекст. Замечая, что главная задача государства — укрепить низы, ибо в них вся сила страны, добавляя, что их более ста миллионов, он писал: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага личной свободы»¹⁷. Интересно, что тема свободы, которая рождается в производстве, уже звучала в русской публицистике. Двигатель общественного развития — это самостоятельная личность: «Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений. Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни, — писал Н.Г. Чернышевский. — Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе»¹⁸. Столыпин впервые сознательно на всем уровне — молекулярном уровне — требует, чтобы перед нами было *лицо*. Владелец частной собственности — имеет *лицо*. Это не размазанная община: «Один — за всех, и все — за одного», где никто ни за что не отвечает. Мы можем говорить, что общинное сознание было явлением, многое определявшим в России. Но опять же, как показали замечательные русские и историки, и философы, — и Чичерин, и Кавелин, и другие — община была фискальным институтом. И, конечно, община, державшаяся на временно-обязанном труде, мешала развитию страны. Труд, направленный на приумножение своей собственности, перестает быть обязательным трудом. Много лет спустя после революции В.А. Маклаков полностью оценил великий смысл столыпинской попытки: «Существо Столыпинской реформы было одной из форм уравнивания крестьян с другими сословиями, распространением на них нашего общего права»¹⁹. Как видим, здесь транслируется идея Б.Н. Чичерина о постепенном наделении правами и собственностью всех сословий.

Антагонисты Столыпина

Д.И. Менделеев в книге «К познанию России» писал, что к 1930 г. Россия будет на уровне передовых европейских стран, что совпадает со словами Столыпина 1909 г.: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»²⁰. Близость в датах поразительная. Убийство Столыпина привело к слову разумного европейского развития страны. Оппонентов было много. Не говоря о большевиках, ненавидевших христианство и либерализм, понимавших, что в основе реформ Столыпина лежали либеральные идеи, напуганных успехом столыпинских действий, надо назвать Льва Толстого, упрекавшего Столыпина в европеизме, в том, что он не умеет самостоятельно думать. Писатель — тоже, кстати, враг церкви и либеральных идей — утверждал, что цель премьера — в его законе, «имеющем целью оправдание земельной собственности и не имеющем за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе (пора бы нам уж думать своим умом)». Занятно, что письмо свое граф кончает угрозой переслать свое письмо в Европу: «Письмо это пишу я только Вам, и оно останется никому не известным в продолжение, скажем, хоть месяц. С первого же октября, если в Вашей деятельности не будет никакого изменения, письмо это будет напечатано за границей»²¹. Любопытно, что толстовское двоемыслие, вообще-то проявлявшееся везде (скажем, выступая против книгопечатания, он бесконечно издавал свои книги), здесь как-то особенно жалко и неприлично. Упрекая Столыпина, что тот подражает в своей реформе Европе, что «пора бы уже думать собственным умом», он тут же угрожает премьеру, что если тот не откажется от самого себя, то его письмо-инвектива «будет напечатано за границей». Иными словами, в той же Европе, которая вовсе не хотела, чтобы Россия развернулась как мощная европейская держава. Вообще-то самым резким ударом по Столыпину и его реформе была статья Толстого «Не могу молчать» (1908), где всю деятельность премьера граф объяснял его жалким тщеславием. Но уже «в эмигрантской публицистике, — как пишет современный исследователь, — были преданы гласности сведения о том, что когда волна погромов докатилась до усадьбы писателя, он также не смог молчать: проявил осмотрительность и вызвал полицию для охраны»²². А сам же писал: «Не может существовать права одного, какого бы ни было человека,

богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей, как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею»²³. Но такое уже было в доисторический период, когда по земле бродили стада диких людей, а потом нечто подобное — в монгольский период, когда русская земля лишь *казалась* ничьей.

Вот это «монгольское право на землю» и переняли большевики. Ведь в послестолыпинский период, до прихода к власти большевиков, когда собственность на землю уже была создана, что сделали большевики? Они вернулись к монгольскому периоду правления. Земля стала государственная, т. е. ничья. Столыпинская реформа, естественно, была уничтожена на корню. Когда земля ничья, когда она государственная, с крестьянами можно сделать все, что угодно. Можно провести коллективизацию, индустриализацию, не обращая внимания ни на что, ни на кого. Попытка Столыпина была — после реформ Александра II — в истории России абсолютно уникальной, попыткой человека, понимавшего, что он делает.

Когда власть захватили большевики и Ленин восстановил «монгольское право на землю» и монгольские принципы управления, Зинаида Гиппиус в «Черной книжке» записала: «Что происходит с Россией? А происходит приблизительно то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски — и пируют»²⁴. К этому стоит добавить иронические слова Ивана Бунина по поводу решения Западной Европы о невмешательстве «во внутренние русские дела»: «Да, да, это называется “внутренними делами”, когда в соседнем доме, среди бела дня грабят и режут разбойники»²⁵. Это ощущение на новом историческом витке прихода таких же завоевателей, чужих — не по крови, а по некой ментальности, — было очень сильно. А связано это было с тем, что принципы, которые большевики проводили в жизнь, были абсолютно допетровские. После революции стало особенно заметно, что Россия вернулась в допетровскую Русь. Вот Бунин: «Весь огромный город не живет. Сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенегам»²⁶. И русские оказались вдруг в абсолютной тьме Московской и даже домосковской Руси. Петербургская Россия вся была выкинута за пределы России.

Приход катастрофы

Русские писатели вполне внятно отреагировали на произошедшую со страной катастрофу. Независимо от политических пристрастий писатели и поэты определяли свою эпоху как время апокалиптически разбушевавшейся стихии, находя аналогии происходящего в бунтах Стеньки Разина и Емельяна Пугачева (поэмы С. Есенина, В. Хлебникова, В. Каменского и др.). Прислушаемся к названиям произведений и «красных» и «белых» писателей: «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Россия, кровью умытая» А. Веселого, «Голый год» Б. Пильняка, «Рожденные бурей» Н. Островского, «Двенадцать» А. Блока, «Окаянные дни» И. Бунина, «Царство Антихриста» Д. Мережковского, «Черная книжка» З. Гиппиус, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Бич Божий» Е. Замятина, «Русская бездна» М. Волошина. Во всех этих названиях — ощущение Смуты, охватившей страну, неуправляемых стихий, губительных для человека, рождение нового и гибель старого мира, движение масс, новые двенадцать *разбойных* апостолов, за стихийной жестокостью которых Блок провидит Христа (или Антихриста?)²⁷, — короче, во всех этих произведениях чувствуется накал почти космической катастрофы. Даже тема Аттилы у Замятина характерна в этом контексте. И даже в таком внешне нейтральном заглавии, как «Конармия» И. Бабеля, если вдуматься, скрыт тот же смысл — пробудившейся стихии. «Конармия» есть сокращение от «конной армии», т. е. ударной силы Степи, кочевников, варваров, вновь обрушившихся на цивилизацию городов. Сам Бабель, думается, именно так и понимал название своей книги. В его дневниковых записях периода, когда он был участником похода буденновской конницы, эта мысль выговорена впрямую: «Это не марксистская революция, это казацкий бунт, который хочет все выиграть и ничего не потерять. Ненависть... к богатым, к интеллигенции, неугасимая ненависть»²⁸. Впрочем, все это можно было предвидеть, опираясь на опыт русской истории и культуры. И Столыпин это угадывал, он готов был жизнь свою поставить преградой надвигающемуся бунту.

Ответ Столыпина Толстому заслуживает подробного цитирования: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” у крестьян создает все наше неустройство. <...> Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем

врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. <...> А бедность, по мне, худшее из рабств. <...> Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным»²⁹. Здесь четко выраженное кредо, ясно и спокойно высказанное, совпадающее с мыслью всех мало-мальски беспокоившихся о мужике честных русских людей. А далее, без малейшего самоуничижения, слова человека, ежеминутно рискующего жизнью в отстаивании своих идей: «Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что я думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. *Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем* (курсив мой. — В.К.)»³⁰.

Столыпин писал стоически-мужественно о том, что уже произошло, уже был взрыв в его доме на Аптекарском острове, когда террористы погубили тридцать ни в чем не повинных людей, ранили сто человек — среди них были тяжело ранены дочь и сын премьера. И вот этому герою Толстой пишет: «Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого Вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение. Человек этот — Вы сами»³¹. Столыпин был убит, победила толстовская уравниловка. Ленин ликовал; Толстой, по сути, оказался его союзником, ибо так же ненавидел и церковь, и государство, и Столыпина: «Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции»³². Удовольствие так и сквозит в словах человека, через семь лет залившего кровью всю Россию. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна «великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же — надо лишить толпу “опиума религии”, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота»³³.

Как он и обещал, Ленин использовал отлучение Толстого для расправы над русской церковью и священниками³⁴. Н.А. Бердяев очень жестко написал о Толстом как об идеологе нигилизма и провокаторе революционаризма: «Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть изобличен. Толстой мешал народному и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее. В нем совершилась роковая встреча русского морализма с русским нигилизмом, и дано было религиозно-нравственное оправдание русского нигилизма, которое соблазнило многих»³⁵.

Самые крупные противники Столыпина — Ленин + бесы-радикалы, царь, Лев Толстой, да еще хлыст Распутин. Хлыстовство победило христианское рацию гениального премьера. Скажем, для великого христианского мыслителя В.С. Соловьева христианство опирается на разум. Ссылка оппонентов на то, будто их поддерживает народное мнение, не принимается Соловьевым. «Пусть откроют нам секрет, каким образом помимо развития сознания, помимо умственной просветительной работы можно воздействовать на сердце народа верующего, но темного, и по темноте своей способного совершать злые дела, принимая их за добрые? А пока этого секрета не откроют, приходится думать, что противоположение ума сердцу есть только соблазн лживого ума и испорченного сердца для обманчивого оправдания духовной немощи и умственной лени»³⁶. Но остановимся на фигуре монарха, в конечном счете поддержавшего Распутина — в противовес Столыпину. Струве писал: «Рок и трагедия его состояли в том, что, отстаивая и укрепляя реформами монархию, Столыпин как борец и реформатор не имел в монархе той поддержки, в которой он нуждался. Сейчас об этом можно просто и прямо говорить как об историческом факте. В отличие от Вильгельма I, который с некоторым внутренним сопротивлением, но всецело отдался могучей воле Бисмарка, Николай II не сделал этого по отношению к Столыпину. <...> Во всяком случае, Столыпин, прежде чем погибнуть от пули революционера-охранника, едва ли <не> изнемог в борьбе с монархом, что в его лице она выпала на долю не только убежденного, но и страстного монархиста»³⁷. Столыпин изгнал Распутина из Петербурга, император сожалел об этом, говоря, что его волнуют «слезы императрицы». И вернул его сразу после убийства премьера. Интересно, что убийца Богров, хотя Столыпин и император сидели рядом,

стрелял все же в Столыпина, ибо Столыпин был главным противником русского бесовства.

Столыпин хотел сохранить Российскую империю. **Понимал**, как это сделать. Пишет: «Он был хороший оратор». Что значит хороший оратор? Это не человек с хорошо подвешенным языком. В отличие от тех, кто выступал против него, он ясно видел цель, он опирался на свое понимание русской культуры, он понимал, что говорит. Достаточно почитать его речи и речи его оппонентов. У оппонентов злое, раздраженное, почти слепое нападение на действия премьера — а в ответ и жесткие, четкие, спокойные аргументы Столыпина. Заметим, что возразить ему в публичной полемике не мог никто. Он переигрывал — или переговаривал всех. Не криком и не властной угрозой. Переговаривал интеллектуально. Это был действительно пожалуй, единственный раз в России — большой интеллектуал у власти, который позволил себе стать государственным деятелем. Он готовил провести также и реформу русской церкви, понимая ее слабости, но не успел.

Лермонтов пророчествовал о грядущей катастрофе Российской империи. Один из его родственников, премьер Столыпин, словно пытался преодолеть пророчество поэта. Стихотворение поэта называлось «Предсказание»:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых Начнет бродить
Среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать.*

А последний из династии Романовых словно нарочно пытался сделать все, чтобы пророчество Лермонтова исполнилось. И особенно сказались губительная роль царя в отношении к христианству, к соединению веры и права.

Христианство не сработало

Что могло остановить разгул стихии? Формулировка этой проблемы Евг. Трубецким представляется мне едва ли не классической: «То анархическое движение, которое на наших глазах разрастается,

не может быть остановлено никакой внешней, материальной силой. Вещественное оружие бессильно, когда падает в прах весь государственный механизм. Только сила нравственная, духовная может положить предел всеобщему разложению, резне, грабежу, анархии общественной и правительственной. Христианство — та единая и единственная нравственная сила, перед которою у нас склоняются народные массы; иной у нас нет. И если русская демократия не определится как демократия христианская, то Россия погибнет бесповоротно и окончательно»³⁸. Однако было одно «но»: народное неприятие как либерализма, так и христианства. У меня в жизни был довольно замечательный (я говорю как простец, извините) бытовой, но очень важный эпизод. Мы с моим близким другом ездили и обмеряли разрушенные русские церкви. Это была поездка по Поветлужью — это не малый район. И что меня там поразило — церкви ломали без приказа сверху, ломал сам народ. О чем это говорит? Отвечу — об абсолютной неукоренённости в сознании народа идей христианства. Или, точнее, — либеральная христианская интеллигенция не была принята потому, что народ не был религиозным, христианским. Может быть, это и жестоко, но думаю, что это справедливо.

Но надо еще взглянуть на роль самодержавия в этом процессе, силу более чем влиятельную. Начинаясь эпоха массовых народных движений. Нужен был политический контакт православия с народом. А стало быть, священникам надо идти в народ. Некоторые и пошли. Классический пример — поп Гапон, организовавший провокационное шествие рабочих с хоругвями и петициями к царю 9 января 1905 года. Но надо было работать не только с народом, оказалось, что власть еще меньше готова к диалогу с народом в контексте христианского собеседования. Император Николай II знал о том, что готовится расстрел безоружного православного народа. Это видно из его дневника. Расстрел шествия поставил под вопрос возможность христианской политики. Народ спас Гапона, который произнес страшные слова: царь убил веру в Бога. 12 января 1905 г. в газете «Освобождение» (1905. № 64. С. 233) как реакцию на «Кровавое воскресенье» православный либерал П.Б. Струве написал: «Народ шел к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем. Все равно, кто он: надменный деспот, не желающий снизойти до народа,

или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он почерпал силу, — после событий 22/9 января 1905 г. царь Николай стал открыто врагом и палачом народа. Больше этого мы о нем не скажем; после этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах — и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас»³⁹. И в этой же статье Струве произнес слова, которые были по сути дела реализованы большевиками в подвале дома купца Ипатьева: «Не может быть споров о том, что преступление должно быть наказано и что корень его должен быть истреблен. Так дальше жить нельзя. Летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть заключена»⁴⁰.

Столыпин почти изменил карму русского самодержавия. Но самодержец отказался от него. А что же русские мыслители? Или их влияние было прежде всего интеллектуальным? А в общественно-политической жизни? Струве — один из лидеров кадетской партии, по энергичности в русской жизни сравнимый разве что с Лениным; Федор Степун — начальник полуправления военного министерства при Временном правительстве. Но они оказались бессильны. В отличие от Столыпина, они пытались соединить революционность с законом. Да еще и воздействовать на народ как на христиан. Однако они-то были христиане, а народ христианским не был. По-настоящему это стало сразу после революций 1917 года.

Одну из точек зрения, ставшую потом весьма влиятельной, выговорил Федор Степун: «Большевики победили демократию потому, что в распоряжении демократии была только революционная программа, а у большевиков — миф о революции, потому что забота демократии была вся о предпоследнем, а тревога большевиков — о последнем, о самом главном, о самом большом. Пусть они только наплевали в лицо вечности, они все-таки с нею встретились, не прошли мимо со скептической миной высокообразованных людей. Эта, самими большевиками естественно отрицаемая связь большевизма с верой и вечностью, чувствуется во многих большевицких кощунствах и поношениях»⁴¹. Иными словами, уже покинув Россию, не видя русского народа, Степун, по сути дела, высказал убеждение о религиозной стилистике русского народа, которая не переварила безбожия русских демократов и либералов: «Все самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики»⁴². Но так ли было на самом деле?

Вспомним удивление и ужас русских христианских мыслителей, увидевших в революцию далекость народа от христианства. В 1918 г. С.Н. Булгаков устами одного из персонажей своего знаменитого сочинения «На пиру богов» (вошедшего позднее в сборник «Из глубины») резюмировал: «Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось то, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе. <...> Русский народ вдруг оказался нехристианским...»⁴³. Двойник, рожденный ментальностью великих русских писателей, оказался, как и положено двойнику, совсем не тем, за кого его принимали. Сын священника, большой русский писатель Варлам Шаламов вспоминал: «Поток истинно народных крестьянских страстей бушевал по земле, и не было от него защиты. <...> Именно по духовенству и пришелся самый удар этих прорвавшихся зверских народных страстей»⁴⁴. Достоевский задавался вопросом: сможет ли русский человек «черту переступить»? И вот, «переступив черту» христианства, всколыхнулась и пошла гулять по необъятным просторам России российская вольница, российская стихия. Этот процесс закономерно завершился возникновением жесточайшей сталинской диктатуры. Вспомним, что антихрист является как двойник Христа, то есть несущего свет и утешение. И в этой ситуации уже можно говорить о явлении антихриста, рожденного народной стихией, выступавшего от лица народа и его именем уничтожавшего русских интеллектуалов как «врагов народа». Как замечательно было показано у Евг. Шварца, Тень погибает только после гибели Героя-ученого. Уничтожив российских интеллектуалов, народ подписал себе смертный приговор. Об этом сразу после революции написал В.В. Розанов: «“Мужик-социалист” или “солдат-социалист”, конечно, не есть более ни “мужик”, ни “солдат” настоящий. Все как будто “обратились в татар”, “раскрестились”. Самое ужасное, что я скажу и что очевидно, — это исчезновение самого русского народа»⁴⁵.

Народ реально потерял веру в то, что христианство может стать помощником в социальных делах. Приведу опять наблюдения Евгения Николаевича Трубецкого; находясь в Добровольческой армии, он пишет, что вот вроде бы белое знамя, вроде бы идеи православия, но грабят и убивают наши добровольцы

чудовищно. И далее замечает: к тому, кто даст открытое разрешение на грабеж, пойдет весь народ. Большевики это разрешение на грабеж дали. Вспомним лозунг Ленина: «грабь награбленное». Или, как говорил Достоевский, кто разрешит кровь, тот и выиграет. Большевики разрешили кровь — и выиграли. Думаю, в сознании пореволюционного Степуна произошла своеобразная абберрация. Он вернулся к мифу о религиозном народе и либералах, занятых материальными интересами. Как сегодня видится, дело обстоит «с точностью наоборот». Либеральная христианская интеллигенция проиграла потому, что была слишком либеральной и слишком христианской. Народ же — ее не принял.

Примечания

- ¹ Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собр. соч. в 10-ти тт. [1911–1913] Т. 8. СПб.: Просвещение. С. 486.
- ² Сидорович Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М.: Поколение, 2007. С. 135.
- ³ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 1990. С. 346.
- ⁴ То есть уже при советской власти.
- ⁵ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. London: Overseas Publications interchange. 1991. С. 18.
- ⁶ Беседа с П.А. Столыпиным 29 сентября 1906 г. // Столыпин П.А. Избранное: Речи. Записки. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 95.
- ⁷ Вандаковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции 20–30-х гг. XX в. М.: Институт русской истории РАН, 2009. С. 61.
- ⁸ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. С. 346.
- ⁹ Струве П.Б. Что такое государственный человек? // Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 171.
- ¹⁰ Неволин К.А. История российских гражданских законов // Неволин К.А. Полн. собр. соч. В 6-ти т. СПб., 1858. Т. 4. С. 136.
- ¹¹ Струве П.Б. П.А. Столыпин // Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 188.
- ¹² Розанов В.В. К кончине премьер-министра // Розанов В.В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. С. 222.
- ¹³ Столыпин П.А. Речь П.А. Столыпина во II Государственной думе 10 мая 1907 г. // Столыпин П.А. Избранное: С. 126.
- ¹⁴ Там же. С. 136.
- ¹⁵ Менделеев Д. К познанию России. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. С. 19–20.
- ¹⁶ Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Степун Ф.А. Сочинения. С. 585–586.
- ¹⁷ Речь П.А. Столыпина в III Государственной Думе 10 ноября 1907 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 150–151.
- ¹⁸ Чернышевский Н.Г. Суеверие и правила логики // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 695.

- ¹⁹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 360.
- ²⁰ Беседа с председателем Совета министров П.А. Столыпиным 1 октября 1909 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 209.
- ²¹ Толстой Л.Н. П.А. Столыпину. 1909 г. Августа 30. Ясная Поляна // Толстой Л.Н. Письма. 1882–1910. Т. XIX–XX. М.: Художественная литература, 1984. С. 675. Document2
- ²² Сидорович Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). С. 286.
- ²³ Цит. по: Там же. С. 285.
- ²⁴ Гиппиус Зинаида. Черная книжка // Гиппиус Зинаида. Дневники. Мн.: Харвест, 2004. С. 259.
- ²⁵ Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. С. 93.
- ²⁶ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 107.
- ²⁷ См. об этом мою статью: «Антихрист» Владимира Соловьева и «Христос» Александра Блока // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». 28–30 августа 2000 г. М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 145–156.
- ²⁸ Бабель И. Конармия. М.: Правда, 1990. С. 178–179.
- ²⁹ Столыпин П.А. Письмо Л.Н. Толстому. 23 октября 1907 г. // Столыпин П.А. Избранное. С. 144.
- ³⁰ Там же. С. 142–143.
- ³¹ Толстой Л.Н. П.А. Столыпину. 1909 г. Августа 30. Ясная Поляна. С. 673.
- ³² Ленин В.И. Столыпин и революция // Ленин В.И. ПСС: В 55 т. М., 1961. Т. 20. С. 324.
- ³³ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Бунин Ив. Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 132.
- ³⁴ Ленин писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах» (Ленин В.И. Л.Н. Толстой // В.И. Ленин о литературе и искусстве. М.: Художественная литература, 1969. С. 221).
- ³⁵ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993. С. 99.
- ³⁶ Соловьев В.С. О соблазнах // Соловьев В.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 10. СПб., б.г. С. 21.
- ³⁷ Струве П.Б. П.А. Столыпин // Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 188–189.
- ³⁸ Трубецкой Е.Н. Два зверя // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 301–302.
- ³⁹ П.С. [П.Б. Струве]. Палач народа // Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). М.: РОССПЭН, 1996. С. 82.
- ⁴⁰ Там же. С. 82–83.
- ⁴¹ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. Вступительная статья, составление и комментарии В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 468.
- ⁴² Там же. С. 314.
- ⁴³ Булгаков С.Н. На пиру богов // Булгаков С.Н. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 609.
- ⁴⁴ Шаламов В. Четвертая Вологда // Шаламов В. Несколько моих жизней. М.: Республика, 1996. С. 346.
- ⁴⁵ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 313. ■□■

© Фото: А. Зверев

Смешно, как часто именно колпак шута определяет собой ту цену, которую мы платим за сладкие реминисценции, вдумчивые анализы прошлого, просто воспоминания... И вот странная история — я еду в такси по скоростному шоссе прочь от Авиньона и вижу теперь повсюду эти полосатые сачки-колпаки (поклон Набокову с его бабочками, что вот так, не глядя, охотно залетали в эту марлевую сетку где угодно на свете). Полосатый оранжево-белый колпак, который надувается случайным порывом... Показывает направление ветра, определяет силу его напора: простейшее приспособление, его можно увидеть на метеорологических сайтах. Тот сачок, который указывает нам вектор — и тихонько шурша, шепчет о том, что мы еще можем предпринять вот в этих, данных, скучных условиях.

Я уже рассказывала здесь, в «Вестнике Европы» о начале этого последнего авиньонского периода. О храбрых усилиях, предпринятых тогда командой новых директоров Фестиваля — Венсаном Бодрийе (Vincent Baudriller) и Органс Аршамбо (Hortense Archambault). Они пришли в Авиньон сразу же после знаменитой забастовки «интермиттантов», то есть работников «живого театра», имеющих право на творческий отпуск (в 2003-м Авиньонский фестиваль был попросту сорван театральными техниками и второразрядными актерами); девять лет назад Венсан и Органс были молоды, по тридцати с небольшим, и главное — они были сердиты и хотели реальных перемен. Тогда как-то вдруг возникло общее смутное недовольство: стало ясно, что сам Авиньонский фестиваль, всегда имевший внятные педагогически-воспитательно-пропагандистские функции, постепенно утратил витавший над ним изначально, со времен Жана Вилара,

ярмарка закончилась — шарманищик устал...

авиньонский фестиваль

Наталья ИСАЕВА

КУЛЬТУРА

дух эксперимента, что он перестал пугать, перестал изумлять, перестал мучить вопросами и недоумениями. Недоброжелатели говорили: фестиваль превратился в рекламную площадку, облегчающую прокат спектаклей и будущие гастроли; серьезные исследователи, вроде Жоржа Баню (Georges Banu), с горечью замечали: в этой машинке в какой-то момент намертво заело кнопку риска... Вот эта новая команда решила развернуть не только огромную машину фестиваля, но и — в какой-то мере — само восприятие театра во Франции, где постепенно всем стало очевидным угасание драматического искусства... Куда ни глянь: либо благородное искусство театральной рецитации, которое так по душе вербализованной донельзя, риторической французской культуре, — либо уж визуальные спектакли, из которых почти начисто исключен текст, а вместо этого зритель радуется форме: чистому движению, чистому декору, свету, марионеткам, где сам актер становится всего лишь движущимся трехмерным объектом в подкрашенном и декорированном пространстве... Венсан и Органс попробовали свернуть в иную сторону, предложив для начала некое «искусство композиции» — своего рода собственную мета-режиссуру, режиссуру общей концепции, отбирая в Авиньон иные спектакли и пропагандируя иной театральный язык. Прежде всего они мечтали о каком-то новом сплаве театра слова и театра движущего, им хотелось инициировать дискуссию о самом будущем драматического театра во Франции. Они хотели также вернуть фестивалю публичку — не приличных обывателей, охотно посещающих престижные фестивальные площадки, но скорее студентов, леваков, молодых художников, то бишь нормальную питательную среду искусства, а также изменить сам характер отношений с прессой — так, чтобы вместо вежливых высококолых рецензий в газетах и специальных журналах информация о фестивале передавалась скорее в наэлектризованном поле постоянного ожидания скандала, ожидания сенсации — короче, носила бы характер настоящей «новости». Этому же служило и принципиальное решение организаторов: брать себе в помощники на каждый следующий год нового «ассоциированного художника» («*artiste associé*») — известного человека театра (не обязательно француза), личность крупную и вполне пристрастную, художника, который должен был оставить отпечаток своей личности на очередном фестивальном сезоне. Мы видели как это происходило в самом начале: тут был и Ян Фабр, с его скандальной «Историей слез» («*Histoire des larmes*»), и целый

сезон, посвященный Томасу Остермайеру и немецкоязычному театру...

Так вот: девять лет назад, когда руководители Авиньонского фестиваля Органс Аршамбо и Венсан Бодрийе были еще молоды, — девять лет назад, когда они еще делали рискованные жесты, пытались уйти от французской национальной забавы — фигурного катания на льду безжизненной литературной рецитации — я сама писала пространное тексты, пытаюсь угадать, куда свернем. Всё, кончилось, приплыли. В Папском дворце, на глазах у двух тысяч счастливых зрителей нынешний ассоциированный художник Авиньона — Станислас Норде (Stanislas Nordey) ставит длинную, монологичную вещь Петера Хандке «Через деревни» («*Par les villages*» — «*Über die Dörfer*»), растянувшуюся на пять часов кряду. Горький сарказм и меланхолия Хандке, его намеренный вызов публике (сама пьеса составляет часть тетралогии, начатой австрийским автором почти сорок лет назад, она и задумывалась как заведомо скандальная «пьеса для слушания») очень занятно переплетаются тут с почтенной французской традицией театральной читки... Станислас, поставивший спектакль и играющий в нем изгнанного из семьи работяг «блудного брата», ставшего художником, рассекает вечерний птичий щебет Авиньона своим традиционным «актерским» голосом, рубит воздух четкими каденциями и умело обработанными интонациями... И ведь это наш Стан, который несколько лет назад играл у Васильева в «Терезе-философе», наш Стан, умевший так ловко и непосредственно как бы споткнуться в громоздкой фразе, вовсе не отработывавший пафосные восклицания, а растивший откуда-то изнутри, поверх пустой шелухи риторики, и собственное живое чувство и насмешливые, ироничные повороты полупорнографической, либертинской прозы Буайе д'Аржанса! Ему кажется теперь, что довольно уж умения четко выговаривать слова, немного смещать акценты — и вот она, знаменитая Васильевская вербальная техника! Печально видеть хорошего актера, тонущего в болоте традиционной риторики, печально следить за усилиями молодого режиссера, который расставляет персонажей на сцене, опираясь на чуть разбавленную гимнастикой симметрию, — режиссера, что механически отработывает те четыре с половиной бойких жеста, которые и призваны всё оживлять... Спектакль становится чуть интереснее к концу, когда «деревня» разворачивается наконец в сторону «кладбища». Мы и так догадывались, что

наши работяги попросту один за другим уходят туда, за белую рифленую стену, туда, куда ведут нас главные ритуалы и главные слова... Деревня и кладбище, сцепленные в одной связке, урча передают друг другу жильцов и постояльцев: то одних туда, то других (всех, даже тех, кому еще только суждено родиться и включаться в эту адскую машинку, стать частью этого колеса) — этих других — пока сюда. Пожалуй, один образ, который остался в памяти от общей довольно бедной визуальной картинки: трое мужиков в черных сюртуках и котелках, чем-то напоминающие персонажей Магритта, по очереди влезают на стремянку, чтобы уже с нее увидеть через стену кладбища — что там, как там... Вот так, без всякой надобности, без ритуала — просто, чтобы вдруг подглядеть или нечаянно подслушать... Как говорит Хандке: «когда Бог показывает тебе чудо, ты должен, приняв его, как можно скорее забыть о случившемся»...

Что еще приключилась в эти несколько первых дней разгульной фестивальной жизни? После жесткого и блестящего стажа в Гренобле, где мы с Васильевым отработали целый месяц, так сладко было бродить тут под платанами и акациями, по этой благословенной земле, засыпанной окурками и лепестками неведомых цветов, программками и флаерами: всей той радостной мишурой, что и мусором-то назвать нельзя. Сплошные карусели, легкие летние зонтики и шляпки, перья и блески! Вот наш прежний знакомец Фабр (Jan Fabre) показывает в Оперном театре еще один бесконечно долгий спектакль (зрители высжили представление почти до двух ночи). Смешное, вызывающее название: «Сила театральных безумств» («*Le pouvoir des folies théâtrales*»). Ах, как мне нравилась когда-то на Авиньоне памятная «История слез»! Да и прочие большие спектакли фламандца были куда как неплохи! Тогда казалось, что стоит вот немного поозорничать, чуть-чуть придумать и изобрести, взять внутреннее, живое зерно человеческой природы, а не ее заглаженную риторическую поверхность — и театр уйдет наконец от этих бесконечно иссушающих ораторских упражнений! Ну, предположим, в танец, в пластику — этот театр ушел, в какой-нибудь цирк, в марионетки — ушел еще как охотно, а вот от самого драматического театра остались во Франции рожки да ножки... Только фламандец Фабр и продолжает выручать: перформанс, пластика, возобновление старого спектакля 1984 года, но все это нанизано на некий драматический каркас, который все же ближе драме, чем прочие, еще бо-

лее абстрактные опусы чистых «движенцев». Фабр разыгрывает всё действие на повторах, на замкнутых, циклически организованных движениях (вот актеры в черных костюмах и белых рубашках с галстуками раздеваются, вот они так же дружно одеваются, бегут куда-то, всё быстрее и быстрее...). Вот танцуют двое голых мужчин, вот двое других сидят друг напротив друга, изредка обмениваясь легкими пощечинами... Толстая деваха всё пытается взобраться на театральную сцену, она уже перепробовала все приемы и способы, но ее продолжают безжалостно сталкивать вниз... А настойчиво повторяющийся, пародийно акцентированный текст продолжает перечислять знаменитейшие театральные события конца девятнадцатого, а потом и двадцатого века (понятно, что заканчивается эта театральная история самим Яном Фабром — дальше ему перечислять некого)... Иллюзия театра, то, что на фламандском будет звучать как «*theater-lijk*» — «театральное подобие», «совсем как в театре» — понятие, имеющие и более макабрическую коннотацию — прямо-таки «театр-кадавр» со всеми атрибутами похоронной службы... Все эти излюбленные приемы, которые так поистрепались и поиздержались в долгом пути... И в самом конце голые, крепкие мужчины, — ну, скажем, та телесная сторона современного театра, которая от тоски и скуки подалась в танец и пластику, — эти мужики всё выносят и выносят на авансцену одетых в мужские костюмы девушек, которые пока еще трогают театр с иного бока — со стороны слова и формы... Девушки падают на пол, но раз за разом возвращаются к своим партнерам, которые уже устали их таскать, они картинно и чуть жеманно вскидывают руки и снова поднимаются в танцевальном движении... То, что французы называют словом «*décalage*» — то фатальное расхождение не только между массовыми клише и высокими, авторскими образами, но и попросту — расхождение между телом и словом, между грубой, живой, энергетически наполненной материей и изысканным, литературным, но каким-то полувывсохшим словом.

И наконец, те живые спектакли, которые определили собой всю вторую половину фестиваля. Лаурерс — Варликовский — Кэти Митчелл. Они даже как-то вытягиваются в единую цепочку, они даже чем-то похожи. Вот Ян Лаурерс (Jan Lauwers), который со своей группой «*Needcompany*» («Компания нужды»), после прежней трилогии «Печальное лицо / Веселое лицо», растянувшейся в Авиньоне на целых восемь лет, показал здесь в Обители кармелиток но-

вый спектакль «Рыночная площадь, 76». («Place du marché, 76»). Крошечный провинциальный городок (как говорит сам Лауерс — что-то типа Догвилля), который проходит сквозь четыре времени года. Обычная жизнь (в которой, правда, слишком часто гибнут дети): вот почтальон и чиновник, дворник и безработный, дама, оказавшаяся в инвалидном кресле, несколько «понаехавших» восточных горожан, вроде бы вполне вписавшихся в здешнюю жизнь. Живая музыка трех разных композиторов, исполняемая прямо на сцене, причем среди музыкантов и сам режиссер, виртуозно играющий на гитаре. Оркестрик вдохновенно лабает всё — от классики до попсы пополам с экспериментальным авангардом... И все это идет аккомпанементом ко всевозможным несчастьям, которые только могут свалиться на этих вроде бы нормальных буржуа, на этих вроде бы примерных обывателей. Взрывы и самоубийства, педофилия и вторжение инопланетян с целым космическим кораблем резиновых надувных акул... Артисты Лауерса составляют единый ансамбль, многие из них играют в «Needcompany» уже больше двадцати лет, они умеют и впрямь прожить для нас на сцене собственные свои тайные пристрастия и неожиданные капризы. Сам Лауерс в последнем интервью ничуть не смущаясь говорил: «Я пишу прямо на коже моих актеров, поскольку для меня это и есть кожа мира». И куклы, превосходнейшие куклы, играющие детей (параллельно с актерами): эти куклы, такие хрупкие в сочленениях, так картинно изгибающиеся в крике о помощи, — как бы заведомо поломанные еще до того, как их употребили, еще до того, как с ними поиграли...

Похожая история — у Кшиштофа Варликовского: (Krzysztof Warlikowski) «Варшавское кабаре» («Kabaret Warszawski»), где переплетаются два разных текста — «Я — снимающая камера» Джона фан Друтена (это своего рода парафраз романа Кристофера Ишервуда «Прощай, Берлин!» — романа, который был положен в основу знаменитого фильма «Кабаре» Боба Фосса) и «Благоволительницы» Джонатана Литтелла. Вообще, для завсегдатаев Фестиваля именно Варликовский и стал той центральной звездой, тем манком, на который радостно стягивались и обычные зрители, и искушенные критики. Опять-таки мы видим перед собой на сцене мирок обывателей, вроде бы нормальных людей... С одной стороны — Веймарская республика, где все более настойчиво и нагло подымает голову антисемитизм

(фашизм распознают позже, вот бы самое время остановить — да некому!), а с другой — наши дни — Америка до и после 11-го сентября. И всё нам — и зрителям, и персонажам — пустяки, надо всем посмеяться: подумаешь — евреи! Известно же, что они кого хочешь достанут! А тут вот сейчас проблемы куда более животрепещущие: нынешнее удовольствие, нынешнее самовыражение! И чудная дамочка, консультирующая партнеров по поводу сексуальных расстройств, старается всячески ободрить гомосексуальную пару: главное — стремиться к правильно организованному и научно спланированному оргазму, всё остальное приложится.

Где прилагается, как прилагается, мы видим прекрасно у Кэти Митчелл (Katie Mitchell), которая привезла в Авиньон свой спектакль, основанный на немецком тексте Фредерики Майрюкер (Friederike Mayrucker) «Путешествие сквозь ночь» («Reise durch die Nacht»). Здесь Кэти работала вместе с киношником Лео Уорнером (Leo Wagner); правда, весь фокус в том, что это не просто существование нескольких видеовставок внутри театрального спектакля. Всё, что снимается — снимается вживую, у нас на глазах, семеро одетых в черное членов съемочной команды здесь — полноправные участники действия. Подобно артистам — рабочим сцены в восточном театре, подвижные фигурки, целиком одетые в черное, бегают тут с ручными камерами, подползают снизу к ногам артистов, успевают вовремя отскочить, когда драматическим актерам нужно быстро пройти... Года полтора назад этот же прием был блистательно использован Франком Касторфом (Frank Kastorf) в спектакле, где первой частью шла неожиданно обрусевшая (и даже игравшаяся по-русски) «Дама с камелиями», а вся вторая часть опиралась на «Задание» Хайнера Мюллера, причем порнографические сцены, реально игравшиеся актерами, были видны зрителям лишь частично, сквозь дыры и щели, перегородок, однако при этом они полностью — вживую — выводились на большие мониторы. Здесь же, у Кэти, перед нами — в полную величину — муляж вагона пассажирского поезда, где многие купе частично открыты нашему взгляду (только позднее мы заметим, что кое-где в этом железнодорожном составе представлены вполне бюргерские комнатки и гостиные, оклеенные обоями, уставленные вазочками и тарелками). Женщина, слегка помятая, с размазанной тушью под глазами, едет ночным поездом на похороны отца. Ночью у нее вдруг случается ненужный и слу-

чайный роман с проводником поезда... Ночью же она попытается вспомнить то, что забыла, то, чего как бы не было вовсе, что не могло случиться в относительно нормальной и благополучной бюргерской жизни ее детства. Ах, отец был так гладок и хорош — совсем как нынешний муж, который аккуратно чистит зубы, старательно развешивает свои вещи, который столь заботлив и правилен (даже морду бьет правильно тому самому проводнику, не забывая потом вежливо подать пальто супруге!).

Три истории на этой рыночной площади бюргерского городка... Проще всего тут — Варликовский. Он наряжен и красочен. Новое место репетиций и спектаклей — авиньонская «Фабрика» — подошло ему как нельзя лучше: немного цирка, немного сожалений о недостатке терпимости и гуманизма, пожелание жизни как приятного времяпрепровождения (где временами все же приключаются отдельные беды и неприятности...). Радикал же Лауерс бесстрашно заявляет: и тот насильник, что держит два с лишним месяца в заточении девочку-подростка, и тот муж, что душит меховой подушкой свою калеку-жену, потому что не способен любить ее как прежде (поклон Ханеке!), и та вьетнамская проститутка, у которой перебывало все местное мужское население — все они любят. Как могут, как получается, насколько хватает сил... Ободренные, странные, играющие в страшные и причудливые игры на экранах мониторов, складывающие крест-накрест руки-ноги своим куклам, своим же детям: почти все они ближе к концу постепенно передеваются в оранжевую форму чистильщиков и дворников, для Лауерса это повод подать нам знак: пусть даже пройдя через смерть — они стали наконец свободны, потому что хотя бы попробовали любить... И для героини Кэти Митчелл, которая вспомнила странные манипуляции отца с куклами-пупсами, которая вдруг узнала его, своего кумира, в нынешней внезапной агрессии другого мужчины, которая бесстыдно и до конца рассказывает нам, как голой бежала перед ним на четвереньках маленькой девочкой, пытаясь хотя бы поймать скучающий или презрительный взгляд, — только сейчас ей становится ясно, что за любовь порой приходится платить страшную цену. Наверное, она того стоит. В общем, все эти три спектакля берут нас «на живца», актеры видны тут до доньшка, до последнего осадка... И только живое человеческое чувство бежит по мутной стенке этого стакана: совсем как у Васильева — где в более совершенном, в куда менее небрежном и «грязном»

антураже вдруг вспыхивал тот огонек, который один лишь согреет нас на Рыночной площади — когда уж совсем стемнеет...

Одним из интереснейших событий фестиваля стал своеобразный «Мемуар» — оммаж «Экспериментальной Академии Театров» («Académie expérimentale des theaters») и ее бессменной руководительнице — Мишель Кокосовски (Michelle Kokosowski), озаглавленный ею «Похвала беспорядку и власти мастерства» («Éloge du désordre et de la maîtrise»). На сцене была сама Коко, все тот же Станислас Норде и Анатолий Васильев (ну и я еще припомнилась как переводчица). Непрерывный марафон, в котором только публика сменялась каждые два-три часа, а участники так и продолжали вспоминать, длился весь день, закончившись далеко за полночь. На экране проходили кадры совершенно потрясающих архивных материалов (все они принадлежат Академии, прекратившей свое активное существование несколько лет назад, но продолжающей незримо присутствовать в открытых театрально-архивных центрах по всему миру). Великие мертвецы, столько сделавшие для театра, пытавшиеся на французской земле развернуть жесткий каркас французской практической словесности и словесной практики в сторону живого дыхания, в сторону спонтанного творчества... Пазолини и Хайнер Мюллер, Кольтес и Тадеуш Кантор, Гротовский и Анри Мешонник — все они были преподавателями Академии, все руками, штучно, выделяли своих учеников, все были «мастерами» в том старом — ремесленном, восточном значении этого слова. И Васильев на сцене, один из немногих зубров, кто еще остался гулять на этих вольных лугах и плёсах. Васильев, срывавший аплодисменты после каждого рассказа, примера или «теоретического анекдота», что всегда в чем-то сродни дзэнскому коану — парадоксальному диалогу мастера с учеником...

Эти архивные радости Мишель Коко продолжились и на следующий день специальным фильмом Васильева, приготовленным как подарок — под занавес всем этим воспоминаниям, в пандан этой ностальгии прощания с прежним Авиньоном. 2006-й год: Васильев тут облакан и признан, он привез на фестиваль «Илиаду» и «Моцарта и Сальери», — и только он один знает, что решение по московскому театру уже принято, что на родине его ждет судьба отщепенца и изгоя... Выставка «Фотокинез» Васильева-фотохудожника в сердце фестиваля — оте-

ле «Миранда», тут собрались все друзья, тут Ортанс Аршамбо и Венсан Бодрийе, Жан-Пьер Тибода и Жорж Баню, вот только скрипка Татьяны Гринденко звучит мучительным, рвущим душу диссонансом, только она отравлена предчувствием. Часовой фильм, скомпонованный из четырех фрагментов, равно связанных и с самим Васильевым, и с фестивалем... Они идут в обратной хронологической последовательности — после вернисажа кусок из спектакля «Дон Жуан мертв» — последней работы мастера на Сретенке, потом — та самая «Илиада» и наконец — «Шесть персонажей», с которых началась история его приездов и показов, его европейской известности... Считая с этим приглашением — шесть раз (спектаклей-то гораздо больше) — вначале под крылом Алена Кромбека, потом Бернара Фэвра д'Арсье, а потом уж — и нынешней нашей пары директоров, сдающих в сентябре свои полномочия Оливье Пи. В конце фильма — расходящиеся зрители, картинка, переходящая вдруг в монолог, в черно-белый ряд, запинаящаяся, спотыкающаяся в нескольких стоп-кадрах, пока не остаются лишь пустые ряды кресел, полузадернутая шторка занавеса и одинокий актер, глядящий всем нам вслед...

Простите еще за одно очень личное отступление: играя перед зрителями в Папском дворце, старательно отбарабанивая свои нескончаемые монологи, и сам Станислас на самом деле стоял где-то на той страшной лесенке из своего спектакля — в Париже в это время умирала его бывшая жена, актриса Валери Ланг (Valérie Lang), дочь Жака Ланга, которая играла со Станом, которой тот во многом обязан своей театральной карьерой... Каждый божий день он мотался в Париж, чтобы побыть немного с Валери — и каждый вечер находил в себе силы выходить на огромную площадку *Cour d'honneur*, чтобы тащить на себе этот неподъемный вес пятнадцатого спектакля... Валери умерла через несколько дней после закрытия фестиваля — и это волей-неволей подвело под происходящим еще одну черту. Видно было, как постепенно гаснут те круги на воде, что поднялись было девять лет назад, в начале директорского мандата Ортанс и Венсана. Самые живые, на мой взгляд, спектакли нынешнего фестиваля — работы Фабра, Лаурера и Кэти Митчелл — оказались теперь сдвинуты на обочину, в загончик экспериментального, полумаргинального зрелища. Пропасть между вербальным и физическим театром ничуть не сократилась, а отношения между словом и визуальным трюком так и остались в грани-

цах церемонных реверансов и неуклюжих попыток приспособиться друг к другу.

Клод Режи (Claude Régy), один из известнейших французских режиссеров, говорил в своем интервью еще в июле 2001 года: «Подумайте, что мы видим на улицах Авиньона на протяжении печальных недель, пока длится это чудовищное действо, именуемое фестивалем, — действо, больше похожее на ярмарку или балаган, чем на что-то, имеющее хоть какую-то связь с искусством. Впрочем, нам следовало бы вообще закрыть Авиньонский фестиваль на несколько лет, чтобы сама эта инфекция забылась вовсе, и мы смогли бы придумать, как реконструировать на этом месте нечто совсем иное». Но театр ведь — и это было прекрасно видно по лучшим работам нынешнего сезона — так и остается по сути ярмарочным балаганом. Сакральным балаганом. И вполне себе — зрелищем... При этом для драматического театра слово — неотменяемый элемент, вероятно, даже самый важный элемент, вот только использовать его нужно как-то иначе. У слова иные повадки, оно противится голой читке и рецитации. Но если не будет конструкции, которая в основе своей, еще в наметках, выстраивается именно словесно, если не будет слова, которое одно лишь способно соединить метафизику с чувственностью (вернее, само слово и есть та рыба, которая — поперек природе — плавает, красуясь светлой метафизической спинкой и темным чувственным брюшком, которая легко скользит, и прыгает, и куврыкается в толще всей зрелищной стихии), визуальные картинки всегда будут напрасны. Их наметёт, как сухих листьев, немерено, — и некому будет даже сгрести их и сложить в кучи и стога. А потом все устанут, всем надоест, потому что приемы окажутся уже вытрачены, употреблены... Без слова ничего не сохраняется — без слова зачем сохранять? Для кого? Без слова не только высший Зритель (Господь) уходит (потому что он и есть та самая рыба-логос), но и просто зритель/субъект рассыпается. Остается одно только визуальное поле, которое постоянно технически воспроизводится и обновляется (новыми технологиями, ухищрениями и, по возможности, новыми приемами). Такое ощущение, что его никто специально не придумывает и на него уже никто не смотрит. насыщение образами происходит быстрее, чем насыщение словами — как раз потому, что слова передают нечто лишь отчасти, наполовину... А вторая половина словом же ограждается от полного проникновения. Визуальный образ не имеет такой встроенной защиты. Он весь — от-

дается (или потенциально может отдаться, даже если это чистый «сюр», предполагающий загадку).

И еще одна сторона, которая бросается в глаза на фоне этой проигранной военной кампании фестиваля. Если за что-то мы особенно благодарны, если чего-то нам явно недостает — так это просто человеческого присутствия на сцене, внутреннего переживания — всего того, от чего французский театр заведомо отказался. У нас в России еще сохраняется некая стародавняя штучная выделка в театральном образовании, эта опора на архаику в психике, приводящая к особой связи между учителем и учеником, в конечном счете — к гораздо большей власти эмоций. На Западе говорят об «аффектах» там, где я сказала бы о страсти... В сфере культуры в той же Франции сложилась довольно четкая установка: всякие там чувства, эмоции прочно сдвинуты в область масс-культуры (в дешевые, популярные мелодрамы, мыльные оперы, комедии). И напротив, высокое, элитарное искусство гораздо сильнее интеллектуализировано, создаваемое произведение там — это чаще всего объект для созерцания. Высокое наслаждение как абсолютно бесстрастная конTEMPLация... И всё «настоящее», авторское искусство стремится к этому. А в России — в силу неуклюжести, запаздывания в развитии и сохраняющейся архаики в самих образовательных связях (непреренно из руки в руку, в личном прикосновении пальцев учителя и ученика) — как-то застряла и сбереглась компонента чувственности в самых абстрактных материях. Я не очень люблю слово «эмоция», скорее сказала бы — «переживание», «опыт», который подразумевает именно умение чувственно разделить нечто с другим (с учеником; со зрителем; с ведóмым). Даже абстракция тут существует с отпечатками и следами невытравленной фигуративности, как если бы мы не могли получать полного наслаждения от одних лишь формальных игр, от чередования форм, красок, ритмов...

В том же Авиньоне западные режиссеры, которые во многом уже утратили вкус к работе с актером «изнутри», но все еще чувствуют смутную потребность дать вот такое «человеческое» измерение, часто используют живое видео с немедленным выводом

картинки на экран... Просто, чтобы дать крупный план, как бы нынешние, сиюминутные эмоции, некое отражение психологии. Поскольку в основном они не знают, что делать с актером, чтобы его расколоть, — на экран попадает (в лучшем случае) надрызгивая мыльной оперы... А к примеру, тот же Васильев (который, конечно же, вышел из позднего Станиславского периода «физических действий» и из Михаила Чехова) знает прекрасно, что эмоции нужны только как первичный материал. Васильев может и не читать Кьеркегора, но он понимает, что эмоции нужно непременно раскалывать вглубь, чтобы добраться до чего-то совсем иного. Правда, тут все же нужна некая первичная материя — эта самая эмоция, это реальное переживание. Потом его можно так перекрутить, так вывернуть (не наизнанку, но до отказа), чтобы оно надорвалось, пошло трещинами и тем самым указало нам просвет, вывело к духу. Интеллект и созерцание (интеллектуальное созерцание) к духу не выводит, нет тут этой дорожки. Я, во всяком случае, ни разу не наблюдала, — мне кажется, даже Платон подразумевал некий иной способ восхождения. И голая абстракция в театре, по большей части, ничего не вычищает и не просветляет, — она просто иссушает.

Пока — такой вот итог, подведенный правлению Ортанс и Венсана; Венсан примет на себя руководство театром «Види» в Лозанне, а взамен сюда, в Авиньон, явится Оливье Пи (Olivier Py). Как с сарказмом написал только что Жером Гарсэн (Jérôme Garcin), обозреватель «Нувель обсерватёр», по случаю выхода в свет книги Пи «Тысяча и одно определение театра» («Les mille et une définitions du théâtre»), в данном случае число «пи» определяет отношение окружности эго автора к диаметру эго мегаломании... Эта толстая книжка в ярко-красной обложке по идее должна была бы дать читателям представление о будущей художественной программе Авиньона; на деле, это в лучшем случае попытка представить достаточно беспомощную коллекцию оксюморонов и слабеньких парадоксов: «театр — это точные часы, которые не дают представления о времени», «верблюд без горбов», «зебра без полосок», «ледяное иглу среди Сахары»... Тоже своеобразный балаганчик, но эта ярмарка, пожалуй, будет подешевле...

© Текст: Наталия Исаева

Игорь КЛЕХ

ПО ДНЕПРУ. MOVIE RIVER

Херсон. Никополь. Плавающие, как трюфели, имена. Но не прекрасно сложенные эллинские, не триединые или многорукые, но четвероголовое, четвероликое брадатое божество — перекрывающиеся профили — смотрело на нас с самых больших стен Никополя.

(Из повести «Диглоссия», 1981)

Автоцитата в эпитафии, может, и дурной тон, но все так и было. Узрев такую стену, я хватал свою бабу-католичку за подол юбки и волок поскорее с улицы домой, в сильнейшем страхе повторяя: «Сталин, Ленин и два бабая!» Я не хотел, чтобы они меня украли, как уже украли у меня куда-то родителей. Просто сейчас мне необходимо с чего-то начать этот только с виду путевой очерк, и у меня есть для этого мотив.

Получив предложение поучаствовать в непонятной конференции в Днепропетровске по случаю двойного юбилея Бруно Шульца — годовщин рождения и гибели польско-еврейского писателя, похожего на Кафку и Бабея одновременно, — я не очень этим заинтересовался, пока не всплыло, что поездка может обернуться плаванием по великой реке «из варяг в греки». Бог с ним, с древнерусским Борисфеном, а тем более с российско-украинским литературным агитпароходом, выгуливающим писменников обеих стран по маршруту от Киева до Одессы. На нем мне интересен был только отрезок низовой реки: на шестидесятом году жизни сам собой

представился случай провести неделю в тех местах, где я впервые увидел божий свет и где не побывал с тех пор ни разу. Нечто такое обычно возможно только в снах или в волнованном меня кино — финальных сценах «Земляничной поляны» Бергмана, Пазолиниевой «Теоремы» или «Последнего танго в Париже». Похожий опыт, впрочем, у меня все же имелся — улётный запах кедровой сосны под Красноярском, раздрыганный «пазик» в бурятской степи, кое-что еще. Будто долгая жизнь вслепую норовит закольцеваться, да промахивается всякий раз. Проклятое прозрачное обещание *войти в ту же реку*.

Это всё, что я могу сказать в свое оправдание.

ДНЕПРОПЕТРОВСК

После отлета из Домодедова приземление на летном поле Днепропетровска походило на перемещение из океанского порта на тихую речную пристань и на путешествие во времени лет на двадцать. Еще и небо посередело, и дождик стал накрапывать. Здание аэро-

порта быстро опустело, но, выйдя наружу, я с облегчением убедился, что меня все-таки встречали. Как и прилетевших тем же рейсом еще двух гостей — преуспевающего ныне телеведущего, а в прошлом литературного критика, и журналиста-выпивоху, подрядившегося поработать летописцем экспедиции, хотя по фактуре и психическому покрову он явно был прирожденным комиком от бога, призванным смешить людей, да как-то не срослось — запудрила мозги цацкапская столица.

Нас прямиком отвезли и бросили без чемоданов и паспортов в какой-то кафешечка-читальне совершенно западноевропейского вида, куда по ходу встречи подтягивались представители местного еврейства и московского «Мемориала», издатель из Киева и переводчик из Львова, фотографы и телеоператор, читающая молодежь — всего человек пятнадцать, считая хозяина заведения и двух его помощниц, разносивших отменный «эспрессо» в малюсеньких чашечках. Встреча удалась на славу, но о подобных мероприятиях, на которые иногда сходилось человек до полусотни и более того и наделавших немало шума в Интернете, чуть позже.

Поселили нас на бульваре Карла Маркса, в гостинице «Астория», с мемориальной доской на входе, что здесь находился штаб батяки Махно в какие-то годы. Пару проведенных в отеле дней мне не давали заскучать шествия демонстрантов за окном — немногочисленные колонны каких-то манифестантов, протестантов и футбольных болельщиков, с плакатами и речевками, под конвоем украинской полиции и в сопровождении мальчишек на велосипедах. Плохо видно за деревьями: кто идет, куда спешат, чего хотят? За кого болеть и кого избирать? Но, может, и Осоавиахим или «Долой стыд!», как в Харькове двадцатых годов. Кажется, это и называется демократией.

Люди не любят впечатлений варяга: мол, залетел, наврал и скрылся, — а мне они по нраву, есть в них все же некоторая свежесть и детское любопытство, если врать не входит в твои намерения. Город мне понравился, но оставил странное впечатление. Он большой и живой, но довольно разный и местами похож на прилично одетого босоногого граж-

данина. Ухоженный и зеленый центр, но в десяти минутах ходу, промахнувшись мимо арт-клуба, оказываешься вдруг на развороченной улочке с развалюхами, ведущей в никуда. Говорят, здесь любят Кучму, построившего линию метро, которая связала спальные жилые массивы с вокзалом, то есть не для показа, и не любят свою «оранжевую принцессу», при которой строительство в городе замерло. За двадцать последних лет город потерял 200 тысяч жителей, и его население уже не дотягивает до миллиона. Отсюда вышло немало энергичных и талантливых людей и еще кое-что осталось. Здесь периодически пытаются что-то представлять и издавать, после чего уезжают или уходят в менеджеры, как когда-то в управдомы. На центральном бульваре на сотни метров растянулся живописный «кичок» с народными промыслами, покауда не вытесненными привозной китайщиной, а пешеходная Европейская площадь, с каруселью и уличными концертами, допоздна переполнена студенческого вида молодежью. Правда, были выходные и конец мая.

На реке нас ждала большая моторная яхта «Романтик», спущенная на воду в начале восьмидесятых, побывавшая дорогостоящей в эксплуатации игрушкой какого-то из киевских нуворишей (по уверению капитана, чуть не сто долларов за километр пути) и потому сдаваемая теперь в аренду. Но это судьба всего речного и морского флота не только Украины, и притом еще далеко не худшая. На судне не без комфорта, в его советском понимании, могут путешествовать два-три десятка человек, если большинство гостей будут ночевать в гостиницах на берегу. Поэтому для удобства речную «Литературную экспедицию» (как гласили растяжки на борту) сопровождал посуху автобус с чемоданами пассажиров. На судне имелся десяток тесных, как в поезде, каюток для экипажа и obsługi камбуза, где нашлось место также для сетевого летописца и особо неутомимых гостей. Были еще тесный, как в вагоне-ресторане, камбуз, совсем уж тесный, как в самолете, гальюн и небольшая кают-компания на случай непогоды. Зато на верхней палубе под тентом радовала глаз подготовленная к приему гостей «поляна» — со столом во всю длину, стульями и негра-

ниченным запасом провизии и напитков на любой вкус. Свежий встречный ветер, меняющиеся виды и непрестанное, однако ненавязчивое общение всех со всеми. Литераторы, журналисты, историки, переводчики, издатели, знаменитый московский актер с дочкой и модный лингвист, сменивший успешного киносценариста, нашедшего на предыдущем этапе новую жену-киевлянку и сошедшего с ней на берег, питерский преферансист-затейник, киевские фотограф и видеооператор, целый штат кураторов и менеджеров, кто-то всей семьей с малыми детьми, — чем не мирок и передвижной театр с видимостью некоей миссии на великой реке? Кто-то где-то исчезнет вдруг и больше не появится, кто-то где-то присоединится и побудет сколько-то времени со всеми, но и он, в свою очередь, исчезнет, как и я сам вскоре. Мало кто проделает весь путь от Киева до Одессы. Да и само судно из-за непригодности к морскому переходу дойдет только до Николаева.

В первый вечер в Днепропетровске вновь прибывших познакомят с пароходом на причале пристани. В кают-компании историки устроят круглый стол-междусобойчик и азартно примутся шить, кроить, обметывать или вышивать — кто-то крестиком, кто-то гладью — свой предмет, очень похожий на новое платье короля. Снаружи дождило и дул ветер. Опрокинув рюмку-другую, я поднялся на верхнюю палубу и осмотрелся.

Берега реки связывал двухъярусный железный мост на заклепках, ровесник Эйфелевой башни, по которому внизу тащился товарняк, а наверху в обратном направлении полз троллейбус с рожками. У берега на приколе пара таких же, как наша, моторных яхт, только покрупнее, поновее и побогаче. Ниже по течению стадо отвернутых от водопоя портальных кранов мелового периода, и возвышается над окрестным миром лишенный всяких признаков жизни голубоватый и ступенчатый, как в Эмиратах, небоскреб на повороте реки.

Наверное, дело было и в погоде тоже, но малолюдность наших великих рек не перестает меня поражать. Куда подевались тридцать тысяч лихих днепропетровских моторок советской поры, ревивших выхлопами по выходным и отчасти нетрезвых? Где проклинав-

шие их яхтсмены и байдарочники? А также всенародно любимые «Ракеты» и «Кометы» на подводных крыльях, эти летучие призраки уже совсем близкого коммунизма? Бензин, что ли, стал не по карману? Ау! Молчит Угрюм-река. Сердится некогда укрощенный людьми Борисфен. Обижен. До самого Херсона, где речной пейзаж несколько оживился, я видел только считанные баржи с буксирами и теплоходы-тихоходы, напоминавшие, чем может и должна быть река.

ВСТРЕЧИ-НЕВСТРЕЧИ

Труднее всего на встречах и выступлениях отвертеться от подаренных графоманами сочинений, которые обречены оставаться в забытых гостиничных номерах, как в абортариях. На залетных почтовых лошадях и вестников прогресса уповают, как когда-то на анналы КГБ, чтобы не кануть в Лету. И стыдно, и совестно, и на душе тяжело, а делать нечего. Приходят же не столько послушать-пообщаться, сколько собственные проблемы субординации решить. Даже когда кажется, что искры высекаются, и люди совсем не спешат расходиться, местные авторитеты норовят расставить все по своим местам и перетолковать, в меру своего понимания, чтобы приструнить распутившуюся паству. Разве что в студенческих аудиториях бывает чуть иначе — молодежь призадумается, но сетевой летописец переврет с богуна все с точностью до наоборот, и пойдет гулять брехня по селу.

Какие-то поэты в плащах с поднятыми воротниками, какой-то нервнобольной аспирант на встрече с лингвистом, складно говорившим о русском языке на грани нервного срыва, какая-то пишущая девица, затевающая поэтический фестиваль на деньги мужа, а также совписовские, траченные молью зубры, преподаватели журналистики и матроны, издавшие сборничек-другой, — кому из них и зачем нужна литература? Да и какая это литература, — не горячая и не холодная, а едва теплая, — которую читать уже никто не хочет? Я зол, Господи, и наверняка, неправ.

Однако был с нами усталый пожилой актер, на уже непослушных ногах, с головой, похожей на череп, с дочерью-школьницей.

Так вот, он по ходу выступления, оживал сам и зажигал зал: в Днепропетровске в арт-кафе, в Запорожье в переполненном театре. Я никогда не видел, чтобы кто-то из писателей так выкладывался и так зажигал. Но ведь актер читал не свое, а писателей — от Гоголя до Довлатова! И более того — с помощью чужих слов пытался думать и подвигнуть думать зал, за что тот любил его и вибрировал в ответ, — а вовсе не за то, что знаменитость.

Перед отплытием из Днепропетровска он, с не меньшей отдачей, прочитал забытую юмореску Арк. Аверченко о судьбе книжек в Советской России — злопыхательскую тогда и злободневную сегодня. Дело было на причале, где пополнению экспедиции вручались тельняшки, моряцкие фуражки с кокардой и пиратские косынки с дружеской символикой, и говорились спичи с какого-то пенька или бочонка. Летописцу его фуражка оказалась недостаточно солидной для такого случая, и он одолжил белоснежную фуражку у капельмейстера духового оркестра, проводившего экспедицию в путь. Под бравурные звуки оркестра, как на плацу, он произвел строгий смотр нестройных рядов соратников и паузы держал не хуже актера. В адмиральской фуражке — при обвисшем пиджаке, в мешковатых джинсах и стоптанных башмаках — он более всего походил на Остапа Бендера, примеряющего на себя роль управдома. Затем были танцы, оркестр врезал туш, все быстро загрузились, убрали трап, отдали швартовы, и корабль отплыл.

Так началось утро третьего дня. Распогодилось, солнце сияло, на ветру трепетали привязанные к палубным перилам ленточки триколора и желто-блакитные. Стол был тесно уставлен бутылками. Их откупорили, и совсем скоро над разливом реки понеслись песни кондового советского и дворового «розлива» в исполнении дуэта — киевского толстенького журналиста, дирижировавшего вилоккой, и московского астеничного телеведущего. Коронный номер московских концептуалистов и украинских постмодернистов где-нибудь в Германии. Одинокий поющий пароход — душераздирающая картина, и хочется подпеть, да жалко песню портить.

Капитан, выглянув из рубки, представился, послушал-поулыбался и на всякий случай попросил пассажиров не выходить на корму с невысоким бортиком, — где палуба дрожала, закладывало уши и несло горелой соляркой, — а также не трогать рукояток непонятных приспособлений, чтобы не спустить вдруг якорь на полном ходу, бывало и такое.

ЗАПОРОЖЬЕ

Город, как внешность или пол, — это судьба, с которой можно не соглашаться, но невозможно ее отменить.

Скопление дымящих труб на левом берегу видно было издали. Металлургические и прочие заводы прятались в облаках подвеченного дыма, как в козацких шароварах. Река была заперта невысокой с виду плотиной. Описав долгую плавную дугу, пароход причалил. На берегу его уже поджидал автобус.

Запорожье производило впечатление крепкого, как Тарас Бульба, но состарившегося приземистого города, где сегодня на двух работающих приходится один пенсионер, а убыль населения такая же, как в промышленно-ракетном Днепропетровске: за двадцать лет — процентов на пятнадцать. Центральная улица Ленина очень походила на сильно вытянутый в длину киевский Крещатик, из-за чего уменьшилась этажность домов, построенных пленными немцами с тяжеловесной основательностью по градостроительному проекту вездесущих братьев Весниных, — в духе советских фантазий на тему итальянского Ренессанса: с топорными кургузыми башенками, лепным декором, плиточным орнаментом, обилием арочных ниш на фасадах и прочими нефункциональными «излишествами». В принципе, может, таким и должен быть город советских металлургов — построенные по тем же лекалам здания, но уже районного пошиба, я видел в подмосковной Электростали, куда в начале войны эвакуировали с Донбасса краматорские заводы.

Как жить в такой эстетике в неузнаваемо изменившихся условиях — бог весть. А выход есть, и это был для меня хороший урок: в сказке. Какой контрастный душ — за сталинскими фасадами вдруг хайтековские интерьеры и

зеркальные призмы лифтов, как в гостинице «Театральная», например, что в начале бесконечной центральной улицы, рядом со зданием театра, отпугивающим театралов одним видом своих тяжеловесных колонн и портика. Другая сказка на противоположном конце этого запорожского перпендикуляра к реке — бонапартистский ресторан «Консул», глядящий на набережную со статуей Ильича. Над входом в ресторан — вензель «N», внутри — громадный парадный портрет французского императора в лосинах и арочная фреска в нише, где он на лошади во главе войска громит мамелюков на фоне Александрии или Акко (кстати, так и не взятой им крепости): пальмы, верблюды, дымы, море, маяк вдали и фелуки под парусом. У стены с фреской томилась вымуштрованная юная прислуга, готовая упреждать малейшие пожелания клиентов. Устроивший прием корейский мэр Запорожья с бокалом в руке произнес спич и повел рассказ об оккультных местах силы, здешних арийских захоронениях и мотивах восточного похода Гитлера. Ну уж, такой «сказки в сказке» в местах, полных нашенской кровью, я не стерпел. Красноармейский десант отбил плацдарм на правом берегу и сорок пять дней сдерживал натиск врага, чтобы рабочие успели демонтировать и вывезти оборудование заводов на восток, а цеха взорвать. Там и полегли тогда все до единого, а сегодня здесь нам станут петь арии об «ариях» и оккультизме с чужого голоса, и кто?! После чего мэр на всякий случай подсел ко мне, чтобы выяснить, насколько я могу быть ему опасен, и успокоился — да не опасен совсем, просто выпил лишнего, наверное, и плохо воспитан.

Зато на следующий день этот самый мэр устроил всем желающим экскурсию в потрясающий музей оружия при оружейном магазине, находящемся в паре кварталов от бонапартистского ресторана. И это была уже другая и куда более увлекательная сказка. Владелец огромного двухэтажного магазина, хорошо воспитанный местный еврей и приятель мэра, за двадцать лет капитализма и украинской «незалежности» собрал уникальную коллекцию исторического оружия, лучше которой я в жизни не видел. Как и повсюду, сабли-копья-рушницы-пушки-пулеметы, кото-

рых достало бы на всю Запорожскую Сечь с полком махновцев в придачу, но здесь же — вбитые в колоду топоры и секиры западноевропейских палачей, устрашающие булавы и палицы с шипами, острейшие самурайские мечи и обсидиановые ножи, как у ацтекских жрецов, внушительных размеров колотушка чукотского шамана из всем известной моржовой кости, отсутствующей у мужчин, какие-то зверские кастеты с лезвием и крючьями и «тигриная лапа» индийских гладиаторов, похожая на рыцарскую перчатку с длинными загнутыми когтями, как у женщины-кошки в американском кино, — только не киношный реквизит, а реальное бойцовское оружие всего-то столетней давности. Боже, этот человек, начав с малого, лично собрал в поездках по всему свету образцы оружия всех эпох, чтобы выставить это несметное богатство в родном тесном Запорожье! Какие-то контакты у него налажены с такими же, как и он, в других странах; свой сайт и журнал с подбодом «ученых записок»; бригада местных умельцев на подряде, воплощающих какие-то его оружейно-кукольные фантазии — от эротических аллегорий до целого игрушечного шахматного города, с флорентийской мозаикой, резными каменными «нэцке» козацких и басурманских воинов и скрытым механизмом для выдвигаемых ящиков с фигурами.

В этот магазин-музей нас отвез автобус после Хортицы с новоделом Запорожской Сечи, которой на этом двенадцатикилометровом острове, поросшем коноплем, никогда не было. Располагалась Сечь на острове Малая Хортица и еще в пяти-семи местах выше по течению, в районе Никополя и Каменки. Первые «сечи» — то есть промысловые засеки, со временем превратившиеся в укрепленные лагеря прежних вольных охотников и рыбаков, — долго были сезонными. Пережить зиму в голой, студеной и голодной степи без серьезно обустроенного поселения с припасами было невозможно. Те, кто пытался варить в котлах найденные кости павших животных, очень скоро оставляли свои собственные зимовать в степи. Сечи кочевали и перекочевывали, пока не объединились в подобие маленького, работающего и очень воинственного государства. Некое современ-

ное представление о нем и было воплощено на рубеже столетий всего в нескольких километрах от Днепрогэса: масштабный муляж, декорация и разновидность «скансена», исторического музея построек и сельского быта на пленэре, — и это замечательно все же.

Смешную и трогательную историю рассказал мне львовский приятель, плававший с галичанами на похожем новоделе — на козацкой «чайке» от Киева до Амстердама и обратно. Когда эти ряженые пристали к берегу вблизи Запорожья, сельские жители от неожиданности обалдели, и какая-то девочка в восторге давай тащить свою бабушку за подол к реке: «Бабушка, бабушка, дывись, яки до нас панки прыйихали!» На что старуха, с глазами на мокром месте, отвечала ребенку: «Дытынько, то наши козаки повэртаються». Так ли иначе, но дух козацких преданий прямо-таки витает здесь в воздухе.

В огороженном частоколом скансене на Хортице, — с кассой и туалетом у входа, церковью в стиле деревянной готики, белеными расписными хатами, с нахлобученными соломенными крышами и мальвами под оконцем, — в одной из таких хат в сувенирном магазинчике продавалась любимая мною керамика карпатских гуцулов. С ходу купив большой пивной «кухоль» с орнаментом, я не смог удержаться, чтобы не взять для комплекта также изделие местного шутника — похожей формы глиняную кружечку емкостью 20 мл с надписью «Зав'язав», что на третий или четвертый день путешествия было уже совсем не лишним.

Но главное — отсюда открывался вид на седые древние пороги, которые пощадил нависавший над ними Днепрогэс. Вот и все, что осталось от стокилометрового бешеного скального каньона, где тыщу лет назад потерял свою выскобленную саблей голову с «оселедцем» киевский князь Святослав, возвращаясь из похода «на вы», и где поганый печенежский вождь велел сделать себе из черепа русского князя золоченую чашу для пиршеств. Эти несколько облюбованных сегодня бакланами каменных островков — поразительной красоты изваяния природы. Чего не скажешь о нынешнем виде плотины Днепрогэса, чья изумительная дуга очень потеряла

от утилитарных и, видимо, крайне необходимых пристроек с обеих сторон. Испытываешь совершенно детское разочарование, когда эта рукотворная Ниагара, всем известная по знаменитым кадрам советской кинохроники, вдруг оказывается сухой. Вода, повертев турбины, вытекает из щелей внизу плотины и падает с высоты только раз или два в году, когда спускают излишек воды из водохранилища — и то всего лишь по двум-трем из без малого тридцати бетонным скатам. Запорожцы с нетерпением ожидают такого сброса вспененной воды, кишащей оглушенной рыбой, и выходят на уцелевших плавсредствах подбирать ее руками или черпать подсаком с поверхности воды — настоящий «рыбный день» в городе металлургов.

В остальное же время сегодня на Днепре редко увидишь рыбацкую лодку, а с причалов ловят повсюду до самого устья всякую пузатую мелочь вроде «пузанка», который здесь почему-то в цене. И ловят не для кошек, я разговаривал с рыбаками, — а для пропитания или же из азарта и от безделья.

Так что «Запорожье» — название правильное, не то что у Днепропетровска, долго бывшего Екатеринославом и ставшего еще при царизме Новороссийском, а Днепропетровском был назван в честь какого-то позабытого большевика¹ (как Сергиев Посад или нынешний Тутаев на Волге — не говоря уж о Симбирске, Самаре, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Царицыне и о городе на Неве), так что его обитатели предпочитают называть свое местожительство, для краткости и по существу, просто «Днепр», что выглядит посягательством, а звучит как пароль для посвященных. Реки и горы все же пока никто не удосуживался переименовывать.

Между тем Днепрогэс — сооружение интересное, и городские власти устроили нам туда экскурсию. Призвали ветерана пенсионера (место-то по-прежнему режимное, строго охраняемое) и завели нас на территорию. Сразу за проходной — чудесный парк с пышными кронами, разбитый на выжженном солнцем склоне. Надо отдать должное крупным советским директорам, которые в самые трудные годы вели себя на своих объектах как просвещенные магнаты. Их за-

боту и ныне на себе собаки ощущают, устраивающиеся поспать днем в тенёчке, как везде на юге. Пустынный машинный зал с гигантскими турбинами производит внушительное и немного тревожное впечатление. Электричество такой мощи и в таком количестве беспокоит и пугает. Говорят, здесь есть места с десятками миллионов вольт, к которым нельзя приближаться и на несколько метров, чтобы не распахаться на молекулы, но нас к ним близко и не подпускали и даже не показывали. Рабочая смена всего из двух десятков человек с несколькими операторами в компьютерном зале привычно справляется со всем этим хозяйством, питающим энергией и светом весь юг Украины. Это хозяйство недавно опять включили в единую энергетическую сеть — с регулярными приливами, отливами и пиками напряжения, но и руководят им теперь из Киева, что слегка удручает местных энергетиков. Бетонную плотину Днепрогэса в войну никто всерьез не взрывал или не успел взорвать — пострадало лишь оборудование машинного зала, когда наши отступали отступавшая сторона. Большие черно-белые фотографии драматических перипетий истории станции, от которых становится почему-то тяжело на сердце, вывешены в одном из боковых залов, неподалеку от раздевалок с душами и туалетами. А на крыше станции — целая индустриальная роща каркасных мачт и великанских изоляторных катушек, опутанная проводами, больше похожими на тросы, а также огороженная терраса с видом на водохранилище и на реку далеко внизу, с живописными остатками порогов и «новоделом» Сечи на холме. Днепрогэс глядит на нее — она на него, а бакланы на островках заняты своими собственными делами. Река течет, вырабатывая электричество, трубы дымят, судходство почти на нуле, но не совсем. И наутро мы получили тому неопровержимое подтверждение.

ШЛЮЗОВАНИЕ, КАК У ДАНТЕ, И НЕБО, КАК У МИКЕЛАНДЖЕЛО

Кто-то, кто очень занят, вернулся в Москву и Киев на свое телевидение еще из Днепрпетровска; кто-то, кто постарше или поважнее, остался в Запорожье, чтобы побы-

вать на могилах близких; загрустившая переводчица с украинского, родом из запорожского соцгородка, решила доплыть до Одессы, по пути купаясь при всякой возможности, а я, некупанный, намеревался не мытьем так катаньем добраться до Херсона, откуда и куда давно уже не летали самолеты. Законсервированный областной аэропорт осенью должны были лишиться лицензии, если полеты не возобновятся. Так что из трехсотпятидесяти тысячного Херсона мне предстояло посуху добраться в полумиллионный Николаев, чтобы вернуться в Москву, не теряя зря времени. Как позднее выяснилось, плоскодонный речной «литпароход» дальше Николаева идти и не собирался, так что заметно потрепанную экспедицию в Одессу доставил автобус, подобно остаткам войска, понесшего потери.

И вот одним прекрасным утром открылись ворота, и наше суденышко заплыло в гигантскую шлюзовую камеру Днепрогэса. Ворота сомкнулись, и процесс пошел. Нечто такое я уже проходил на Волго-Доне в юности, но, как известно, «старость — это Рим, который...». Вода постепенно стравливалась, обнажая почерневшие мокрые стены. Чтобы не биться о них, двигатель суденышка работал на малых оборотах, выпуская клубы выхлопов, так что мало-помалу шлюзовая камера превращалась в газовую, а небо сделалось с овчинку. Циклопические заржавленные стены росли в высоту и, казалось, сжимались. По ним стекала вода, а из щелей ворот, поднявшихся уже чуть ли не на полсотню метров, звучно опадали на дно колодца струи воды. Нас словно затягивало в бездонную шахту, ведущую в преисподнюю, но надежда оставалась. И действительно, внизу, у противоположной стены, стали беззвучно растворяться ворота. Кораблик воспрянул и устремился, набирая ход, в открывшийся просвет, за которым расстилался солнечный день. Выскользнув из теснины, он разбежался по речной глади и шири, а я отдышался и огляделся окрест. Несомненно, все это очень походило на инициацию, и следующие несколько часов подтвердили мою догадку.

Дым из заводских труб оставленного города смешивался с белоснежной плотью кучевых облаков, и могло показаться, словно это

трубы выдували гряды облаков, обступавшие реку с двух сторон. С каждым часом они росли в высоту, отрываясь от линии горизонта, и постепенно заняли половину небосклона. Кажется, более красивого облачного неба я не видел еще никогда, хотя представлений небесного театра повидал на своем веку немало. Наверное, дело было еще и в огромном зеркале великой реки, разлившейся в этом месте, будто море в штиль. Поднявшийся встречный ветерок, усиленный движением разбежавшегося кораблика, вскоре согнал с верхней палубы всех, кроме меня и немногословного художника, путешествовавшего с женой, детской писательницей. Так что дурацкие разговоры уже не могли помешать полноте созерцания. Вся братия переместилась в кают-компанию, где они азартно принялись постигать секреты русского преферанса под руководством питерского картежника, который по договоренности с организаторами поездки обязался провести международный турнир на борту по пути в Одессу. Бог в помощь. А тем временем ренессансное небо кисти Микеланджело растянулось от горизонта до горизонта, клубясь и меняя очертания, отражаясь в реке и своим невыносимым совершенством приближаясь к чертежам белобородого Саваофа — его эскизам и плану мироздания. Невозможно ни описать, ни забыть, что это такое... Впрочем, бакланам на каменных насыпях с вешками посреди реки не было никакого дела до того, что творится над их головами. Похоже, это только я так раскис по мере приближения к местам своего появления на свет.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Никополь остался где-то далеко в стороне, куда я пялился на небо, а в Каховке нас подобрал автобус и отвез в Херсон, куда к тому времени прибыло и наше судно, пройдя налегке через несколько шлюзов. И здесь повествование накрывает тень гения этих мест — светлейшего князя Потемкина (экий оксюморон) — Таврического. Участники экспедиции взошли на борт «литпарохода» на одном причале херсонской пристани и немедленно выпили и закусили, чтобы через

какую-то сотню метров высадиться на другом ее причале, где нас уже заждались построенные красивым каре курсанты мореходки в белых перчатках, любопытствующая публика с фотоаппаратами и местное чиновничество, с хлебом-солью и громкой музыкой. Сказаны были прочувствованные слова, после чего площадь быстро опустела, а гостей отвезли и посадили в гостинице «Затерянный мир» неподалеку от причала.

Эта вполне пристойная гостиница отчасти оправдывала свое название. Глухая вычурная стена фасада явно проектировалась с оглядкой на Гауди, а вход в здание из внутреннего двора типа патио, по двум лестницам с переходами между ними, напоминал уже голололомки Эшера. При отсутствии лифта на моем последнем этаже в холле обнаружился еще какой-то бруствер, через который приходилось перелезать, а у переводчицы на первом — неожиданно трехкомнатный люкс с пальмой, антикварным торшером и чулом совы, что кого хочешь способно смутить. Украина, короче, и Херсон.

Это именно здесь Потемкин вынашивал свой «греческий проект» — с захватом Константинополя и геополитическим переформатированием империи. При нем здесь была построена крепость и возведен храм в честь небесной покровительницы Екатерины Великой, в котором он и был похоронен, а вот проект князя зачах и был сведен к усмирению и присоединению Тавриды, вытеснению Порты из северного Причерноморья и хозяйственному освоению Новороссии. От крепости остались только ворота, остатки скрытых земляных валов да высохший и зарешеченный громадный колодец, чтобы выдерживать осаду и остужать пушки. Теперь здесь тенистый Комсомольский парк — со старыми акациями, каштанами и тополями, одуванчиками размером с кулак, действующим фонтаном в сотню струй, рестораном и двумя ярко раскрашенными гренадерами в натуральную величину на газоне под деревьями. Правда, вандалы одному отбили кисть руки, другому — сломали палаш.

Здесь все же ощущается близость моря. Оживленное судходство, работающие краны и верфи и несколько масштабных позд-

несоветских построек придают тонус этому южному городу, в общем-то, низкорослому и довольно облупленному. И есть в нем какой-то домашний неторопливый шарм, какие-то элементы ретро, местами даже дореволюционного, еще до семнадцатого года. Удивительное дело — большинство людей, с которыми я разговаривал в Херсоне и даже в несравненно более захудалой Каховке, искренне любят места своего обитания и вовсе не настроены их покидать или променять на другие. Они убеждены, что помехой полноте их счастья является лишь недостаток в деньгах да подлое дурачье-начальство. Возможно, все дело в климате, и юг как таковой делает людей более расположенными к переживанию счастья, чем то наблюдается по мере продвижения на север и в глубь суши. Отнюдь не исключено.

Из Херсона мы сделали две вылазки. По суше в Новую Каховку — встретиться с читателями, местными писателями и городской администрацией в ДК на берегу реки, а также познакомиться с коньяками местного производства на заводе «Таврия». В продаже эти коньяки появились только в годы «перестройки» и поначалу были превосходного качества. Как оказалось, винно-коньячное производство в Каховке основали еще в конце XIX века франкофонные швейцарцы, а никакой не новосветский князь Голицын. Перед тем они наладили производство легких сухих вин в Шабо под Одессой (даже сегодня тамашнее белое «Шабское», типа «Шабли», и густое красное «Саперави» — из завезенной ими грузинской лозы весьма недурны в летнюю жару), но их виноградники поразила филлоксеры. Тогда-то один из них и обнаружил под Каховкой небольшую пустыню, — как уверяют, единственную в Европе, — где филлоксере жизни нет, и перетянул туда часть своих земляков из Шабо. История долгая и путаная, да и солнца многовато, виноград сладковат, и сегодня в Каховке делают в основном полусухие вина и сортов двадцать коньяка во все более одеколонного вида флаконах. Те, что подороже, вполне приличны — во всяком случае, на заводе. В винных погребах мне приходилось бывать не раз, но закупоренные дубовые бочки с сотнями тонн коньяка источали такой тя-

желый, резкий и дурманный запах, что можно было окосеть, не сходя с места, даже не пригубив их содержимого. Надо сказать, что продукция подобных заводов в наших условиях почти на сто процентов зависит от одного человека — главного технолога, от таланта и знаний винодела, если они есть. Ведь год на год не приходится, как известно, и виноград винограду рознь. Здесь это была симпатичная немолодая «хохлуша», за двадцать лет работы так и не утратившая любопытства к своему делу. Кустарное производство, в хорошем смысле этого слова. Как и литература, в прежнем смысле этого слова, имевшая когда-то высокий градус и узнаваемый вкус.

Вторая вылазка была вниз по реке на Голую Пристань — нечто вроде зоны отдыха на реке для херсонцев и гостей города. Вся набережная этой похожей на дачную местности была заставлена всевозможного вида и калибра поделками херсонских скульпторов, что придавало ей химерический характер помеси детсада с дурдомом. Самой смешной и бесспорно талантливой была грубо карикатурная троица босых запорожских козаков, в приспущенных штанах с оттопыренной мотней, якобы засмотревшихся на купание русалок в здешних плавнях. Готовность и умение посмеяться над собой — сильная сторона украинского духа. Впрочем, не без вызова и самолюбования, как и в еврейских анекдотах.

Запомнилось, как по убитой Каховке носились и визжали малыши — выпускной в детсадах. Смотрю это на своем видео, где самое убедительное — это «грязный звук», но запись здесь обрывается, сели батарейки. Девочки все с прическами и в расфуфыренных платьях принцесс, мальчики — в костюмчиках — за ними вдогонку, пытаются огреть девчонок какими-то непослушными надувными колбасами. Выбоины, пыль, ни родителей, ни педофилов — вольница!

Такая же и у меня была здесь более полувека назад. Но тогда в одних только застиранных сатиновых трусиках, «маечках и сандалетах, на головах — резиновые прокладки от молочных бидонов, руки держат руль, из губ вырываются выхлопные газы («У тебя вырастут губы как у коня!» — кричала тетя) — мы гасали по ули-

цам приднепровских городков. В крови тех годов был привкус машинного масла, не изжитая временем зависть доставалась нам по наследству. Мы хотели быть машинами, не какими-то, а самосвалами. Отец Ленки — друга моего — и Тольки был шофером самосвала. Было чему завидовать, когда он сажал Тольку на колени, за руль, и в шумном гваре детворы самосвал заводился, рычал и начинал ползти по пыльной выжженной улочке».

Это из «Диглоссии», когда мне было двадцать семь. Было еще несколько попыток. Но и в свои шестьдесят на борту «литпарохода» не удается мне рассечь этот чертов узел, — связать оборванные нити или взломать схватившийся лед, — чтобы *войти в ту же реку*. Ахиллу никогда не догнать черепаху. Этот край, простояв двадцать лет на одной ноге, отстал от остального мира уже лет на сорок. Что же касается моего детского мира, то его давно смыла без следа и унесла река, и он растворился в водах забвения. Остались от него только запах речной воды, кучевые облака на небе и какие-то слова.

Как и собирался, улетал я из Николаева, добравшись за сто километров на такси, гонорар участника экспедиции позволял. Здешний аэропорт также находился при последнем издыхании — два регулярных рейса в день: на Москву и на Стамбул, вымершее здание, признаки жизни только в зале вылета на втором этаже, имитация досмотра, карикатурный ларек «дьюти-фри», туалет с сорванной дверью.

...Должен признаться, что в самих этих местах рождения мое сердце постыдно и тупо молчало, будто его подменили. У меня имелся багаж глубинных и давно потускневших ранних воспоминаний — и была идея. В чем она состоит, не так-то легко сказать.

Два человека определяют ее, они даже могли встречаться. Это мой отец, в свои двадцать пять работавший главным инженером на стройках будущего Каховского моря — дамб, пристаней и жилья в Херсоне, Новой

Каховке и Николае. И это шестидесятилетний режиссер тогда Александр Довженко, собиравшийся снять кинофильм «Поэма о море» — об эпохальном затоплении земель юга Украины, Великого Луга. От его замысла остались только рабочие «каховские дневники» — от начала строительства и до собственно затопления.

Рукотворное Каховское море ископаемый соцреалист Олесь Гончар лет через пятнадцать отважно высек в своем романе «Собор», изыском из библиотек. Еще позже — на совершенно другом материале и совершенно другого литературного качества — вышло горестное «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина. Но ничего более точного и пронзительного, нежели записки состарившегося и растерянного корифея мирового кинематографа Сашка Довженки о будничной и теневой стороне титанических усилий, я не читал. В них столько скрытого драматизма чистой пробы, что они стоят так и не снятого им фильма².

Своего отца тогда я почти не видел. Он приносил мне из речного карьера черепашек в спичечных коробках и заставлял выпускать их перед сном в наш голый сад — конечно, утром их было уже не найти.

То есть, находясь в одном и том же месте, мы — утопист, сталинист и анархист — абсолютно по-разному воспринимали всё вокруг, словно лебедь, щука и рак. Для полноты картины этой реки, текущей внутри державинской «реки времен», мне недостает, если угодно, цветной тени. И я нахожу ее у Довженки.

Примечание

¹ Екатеринослав был переименован в 1926 г. в честь «украинского старосты» Г.И. Петровского (Ред.).

² После смерти А. Довженко его вдова, актриса Юлия Солнцева, вместе с киностудией, созданной режиссером, осуществила постановку фильма «Поэма о море» (1958). Посмертно и режиссер, и его фильм были удивлены в 1959 г. Ленинской премии (Прим. ред.).

ИЗ КАХОВСКИХ «ДНЕВНИКОВ» АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО

1952

11 IX. Подумать надо сейчас же — пока не до конца испортили — и о Новой Каховке. В ней прошлое не материализовано ни в памятниках старины, ни в исторических зданиях. А у нее, у Старой Каховки, есть прошлое историческое, политическое. Так что хотя бы некоторые здания надо строить, представляя себя в будущем. Хотя бы три дома следует возвести высокие, из прекрасного материала, чтобы перебить новоявленный провинциальный масштаб, стиль... Попрошу сегодня А. не крыть тяжелой кровлей Дом культуры, а оставить плоскую. Тем самым мы получаем третий этаж — площадку, единственное место, откуда молодежь увидит все свои сооружения.

13 IX. ПОДВОРЬЕ В БРИТАНАХ. Возле хлева лежали три больших бревна. На этих бревнах (собственно, возле них) люди после работы умывались, переодевались в чистую одежду и, поужинав, садились на бревнах лицом к Днепру. С высокого берега перед ними раскрывался величественный, торжественный вид. Козацкий остров, служивший некогда кладбищем, где в старину были похоронены тысячи запорожцев. Остров покрыт лесом. Широкий и могучий Днепр, приняв в свое ложе все реки, тихо-тихо несет свои воды в просторных каменных берегах к морю. Описать небо глубокое и безбрежность просторов, открывающихся перед взором человека. Цвет неба на закате солнца и после заката, когда начинается свою симфонию южная степная украинская ночь, когда высыпают звезды на темном небе. И луна. И долго-долго еще за полночь на земле и в воздухе тепло и сухо, и столько разлито неги и здоровья, что их, казалось, хватит на весь мир. А когда оглянешься от днепровских просторов назад, — видишь, как словно бы под оксамитовым шатром грецкого ореха белеет хата с темными окнами и все спит.

Как прекрасно жить над большой водой! Можно любить моря, океаны, можно мечтать о них, но нельзя ничего на свете так любить,

как большую речку, большую свою воду, которая непрестанно течет вдоль родных берегов. И берега смотрят в воду и насмотреться не могут.

...Ныне Днепр постарел, а народ вырос и находится в возрасте полного мужества.

18 IX. КАК ПОКИДАТЬ ХАТУ. Можно оставлять ее весело, уйдя прочь с пустым сердцем. Можно плюнуть на ее убогие окна и стреху старую и, повернувшись лицом к кинохроникерам, бодро улыбнуться, направляясь легким шагом к счастливой зажиточной жизни. Можно и вообще не покидать хаты, а, притворившись неверующим в то, что вода может затопить твою хату навеки всю как есть — с трубой, и с грушей, и с шелковицей, и орехом, — сидеть и смешить людей до тех пор, пока не придет наконец вода. Но можно и плакать, покидая старую свою хату. А старенькая мать может тихонько целовать печь, возле которой трудилась она полстолетия, и косяки, и двери, и даже стены, и, плача, тихо приговаривать: «Ох, хатушка, моя голубушка, покидаю тебя. Пойдешь ты на дно моря, покроют тебя воды навеки, а я пойду себе на гору высокую и уже с горы буду смотреть на ту воду до самой смерти, вспоминая тебя. Спасибо тебе, что грела нас, что давала нам приют и сон, и отцам и дедам нашим. И могилы их покидаю я, хатушка моя. Так суждено мне новой судьбой моей. Прощай».

21–23 IX. ПРО ПЛАВНИ «ВЕЛИКИЙ ЛУГ». Следовало бы уже начать создание серии больших пейзажей с теми хотя бы селами, которые навеки уйдут под воду огромного водохранилища. Чтобы в новых селах, которые вырастут у водохранилища, люди будущего знали, как было в старину и какой вид имели старые села, где веками жили их деды, прадеды и прапрадеды...

Я попытаюсь поднять вопрос о строительстве памятника русскому князю-визю Святославу, погибшему в битве с печенегам в 911 или 912 году. Памятник должен быть

большим. На коне с мечом в глубокой задумчивости. Это, так сказать, будет памятник нашему тысячелетию над Днепром. Он пал в битве, не посрамив земли Русской, памятуя, что мертвые сраму не имут. И мы вспоминали его бессмертные слова во время Великой Отечественной войны. Вот такой счет времени следовало бы вести нам, строителям коммунизма, на великой славянской реке. Это был бы памятник глубокого всенационального нашего славянского содержания, в котором было бы все: политика, история, поэзия времени, и мудрость, и геройство.

Второй памятник, который я воздвиг бы в Запорожье, это памятник Богдану Хмельницкому. Отсюда начинал он великий исторический свой подвиг воссоединения Украины и Руси.

В ознаменование трехсотлетия поставить его тоже на коне где-то у входа в шлюзы. Мне кажется, что такой памятник возле Запорожской ГЭС намного увеличил бы и без того величественное впечатление от ГЭС. Еще больше подчеркнул бы он в историческом аспекте славу нашей великой эпохи.

...В Каховке Старой над Днепром следует поставить исторический памятник-монумент: Фрунзе, Буденный и Котовский — три конные фигуры рядом, как у Васнецова. Посмотрим на них с 2200 года. Запорожье — Каховка. Две плотины и электростанция, каналы, водохранилища, и над ними на берегах — всадники, знамена тысячелетий...

25 IX. Только великие цели рожают великие характеры...

Я снова над будущей плотинкой один. Мне лучше ходить одному. Снова вслушиваюсь в симфонию трудовой музыки, которую доносит до меня ветер: удары каких-то молотов в далеких словно бы кузницах; глухой шум пульпы черного фонтана. Ветер еще теплый и небо чисто. Справа перед собой я вижу дно будущего Каховского моря. Веселое и прекрасное это дно. По Великому Лугу тут и там стоят одинокие круглые вербы. Они раскинулись на огромном просторе, и где-то далеко-далеко на высоких берегах, словно стайки голубей, белеют села. Рокочут моторы на разные лады, трещат-погромыхивают перфораторы... Что-то нездоровится мне. Нет силы,

огромная боль сжимает мое сердце.

Есть новая великая красота в динамическом вмешательстве человеческого коллектива в природу. Уже не любитель, не эстет, не дачник, и не горемычный хлебороб — высокообразованный и технически вооруженный коллектив пришел на землю, хозяин земли и ее умный врачеватель — коммунист. Наиболее оптимистический пейзаж современности — пейзаж с людьми и новейшими нашими машинами. Должен скоро родиться новый Гоголь, певец нового Днепра.

Куда не посмотрю здесь, в Каховке, — все люди всюду моложе меня. Повечерел мой день. Недаром я так сильно устаю...

4 X. Скоро Днепр получит великое коммунистическое образование и, перестав уже быть рекой, разольется на счастье людям плавным разливом без меры в длину, без конца в ширину и будет виден вдаль, действительно, настолько, насколько может видеть человеческое око. Тогда уже и я навеки почию где-то на новом его высоком берегу.

5 X. Ревет и стонет Днепр широкий... Я самый старый человек на берегу великой реки моего народа. Белыми цветами зацвела моя голова, и почему-то грустно мне и сердце болит. Что-то словно бы приплыло издалека — издалека — с родной Десны, самой дорогой реки моего детства, где я ходил когда-то босиком по белым чистым берегам, где пил ее мягкую полесскую воду. Давно, давно это было...

Становлюсь таким добрым, что уже птицы могут садиться на мою белую голову.

10 X, Никополь. Добирался на плохоньком виллисе. Сто тридцать километров показались за все пятьсот. С ног валюсь — так разбит дорогой.

Очаровательная набережная. Вероятно, другой такой красивой и нет на Днестре. Все пойдет под воду, и Никополь, чтобы тоже не утонуть, будет спасаться при помощи высокой дамбы и таким образом будет стоять ниже водохранилища. А расположенное рядом село Павловка (шестьсот дворов) все начисто пойдет под воду...

...Сцена заполнения Великого Луга водой может быть поистине потрясающей. Так ее нужно и делать. На огромных лесных просторах возникает море. Сколько воспоминаний

идет на дно. Сколько песен, могил прадедов, городов, лугов, рыбацких просторов и красоты старой природы.

...Довольно гармонии верб, камышей, уток и сомов! Нам нужно привести в гармоническое состояние солнце, воды и всю землю! Нужно их примирить.

...Скоро, скоро все это навеки скроется под водой. Исчезнет с лица земли Запорожский Великий Луг. Уже иная, новая красота будет волновать народные сердца и умы. И только в сказках будут рассказывать детям и внукам о красоте и величии всего того, что пошло под воду во имя всенародного прогресса, ибо так велела история нашего развития.

СЕЧЬ ЗАПОРОЖСКАЯ. Я на острове. Передо мной Запорожская Сечь, против Капулилки. Против могилы Сирка. Верб, тополя, грушки, берест. Так, как дома. Речка Подпольная в песках, и Павлюк быстрый берег моет. Шелестят пожелтевшие листья, лодка плывет ко мне. Здесь когда-то была плотина, по которой ездили казаки. Сушатся большие неводы. Много гадюк и ужей. На месте Сечи кто-то вел раскопки, но что можно вырыть? Здесь, как и повсюду в окрестности, наши предки строились на песке. Материальная культура была деревянная и глиняная. Ленивы были к письму. Не строить, а разрушать чужие строения, не шить, а рвать кандалы вражеские судила им история. Ничего нет. Никаких следов. Только могила Сирка да несколько крестов каменных.

...Но так ли это? Всегда ли так было? Так было и всегда. Невольно тут вспоминаются старые времена, дореволюционные. Ни одному негодяю из так называемого украинского панства, и ни одному из потомков старшины или помещику — никому в голову, глупую и пустую, не пришла мысль поставить где-нибудь памятник в старых местах на память потомкам, материализовать свою мысль в камне или бронзе. Куда там! Не было ни мыслей, ни воспоминаний высоких, ни стремлений. Таковы были и последние предреволюционные и «революционные» кооператоры. Где-нибудь под копнами кашу варили и, напившись как следует, пели пьяными голоса-

ми «старокозацкие песни», сентиментально всхлипывая да вздыхая. «Славных прадедов великих правнуки-злодеи», чтоб вас земля не приняла. И чтоб вы погибли бесследно. И чтоб не осталось никакого следа от вашего никчемного бытия, от вялости и убожества, от жалких ваших вздыханий и проклятого молчания оборотней, как не оставили вы знаков памяти великой героической эпохи народа. «Ревет и стонет Днепр широкий...» уже триста лет, и на берегах его высоких не сооружено ни одного памятника...

В Покровке, где я пишу эти строки, тоже была Сечь. И церковь здесь стоит еще запорожская, пока не зальет ее водою. Здесь тоже никого уже не интересует старина. «Была когда-то. Да, да. Как же. Вон там и крест стоит куренного Кобиса». Посреди улицы стоит крест на памятной плите и, видать, здорово мешает шоферам... Слава богу, через два года исчезнет под водой. Исчезайте, куренной! Уж лучше ждать вам Страшного Суда, в который вы верили, взяв когда-то меч в свои нехитрые честные руки, лучше ждать вам его на дне моря живой воды, чем мешать кому-то в пыли. Ибо все равно никто, ни одна душа, ни одна рука девичья не возложит венков на ваш крест, ни барвинком не украсит его под какой-нибудь праздник. Нет у них праздника для вас. А может, и не было — такие мы...

15 X. ЗАТОПЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЛУГА. Это должна быть одна из величественных сцен в фильме. Весна. Поднимаются воды. Исчезает Луг. Уже оставлены хаты, улицы утопают. Люди, взволнованные до предела, прощаются с многолетним, с тысячей лет былой жизни и видения видимого мира. Огромная эпическая драма, великая эпопея народа-творца. Мельницы прадедов уже в воде. Уже утонули вербы, под которыми целовались, прижимаясь друг к другу, молодые возлюбленные. Где песни слагали, проводили праздники. Где творилась история героики народа в старые времена.

Птицы летят из теплых краев. Кружатся тысячи птиц! Птицы в тревоге над водой.

— Бедные мои птичечки. Уже негде вам и сесть, нет уже у вас гнездышка. Куда же теперь понесете вы счастье?

— Где-нибудь да совьют. Довольно плакать и т. д.

А по засушливым степям, по вырытым огромным рекам-каналам начинает идти, начинает переливаться вода Днепроовская. Это должен быть грандиозный фильм. Все, что есть во мне святого, весь опыт и талант, все мысли и время, и мечты и даже сны — все для него.

Создать произведение, достойное величия моего народа, — вот единая цель, единое содержание моей жизни. «Благослови мои, боже, нетвердые руки...»

17 X. СТАРИНА. Показывая старину где-то через наплывы в Каховке, рынок батраков, самый большой в России, о чем и Ленин писал, применить в этой сцене дикторский текст [со словами] Владимира Ильича.

Рынок рабов, среди которых был и мой, тогда еще молодой отец, Петро Довженко, этот рынок, где они продавались Фальцфейну, показать обязательно. Показать чумаков в степи, деда своего Семена Тарасовича, который ездил между Москвой и Крымом тридцать восемь лет. И непременно — лирика слепого, или бандуриста одного у самой дороги, и песню такую, чтобы плакали люди.

Владимир Ильич в произведении «Развитие капитализма в России» так писал о батраках, которые собирались здесь в Каховке:

«В Таврической губернии особенно выдается рабочий рынок в местечке Каховке, где прежде собиралось до 40 000 рабочих...».

Нанимались «от Николы до Покрова», сходились и расходились пешком. И вот идут домой трое по степи, среди них мой отец. Босые, торбы и свитки на плечах...

21 X. Г-ВЫ И ПР[ОЧИЕ] А-ЧИ. Есть и такие. Приезжают, суетятся. Надувают губы. Им не нравится. «Скучно. Серо. Неэффектно». «И чем больше присматриваешься, тем серее...» И т. д. Все эти подслеповатые выродки, лжеписатели, псевдокорреспонденты, всякая сволочь, псевдобригадиры, которых не следовало бы подпускать сюда на пистолетный выстрел.

Смотреть стыдно. Не могли получше при-
слать.

22-23 X. И рокочущий трепет вибраторов земснарядов, непреклонный грохот. Я слушаю его, как музыку. Земснаряды — гениальные машины эпохи, абсолютно лишённые всякой артистичности, — гиганты.

...Если бы кто-нибудь спросил меня, какую музыку люблю я из таких музык, я бы ответил совершенно откровенно: никакой симфонии, ничего я так не люблю, как земснарядов непреклонный грохот. Металл и вода там показывают свою силу, и все шумы моторов и ветра, и стон в проводах высоковольтных, и тремоло речных трамваев на Днестре. Лязг гусениц, и скрежет стали, и гул неутомимых самосвалов.

Не знаю, что со мной будет дальше. Здесь изменится все через три года, таким неузнаваемым мы сделаем весь этот край, что и сами изменимся, как этот Днепр. И уже если тогда действительно можно будет сказать, редкая птица долетит до середины Днепра, получившего из наших рук высшее образование: такие мы будем. Пройдет немного лет. Волга и Днепр перестанут быть реками — кончилась эра их анахронического бытия.

И природа, облагороженная нами, очищенная от случайностей божьего хаоса и зарослей диких, преображенная творчеством, предстанет перед народами мира в такой новой красоте, в какой предстал сегодня перед миром великий советский человек, творец жизни, поборник мира на земле.

1954

15 X, Н[овая] Каховка. Был я счастлив целый месяц. Но только трудно мне. Огромные скопища дум не дают мне покоя ни днем, ни ночью, и давление крови обессиливает меня и заставляет порой задумываться — долго ли я проработаю, или уже пришла пора складывать оружие.

Я мыслил образами, потому что я художник. Это было творчество радостное, легкое и, казалось, бездонное. У меня была крылатая душа, и ум, и сердце. Все гармонично сочеталось во мне, и творчество мое радовало людей. И сам я радовал людей своим видом и характером.

Шли годы. И все чаще и чаще стало мне казаться, что я уже не тот. Мышление обра-

зами стало покидать меня. Из крыльев моих словно ветром вырвало перья.

Я стал мыслить идеями, потому что мне уже точно, документально известно, на какой год в моих чувствах приходится создание моего Евгения Онегина, моего Тараса Бульбы, моего запланированного Короля Лира.

7 XI. Очень рад, что на заседании Президиума Академии архитектуры... приняты мои запорожские «чайки» на вводных воротах шлюза Каховской ГЭС.

1955

22 V. Как я почему-то и предполагал, здесь, в Каховке, есть что-то не до конца ясное, что-то такое, что не дает покоя некоторым инженерам. Глухие слухи давно уже шли о берегах, о том, что где-то под землей «есть другой Днепр», что в некоторых степных колодцах находят днепровскую рыбу, что подчас весной или летом из колодца «тянет сквозняк», что-то словно бы дует с глубины и т. п. Говорилось также в народе, что колодезные воды очень точно реагируют на уровень воды в Днепре.

...Что будет теперь, увидим. Возможно, здесь много горьких неожиданностей. Возможно, вода пойдет под степью. Может заполнить поды, может поднять снизу соль и засолить степи. Может водоем не наполняться долго от такой большой утечки воды. Быть может, придется делать еще дорогие и трудные бетонные барьеры в степях на большую глубину — почти никто ничего не знает.

...Прошло пять лет великого труда народа, великих событий на укрепление мира. Стоит плотина, новый город, перенесены села, лес вырублен. Подготовлено огромное дно водоема-моря. Дай боже, чтобы все это было не зря. Чтобы создалось море и все произошло так, как об этом мечтал трудовой народ.

24 V, вторник. Вчера вечером пускали воду в котлован шлюза. Был дождь, ветер, холод. Грязь непролазная. Снимать было неудобно и неинтересно. Не было «масштаба», к которому так привыкли кинооператоры.

Народу собралось множество. И конечно, почти все руководство... Внешний вид наших строителей, если так можно выразиться, не

очень живописный. Заметны следы материальных недостатков. Некоторые просто худы. Видно, что в этом году в здешних столовых было туговато.

31 V. Состоялось затопление главного котлована Каховской плотины. Произошло это 31 мая в 6 час. вечера. В нижнем котловане провели митинг. Было много народа, много знамен. Стояли грузовые машины с народом. Множество рабочих наверху, где-то на плотине. Картина веселая и торжественная.

Затем поехали мы на верхний котлован, где был подготовлен бульдозерами весьма обширный проран. Когда вода начала прорываться к верхнему котловану, рабочий народ так обрадовался, что начал кричать «ура!» и аплодировать воде, как артисту. Настроение было чудесное, приподнятое. Вечером встреча штаба за столом. Потом поехали на котлован и увидели диво: он весь был в воде. Вода прорвала проран и затопила два котлована — верхний и нижний — за два часа.

Ночь была необычайная: тревожная, торжественная и веселая.

1956

27 VII, Запорожье. Волею судеб я снова в Запорожье. Сделал от Кременчуга около 350 км по очень тяжелой дороге. Невеселая предстала перед моими глазами Украина. Города бедные, убогие. Чигирин, Ново-Георгиевск, Кременчуг, Днепродзержинск, Днепропетровск — пылища, выбоины, дороги плохие, люди серые, озабоченные, усталые.

Уже в самом деле дорого платит мой современник за привилегии великой эпохи. И повсюду на всем великая безвкусица. Что видел красивое? Несколько хат. На нескольких простых крестьянских хатах видно больше тонкости художественного вкуса, чем на всем Крещатике. И прекрасно новое Запорожье. Есть в нем не только уже что-то родное, новое наше, но прекрасное новое. Есть уже новая эстетика в планировании, архитектуре, и умение пользоваться зеленью. Величественна плотина Днепрогэса. А какие тополя выросли над плотинной и шлюзовыми камерами, где я когда-то, в 31 году, лазал, снимая «Ивана»! Все это сделано нашими руками, очень

выросло, я не могу думать об этом без волнения — все на моих глазах. Много я прожил уже, много... Завтра утром еду в Покровское и Каховку «вдогонку за судьбой».

28 VII, Запорожье. Утро. Проснулся в 7 час. Дважды приснился странный сон: будто Ленин меня обнимал и целовал. Целовал меня в лоб, глаза и говорил какие-то хорошие слова. И я полон благодарности и высокого волнения, растроганный до предела, целовал его в щеки и чело и благодарил дорогого бесценного человека. Так и проснулся. Потом сон повторился. Очевидно, будет мне трудно.

Внести предложение Украинской Академии архитектуры и строительства сделать большой альбом цветных фотографий разных украинских хат, сараев, летних печей. Это имело бы большой смысл. Никто ведь ничего не видит и не понимает. Есть много хат исключительной красоты. Удивляюсь и радуюсь: сколько в народе живет еще хорошо вкуса.

Народная крестьянская архитектура, на мой взгляд, в полной мере может служить основой для украинского стиля в архитектуре. Но он не создан, потому что брались за это дело некультурные, неодаренные люди. Не зная, что и как синтезировать, они ударились в церковщину и на этом потерпели фиаско.

28 VII, Каховка, 20 часов. В Никополе, взойдя на дамбу, я увидел море — наше новое, советское бескрайнее море, ярко-голубое. Впечатление огромное. Это было настоящее море. Что-то кричащее, неожиданное, драматическое и что-то в самом деле величественное. Видимо, мне нужно было стоять одному и долго молчать, вслушиваясь в шум морских волн и голос своего сердца.

...И случилось почему-то сразу же так, будто большинство хаток и сарайчиков, убогих, с убогими соломенными прохудившимися

крышами, стало ненужным. Создалась дисгармония. Кричащая, если кто понимает природу и место человека на земле. Старенькая женщина идет к морю. Волна подмывает берег, шумит.

— Ну как вы тут? — Я хочу спросить ее о море.

— Вот так, как видите. Шумит, ревет изо дня в день... Ой, ой, ой... Если бы кто-нибудь сказал мне лет пять назад, что плавни вот так погибнут, я бы глаза выцарапала, не поверила. А теперь вот... — женщина печально посмотрела на волны и пошла своей дорогой.

Хата, руина, еще хата, подмытая волной, уже треснула стена. Говорят, нужно будет еще перенести полтора двора. Невеселые люди.

— А как же оно начиналось? — спросил я у парторга М.

— Началось в ноябре прошлого года, и вода стала подниматься. Вода стала подниматься, стали гады из плавней удирать — гадюки, ужи, пресмыкающиеся, лягушки, крысы — батальонами, тысячами, страшно было смотреть. А тут на берегу уже лед. Так на льду многие и замерзали, а многие и укрылись по дворам...

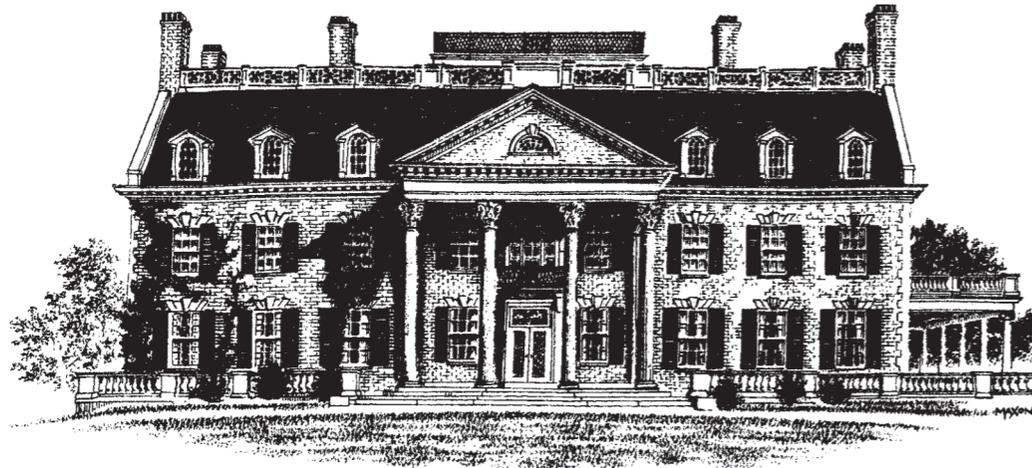
Я представил себе картину исчезновения плавней. И почему-то показалась она мне драматичной, невеселой...

Море требует новой эстетики. Оно само уже новая эстетика. Оно не принимает соломенной старой стрехи, убожества, серости. Непременно нужно поднять в печати проблему преобразования страны по периметру Каховского, Кременчугского, Днепродзержинского и Каневского морей.

11 X. Есть что-то глубокое в этом образовании моря, что-то похожее на историческую судьбу нашего народа. Расширяются берега, новые морские горизонты волнуют сердца строителей...

2013

■□■

Ольга АВЕРЬЯНОВА

История музея

В 1947-м, в Рочестере (Rochester, штат Нью-Йорк), в доме, который Джордж Истмен основатель компании *Kodak* построил в 1905-м и прожил до своей смерти в 1932-м, появился (а в 1949-м открывается для публики) специализированный фотографический музей — Музей фотографии и фильма «Дом Джорджа Истмена» (George Eastman House Museum of Photography). Нынешнее его название еще длиннее — Международный музей фотографии и фильма «Дом Джорджа Истмена» (George Eastman House International Museum of Photography and Film — IMP/GEN). Формально «Дома Джорджа Истмена» как музейное учреждение был уже вторым музеем, посвященный фотографии. Первенство принадлежит Американскому музею фотографии Луиса Уолтона Сиплея.

Основатель *Eastman Kodak company* Джордж Истмен завещал свой дом и окружающие его 12 акров земли Университету города Рочестер в качестве места для проживания его ректоров — собственно говоря, Истмен вовсе не упоминал о создании музея. Однако растущие расходы на содержание дома заставили руководство Университета задуматься о дальнейшей судьбе этого владения. Было принято решение преобразовать дом Джорджа Истмена в «музей фотографии и связанных с ней занятий», который сможет «представить наглядную и непрерывную историю фотографии», а также популяризировать «фотографию с помощью постоянных экспозиций и выставок». Первым куратором музея стал историк фотографии Бомон Ньюхолл. До этого Ньюхолл

курировал фотовыставки в Музее современного искусства в Нью-Йорке. В 1940 г. он предложил проект по созданию в этом музее отдела фотографии — первого в своем роде в США. *Kodak* ещё в 1939 г. пригласил Ньюхолла для работы над составлением каталога собрания Габриеля Кромера/Gabriel Cromer (1873-1934), приобретенного незадолго до того и вошедшего впоследствии в состав Исторической фотоколлекции, принадлежавшей компании. Взгляды Ньюхолла на эстетические возможности фотографии, четко сформулированные в его важнейшей работе «История фотографии», во многом повлияли на формирование отделов фотографического исследования и истории фотографии в других подобных институтах. Он существенно расширил собрание музея, превратив его в богатейшую и разнообразнейшую коллекцию, уникальную как с художественной так и с исторической точек зрения, но ориентированную прежде всего на сохранение огромного числа выдающихся работ лучших фотографов со всего мира.

В 1953 г. Бомон Ньюхолл предложил издавать музейный журнал *Image* и пригласил известного фотографа и исследователя Майнора Уайта стать соредктором. Уайт тогда был главным редактором другого периодического издания — *Aperture*, до сих пор остающегося ведущим журналом о мировой фотографии, основанного им в 1952 г. при поддержке друзей и коллег, среди которых был и Ньюхолл. Важнейшей целью музейного издания, по мнению Уайта, было сделать *Image* журналом об искусстве и науке фотографии и кинематографа. В рамках образовательной программы музея

Дом Джорджа Истмена

Международный музей фотографии и фильма
«Дом Джорджа Истмена»
George Eastman House
International Museum of Photography and Film

журнал обращался к архивам, представляя историю фотографии, критические эссе, технологические обзоры, был иллюстрирован безупречными репродукциями. Издание сообщало новости о музейных выставках, исследованиях, коллекциях, отражало современные тенденции, регулярно освещая происходившие в мире фотографии события. Можно сказать, что *Image* утвердил статус музея и города Рочестер, сделав его своего рода «столицей фотографии». Это положение укрепили выставки, которые курировал Уайт, а также экспозиции, демонстрирующие результаты музейных исследований. В таких тематических выставках, как «Сознание камеры», «Живописный образ» или «Лирика и точность», Уайт тщательно продуманных дидактику экспозиций. Подобно Ньюхоллу, он стремился «освободить» фотографию от традиционной документальной функции, подчеркивая её эстетический потенциал. Такой подход, разумеется, не новый в истории фотографии, привлекал многих молодых американских фотографов, для которых их работа была средством исследования и личного самовыражения. Для многих из них «Дом Джорджа Истмена» стал стартовой площадкой, местом, где демонстрировались самые передовые фотографические эксперименты. С конца 1950-х и в 1960-е гг. в музее появились новые сотрудники, среди которых были фотографы, историки и критики: Питер Баннелл, Уолтер Чаппелл, Роберт Доути, Харольд Джонс и Нейтан Лайонс. Новаторские выставки, такие как «Фотография-63», «Фотография-64», «Социальный пейзаж», «Видение и выражение» отражали современные общественно-

политические конфликты в Соединённых Штатах или исследовали новую роль фотографии в средствах массовой информации как неотъемлемого компонента культуры.

В 1960—1970-е гг. происходят значительные перемены, затронувшие даже массовое сознание, в понимании фотографии как явления, её роли и месте в визуальном искусстве. Особенно очевидны эти перемены были в США. В 1970-е гг. фотография пережила подлинный взрыв популярности при профессиональном и образовательном подходе, практикуемом в Америке. Были основаны музеи и галереи, целиком посвященные фотографии, в том числе влиятельная *Light Gallery* в Нью-Йорке, директор которой, Гарольд Джонс, станет позже одним из кураторов «Дома Джорджа Истмена». Художественные музеи начинают формировать свои фотографические коллекции, университеты и колледжи занялись изучением фотографии, она появилась в учебных расписаниях. Критики и культурологи исследуют фотографию, появляются научные профессиональные труды в этой области. Наряду с этими быстро расширялся рынок фотографии, крупнейшие аукционные дома стали создавать подразделения и проводить сезонные продажи, посвященные исключительно этому изобразительному искусству.

На протяжении 1970-1980-х гг. музей продолжал расширять и совершенствовать работу по сохранению и исследованию фотоизображений. Был создан отдел консервации, постепенно «Дом Джорджа Истмена» стал образовательным учреждением и ныне принимает студентов со всех уголков земного шара.

В этот период кураторская деятельность, реализующая интерес музея к современным вопросам в фотографии, начала сочетаться с изучением различных аспектов исторической фотографии — в том числе в области науки, популярной культуры и журналистики. Были проведены две крупные выставки, на которых Джанет Бергер, куратор Отдела фотографии XIX в., представила хранящееся в музее собрание Габриеля Кромера, показав, как французские дагеротиписты и калотиписты определили первоначальный облик фотографии и её будущее в сфере как прикладных областей так и искусстве. В 1989 г. куратор Роберт Собешек организовал выставку «Искусство убеждения: история рекламной фотографии», а Марианна Фултон экспозицию «Глаза времени: фотожурналистика в Америке». Эти выставки подчеркнули доминирующую роль фотографии в массовых коммуникациях, пропаганде и потребительской культуре.

В конце 80-х гг., подобно многим культурным заведениям, музей столкнулся с финансовыми трудностями, связанными, прежде всего с вопросами сохранения своих собраний для потомства на фоне экономического спада. Как и в первые годы работы музея, компании из Рочестера, частные лица и отдельные финансовые учреждения щедро поддержали «Дом Джорджа Истмена», благодаря чему в 1992 г. состоялось торжественное открытие нового здания, присоединённого к восстановленному особняку, — в этом корпусе разместились библиотека, отдел консервации, новые коллекции и галереи.

Первоначальная цель помочь фотографии достичь «равенства» среди других видов изобразительного искусства была реализована, теперь музей участвует в культурном диалоге, адресованном общественным и частным учреждениям, которые, подобно самому «Дому Истмена», оказывают влияние на эстетику изобразительных средств, формируя критерии общественного сознания. Опираясь на прошлое, музей утверждает, что история фотографии не является единственной и исключительной, скорее это множество отдельных, неразрывно связанных между собой историй. Различные аспекты этих историй представлены сегодня не только в собрании изобразительного материала, но и в коллекциях достижений технологии и кинематографа, а также в библиотеке и архиве Джорджа Истмена.

История коллекций музея

Из истории фотографии следует, что фотография не имеет установленного значения, точно так же нельзя строго классифицировать ее коллекции. Скорее это собрания, структура которых продиктована рядом проблем, с которыми они связаны, речь может идти как о географии, хронологии, так и жанре, стиле или направлении. Один из вопросов, на которые даёт ответ собрание «Дома Истмена»: «Что такое практика фотографии?» Столь общий вопрос, охватывающий не только материальный аспект фотографии и ее технологические особенности, но и социальное и культурное значение, требует столь же широкого спектра ответов. Чтобы помочь получить эти ответы, «Дом Истмена» постепенно приобретал множество разнообразных собраний. Коллекция Габриеля Кромера — первое приобретение музея, стала, по-сути, его основой.

Француз, получивший образование в области юриспруденции, но всю свою жизнь посвятивший фотографии. Практикующий фотограф и коллекционер, Кромер считался одним из лучших специалистов портретной фотографии, мастером карбопроцесса. Его наследием стали не только собственные снимки, но и принадлежавшие ему коллекции. Живо интересуясь историей фотографии и обладая обширными познаниями, Кромер собрал около 6000 снимков, внушительную библиотеку книг, большую коллекцию аппаратов и приборов, заполнявших комнаты его дома в пригороде Парижа. Основой собрания была французская фотография XIX в., а ее «главным героем», по праву, стал Луи Жак Манде Дагер. В коллекцию вошли все известные портреты Дагера, его рисунки, живописные произведения, материал, относящийся к его диорамам, личные вещи, дагеротипы, подписанные автором, а также камера *Giroux*, которая, по мнению Кромера, принадлежала Дагеру. Пятьсот дагеротипов, почти все изготовленные во Франции, — дань уважения создателю фотографии. Другая часть коллекции — ранние французские снимки на бумаге: фотоальбомы Бальдю, морские пейзажи Ле Гре, бумажные негативы Ле Сека, визитные карточки Дисдери, работы Адольфа Брауна и студии Dalmaet&Durandelle — отражают развитие фотографии в XIX столетии. Французский историк фотографии Жорж Потонинэ в предисловии к

работе 1924 г. «История открытия фотографии» сделал смелое заявление: «История фотографии по существу является французской». Пожалуй, большая часть собрания Кромера подтверждает это «националистическое утверждение». Кромер мечтал о том, чтобы его собрание стало основой национального музея фотографии, однако в 1934 г. он скончался, а воплощению замысла помешала растущая угроза войны. Вдова Кромера, отчаявшись найти подходящее помещение для коллекции во Франции, начала поиск других вариантов. *Eastman Kodak* приобрела за 13 000 долларов собрание Кромера, положив насало будущего музея «Дома Джорджа Истмена». Помимо этого, *Kodak* ещё в начале XX столетия начала собирать образцы фотоаппаратов, как собственного производства, так и других изготовителей. Затем в собрании появились образцы цветной фотографии, калотипии Хилла и Адамсона, ранние любительские снимки, сделанные камерами *Kodak*, фотографии Крымской войны работы Роджера Фентона. Таким образом, коллекция оказалась способна представить, согласно *The New York Times* «относительно всеобъемлющую историю фотографии от дней Дагера до нашего времени», когда в 1940 г. в Нью-Йоркском музее науки и промышленности в Рокфеллеровском центре была организована выставка 300 экспонатов из собрания *Kodak*. В 1948 г. вся коллекция была передана в «Дом Истмена».

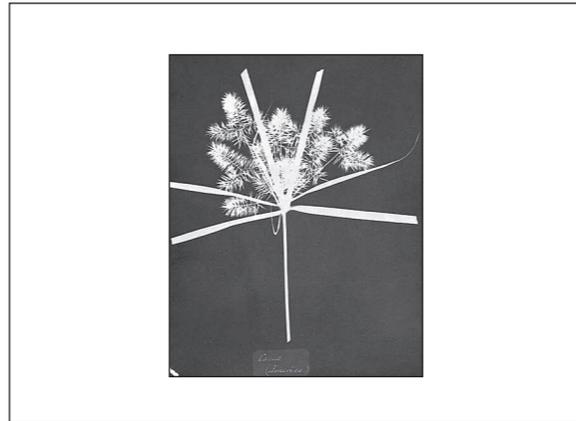
В период работы в музее Бомона Ньюхолла было сделано несколько десятков важных приобретений: американские дагеротипы от калифорнийской преподавательницы Зельды Маккей; 5000 стереофотографий от коллекционера Фреда Лайтфута; снимки Гражданской войны Филипа Медикуса; этюды «Движения животных» Эдварда Майбриджа; 500 фотографий Атже, почти 10 000 снимков от Льюиса Хайна, собрания работ друзей и коллег Ньюхолла — Анселя Адамса, Элвина Лэнгдона Кобурна, Ласло Мохой-Надя, Чарльза Шиллера, Альфреда Стиглица и Эдварда Уэстона. Эти коллекции заложили солидный фундамент для изучения искусства фотографии. Написанная Ньюхоллом «История фотографии» и собрание, которое он курировал, оказались во многом взаимосвязаны. Помимо приобретения работ таких мастеров, как Стиглиц и Уэстон, Ньюхолл также покупал произведения, которые не могли быть упомянуты в его «Истории»,

— ранние цветные отпечатки, салонные и даже коммерческие снимки. Рекламная фотография, которую игнорирует «История» Ньюхолла, отлично представлена в «Доме Истмена» в собраниях, приобретённых именно в период его кураторства, — основу составляют произведения двух наиболее успешных коммерческих фотографов Нью-Йорка — Виктора Кепплера и Николаев Мюрея. Одно из крупнейших собраний Олдена Скотта Бойера поступило в музей в это время. Сегодня истории о Бойере обросла множеством легенд. Состоятельный чикагский производитель парфюмерии, Бойер был страстным собирателем. Он проводил целые дни в бывшем здании старого банка среди своих коллекций: игральные аппараты, велосипеды на высоких колесах, книги о фотографии, снимков и камер. Хотя степень его интереса к игральным автоматам и велосипедам известна не вполне, любовь Бойера к фотографии очевидна по его страстному подходу и вполне эмоциональным заметкам на полях книг. В принадлежавшем ему экземпляре «Истории» Ньюхолла он помечал иллюстрации зелёными чернилами и писал рядом: «Иисусе!», «Заполучить!». Чаше всего Бойеру удавалось «заполучить» желаемое. Коллекция Бойера включает более 13 500 снимков, богатейшую библиотеку, посвящённую фотографии, а также собрание фотографического оборудования. «Дом Истмена» приобрёл всё это после исключительно лаконичных переговоров, в ходе которых Бойер поинтересовался у Ньюхолла, желает ли он купить коллекцию или получить её в дар. Когда Ньюхолл ответил, что ему хотелось бы получить коллекцию в дар, Бойер отозвался: «Вот это мне по душе коротко и ясно. Когда приедете паковать?» Собрание Бойера, занявшее целый грузовик, было доставлено в Рочестер и зарегистрировано как часть собрания «Дома Истмена» 27 апреля 1951 г. Собрание Бойера столь же интересно, как и личность самого кол-

лекционера. Здесь широко представлены знаменитые имена Бланкар Эврар, Джулия Маргарет Кэмерон, Максим Дю Кам, П.Х. Эмерсон, Роджер Фентон, Фрэнсис Фрит, Х.П. Робинсон и милые сердцу Бойера Хилл и Адамсон. Другую половину этого богатства составляют 1000 дагеротипов от Саутворта и Хоуза и 260 бумажных негативов ирландского фотографа Джона Шоу Смита. Хотя все эти имена звучат почти как прямые цитаты из Ньюхолла, Бойер не предпринимал специальных попыток формировать свою коллекцию в соответствии с «Историей». В его собрании есть ранние виды Военно-морской академии США от Fischer&Brothers, гарвардский альбом 1863 г. и небольшой альбом под названием «Поцелуй солнца: История апельсина». Бойер практиковал более широкий, поистине международный подход к фотоистории XIX века по сравнению с Кромером. Однако, как бы ни были широки интересы Бойера, он мало интересовался фотографией XX в. Ньюхоллу и множеству других кураторов из «Дома Истмена» ещё предстояли приобретения в этой области.

Сознательное уклонение от исторического подхода Ньюхолла, несколько эклектичное отношение к формированию коллекции подтверждается и другим ярким примером, речь идет о приобретении коллекции Sipleу. Луис Уолтон Сиплей руководил своим Американским музеем фотографии с 1940 г. до конца жизни, умер он в 1968 г. Сиплей заинтересовался фотографией ещё в ранней юности, позже серьёзно увлекся и другими видами изобразительного искусства. В 1920-е гг. популяризация набирала силу — идя в ногу со временем, Сиплей собирал визуальные материалы для школ и университетов. В 1930 г., стремясь приобрести изображения для этих образовательных проектов, Сиплей купил собрание одного из старейших компаний в Америки — Caspar W. Briggs Company. Приобретя 10 000 негативов с религиозными и историческими иллюстрациями, Сиплей оказался обладателем всего, что осталось от компании — крупнейшего в Америке производителя слайдов для «волшебного фонаря», в результате чего всерьёз заинтересовался историей фотографии. Сиплей уделял огромное внимание американской фотографии, столицей которой считалась Филадельфия, где был расположен музей. Здесь, вне страниц фотографической истории, которую

ANNA ATKINS

ещё предстояло написать, были представлены работы студии George Schreiber&Sons; снимки коммерческих фотографов, специализировавшихся на съёмке животных; Сэмьюэла Фишера Корлиса, члена Филадельфийского фотографического общества; Элиаса Гольденского, иммигранта из России, ставшего в Филадельфии фотографом-портретистом и пикториалистом; а также образцы недолго просуществовавшей двойковыпуклой стереосистемы VitaVision, тысячи слайдов для «волшебного фонаря» и собрание фотомеханических приборов XX в.

История собрания Сиплея после кончины его обладателя удивительно похожа на судьбу коллекции Габриеля Кромера. Его вдова не смогла найти помещение для наследства. Коллекция Сиплея поначалу была приобретена одной крупной американской корпорацией. Отказавшись от идеи создания музея, она передала собрание в «Дом Истмена» в 1977 году. Размер коллекции потрясал воображение 61 000 фотографий и фотомеханических репродукций, причём большая их часть выходила за пределы традиционной истории фотографии. Разумеется, собрание Сиплея отлично вписывалось в рамки его собственной истории — «Полвека цветной фотографии» (1951). Здесь были работы Фредерика Иве, Лежарена Хиллера, Антона Брюля и Фернана Бурже. Хотя в здесь были работы Роберта Корнилиуса, Ф. Холланда Дея, Уильяма Генри Джексона, Гертруды Кэзебир, а также Уильяма и Фредерика Лангенгеймов, именно произведения Уильяма Дженнингса, студии George Schreiber&Sons и Генри Трота наиболее точно характеризуют коллекцию.

В 1979 г. по завещанию Джоанны Стейхен «Дом Истмена» приобрел более 3000 фотографий Эдварда Стейхена, в основном портреты знаменитостей, сделанные в годы его работы в журнале Vanity Fair. Меньшие по объёму, но столь же значительные по содержанию дары музею поступали из агентства Associated Press и Американского общества фотографов, сотрудничавших с журналами. Совсем недавно Дональд Вебер подарил музею своё собрание дагеротипов, амбротипов и тинтипов, расширив собрание стереофотографий благодаря внушительной коллекции видов от Viewmaster.

Истории 10 уникальных фотографий собрания

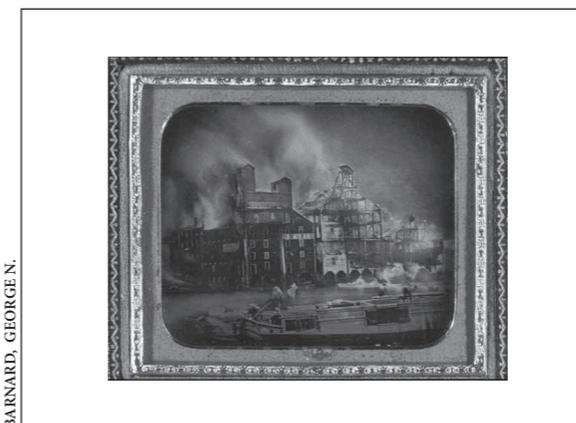
ANNA ATKINS, *Carix (America)*

ca. 1850

Cyanotype

25.6 x 20.0 cm.

Анна Аткинс (1799–1871) — английский учёный-ботаник, одна из немногих женщин-фотографов XIX века. Она первой выпустила книгу, иллюстрированную исключительно фотографиями. Аткинс использовала фотографические методы, чтобы иллюстрировать ими свои ботанические научные труды. Она узнала о фотографии от Генри Фокса Талбота, и училась *cyano-type* -процессу непосредственно у его изобретателя сэра Джона Гершеля. Используя цианотипию и метод «фотогеничного рисунка» Тэлбота (прямая засветка объектов на светочувствительной бумаге — фотография без камеры), Аткинс

BARNARD, GEORGE N.

издала книгу «Британские Морские водоросли» (*British Algae: Cyanotype Impressions*), которая была полностью проиллюстрирована её отпечатками. Издание вышло в свет в период с 1843 и 1853гг. Всего было напечатано 12 экземпляров этой книги-альбома, один из которых ныне хранится в Национальном медиа музее в Брэдфорде. Аткинс создала 389 цианотипных фотограмм, дополненных научными пояснениями. В 1854 году выходит ещё одна её книга по ботанике, оформленная так же — «Цианотипы британских и иностранных цветущих растений и папоротников» (*Cyanotypes of British and Foreign Flowering Plants and Ferns*). Цианотипия *Carix* попала в музей вместе с другими закупками, относящимися к сделке с компанией Ford Motor Co. & Morris Foundation Funds. Голубая картинка выглядит в отрыве от текстов и научных комментариев как «изящная открытка». Документальность как будто-бы уходит на второй план, так как изображение, сделанное методом фотограммы, по-сути, представляет собой плоский силуэтный отпечаток объекта, который за счет своей обобщенности лишен объективных подробностей и деталей. Именно поэтому многие фотографы-модернисты, в поисках абстрактных образов, борясь с «натурализмом» фотографии, использовали метод Талбота, называя его по-своему, как, например, Ман Рэй, который объявил свои работы, выполненные подобным способом рейограммами.

Работы А.Аткинс, как и цианотипический метод Гершеля, после кратковременного интереса в середине XIX века, были забыты и вновь открыты уже в XX столетии, когда нашли новое применение, в частности, в строительном черчении и в формалистических упражнениях фотографов беспредметников.

BARNARD, GEORGE N.

Fire at the Ames and Doolittle Mills, Oswego, New York;

Burning mills along the river at Oswego, New York

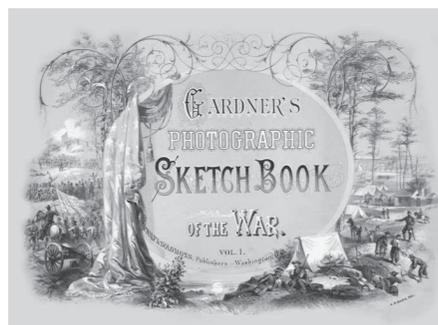
1853

Daguerreotype 7,0 x 8,3 см; 5.7 x 6.9 см.,

1/6 plate

Раскрашенные дагерротипы не редкое явление в истории фотографии. В превосходной

ALEXANDER GARDNER

коллекции музея есть немало качественных с художественной точки зрения и хорошо сохранившихся цветных дагерротипов. Но редко, когда авторы раскрашивали «репортажную» съемку. Дагерротипы американца Джорджа Н. Барнарда (1819-1902) «Пожар на мельницах Эймса и Дулитта, Осверго, Нью-Йорк» и «Горящие мельницы вдоль реки Осверго», представляют редкий пример «цветной журналистики». Утром 5 июля 1853 года начался разрушительный пожар на восточной стороне реки. Барнард взял свой фотоаппарат и сделал несколько снимков этого страшного зрелища с разных точек зрения. Первый — в начале улицы West Cayuga, недалеко от его новой студии, которая находилась к юго-востоку от мельниц, на другой стороне реки. Второй вид был сделан спустя некоторое время с крыши здания, находившегося на расстоянии нескольких кварталах к югу от студии, что подтверждает и степень разрушений сооружений, стоящих вдоль берега реки и гавани. Небольшие пластины в коллекции — это уменьшенные авторские копии с больших оригиналов, предназначенных для продажи. Они являются «зеркальным отражением» оригинала. Оба дагерротипа раскрашены «в ручную», с преобладанием малинового пигмента добавленного в пылающее здание, для придания работам особого реалистического эффекта. Пластины представляют редкий пример «дагерротипической» журналистики.

ALEXANDER GARDNER's Photographic Sketchbook of the Civil War
Published after the war in 1866

TIMOTHY O'SULLIVAN, ALEXANDER GARDNER

Сотни людей запечатали гражданскую войну в США (1861-1865), но большая часть фотографической документации принадлежала нескольким десяткам авторов. А возможность снимать фактические события была предоставлена всего нескольким фотографам. К тому же фотографические процессы того времени были слишком медленными, оборудование громоздким и тяжелым, лабораторные манипуляции в «темной комнате» сложными, поэтому делать «мгновенные» хроники событий не представлялось возможным. Фотографы вместо этого сосредоточились на быте, буднях, подготовке и последствиях сражений.

Значение работ того времени нельзя недооценивать. У фотографии впервые появилась возможность показать реальное лицо войны. Среднестатистический американец тогда мало понимал, что такое гражданская война, и что она будет такой длительной и настолько разрушительной. Мало кто вообще осознал, что фактически означала война, что она принесла, какие изменения повлечет за собой.

Именно потребность американцев в фактологически точном описании войны привела к тому, что иллюстрированная пресса стала активно использовать фотографии, особенно ближе к концу войны, даже при том, что фотография, чтобы быть напечатанной в газете или журнале переводилась на деревянные доски, после чего печаталась фотогравюра изображения. Эти документальные материалы стали главным источником публичной визуальной информации о фактах войны.

Несколько работ из Фотографического альбома Александра Гарднера «Гражданская война» представляют довольно контрастные характеристики театра военных действий.

TIMOTHY O'SULLIVAN, ALEXANDER GARDNER.
A Harvest of Death, Gettysburg, Pennsylvania July, 1863

Albumen print
17.2 x 22.2 cm.

Еженедельник Harper's Weekly воспроизвел только одно из тысячи существующих изображение мертвых солдат, названное — «Урожай Смерти», которое было сфотографировано после исторического сражения у Геттисберга в июле 1863 года. Этот отпечаток, однако, был опубликован в июле 1865, спустя два года после события, иллюстрируя историю уже событий. Гравюра была «сконструирована» из нескольких кадров, для того, чтобы достигнуть формально уравновешенной композиции. По эстетическим причинам подлинные фотографии казались слишком переполненными деталями и не столь выразительными потому. В сравнении абсолютно выверенным опубликованным изображением, ставшим теперь знаковым, все другие, казалось, предназначались для рассказывания историй, а не для формально-го олицетворения понятия «смерть».

ALEXANDER GARDNER.
A fancy group, in Front of Petersburg.

August, 1864
Albumen print
17.8 x 23.0 cm.

Однообразие жизни лагеря не было скрашено богатством развлечений. Во время периодов бездеятельности играли в мяч, крикет, занима-

ALEXANDER GARDNER

лись гимнастикой, бегом, и дурачились на потешных скачках, «догонялках», добывали «приз», подвешенный на высокий столб, смазанный жиром, придумывали другие «дозволенные» игры. Иногда мужчины позволяли веселую забаву со свиньей, которую нужно было поймать и удерживать какое-то время за хвост. Потешались все участники и очевидцы.

Быт и развлечения в армии Потомака — снимок «Петушьи бои». Они разрешались крайне редко, кроме тех случаев, когда птицы были частью контрабанды. Такие бои всегда были скорее шуточными, и всегда прекращались, когда крылатые двуногие становились на путь убийства. Лошади и мулы погибли сотнями в сражениях или просто недоедая, но чрезвычайно трудно привести пример жестокости по отношению к животным в армии. Домашних птиц, собак, котят, и даже диких животных, превращали в домашних и заботились о них очень трогательно. Иногда полк принимал в свои ряды приبلудившуюся собаку и горе человеку, который плохо обращался с ней. Известен, например, забавный факт: один полк во всех его кампаниях сопровождался ручным орлом.

DR. JOSEF MARIA EDER.
Zwei Goldfische und ein Seefisch

1886
Photogravure print from x-ray negative
12.1 x 16.4 cm.

Австрийский учёный Йозеф Мария Эдер (1855–1944) изучал химию, физику и математику в Университете технологий и потом в Вен-

DR. JOSEF MARIA EDER

КУЛЬТУРА

ском университете. В 1876 г. получил докторскую степень, а в 1879 г. стал лектором Венского технологического университета. В период с 1889 по 1923 гг. он был директором Института графического искусства. В конце концов, его интересы сосредоточились на химии и фотографии. Эдер пытался реализовать идею взаимодействия науки и фотографии. В частности, он проводил исследования, связанные с улучшением чувствительности фотоматериалов для рентгеновских снимков. К 1884 г., Эдер начал составлять обширный Справочник по фотографии (*Ausführliches Handbuch der Photographie*), которые до сих пор остаётся актуальным. Эдер основал Институт фотографии и воспроизводящей техники, сегодня Höhere Graphische Bundes-Lehr-und Versuchsanstalt. Учёный сделал фактически беспрецедентный вклад в исследование фотографии конца 19-го — начала 20-го столетия: опубликовал более 650 теоретических работ, имел высокую репутацию и в Австрии и за ее пределами, получил много наград, включая Légion d'honneur в 1901 г.

Изображение рыб — это один из 15 рентгеновских снимков, сделанных в 1896 году. Тогда книга, в которой были опубликованы эти изображения представлялась прежде всего как исследование о технических аспектах рентгена. Отпечатки поражали точностью картинки «невидимого мира», были на редкость красивыми изображениями реальных объектов, но вместе с тем, задавалась новая эстетическая тема. Почти случайное открытие Вильгельма Рентгена в конце 1895 г. имело огромный общественный резонанс, не только в прикладном качестве с применением в научных областях, таких как медицина, но и как попытка приоткрыть тайны до времени невидимого мира, оценив его красоту, а позже и артистизм техники. Многие модернисты и современные авторы работают с технологией рентгена как с одним из способов реализации своих художественных замыслов.

ются уникальным продуктом своего времени, одними из немногих сохранившихся образцов ранней цветной фотографии (автохром), произведённой с помощью технологии, разработанной братьями Люмьер во Франции и привезенной в США Стейханом в этом же году. Автохромы были сделаны, вероятно, в Буффало, откуда и поступили в собрание музея. Шарлотта Сполдинг, которая была другом и ученицей Стейхана, стала объектом цветных экспериментов фотографа. Автохромные портреты чем-то напоминают пуантилистическую миниатюру на стекле. Музей имеет значительную коллекцию работ Стейхана, в том числе 22 того же вида — цветные изображения, известные как автохромы.

Однажды Энтони Бэнноном, директор музея, получил приглашение от своего знакомого адвоката приехать в Буффало. Его клиентом была Шарлотта Олбрайт, 96-летняя художница, которая хотела пожертвовать три, как ей казалось, старых стеклянных негатива музею. Бэнноном предположил, что на них запечатлена её мать, Шарлотта Сполдинг. Шарлотта занималась фотографией, дружила с Эдвардом Стейханом и Альфредом Штиглицем, была членом Фото-

EDWARD STEICHEN

сецессиона. После того, как в 1910 году она вышла замуж за Лэнгдона Олбрайт, сына известного промышленника Буффало Джона Олбрайт, основателя, Художественной галереи Albright-Knox, она оставила камеру. На двух стеклянных пластинах, оказавшихся автохромами размером 5 на 7-дюймов запечатлена красивая молодая женщина в платье эпохи короля Эдуарда и жемчужном ожерелье по моде того времени. Оба бы-

ли сделаны Стейханом, один из них — подписан. Стейхан был чрезвычайно влиятельной фигурой в искусстве в течение всей своей жизни. Блистательный фотограф и куратор, руководитель фотографического отдела в Музее современного искусства в Нью-Йорке. В феврале 2006 года одна из его работ платиновой печати, «Пруд в лунном свете», сделанная в 1904 году, установила аукционный рекорд для фотографии, будучи проданной почти за \$ 3 млн. на аукционе Сотбис в Нью-Йорке. Наследие Стейхана довольно хорошо изучено и представлено различными институциями и частными коллекциями как Европы, так и Америки. Поэтому редкой удачей считается обнаружение его новых работ.

Г-жа Олбрайт, вероятно, получила в свое распоряжение портреты матери в 1939 году, вскоре после её смерти. Она никогда не показывала их, и хранила дома в шкафу в течение десятилетий, не предполагая, что автором этих пластин был Стейхан. Так как автохромы все это время оставались без света, их цвет остался первозданно яркими, сохранность — идеальной, несмотря на то, что работам более сотни лет. Автохромы, как известно, являются позитивными изображениями, то есть уникальными и не могут быть использованы для создания тиражных отпечатков. Они получались с помощью сложного процесса, в котором крошечные окрашенные зерна картофельного крахмала были равномерно распределены по куску стекла. Использовались три цвета: яркие сине-фиолетовые, оранжево-красный и зеленый. Работая вместе, они создавали широкий спектр реалистично выглядящих окрашенных предметов. В отличие от большинства других фотографических изображений, автохромы обычно подсвечивают сзади, что позволяло цвету, который выглядит довольно тускло при обычном освещении, сиять через полупрозрачное стекло.

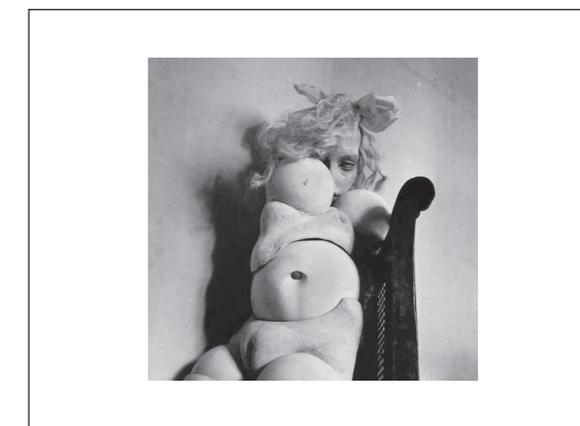
HANS BELLMER (French, 1902-1975)
The Doll. Book: Les Jeux De La Poupee, 1949
ca. 1934
Gelatin silver print with applied color
13.5 x 14.0 cm.

Ханс Беллмер (1902-1975) — немецкий сюрреалист, мало известный широкой публике, но, тем не менее, оказавший довольно серьезное

влияние на многих художников, фотографов и музыкантов второй половины XX века. До того как примкнуть к течению сюрреализма, он был известным в Берлине рекламным графическим дизайнером. Его творчество многим кажется отталкивающим и даже извращенным, хотя оно вполне вписывается в рамки концепции сюрреализма, приверженцы которого активно исследовали взаимосвязь эротики и смерти, тему противостояния бессознательных желаний и инстинктов обусловленным обществом табу. До сегодняшнего дня работы Беллмера кажутся шокирующими, особенно если учитывать дату их создания — 30-е годы XX в.

Беллмер начал работать над эротизированным образом деформированной куклы, противопоставляя свою идею официальному культу «арийского» здоровья и эстетике «классического» тела в Германии 30-х годов. Каждая отдельная метаморфоза создавала из женской куклы «артикулированный объект», имеющий скрытое символическое значение.

В 1934 г. в частном издательстве немецкого города Карлсруэ была подпольно издана книга Беллмера «Куклы», в которую вошли 10 фото-

HANS BELLMER

графий шарнирных кукол, сконструированных художником, которые были скомпонованы в форме *tableaux vivants* — живых картинок. Ранее 18 фотографий с подачи Андре Бретона были опубликованы в парижском журнале сюрреалистов «Минотавр». В нацистской Германии Беллмер сразу же был причислен к представителям т.н. «дегенеративного искусства», и был вынужден эмигрировать во Францию.

Фотографии серии «Куклы» цветные, они раскрашивались как открытки на рубеже века. Применялись специальные анилиновые красители и небольшая плоская кисть. Использовались в основном бледные и тонкие оттенки сиреневых и розовато-лиловых цветов, синего и зеленого, оранжевые и желтые. Они расцветивались таким образом, чтобы создать искусственный, а не естественный эффект, с целью усилить «сюрреалистическую атмосферу» каждого изображения, так чтобы кукла казалась как может оказаться более уязвимой, а обстановка более угрожающей... Поэт Поль Элюар выбрал четырнадцать фотографий из второй серии автора, вдохновившись ими он написал 14 коротких поэм в прозе.

В собрании музея находятся несколько отпечатков из серии «Куклы», до того входящих в собрание фонда Элвина Коберна (Alvin Langdon Coburn Fund)

NICKOLAS MURAY.

Frida Kahlo

1939 (printed 1941)

Color print, assembly (Carbro) process,
30 x 40 cm

Родившийся в Венгрии в 1892 г., Николас Мюрей в 12 лет поступает в Школу графического искусства в Будапеште, после ее окончания три года обучается цветной фотографии в Берлине. В 1913 иммигрирует в США, сначала работая как печатник в студии, а затем в 1920-м открыв своё фотографическое портретное ателье в Гринвич-Виллидж, в то время самом богемном районе Нью-Йорка. Мюрей стал известным благодаря

NICKOLAS MURAY

фотографированию знаменитостей, портреты которых регулярно публиковались во многих журналах, таких как Harper's Bazaar, Vanity Fair, Vogue, Home Journal и The New York Times. В 1930 году он открыл одну из первых в Америке мастерских по печати цветных фотографий, став одним из самых известных специалистов в области *carbro*-процесса (копирование цветоделенных изображений на окрашенные слои и совмещение этих слоев на общей основе). Процесс славится хорошей цветопередачей и долговечностью отпечатков. Мюрей был очень плодотворным фотографом: за период с 1920 по 1940 год он сделал более 10000 портретов. Ему охотно позировали как представители богемы, так и люди политики, бизнеса.

Сам Мюрей был очень яркой личностью: пилот, член американской Олимпийской команды по фехтованию, возлюбленный мексиканской художницы Фриды Кало, которую он регулярно фотографировал. Коллекционер, прежде всего мексиканских картин XX века и регулярный обозревателем журнала Dance.

В собрании Музея находится портрет Фриды Кало в красной шали. Удивительная женщина! Её собственные работы — личная автобиография. Художественное наследие Кало составляет около 200 живописных полотен, треть из которых — автопортреты. «Наивное» творчество художницы последовательно запечатлеват все этапы её духовной и телесной жизни. Рождение и смерть, физические увечья и боль, любовь. Её живопись — символ, загадка, ребус и, вместе с тем, — вопиющая и шокирующая правда. Но Мюрей воплощает образы Кало по законам «гламурного жанра», так же он фотографирует голливудских актрис, безупречных в своих звёздных образах. Цветные фотопортреты Мюрея — репрезентация для восторженных взглядов публики. Фрида любила быть «на виду». Радикальные политические убеждения, и бурная личная жизнь — брак с великим Диего Риверой, и многочисленные романы, в том числе с Троцким, и яркая внешность, и выпавшие на ее долю нечеловеческие страдания, и сила воли, помогавшая эти страдания переносить. Больше всего в жизни Фрида любила саму жизнь, и этот магнетизм жизнелюбия притягивал к ней окружающих. Помимо того, Фрида была «модницей», подолгу обдумывала свои причудливые яркие наряды. Даже в самые тяжелые дни, когда бо-

лезнь буквально пожирала ее, она проводила часы за утренним туалетом, говоря: «Я одеваюсь, чтобы попасть в рай!» Она любила этот «театр жизни».

В 1974 г. весь архив Мюрея был пожертвован музею. Это составило приблизительно 25,000 изображений, включая фотоснимки, негативы, диапозитивы и рекламные принты.

HAROLD EDGERTON.

Shooting the Apple

Color print, dye imbibition (Dye Transfer) process
1964 / print ca. 1984-1990
35.9 x 45.8 cm

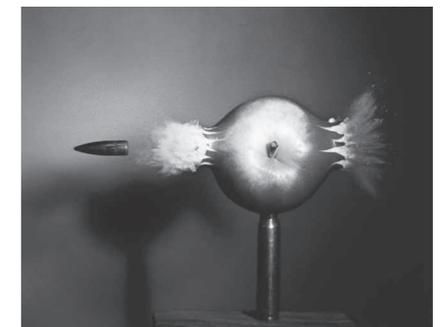
Доктор Гарольд Эджерстон (Harold Edgerton, 1903-1990) посвятил всю свою жизнь изучению движения. В 1925 году закончив University of Nebraska at Lincoln со степенью бакалавра электрической инженерии, он занялся наукой. Эджерстон впервые обратился к стробоскопу будучи студентом. Он заинтересовался работой мотора и открыл, что если освещать мотор мгновенными вспышками света, он кажется как бы застывшим. А если использовать серию вспышек через заданные интервалы времени, то изображение выглядит как серия последовательных быстро перелистываемых фотографий. Это открытие легло в основу его последующих изобретений. В 1931г. Гарольд Эджерстон изобрел электрическую вспышку для фотоаппаратов и в последующем усовершенствовал ее. Он делает фотографии поражающие воображение современников: «Капля молока», «Пуля, прорезающая карту», «Игрок в

© Текст: Ольга Аверьянова

теннис» и многие другие. Поначалу фотографии Эджертона вызывали чисто научный интерес, но кроме этого они демонстрировали красоту ранее невидимого. Тщательный подход к композиции, некий «драматизм», исходящий от снимков, и их эстетическая новизна сразу позволили рассматривать работы Эджертона как произведения фотоискусства. Сам же ученый всячески противился этому. «Не надо делать из меня художника», — возмущался он, — «Меня интересуют факты. Только факты». XX век оказался стремительным. Его динамику хотелось запечатлеть всем. И Эджерстону это удалось!

После второй мировой войны он совмещал науку и бизнес, став одним из основателей компании EG&G, которая сконструировала камеру Raratronic по заказу американской Комиссии по атомной энергии. Фотосъемка ядерных испытаний велась как раз с помощью упомянутой камеры. Человек XX века снимал атомный взрыв с помощью автоматической фотокамеры, которая была расположена в одиннадцати километрах от его эпицентра! До сих пор, в определенных кругах фотографов и ученых американского профессора, известного фотографа XX века в шутку называют «папаша флэш».

Фотография с яблоком из собрания музея имеет довольно длинное название «Пуля 0,30 калибра пробивающая яблоко. Микросекунды воздействия пули, летящей со скоростью 2800 футов в секунду». Это изображение было использовано в качестве иллюстрации лекций Эджерстон на тему «Как сделать яблочное пюре». Отпечаток попал в коллекцию как дар семьи Эджерстона.

HAROLD EDGERTON

КУЛЬТУРА

САД ПОЗНАНИЯ ВЕНСКОГО МОДЕРНА

Алексей ЖЕРЕБИН

В немецкоязычном культурном пространстве восьмидесятых годов XIX века Берлин — общепризнанный центр, где зарождается идея обновления немецкой культуры под лозунгом натурализма, первого из многочисленных течений, объединяемых понятием «модернизм». В Вене, кажется, еще ничего не происходит. Вена — это культурная провинция, и первый номер организованного Германом Баром в 1890 году журнала «Современная поэзия» ясно показывает, что первоначально идея модернизации австрийской культуры прочно связана с импортом берлинских текстов, которые воспринимаются как знак современности и образец для подражания. Но идеализация полученной извне натуралистической эстетики очень скоро сменяется в Вене ее критикой. Складывается представление, что в Германии идея литературной революции реализовалась в неистинном — замутненном и искаженном — виде, и что именно в Вене, в лоне воспринявшей эту идею австрийской культуры, она должны получить свое истинное значение. Именно так аргументирует в своих статьях 1891 года Герман Бар, теоретик и организатор группы «Молодая Вена». Противопоставляя немецкий натурализм французскому, он сближает последний с европейским декадансом и заканчивает требованием «преодоления натурализма», выполнить которое предстоит австрийцам.

Герман Бар. 1891

Преодолеть натурализм значило прежде всего переключить внимание с внешнего мира на мир внутренний, которым натуралисты, в особенности немецкие, по мнению «младовенцев», пренебрегали. Но другой предмет изображения повлек за собой переход к принципиально иной эстетике, в которой физические ощущения стали осмысляться как магические символы. «Эстетика перевернулась, — утверждал в начале 1890-х годов Бар. — Художник больше не раб действительности, не инструмент для создания ее копий. Напротив, это действительность снова становится всего лишь материалом, которым художник пользуется, чтобы говорить о самом себе в таинственных, суггестивных символах... Мы должны выразить заключенную в нас тайну, которая, как мы чувствуем и знаем, есть нечто иное, чем действительность»¹.

Ключевым словом венской эстетики становится слово «душа» — не метафора психической деятельности, обусловленной закономерностями чувственно-предметного мира, а неизъяснимая бесконечность и непредсказуемая творческая стихия, в которой сам этот внешний мир то растворяется как ничтожная и бессмысленная иллюзия, то заново возникает как воплощенная греза художника. Возникает убеждение, что онтологическая реальность души, противопоставленная иллюзорной действительности, не может быть выражена средствами психологического реализма, изображающего процессы душевной жизни как бы снаружи, со стороны их явления в чувственно-материальном мире. Нужна «новая психология», способная раскрыть внутренний мир личности изнутри, так как душевное переживание дано самому себе, переживающему субъекту — «по ту сторону рассудка и в преддверии чувства»².

В эссе «Кризис натурализма» (1890) и «Новая психология» (1891) Бар призывает заменить «психологию чувств» «психологией нервов». Примечательно, что наряду с выражением «психология нервов» он пользуется также выражениями «мистика нервов» и «романтика нервов». «Чувства» реали-

стического искусства отвергаются Баром потому, что они уже прошли через фильтр рассудка и, выстраивая, подобно ему, логику субъектно-объектных отношений, отрывают человека от мира объектов, им воспринимаемых. Задача же новой психологии состоит в том, чтобы эту логику разрушить, обнаружив онтологическое тождество души и Вселенной. По мысли Бара, это могут быть не чувства, а ощущения (Sensationen). «Переместить психологию из области рассудка в область нервов — в этом весь фокус», — формулирует Бар³. Искусство, которое хочет правдиво говорить о душе, быть «искусством души» (Seelenkunst), должно опираться на ощущения, стать «искусством нервов» (Nervenkunst), притом нервов болезненно обостренных и чутких до мистического ясновидения. Опыт реализации этой программы выступают лучшие образцы «младовенской» лирики и субъективной лирической прозы.

С 1890/91 годов начинается этап интенсивного самоутверждения «венского стиля», как говорит Бар, «второй (постнатуралистической. — А.Ж.) период модернизма»⁴. Трансформируя культурный код, стимулированный берлинскими текстами-провокаторами, венская культура начинает бурно порождать свои собственные тексты, которые вскоре обеспечивают ей в общем пространстве немецкого модернизма роль транслирующего центра. Вена самоутверждается за счет Берлина. На фоне ее культурного расцвета роль берлинского натурализма как инициатора модернистской литературы подвергается — уже со стороны современников этого полемического диалога — существенной переоценке. Возникает точка зрения, которая сохраняет свою актуальность до настоящего времени: эстетика берлинского натурализма, несмотря на присущий ей пафос отрицания традиции, еще слишком глубоко укоренена в позитивистской культуре второй половины XIX века и является в лучшем случае лишь предвестием той эстетической революции, которая завершилась в эпоху авангардизма и абстрактного искусства.

* * *

Для последовательного художника-натуралиста природа воплощает полную и высшую истину именно постольку, поскольку она существует вне сознания, объективно. Модернисту же, каким он становится в Вене, природа, не преломленная сквозь призму поэтического сознания, кажется мертвой и бессмысленной. Она — только нереализованная возможность истины, и реализовать ее призвано субъективное сознание художника, которое не искажает истину природы, существующую якобы где-то вовне, а впервые ее творит и воплощает, освобождая души вещей из плена материи. Именно об этом пишет позднее и Гофмансталь: «Предметы жизни тенями парят вокруг нас до тех пор, пока не выпьют нашу кровь: только тогда они обретают живые тела»⁵.

Соответственно меняется и отношение к эстетической, вообще культурной традиции. Прошлое культуры перестает быть консервативной системой ограничений, с которой сражался натурализм, но оно перестает восприниматься и как архив священных, неприкосновенных образцов для ностальгического подражания, примеры которого давал венский историзм, воплощенный в живописи Ганса Маккарта и в пышной архитектуре венской Рингштрассе. Молодое поколение венских художников, тех, кого стали называть «Молодой Веной» и «Сецессионом» отвергает то и другое. Когда Бар говорит, что искусство призвано возродить правдивость мысли, соединив ее с правдой души, это означает, что культурная традиция должна стать пространством свободы и эксперимента, и поэт обязан работать с ней так, как скульптор работает с камнем или с бронзой. Выразительным примером такой эстетики являются обработки античных мифов в драматургии Гофмансталя («Алкеста», «Электра», «Эдип и Сфинкс»)⁶.

Освоение культурной традиции становится в творчестве «младовенцев» формой обновления самой жизни. В этом — суть «младовенского» эстетизма и его принципиальное отличие от того бессознательного бегства в царство радужной эстетической иллюзии, которое характеризует жизненную стратегию культурного бюргерства Вены в эпоху ее «всесокого апокалипсиса».

Горизонтальная культура и метафизическая вертикаль

Поклоняясь искусству, либеральная австрийская буржуазия изживает свою неудовлетворенность исторической действительностью. Лишенная поли-

тического влияния и обманутая в своих надеждах на общественный прогресс, она меняет место в парламенте на кресло в театральном партере и нейтрализует непоправимую действительность, отождествляя ее с театральным представлением по общему признаку иллюзорности: жизнь, осмысленная как театр, не внушает страха и не требует ответственности. Все становится по видимости безопасной, хотя и щекощущей нервы игрой, как это показано, например, в пьесе Артура Шницлера «Зеленый какаду» (1899).

Эстетизм «Молодой Вены» — другого рода. Он начинается с ригористической демаркации границ. «Нет прямого пути ни от поэзии к жизни, ни от жизни к поэзии», — пишет Гофмансталь в лекции 1896 года «Поэзия и жизнь»⁷. Но путь, не прямой, а окольный, все же есть, и его завершением становится авангардистское требование преображения, «пресуществления» действительности по законам искусства. Эстетическая революция видит свою задачу в искуплении материального мира и стремится к империалистической экспансии — к воплощению «царства».

«Новое искусство, которое мы создадим, — пишет Бар, — станет и новой религией, ибо искусство, наука и религия — это одно и то же»⁸.

Сущность модернизма в интерпретации его Германом Баром заключается в том, что в условиях кризиса рационалистической культуры искусство принимает на себя смыслополагающую функцию религиозной ремифологизации мира на основе синтеза духовного и чувственно-материального начал. Таким образом, эссе Бара знаменует, переход к новому типу культурного творчества — от горизонтальной культуры к культуре вертикального типа.

Горизонтальная культура классического либерализма предстает на рубеже веков как изошренная система принуждений, бессмысленно усиливающая свой гнет под угрозой близящегося взрыва. Но «новые люди», от имени которых говорит Бар, знают, что ничто не может ее спасти. Ожидается событие, равное по значению культурному перевороту Ренессанса, начинает складываться вертикальная вневременная модель мира, отвергнутая Новым временем.

Движение человечества вперед по горизонтали исторического времени перестает быть основным критерием всех оценок, и ведущая роль переходит к другому процессу — восхождению индивидуальной души по метафизической вертикали, соединяющей мир и Бога. Картина мира, основанная на логическом отношении субъекта и объекта, причины и

следствия, сменяется картиной мира, основанной на принципе символических сближений и переключек, на внутреннем тяготении вещей и явлений друг к другу. Ее центром становится отношение Бога и мира, движущихся навстречу друг другу и желающих своего взаимного воплощения.

Тайна жизни

Единство всего сущего, зашифрованное в противоречиях эмпирической действительности, обозначается на рубеже веков словами «тайна жизни». Жизнь — общий предмет научных, философских и поэтических исканий эпохи — принадлежит к числу важнейших лозунгов и «Молодой Вены»⁹. В приобщении к тайне жизни заключается для «младовенцев» высшее предназначение художника, который постигает ее, спускаясь на дно своей души. Самопознание поэта требует отречения и одиночества, разрыва внешних и поверхностных связей во имя связей глубинных и сущностных, означающих обретение утраченного единства человека с божественной целокупностью бытия за пределами рационального знания¹⁰. Отчаянное одиночество перед лицом лживой действительности и мучительная немота перед лицом лживого языка — цена, которую поэт должен заплатить за грядущее обновление. Но когда цена эта будет заплачена, путь отречения будет пройден, ему откроется истинная реальность мировой жизни, и он воплотит ее в небывалых образах, которые станут плотью нового совершенного мира. Тогда — конец дуализму, определившему трагедию Нового времени: душа и тело, дух и плоть, субъект и объект, явление и сущность, Град земной и Град Божий — все воссоединится в постигшем пространстве победившего модернизма.

* * *

Первые итоги этого движения по вертикали Герман Бар подводит в 1899 году в эссе «Наше десятилетие». За десять лет существования группы «Молодая Вена» сложилась, по мнению Бара, самостоятельная литература «венского стиля», независимая от Германии, но и не сводимая к подражанию французским декадентам. Основание для оптимизма дают Бару произведения «младовенцев», вышедшие в 1890-е годы: лирика и новеллистика Гофмансталя, его лирические драмы «Вчера» (1891), «Смерть Тициана» (1892), «Глупец и смерть» (1893), драмы и новеллы Шницлера, в особенности его драматический цикл «Анатоль» (1893), повести Леопольда Андриана «Сад познания» (1895) и Рихарда Беер-Гофмана «Смерть

Георга» (1900), первый сборник лирических миниатюр Петера Альтенберга «Как я это вижу» (1896), лирические сборники Феликса Дермана («Нейротика», 1891; «Ощущения», 1892) и Рихарда Шаукаля («Мои сады», 1893; «Tristia», 1898).

Венский стиль.

Штраус, Малер, Фрейд и Мах

К 1900 году «Молодая Вена», действительно, завоевывает господствующее положение в австрийской культуре, которое обеспечивается большой сплоченностью молодой культурной элиты и сохраняется до Первой мировой войны. Бар становится ведущим литературным и театральным критиком, печатается в центральных изданиях Австрии и Германии и находит себе сильных союзников в лице художников «Сецессиона» с их журналом «*Ver sacrum*», представлявшем то же направление, что и орган младовенцев «*Современная литература*». Социально-психологические пьесы Шницлера ставятся на сцене Бургтеатра, вытесняя натуралистическую драматургию Гауптмана и даже Ибсена. Гофмансталь, переживший кризис «преэкзистенциального», по его определению, эстетизма, обращается к театру, в котором видит путь к социальному искусству, и его плодотворный союз с Рихардом Штраусом реализуется на сцене Венской оперы, возглавляемой их единомышленником Густавом Малером. За блистательным успехом оперы «Электра» (1906) последовали «Кавалер роз» (1910), «Ариадна на Наксосе» (1911) и еще несколько более поздних совместных работ.

В первое десятилетие XX века культура Вены представляет собой своего рода «синкретическое произведение искусства», о котором мечтал Рихард Вагнер. В союзе с эстетическим модернизмом выступает философия и наука, важнейшими представителями которой являются Эрнст Мах и Зигмунд Фрейд. Сочинения того и другого, сомнительные с точки зрения консервативных университетских кругов, получают тем более широкий резонанс в модернистской среде, и это способствует формированию своеобразного философско-литературного, а в случае Фрейда — и медицинско-литературного дискурса. В отличие от Франции и Германии, где союз литературы и естествознания сложился преимущественно в рамках натурализма, в Австрии этот союз служит преодолению натуралистической эстетики.

Для «младовенцев» открытия Маха и Фрейда играли роль научной легитимации их кризисного мироощущения. В первую очередь это относится к

книге Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1900), содержащей анти-метафизическую философию «чистого опыта».

По Маху, реально существует лишь то, что доставлено нам в опыте наших ощущений, а опыт дает нам свойства и группы свойств, но никак не представления об их «объективных» носителях. Материальные тела, на объективном существовании которых настаивает материализм, — такая же фикция, как и «духовные сущности» идеалистической философии; то и другое — лишь временные узлы свойств, которые непрерывно возникают и распадаются, как узоры в калейдоскопе. Из таких изменчивых комплексов, физических и психических одновременно, состоит вся действительность — вечный поток бытия, уносящий с собой все, что казалось постоянным и неизменным.

Личность как иллюзия

Идеалистической иллюзией является, с точки зрения Маха, и человеческая личность, идентичность нашего воспринимающего и мыслящего «Я» — той точки, от которой, начиная с Декарта, отсчитывались все мировые смыслы. «Я обречено на гибель», — утверждает Мах¹¹, это тоже лишь психофизический комплекс, связка или пучок переживаний и ощущений, непрерывно меняющийся в зависимости от их характера и сочетаний, в которые они вступают. Вместе с понятиями «субъект» и «объект» махизм отменяет и границу, их разделяющую: мир чистого опыта мыслится как единый поток однородных элементов-ощущений, психических и физических одновременно.

Кризис личности, центральная тема Ницше и «философии жизни», является тем пунктом, в котором махизм соприкасается с учением Фрейда. Если Мах топчет сознательное «Я» в потоке противоречивых субъективных ощущений, то Фрейд отдает его во власть «бессознательного», восходящего к архаическим инстинктам. Субъект становится у Фрейда марионеткой таинственного «либидо», замещается образом «множественного Я», невольного актера в многофигурной драме ложных самоидентификаций, которые попеременно овладевают сознанием, замещая иллюзию личного тождества. В результате сознание утрачивает не только интеллектуальное господство над действительностью, но и контроль над внутренним миром личности: «Я <...> не является более хозяином даже в своем собственном доме»¹².

В творчестве писателей «Молодой Вены» тема деперсонализации раскрывается под прямым влия-

нием Фрейда, воспринятым «младовенцами» в широком контексте современной психиатрической литературы, работ Теодуля Рибо, Пьера Жане, Мортон Принса. Яркий образ дезинтегрированной личности дает Гофмансталь в неоконченном романе «Андреас, или Воссоединенные» (1907–1913). Но с особой очевидностью диалог с Фрейдом обнаруживается в прозе Артура Шницлера, которого сам Фрейд, не без чувства зависти, признавал своим «двойником» в области художественной литературы¹³. Врач по образованию, автор ряда статей о гипнозе и внушении, Шницлер в одних случаях превосходит; в других использует теорию Фрейда, художественно оформляя хитросплетения осознанного и подсознательного как психологическое выражение кризиса культуры. В дальнейшем фрейдистские импликации становятся неотъемлемой частью психологической новеллы в творчестве таких разных писателей, как Франц Верфель («Не убийца, а убитый виноват», 1919), Франц Кафка («Письмо к отцу», 1919), Стефан Цвейг («Амок», 1922).

Важно подчеркнуть, что, читая Фрейда и Маха, «младовенцы» находят у них не только теоретический анализ кризиса современной личности, но и важные импульсы к разработке новых принципов ее художественного изображения. Показательны в этом отношении две новеллы Шницлера — «Лейтенант Густль» (1900), первый в немецкой прозе опыт широкого применения техники «внутреннего монолога», и написанная значительно позже «Барышня Эльза» (1924), в которой Шницлер, задевший ссылкой Джойса на первенство Эдуара Дюжардена, повторяет этот опыт с еще большим мастерством. В том и другом тексте махистская тема диссоциации личности раскрывается с привлечением психоаналитического метода свободных ассоциаций: поток сознания персонажей — рыхлая вереница их мимолетных впечатлений, мгновенных воспоминаний и фрагментарных размышлений — напоминает описанный Фрейдом полусон-полубред пациентов на кушетке психоаналитика.

Снимая оппозицию голоса повествователя и голоса персонажа, Шницлер демонстрирует общую и чрезвычайно характерную тенденцию зарождающейся поэтики модернизма к пересмотру или разрушению границ, определявших классическую структуру литературной реальности. Внутренний монолог — только частный случай этой тенденции. Уже в творчестве писателей «Молодой Вены» границы нарушаются по всем линиям — между произведением и

читателем, текстом и контекстом, речью и молчанием, знаком и значением, предметом и образом, между различными жанровыми формами, различными видами искусства, искусством и жизнью. Повсюду ощущается стремление к созданию гибридных конструкций, к интеграции и синкретизму, и обоснование этой тенденции дает научная критика автономного субъекта и субъектно-объектных отношений.

По мысли Жана-Франсуа Лиотара, австрийская культура начала XX века взяла на себя «погребальный труд» развенчания и делегитимации господствующих научных и эстетических представлений — «метарассказов» XIX столетия¹⁴.

Но не менее важно и другое: беспощадный диагноз кризисных явлений сочетается в те же годы и у тех же авторов с напряженными поисками их преодоления, с выработкой утопических решений. Чем решительнее осуществляется на рубеже веков развенчание личности, тем отчетливее выступает на передний план и потребность в ее восстановлении — не в прежних ее границах, а в образе «нового человека», способного обрести более прочную идентичность на почве другой, истинной реальности.

В учении Фрейда психоанализ, устанавливающий причины кризиса, является и средством психотерапии, цель которой — замещение бездумной и потому столь непрочной привязанности пациента к своему иллюзорному «Я» трагическим, но и спасительным сознанием закономерной укорененности каждой индивидуальной психики и судьбы в вечной тотальности общезначимого древнего мифа, модернизированного Фрейдом мифа об Эдипе. Принимая истину психоанализа, человек получает шанс внести смысл в путаницу своей собственной жизни и в хаос мироздания, реинтегрировать свое распадающееся «Я», вписывая его в новую и в то же время древнюю как мир систему ценностных координат. Психоаналитический миф объединяет индивидов в рамках эстетическо-религиозного сверхобщества, противопоставленного распадающемуся социуму. Тем самым он выступает в качестве союзника эстетической утопии венского модернизма, параллельно с которой он и создавался. Их содружество представляет собой военный союз против лжереального мира политики и истории.

«Царский путь» самопознания

«Царский путь» самопознания, т.е. приобщения к универсальному мифу ведет, по Фрейду, через страхи снов, где ложь сознательной жизни рассеивается в

стихии бессознательного и исполняются «вытесненные» желания, которые неспособна удовлетворить дневная действительность. «Толкование сновидений» (1900), книга, в которой Фрейд видел своего рода введение в культуру XX века, воспринимается поэтами «Молодой Вены» как научное подтверждение их антинатуралистической программы. Натурализм, писал в 1894 году Бар, «требовал от искусства быть действительностью и ничем, кроме действительности»; декаденты же решают вопрос об отношении искусства и жизни, «требуя от искусства <...> быть сновидением и ничем, кроме сновидения»¹⁵.

Образы сновидения, кошмары и чары сна, грёзы и мечты, действительно, играют в поэзии раннего венского модернизма ключевую роль, выступая одновременно как символы разочарования и надежды. Если жизнь есть сон, то и сон есть жизнь, если внешний мир — мираж, то «миры, рожденные в мечтах», являют истину и получают оправдание в качестве главного предмета поэзии. «Я говорю сну: останься, будь правдой./ И говорю действительности: исчезни, будь сном», — эти стихи Гофманстала¹⁶ представляют собой лишь один из многих примеров превосхождения «фрейдистского кода» в его лирике 1890-х годов. Так, в стихотворении «Терцины» (1894) мотив иллюзорности внешнего мира, оформленный шекспировской строкой «Мы созданы из вещества того же, что наши сны», не сводится к барочному *vanitas*, как у Шекспира в «Буре», а открывает тему магического преобразования жизни и перехода в высшую реальность, где царит спасительное тождество: «Три суть одно: человек, вещь, греза»¹⁷. Неоромантическая метафора «жизнь-сон» характеризует у Гофманстала состояние мистического опыта, приобщающего лирического героя к сущностному миропорядку. Аналогичное решение темы сна — истинной реальности, замещающей бессмыслицу сознательной жизни — дают наряду с поэзией и прозой Гофманстала многие тексты его современников, например, роман Рихарда Беер-Гофмана «Смерть Георга» или поздняя новелла Шницлера «Сновидение» (1924).

Империя, вытесненная из истории

В беседе с писателями, записанной Бертой Цукеркандль¹⁸, Мах высказал мнение, что австрийская литература сновидений родилась в 1866 году, когда Австрия потерпела поражение от Пруссии и оказалась за бортом истории.

Вероятно, Маху помнились насмешливые строки Гейне о немцах: «Французам и русским досталась

земля, / Британец владеет морем, / А мы — воздушным царством грез, / Там наш престиж бесспорен».

То, что Гейне говорил о Германии, Мах через полвека переносит на Австрию, ибо на рубеже веков ситуация меняется: Германия Бисмарка завоевывает себе место среди стран, утверждающих свое господство над миром в области реальной действительности, в мире экономики и политики, науки и техники. Страной, вытесненной из истории, испытывающей кризис своего национального самосознания, становится теперь Австро-Венгрия, и Мах полагает, что в лице своих поэтов и философов она берет реванш за политическое унижение, утверждается, как когда-то романтическая Германия, в автономном царстве грез модернистской культуры.

Участовавший в беседе с Махом Герман Бар это мнение, кажется, подтверждает: «Да, верно, сон под названием Австрия — вот чему мы хотим придать смысл и форму, цвет и звучание»¹⁹. Но его реплика вносит решающий нюанс: грезы важнее, чем действительность. Австрия, какой она предстает в сновидениях ее поэтов²⁰, не только не совпадает с обреченной империей, но и не должна с нею совпадать. Последняя не заслуживает внимания художника, потому что она — лишь иллюзия. Истинная же реальность — это Австрия-сновидение, и только она требует своего воплощения в эстетической утопии, тесно соседствующей с родственной ей утопией психоаналитического мифа.

Из философии Маха следовало, что мир (комплекс ощущений) есть либо иллюзия, которую наше сознание принимает за реальность, либо реальность, которую мы подменили иллюзией. Мироззрение поэтов и художников Вены колеблется между этими вариантами, пробиваясь от деструктивного к конструктивному пониманию махизма.

Импрессионистический человек

«В моде Поль Бурже и Будда», — пишет Гофмансталь в эссе о Д'Аннунцио²¹. Имя Бурже указывает на закон декаданса — распад целого, имя Будды означает противоположную тенденцию, волю к всеединству. Значение венского импрессионизма в том, что он объединяет в себе оба полюса современного сознания, как объединяет их в себе и учение Маха.

В своей декадентской версии импрессионизм раскрывает тему утраты ценностей: мир больше не объективное целое, он распался на бессвязные факты и мелькающие мгновения, которые существуют лишь до тех пор, пока воспринимаются чувствами; его сим-

волами выступают игра теней, пляска призраков, карты, маски, театр.

«Импрессионистический человек», творец и герой этого мира иллюзий, презирает общество и мораль и не знает другого закона, кроме личной воли и личного счастья. Свободный и одинокий, он исповедует культ своего «Я», только себя самого мнит достойным любви и хочет бездумно скользить по золотым волнам жизни, срывая цветы чувственных и интеллектуальных наслаждений²².

Но когда разрушается вера в объективный мир, исчезает и автономный субъект; согласно Маху, он такая же фикция, как и призрачный мир воспринимаемых им объектов. Вот почему *homme libre* импрессионистической культуры — это актер, не верящий в убедительность своей роли. За эйфорическими призывами импрессиониста «погрузиться в лазоревые сны раскрепощенных нервов», где «нет истины, а только красота»²³, неизменно ощутим тайный страх метафизической пустоты, придающий импрессионистическому чувству жизни тот оттенок скептической резиньяции, который так ясно выразили Гофмансталь в своем стихотворном «Прологе»²⁴, и Шницлер в «Парацельсе» (1898)²⁵.

Именно Шницлер и представляет нигилистическую линию в литературе венского импрессионизма с наибольшей последовательностью. Путь к свободе, который выбирают его герои, выстраивается как серия болезненных разрывов и разоблачений. Он усеян невинными жертвами и невозполнимыми потерями, ведет к одиночеству, разочарованию и смерти (пьесы «Любовная забава», 1895; «Одиноким путем», 1903; «Бескрайняя страна», 1911).

Болезнь современной души, которую Шницлер не устает изображать в своих пьесах и новеллах, — это экзистенциальный страх, порожденный отчуждением личности, разрывом между сознанием и реальностью. Преломляясь в сознании шницлеровских персонажей, реальность обесмысливается и от этого ускользает, не дается ни чувствам, ни рассудку, готова в любой момент обернуться призрачной фантазмагорией. Изгнанный из реальности, герой Шницлера словно разучился жить; он блуждает среди привычных фактов и отношений как на чужбине, пугаясь своей отрешенности, не узнавая самых простых вещей. Дневная действительность еще не вполне подчинена у Шницлера абсурдной логике ночных сновидений, как это происходит в произведениях Кафки, но ясность очертаний она уже утратила, уже начала исчезать в сумерках, и, если во тьме кафкианского аб-

сурда всегда мерцает огонек религиозной надежды, то серые рассветы Шницлера, кажется, исключают возможность спасения.

Шницлер не верит в апокалиптическую диалектику утраты и обретения, согласно которой смерть искупляет новую жизнь, распад чувственно-материальной действительности освобождает место для абсолютной реальности, кризис автономного субъекта является условием рождения симфонической личности-микроскопа.

С признанием этой диалектики связана вторая версия импрессионизма, в согласии с которой игру наших ощущений, кажущихся бессвязными и мимолетными, следует представлять себе как единый орнамент жизни, где каждый «психофизический» элемент, причудливо переплетаясь с другими, участвует в создании величественной гармонии целого и проникнут его общим смыслом.

В литературно-критической эссеистике Бара к импрессионизму отнесены самые разные авторы и произведения — лирические драмы Метерлинка и Гофмансталя, скульптуры Родена и картины Климта, японские гравюры на выставке «Сецессиона». Признак, который их объединяет — это умение художника создавать необъяснимые связи (*cohésion indéfinissable*)²⁶, «видеть в части целое или в одном все»²⁷, изображать явления чувственно-материального мира так, чтобы возникало ощущение той тайны, которую Гофмансталь назвал «тайной сцепленности всего земного»²⁸.

Махистское искусство импрессионизма, как понимали его в Вене, настаивает на отмене границ, которыми изрезало Вселенную рационалистическое сознание. Импрессионизм там, где вещи выведены из их изолированности, где восстанавливается единство и принципиальное тождество всего существующего, и человеческое «Я» включается во всемирное братство всех вещей.

Таков, в частности, импрессионизм Петера Альтенберга, у которого импрессионистический принцип дематериализации мира в призме субъективных впечатлений интерпретируется на основе махистской философии тождества внешнего и внутреннего, субъекта и объекта, сознания и бытия. Душа, проповедует Альтенберг, должна «расширить свою территорию»²⁹, разрастись до масштабов Вселенной. Средством этого расширения является, по его убеждению, поэзия. Поэт — это «Робеспьер души»³⁰, но его оружие — не революционная риторика, а магический взгляд³¹. Называя первый сборник своих ли-

рических миниатюр «Как я это вижу», Альтенберг подчеркивает, что под ударением в этом названии должно стоять не слово «Я», а слово «вижу»³². Ценность зрительных ощущений определяется для Альтенберга не точностью отражения внешнего мира, а силой его творческого преобразования, при котором субъект исчезает, растворяется в объекте. По лучу магического взгляда душа поэта словно перетекает в мир, пропитывает плоть мира, как влага губку, и когда она в мире воплотится, мир станет святой плотью и будет спасен.

Грядущее «царство» воплощенной души и одухотворенной плоти предполагает преодоление *principium individuationis*, и одним из самых суггестивных символов этого преодоления выступает у Альтенберга танец. «Я есмь» и «Я танцую» — эти миры абсолютно противоположны», — пишет Альтенберг³³, ибо танцующий отрекается от обособленности своего «Я», по выражению Ницше-Заратустры, «вытанцовывает себя» из границ своей индивидуальности³⁴. Такая трактовка танца прямо противоположна той, которая дана в пьесе Шницлера «Хоровод» (1900), где эротическая энергия жизни порождает бессмысленное движение по замкнутому кругу и не преодолевает, а организует лживый мир социальной действительности.

Для Альтенберга человек, вовлеченный в дионисийский танец, обретает свободу. Путь к свободе — это не одинокий путь к смерти, как у Шницлера; смерть означает переход через инобытие и условие вхождения в истинную жизнь. С особым пафосом раскрывает эту тему философ и эссеист Густав Ландауэр, пламенный почитатель Фрица Маутнера, чья фундаментальная «Критика языка» оказала в одном ряду с учением Маха значительное влияние на «Молодую Вену». В философии Маутнера слову — лживому языку мысли и инструменту отчуждения мира, противопоставит молчание — язык мистического чувства. Заостряя мысль своего учителя, Ландауэр пишет: «Есть только один способ избавиться от чувства одиночества и богооставленности: принять мир и принести в жертву ему свое личное «Я». Но только затем, чтобы почувствовать, что мое Я — это и есть весь мир, в котором оно растворено. Обособившееся Я убивает себя, чтобы дать жизнь Я всемирному»³⁵.

Именно этот путь — от гносеологического скептицизма и отчаяния к мистическим «эпифаниям» — проходит герой новеллы Гофмансталя «Письмо» (1902) лорд Чэндос, поэт, испытывавший отвращение к лживому слову и погрузившийся в молчание. Новел-

ла, тонкая стилизация эпистолярного стиля елизаветинской эпохи, представляет исповедь умолкнувшего поэта, обращенную к его старшему другу и наставнику Бэкону Веруламскому. Гофмансталь прощается со своим героем на пороге авангардизма, в тот момент, когда лорд Чэндос ощущает приближение новых «волшебных слов», о которых он говорит, что они, если бы оформились в его сознании, могли бы «одолевать тех херувимов, в которых он не верует»³⁶. Это, несомненно, ключевое место «Письма». Речь идет о библейских херувимах с огненными мечами, которые охраняют врата Рая, препятствуя возвращению изгнанного человечества к Древу жизни. Неверие в них лорда Чэндоса имеет принципиальное значение: он не верит в грехопадение, в его окончательность и в недоступность райского сада. Маутнер был убежден, что единство души и плоти, Бога и мира может быть пережито только в безмолвии; вторжение слов неизбежно разрушает мистическое переживание. История лорда Чэндоса это убеждение не столько подтверждает, сколько ставит под сомнение. На последней глубине падения падший переживает блаженные мгновения сверхчувственной интуиции. В его измученном немой сознании зарождаются неведомые слова нового апофатического языка, на котором говорят не с людьми, а с Богом. Вера в слово сменяется неверием, но кризис безмолвия нужен для того, чтобы родилась другая, истинно священная речь.

Вальтер Йенс называет эту новеллу Гофмансталя «свидетельством о рождении модернизма»³⁷. Это верно прежде всего потому, что индивидуальная история лорда Чэндоса явственно выстраивается в соответствии с трехтактной парадигмой исторического процесса: от неразделенности Бога и мира до грехопадения к их окончательной неразделенности по ту сторону преодоленной истории, от Рая к Новому Иерусалиму.

Определяя модель самоописания модернистской культуры в целом, эта диалектика утраты и обретения находит свое отражение и в идейной структуре важнейших произведений, созданных на рубеже веков в Вене. Центральное звено сюжета образует, как правило, промежуточный этап кризиса, жизнь в состоянии инобытия и отчаяния на пороге смерти. Но завершающая сюжет смерть героя — не только конец, но и начало. Уже в ранней пьесе Гофмансталя «Глупец и смерть» смерть является не в образе отвратительной старухи, а в образе прекрасного юноши музыканта. Когда о принце Эрвине, герое повести Леопольда Андриана «Сад познания» говорится, что он умер,

не познав смысла своей жизни, это означает, что познание предполагалось и на него следует надеяться³⁸; когда в новелле Гофмансталя «Сказка шестисот семьдесят второй ночи» (1895) герой умирает, с отвращением оглядываясь на прожитые годы, это означает, что была какая-то ошибка, и эта ошибка требует исправления... Мотив грядущего преображения присутствует во всех текстах писателей «Молодой Вены».

Высшее переживание, которое знают и кладут в основу своего творчества «младовенцы» — это переживание *unio mystica*, в формулировке Гофмансталя, переживание того, что «мы пребываем в состоянии единства со всем, что есть и когда-либо было, мы не с краю творения не из чего не исключены»³⁹. Выражая стремление к этому единству, венский импрессионизм все больше отдаляется от декаданса и сближается с символизмом, т.е. образует стадию перехода от декаданса к символизму. Зыбкий мир импрессионистических ощущений, который венцы противопоставляют незыблемой чувственно-материальной действительности немецких натуралистов, важен прежде всего потому, что он зыбок и непрочен. Когда материя утонченных чувственных ощущений истончается до предела, сквозь нее начинает просвечивать абсолютная реальность: «открываются снова просветы в таинственную жизнь мироздания», «за гранью конечного открывается бесконечная даль»⁴⁰.

Примечания

¹ Babr H. Zur Überwindung des Naturalismus. Stuttgart, 1968. S. 37.

² Ibid., S. 85.

³ Ibid., S. 37.

⁴ Ibid., S. 49.

⁵ Hofmannsthal H. Gesammelte Werke in 10 Einzelbänden. Frankfurt a.M., 1980. Bd. 10. S. 352.

⁶ См.: Worbs M. Nervenkunst. Literatur und Psychoanalyse im Wien der Jahrhundertwende. Frankfurt a.M., 1988. S. 335. О генезисе этого явления см.: Vietta S. Die literarische Moderne. Stuttgart, 1992. S. 118; Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М., 2001. С. 263–266.

⁷ Гофмансталь Г. Избранное. М., 1995. С. 502.

⁸ Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910. Stuttgart, 1987. S. 191.

⁹ Оппонент «Молодой Вены» Карл Краус иронически писал о «младовенцах» в памфлете «Дряхлеющая литература» (1896): «Важнейшим их лозунгом была жизнь, и они каждый вечер сходились вместе, чтобы выяснять свои отношения с жизнью, а когда души их воспарили, то и толковать ее неизъяснимую тайну» (Die Wiener Moderne. S. 644).

¹⁰ См. об этом: Гофмансталь Г. Избранное. С. 590–591.

¹¹ Mach E. Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. Jena, 1911. S. 20.

¹² Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 181.

¹³ Freud S. Briefe an Arthur Schnitzler // Neue Rundschau, 1955. № 66. S. 97.

¹⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 100–101.

¹⁵ Die Wiener Moderne. S. 225.

¹⁶ Hofmannsthal H. Gesammelte Werke in 10 Einzelbänden. Frankfurt a. M., 1979/80. Bd. 1. S. 91.

¹⁷ Гофмансталь Г. Избранное. С. 759.

¹⁸ Die Wiener Moderne. S. 171–176.

¹⁹ Ibid. S. 176.

²⁰ По выражению Гофмансталя, «поэты – это сновидцы, грезящие символами» (Hofmannsthal H. Gesammelte Werke in 10 Einzelbänden. Frankfurt a. M., 1980. Bd. 9. S. 49).

²¹ Гофмансталь Г. Избранное. С. 490.

²² См. Babr H. Zur Überwindung des Naturalismus. S. 338; Hamann R. Der Impressionismus in Leben und Kunst. 2. Aufl. Marburg, 1923.

²³ Babr H. Ibid. S. 85.

²⁴ Hofmannsthal H. Sämtliche Werke. Frankfurt a. M., 1984. Bd. 1. S. 31.

²⁵ Schnitzler A. Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Das dramatische Werk. Frankfurt a.M., 1977. Bd. 1. S. 498.

²⁶ Выражение одного из любимых художников венских импрессионистов Мориса Дени: Denis M. Journal. Paris, 1957. T. 1. S. 134.

²⁷ Kassner R. Sämtliche Werke in 10 Bdn. Pfullingen, 1969. Bd. V. S. 9.

²⁸ Hofmannsthal H. Sämtliche Werke. Frankfurt a. M., 1975. Bd. 28. S. 196.

²⁹ Altenberg P. Prodomos. Berlin, 1905. S. 27.

³⁰ Altenberg P. Was der Tag mir zuträgt. Berlin, 1906. S. 73.

³¹ Сравнение творчества Альтенберга с магией имеется у Эгона Фриделя: Das Altenberg-Buch / Hg. v. E. Friedell. Leipzig, – Wien, 1922. S. 19–20.

³² Altenberg P. Individualität // Prodomos. S. 95. Петер Хилле характеризует Альтенберга так: «Петер Альтенберг: рецепт, как видеть мир» (Hille P. Gesammelte Werke. Bd. 1–2. Berlin–Leipzig, 1904. Bd. 2. S. 120).

³³ Altenberg P. Der Tanz // Altenberg P. Auswahl aus seinen Büchern von Karl Kraus. Zürich, 1963. S. 475.

³⁴ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.2. С. 214.

³⁵ Landauer G. Skepsis und Mystik. Köln, 1925. S. 10, 13.

³⁶ Гофмансталь Г. Избранное. С. 526.

³⁷ Jens W. Der Mensch und die Dinge. Die Revolution der deutschen Prosa. Hofmannsthal, Rilke, Musil, Kafka, Heim. Statt einer Literaturgeschichte. Pfullingen, 1978. S. 113.

³⁸ Ср. оценку «Сада познания» в критической статье Г.Бара: H. Babr. Der Garten der Erkenntnis // Das Junge Wien. Österreichische Literatur- und Kunstkritik 1887–1902. 2 Bde. Tübingen, 1976. Bd. 1. S. 489.

³⁹ Hofmannsthal H. Gesammelte Werke in 10 Einzelbänden. Frankfurt a. M., 1979. Bd. 10. S. 578.

⁴⁰ Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 195.

Фото: Семья Морриса и Берн-Джонса: Эдвард Берн-Джонс (отец художника), Маргарет Берн-Джонс, Эдвард Кали Берн-Джонс, Филипп Берн-Джонс, Джорджана Берн-Джонс, Мэри (Мэй) Моррис, Уильям Моррис, Джейн Моррис (Берден), и Джинни Моррис

Посмотрите на их Мадонн!

Екатерина Чура
кандидат искусствоведения

Прерафаэлиты и прерафаэлитизм

Прерафаэлитизм — крупнейшее явление в художественной жизни Англии второй половины XIX века, значение которого выходит далеко за рамки изобразительного искусства. Кристофер Вуд, крупнейший специалист по искусству викторианской эпохи, считает прерафаэлитизм «наиболее влиятельным и спорным движением в истории английского искусства»¹. Образованное в 1848 году тремя студентами школ Королевской Академии — Д.Г.Россетти, Д.Э.Миллесом и У.Х.Хантом, — «Братство Прерафаэлитов» стало началом мощного художественного направления, отголоски которого можно увидеть даже в английском искусстве 1930-х годов. Волна увлечения, как писал Перси Бейт в начале XX века, «раскатилась повсюду, рассыпалась тысячами брызг самых причудливых форм, захватила такое огромное пространство, что

теперь никто не может определить того пункта, где бы в искусстве началось и где бы прекращалось влияние прерафаэлитов»².

Само понятие «прерафаэлитизм» до настоящего времени не имеет четкого определения. Уже современниками выражение «прерафаэлит» употреблялось для обозначения двух различных живописных манер: приверженцы одной искренне и правдиво стремились запечатлеть в мельчайших подробностях окружающую действительность, последователи другой создавали возвышенные поэтические образы, не имевшие ничего общего с реальной жизнью. Около ста двадцати художников и иллюстраторов так или иначе были связаны с этим движением. Однако до настоящего времени ведутся споры о том, кого можно с уверенностью назвать «прерафаэлитом», а для кого это влияние было поверхностным.

Современные историки искусства выделяют три категории: «Братство прерафаэлитов», «движение прерафаэлитов» и «прерафаэлитизм». Подобное разделение в своем фундаментальном критико-библиографическом исследовании зафиксировал Уильям Фредеман³. Он совершенно справедливо говорил о том, что недопустимо использовать эти определения в качестве синонимов, ибо это лишь добавляет неясности в историю движения.

Если термином «движение прерафаэлитов» можно обозначить всю совокупность художников, в искусстве которых образы и мотивы, рожденные в «Братстве», получили какое-либо отражение, то понятие «прерафаэлитизм» будет наиболее общим, включающим и искусство последователей, и искусство членов «Братства». Под «прерафаэлитизмом» следует подразумевать ряд художественных особенностей, наличие которых (и не обязательно в полном объеме) позволяет считать творчество того или иного художника частью «движения прерафаэлитов».

Прерафаэлитское движение возникло фактически сразу же, как только «Братство» прекратило свое существование, но продержалось до конца 1920-х годов. То, что это явление, столь протяженное во времени и столь противоречивое в художественном смысле, следует каким-то образом структурировать, искусствоведы осознали только к концу XX века. Т.Хилтон писал историю прерафаэлитизма в 1970 году без четкого разграничения и характеристики его этапов⁴. В начале 1980-х годов К.Белл и К.Вуд выделили «старшее поколение прерафаэлитов» (Хант, Миллес, Россетти, Браун) и «младшее» (Берн-Джонс, Моррис)⁵. Тогда же стали использоваться

такие понятия, как «ранний» и «поздний», или «реалистический» и «мистический» прерафаэлитизм, что в более обобщенном смысле является двумя различными по своим эстетическим характеристикам этапа движения.

В фундаментальной справочной литературе⁶ в истории движения выделяют три этапа: первое и второе поколение прерафаэлитов, а также несколько расплывчатую категорию, обозначающую либо как «влияния», либо как «последователи» (к ним относят мастеров Бирмингемской школы, Д.У.Уотерхауза, таких художников, как Ф.Дикси или Д.Б.Шоу, чье творчество охватывает период с 1890-х по 1920-е годы⁷. К.Вуд, придерживаясь в своих новых книгах той же периодизации (1850-е, 1860-1890-е и 1890–1920-е годы), совершенно справедливо разделяет «Братство Прерафаэлитов» и «последователей прерафаэлитов 1850-х годов»⁸. Такой подход соответствует современным тенденциям в искусствознании, отражает общее стремление ввести в круг исследований большее количество имен и произведений — для лучшего понимания внешних и внутренних границ прерафаэлитизма.

При исследовании прерафаэлитизма 1860-х — 1890-х годов ближайшей смежной областью оказывается история эстетического движения, такого как декаданс, символизм, культура *fin de siècle* в целом. Во многих случаях все эти явления рассматриваются в общем контексте. Уже несколько десятилетий продолжают споры по поводу хронологических рамок этих движений, которые были связаны между собой чрезвычайно тесно — и все же оставались различными. Рубеж веков искусствоведы дробили на 1870–1914 и 1880–1920 годы, выделяли 1880–1900 и отдельно 1890-е годы⁹. Линда Даулинг заметила, что, пытаясь дать определение *fin de siècle*, исследователи превращали его то в «непослушное дитя викторианнизма», то в «неожиданного отца модернизма»¹⁰. Таким же образом интерпретируется и поздний прерафаэлитизм.

По мнению Ричарда Олтика¹¹, прерафаэлитизм, эстетизм и декаданс следует рассматривать как три последовательные стадии «реакции художника на материалистическое течение». Робин Спенсер¹² отмечает, что эстетическое движение зародилось в прерафаэлитизме, однако не прослеживает их дальнейшие взаимоотношения. Исследуя истоки и пути развития декаданса, Джон Роберт Рид, подобно Спенсеру, характеризует прерафаэлитов как непосредственный источник эстетизма, из которого, в

свою очередь, возник декаданс, черты которого расплываются в более отчетливо проявившем себя символизме¹³. К книге Филиппа Джулиана «Мечтатели декаданса: художники-символисты 1890-х годов»¹⁴ восходит и современная тенденция рассматривать прерафаэлитов как английских символистов.

Роберт Джонсон находил, что вторая фаза прерафаэлитизма была «близко расположена к эстетизму»¹⁵. Он подчеркивал преемственность романтизма и эстетизма, а также замечал, что к эстетам причисляли «любого, кто связывал высокую ценность искусства и красоты природы»¹⁶. Джонсон справедливо отмечает, что объединяющим моментом была высокая оценка формы и умаление роли содержания¹⁷. Тем не менее у прерафаэлитов форма все же никогда не превалирует до такой степени. По существу, единственным художником, который в полной мере воплотил основные элементы доктрины «искусства для искусства», был Альберт Мур. Не лишено оснований утверждение Джонсона о том, что если прерафаэлитизм был рожден группой людей, объединенных некоторыми принципами, то по сравнению с ним эстетизм с трудом заслуживает право именоваться «движением», а скорее лишь некоторой тенденцией времени¹⁸. В то же время поздний прерафаэлитизм также многообразен, имеет те же сложные и уже не такие близкие, как раньше, внутренние связи, что и эстетическое движение.

Ян Смолл¹⁹ отметил, что современники не смогли увидеть разницу между прерафаэлитизмом и эстетизмом, и это отчасти справедливо: еще Уолтер Хэмилтон²⁰ использовал слова «эстетический» и «прерафаэлитский» как взаимозаменяющие. Та же тенденция наблюдается и сегодня. Например, Кристофер Ньюалл использует определение «эстетическая живопись» по отношению и к Берн-Джонсу, и Уоттсу, и Уистлеру²¹. Джулиан Треухерц²² рассматривает «мистический прерафаэлитизм» в рамках эстетизма, никак не выделяя его в отдельное движение. К.Вуд считает, что поздний — «мистический» прерафаэлитизм и «классическое возрождение» были разными «гранями» эстетического движения. И Лейтона, и Берн-Джонса он называет «эстетамы времени наивысшего расцвета викторианской эпохи»²³. Тех же взглядов придерживается и Эндрю Уилтон²⁴.

Таким образом, картина взаимоотношений английских художественных направлений второй половины XIX века до сих пор предстает довольно запутанной. Приходится констатировать, что и сегодня граница между эстетизмом и поздним прерафаэли-

тизмом остается достаточно размытой. Несомненно, эстетическое движение оказало сильное влияние на путь, по которому развивался прерафаэлитизм. Объединяющим фактором было разнообразие источников вдохновения, склонность к ретроспекции и эклектике.

Пытаясь провести границу между двумя влиятельными движениями эпохи, Ян Смолл отмечал, что прерафаэлитское движение, в отличие от разношерстного эстетического, было более сплоченным благодаря единому художественному манифесту²⁵. Упоминание Смоллом «общеизвестной подписи» (ПРБ) под прерафаэлитскими работами, дающей иллюзию некоторого единства, говорит о том, что даже к началу 1980-х годов вопрос был настолько мало изучен, что не все специалисты осознавали разницу между ранним — реалистическим — и поздним — «мистическим» прерафаэлитизмом.

История «Братства Прерафаэлитов» началась летом 1848 года, когда Данте Габриэль Россетти встретился и подружился с Уильямом Холманом Хантом. Хант познакомил его со своим другом — Джоном Эвереттом Миллесом. Все трое встречались у Миллеса в доме номер 83 по улице Гоуэр в Лондоне и в мастерской Ханта на улице Клэвеленд. Зимой того же года в одну из таких встреч было решено создать тайный кружок — «Братство Прерафаэлитов». Кроме Ханта (1827–1910), Миллеса (1829–1896) и Россетти (1828–1882) в «Братство» вошли Джеймс Коллинзон (1825–1881), Фредерик Джордж Стивенс (1829–1907), Томас Вулнер (1825–1892) и брат Данте Габриэля — Уильям Майкл Россетти (1829–1919).

Данте Габриэль Россетти, по словам Ханта, был увлечен самой идеей прерафаэлитизма и не слишком задумывался о ее сути, поэтому мотивы принятия в «Братство» были самые разные. Так, например, молодой художник Джеймс Коллинзон был принят главным образом потому, что в то время ухаживал за Кристиной Россетти, сестрой Данте Габриэля и Уильяма. Уильям Майкл Россетти никогда не был художником, но Данте Габриэль уверял поначалу, что у него есть талант. Начинаящего скульптора и поэта Томаса Вулнера, который фактически так ничего «прерафаэлитского» и не создал, привлек в «Братство» тот же Данте Габриэль. Холман Хант утверждал, что именно он, Хант, увидев как быстро разрастается Братство, решил остановиться на семи его членах. По рекомендации Ханта был принят Стивенс, который брал тогда у него уроки, однако

художником так и не стал, но состоялся как художественный критик.

Когда прерафаэлиты в 1849 году предстали перед публикой, они не обнародовали никакого манифеста. Нет ни одной достоверной записи того времени, которая позволила бы говорить о теоретической платформе, лежащей в основе их творчества. Все возможные высказывания относительно художественной программы принадлежат более позднему времени и могут рассматриваться только как индивидуальные высказывания участников или домыслы критиков.

Объяснение сущности прерафаэлитизма искали, в первую очередь, в самом названии «Братства».

В любой литературе о прерафаэлитах можно узнать о том, что название отражало их восхищение дорафаэлевской («пре» — перед Рафаэлем) живописью итальянского Возрождения. Но можно ли из одного факта восхищения делать выводы о какой-либо серьезной связи между итальянскими живописцами кватроченто и английскими художниками второй половины XIX века?

До вступления в «Братство» ни один из его членов не бывал в Италии или в других странах, где мог бы в полном объеме увидеть итальянцев XV века. Вопрос о художественных впечатлениях прерафаэлитов и ныне остается одним из самых спорных. На момент создания «Братства» будущие прерафаэлиты были не слишком хорошо знакомы с итальянским искусством «до Рафаэля». Как и многие их современники, прерафаэлиты знали его работы в основном по книгам и альбомам. Нельзя сказать, что и в дальнейшем они видели много подлинных работ. Например, Россетти, никогда не был в Италии и видел итальянцев только в Лувре и на английских выставках²⁶. Любопытно, что он написал сонет о «Весне» Боттичелли, хотя саму эту картину видел только на гравюре.

Увлечение искусством итальянского Ренессанса было столь же неотъемлемым элементом викторианской эпохи, что и увлечение Средневековьем. И «примитивы» вовсе не были открыты прерафаэлитам. Фрески Кампо Санто, которыми любовались члены Братства, рассматривая книгу гравюр Джованни Паоло Лазинио, в то время входили в популярный круг интересов в итальянском искусстве²⁷. Переоценка ценностей в отношении «примитивов» во многом способствовала возникновению движения прерафаэлитов, в то же время и само прерафаэлитское искусство оказывало влияние на появление тех или иных привязанностей англичан по отношению к произведениям итальянского Ренессанса. Не случай-

но самыми крупными коллекционерами итальянской живописи второй половины XIX века были покровители прерафаэлитов — У.Грэм и Ф.Лейленд.

Суть того «вдохновения», которое прерафаэлиты находили в итальянских и нидерландских «примитивах», можно было бы описать словами Г.Моро: «Посмотрите на их Мадонн, в которых воплощена мечта о высочайшей красоте: какие наряды, какие короны, какие драгоценности, какие вышивки по краю накидок, какие резные троны! Великолепная мебель и аксессуары, собранные в произведениях старых мастеров в бесценную экспозицию, способствуют абстрагированию темы...»²⁸

Можно сказать, что название «прерафаэлиты» отражает восхищение, которое вызывала у молодых художников живопись XV века (итальянская и отчасти фламандская), но не дает право говорить о серьезном изучении шедевров Высокого Возрождения или «старых голландцев» или о намерении хотя бы подражать им. Так же нельзя всерьез говорить о революционности взглядов молодых художников. В своем увлечении искусством «до Рафаэля», культурой Средних веков, поэзией прерафаэлиты органично вписывались в круг интересов и предпочтений викторианской Англии. Революционность же состоит лишь в том, что они со всем пылом молодости воплотили на практике идеи, которые уже давно носились в воздухе.

Как художественное объединение «Братство Прерафаэлитов» просуществовало, увы, недолго. В 1849 году появились первые картины, подписанные таинственными инициалами ПРБ²⁹, а уже в 1853-м Миллес был избран в члены Королевской Академии, и Россетти счел это концом «Братства»³⁰. После этого пути участников «Братства» разошлись. Несмотря на столь короткий период, деятельность этого художественного объединения оказала сильнейшее влияние на английскую культуру второй половины XIX века и имела большое значение для становления искусства следующего столетия.

В течение недолгого существования «Братства» определились основные особенности последующего развития прерафаэлитов. С самого начала у них не существовало ни единства позиций, ни единства метода. Дальнейшее развитие определили три яркие индивидуальности — Данте Габриэль Россетти, Джон Эверетт Миллес и Уильям Холман Хант. Замечательно характеризовал этот триумвират Роберт Сизеран: «Все трое были одарены от природы и страстно жаждали успеха. Это трио составляло за-

конченное целое. Хант обладал верой, Россетти — красноречием, Миллес — талантом. Итальянец был более всего поэтом, Миллес — более всего художником, Хант — более всего христианином. У Россетти, мятежного, беспокойного, была потребность проповедовать что-нибудь, все равно что и безразлично кому. Прекрасный и добросовестный человек, Хант нуждался в вере и в самоотверженном служении великому делу. Практичный и честолюбивый Миллес искал теории, которая вознесла бы его над толпой посредственностей, и не мечтал ни о вере, ни о проповеди. Принялись за дело. Россетти собирал приверженцев, иногда совершенно случайных, как в одной басне Лафонтена кустарник останавливает всех прохожих. Хант с неутомимым рвением усиленно старался следовать предписаниям секты; Миллес собирал аплодисменты. Видя вождя, все говорили: как он хорошо говорит! Видя ученика: как он старается! И видя друга: какие красивые вещи он создает! Но понадобились долгие годы, чтобы заметить, что второй не делал того, что говорил первый, и что третий имел успех только потому, что не слушал одного и не подражал другому»³¹. Характеристика замечательная, хотя и грешит неточностями.

В сущности, «Братство Прерафаэлитов» представляло собою группу пылких молодых людей, которые жаждали изменений, но имели различные представления о том, как этого достигнуть. Цементирующим материалом стали их молодость, их энтузиазм, их общая ненависть к господствующему художественному истеблишменту — в частности, к Королевской Академии.

Как и многие другие художественные объединения второй половины XIX века, «Братство Прерафаэлитов» было текучим, бесструктурным образованием, которое, однако, отличалось плотностью творческих и человеческих связей. Как назарейцы, барбизонцы или импрессионисты, английские художники были спаяны ближе, но иначе, нежели просто «представители одного направления». Духовное единение было замешено на эстетическом единомыслии, однако не сводилось только к нему. Такая «текучая» форма оказалась наиболее естественной для искусства XIX, а затем и XX столетия.

Прерафаэлиты попытались вернуть художнику право на индивидуальность, на свободу творчества, на искренность. Именно в этом состоял их главный принцип. Наделенный творческим даром и способный создавать свой собственный мир, художник представляется личностью исключительной, вполне

свободной, не подвластной правилам. С новой силой зазвучал этот личностный принцип, составлявший основу романтического мировоззрения. Недаром движение прерафаэлитов стало мостом от романтизма начала XIX века к символизму конца столетия. Их искусство органически связано с викторианской эпохой, но в то же время в нем с самого начала была заложена тенденция к стремительному развитию новых идей, новых образов, нового художественного языка.

Прерафаэлитизм стал не столько новой живописной школой, сколько общекультурным, широко распространявшимся движением. Сами прерафаэлиты быстро переросли первоначальные формулы творчества, и любые попытки найти общий знаменатель для истории движения в целом, как правило, оканчиваются неудачей. Единым был только изначальный порыв, направленный против потока тривиальности и вульгарности, ежегодно заливавший стены Королевской Академии художеств. Каждый понимал, что необходимы изменения, но пути достижения цели были разные. Единственными общими признаками, выделяющими прерафаэлитизм из других живописных течений, являются «сухая» живописная техника и пластическая неловкость, «принужденность» поз и движений персонажей.

Влияние прерафаэлитов можно наблюдать в различных явлениях английской культуры второй половины XIX века. Трудно найти художника, который не «переболел прерафаэлитизмом, как неизбежной детской корью», — заметил как-то с присущим ему остроумием карикатурист Макс Бирбом.

Первая волна увлечения идеями прерафаэлитов приходится на 1850-е годы. Основными фигурами, определившими «прерафаэлитский стиль» этого периода, были Д.Э.Миллес, У.Х.Хант и Ф.М.Браун. Молодые живописцы увлекались новыми техническими приемами: использованием белого грунта и ярких «сухих» красок, повышенным вниманием к деталям. Входила в моду работа на открытом воздухе, возник интерес к эффектам солнечного света. Преобладающими жанрами были пейзаж, картины на современные темы или на сюжеты стихов и старинных баллад. Продолжателями линии Миллеса считаются Артур Хьюз (1832–1915), Генри Александр Боулер (1824–1903), Генри Уоллис (1830–1916), Уильям Линдси Уиндус (1822–1907), Джеймс Кэмпбелл (1825/28–1893). В 1850-е годы прерафаэлитизм стал распространяться и в провинции. Крупнейшим провинциальным центром движения считался Ливерпуль. Под влиянием Форда Мэдокса Брауна здесь

формировалась традиция «скромного» прерафаэлитского пейзажа, наполненного поэзией обыденности. Наиболее интересной фигурой «ливерпульского прерафаэлитизма» был Уильям Дэвис (1812–1873), друживший с Хантом, Россетти и Брауном. Влияние Брауна также заметно в работах Томаса Уэйда (1828–1891), Генри Марка Энтони (1817–1886), Джона Эдварда Ньютона (1835–1891), Дэниела Александра Уильямсона (1823–1913). Другая традиция прерафаэлитского пейзажа связана с именами Ханта и Рёскина. Здесь ключевыми фигурами являются Томас Седдон (1821–1856), Джордж Прайс Бойс (1824–1903), Джон Уильям Инчболд (1830–1888) и Джон Бретт (1830–1902).

Для большинства художников 1850-х годов период увлечения идеями прерафаэлитов был недолгим. Одни, как Генри Уоллис или Уильям Линдси Уиндус, затем отошли от живописи. Другие, как Томас Седдон, трагически погибли. Третьи, как Джон Уильям Инчболд, вернулись к более традиционному способу письма. «Реалистический прерафаэлитизм» стал непосредственным продолжением деятельности

«Братства». Здесь можно говорить как об индивидуальных влияниях, так и о совокупном воздействии всех высказываний, тогда как прерафаэлитизм следующих десятилетий был рожден главным образом заразительным талантом Данте Габриэля Россетти. Однако и в конце XIX века появлялись картины, написанные в русле «реалистической» прерафаэлитской традиции. Таким примером может служить раннее творчество замечательного художника из Лидса, ученика Д.У.Инчболда, Джона Аткинсона Гримшо (1836–1893), расцвет творчества которого приходится на 1870–80-е годы.

История второго этапа прерафаэлитского движения началась, когда Д.Г.Россетти познакомился с Э.Берн-Джонсом и У.Моррисом, а также с их совместной работой над оксфордскими фресками. Россетти стал связующим звеном между первым и вторым этапами движения, а также доминирующей фигурой в течение десяти лет, но когда его здоровье ухудшилось, руководство перешло к Берн-Джонсу. Величайший триумф его пришлось на открытие галереи Гросвенор в 1877 году, где он был провозглашен

ведущим современным художником Англии. Берн-Джонс был «лицом» второго этапа, а его стиль ратифицирован многочисленными последователями. К концу XIX века прерафаэлитская эстетика получила столь широкое распространение, что сделалось частью поздневикторианского салонного искусства, и на этом поле прерафаэлитизм начал стилистически сближаться со своим противником — неоклассицизмом, царившим на выставочных площадках Королевской Академии.

Под влиянием Россетти, Берн-Джонса и Морриса движение прерафаэлитов получило новое направление, которое перешло за пределы живописи, практически во все аспекты художественной жизни — мебель, декоративные искусства, архитектуру и убранство интерьера, книжный дизайн и иллюстрацию, даже литературу. Прерафаэлитизм стал частью английского образа жизни.

В художественном смысле искусство позднего периода прерафаэлитского движения представляет собой весьма пестрое и неоднозначное явление. Тем не менее различные творческие индивидуальности объединяет выбор сюжетов, тем и мотивов, стилистические ориентиры и технические приемы. «Визитной карточкой» прерафаэлитов становятся романтические, «медиевистские» образы, навеянные ранними поэмами А.Теннисона и книгой Т.Мэлори «Смерть Артура». Как и многие современники, прерафаэлиты пытались найти синтез современной жизни и средневековых идеалов. Осмысление средневекового наследия привело к созданию поздними прерафаэлитами нового стиля, новой эстетики, которая оказала влияние на дальнейшее развитие английского искусства.

Иконография позднего прерафаэлитизма демонстрирует также появление сюжетов из античной мифологии, чего никогда не было прежде. Однако этот факт не свидетельствует об изменении круга любимых литературных источников прерафаэлитов. Например, большинство подобных работ Берн-Джонса основано на чосерианской поэме У.Морриса «Земной Рай». Кроме того, прерафаэлиты, как правило, выбирают неожиданные для викторианцев эпизоды, а также отличаются оригинальностью трактовки известных сюжетов: в античный миф они приносят атмосферу средневековой куртуазной любви. В целом поиск вдохновения в античном наследии соответствовал общим тенденциям времени, направленным на расширение эстетических горизонтов. По той же причине в 1860-х годах на картинах пре-

рафаэлитов появляется изображение «ню» — обнаженного тела.

Третьей важной составляющей эстетики «мистического прерафаэлитизма» было искусство Высокого Возрождения. Но, в отличие от Средневековья и Античности, Ренессанс практически никогда — ни прямо, ни косвенно — не служил источником сюжетов. Исключением был Россетти, в творчестве которого особое место всегда занимала «Новая жизнь» Данте. Для прерафаэлитизма в целом характерно обращение к стилистическим особенностям итальянских художников. И если в работах ранних прерафаэлитов можно обнаружить элементы стилизации под средневековую живопись и живопись раннего Возрождения (в том числе техники письма), то у поздних мастеров встречаются и глубокая переработка заимствованных мотивов, и их буквальное перенесение в новый художественный контекст.

Благодаря увлечению Ренессансом прерафаэлиты возродили и ввели в моду темперную живопись, которая сделалась их излюбленной техникой. Во многом возрождение темперы явилось логическим продолжением живописных экспериментов ранних прерафаэлитов с цветом и светом. Две национальные черты английского искусства — любовь к линейному контуру и интенсивному чистому цвету — характерны и для ранних, и для поздних мастеров, и возможности темперы как нельзя лучше соответствовали этим пристрастиям. Художники второго и третьего этапа прерафаэлитского движения активно экспериментировали с живописными материалами, способами грунтовки, сочетаниями разных техник. Они писали темперой на бумаге, а акварелью — на холсте. Но в каком бы материале ни были выполнены работы прерафаэлитов, для большинства из них характерен «эффект фрески». Брошенное когда-то Э.Делакруа по отношению к первым прерафаэлитам определение «сухая школа» можно совершенно справедливо отнести и ко многим самым последним из них. Темперная работа на бумаге, которая выглядит как рисунок акварелью, и напоминающая фреску акварель на загрунтованном холсте воплощают эстетику позднего прерафаэлитизма, утрировавшего графичность жестов и декоративность цвета. Часто несколько материалов — масло, темпера, гуашь, акварель — использовались в одной работе. Подобное комбинирование материалов, а также любовь к сусальному золоту объяснялись не только увлечением Средневековьем и ранним Возрождением, но и тесной связью второго поколения прерафаэлитов с декоративным искусством.

Данте Габриэль Россетти. Идея да Тициана

По существу, весь «мистический» прерафаэлитизм 1860–1890-х годов — это «школа Россетти». Порой даже у не относящихся к движению художников можно найти отголоски россеттиевского женского типа, но стиль как таковой не был развит или повторен. Как справедливо заметил К.Вуд, «не существует ничего подобного его работам, и, несмотря на то, что Россетти имел многих последователей и поклонников, его стиль был неподражаем»³². В наибольшей степени влияние Россетти заметно в творчестве таких художников, как Ф.Сэндис, С.Соломон и М.Спарталли-Стилман.

К так называемой «школе Берн-Джонса» относят Д.Р.Спенсера Стенхоупа (1829–1908), Д.М.Страдуика (1849–1937), Эвелин де Морган (1855–1919), Ч.Ф.Марри (1849–1919), Т.М.Рука (1842–1942), Роберта Бейтмана (1842–1922). В ряду поздних прерафаэлитов всегда упоминается известный мастер «эстетического движения» Уолтер Крейн (1845–1915), потому что знакомство с Моррисом и Берн-Джонсом стало поворотным моментом на его творческом пути. Тесное личное общение с членами прерафаэлитского движения наложило отпечаток и на творчество Эдварда Роберта Хьюза (1851–1914), племянника Артура Хьюза. К совсем молодому поколению художников, родившихся в 1870-х годах, принадлежал Эдвард Реджинальд Фрамpton (1872–1923), работы которого относятся к прерафаэлитизму начала XX века, в линейности и графичности которого чувствуется предвестие Ар Деко.

В истории позднего прерафаэлитизма принято выделять в некую творческую общность художников, связанных с Бирмингемской художественной школой. Объединяющим элементом здесь является и стилистическая общность, и близость к Движению искусств и ремесел, и приверженность темпераментной живописи. В большинстве случаев все они были обязаны прерафаэлитизму, но особенно Берн-Джонсу, «человеку из Бирмингема». Среди наиболее известных мастеров Бирмингемской группы — художница Кейт Элизабет Банс (1858–1927), крупнейший мастер английского «темперного возрождения» Джозеф Эдуард Саутолл (1861–1944), Артур Джозеф Гаскин (1862–1928), Генри Артур Пейн (1868–1940), Сидни Харольд Метьярд (1868–1947), Бернард Слей (1872–1954), Максвелл Армфелд (1881–1972). Бирмингемский прерафаэлитизм — это искусство ювелиров и эмальеров, изысканный и холодноватый, где все подчиняется форме и цвету,

и нет никакого другого внутреннего смысла, кроме гармонии, которой любят глаза. В конце XIX века стиль и сюжеты прерафаэлитов в руках мастеров декорационного искусства превратились в увеличенные до размера холста изысканные миниатюры, составляющие вспомнить об именах Д.Хиллиарда или И.Оливера.

В 1870–1880-х годах эстетика бернджонсовского прерафаэлитизма начинает доминировать в английской культуре, превратившись из живой творческой силы в непремненную составляющую буржуазной арт-моды. Оказавшись частью поздневикторианского салонного искусства, прерафаэлитизм сблизился со своим противником — неоклассицизмом. Отчасти это произошло оттого, что на художественном рынке появились молодые выпускники школ Королевской Академии, для которых Россетти и Берн-Джонс были такими же уважаемыми мэтрами, как и Лейтон. Существовавшая в интеллектуальных кругах «легенда о прерафаэлитах» превратилась в часть массовой культуры.

Художники, принадлежащие к так называемой «школе Берн-Джонса», формировали собственную творческую манеру на основе приемов и мотивов, ставших приметой оригинального и неповторимого стиля мастера. Декоративный стиль Бирмингемской школы был обусловлен участием ее представителей в инспирированном прерафаэлитами Движении искусств и ремесел. Наряду с этим в поздневикторианском искусстве появились мастера (зачастую не связанные с прерафаэлитами личными контактами), в творческой манере которых, однако, чувствовалась не только прерафаэлитский «дух», но и конкретные стилистические черты. К ним относится прежде всего Джон Уильям Уотерхауз (1849–1917) — самый значительный поздневикторианский романтический художник, расцвет творчества которого приходится на 1890–1910-е годы. Уотерхауз никогда не причислял себя к движению прерафаэлитов, тем не менее его художественное наследие обнаруживает такое множество прерафаэлитских черт, что уже при жизни художника критики довольно верно оценивали его место в истории поздневикторианского искусства, причисляя мастера к прерафаэлитам.

Творчество М.Стоукс (1855–1927), Э.О.Абби (1852–1911), Э. Фортескью Брикдейл (1872–1945), Ф.К.Каупера (1877–1958) и некоторые работы Т.К.Готча (1854–1931) и Д.Б.Шоу (1872–1919) относятся к позднему прерафаэлитизму 1890–1920-х годов, стилистика которого рождалась из нового

прочтения ранних работ прерафаэлитов. В отличие от своих современников из Бирмингемской группы, для которых прерафаэлитизм был живой традицией, художники «академического прерафаэлитизма» рубежа веков расценивали его как явление, требующее возрождения. В очередной раз они словно заново «открывали» ренессансную живопись. Можно сказать, что художники шли не «за» прерафаэлитами, а тем же путем, но уже в другую эпоху. Возможно, именно поэтому многим удалось создать свой оригинальный стиль, что отличает их от «школы Берн-Джонса».

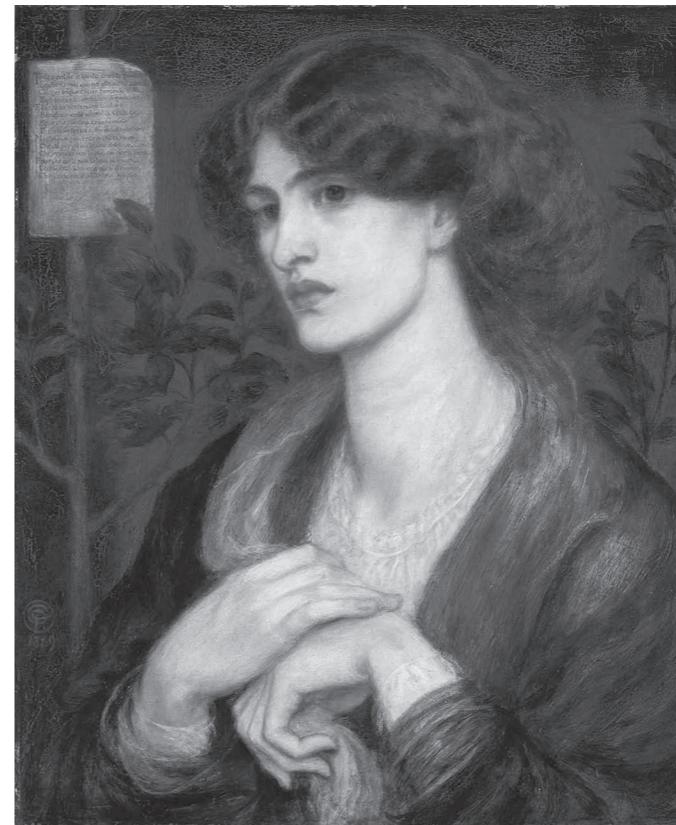
Несмотря на отсутствие художественной программы и даже каких-либо видимых связей между отдельными мастерами, прерафаэлитское движение, растянувшееся во времени на несколько десятилетий, обнаруживает ряд общих эстетических знаменателей, которые позволяют говорить о нем как о творческом направлении, имеющем узнаваемое лицо. Так, прерафаэлитизм начала XX века отчетливо демонстрирует узнаваемые черты фирменного стиля членов «Братства»: утрированную графичность жестов и поз, декоративность цвета, пластическую не-

ловкость, «принужденность» поз и движений персонажей, эффект чрезмерно «сухой» техники.

К концу века в характерном стиле прерафаэлитов декоративность начинает преобладать над натуралистичностью, что особенно заметно в изображении природы. В отличие от раннего периода, в «мистическом» прерафаэлитизме трудно обнаружить не только «следование природе», но и соответствие литературному первоисточнику. Уменьшение повествовательного начала сближает поздних прерафаэлитов с эстетическим движением. Не случайно одним из самых любимых мотивов музыки. В русле той же тенденции времени находилось пристрастие к декоративному эффекту, которое стало для иных художников самоцелью. Таким образом, поздний прерафаэлитизм «балансирует» на очень тонкой, порой едва уловимой грани, отделяющей его от творческих поисков эстетов.

Сердцевиной движения всегда оставался личностный принцип, выражение творческой индивидуальности, что составляет основу романтического мировоззрения. Также наблюдается некоторая преемственность в выборе источников вдохновения: в литературе это — Китс и Теннисон, в живописи — итальянские «примитивы». В позднем прерафаэлитизме еще отчетливее просматривается такая черта, как «мечтательность». Это свойство персонажей выделяет даже морализаторские работы «реалистического» периода прерафаэлитов из примеров викторианского «жанра». Их образы, как правило, нельзя назвать сентиментальными. Именно в области эмоциональной окраски и проходит тонкая грань между «прерафаэлитским» и «викторианским».

Еще в 1838 году немецкий историк Г.Ф.Вааген назвал три качества, которые англичане «прежде всего требуют от произведения искусства — эффекта, затейливой выдумки, склонности к меланхолии, и топографической исторической правды»³³. Практически те же черты обнаружил в английском искусстве и Н.Певзнер, пытавшийся понять, каким образом в Англии сосуществует привязанность к рациональному и иррациональному, наблюдению и воображению³⁴. В искусстве прерафаэлитов все национальные черты проявляются чрезвычайно ярко. Возможно, именно поэтому оно оказало столь заметное влияние на английскую культуру.

Данте Габриэль Россетти. Беатриче

Примечания

- ¹ Wood C. The Pre-Raphaelites. London, 1994. P. 9.
- ² Бэм П. Живопись прерафаэлитов за все время ее существования. СПб., 1900. С.4.
- ³ Fredemann W. Pre-Raphaelitism. A Bibliocritical Study. Cambridge, 1965. P. 1.
- ⁴ Hilton T.N. The Pre-Raphaelites. Lnd., 1970.
- ⁵ Bell Q. A New and Noble School: The Pre-Raphaelites. Lnd., 1982.; Wood C. The Pre-Raphaelites. Lnd., 1994.
- ⁶ См., например: Treubertz J. The Pre-Raphaelites //The Dictionary of Art. V.25. London, 1996. P. 554-556.
- ⁷ О последнем этапе всерьез заговорили только в начале 1990-х гг. после беспрецедентной выставки «Последние романтики», организованной Художественной галереей Барбикана в 1989 г. См.: The Last Romantics. The Romantic Tradition in British Art. Burne-Jones to Stanley Spencer. /Ed. By John Christian. Lnd., 1998.
- ⁸ Wood Ch. Victorian painting in Oils and Watercolours. Aberdeen, 1996; Wood Ch. Victorian painting. Boston; N.Y.; Lnd., 1999.
- ⁹ См. об этом: Dowling L. Aestheticism and Decadence: A Selective Annotated Bibliography. N.Y. & Lnd., 1978. P. xvii-xviii.
- ¹⁰ Dowling L. Aestheticism and Decadence: A Selective Annotated Bibliography. N.Y. & Lnd., 1978. P.xviii.
- ¹¹ Altick R. Victorian People and Ideas: A Companion for the Modern Reader of Victorian Literature. NY, 1973.
- ¹² Spencer R. The Aesthetic Movement. Theory and Practice. Lnd, 1972.
- ¹³ Reed J.R. Decadent Style. Athens, 1985.
- ¹⁴ Jullian P. Dreamers of Decadence: Symbolist Painters of the 1890s. NY, 1972.
- ¹⁵ Johnson R.V. Aestheticism. Lnd., 1969. P. 45.
- ¹⁶ Ibid. P. 11.
- ¹⁷ Ibid. P. 14.
- ¹⁸ Ibid. P. 43. Джонсон пишет, что в этом же проблемном поле находится неуловимый термин «декаданс», который было бы правильнее употреблять лишь в очень конкретных случаях. Тем не менее в английском искусстве традиционно «декадентскими» принято считать «желтые 1890-е», а главными «декадентами» — О.Уайльда и О.Бердслея.
- ¹⁹ The Aesthetes. A Sourcebook /Ed.by Ian Small. Lnd, 1979. P. xi.
- ²⁰ Hamilton W. The Aesthetic Movement in England. Lnd., 1882.
- ²¹ Newall Ch. Themes of Love and Death in Aesthetic Painting of the 1860s /The Age of Rossetti, Burne-Jones & Watts. Symbolism in Britain 1860-1910. Lnd, 1997. P. 35.
- ²² Treubertz J. Victorian Painting. Lnd, 1996.
- ²³ Wood Ch. Victorian painting. Boston; N.Y.; Lnd., 1999. P.144, 176; Wood Ch. Victorian painting in Oils and Watercolours. Aberdeen, 1996. P.37.

© Текст: Екатерина Чура

²⁴ Уилтон пишет, что неоклассицизм «олимпийцев» «вышел» из эстетизма, тогда как оба движения возникли в одно время и развивались параллельно. Wilton A. Symbolism in Britain /The Age of Rossetti, Burne-Jones & Watts. Symbolism in Britain 1860-1910. Lnd, 1997. P. 17.

²⁵ The Aesthetes. P. xii.

²⁶ Первый раз Россетти побывал в Лувре вместе с Х.Хантом во время осенней поездки 1849 г. в Европу. Он обратил внимание на работы Фра Анджелико, Боттичелли, Джорджоне и Тициана. В 1868 г. на выставке в Лидсе ему понравились картины Боттичелли, Карпаччо, Тициана, Мороли и Беллини.

²⁷ Уильям Я. Оттла работал совместно с голландцем Гумбертом де Супервилем в Орвьето, Перудже, Ассизи, Флоренции и Пизе над рисунками по полотнам итальянских «примитивов». Фрески Орканьи, Симоне Мемми, Джотто и Беноццо Гоццоли произвели впечатление на Рескина во время его пребывания в Италии еще за три года до августа 1848 г. Фрески видел Ли Хант, когда был в Италии с Шелли и Байроном, и в его «Автобиографии» можно найти много восторженных откликов. Активную роль в формировании общественного мнения играли ведущие газеты — «Athenaeum» и «Illustrated London News», в которых развернулась полемика о художественной ценности подобной живописи.

²⁸ Цит.по: Крючкова В.А. Символизм в изобразительном искусстве. Франция и Бельгия, 1870-1900. М., 1994. С.116.

²⁹ Первые картины за подписью «ПРБ» появились в 1849 году. На суд Академии Хант представил «Риенцы», а Миллес «Лоренцо и Изабеллу». Россетти в последнюю минуту решил не рисковать отказом жюри и показал «Девичество Богоматери» на «Свободной выставке» на углу Гайд-парка, где было достаточно оплатить место на стене. Интересно, что первые прерафаэлитские опыты были одобрены критикой. Гроза разразилась в 1850 году, когда был раскрыт секрет инициалов. Художественный истеблишмент взмутила «самонадеянность» молодых художников, сам факт организации тайного общества, которое ассоциировалось не с тайным монашеским орденом, а скорее с революционной организацией. Прерафаэлиты были восприняты как мятежники против устоявшихся порядков, бунтари. Само искусство, казалось, отошло на второй план.

³⁰ «Братство» стало распадаться уже в 1850 году, когда ушел Колинзон. В июле 1852 года Вулнер уехал искать счастья в Австралию. В начале 1853 года, после возвращения из Шотландии, Миллес был избран в члены Королевской Академии, а в январе 1854 Хант объявил о своем решении ехать в Палестину. Стивенс и У.М.Россетти обосновались критиками в «Спектатор» и «Спис»». В день выборов Миллеса в Академию Россетти писал сестре Кристине: «Весь Крутой Стол распался!».

³¹ Сизеран Р. Современная английская живопись. М., 1908. С.29.

³² Wood Ch. Victorian painting. Boston; N.Y.; Lnd., 1999.149.

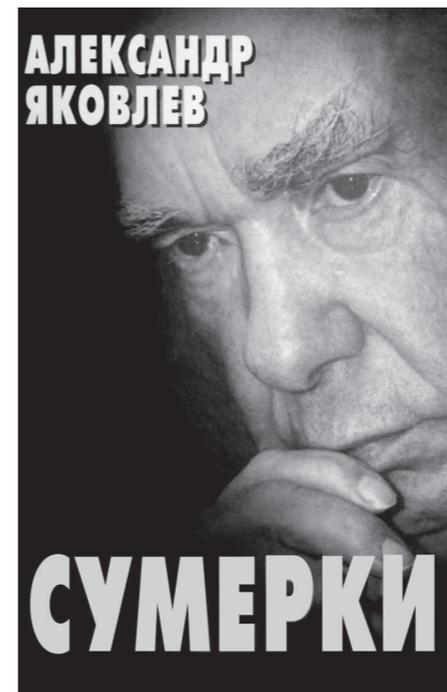
³³ Цит. по: Hobson A. J.W. Waterhouse. Lnd., 1996. P. 122.

³⁴ См.: Певзнер Н. Английское в английском искусстве. СПб., 2004.

илл.: <http://www.liveinternet.ru/users/arvcnundomiel/post244176556>

АРХИТЕКТОР СВОБОДЫ

Этот раздел нашей библиотеки необычен, ибо он целиком посвящен одному уникальному подвижническому проекту.

2 декабря 2013 года исполнилось бы 90 лет **Александру Николаевичу Яковлеву**. В этот день в Доме журналистов на памятный вечер собрались те, кто знал «архитектора перестройки», кто работал с Александром Николаевичем: журналисты, либеральные политики, главные редакторы перестроечных изданий... Он публиковался и в нашем журнале, бывал на наших семинарах и редакционных вечерах. Егор Гайдар любил и высоко ценил Яковлева.

Время неумолимо, многих уже нет среди нас. Но память об Александре Николаевиче не стирается. Враги ненавидят его пуще прежнего, имя главного идеолога исторического поворота страны к свободе и выходу из провалившегося социалистического эксперимента вызывает все большую ненависть у тех, кто хотел бы в очередной раз вернуться в прошлое.

Незадолго до своей кончины Александр Николаевич опубликовал книгу «исповедальных размышлений — «Сумерки» (А.Н. Яковлев. Сумерки. М: Материк, 2005. 672 с.).

Эта книга, как и то многое, что делал в своей жизни Яковлев, не была нашим обществом по достоинству оценена, прочитана, не получила широкого международного (да и внутреннего) признания, которого она заслуживала.

А между тем исповедь его уникальна. А.Н. Яковлев, сын ярославского крестьянина, человек, вышедший из самой гущи народной жизни, фронтовик, ставший инвалидом на ТОЙ войне, правоверный коммунист, сделавший выдающуюся карьеру внутри партии, член Политбюро, идеолог советского режима, — и человек, нашедший в себе мужество расстаться со всеми иллюзиями и ложью системы, которую строил и частью которой был.

Книга «Сумерки» наполнена множеством уникальных фактов, деталей, еще недавно совершенно секретных документов, — и бесстрашного самоанализа. Мало на свете таких книг, как мало и таких людей. За такими книгами стоит огромная внутренняя работа и исповедальная честность.

Сегодня эта книга А.Н. Яковлева, как и другие его труды, изданные Международным фондом «Демократия» уже без него, остро необходимы в развернувшейся полемике вокруг подходов к отечественной истории, на фоне светлых попыток слепить каркас новой государственной идеологии.

«Исповедь — тяжелое дело, если говорить и писать правду. И неблагоприятное». Легко ли написать академику А.Н.Яковлеву: «Я долго копался в самом себе, искал по закоулкам памяти эти взгляды, вспоминал многочисленные сомнения и разочарования, пока меня самого не ошаршил мой же вопрос: а были ли у меня какие-то взгляды в их осмысленном виде? Именно мои, а не чужие. И пришел к ясному ответу — у меня таких взглядов не было. Вместо них в сознании удобно устроился миф, что такие взгляды есть...»?

«Сумерки» начинаются с программной записки, которую 2 декабря 1985 года, в день своего рождения, написал Яковлев — и признается, что побоялся показать Горбачеву, дал куда более осторожный текст.

«Я как бы помирился с совестью, когда изложил свое личное представление о характере и путях общественных преобразований, как я их понимал к тому времени. Реформация тогда еще только проклёвывалась, как птенец из гнезда. Власть КПСС еще казалась неизбежной. В преамбуле к этой записке я, конечно, писал, что предлагаемые меры приведут к укреплению социализма и партии, хотя понимал, что радикальные изменения в структуре общественных отношений приобретут собственную логику развития, предсказать которую невозможно».

Яковлев и сейчас — словно в яростном интеллектуальном сражении, слова его тяжелы как снаряды:

«Новые национал-патриоты делают вид, что не было предательства страны в 1917 году, когда кучка террористов поставила на колени Россию; не было кровавого месива репрессий и геноцида народов; не было детей заложников, тысяч разрушенных храмов и расстрелянных священников. Ничего не было, кроме «добрейшей и мудрейшей власти», допустившей некоторые перегибы, — с кем не бывает». Яковлев многие годы был председателем Комиссии по реабилитации при Президенте, прочитал тысячи расстрельных дел, изучил секретнейшие фонды архивов, — и он знал, о чем говорил.

Яковлев не гипнотизирует своего читателя, не давит авторитетом, он зовет опираться на собственный здравый смысл.

«В результате я пришел к собственному догмату, имя ему — *сомнение*. Нет, не отрицание, а именно сомнение, постепенно раскрепостившее меня... Все дело в том, что мое сомнение - это *мое сомнение*, а не навязанное извне. Я сам его выстрадал. Истину может уловить только сомнение, равно как и отторгнуть догму. Сам человек делает из доступной ему истины или надежду, ласкающую разум и душу, или чудовище, по своему подобию, наряжая истину в лживые демагогические одежды. Созидающее сомнение бесконечно в своих проявлениях. Так случилось и со мной...»

В конце книги Яковлев подводит итог своему и нашему совокупному опыту и приходит к выводу:

«И снова жажда авторитаризма, тяга к революционным скачкам, а вместе с ним — безродного, бездушного,

захватившего, как и в прошлом, большевики с карателями власть в стране. Почему?»

Яковлев отвечает на этот вопрос, выделяя текст курсивом, как наиболее ВАЖНЫЙ:

«А все потому, что Россия находится в состоянии давнего противоборства двух основных тенденций — либерализма и авторитаризма. Причем авторитаризм в той или иной форме постоянно берет верх и держит Россию в нищете и рабстве, а либерализм всегда был преследуем властью. Авторитаризм, по сути своей, объективно исполнял роль “пятой колонны”, саботирующей и тормозящей естественный ход исторических событий».

Яковлев критикует Горбачева и Ельцина, реформаторов конца 80-х — начала 90-х, за их непоследовательность, «небрежение к образованию и науке, социальной сфере... И тут появилось знакомое до судорог простое решение: экономика либеральная, политика авторитарная».

Александр Николаевич изначально полагал, что это — ошибочная концепция. «Без свободы слова, без оппозиции, без массовой инициативы в экономике, без гражданского общества мы еще больше усилим примат государства над человеком, то есть вернемся к тупикивому варианту развития... Авторитаризм может быть только временно успешен, но губителен стратегически... Беда в том, что если авторитаризм порождается напряженностью условий существования, то, появившись на свет, сам оказывается заинтересованным в консервации этих условий, дабы сохранить свое господство. Постепенно в обществе складывается и авторитарная форма сознания, склонность к простым решениям, стремление переложить ответственность на других, особенно на власть, тяга к легкодоступной вере, а не к знаниям, потребность подчинения... Мы во многом остаемся рабами утопий...»

Проанализировав опыт всех российских революций, Яковлев приходит к грустному выводу, «что Россия впадает в растерянность не перед угрозой войны, не перед террором, не перед голодом, а перед свободой. Даже не считает ее высшим достоянием и национальной идеей».

Десять лет назад Яковлева с 80-летием поздравлял Владимир Путин: «...Становление сегодняшней России — демократической, свободной и открытой было бы немислимо без плеяды ярких личностей, незаурядных людей, любящих свою Родину. И Вы являетесь одним из тех, кто стоял у истоков коренного преобразования нашего общества и государства».

За эти годы много что произошло, страна стала другой, и атмосфера стала другой. «Думается мне, что не так далеко время, — писал А.Н.Яковлев, — когда повыскакивают из кустов и подворотен “автоматчики” из отрядов политических проституток и начнут палить по тем, кто якобы предвзято изображает историю сталинского фашистского прошлого, то есть критикует его. Эти люди, в том числе во властных кругах, продолжают гре-

здить о другом прошлом, таком, которое было бы сплошь героическим, чтобы из него день и ночь летели петарды патриотизма, восславляющие государство, то есть власть, а вовсе не Родину» («Сумерки», с. 660).

Прочтите, эту книгу. Трудное чтение, мучительное. И обжигающе интересное.

Новые книги фонда Александра Яковлева Международный фонд «Демократия». Серия «Россия XX век. Документы» (уже вышло 78 томов).

Александр Яковлев. Перестройка. Незданное. Малоизвестное. Забытое. 1985–1991 гг. М, 2008. 872с.

Александр Яковлев. Избранные интервью 1995–2005 годов. М., 2009. 480 с.

В декабре 2013 г. вышел в свет заключительный, третий том документальной серии «Голод в СССР. 1929–1934»

В нем представлены документы центральных и региональных архивов РФ, Республики Беларусь и Республики Казахстан, ряда зарубежных архивов, материалы прессы СССР и стран Западной Европы, характеризующие период преодоления последствий кульминации голода. Большая часть документов публикуется впервые.

«Россия. XX век». «Процесс Бухарина. 1938 г.». Сборник документов

В сборник документов о третьем Московском процессе вошли архивные материалы из фондов РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ, посвященные процессу т.н. «антисоветского правотроцкистского антисоветского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда СССР в Москве в открытом судебном заседании 2–13 марта 1938 г. Основу сборника составляет полный текст стенограммы процесса с внесенной в него сталинской правкой.

«Россия. XX век». Белые игры под грифом “секретно”: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988

Составители: И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Дата выпуска: 2013. Издательство: МФД ISBN: 978-5-89511-035-5

Во второй половине XX века мировой спорт стал одним из важнейших факторов ожесточенного противостояния двух социально-политических систем. В условиях «холодной войны» победы в спортивных состязаниях рассматривались не просто как успех отдельной страны, но в первую очередь, как подтверждение превосходства социалистической системы над капиталистической. По этой причине спорту в Советском Союзе и странах социалистического содружества придавалось огромное значение. Партийные функционеры держали под строжайшим контролем все, что относилось к мировым спортивным событиям, в частности, к зимним Олимпийским играм.

Публикуемые в сборнике рассекреченные документы из фондов ФКУ «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) позволяют проанализировать роль Олимпиад в системе международных отношений, основные механизмы выработки решений, связанных с участием СССР в зимних Играх, а также степень влияния на процесс их принятия различных факторов, многие из которых актуальны и в условиях современного многополярного мира.

Японские военнопленные в СССР: 1945–1956

Составители: В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. Дата выпуска: 2013. Издательство: МФД ISBN: ISBN 978-5-89511-031-7

Настоящий сборник посвящен судьбам японских военнопленных Второй мировой войны в СССР. Документы и материалы, вошедшие в данный труд, освещают режим содержания военнопленных японцев (в том числе и осужденных) в советских лагерях, их правовое положение, бытовые условия, трудовое использование, вопросы политической и культурно-массовой работы с военнопленными, их репатриации. Представлены также заявления, письма и высказывания военнопленных. Кроме того, в сборник включены материалы, отражающие военно-политические аспекты нахождения японских военнопленных в советских лагерях.

СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.

Представленные в сборнике документы раскрывают роль СССР в подготовке и проведении самого крупного в истории человечества суда — Нюрнбергского процесса. В материалах тома прослеживается постоянное внимание Кремля к процессу, его жесткий контроль за деятельностью советских прокуроров и судей, публикуются вопросы, связанные с ходатайствами защитников, с разработкой и вынесением приговоров нацистским преступникам, с приведением их в исполнение. Также опубликованы решения Политбюро ЦК ВКП(б), протоколы специальных советских правительственных комиссий по Нюрнбергскому процессу, действовавших в Москве и Нюрнберге. Документы раскрывают отношения и разногласия государственных между обвинителями СССР, США, Великобритании и Франции, освещают ход закрытых заседаний Международного военного трибунала (в частности, тех, на которых рассматривались Катынский вопрос, советско-германские договоры 1939 г. и др.).

Все книги можно купить в интернет-магазине фонда «Демократия» <http://shop.alexanderyakovlev.org/>
Сайт фонда Демократия/Александра Яковлева, Уникальная база документов: <http://www.alexanderyakovlev.org/>

хроника

Фонд Гайдара, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им.М.И. Рудомино, Институт Гайдара, Академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ (РАНИГС), Редакция журнала «Вестник Европы»

**2013 г.
Октябрь**

20 октября. Прошли третьи Гайдаровские чтения, посвященные развитию гражданского общества на Северном Кавказе

Инициатор проекта Ирина Стародубровская, Институт Гайдара:

Тема гражданского общества в регионе была последней, которую инициировал сам Егор Тимурович, отмечая её актуальность и важность... По нашему впечатлению то, чего не хватает культуре общения в рамках гражданского общества на Северном Кавказе, — это умения вести диалог и достигать компромиссов... Важный момент нынешних Чтений состоит в том, что они готовились в активном взаимодействии с Комитетом гражданских инициатив.

* * *

24 октября в Любляне прошла презентация книги Егора Гайдара «Гибель империи», вышедшей в издательстве *Didakta* на словенском языке.

Словенское издание открывает новую серию публикаций Егора Гайдара на иностранных языках; цель этой программы — познакомить европейского читателя с основными работами выдающегося экономиста и государственного деятеля. Презентация «Гибели империи» для СМИ и академического сообщества прошла в Словенской академии наук и искусств: сначала книгу представил Председатель правления Фонда Егора Гайдара Борис Минц, а после выступлений Петра Гайдара и директора издательства *Didakta* Руди Замана Андрей Нечаев прочел лекцию «20 лет экономического развития России: от рыночных реформ к госкапитализму». Вечером этого же дня в Российском центре науки и культуры представители Фонда презентовали специальный номер журнала «Вестник Европы», полностью посвященный словенской литературе и культуре. Презентацию открыл главный редактор «Вестника Европы» и член правления Фонда Виктор Ярошенко. На встрече также выступили посол РФ в Словении Доку Завгаев, бывший президент Словении Данило Тюрк, профессор философского факультета Люблянского университета Андрей Розман.

Ноябрь

1 ноября в Овальном зале ГБИЛ с успехом прошел поэтический вечер и презентация новой книги стихов «Ночь поменяла цвет» поэта Владимира Салимона, великолепно изданной «Центром книги Рудомино». Владимир Салимон, мудрец и тонкий лирик, много лет сотрудничает с журналом «Вестник Европы». Читайте его стихи

Презентация в Словении книги Егора Гайдара «Гибель империи»

в следующем томе журнала. Вечер вел поэт Алексей Алехин.

15 ноября в атриуме Библиотеки иностранной литературы открылся скульптурный портрет Егора Гайдара работы Георгия Франгуляна.

На церемонии открытия выступили Екатерина Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы; Борис Минц, председатель правления Фонда Егора Гайдара; Мария Гайдар, дочь Егора Гайдара; Эрнст-Йорг фон Штудниц, председатель правления Германско-российского форума, Посол Германии в России в 1995–2002 гг.; Георгий Франгулян, автор, народный художник России.

15 ноября в театре МТЮЗ прошла торжественная церемония награждения Премии имени Егора Гайдара-2013. Премия Гайдара была учреждена в 2010 году, вручается в третий раз. Лауреатами Гайдаровской премии 2013 года стали:

В номинации «*За действия, способствующие формированию гражданского общества*»

Елена Немировская — общественный деятель, основатель «Московской школы политических исследований»;

В номинации «*За выдающийся вклад в области экономики*»

Сергей Игнатьев — государственный деятель, Глава ЦБ РФ с 2002 по 2013 г.;

В номинации «*За выдающийся вклад в области истории*»

Елена Немировская

Сергей Игнатьев

Александр Пыжиков

Лешек Бальцеревич

Александр Пыжиков — главный научный сотрудник РАНХиГС, доктор исторических наук;

В номинации «*За выдающийся вклад в развитие международных гуманитарных связей с Россией*»

Лешек Бальцеревич — государственный деятель, основоположник польских экономических реформ.

На торжественной церемонии вручения Гайдаровских премий выступили Анатолий Чубайс, Сергей Дубинин, Алексей Кудрин, Дмитрий Зимин, Борис Минц, Евгений Ясин, Людмила Алексеева, Леонид Гозман, пианист Сергей Жилин и народный артист России Константин Райкин. Церемонии провел Николай Сванидзе.

* * *

Телеканал НТВ показал фильм «Гибель Империи» Алексея Пивоварова (на основе книги Егора Гайдара). Сложную и противоречивую историю крушения советской экономики комментировали Анатолий Чубайс, Пётр Авен и Андрей Нечаев. Фильм создан при поддержке Фонда Егора Гайдара.

20 ноября в Гайдар-клубе прошла ДИСКУССИЯ: КТО И КАК ПОТЕРЯЛ НАШИ ПЕНСИИ? (Материалы дискуссии — в этом номере журнала.)

26 ноября в атриуме Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино торжественно установлен

скульптурный портрет Эразма Роттердамского. Медный бюст гуманиста изготовлен российским скульптором и художником из Санкт-Петербурга Михаилом Яковлевым. Памятник преподносят в дар *Nuffic Neso* и Ассоциации выпускников голландских вузов NANR при спонсорской поддержке голландских ING Bank, торговой компании *Koopman International*, рекрутинговой компании G-Nius и *Bauke van der Meer Tax & Legal Services*.

27 ноября. Гайдар-клуб. Дискуссия о разночтениях в трактовке законов и о конкуренции между Высшим Арбитражным Судом и Верховным Судом РФ. Выступили Александр Верещагин, Александр Муранов, Анатолий Семенов и Вадим Новиков.

29 ноября. В Берлине с успехом прошла международная конференция «**Либеральная экономическая и финансовая политика в Германии и России. Опыт и перспективы**», организованная Фондами Гайдара и Науманна. Форум был организован Фондом Егора Гайдара и Фондом Фридриха Науманна в партнерстве с германо-российским форумом и с Восточным комитетом германской экономики.

Задача Форума — экспертное обсуждение опыта либеральных реформ в России и Германии и анализ проблем, стоящих перед двумя странами в период экономического и финансового кризиса. В работе форума с российской стороны участвова-

ли Борис Минц, Петр Гайдар, Алексей Кудрин, Евгений Ясин, Андрей Нечаев, Екатерина Гениева, Ирина Буйлова, Виктор Ярошенко; с немецкой стороны: Эрнст-Йорг фон Штудниц, Экхард Кордес, Райнер Линдер, Андреас Пинкварт, Йоханнес Фогель, Отто Фрике и Петер Тильс. (Выступление Алексея Кудрина читайте в этом номере журнала.)

Декабрь

13 декабря в Институте Гайдара, в рамках Гайдаровских чтений, был первый день международной конференции, посвященной политической демографии и макросоциологической динамике.

Дарья Халтурина и Евгений Юрьев из Института научно-общественной экспертизы представили доклад «*Через 10 лет будет поздно?*» о вызовах и сценариях развития демографической политики Российской Федерации...

Экспертами Рабочей группы Открытого правительства по семье и детям были проведены расчеты основных сценариев демографического развития России, включая инерционный и оптимистический сценарии, а также сценарий в соответствии с Концепцией демографической политики. Расчеты показывают, что при инерционном сценарии, если не будут приняты новые меры поддержки рождаемости и предотвращения смертности, численность населения России в ближайшие десятилетия будет

стремительно падать — со 143 млн человек в 2010 г. до 140 млн человек к 2020 г. и до 113 млн — к 2050 году.

России в условиях надвигающейся «демографической ямы» нужна «концентрированная» демографиче-

ства. М. Тейтельбаум привел в пример появление новых слов в лексиконе европейцев — «еврабия», «кисламофобия» и отметил, что укоренение слов, несущих столь высокий эмоциональный заряд, демонстрирует негативное отношение европейцев к мигрантам, ожидающих от европейских властей соответствующего ответа. Демографические вызовы способны влиять на перераспределение экономических ресурсов и власти, если мы говорим о международном уровне, то «провалы» в демографической политике в отдельно взятом государстве способны изменить мировой порядок в целом.

Ханс Вебер из университета Штутгарта в выступлении «*Политическая демография и демократия*» представил результаты анализа причинно-следственных связей между возрастной структурой общества, политической нестабильностью и демократией. Он пришел к выводу, что высокая рождаемость впоследствии приводит к экстремальному росту доли молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в обществе. Этот фактор существенно влияет на характер реакции общества на диспропорции в политике и экономике. В частности, социальные протесты проходят более агрессивно и эмоционально, что вызывает жесткую реакцию властей. Поэтому **уровень политической свободы в странах с высокой рождаемостью гораздо ниже, чем в странах, которые сталкиваются с противоположной проблемой — низкой фертильностью.** Именно этим объясняется довольно мирный характер социальных протестов в развитых европейских странах, которые также отличаются политической стабильностью.

Специальная пленарная сессия была посвящена рассмотрению политической демографии и социальной динамики в Азии и Африке. Данный акцент не случаен, так как применительно к исследованию именно этого региона мировой политической демографии удалось добиться особенно серьезных успехов.

Цай Юн (университет Северной Каролины в Чапел-Хилл, США) представил доклад «*Долгосрочные демографические, экономические и политические последствия китайской политики: “одна семья — один ребенок”*». Было показано, что особую угрозу социально-политическому положению страны несет созданный этой политикой дисбаланс полов. В кратко- и среднесрочной перспективе ситуация при любом из сценариев развития выглядит угрожающе. **Стремительный рост численности молодых людей, не имеющих никаких шансов получить себе постоянного брачного партнера, в КНР будет неизбежно расти вплоть до середины 2020-х годов.**

Затем этот рост несколько замедлится в связи — с меньшей численностью того поколения китайцев, которое будет входить во взрослую жизнь в конце 2020-х. При этом даже немедленный отказ от политики «одна семья — один ребенок» начнет давать здесь свои плоды только с середины 2030-х.

Андрей Коротаев (РАНХиГС, Россия) в своем докладе «*Египетская революция: структурно-демографический анализ*» показал, что администрация Мубарака «не заметила» социального взрыва. Статистика утверждала: страна развивается очень успешно, экономика растет хорошими темпами даже в кризисные годы. Уровни бедности и неравенства — одни из самых благополучных в странах третьего мира.

Мировые цены на продовольствие росли, но правительство принимало серьезные меры для смягчения последствий этого для беднейших слоев населения. Уровень безработицы меньше, чем во многих довольно благополучных странах мира, а в последнее время даже несколько сократился. Однако крупномасштабный социальный взрыв все же произошел.

Джек А. Голдстоун (университет Джорджа Мейсона/РАНХиГС, США/Россия), Андрей Коротаев и Юлия

Зинькина (РАНХиГС, Россия) представили доклад «*Рост численности населения в Африке: тревожные исключения из демографического перехода, возможные последствия и пути их предотвращения*».

Отмечалось, что в международных рекомендациях по развитию Африки вопросам снижения темпов роста населения и необходимым для этого мерам уделяется недостаточно внимания. Задержка со снижением рождаемости во многих странах Тропической Африки ведет к взрывообразному росту численности населения в ближайшие десятилетия. **Согласно среднему прогнозу ООН, на-**

Берлин, 2014 г.

селение Малави, Кении, Уганды, Замбии, Мозамбика во второй половине нашего века превысит население России.

Население же Нигерии составит 750 млн, намного превысив население всей Европы, включая нашу страну. Такой взрывообразный рост населения создает колоссальную нагрузку на экономику, городскую и сельскую инфраструктуру и способен обернуться крупномасштабными гуманитарными катастрофами.

Ситуация усугубляется тем, что во многих странах Восточной Африки душевое потребление продовольствия едва достигает нормы ВОЗ. Увеличить же его в Африке не получается, во многом потому, что **чрезвычайно быстрый рост населения в буквальном смысле «съедает» рост производительности труда — особенно в**

аграрном секторе, где до сих пор занята очень большая часть африканского населения.

Подобная ситуация в прошлом, в том числе и в недавней истории Африки, нередко приводила к крупным социально-политическим потрясениям, вплоть до гражданских войн. **Представляется целесообразно сосредоточить усилия в этом направлении на главных группах мер, таких как обеспечение всеобщего обязательного женского среднего образования.** Проведенный анализ показал, что достижения цели развития тысячелетия (100% охва-

ра, эффект от которой даже при ее немедленном введении начнет сказываться лишь через 8–10 лет (по мере вступления девочек, получивших всеобщее среднее образование, в активный репродуктивный возраст), необходимо параллельно принимать и другие меры по снижению рождаемости (прежде всего в области планирования семьи), которые могут дать более быстрый эффект.

Четвертая пленарная сессия была посвящена **рассмотрению роли религии, национальности и региональной динамики в России и мире.** <http://www.iep.ru/ru/konferencii-seminary-kruglye-stoly/gaidarovskie-chteniya-politicheskaya-demografiya-i-makrosociologicheskaya-din>

17 декабря в Белом и Бежевом залах Библиотеки иностранной литературы состоялось торжественное открытие выставки «Альбер Камю. Встречи на мосту». Выставка приурочена к столетнему юбилею со дня рождения Альбера Камю, одного из крупнейших писателей Франции XX века.

Библиотека иностранной литературы продолжает серию выставок «Декорации классиков» — фотографии Людмилы Волковой. Людмила Волкова — журналист, фотограф, художник. В рамках проекта «Декорации классиков» выходили выставки и фотоальбомы, посвященные творчеству Достоевского, Гоголя, Гончарова, Бродского. Выставки, проводимые совместно с Библиотекой иностранной литературы, демонстрировались во многих городах России и Европы. Фотографии серии «Альбер Камю. Встречи на мосту» сделаны по мотивам романа Камю «Падение».

17 декабря. Лекция генерального директора Библиотеки иностранной литературы ЕКАТЕРИНЫ ЮРЬЕВНЫ ГЕНИЕВОЙ «Кто вы, господин Шекспир?»

Философ, мудрец, до тонкостей изучивший человеческую природу, обладавший энциклопедически-

ская политика, приоритетными целями которой в ближайшие два десятилетия должны стать повышение рождаемости до уровня воспроизводства населения (около 2,1 ребенка на женщину) и снижение смертности, в особенности ликвидация сверхвысокой предотвратимой смертности мужчин в трудоспособных возрастах.

Необходимы эффективные меры поддержки семей с детьми (увеличение выплат, пособий, доступность услуг по уходу за детьми, обеспечение жильем, возможность для матерей работать по гибкому графику), снижения смертности (модернизация системы медицинской помощи, антиалкогольная и антитабачная политика и др.), оптимизации миграционного прироста.

Майкл Тейтельбаум из Гарвардского университета и Фонда Альфреда Слоуна выступил с докладом «*Демография, когда политика имеет значение, и политика, когда демография имеет значение*». Он рассказал о политических значимых демографических вызовах, с которыми сталкиваются современные государ-

Церемония ведет Николай Сванидзе

ми знаниями в области истории, географии, медицины, геральдики, мифологии, символизма, владеющий французским, итальянским, латинским и греческим языками. Тот ли это человек, носящий имя Уильяма Шекспира, уроженец английского городка Стратфорда-на-Эйвоне? Над этой загадкой ломают головы многие литературоведы, анализируя его творческое наследие и выдвигая различные, иногда невероятные версии.

2014 г. Январь

15–18 января в Москве прошел пятый Гайдаровский Форум — «Россия и мир — устойчивое развитие».

Организаторы Форума: РАНХиГС, Институт Гайдара, Фонд Гайдара. Форум является уникальной интеллектуальной площадкой, объединяющей теоретиков и практиков, ведущих мировых ученых и политиков, представителей высших финансовых кругов и глобальной бизнес-элиты. Читайте материалы Форума в этом номере журнала.

Январь 2014 «Серсо, Серсо!»

Год назад Анатолий Васильев дважды показывал на мониторе нам (нескольким незнакомым между собой людям) еще не вполне тогда оконченный фильм «Серсо» с не до

конца сведенным звуком и т.д. Теперь фильм дошел до зрителя.

Я был потрясен, и от этого потрясения внутри еще ходят волны. Он делал фильм «Серсо» годами, собирая, переформатируя (это целая сложнейшая тема!), сводя по кадру, делая по полминуте, по минуте в смену. Он сделал нечто совершенно невозможное, создал из обрывков видеодокументации легендарного спектакля совершенно новое произведение. И конечно, это не фильм-спектакль и не фильм о спектакле 1984/85 года. Это какой-то мброк, навяжение: как если бы было возможно само восстановленное, возвращенное время, и люди, актеры и их герои, всё такие же молодые, звонкоголосые, красивые, живые.

«Мне сорок лет, и я молодо выгляжу!»

Музыка, монтаж, титры, им самим написанные, планы, переходы черно-белого вдруг в цвет, шедевр молодости! Кто мог представить, что лихая, легкая пьеса бедного Виктора Славкина станет образом целого поколения, заживавшего последние годы перед распадом целого мира?

Ан. Васильев, подходя уже к почтенным годам, потратил столько сил и времени на алхимию возвращения навсегда потерянного, неуловимого, летучего, счастливого, томительно-грустного, но такого неизбывного состояния героев и актеров этого идеального спектакля.

Никто и никогда ни до, ни после не работал столько над театральным спектаклем (сценография трагически ушедшего Игоря Попова), годами вычерчивая, накатывая кружения в танце, арабески мизансцен, модуляции голосов, переливы тончайших обертонов, внутренних состояний (таких разных в разных актах — первом, втором и третьем), конечно же, не прописанных в пьесе, но возникших в зачарованном пространстве этой заброшенной и случайной дачи. Как это можно восстановить через тридцать лет (мы же видели фильмы по легендарным спектаклям, — нет в них этого аромата и крепости, плоски они и

мертвы, именно что фиксации огня — никак не горение. У горения — другая физика процесса, оно здесь и сейчас)?

Здесь, в кинофильме по спектаклю «Серсо», Васильев сделал то, что до него, возможно, не делал никто (во всяком случае, не делал с таким превосходным результатом), то, что стало возможно только с новыми компьютерными технологиями: старые кино- и видеоматериалы, фрагменты кинофиксаций он разъял даже не по кадрам — по битам — и использовал для нового синтеза. Нынешнее «Серсо» с актерами, оставшимися в своей прекрасной молодой силе, — совсем, я думаю, иное, чем то, что видели счастливицы на малой сцене «Таганки» в те несколько прогонов в середине восьмидесятых.

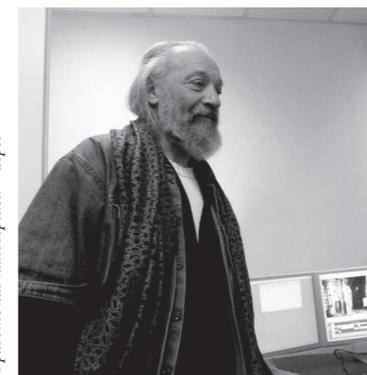
Я не видел тогда «Серсо»; мне пришлось увидеть только «Взрослую дочь молодого человека» с Альбертом Филозовым. Но нынешний фильм — не слепок знаменитого, может быть, ИДЕАЛЬНОГО спектакля, который уже невозможно ни повторить, ни превзойти, столько сошлось в нем упрямота, талантов, воли, терпения, и всё вопреки уж никак не благоприятным обстоятельствам. Но о чем это «Серсо» теперь?

Неожиданно этот спектакль зазвучал пронзительно, по-чеховски, хотя речь-то в пьесе Виктора Славкина изначально шла о шутейной, затянувшейся гульбе молодящейся компании в никому не нужном доме.

Без малого через тридцать лет акценты выделились иначе; стала вдруг видна головокружительная перспектива пройденного всеми нами жизненного пути; мир рухнул, а жизнь продолжилась. Открылась огромная пропасть расхождения сегодняшнего человека с тогдашними восьмидесятниками. Им так и осталось по сорок лет! Те молодящиеся герои ловили кайф, балдели, сходились и расходились, мечтательно слушали байки о далекой и такой недостижимой «загранице», казались почти легкими, невесомыми в своей отдельности, как кольца серсо...

Но нам, теперешним, вслед за Васильевым, в этом видится уже совсем иное. Неправимый слом неприкаянного, унылого, но знакомого уклада, неизбежность предстоящей тотальной утраты всего: и отношений, пусть и без чрезмерной близости; и самих себя, и этого вечного Дома, в котором повсюду живут архаичные ценности еще более далекого и еще более безвозвратного времени, без которых, оказывается, трудно быть людьми. Утрата, распад, разлад, потеря всего и вся, самих себя — и Дома, особенно Дома, которого никак не сохранить рулоном полиэтилена...

Какой точности и красоты пространства выстроены незабвенным Игорем Поповым мизансцены, какие крупные планы в этом сделанном из любительской киносъемки фильме! Фон Триер отдыхает.

© Фото: В. Ярошенко. А. Васильев в работе над киноверсией «Серсо»

И привязчивая песенка Бориса Гребенщикова «Серсо-Серсо», (стихи поэта «серебряного века» Николая Агнивцева) вроде бы легкомысленная, но страшенькая, застревает в голове лейтмотивом неизбежного, и реплики восьмидесятых точно ложатся в нашу сетку восприятия.

*В саду у дяди кардинала,
Пленяя грацией манер,
Маркиза юная играла
В серсо с виконтом Сент-Альмер.
Когда ж, на солнце негодуя,
Темнеть стал звездный горизонт,
С маркизой там в игру дружую
Сыграл блистательный виконт.
И были сладки их объятья,
Пока маркизу не застал*

*За этим трепетным занятьем
Почтенный дядя кардинал.*

*В ее глазах сверкнули блёстки,
И, поглядевши на серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и всё!»*

Серсо, серсо...

*Прошли года! И вот без счета
Под град свинца — за рядом ряд,
Ликуя, вышли санкюлоты
На исторический парад.*

*«Гвардейцы, что ж вы не идёте?»
И в этот день, слегка бледна,
В последний раз — на эшафоте —
С виконтом встретилась она.*

*И перед пастью гильотины,
Достав мешок для головы,
Палач с галантностью старинной
Спросил её: «Готовы ль вы?»*

*В ее глазах потухли блёстки,
И, как тогда в игре в серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и все!»*

*Серсо, серсо...
Прошли года!*

Можно, конечно, как-то объяснить это попадание в сегодняшний нерв; сказать, что вот прошел цикл, мода или что там ее диктует, — консциляция звезд такова, что снова актуальны не только узкие галстуки, твист, точные цитаты из культуры ушедшей истории; но знакомо и чувство свободы и красоты, загнанной на кухню или дальнюю дачу, откуда нет никаких сил возвращаться в пошлость реальности. Целой среды этих ми-

Февраль

Премия имени о. Александра Меня за особый вклад в духовное и культурное взаимопонимание народов России и Германии с девизом «За экумену культуры» была учреждена в 1995 г. Академией Епархии Роттенбург-Штутгарт, Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы имени М.И. Рудомино, Европейской Академией «Гражданское общество», журналом «Иностранная литература» и Институтом восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского

Фонд Гайдара празднует Новый год

университета (Германия). Лауреаты премии: Лев Копелев, президент СССР Михаил Горбачев Чингиз Айтматову, Анатолий Приставкин, Даниил Гранин Людмила Улицкая, Соломон Апт, Софья Губайдулина, Катинка Диттрих ван Веринг, Вольфганг Казак, Герхард Руге, Отто Граф Ламбсдорфф, Александр Штайнингер, Эрнст-Йорг фон Штудниц, Кристина Вайсс, Фальк Бомсдорф, Вольфганг Айхведе.

Лауреатом премии за 2013 год стал Гёте-Институт в Москве за создание единого гуманитарного пространства в Европе между Россией и Германией и продвижение общих гуманитарных ценностей: открытости, демократии, сострадания, уважения к человеку.

В.Я.

© Фото: В.Ярошенко

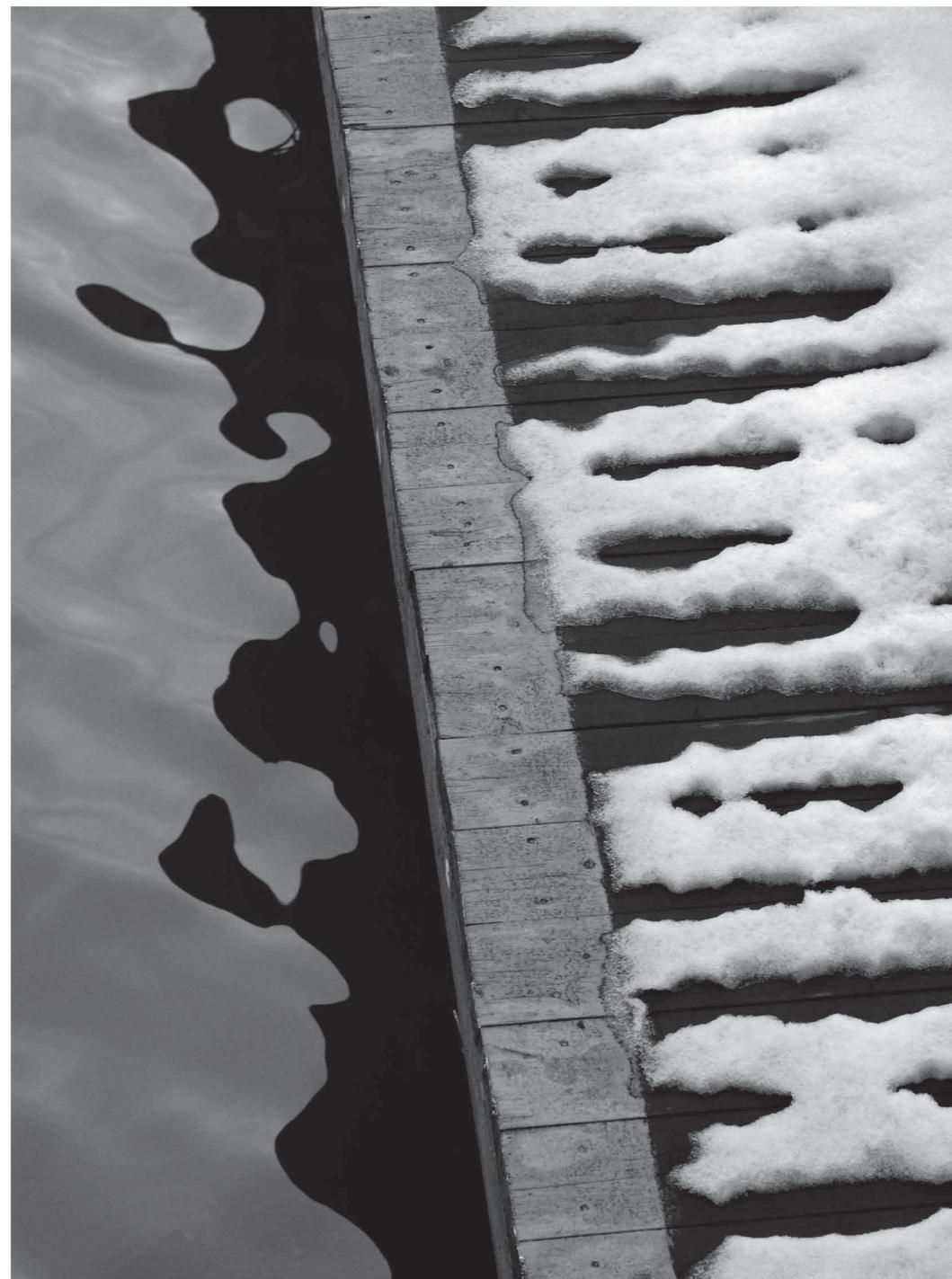
ДМИТРИЙ ЗВЕРЕВ

Фотограф. Член Союза фотохудожников России. Родился в 1972 году. Живу в Москве. Окончил Колледж геодезии и картографии по специальности «Фотодело». Призер конкурса «Серебряная камера» — 2006, 2007, 2008. Лауреат конкурса «Bestphotographer»-2010. В качестве коммерческой съемки предпочитает архитектурную, интерьерную, предметную и жанровую фотографию. Работает системой на базе Nikon FX. Работы Дм.Зверева и статьи о его творчестве можно найти во многих журналах, включая фотографические: «National Geographic», «Фото&Видео», «Фотодело», «Фотомагазин»...

Последние выставки:

- 2009 Париж. Галерея PhotoRusse. «Метробразы» (персональная)
- 2010 Москва. Манеж. «Серебряная камера»
- 2010 Москва. Чистопрудный бульвар (под открытым небом). «Интернет: источник открытий» под эгидой Google
- 2010 Москва. ВДНХ. «Московское метро» (в рамках выставки «Транспорт России») (персональная)
- 2010 Братислава. «Метромания»
- 2010 Москва. Кремль «Стройка в Марфино» (персональная)
- 2010 Москва. Музей современного искусства. «Париж»
- 2012 Москва. Театр Петра Фоменко. «Can You See It» (персональная)
- 2012 Москва. ArtPlay. «Метро в кино»
- 2012 Москва. Винзавод. «Best Of Russia»
- 2012 Дели (Индия). «Прогулка по Москве»
- 2012–2013 Санкт-Петербург. Музей истории фотографии. «Здесь и сейчас. Планета Москва» (персональная)

Дм. Зверев умеет и любит снимать современную архитектуру, мир стекла. Но и фотографический объект — это набор шлифованных стеклянных линз. Свет и стекло — вот материалы фотографа. Он снимает воду, ее мерцающее перетекание, еще одну прозрачную, изменчивую субстанцию, скрывающую изменчивый мир. И небо, этот твердый кристалльный купол, на котором соседствуют облака и здания. Его образы архитектуры гораздо основательнее, нежели сама архитектура. И глаза людей, блестящие и так много выражающие. Его фотографии какие-то не типичные для русской фотографической ментальности: в них — нерусская строгость, твердость и определенность.

© Фото: Д. Зверев

